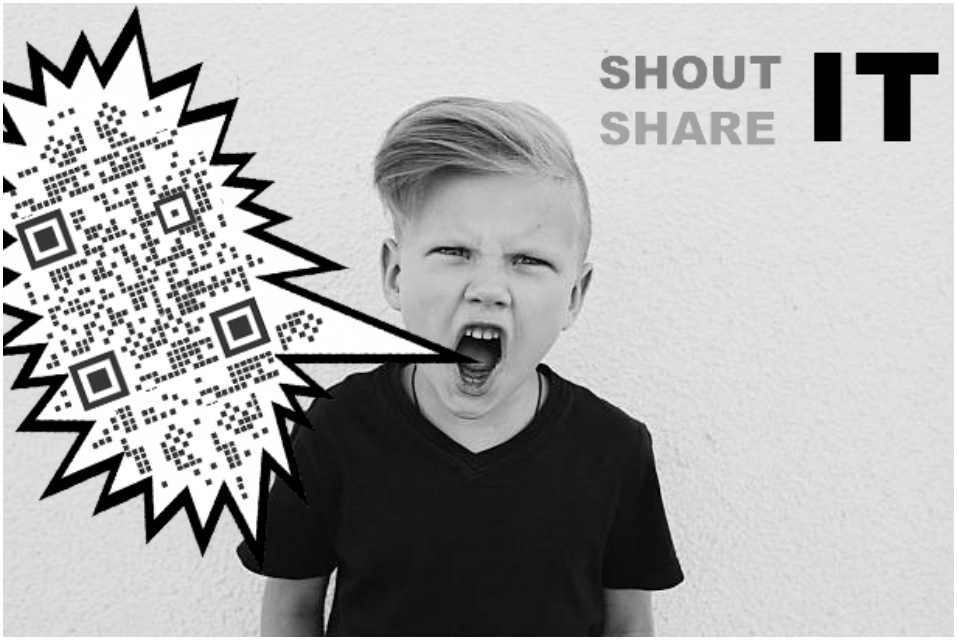
РУЗВЕЛЬТ

Георгий Чернявский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

РУЗВЕЛЬТ
Г. Чернявский
ЖЗЛ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Франклин Делано Рузвельт (1882—1945) — единственный американский президент, избранный на этот пост четырежды. С помощью «Нового курса» он вывел Соединенные Штаты из Великой депрессии и руководил ими почти на всём протяжении Второй мировой войны. Благодаря ему страна покончила с традиционным изоляционизмом и превратилась во влиятельного члена мирового сообщества, а ее граждане получили мощную систему социальной защиты. Сентиментальная вера в добро и справедливость уживались в нем с эгоизмом, расчетливостью и готовностью идти на немалые жертвы. Он бывал благороден и мелочен, самоотвержен и мстителен. Почему Рузвельт с симпатией относился к Сталину и недолюбливал де Голля? Кто побеждал в их с Черчиллем интеллектуальных состязаниях? Как семья относилась к его любовным романам? Как умудрялся он, страдая полиомиелитом, произносить речи стоя?

На эти и другие вопросы отвечает написанная на основе огромного комплекса литературы и американских архивных материалов книга доктора исторических наук Георгия Чернявского о последнем великом президенте США.

- Георгий Чернявский
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая.
    - Семья американских патрициев
    - Детские годы
    - Гротон и Гарвард
  - Глава вторая.
    - Новые интересы и женитьба
    - Вхождение в местную политику
    - Заместитель военно-морского министра
    - В войне и после нее

        - Удар судьбы
        - Будни двадцатых годов
    - Глава третья.
        - Сомнения и борьба за пост
        - Прогрессистские ориентиры
        - Губернатор готовится к борьбе за президентство
        - Формирование предвыборного штаба, финансовой базы и программы
        - Предвыборная кампания. «Мозговой трест»
    - Глава четвертая.
        - От выборов к инаугурации
        - Вступление в должность и банковские выходные
        - Лихорадочные сто дней
        - Эволюция «Нового курса»
        - Второй срок. Схватка с Верховным судом
        - На мировых просторах. Германия и СССР
        - Неудачи нейтралитета и дела Западного континента
        - В Белом доме и вне его
    - Глава пятая.
        - Гитлеровские победы и американский президент
        - Избрание на третий срок
        - Ленд-лиз, внешние и внутренние перипетии первого этапа войны
        - Вступление в союз с СССР. Атлантическая хартия
        - Пёрл-Харбор. Верховный главнокомандующий воюющей страны
        - Рузвельт и союзники в новых условиях
        - На переломном этапе войны. Тегеран
        - Путь к военному торжеству. Выборы 1944 года
        - Накануне победы. Ялта
        - Кончина и память
    - ПОСЛЕСЛОВИЕ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТА
    - БИБЛИОГРАФИЯ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

- comments
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135

- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179

- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223

- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267

- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311

- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355

- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399

- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443

- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487

- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531

- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575

- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619

- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663

- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707

- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751

- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755

Георгий Чернявский
ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1576

(1376)

«Молодая гвардия», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный российский историк литературы Б. Сарнов не так давно размышлял: «Кто решится сказать, что точно знает, где она проходит, эта самая граница между допустимой и недопустимой свободой художественного вымысла? Не только в историческом романе или в исторической драме, в любом художественном произведении всегда есть некий “угол отклонения” от того, “как было на самом деле”. И вряд ли возможно с математической точностью, “в градусах”, определить допустимую величину этого угла»{1}.

Неизбежное отклонение от строгой фактологии всегда есть и в исторических трудах, включая биографии тех, кто оставил след в истории. Оно, однако, связано не только с уровнем профессионального мастерства (хотя и от него зависит в немалой мере), но и с характером источников, политическими и прочими симпатиями и антипатиями, влиянием традиции и т. д. Чем менее историк подвержен посторонним влияниям, чем менее он «партиен» и пристрастен, тем ближе его труд к исторической правде.

При этом серьезные трудности возникают не только из-за нехватки источников в одних случаях, но и в результате их обилия в других. В первом варианте возникает необходимость восполнять пробелы предположениями или догадками, во втором требуется отбор из огромной массы документального материала сравнительно немногих свидетельств, дающих наиболее достоверное представление об изучаемом явлении, событии, о деятельности личности.

Именно с таким вторым вариантом столкнулся автор выносимой на суд читателя книги. В личном архиве Франклина Рузвельта, хранимом в Библиотеке Рузвельта в городе Гайд-Парке, штат Нью-Йорк, в Национальном архиве Соединенных Штатов, в отделе рукописей Библиотеки Конгресса США и в десятках других архивов хранятся сотни тысяч, если не миллионы, документов, связанных в той или иной степени с деятельностью этого выдающегося человека. К тому же чуть ли не каждый из тех, кто хоть как-то сталкивался с Рузвельтом, поспешил оставить воспоминания. Да и как отделить документы и воспоминания о человеке от свидетельств его эпохи, которая оказывала на него как государственного деятеля свое мощное воздействие?! Где здесь провести грань?

О деятельности Франклина Рузвельта написаны сотни книг американскими и зарубежными авторами[1], только

незначительная часть из них представляет собой более или менее серьезный вклад в изучение жизни и деятельности 32-го американского президента, подавляющее же большинство проникнуто позитивной или негативной страстью.

Словесные бури вокруг имени Рузвельта начались уже в первые годы после его смерти в 1945 году. В качестве примера можно привести две книги. Джон Флинн назвал свою работу «Рузвельтовский миф»[2] и на протяжении всего текста объемом более четырехсот страниц стремился заставить читателей поверить (впрочем, совсем не убедительно), что образ Рузвельта был сфабрикован «несколькими опасными группами для достижения собственных злонамеренных целей»[3], то есть исключительно во имя пропаганды. В противоположность Флинну Джералд Джонсон еще раньше причислил своего героя к немногим исключительным людям, «отцам нации», спасавшим ее от гибели в роковые времена[4].

Продолжающаяся по сей день борьба вокруг имени Рузвельта невероятно препятствует объективному изучению и оценке его жизни и деятельности. Даже в работах, объемы которых подчас сильно переваливают за тысячу страниц, за обилием ссылок на документы часто просматривается совершенно неприкрытая односторонность, возникающая уже на заглавной странице. В огромном томе Конрада Блэка такая тенденция выразилась, например, в очень пышном, но несколько странном подзаголовке «Чемпион свободы»[5].

Лишь со временем стали появляться более или менее сбалансированные работы, однако они тонут в существующем огромном море литературы и обнаружить их стоит немалого труда. Назову те из них, которые кажутся мне наиболее значительными.

Среди кратких биографических очерков следует отметить книгу Роя Дженкинса, выпущенную в серии «Американские президенты» под редакцией одного из наиболее значительных специалистов по эпохе Рузвельта Артура Шлезингера-младшего[6]. Работа Дженкинса представляет собой весьма удачную «выжимку» всего наиболее существенного из опубликованных документов президента, воспоминаний о нем, многочисленных обширных биографических очерков и книг по отдельным проблемам его политики. Есть и другие содержательные краткие биографии, основанные в основном на опубликованной документации и объемистых трудах предшественников. Удачно сочетает, например, основные вехи жизненного пути Франклина Рузвельта с главными вехами мировой и американской истории английский автор Патрик

Реншоу[7].

Что же касается крупных исследовательских трудов, то среди их авторов первенство принадлежит Фрэнку Фрейделу, написавшему четырехтомный труд, и Артуру Шлезингеру — автору трехтомника[8]. Правда, критики высказывали серьезные сомнения в аутентичности многих документов, на которые ссылался Фрейдел, а Шлезингера упрекали в том, что он довел изложение только до 1936 года, вообще не коснувшись внешней политики. Значительно менее содержательна работа Кеннета Дэвиса, а точнее, его отдельные публикации о Рузвельте и его времени в разные периоды его деятельности. Они доводят изложение до 1943 года[9], то есть жизнеописание и здесь остается незавершенным, правда в небольшой степени. Впрочем, скорее это даже не биография Рузвельта, а история США на разных этапах деятельности политика.

Лучшей из такого рода общих книг мне представляется однотомная работа Теда Моргана[10], в которой на базе как опубликованных, так и неопубликованных материалов освещены все этапы и различные стороны жизни Рузвельта (в минимальной степени его личная жизнь). Но и этот автор порой допускает недоказанные утверждения и нередко сильно выходит за пределы собственно биографического очерка, увлекаясь всевозможными попутными сюжетами.

На русский язык переведена только одна биография Рузвельта, написанная Джеймсом Бернсом, которая представляется скорее обширным публицистическим эссе, в основном по периоду Второй мировой войны, нежели последовательным жизнеописанием. К тому же здесь можно встретить большие фрагменты, имеющие к Рузвельту отношение лишь постольку, поскольку какие-то события происходили в его времена. Книгу отнюдь не украшают многочисленные огрехи перевода — не в грамматическом, а в историческом смысле[11].

Так что при обилии литературы, посвященной жизни и деятельности Рузвельта в целом, качество англоязычных публикаций оставляет желать лучшего.

Многие работы освещают те или иные стороны или этапы деятельности Рузвельта. В них идет речь о его президентстве[12], политике «Нового курса»[13], борьбе за изменение статуса Верховного суда США[14], внешней политике[15], еврейском вопросе в деятельности президента[16], отдельных чертах Рузвельта как личности[17] и т. д.

Перечень произведений о Рузвельте, созданных российскими авторами, скуден.

Правда, в 1998 году при кафедре новой и новейшей истории

Московского государственного университета был образован фонд Ф. Рузвельта, целями которого являются содействие российско-американскому межкультурному сотрудничеству, совершенствованию и развитию изучения истории, культуры и общества США; организация российско-американских дискуссий по актуальным общественным и научным проблемам. При участии фонда опубликовано несколько ценных исследований по истории США и российско-американским отношениям, но биографией своего «титульного персонажа» он специально не занимался (исключением является способствование изданию рузвельтовских «Бесед у камина»{18}).

Есть несколько исследований отдельных аспектов политики Рузвельта, главным образом внешней. Представляет интерес работа В. Л. Малькова, посвященная некоторым сторонам внутреннего развития США (главным образом рабочему и фермерскому движению) и внешней политике страны в период президентства Рузвельта{19}. Но она не может претендовать на то, чтобы называться биографией, путь даже неполной, охватывающей годы пребывания Рузвельта у власти.

Лишь два автора посвятили этой выдающейся личности общие биографические очерки. Работа Н. Н. Яковлева, выпущенная тремя изданиями, представляет собой компиляцию из книг, изданных в США, сдобренную марксистско-ленинской фразеологией и ироническими или откровенно враждебными репликами в адрес Рузвельта и его страны. При этом автор не всегда ссылается на использованные издания{20}. Значительно более серьезным трудом является книга А. И. Уткина{21}. Как видно из текста, автор использовал немалый круг источников, в том числе неопубликованных, но, к сожалению, не ссылаясь на документы и литературу, оставил массу цитат анонимными и даже не опубликовал библиографию. Он не пожалел самых красочных выражений для похвал Рузвельту, противопоставления его другим американским политикам. Действительно выдающийся политический деятель, он представлен еще и чуть ли не ученым-энциклопедистом, каковым никогда не являлся. Вызывает недоумение утверждение, что Рузвельт «отвергал идею написания официальной истории своей жизни, неизменно отвечая: “Давайте подождем еще сотню лет”»{22}. Автор как будто забыл, что в США — стране демократической — просто не могло существовать «официальной» истории, тем более биографии одного из президентов, да и еще при его жизни. Встречаются в книге и многочисленные неточности в деталях, и явные противоречия — сначала без какого бы то ни было основания утверждается, что Рузвельт осуществил в США «социальную

революцию»[23], а вслед за этим признаётся, что все действия его как президента носили эволюционный, прагматический характер. Собственно биография Рузвельта излагается примерно до его вторичного избрания президентом в 1936 году, а далее в основном следует весьма квалифицированный и интересный анализ его внешней политики, однако другие стороны жизнедеятельности уходят в тень.

Представляют интерес работа того же А. И. Уткина о дипломатической деятельности Рузвельта, книга С. В. Иванова о социальной политике Рузвельта после избрания его президентом, анализ советско-американских отношений сквозь призму контактов Рузвельта и Сталина в годы Второй мировой войны, осуществленный В. О. Печатновым[24].

Русскоязычному читателю Рузвельт немного знаком по советским художественным произведениям о Второй мировой войне, в которых он предстает другом СССР и сторонником открытия второго фронта в Западной Европе. Но книга плодовитого писателя Александра Маковского «Неоконченный портрет»[25], специально посвященная президенту США, может рассматриваться только как антиамериканский памфлет, облеченный в форму романа. Рузвельт у него — чуть ли не «агент влияния» Москвы, «друг» Сталина, противостоящий политической элите своей страны, но особенно У. Черчиллю, для характеристики которого автор не жалеет черных красок и утверждает даже, что американский президент ненавидел британского премьера. Писатель пытался создать впечатление, что взаимоотношения с СССР постоянно были в центре внимания Рузвельта. Чтобы хоть как-то преодолеть противоречие между своими основными оценками этой фигуры и традиционным клише «слуга монополий», Чаковский представляет его слегка оторвавшимся от своего класса, этаким «совестливым» капиталистом.

Как видим, для российского читателя жизненный и политический путь Франклина Рузвельта продолжает оставаться малоизвестным. Он предстает скорее в виде некой схемы, абстрактной фигуры, нежели живого человека, окруженного соратниками и врагами, любившего и любимого, ненавидевшего и ненавидимого, совершавшего благородные поступки и мелочного, самоотверженного и мстительного, тонкого аналитика и грубияна. К нему в полной мере относится тривиальное «ничто человеческое не чуждо». Френсис Перкинс, знавшая Рузвельта на протяжении нескольких десятилетий и являвшаяся министром в его правительстве, с полным основанием написала: «Он был наиболее сложным из всех знакомых мне людей»[26].

Имея всё это в виду, необходимо помнить то уникальное, что было присуще Рузвельту.

Он был единственным крупным деятелем, который оказался в состоянии выйти на самые первые роли в своей стране и на международной арене, страдая неизлечимой болезнью — полиомиелитом, детским спинномозговым параличом, который поразил его уже в зрелом возрасте.

Он был единственным президентом Соединенных Штатов, который избирался на этот пост четыре раза подряд, сохраняя доверие своего народа, которому свойственны весьма изменчивые настроения, и в годы преодоления Великой депрессии, и в период Второй мировой войны.

Он был первым руководителем Соединенных Штатов, который, осознав тогдашние реалии, повел свою страну по совершенно новому курсу. Именно этот курс в конечном итоге, через много лет после его кончины, привел к тому, что Америка, сохраняя фундаментальные основы рыночного общества, имела мощную систему социальной защиты граждан.

Он был Верховным главнокомандующим вооруженными силами своей страны в условиях Второй мировой войны, когда вместе со своими союзниками, в первую очередь СССР, Великобританией, Китаем и другими странами США добились разгрома агрессивного блока и стали одним из учредителей послевоенной системы коллективной безопасности. Несмотря на холодную войну, разразившуюся вскоре после смерти Рузвельта, эта система оказалась настолько устойчивой, что смогла (правда, в условиях существования ядерной угрозы) предотвратить третью мировую войну.

Документальные материалы, опубликованные и неопубликованные, хранящиеся в архивах, которые связаны с различными этапами жизни и деятельности Рузвельта, поистине необъятны. Достаточно сказать, что в США только его основные официальные выступления изданы в тринадцати томах, материалы пресс-конференций — в двадцати пяти томах, переписка с У. Черчиллем — в трех томах, переписка с И. В. Сталиным — в двух томах и т. д.

Ценнейшие массивы документов находятся в Библиотеке Рузвельта в Гайд-Парке — на его родине.

Президентские библиотеки в США — это не только библиотеки в собственном смысле слова. Книжные, газетные, журнальные фонды в них составляют лишь часть, притом небольшую, всего интеллектуального богатства. В каждой из них находятся личный музей президента, а главное — его архив и собрание материалов, касающихся связанных с ним деятелей.

В настоящее время в США имеется 14 президентских библиотек, которые подведомственны Национальному управлению архивов и документации. Обычно они расположены в той местности, откуда президент родом.

Именно Франклин Рузвельт был основоположником этой исключительно важной системы сохранения исторических документов, когда в 1939 году подарил государству личные бумаги и предоставил свое поместье в родном Гайд-Парке для строительства соответствующих помещений на собственные деньги и собранные друзьями и почитателями средства. Торжественное открытие Библиотеки Франклина Д. Рузвельта состоялось в июне 1941 года.

Позже, в 1955-м, был принят закон о президентских библиотеках, которые создаются частными лицами, а управляются государственными органами. Согласно ему президенты должны передавать исторические материалы государству, что гарантирует их сохранность и возможность свободного доступа к ним американским и иностранным гражданам.

В архиве Библиотеки Франклина Рузвельта основными считаются личный, официальный, секретарский фонды (файлы) и так называемый файл картографической комнаты (условное наименование зала, в котором проходили заседания военного кабинета, и, соответственно, была создана основная часть документов, относящихся в периоду Второй мировой войны). Достаточно привести в пример последний фонд. Во введении к его архивной описи говорится: «Материалы картографической комнаты росли очень быстро и ко времени смерти президента Рузвельта в апреле 1945 года составляли семь больших шкафов, заполненных до предела»{27}. Объем документации только этого фонда составляет 162 тысячи листов.

Не менее ценные документы сконцентрированы в фонде секретарей президента. Рузвельт следил за тем, чтобы у его секретарей всегда находились под рукой письма, доклады, меморандумы касательно внутренней политики и международного положения, которые, как он считал, могут ему понадобиться в любой момент. Огромное число таких материалов обусловлено тем, что Рузвельт стремился держать в поле зрения самые различные области внутренней жизни США, а американских послов за рубежом настоятельно просил писать не только в государственный департамент (министерство иностранных дел), но и ему лично.

Важные документы обнаруживаются и во многих других фондах. Для изучения биографии особый интерес представляет

обширная коллекция Грейс Тулли, которая на протяжении многих лет являлась личным секретарем президента и бережно собирала и хранила документы, связанные с его государственной и общественной деятельностью, а также личной жизнью.

Общий же объем документального материала в этом уникальном учреждении составляет свыше 17 миллионов листов. Исследователю понадобилось бы 2830 рабочих дней по десять часов, чтобы, затрачивая на каждый лист всего минуту, бросить хотя бы беглый взгляд на всю документацию архива Библиотеки Рузвельта.

Немаловажными дополнениями к документам Библиотеки Рузвельта служат материалы Национального архива Соединенных Штатов, рукописных отделов Библиотеки Конгресса США, Нью-Йоркской публичной библиотеки и др.

Естественно, изучить всю эту документацию, составляющую многие миллионы листов, просто невозможно. При отборе приходится полагаться на справочные материалы, уже опубликованные документы и в немалой степени на исследовательскую интуицию, которая, к сожалению, иногда подводит, но в большинстве случаев позволяет среди тысяч документов обнаружить самое важное.

К этому морю документации необходимо добавить массу мемуарных изданий, с разных сторон освещающих деятельность нашего героя, а подчас, к сожалению, и существенно ее искажающих. Сам Рузвельт не оставил воспоминаний, хотя, по словам его жены Элеоноры, проявлял интерес к истории и считал, что опыт настоящего должен служить людям руководством на будущее: «Ему хотелось, чтобы каждый записывал свои впечатления и мысли; он надеялся, что это поможет достижению конечной цели — лучшему взаимопониманию между народами и созданию лучших средств сохранения мира»[{28}].

Воспоминания же самой Элеоноры Рузвельт, детей Франклина и других родственников, министров его кабинета и политических советников, их дневниковые записи обогащают данные документов неповторимым колоритом эпохи, живыми наблюдениями и зарисовками, но в то же время, как и любые мемуары, страдают субъективизмом, массой неточностей, а подчас невольным или сознательным извращением фактов. Ведь память человеческая всегда пристрастна, она видоизменяет прошлое в соответствии с позднейшими потребностями, представлениями, надеждами. Советник президента Джона Кеннеди Т. Соренсен писал (всё же несколько преувеличивая): «Выдумки в большинстве дневников и автобиографий вашингтонских деятелей превосходит лишь бесстыдство их

авторов»[29].

Во всем этом хитросплетении разобраться нелегко. Автор предлагаемой читателю книги надеется, что ему хотя бы в какой-то степени удалось распутать огромный исторический клубок, к которому он подступался с самых разных сторон.

Передо мной стояла на первый взгляд формальная, но по существу немаловажная задача транскрипции американских имен и названий. Первоначально я пытался передавать их как можно ближе к оригинальному произношению. При этом, однако, оказывалось, что приходится нарушать давно сложившиеся и привычные способы транскрипции. Мне вспоминается, что при одном из контактов с двумя американскими коллегами я произнес фамилию Рокфеллер так, как к ней привыкли в России. Мои собеседники меня не поняли, стали переспрашивать. Только после объяснения они сообразили, кто именно имеется в виду, дуэтом воскликнув: «А, Ракафеллер!»

В результате я решил пойти по компромиссному пути: привожу имена собственные так, как они транслитерируются в российских справочниках и словарях (например, Франклин Рузвельт, а не Фрэнклин Рузевелт, Оппенгеймер, а не Оппенхаймер, река Гудзон, а не Хадсон, хотя во всех трех случаях точнее вторые варианты). Имена же и географические названия, не попавшие в русскоязычную справочную литературу, я старался передать максимально близко к американскому произношению.

Мне приятно выразить глубокую благодарность сотрудникам архивов и библиотек, оказавшим помощь в работе над этой книгой — документацией, литературой, компетентными советами. Я признателен многим коллегам и друзьям, которые в самых различных, порой неожиданных, формах содействовали ее подготовке. Всем им мой низкий поклон.

В 1997 году в столице США Вашингтоне был открыт созданный архитектором Лоуренсом Холприном мемориал, посвященный памяти Франклина Рузвельта. Он состоит из четырех галерей, каждая из которых освещает одно из его президентских четырехлетий (последнее — незавершенное, прерванное кончиной). Галереи соединены гранитными коридорами и переплетаются с водопадами и фонтанами, являясь своего рода лабиринтом, каковым была вся жизнь Франклина Делано Рузвельта. Отправимся же в путешествие по этому лабиринту, двигаясь не по мемориалу, а по книге.

Глава первая. ДЕТСТВО И ЮНОШЕСТВО. ВОЗМУЖАНИЕ

Единственным пределом наших завтрашних свершений станут наши сегодняшние сомнения.

Ф. Рузвельт

Семья американских патрициев

Будущий президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт — человек, имя которого стало известно всему миру как одного из «большой тройки» государственных деятелей, руководивших разгромом нацистской Германии и ее союзников во Второй мировой войне, родился 30 января 1882 года в семье, глава которой Джеймс Рузвельт был потомком выходцев из Голландии.

Именно голландцами были первые европейские поселенцы на той территории, которая позже стала огромным Нью-Йорком. В 1624 году они основали на острове Манхэттен небольшую колонию, жители которой занимались ремеслами и торговлей мехами. Колония получила название Нью-Нидерландс, а центральная ее часть, где и жили Рузвельты, — Нью-Амстердам. Собственно говоря, Рузвельт — это слегка измененная фамилия основателя клана Клаеса Мартензена ван Розенвельта (фамилию можно перевести как «с поля роз»), сугубо предположительно родом из голландского Гарлема. Поселился Розенвельт в Нью-Амстердаме примерно через десять лет после появления на острове колонии и за 20 с лишним лет до того, как Нью-Амстердам в 1658 году превратился в Нью-Йорк. Розыски, предпринимавшиеся Франклином Рузвельтом и его родными, так и не дали возможности установить точный год прибытия основателя рода на Западный континент. Франклин очень осторожно писал своим корреспондентам, что это было во всяком случае до 1648 года. Видимо, более точно можно было бы что-то утверждать, если бы в 1866 году в доме его отца не произошел пожар, во время которого сгорели все фамильные бумаги{30}.

В семействе Рузвельт твердо придерживались мнения, что их предки происходили именно из достопочтенного Харлема, художественного и научного центра на западе Нидерландов (современная провинция Северная Голландия). Когда же появилась версия, что их корни уходят в другую часть этой небольшой страны, в провинциальный поселок Воссемеер, который ничем и никем не прославился за всю свою историю, она была отвергнута как досадная выдумка. Даже в 1938 году в ответ на просьбу журналиста разъяснить, откуда в самом деле приплыли Рузвельты в Америку, президент, едва сдерживая бушевавшее негодование, произнес, что он уверен в гарлемской версии и что всякие иные слухи — это только пропаганда с целью привлечения туристов…{31}

Росла колония медленно, торговля особых доходов не

приносила. Постепенно потомки первых поселенцев перебирались в лежавшие неподалеку плодородные сельские местности по реке Гудзон, покупали там земельные участки и в основном переключались на земледелие, хотя не оставляли торговли и ремесла. Трудолюбивые и бережливые, подчас даже скупые, некоторые из бывших голландцев из поколения в поколение накапливали состояния и даже становились миллионерами.

Именно к числу таковых относилась семья Рузвельт, которая пользовалась почтением соседей по Гайд-Парку, находившемуся примерно в 150 километрах к северу от Нью-Йорка на берегу Гудзона. Этот зеленый и тихий городок неподалеку от невысокого горного хребта Кэтскиллс, синеватые вершины которого были хорошо видны местным жителям, вырос по соседству с полями и фермами, принадлежавшими Рузвельтам и их соседям, большинство которых к концу XIX века было значительно беднее их. Но Джеймс Рузвельт вел себя с соседями дружески, носа не задирал. В Гайд-Парке его часто величали *Old Money* — «Старые деньги», имея в виду, что Рузвельты не были выскочками, а накапливали свое богатство постепенно и при этом вели себя сравнительно скромно, во всяком случае не выпячивали свою родословную и благосостояние. Видимо, поэтому его называли аристократом, патрицием, хотя в полном смысле слова ничего аристократического в его происхождении не было.

Собственно говоря, к тому времени, когда родился Франклин, Рузвельты — Джеймс и его родственники — были уже не только землевладельцами. Капиталы вкладывались в медные рудники, угольные шахты, железнодорожные компании и даже торговые корабли. Джеймс был одновременно богатым фермером, коммерсантом и светским человеком. Он не был блестяще образованным, но обладал практической сметкой, хорошей памятью, мог блеснуть в обществе цитатой, любил театр, особенно оперу Близость Нью-Йорка позволяла быть в курсе театральных и светских новинок.

Богатство Джеймса Рузвельта было немалым: от родителей он унаследовал акции нескольких угольных и транспортных компаний, в которых к тому же был либо членом наблюдательных советов, либо даже вице-президентом. Он, однако, не стремился активным предпринимательством приумножить свои доходы, предпочитал спокойную жизнь полурантье-полупомещика (разумеется, не в русском, а в западном смысле, ведшего хозяйство при помощи наемных рабочих под руководством управляющего) и старался получить максимальное удовлетворение от жизни.

Несколько склонный к романтике, несмотря на то, что был

вполне трезвым и расчетливым землевладельцем, Джеймс назвал свое имение Спрингвуд, то есть Весенний лес, и все члены его семьи потом часто вспоминали зеленые рощи и живописные клумбы, которые украшали их детство, пробуждали у них любовь к природе. Особой гордостью семьи была старинная дубовая аллея. По преданию, эти «белые дубы», как их называли по необычному цвету коры, росли еще с тех времен, когда район Гайд-Парка заселяли индейские племена{32}.

До наших дней в Гайд-Парке и его окрестностях сохранились «именные тропы» — излюбленные маршруты прогулок по зеленым массивам членов рузвельтовского семейства и близких к ним людей — тропа Элеоноры, прибрежная тропа Вандербильта, горная тропа Хэккетта и другие подобные им памятные места, по которым водят туристов.

* * *

Джеймс мог себе позволить более или менее вольготную жизнь — хозяйство вели управляющие, он же пользовался благами жизни в Гайд-Парке, общаясь с соседями, занимаясь обширной семьей и даже включившись, хотя и без особых амбиций, в политическую жизнь.

Его симпатии оказались на стороне Демократической партии, которая, в отличие от нынешних ее позиций, во второй половине XIX века была более консервативной, чем Республиканская. Республиканцы опирались на промышленников северных штатов и на тамошние низшие слои населения и являлись главной опорой президента Авраама Линкольна в войне Севера против Юга, приведшей к ликвидации рабовладения. Именно Демократическая партия в южных штатах была инициатором раскола, провозглашения Южной Конфедерации, за которой последовала Гражданская война 1861 — 1865 годов.

Живя в северной части страны, где рабства не было уже очень давно, Джеймс Рузвельт присоединился к демократам отнюдь не потому, что на них опирались плантаторы Юга. К вопросу о рабстве он относился почти безразлично, а вот принципы свободы предпринимательства и государственного невмешательства в хозяйственную жизнь, которые исповедовали тогда демократы, были для него несравненно важнее. Пройдут годы, и место партий в хозяйственно-политической расстановке сил круто поменяется — именно Демократическая партия станет в XX веке адептом государственного вмешательства в экономику, тогда как республиканцы будут провозглашать, что государственные

органы должны играть лишь роль «ночного сторожа», обеспечивая неприкосновенность частного предпринимательства. Так что вопрос о том, какая из партий была «правее» и какая «левее», относится к разряду таковых, на которые невозможно дать однозначного ответа.

Молодость отца Франклина была довольно бурной. Он некоторое время учился в Университете города Нью-Йорка, затем перевелся в менее престижный и более спокойный Юнион-колледж в городке Скенектади. Но особого внимания академическим делам Джеймс не уделял. Ведший дневник соученик Рузвельта Альберт Ингхэм вспоминал о своем товарище главным образом по совместным пьянкам{33}.

Так и не завершив высшего образования, Джеймс отправился в путешествие по Европе. Оно продолжалось с ноября 1847 года по май 1849-го. Такая точная хронология важна потому, что это было бурное время европейских революций, которые Джеймс «не заметил», предаваясь радостям жизни, что вполне позволяло его состояние. Правда, позже он хвастал, что участвовал в походе Джузеппе Гарибальди на Неаполь, и его знаменитый сын даже как-то повторил эту версию. Но ни отец, ни сын не позаботились о том, чтобы проверить даты: на самом деле осада Неаполя «краснорубашечниками» Гарибальди происходила через 11 лет — в 1860 году, так что «гарибальдийский поход» Джеймса Рузвельта оказался чистейшей фантазией.

Справедливость требует сказать, что после европейского путешествия Джеймс посолиднел — он окончил школу права Гарвардского университета и некоторое время проработал клерком в известной нью-йоркской правовой фирме Бенджамина Силлмэна.

Правда, вскоре, получив наследство и женившись, он отправился на постоянное жительство в провинцию, где в середине 1860-х годов приобрел в Гайд-Парке то самое имение, которое стало называться Спрингвудом. Некоторое время Джеймс был избранным старостой городка, что свидетельствует о безусловном авторитете, которым он пользовался среди местных жителей самого разного социального положения. Он занимал и другие выборные должности — церковного старосты, управляющего местной больницей, коммодора (капитана) яхт-клуба.

Семья придерживалась протестантских религиозных взглядов, регулярно посещала епископальную церковь, соблюдала те обряды, которые требовались в обязательном порядке, жертвовала средства на госпиталь Святого Франциска, расположенный неподалеку. Короче говоря, это было во всех

отношениях добропорядочное семейство.

* * *

Франклин родился, когда его отцу исполнилось уже 53 года.

Первая жена Джеймса, Ребекка (в девичестве Хоуленд), скончалась в 1876-м, а через четыре года он женился вторично на Саре Делано, которой было 26 лет и которую во всей округе считали самой красивой девушкой, правда, гордой и высокомерной даже по отношению к собственному кругу знакомых.

Сара также происходила из аристократической семьи (не в том смысле, что имела знатный род, а в том, что были хорошо известны ее предки, по крайней мере в течение полутора столетий; что же касается фамилии Делано, то она уходила корнями к первым поселенцам на Западном континенте — французскому семейству де ла Нуа, которое превратилось в Делано). Но это были не землевладельцы и промышленники, подобно Рузвельтам, а «морские волки» — капитаны дальнего плавания, крупные торговцы, проводившие подчас весьма опасные операции на тихоокеанских землях и за океаном.

Уоррен Делано, отец Сары, был связан происхождением с швейцарскими французами, переселившимися на Американский континент в начале XVII века. Уоррен вначале вел торговлю чаем, транспортировал его из Китая. Когда же в США в 1861 году началась Гражданская война, он переключился на ввоз опиума, что тогда считалось не только не криминальным, а даже вполне патриотическим делом. Опиум был важнейшим средством анестезии, столь важным в условиях кровопролитных сражений. Этот бизнес сделал Делано богатым человеком. Имение Делано под индейским названием Олгонак располагалось неподалеку от Спрингвуда, по другую сторону Гудзона, и семьи нередко встречались.

Когда Джеймс через положенное время после кончины супруги предложил руку Саре Делано, она отнеслась к замужеству благосклонно, несмотря на целый ряд факторов, которые, казалось бы, этому препятствовали. Главными из них были разница в возрасте и финансовое благополучие семьи невесты, которое позволяло ей найти молодого супруга с достойным общественным положением. Ее приданое составляло около миллиона долларов, что по тем временам было суммой огромной. Однако то ли пожалев вдовца, то ли просто стремясь как можно скорее устроить свою жизнь, она стала его супругой.

Быть может, сыграл роль психологический фактор. Заслужив репутацию «гордячки», Сара могла просто испугаться, что застрянет в старых девах.

Новобрачная была ровесницей старшего сына Джеймса от первого брака, но к тому, что она была вдвое моложе супруга, в семье отнеслись с пониманием. Вообще своего рода аристократическая терпимость, сдержанность, признание права каждого из близких на личный суверенный выбор являлись важными особенностями этой достойной фамилии.

После свадьбы, которая было отпразднована в Олгонаке, состоялась торжественная церемония переезда в Спрингвуд, которую очевидцы описывали следующим образом. Экипаж новобрачных, запряженный лошадьми семейства Делано, на пароме (моста здесь не было) переправился через реку, а там они, невзирая на проливной дождь, пересели в карету Рузвельтов и благополучно добрались по почтовой дороге, ведущей в Олбани, столицу штата Нью-Йорк, до своей резиденции, причем в роли кучера выступал сам новоиспеченный супруг{34}. Так что были соблюдены чуть ли не нормы дипломатического этикета.

Вскоре после свадьбы Рузвельты отправились в длительное путешествие по Европе. Вряд ли его можно назвать медовым месяцем, ибо оно продолжалось целых десять месяцев по Франции, Германии, Швейцарии. Во время этой развлекательной поездки Сара осознала, что не испытывает никаких нежных чувств к супругу, хотя присущее ей с юных лет чувство долга не позволяло и помыслить о расставании и тем более об адюльтере. Но главное, где-то в середине турне она узнала о своей беременности.

Роды, состоявшиеся в самом начале 1882 года, были тяжелыми. Чтобы женщина не страдала, ей дали хлороформ, и ребенок появился на свет, когда его мать была в бессознательном состоянии. Оказалось, что доза хлороформа была слишком велика, и роженица чуть было не отправилась на тот свет[2]. Врач сообщил ей, что больше рожать она уже не сможет. Но мальчик оказался здоровым, крикливым, требовательным. Счастливый отец вписал в дневник своей супруги, что на свет появился «великолепный, крупный ребенок мужского пола»{35}. Он питался материнским молоком целый год: Сара отвергла принятую в богатых семьях манеру нанимать кормилиц. Когда через много лет приглашенный в дом Рузвельтов лауреат Нобелевской премии французский хирург Алексис Каррель задал Саре вопрос, чем в младенчестве питался ее знаменитый сын, та с гордостью ответила: «Только естественной пищей»{36}.

Среди бумаг Сары сохранился своеобразный плакат со

следующим текстом: «Сообщается о появлении Франклина Делано Рузвельта в день 30-й января 1882 года в доме мистера и миссис Джеймс Рузвельт». На плакате был нарисован аист, несущий в клюве пеленку с завернутым в нее младенцем, на которой значилась надпись «ФДР»[37]. Таким образом, оказалось, что сокращенное имя в виде аббревиатуры было присвоено будущему президенту еще со времени его появления на свет.

Детские годы

Семейные коллизии привели к тому, что раннее детство Франка проходило почти идиллически, но в одиночестве. Его старшие братья и сестры не были ему подлинно близки хотя бы в силу разницы в возрасте. Единокровный брат Джеймс был старше на 28 лет и питал к мальчику почти отцовские чувства. В семье не раз говорили, что у этого ребенка два отца. Но все-таки в Джеймсе-младшем брат видел скорее именно наставника, с которым можно было поделиться самыми сокровенными мыслями и чаяниями, тогда как Джеймс-старший был подлинным отцом всего семейства.

Отец души не чаял в младшем сыне, хотя и относился к нему с мужской требовательностью, не допускал фамильярности, считал почтительность по отношению к старшим само собой разумеющейся. В то же время мать лелеяла своего единственного ребенка, баловала его при молчаливом одобрении счастливого мужа, который упивался своей второй супружеской молодостью.

Эта безоглядная материнская любовь, стремление всегда и во всем опекать Франка подчас переходили всякие границы. Ребенок был послушным, терпеливо исполнял требования матери, но по мере физического и духовного развития опека начинала его раздражать. Более того, она продолжалась и в те годы, когда Франклин стал взрослым, студентом, а потом начинающим адвокатом. Письма сыну были полны смешных указаний: ты должен держать ногти чистыми; ты не должен путешествовать без перчаток; напиши свои инициалы на ручке зонтика, чтобы его не украли; старайся не кашлять, потому что кашель — это всего лишь нервная привычка, и т. д. и т. п.{38}

Конечно, непосредственная опека с годами уменьшалась, Франклин тактично давал понять матери, что будет поступать так, как считает нужным, но отношение к сыну, когда он был ребенком и юношей, оставило глубокий след в привычках и манере поведения Сары на всю жизнь. Американский дипломат Герберт Пелл рассказывал президенту в 1940 году, что посетил его мать в Гайд-Парке и не осмелился отказаться от ледяного чая, предложенного миссис Рузвельт, хотя он просто ненавидел этот напиток. «Вы, наверное, также не смогли бы», — произнес Пелл. «Да, — задумчиво ответил политик, собиравшийся уже третий раз стать президентом США, — я тоже ее боялся»{39}.

С годами властная натура Сары Рузвельт стала ощущаться всё больше и больше не столько ее сыном, вступавшим на рельсы политики, сколько членами его семьи. Она пыталась

манипулировать поведением своей невестки Элеоноры, далеко не всегда встречая сопротивление. Нередко в дело вступали просто финансовые средства давления. Одному из биографов Рузвельта Теду Моргану уже весьма пожилой свидетель рассказывал о случае, произошедшем во время какой-то церковной церемонии.

Направляясь туда вместе со старшим внуком Джеймсом и его женой Бетси, Сара вспомнила вдруг (или ей напомнили), что это как раз был день рождения молодой женщины. Поздравив ее, она пообещала по возвращении подарить ей драгоценные коралловые бусы. «Не надо, бабушка, это слишком», — скромно произнесла Бетси. Однако в церкви настроение Сары изменилось — она решила, что Джеймс с женой сели не там, где им положено. Укоризненные жесты не оказали на них влияния (может быть, они просто не заметили их). По окончании службы Сара, нахмурившись, заявила Бетси: «Оказывается, всё, что ты заслужила, — это пачка бумажных салфеток»[40].

Что же касается карьеры сына, то мать совершенно серьезно полагала, что своими успехами он обязан исключительно ей — ее правильному воспитанию, тому, что она научила его, как следует себя вести, как он должен обращаться с людьми различного социального положения, и т. п.

Но всё это произойдет в будущем. Пока же каждый год родители с единственным общим малолетним сыном отправлялись на отдых в Европу, ибо отец, с молодых лет страдавший сердечной слабостью, одержимо верил в целительную силу французских и германских минеральных источников.

Правда, это пристрастие сопровождалось негативным отношением и даже презрением к немцам как нации. Супруги Рузвельт считали их невоспитанными, зазнавшимися, малообразованными, агрессивными. Такие чувства невольно передавались ребенку, который во время одного из путешествий осмелился даже нарисовать карикатуру на германского кайзера, усы которого достигали пола, точнее, нижнего края листа. Учитель, которого нанимали для Франка, так как поездки были длительными, наказал его: мальчик должен был триста раз написать предложение «Я должен стать хорошим»[41]. Можно не сомневаться, что такое раннее впечатление оказало определенное влияние на Рузвельта, когда он вступил на политическое, особенно международное поприще — во время Первой и особенно Второй мировой войны. Политические соображения явно дополнялись сугубо недоброжелательным отношением к немцам.

Кроме Германии и Франции семейство побывало и в других

европейских странах. Франк знакомился с Англией, Голландией, Италией, Швейцарией, с местными нравами и основами старой культуры, посещал соборы, дворцы и музеи, сравнивал европейские и американские ценности, не становясь ни космополитом, ни крайним патриотом. В его шкале ценностей классические, традиционные цивилизационные основы уживались с тем новым, что приобщила к ним его собственная страна.

К ежегодным вояжам готовились заранее, тщательно планировали, нередко сравнивая их со славными путешествиями прежних знаменитых мореплавателей, включая Христофора Колумба. Франку доставляли огромное удовольствие дни, проведенные на океанском лайнере, он представлял себя капитаном, сражающимся с пиратами и побеждающим их. Он с удовольствием общался с матросами и флотскими офицерами, предпочитая их компанию обществу сверстников и тем более родителей. Благодаря европейским путешествиям он смог французский и немецкий языки, которым его обучали с малых лет, перевести в плоскость свободного практического употребления.

Во время возвращения из одного заокеанского путешествия разыгрался страшный шторм. Водой залило каюту Рузвельтов. Сара, обернув ненаглядного сына собственным меховым манто, храбро произнесла: «Бедный мальчик, если ему суждено пойти на дно, пусть ему будет там тепло!»{42}

Некоторые европейские впечатления сохранились у Рузвельта на всю жизнь. Он часто вспоминал, как в восьмилетнем возрасте поднялся вместе с отцом на Эйфелеву башню, сооруженную годом раньше и 40 лет являвшуюся самым высоким сооружением в мире. Оттуда он обозревал весь прекрасный Париж и слушал рассказ гида о том, что башня задумана как временное сооружение и через 20 лет после Всемирной выставки 1889 года ее должны снести. Позже Рузвельт рассказывал, что ему было очень жаль, что такая великолепная, по его мнению, конструкция исчезнет, и радовался, что башню, по сути дела, спасли радиоантенны, установленные на ее вершине.

После одного из путешествий пятилетний Франк нарисовал в качестве подарка родителям парусное судно, довольно живо изобразив его снасти и несущие корабль волны. Этот рисунок сохранился в Гайд-Парке{43}. Любовь к морю Франк сохранил на всю жизнь.

В имении Рузвельтов была неплохая библиотека, и Франк, научившийся читать очень рано, с пятилетнего возраста поглощал книги. После сказок и легенд наступила пора Майна Рида, Редьярда Киплинга, Марка Твена, а затем, лет примерно с десяти,

и взрослой литературы, главным образом связанной с океанскими просторами, пиратскими авантюрами, морскими сражениями, борьбой военных флотов за господство, подвигами адмиралов.

У Франка были гувернантки — сначала немка фрау Рейнхардт (ту терпели недолго и вскоре с ней расстались как с представительницей несимпатичной нации), затем француженка из Швейцарии мадемуазель Сандоз, а потом частные учителя. Франклин сохранил особенно теплую память о молодой французской учительнице, которая прививала ему не только умение свободно пользоваться звучной речью своего народа, но и интерес к истории и литературе Франции, к непреходящим гуманитарным ценностям. Через 40 лет он писал мадемуазель Сандоз, что ее уроки «больше, чем что-то другое, заложили основы моего образования»{44}. Но и уроки немецкой учительницы были очень полезными. Когда Франку было шесть лет, он даже написал своей маме письмо на немецком: «Я хочу показать тебе, что уже пишу по-немецки. Но я буду всё время стараться улучшить его, чтобы ты была рада. А теперь я хочу попросить тебя написать мне немецким шрифтом и языком»{45}.

Под сенью прекрасной зелени поместья в Гайд-Парке ребенок был окружен всемерной заботой. Удивительно, что при таком детстве из него вырос не бездушный эгоист, а человек тонкой души, достаточно широких взглядов, хотя отнюдь не лишенный «мальчишества» и тяги к озорству.

Впрочем, Франк не был лишен и самолюбования. Он гордился тем, что тайком в зимнее время осмеливался кататься на коньках по хрупкому льду Гудзона, где на каждом шагу подстерегала опасность провалиться в полынью. Чудо, что этого не случилось. Не очень часто, но всё же происходили его стычки с другими подростками. Однажды на корабле по дороге в Европу он даже до крови подрался с каким-то мальчиком, который обманул его во время игры.

У него рано выработалась привычка разыгрывать родителей, гувернеров, знакомых ребят. Некоторые письма подписывались загадочно звучавшими словами *Tlevesoor Nilknarf,* и адресату стоило немалых усилий догадаться, что это просто имя и фамилия *Franklin Roosevelt,* написанные задом наперед.

В будущем, занявшись политикой, Рузвельт часто будет повторять, что он с детства был тесно связан с землей, с природой, что в свои юные годы он занимался фермерским трудом.

Это было и так, и не так. Природу он действительно любил. Позже, студентом, он писал матери, что обязательно приедет домой в ближайшие дни, «прежде чем деревья станут голыми»{46}.

С малых лет он прекрасно разбирался в породах деревьев, знал, для чего используется каждая, как быстро растут разные виды растений, что им более полезно — тень или солнечный свет. Он очень любил поездки с отцом в дикие лесные глубины, но предпочитал «окультуренную» природу, пейзаж, возникший в результате целенаправленной деятельности.

Ему очень нравилось наблюдать за животными, особенно за лошадьми, в первую очередь за собственным пони. Франк очень любил пение птиц. Он быстро научился различать голоса болотного крапивника, выпи, черного дрозда. А через много лет, уже будучи президентом, с чувством гордости рассказывал, что без всякого труда моментально улавливал интонации двадцати двух видов птиц.

Но всё это внимание с юных лет было теснейшим образом связано с воспитанным родителями чувством собственника, хозяина, которому и земля, и все растущее на ней, и животные по праву принадлежат. Именно поэтому они заслуживали внимания, заботы.

Ребенок получал огромное удовольствие, катаясь на пони по кличке Дэбби, которого он считал своим другом, но в то же время личной собственностью, на которую больше никто не мог претендовать. Отец несколько раз говорил Франку, чтобы он не ездил на своем пони слишком долго и быстро — надо внимательно следить, чтобы собственность не пришла в негодность.

Собственность и труд неотделимы — такова была нехитрая и в то же время мудрая протестантская мораль, которую с раннего детства внушали родители Франку. Раз пони ему принадлежит, значит, за лошадкой надо тщательно ухаживать, мыть, чистить и убирать. Сперва это было неприятно, затем вошло в привычку. Через много лет Франклин признавался, что это была безумно тяжелая работа, но ему никто не помогал, и он отлично усвоил, что забота о пони — это только его обязанность и он должен ее исполнять, несмотря ни на что.

* * *

Будущий американский президент с юных лет испытывал глубокое почтение к памяти своих голландских предков и даже посвятил им студенческую работу под названием «Рузвельты в Нью-Амстердаме». Научной ценности она не представляла, но эмоциональные акценты говорили сами за себя. Франклин писал: «Некоторые нынешние голландские семьи в Нью-Йорке не имеют

ничего голландского, кроме этого названия. Их немного, у них нет прогрессизма и подлинно демократического духа. Причина же того, что Рузвельты сохранили свои силы, — вероятно, главная причина, — состоит в их подлинно демократическом духе. Они считали бы непростительным для себя не исполнять своего долга по отношению к общине»[47].

В то же время, оценивая стиль жизни своего отца, Франклин был не совсем прав — Джеймс действительно вел себя внешне демократично, но сохранял привычки аристократа, каковым, как уже отмечалось, был только в том смысле, что мог перечислить своих многочисленных предков. О нем говорили, что он ведет себя подобно лорду Лансдауну (в то время одному из лидеров британских консерваторов), хотя скорее похож на кучера этого лорда. В качестве примера приводили его несколько высокомерное отношение к одному из богатейших в то время людей Америки Фредерику Вандербильту, который жил на расстоянии нескольких миль от Рузвельтов в огромном по масштабам Гайд-Парка 54-комнатном особняке, построенном в стиле Возрождения.

Считая Вандербильтов «новыми богачами», выскочками, в отличие от своего собственного рода, в котором богатство переходило из поколения в поколение, Джеймс даже не пожелал принять их приглашение на обед, ибо, как он объяснил сыну, придется посылать ответное приглашение[48].

В детстве Франк стал страстным коллекционером. Он с огромным удовольствием собирал марки, причем стремился разузнать как можно больше о каждой марке, о каждой серии, о стране, выпустившей ее, об обстоятельствах, вызвавших ее появление, о людях и событиях, изображенных на этих своеобразных крохотных визитных карточках того или иного государства, иногда представлявших собой подлинные произведения искусства, чаще прямолинейных и грубых.

В основу коллекции легло подаренное ему матерью собрание китайских и гонконгских марок. К восьмилетнему возрасту накопилось уже довольно богатое собрание — свыше двух тысяч марок, причем Франк особенно гордился редкостью — маркой острова Формоза (ныне Тайвань) 1888 года. Марки оставались его страстью на протяжении всей жизни. Он собрал их огромное количество — более миллиона с четвертью. Став президентом, Рузвельт в немногие свободные часы нередко возился со своими альбомами, которых накопилось более 150 штук. В нынешнем архиве Библиотеки Рузвельта переписка по поводу марок заполняет 28 больших папок.

Кроме увлечения филателией, кругозор мальчика расширяли

старые географические карты и всевозможные знаки и символы флота, которыми Франк также заинтересовался в детстве. Дед, старый моряк, как-то подарил внуку древний морской сундук, в котором бережно хранились драгоценные раритеты, вплоть до пуговицы с мундира морского офицера времен американо-британской войны 1812—1814 годов.

Он стал собирать также британские карикатуры, которых со временем накопилось множество. Через какое-то время возникло еще одно увлечение — коллекционирование чучел птиц. Они по сей день украшают помещения рузвельтовского имения в Гайд-Парке.

Впоследствии многие знакомые восторгались теми буквально энциклопедическими знаниями по истории флота, осведомленностью о малейших деталях оснастки кораблей, их снаряжения, экипажей и всевозможных других подробностях, уходящих в давнее прошлое, которые демонстрировал Рузвельт. Во всех таких случаях он отвечал, что это — всего лишь остатки того, что ему запомнилось в детстве. Он и сам строил модели кораблей, которые испытывал на полноводном Гудзоне{49}.

Большое удовольствие доставляли ему прогулки с отцом по окрестным местам — горным тропам, почти непроходимым буеракам Кэтскиллских гор. Правда, страдавший сердечным заболеванием Джеймс Рузвельт не мог позволять себе излишнее физическое напряжение, но само общение с сыном, рассказы о предках, уроки верховой езды и плавания, хождения в прибрежных водах под парусом превращали отца в старшего друга, с которым установилась более глубокая духовная связь, чем с матерью, несмотря на то, что именно Сара в основном занималась воспитанием мальчика, оберегала его от жары и холода, змей и вредных насекомых, следила за тем, чтобы он не оставался голодным и не переедал.

Франк рос всесторонне развитым и, вопреки назойливой материнской опеке, физически крепким, был любознательным и пытливым, критически мыслящим, склонным к анализу социальных проблем ребенком, а потом и юношей, для которого мир отнюдь не ограничивался Спрингвудом с его окрестностями. Почти все родные и другие близкие люди отмечали исключительную память Франклина — он впитывал информацию как губка, порой был даже способен черпать сведения одновременно из нескольких источников. Как-то в ответ на материнский упрек в том, что во время ее рассказа о чем-то он перебирает свою коллекцию марок, десятилетний сын ответил: «Я не уважал бы себя, если бы не мог заниматься одновременно двумя делами». Чтобы доказать свою правоту, он тут же почти

дословно повторил то, что услышал от Сары[3].

Скорее всего тому, что Франк не вырос человеком бездушным, отчасти способствовала семейная драма. Когда ему было десять лет, отец тяжело заболел. Он перенес «удар» — кровоизлияние в мозг, от которого так и не смог полностью оправиться и остался инвалидом. Это, однако, не изменило привычного быта мальчика, а затем юноши — семья оставалась богатой, доходы от вложенных капиталов продолжали поступать. Но с тех пор не исчезало какое-то тревожное ожидание, и Франк это чувствовал очень хорошо.

У него не было той вспыльчивости, того бунтарства, неподчинения родителям, какие так часты у мальчиков переходного возраста. Сдержанно, но неизменно он стремился облегчить душевные страдания матери, физические и нравственные муки отца. Привитое ему (или, скорее, самостоятельно выработанное) желание доставлять близким радость, не расстраивать их постепенно распространилось на его отношение к другим людям, которых он относил к своему кругу образованных и воспитанных зажиточных аристократов.

У такого поведения была, однако, и другая сторона. Конечно же далеко не всегда желания Франклина совпадали с намерениями его родителей, особенно весьма требовательной и постоянно уверенной в своей правоте матери. Мальчик рано научился в некоторых случаях идти на хитрость, под благовидным предлогом уклоняться от того, что ему навязывали. Довольно скоро родители стали распознавать эти не очень умелые уловки. По поводу частого «саботажа» еженедельных визитов в местную церковь в семье даже стали говорить о «воскресной головной боли» Франклина.

Франк был послушным сыном, искренне любил свою мать, но с годами, по мере взросления, ее неустанные заботы начинали вызывать у него раздражение, которое он тщательно скрывал. Уже в родительской семье, в детском возрасте он получил первые уроки лицемерия, которые, увы, столь необходимы в политике.

Таким образом, будущий президент от Демократической партии отнюдь не был демократом в обыденном, бытовом смысле. Воспитанный в основном матерью и образованными учителями в аристократическом духе, он уже со второго десятилетия жизни тщательно следил за тем, чтобы в круг его близких знакомых и тем более друзей (таковых почти не было) не попадали люди с сомнительной репутацией, дурно воспитанные, с которыми трудно было бы найти общие интересы.

Франк, с одной стороны, стремился найти общий язык с теми подростками, с которыми ему доводилось общаться (это в

основном были дети родственников и богатых соседей), а с другой — овладеть вниманием общества, быть во всем первым и всячески демонстрировать это.

Важным элементом его самовоспитания было стремление как можно быстрее и как можно глубже, с полной умственной, а значит, и физической нагрузкой овладевать знаниями.

С десяти лет Франк занимался в небольшой группе вместе с Арчи и Эдмундом Асторами, сыновьями богатых соседей. К ним приходили тьюторы — частные учителя, которые давали уроки английского и иностранных языков, начал математики и природоведения. Детей приучали к тому, что какие бы то ни было знания можно получить только от тьюторов, — других путей они до поры до времени не видели. Однажды, увидев, как какой-то мальчик из простой семьи ловко вскарабкался на высокое дерево, они, окружив его, с большим интересом стали расспрашивать, кто был его тьютором в этом нелегком деле{50}.

И родители, и тьюторы немалое внимание уделяли выработке у Франка хороших манер, которые считались жизненной необходимостью для будущего, поскольку являлись тогда неотъемлемой принадлежностью богатого родовитого провинциала и лишь постепенно преодолевались в больших городах. Разговаривать с незнакомыми людьми только после того, как тебя им представят, не садиться в присутствии старших, прежде чем тебя пригласят, говорить со слугами приветливо, но одновременно всё время давать им чувствовать разницу в положении — эти и подобные «нормы» были усвоены крепко, преодолевались с трудом и так и не исчезли совсем до самого конца жизненного пути знаменитого американца.

Распорядок его дня был довольно жестким: подъем в семь часов, в восемь завтрак, затем уроки до полудня, после ленча — вновь уроки до четырех часов пополудни.

Гротон и Гарвард

Франк отправился в школу, только когда ему исполнилось 14 лет. Он стал учеником весьма престижного Гротонского мужского колледжа — школы для тех подростков и юношей, родители которых могли заплатить немалую сумму за разностороннее общее образование своих детей. Программа Гротона включала «энциклопедический» комплекс дисциплин, от математики с физикой до этики с эстетикой, но главное внимание обращалось на древние языки и гуманитарные науки, которые должны были послужить базой будущего юридического, философского или исторического образования. Хотя экономическим предметам особого внимания не уделялось, Гротон рассматривался в качестве подходящей стартовой площадки также для будущих бизнесменов, скорее всего в силу самого положения этого учебного заведения в обществе и аристократического происхождения многих его учеников, не говоря уже о руководителе.

Возглавлявший Гротонский колледж Эндикотт Пибоди (1857—1944), талантливый педагог, строго требовал, чтобы его ученики твердо усваивали немалый минимум знаний (некоторым этот минимум казался максимумом того, что они могли бы усвоить), но в то же время стремился, чтобы они давали собственные оценки прочитанному и увиденному, выработали свой стиль изложения, учились мыслить четко и оригинально, умело распределяли свое время между учением, спортом, скромными развлечениями, планируя свой день буквально по минутам.

Достопочтенный священник Епископальной церкви Э. Пибоди основал эту школу в городке Гротон, штат Массачусетс, примерно в шестидесяти километрах к северу от Бостона, в 1884 году и руководил ею на протяжении пятидесяти шести лет.

Сам являвшийся продуктом британского образования и воспитания (он окончил Тринити-колледж в Кембридже), Пибоди продолжал его традиции в Америке, правда, пытаясь как-то приспособить их к местным условиям. Говорить в школе можно было только на британском варианте английского языка (сугубые американизмы, а тем более сленг ни в лексиконе, ни в произношении не допускались). Огромное внимание уделялось духовному совершенствованию. Каждое утро начиналось с холодного душа, а затем молитвы. Молитвы были обязательны и перед сном, а по воскресным дням школьники обязаны были присутствовать на долгой церковной церемонии. *Cui servire est*

regnare («Служить Ему есть править») — это латинское изречение было школьным девизом.

Поразительно, что такие строгие религиозные установки сочетались у Пибоди с явной светскостью в преподавании конкретных предметов, в приглашении в школу видных политиков и других заметных лиц, которые рассказывали о себе, являясь живым примером широких возможностей продвижения людей, отличавшихся способностями и, главное, трудолюбием и порядочностью.

Франклин Рузвельт относился к первому наставнику с глубоким почтением. Не случайно он избрал его свидетелем на своей брачной церемонии. Пибоди же считал своим долгом собственноручно поздравлять бывших подопечных с днями рождения, хотя выпускников Гротона становилось всё больше, к 1930-м годам их количество уже насчитывало многие тысячи. Благодаря за очередное поздравление, президент Рузвельт писал бывшему наставнику 10 февраля 1936 года: «Если бы Вы не послали мне поздравительную открытку, я был бы в самом деле очень опечален! Вы обязательно должны знать, что я сохранил их все с тех самых дней, как стал выпускником»{51}.

Мне неизвестно, знал ли президент Рузвельт, во время Второй мировой войны переписывавшийся и встречавшийся со Сталиным, о том, что этот его партнер по участию в смертельной мировой схватке с фашизмом учился одновременно с ним в духовной семинарии в далекой России, в провинциальном Тифлисе. Скорее всего Рузвельту кратко докладывали о Сталине и он был в курсе главных фактов биографии этого совершенно чуждого ему, но исключительно важного для его политики человека.

Оба они были воспитанниками религиозных школ, только Франклин Рузвельт окончил ее, а Иосиф Джугашвили нет. Конечно, происходили они из совершенно разных социальных слоев (Рузвельт отнюдь не мог считать ровней себе сына сапожника), да и характер воспитания и образования в тифлисской семинарии и Гротоне был совершенно различным. Но религиозные корни, уходящие глубоко в почву школ, в которых они учились, были у обоих, и это не могло не сказываться на характере их письменной и личной политической дуэли, о которой будет рассказано ниже.

В Гротоне, где Франк провел четыре года (1896—1900), он чувствовал себя вначале не очень комфортно. Это было связано, безусловно, и с особенностями его домашнего воспитания, и с его приходом в школу сразу на третий год обучения (обычно туда поступали в 12 лет), и с его характером, в основном уже

сложившимся.

Ровесники Франка за два предыдущих года создали свои компании, у них были друзья. Ему же больше нравилось общаться с преподавателями, и это, в свою очередь, создавало ему не очень благоприятную репутацию среди учеников. Над его манерой низко кланяться при встрече с миссис Пибоди смеялись. Некоторые даже считали, что он подлизывается к педагогам, чего на самом деле не было. Просто Франклин чувствовал себя старше своего возраста, да и сказывались результаты прежних лет общения с тьюторами. К тому же он предпочитал индивидуальные виды спорта — был хорошим яхтсменом (когда юноше исполнилось 16 лет, родители подарили ему яхту, получившую название *New Moon* — «Новолуние»), прекрасно плавал, любил дальние прогулки.

Коллективные же виды спорта, особенно бейсбол и футбол, очень популярные в Гротоне, его вначале не привлекали. Это, в свою очередь, препятствовало тому, что американцы называют *making friends* — делать друзей. «Я никогда не мог понять всю эту излишнюю гордость Франка. Он никогда ни к чему сильно не привязывался в школе», — с явным оттенком сохранившейся даже через много лет обиды писал бывший капитан бейсбольной команды гротонских школьников Джеффри Поттер, являвшийся теперь республиканцем и дельцом Уолл-стрит, в 1933 году, вскоре после избрания его однокашника американским президентом. Рассказывая о своем единственном поединке с Рузвельтом на боксерском ринге, Поттер прибавлял: «Жаль, что я не стукнул его лишний раз». Свои суждения о юношеских годах Рузвельта Поттер завершал удивленным и раздраженным восклицанием: «Я не могу понять, как это произошло с Франком. Его никогда не считали чем-то значительным в школе!»{52}

По всей видимости, сам Франклин чувствовал себя виноватым в том, что ему не удалось сколько-нибудь близко сойтись ни с кем из соучеников по Гротону. Он убеждал себя, что не сможет добиться жизненного успеха, если рядом не будет людей, с которыми он мог бы быть откровенным почти до конца. Скорее всего дело было не столько в эгоистических соображениях, хотя и ими не следует пренебрегать, сколько в том, что одиночество его всё более тяготило.

Он стремился преодолеть одиночество, заставлял себя участвовать во всех общественных школьных делах, со временем стал играть в школьных спортивных командах, одно время даже был футбольным капитаном и не раз возвращался со спортивной площадки с синяками и царапинами, а однажды даже с вывихнутым пальцем руки. (Отметим попутно, что это была не та

игра, к которой привыкли в Европе. Американский футбол — соревнование совершенно другое и значительно более жесткое, силовое, чем европейский, который в США называют соккером.) Но всё же полностью «своим» в Гротоне юноша так и не стал.

Это, однако, никак не отражалось на его успеваемости. Почти по всем предметам у Франка были высшие баллы, хотя иногда возникали конфликты с учителями. Независимого подростка почему-то невзлюбил преподаватель древнегреческого языка. В октябре 1897 года на экзамене по этому предмету чуть было не произошла осечка, которая могла привести к оставлению на второй год. Франк писал в Гайд-Парк с чувством неподдельного негодования, что это был «самый возмутительный экзамен по греческому, который когда-либо существовал в истории образования»: «Я получил почти 0,5 (то есть выполнил около половины заданий правильно. — *Г. Ч.),* но старый идиот Абботт отказался зачесть мне, хотя это обычное дело, когда почти достигаешь результата… Я собираюсь убить старого Абботта, если он не переведет меня, потому что я знаю всю книгу на память»{53}. Дело, однако, утряслось: учитель, помучив Франка, экзамен зачел, и убивать «старого Абботта» не пришлось…

Если с древнегреческим языком была проблема, то латынью Франк овладевал с удовольствием. Он знал сотни древнеримских поговорок, восхищался текстами античных трибунов, сам пытался конструировать речи на латыни. Результатом была заслуженная награда — он получил премию за знание латинского языка, и премия эта была тем более приятной, что представляла собой полное собрание сочинений любимого им Уильяма Шекспира в сорока томах.

Хотя он хорошо учился по всем предметам, особенно его привлекали те занятия, на которых необходимо было проявить творческий подход, показать разносторонние знания, эрудицию и умение отразить аргументы оппонентов, продемонстрировать ораторские способности. В этом отношении наиболее интересными для него были уроки, посвященные текущим событиям. Это не были примитивные «политинформации». К каждому такому уроку ученики должны были тщательно готовиться с использованием всех доступных источников, знакомиться с различными точками зрения в печатных изданиях разных политических направлений, следить за дебатами в конгрессе, за изменениями в политике зарубежных правительств и т. п.

Какой-либо устойчивой политической позиции в этих дебатах юноша не имел, но каждый раз он вступал в спор, причем многих его одноклассников раздражало то, что Франк обычно высказывал

мнение, противоположное мнению большинства. Скорее всего это были просто состязания в умении аргументировать, защищать определенную точку зрения независимо от того, насколько спорщик ее разделял. Результаты полемики были различными. В некоторых случаях Рузвельт склонял на свою сторону основную часть класса, но чаще всего проигрывал дебаты. Однако во всех случаях он оттачивал умение спорить, убеждать в своей правоте, в то же время не принимая близко к сердцу поражение.

Однажды Франклин ополчился против гарантий независимости, которые в это время Великобритания и США предоставили Китаю. В другом случае он энергично выступил в защиту буров, ведших в далекой Южной Африке войну за освобождение от колониальной власти англичан и создание самостоятельного государства. Тот факт, что буры намерены были образовать государство сугубо расистское с четким отделением чернокожих от белых, с полным отстранением коренного населения от властных функций, он считал вполне естественным. Ведь и в США, в самом Гайд-Парке между хозяевами и слугами проходила невидимая, но вполне ощутимая граница, особенно когда речь шла о взаимоотношениях с нефами.

Еще в одном случае Франк занял вроде бы прогрессивную позицию. Как раз перед этим произошла молниеносная испано-американская война 1898 года, длившаяся всего лишь три с половиной месяца. Испания признала свое поражение, вынуждена была отказаться от колониальных владений — Кубы и Пуэрто-Рико в Вест-Индии, Филиппин на Тихом океане. Именно по поводу судьбы Филиппин и происходили дебаты. Франклин горячо высказался за прекращение военной оккупации Филиппин Соединенными Штатами, за предоставление архипелагу государственной независимости, тогда как его однокашники были настроены гораздо более «империалистически»: если уж страна получила эту военную добычу, как можно от нее отказываться?! В результате Рузвельт, несмотря на массу данных, приведенных им в доказательство того, что эта территория созрела для полной самостоятельности, дебаты проиграл.

Любопытно, что ни в воспоминаниях, ни тем более в документах не сохранились сведения о детских влюбленностях Франка, о его интересе к противоположному полу. В письмах родным и воспоминаниях есть только рассказы о танцевальных вечерах в Гайд-Парке и по соседству, причем, как правило, о своих партнершах по бальным танцам Франк отзывался в лучшем случае снисходительно, а чаще почти с презрением: одна девочка была названа им слонихой, другая — неуклюжей и не умеющей себя вести. Любопытно, однако, что в одном из писем матушке

Франк советует пригласить на вечеринку в их дом Элеонору Рузвельт, не высказав о ней ни одного худого слова{54}. Эта девочка — не однофамилица, а дальняя родственница, которая позже станет его женой, — явно произвела на него благоприятное впечатление.

* * *

На последнем году обучения пора было подумать о дальнейших планах. Собственно говоря, перспективы продолжения учения были, в принципе, определены заранее — Гарвардский университет, который окончили многие родственники, в том числе и отец Рузвельта. Но здесь был один важный вопрос, который предстояло решить. В университете можно было обучаться четыре года, последовательно переходя с курса на курс и сильно себя не утруждая, особенно при способностях Франклина; но можно было сэкономить год, начав проходить общие университетские курсы еще в средней школе. Для этого требовалось сдать предварительные экзамены. Их было много, и все они были трудны. Однако Рузвельт успешно справился с греческим и латинским языками, алгеброй и геометрией, английской и американской литературой, отечественной и всемирной историей. Все эти экзамены в полном смысле оказались жесткой проверкой памяти, усидчивости, выносливости и, главное, желания добиться поставленной цели.

Франклин как соответствующий университетским требованиям был зачислен на параллельное со школой обучение в университете экстерном, причем взял максимальную разрешенную нагрузку — курсы, соответствовавшие 15 часам в неделю стационарного обучения в Гарварде. Зато, окончив в 1900 году Гротонскую школу, он фактически завершил уже и первый курс университетского образования, получив возможность сэкономить год.

Являясь питомцем учебного заведения с весьма сильной религиозной окраской (Гротон, правда, не готовил священнослужителей), Франклин Рузвельт на всю жизнь сохранил привитое ему в конце XIX века почтительное отношение к религиозной мысли и морали, к церковным таинствам, особенно к протестантской церкви со всеми ее многочисленными ответвлениями. Он с гордостью писал домой из Гротона, что на одном из уроков самого ректора Пибоди читал вслух главы из Библии. Позже он не раз слушал лекции приглашенных служителей культа, причем особое впечатление на него, по его

собственному признанию в мае 1897 года, произвела беседа на тему «Как следует молиться»[55].

В то же время надо подчеркнуть, что для юного Рузвельта наиболее предпочтительными были не связанные с христианскими догматами религиозные установки, не мистические поверья и тексты Священного Писания, а те практические выводы, которые проповедовали религиозные наставники, прежде всего сам ректор Пибоди, например звучавшие святыми заповедями истины о том, что любая деятельность будет вознаграждена по заслугам, что успех может быть достигнут только усилиями, что Бог благословляет соревновательный дух, если при этом соблюдается честность мысли и поступков, что каждый может служить делу Бога своим поведением в повседневной жизни, что моральная чистота неотделима от продуктивной деятельности.

Франклин завершал обучение в Гротоне, будучи полностью убежденным в том, что служба на благо общества (причем чем выше и ответственнее пост, тем лучше) является наиболее ярким проявлением верности христианскому учению. Это было как раз то главное зерно религиозной этики, которое взращивал в своем питомце, как и во многих других выпускниках Гротона, преподобный Эндикотт Пибоди.

По окончании школы Франклин подумывал было о морской карьере, сказав матери, что, несмотря на «кредиты», которые он уже имел в Гарвардском университете, намеревается поступить в Военно-морскую академию, находившуюся (и находящуюся поныне) в Аннаполисе, столице штата Мэриленд. Но Сара видела своего сына только дипломированным юристом. Она воспротивилась морской карьере, тем более что считала ее крайне опасной. Видимо, у Франклина это было мимолетное увлечение, связанное с прежними путешествиями, плаванием на яхте и т. п. Он без возражений вернулся к прежним планам.

Придя в 1900 году в знаменитый Гарвардский университет, где он стал учиться в правовой школе (так назывался юридический факультет), Франклин Рузвельт с первых же дней стал вести себя по-иному, нежели в Гротоне. Он считал большой честью для себя, что стал студентом этого учебного заведения, одного из старейших американских университетов со своими давними традициями и плеядой выпускников, гордящейся принадлежностью к нему. Само расположение студенческого городка (кампуса) было показательным. Находится университет в центре Бостона — города славных традиций, начиная с «Бостонского чаепития» (16 декабря 1773 года жители выбросили в океан груз чая, с разрешения британских властей беспошлинно

ввезенный Ост-Индской компанией, что явилось преддверием первой американской революции — Войны за независимость).

Территория университета и находящегося неподалеку также знаменитого Массачусетсского технологического института вместе с окружающими кварталами считается самостоятельным городом под названием Кембридж (иногда это приводит к смешной путанице — Гарвардский университет как бы сливается с университетом по другую сторону океана — британским Кембриджским университетом). По сути же американский Кембридж — это большой район в центре Бостона.

* * *

Поступив в Гарвард, Франклин, ставший высоким, сильным, внешне привлекательным молодым человеком, сразу же активно включился в общественную жизнь, отнюдь не пренебрегая учением. Особенно его интересовала журналистская, репортерская, а затем и редакторская работа.

За три года он выполнил программу четырехлетнего обучения, что было нелегко, принимая во внимание сложность и массивность курсов, несмотря на то, что часть из них он прошел еще будучи школьником. В числе других предметов, избранных для общего образования, были английская и французская литература, древнеримская литература, история Соединенных Штатов, конкретная экономика, основы конституционного правления и даже элементарная геология.

Любопытно, что среди предметов, которые он изучал, был и курс, который официально назывался «Писание писем на английском языке». Франклин, видимо, полагал, что это умение будет отнюдь не лишним в его будущей юридической практике. Той же цели служил и курс ораторского искусства (он назывался более скромно — «Публичные выступления»). Но в этом предмете студент быстро разочаровался, так как преподававший его некий Джордж Бейкер стремился превратить практические занятия в своего рода спектакли. Рузвельту было, например, поручено прочитать знаменитое Геттисбергское выступление президента Авраама Линкольна. Рузвельт прекрасно знал эту речь — произведение ораторского искусства, — произнесенную 19 ноября 1863 года во время открытия Национального воинского кладбища в городке Геттисберг (штат Пенсильвания), где за четыре месяца до этого произошла одна из крупнейших и кровопролитнейших битв Гражданской войны. Во время этого краткого (менее двух с половиной минут) выступления были провозглашены принцип

равенства всех американцев и решимость создать единую нацию, в которой будет доминировать суверенность всего американского народа, а не отдельных штатов.

В соответствии со своим пониманием и текста, и характера Линкольна Франклин прочитал речь внешне очень спокойно, хотя в нем и чувствовалась внутренняя напряженность. Во время «декламации» он был неподвижен — не сделал ни единого жеста. Преподаватель был крайне недоволен. Он тут же повторил речь, использовав все тривиальные ораторские методы, к которым давным-давно привык: повышение и понижение тона от крика до шепота, ускорение и замедление речи, размахивание руками и т. п. Рузвельт не просто почувствовал себя обиженным — он счел, что его оскорбили таким непониманием характера уважаемого президента, сути его речи и его ораторского искусства. Он с большим трудом досидел до конца урока преподавателя, который стал ему ненавистен, и тотчас после этого отказался продолжать занятия по предмету, так и не получив по нему никакой оценки.

Франклин и в целом не очень высоко оценивал качество обучения в столь престижном университете, понимал, что ряд дисциплин носит чуть ли не случайный характер, что очень многое зависит от произвола преподавателей. По большинству предметов он получал лишь удовлетворительные оценки (по американской традиции высшей оценкой является буква A, затем следует B; C считается удовлетворительной, но низкой отметкой; D и E(F) означает «неудовлетворительно», и получившие эти оценки должны были экзамен пересдать). Франклину никогда не приходилось сдавать экзамены повторно, но и высших оценок в его итоговых документах почти не было.

Зато со свойственной ему энергией юноша, который массу времени уделял чтению юридической, политической, исторической, художественной литературы, не входившей в обязательную программу (видимо, неумеренное чтение привело уже на первом студенческом году к близорукости, и с тех пор Рузвельт не расставался с пенсне, которое считал более элегантным, чем очки), включился в самые различные сферы студенческой жизни Гарварда. Вначале лишь для солидности он стал курить, но постепенно выработалась неизбежная никотиновая зависимость и сигареты (обычно 20—25 штук в день) вошли в быт Франклина на всю жизнь.

Плохое зрение не помешало занятиям спортом, причем Франклин, учитывая неудачный в этом смысле опыт Гротона, избрал командные виды — футбол, баскетбол, бейсбол. Он стал капитаном футбольной команды первокурсников, о чем с гордостью поведал родителям. Дальнейшие письма были полны

сообщениями о спортивных успехах его команды[56].

Не менее важной для студенческого престижа была принадлежность к тому или иному клубу. Здесь доминировала жесткая иерархия. Разумеется, сам университет считался элитным, но в нем существовала своего рода «элита внутри элиты». Для начинающих студентов наиболее престижным считался клуб под названием «Альфа Дельта Фи», который формировался на основе своеобразного выборного принципа. Вначале группы студентов избирали десяток из тех, кого они считали наиболее достойными, затем эти «первенцы» выбирали следующих десять человек, и так продолжалось, пока общее число членов не достигнет сотни.

Фамилии попавших в почетный список не только публиковались в студенческой газете, но попадали также и в городскую прессу, становясь таким образом известными «обществу».

Но дело тут заключалось не только в престиже среди студентов. Изучавший традиции Гарварда биограф Рузвельта Т. Морган пишет: «Пребывание в нужном клубе означало, что вас пригласят на нужные танцы и вы будете общаться с нужными дамами, что у вас будут нужные друзья, а после окончания вы получите хорошие возможности устройства на работу и будете приняты в лучшие клубы Бостона или Нью-Йорка»[57]. Так что студенческие клубы открывали совсем неплохие карьерные перспективы.

Естественно, Франклин мечтал попасть в элитный клуб. Но дело застопорилось из-за формальности, которая, казалось бы, должна была как раз содействовать его успеху. Его родственник по горизонтальной линии Теодор Рузвельт (специалисты по генеалогии считают его пятиюродным братом) стал вначале вице-президентом, а затем и президентом США (об этом речь пойдет чуть ниже), и члены клуба решили, что принятие в их ряды президентской родни может быть расценено как заискивание.

Вскоре, однако, скромное, тактичное поведение Франклина изменило отношение к нему. В январе 1902 года он, наконец, сделался членом «Альфа Дельта Фи» в составе шестой десятки. Последовали бурные поздравления, сопровождавшиеся такими «похлопываниями» по спине и голове, что избранник, не в силах выдержать удары, падал на землю, но тем не менее чувствовал себя вполне счастливым.

Принеся клятву верности клубу, Рузвельт включился в его далеко не всегда безобидные озорные дела. Клуб особенно ценил то, что в Америке называют «практическими шутками», то есть шутки не только словом, но и действием. Вот лишь три

«шуточки», в которых участвовал новый член «Альфа Дельта Фи». По заданию одноклубников Рузвельт отправился в городской театр Бостона и после окончания спектакля стал кричать, что спектакль был отвратительным и он требует вернуть ему деньги (это продолжалось до тех пор, пока стражи порядка не вывели его на свежий воздух). В другой раз он вышел на улицу в обличье продавца сигар, с большим ящиком курева разного рода на шее, но сопровождал свой «торговый бизнес» лекцией о вреде курения. Наконец, на трамвайной остановке (в Бостоне тогда только-только появился трамвай) он поставил ногу на нижнюю ступень входной двери, неторопливо и аккуратно зашнуровал свой предварительно расшнурованный ботинок, а затем вежливо поклонился водителю со словами: «Спасибо, теперь вы можете следовать дальше»{58}.

Однажды Франк поспорил с кем-то из друзей, что сможет забросить мяч для гольфа на 400 ярдов (примерно 360 метров). И наивный оппонент, и окружавшие просто высмеяли хвастуна, не догадываясь, что он задумал хитрость, ведь в условиях спора ничего не было сказано о том, где и при каких обстоятельствах этот гигантский бросок должен быть совершен. Дело было зимой. Компания во главе с Франком отправилась к замерзшему озеру, и мяч не только легко преодолел по гладкому льду названное расстояние, но и превысил его почти на 100 ярдов{59}.

Из писем Франклина, воспоминаний о нем может создаться впечатление, что все эти «практические шутки» находились в центре его внимания. Однако это было отнюдь не так — он просто выставлял их напоказ, чтобы показать родным, каким он стал самостоятельным и почти неуправляемым сорвиголовой. Такое реноме он старался поддерживать и после окончания университета. Даже став заместителем министра, Франклин Рузвельт заявлял, что самым большим разочарованием в его жизни было то, что его так и не приняли в самый элитарный и престижный клуб Гарварда, именуемый Фарфоровым{60}. Подобных мифов, придуманных о самом себе, у него было немало.

* * *

На самом же деле всё было далеко не так. В центре внимания Франклина находились академические занятия, к которым вскоре присоединилась репортерская и редакторская работа в университетской газете, которую он считал не менее важным делом. Он не обладал журналистской хваткой, тем более ярким

публицистическим талантом. Но жажда писать, публиковаться, видеть свою подпись под газетной статьей, репортажем и особенно интервью с известным человеком была неутолимой.

Это была составная часть стремления занять видное место в обществе, стать известным как можно более широкому кругу людей. Именно поэтому с первых дней своего пребывания в Гарварде Франклин буквально обивал пороги студенческой газеты «Гарвард Кримсон» («Темно-красный Гарвард»), созданной в 1873 году, выходящей по настоящее время и пользующейся популярностью за пределами студенческого городка. Темно-красный цвет считался «фирменным» университетским — его использовали во всевозможных флагах и стягах, лозунгах и обращениях во время праздников, торжеств, спортивных состязаний, приема гостей и т. п.

Через много лет, когда Рузвельт стал знаменитым, и особенно после его кончины, в гарвардской газете появилась масса материалов об участии в ней Франклина, из которых наиболее интересной и информативной была большая статья Ф. Боффри{61}.

Уже в октябре 1900 года, вскоре после поступления в университет, Рузвельт откликнулся на объявление в газете о проводимом ею конкурсе с целью набора корреспондентов. Участвовали около семидесяти человек. В списке отобранных имени Франклина не оказалось.

Но в апреле 1901 года ему повезло. Он стал постоянным сотрудником газеты — отчасти в результате случайности, а в какой-то мере благодаря семейным связям. Дело в том, что в Бостоне оказался вице-президент Теодор Рузвельт и Франклин не мудрствуя лукаво напросился на встречу с популярным родственником. В кратком разговоре Теодор упомянул, что на следующий день он посетит университет и выступит в классе профессора Эббота Лоуэлла. Узнав «жареный факт», Франклин понесся в редакцию, которая тотчас же выпустила экстренный номер газеты с этим сообщением.

Когда на следующий день вице-президент явился в класс, оказалось, что там яблоку негде упасть. Пришлось переносить выступление в более просторную аудиторию. Престиж газеты повысился, получило известность и имя студента, от которого поступила важная новость.

С этого времени в «Кримсоне» стали публиковаться корреспонденции Франклина, а еще через год он получил там постоянную работу в качестве секретаря редакции. Опрошенные Ф. Боффри бывшие сотрудники газеты отзывались о работе Франклина по-разному Одни считали, что он был скрытным и

высокомерным, не обладал никакими талантами, а только имел знаменитую фамилию. Другие называли Рузвельта энергичным и независимым. Третьи отмечали его способность найти общий язык с самыми разными людьми. Так или иначе, но примерно через полгода Франклин еще выдвинулся, став выпускающим редактором, то есть нес полную ответственность за выход газеты в очередь с коллегами («его» номера выходили два раза в неделю).

Сам он писал на всевозможные текущие темы дня — о спортивных состязаниях и желательности выделения на зрительских трибунах специальных секций для женщин, чтобы они не задыхались от табачного дыма; о деревянных мостках, которые следует проложить в кампусе (университетском городке, включающем учебные аудитории, научно-исследовательские институты, жилые помещения для студентов, библиотеки, столовые), поскольку в сезон дождей студенты и преподаватели утопают в грязи, а в зимнее время скользят и падают; о несоответствии пожарного оборудования в общежитиях стандартам безопасности; о необходимости установить более совершенную систему вентиляции, особенно в Массачусетсском корпусе, где «постоянная жара и плохой запах», и т. д.

Когда газете в 1943 году исполнилось 70 лет, президент Рузвельт, несмотря на занятость в военное время, счел возможным поделиться с представителем издания своими мыслями о нем и сказал в соответствующем «юбилейном» духе, что и он, и его коллеги «получили в “Кримсоне” больший опыт, чем в какой-либо другой ассоциации или предприятии студенческих дней», и что он «лучше помнит свою работу редактора, чем рутинное студенческое обучение». В этих словах было, разумеется, немалое преувеличение, но долю истины они отражали.

Еще год он не расставался с университетом, став главным редактором газеты «Гарвард Кримсон». Здесь в основном завершилось складывание журналистских пристрастий Рузвельта, умения быстро схватывать сущность происходившего события или общественного явления, излагать его кратко и емко, с четким определением собственной позиции, но без навязчивого стремления во что бы то ни стало заставить других думать также. Если изначально Франклин не обладал значительными журналистскими способностями, не мог писать легко и увлекательно, то постепенно благодаря упорному труду, тренировке, желанию овладеть пером его материалы стали восприниматься как произведения профессионального газетчика.

В период, когда Рузвельт возглавлял газету, он писал почти

все передовые статьи, как правило, носившие морализирующий, наставнический характер, по каковой причине друзья шутили, что они напоминают выступления гротонского ректора Пибоди, у которого его бывший ученик научился пасторскому тону. Обращаясь к студентам, Рузвельт в статьях призывал их не только хорошо учиться, но и неустанно воспитывать себя, заниматься полезными делами. Университетский опыт — это не только занятия и размышления, это путь к достижению успеха, порой в самых неожиданных областях.

* * *

Попутно со становлением личности Рузвельта происходило всё большее отчуждение от матери с ее безоглядной заботой о сыне, сочетавшейся с усиливавшимся непониманием его дел и забот.

Седьмого декабря 1900 года, через несколько месяцев после поступления Франклина в университет, скончался его отец, и Сара переехала в Бостон, чтобы быть поближе к единственному сыну. Жила она отдельно, но почти ежедневно посещала Франклина, отвлекая его от дел. Характерно, что когда Рузвельт стал руководителем газеты, Сара, вместо того чтобы разделить его радость, посоветовала сыну побольше бывать на свежем воздухе, потому что воздух в помещении редакции далек от свежести{62}.

Впрочем, в переписке (она считалась обязательной, когда сын или мать покидали город) внешне сохранялись все атрибуты взаимной привязанности и теплоты, но они становились в какой-то степени лицемерными, в меньшей мере со стороны матери, в большей — со стороны сына. Это отчетливо проявилось летом 1903 года, когда Франклин впервые отправился в заморское путешествие один, без родителей. Перед отъездом Сара написала сыну, что не собирается держать его привязанным к своему фартуку, хотя на самом деле именно это являлось ее затаенной, но невыполнимой мечтой (в выражении по поводу фартука можно заметить и оттенок раздражения из-за того, что сын даже не пригласил ее в путешествие). Франклин же написал матери обычные слова — просил не беспокоиться, обещал вести себя соответственно своему положению, добавив: «Мне жаль, что ты не будешь со мной»{63}. На самом же деле он был доволен, что наконец отправляется в Европу свободным от материнской опеки.

Франклин унаследовал от отца примерно 600 тысяч долларов — весьма крупную сумму. Вдобавок к этому средства то и дело

подбрасывала мать, которая только и думала о том, чтобы ее сын жил безбедно.

Разумеется, в студенческие годы у Рузвельта было немало любовных афер, кратких, ни к чему не обязывающих связей. Возникло, однако, и первое довольно сильное увлечение.

Объектом его внимания в 1903 году стала семнадцатилетняя бостонская красавица Элис Сохиер, дочь местных богачей, с которой Франк познакомился на одном из танцевальных вечеров. Молодые люди стали встречаться, в летнее время вместе проводили дни на пляже или на парусной лодке в прибрежных океанских водах. В дневнике, который стал в это время вести юноша, появилась запись: «Провели вечер на лужайке. Элис советуется со своим доктором»{64}. Имея в виду то, что почти тотчас после этого барышню внезапно отправили в Европу, можно предположить, что она поехала туда делать аборт. Европейское путешествие было средством скрыть событие, считавшееся в то время в семьях, подобных Сохиерам, позорным. После возвращения их встречи стали более редкими, а затем и вовсе прекратились. Франклин сделал Элис предложение, которое было отвергнуто.

Страстная любовь быстро прошла. Через много лет Элис рассказывала, что главной причиной того, что брак не состоялся, было желание возлюбленного создать большую семью, иметь много детей. «Я не желала стать дойной коровой!» — восклицала она{65}. Рузвельт же в 1928 году писал своему бостонскому знакомому Роберту Уошберну: «Когда-то, когда я был в Кембридже (напомним, что это городок, в котором находится Гарвардский университет. — *Г.* У.), я серьезно задумывался о женитьбе на бостонской девушке… и о том, чтобы провести здесь остаток моих дней»{66}.

Во время путешествия в Европу, когда Франклин в старой доброй Англии встречался с семейством лорда Холмли в его богатом поместье в Линкольншире, возникла любовная история с одной из дочерей лорда, также носившей имя Элис. Подробности ее неизвестны, да и была она очень краткой.

Но любовные увлечения, изучение права, спортивные занятия и даже работа в газете — всё это было неким фоном. А главное — именно в Гарварде у Рузвельта сформировался глубокий интерес к политической жизни страны. Уже в начале третьего десятилетия своей жизни Франклин стал подумывать о будущей государственно-политической карьере. В американской двухпартийной системе, которая к началу XX века в основном сформировалась, его симпатии были на стороне той партии, к которой принадлежали его отец и соседи по Гайд-Парку.

Франклин Рузвельт стал активно поддерживать демократов.

Глава вторая. ДЕЛОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБРИ

Не идите в политику, если кожа
у вас чуть потоньше, нем у носорога.

Ф. Рузвельт

Новые интересы и женитьба

Для того чтобы понять дальнейшее развитие карьеры Рузвельта, необходимо хотя бы предельно кратко рассказать о бурных и противоречивых событиях американской политической истории второй половины XIX века.

Демократическая партия, которой Франклин Рузвельт симпатизировал со студенческих лет, считалась продолжательницей партии вигов и рассматривала себя наследницей традиций Томаса Джефферсона и Эндрю Джексона, занимавших президентский пост соответственно в 1801 — 1809 и 1829— 1837 годах, отстаивавших интересы «простых белых американцев». Но дело было, разумеется, значительно сложнее, особенно в середине XIX века, когда демократы довольно четко разделились на фракции Севера (они горячо отстаивали единство страны и были более или менее равнодушны к вопросу о существовании рабства) и Юга (они полностью поддерживали рабовладение и пошли на отделение южных штатов и провозглашение Южной Конфедерации, что, собственно, и привело к Гражданской войне). В результате войны Демократическая партия раскололась и вновь стала общенациональной лишь после так называемой Реконструкции Юга — попытки на протяжении 1865—1877 годов ввести в южных штатах подлинное расовое равноправие, окончившейся провалом, хотя специальными поправками к Конституции США чернокожее мужское население и получило избирательное право, а все негры были объявлены гражданами Соединенных Штатов. Потребовалось еще почти столетие, чтобы в стране не только законодательно, а реально возникло расовое равноправие, порой даже дающее перекосы в противоположную сторону: так называемые «позитивные действия», при прочих равных условиях предусматривающие преимущество черных над белыми при поступлении на работу, в университеты и т. п.

Республиканская партия в середине XIX столетия решительно выступала за ликвидацию рабовладения, за предоставление чернокожим в той или иной степени гражданских прав (по этому вопросу шли бурные споры), за интенсивное индустриальное развитие страны. На протяжении второй половины XIX — начала XX века республиканцы преобладали в политической жизни. Постепенно они всё более определялись в качестве партии индустриалистов, приверженцев хозяйственной экспансии на Запад, а затем и за пределы США. Их поддерживали не только представители большого бизнеса, финансовые круги, но и

широкие слои среднего класса, квалифицированные рабочие и ремесленники, значительная часть фермеров.

Надо сказать, что по своей социальной базе, а отчасти и политическим предпочтениям Демократическая партия после Реконструкции до некоторой степени сблизилась с Республиканской. Принадлежность к той или иной партии часто определялась не только и даже не столько социальными причинами, сколько семейными традициями и связями, а порой труднообъяснимыми симпатиями.

Джеймс Рузвельт, отец Франклина, стал демократом, ибо с уважением относился к президенту Эндрю Джексону, под влиянием которого он созрел как личность и предприниматель. Не менее важным было то, что экономические интересы Джеймса были связаны с Нью-Йорком, где политический курс во многом определяли механизмы Таммани-холла — штаб-квартиры Демократической партии, прославившейся политиканством и коррупцией.

Это своеобразное учреждение возникло еще в 1805 году как благотворительная организация (названа она была по имени вождя индейского племени делаверов) и лишь через много лет превратилось в авторитарную и продажную партийную машину (как ни странно, при этом продолжая свою благотворительную деятельность, особенно по отношению к нью-йоркским иммигрантам).

Став сторонником Демократической партии в значительной степени по семейной традиции, Франклин стремился на весах своих профессиональных и гуманитарных знаний, представлений о совести и чести измерить те социальные пороки, которые были характерны для Америки на рубеже XIX—XX веков и которых отнюдь не была лишена его собственная партия.

Американская демократическая система, полагал он, сохраняется, но находится под всё усиливающейся атакой различных враждебных ей сил. Южная часть страны, оставаясь преимущественно аграрной, по-прежнему находится в руках белых расистов, включая демократических партийных деятелей. Капитаны промышленности на Севере и Западе контролируют огромные финансовые империи и препятствуют свободному предпринимательству. В растущих гигантскими темпами городах бразды правления всё более прибирают к рукам коррумпированные политические боссы. Со слов отца, а также из статей «разгребателей грязи» (термин Теодора Рузвельта) Линкольна Стефенса, Эптона Стинклера, Аиды Тар-белл, Майкла Мура и других{67} Франклину были хорошо известны преступные нравы нью-йоркского Таммани-холла. Но ведь сходные структуры

существовали и в Чикаго, и в Бостоне, и в Филадельфии, и в Детройте…

Подобные политиканы руководили организованным рабочим движением в Американской федерации труда (АФТ), которая действительно смогла организовать немало успешных выступлений за улучшение условий труда. Но делами в ней заправляли чиновники с огромными зарплатами, дрожавшие за свои места, боявшиеся проникновения в ряды организации не только негров, но и представителей некоторых белых национальных меньшинств и тем более чернорабочих. При этом профсоюзные боссы, как правило, встречали поддержку значительной части рядовых членов АФТ — квалифицированных рабочих, получавших немалые деньги, но хотевших получать еще больше.

Америке необходимы реформы, всё более убеждался Франклин Рузвельт, находя единомышленников прежде всего в кругах молодых однопартийцев, считавших, как и он, что страна развивается не совсем в том направлении, о котором мечтали ее отцы-основатели. Нередко, однако, сходные мнения высказывали и те, кто был сторонником политических оппонентов демократов, ибо в Республиканской партии также вызревало крыло прогрессистов. Они считали правильным и важным принятый конгрессом в 1890 году антитрестовский закон Шермана (Джон Шерман был сенатором от Республиканской партии, но демократы его инициативу поддержали) — первый антимонопольный закон США, провозгласивший преступлением любое препятствие свободе торговли путем создания треста (монополии) и даже вступление в сговор с таковой целью. Наказание устанавливалось в виде штрафов, конфискаций и тюремного заключения сроком до десяти лет. Правда, в течение следующего десятка лет после принятия закон не применялся, пока президент Теодор Рузвельт не стал активно использовать его в своей антитрестовской кампании. Рузвельт-младший и его единомышленники видели недостатки закона Шермана прежде всего в том, что данное в нем определение треста («договор, объединение в форме треста, или в иной форме, ограничивающее торговлю») позволяло использовать его и против профсоюзов. (Такое понимание существовало до тех пор, пока соответствующее уточнение не было внесено новым антитрестовским законом Клейтона в 1914 году{68}.)

Тем временем сама карьера Теодора Рузвельта оказывала на молодого человека, становившегося всё более амбициозным, немалое влияние. Он чувствовал симпатию к Теодору, невзирая на то, что был очень дальним его родственником, хотя и носил ту

же фамилию. Теодор, пятиюродный брат Франклина по отцовской линии, будучи старше его на 24 года, назывался «дядюшкой». К тому же он принадлежал к конкурирующей Республиканской партии.

С изумлением наблюдал юноша, еще не достигший двадцати лет, за стремительной карьерой родственника. В 1898 году «дядя» Теодор стал известен всей Америке как организатор добровольческого кавалерийского полка, принявшего участие в испано-американской войне на территории Кубы (война была кратковременной, Испания признала поражение, Куба перешла под американский контроль, а сами Соединенные Штаты стали превращаться в мировую державу, претендующую на тихоокеанские колонии и влияние на другие страны). В том же году Теодор был избран губернатором штата Нью-Йорк, а через два года республиканец Уильям Маккинли, выдвинутый на второй президентский срок, предпочел его прежнему вице-президенту Гаррету Хобарту, и Теодор Рузвельт в начале 1901 года занял этот пост. Но это было только начало.

Вскоре произошло совершенно неожиданное: 5 сентября того же года на панамериканской выставке в городе Буффало на севере штата Нью-Йорк президент был ранен анархистом Леоном Чолгошем. Первая пуля отскочила от пуговицы смокинга, но вторая, оказавшаяся более меткой, попала в живот. Маккинли пытались спасти, была сделана операция, но развился перитонит (тогдашние врачи определили его как гангрену), и 14 сентября Маккинли скончался. Схваченный на месте преступления Чолгош в октябре был казнен на электрическом стуле.

Так «дядюшка» Тедди, принеся в этот же день присягу на верность американскому народу и флагу США, стал в 43 года самым молодым президентом своей страны.

Это был один из самых популярных американских президентов, отличавшийся, в частности, стремлением опереться на те фракции в обеих палатах конгресса, которые получили прозвище прогрессистов. Их главный лозунг был: «Преодолеть всевластие корпоративного капитала», — а средством к этому должен был послужить закон Шермана. Последовал целый ряд судебных процессов, в частности против крупных железнодорожных компаний. Как правило, эти дела затягивались и приводили к ничтожным результатам, но обычно компании шли на уступки, вели себя скромнее, опасаясь, что по отношению к ним могут быть применены более крутые меры. Транспортных боссов вроде бы удалось присмирить благодаря закону 1906 года, который давал президенту право регулировать железнодорожные тарифы в тех случаях, когда грузы или пассажиры перевозились

через границу по крайней мере одного штата. Эта акция, а также вмешательство в несколько трудовых конфликтов, приведших к улучшению условий труда рабочих на угольных шахтах и других крупных предприятиях, еще повысили популярность Теодора Рузвельта.

Американцам из самых разных социальных слоев импонировала и весьма активная, если не сказать агрессивная, политика Теодора, который, как вспоминали, не раз повторял: «Говори мягко, но держи в руках большую палку». Эта политика «большой дубинки» проявилась в организации «революции» в том регионе Колумбии, где пролегала самая узкая часть перешейка между двумя американскими континентами. Когда спровоцированная «революция» вспыхнула в 1903 году, американцы оказали ей всяческую помощь, разумеется, заранее спланированную, благословили провозглашение самостоятельной Республики Панама, а затем заключили с правительством новорожденной страны договор о строительстве канала между Атлантическим и Тихим океанами на условиях, от которых ранее отказывалась Колумбия.

Американцам было весьма лестно и то, что Т. Рузвельт стал первым американцем, удостоенным Нобелевской премии 1906 года, причем премия мира ему была присуждена за посредничество между Россией и Японией, в результате которого 23 августа (5 сентября) 1905 года в городке Портсмут (штат Нью-Гэмпшир) они подписали мирный договор, завершивший войну 1904—1905 годов, оказавшуюся крайне неблагоприятной для России.

Когда в 1904 году Теодор Рузвельт был избран президентом (напомним, что в первый раз он занял этот пост не в результате выборов, а после гибели Маккинли), он сказал своей жене Эдит: «Моя дорогая, я больше не политическая случайность».

* * *

Уроки «дядюшки» оказались очень важной составной частью политического капитала Франклина. Он восхищался умением Тедди Рузвельта умиротворять страсти, добиваться компромиссов, когда еще недавно жестоко враждовавшие оппоненты расходились, пожав друг другу руки, каждый в полной уверенности, что победил он.

Особенно нравились Франклину, выросшему в тихом, зеленом месте, мероприятия Теодора по сохранению природы, которая до этого расхищалась самым варварским образом.

Рузвельт-младший многократно выступал с горячей поддержкой акций президента в той области, которая много позже стала именоваться охраной окружающей среды. Эти усилия были направлены прежде всего на создание и поддержание в неприкосновенности огромных пространств дикой природы, которые получили название национальных парков и заповедников. Правда, первые национальные парки были созданы ранее — «Йеллоустон» в штате Вайоминг в 1872 году, «Йосемити» и «Секвойя» в Калифорнии в 1890-м. Но Рузвельт-старший использовал всё свое влияние для того, чтобы добиться выделения немалых средств на сохранение в руках государства с целью сбережения почти двухсот миллионов акров[4] земли, главным образом на Аляске и в штате Вашингтон на северо-западе страны, для создания здесь новых национальных парков. Именно по инициативе Рузвельта была основана Американская служба лесного хозяйства, а вслед за этим президент добился принятия конгрессом закона о деятельности пяти национальных парков и пятидесяти двух заповедников для диких животных.

На всю жизнь памятным остался тот день, когда молодой Франклин был официально представлен президенту Рузвельту. Хозяин Белого дома вспомнил, что Франклин приходил к нему незадолго до этого в Бостоне еще во время вице-президентства и организовал грандиозный наплыв студентов на его выступление. Юноша осмелился задать «дядюшке» Тедди вопрос, нравится ли ему его работа. В ответ, широко улыбнувшись, президент ответил несколько загадочно: «Это просто, всё равно что срывать плоды»{69}. В любом случае было ясно, что «своей работой» высокий собеседник Франклина вполне удовлетворен. Молодой человек сделал вполне прогнозируемый вывод, что примеру родственника надо пытаться следовать.

Тем временем произошло важное событие в личной судьбе Франклина, который к концу студенчества превратился чуть ли не в противоположность тому застенчивому и предпочитавшему одиночество мальчику, каким его знали по школе.

Оставаясь трудолюбивым и восприимчивым к новым идеям, плодовитым автором студенческой газеты, он, как сам позже неоднократно признавал, стал ценить житейские удовольствия — вечер, проведенный с друзьями за бутылкой хорошего вина в неформальной обстановке, с розыгрышами и фривольными шутками; кратковременную близость с хорошенькими девушками, обычно студентками, которые заглядывались на интересного молодого человека, появлялись в редакции гарвардской газеты по какому-нибудь придуманному поводу, а фактически для того, что установить или продолжить с ним знакомство.

Но однажды Франклин, в очередной раз встретившись со своей юной дальней родственницей, которая носила ту же фамилию (это была случайная встреча в вагоне поезда), почувствовал к ней нечто большее, чем просто интерес к привлекательной особе. Это была Элеонора *(Eleanor)* Рузвельт, или Нелл, как ее называли близкие — по имени одной из героинь романа Ч. Диккенса «Лавка древностей». Нелл, племянница президента (дочь его родного брата Эллиота) и, стало быть, значительно более близкая его родственница, нежели Франк, также охотно пошла на более близкое знакомство с молодым человеком.

Судьба сложилась так, что детство Анны Элеоноры, появившейся на свет 11 октября 1884 года, было куда менее идиллическим, чем у ее родственника, с которым она ранее почти не была знакома. Ее хорошенькая и легкомысленная матушка Анна обращала на дочь мало внимания, к тому же внушала ей, что она уродлива и просто не может понравиться лицам противоположного пола. Девочке постоянно ставили в пример двух ее младших братьев, особенно Элли, умершего в раннем возрасте. В результате сама Нелл стала считать себя «гадким утенком» и была невероятно стеснительной.

Отец Нелл был человеком добрым, отзывчивым и в то же время малопредприимчивым неудачником и горьким пьяницей. Он слыл полной противоположностью брату, обладавшему необузданной энергией, силой воли и делавшему стремительную карьеру. К тому же Эллиот часто оказывался в неудобных ситуациях. Например, забеременевшая от него служанка потребовала большую по тем временам сумму в десять тысяч долларов, которую после недолгого торга пришлось заплатить. Деньги были предоставлены братом. Тедди и раньше недолюбливал Эллиота, а с того времени относился к нему с нескрываемым презрением. Элеонора же с ранних лет любила отца, который не баловал ее подарками, но, в отличие от матери, относился к ней нежно, что дочь чувствовала не столько умом, сколько душой.

В 1892 году, когда девочке исполнилось восемь лет, от дифтерии скончалась Анна, и с того времени Нелл воспитывалась в основном бабушкой по материнской линии Мэри Лудлоу Холл. Дядя Теодор через некоторое время написал своей сестре, что лучше бы умер Эллиот. Эти жестокие слова каким-то образом достигли слуха девочки и только усилили ее любовь и жалость к отцу.

Бабушка воспитывала Нелл в строгости, не позволяла ей расслабляться. Пожилая дама была глубоко верующей и

требовала того же от внучки, но ее религиозность была примитивной, начетнической. Элеонора позже рассказывала, что та верила каждому слову Библии и была убеждена, что пророк Иона действительно побывал в чреве кита. Аллегории святых книг были ей недоступны. По воскресеньям девочке разрешалось только посещать церковь и читать христианские книги. Бабушка, правда, относилась к девочке теплее, чем покойная мать, но из-за ее строгой и требовательной натуры эмоциональной близости между ними не было.

Самой большой радостью для девочки оказывались приезды отца, навещавшего дочь в недолгие промежутки между запоями. Они вспоминали старые времена, дальние поездки. В памяти Элеоноры особенно ярко запечатлелись дни, проведенные ими в Италии, катание на гондоле по венецианским каналам и песни, которые они с отцом распевали вместе с гондольером. Эмоциональный Эллиот искренне говорил дочери, как он ею гордится, какая она умница, как она хорошеет от одного его приезда к другому. Такие похвалы, естественно, были ребенку намного приятнее, чем строгость и требовательность бабушки.

Но отцовские визиты становились всё более редкими и краткими, а запои — всё более продолжительными и тяжелыми. Эллиот впутывался в разные авантюры, однажды на спор проскакал на лошади немалое расстояние по железнодорожной колее перед идущим поездом, чем доставил немалое развлечение зевакам. Последовал естественный результат — через два года после смерти матери, в 1894-м, отец скончался от алкогольного отравления.

Для десятилетнего ребенка это была подлинная трагедия. Бабушка, однако, не пустила Нелл на похороны, и она не видела мертвого отца. Умом девочка понимала, что он покинул сей мир навсегда. Но Эллиот жил в ее памяти, становясь тем примером, в подражание которому подраставшая Нелл стремилась строить свою жизнь. Это, разумеется, был мир вымышленный, мир грез, но он во многом определил те качества, которые постепенно у нее вырабатывались, — преданность, доброту, стремление оказать помощь нуждающимся, особенно тем, кто стоит на низших ступенях социальной лестницы и отвергается обществом.

В 1899 году бабушка отправила пятнадцатилетнюю внучку в Лондон, в женскую школу «Элленсвуд». Руководившая школой француженка Мари Сувестр, которую предварительно проинформировали о новой подопечной, имевшей высокопоставленного родственника и незавидную сиротскую судьбу, отнеслась к девочке сердечно и очень быстро смогла внушить ей уверенность в собственных силах и возможностях.

У самой Сувестр была сложная и яркая биография. В молодости она участвовала в революции 1848 года, вынуждена была оставить родину, жила в Швейцарии. Позже Мари возвратилась во Францию, занялась педагогической деятельностью. Однако ее заподозрили в лесбиянстве (возможно, подозрения соответствовали действительности), запретили преподавать, и она вынуждена была эмигрировать вторично, на этот раз в Великобританию, где и основала «Элленсвуд» недалеко от Уимблдона, ныне знаменитого места на окраине Лондона, где с 1877 года проводятся международные турниры по теннису на траве. Мари была убежденной безбожницей, но в то же время провозглашала религиозную свободу. Поразительно, что бабушка Элеоноры доверила ей внучку. Скорее всего она просто не знала о таком позорном, с ее точки зрения, факте, как атеизм воспитательницы.

Мари Сувестр искренне полюбила новую ученицу, вскоре стала выделять ее из общей среды, поручала ей наиболее ответственные задания, сажала рядом с собой за обеденным столом. По мере того как у Элеоноры появлялось чувство уверенности в себе, она стала с удивлением обнаруживать, что и внешне не такая уж отвратительная: некрасивое лицо компенсировала стройная фигура с рано сложившимися изящными женскими формами. Элеонора позже писала, что три года в школе Сувестр были самым счастливым временем ее жизни{70}.

Девочка проявляла интерес к политическим и другим общественным вопросам. Ее приучали к религиозной терпимости, воспитывали в духе равноправия полов. На школьной скамье Нелл стала суфражисткой — включилась в борьбу за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав. Но начальница школы никогда не забывала, что имеет дело с девочкой-подростком. Ее учили просто и красиво одеваться, пользоваться макияжем для того, чтобы произвести как можно лучшее впечатление. Она стала высокой привлекательной девушкой, с точеной фигурой и пышной гривой каштановых волос.

Когда Элеоноре исполнилось 18 лет, бабушка возвратила ее на родину. Дальнейшее образование Нелл получала самостоятельно. Иногда на семейных вечерах она видела дальнего родственника Франклина. После первой встречи один на один в поезде они стали обращать друг на друга внимание, а на одном из вечеров вновь разговорились.

Познакомившись поближе, Франклин и Элеонора вскоре убедились, что между ними возникло не только чувственное

влечение. Живо интересуясь социальными и политическими делами, они в значительной степени сходились во взглядах. Правда, Франклин казался консервативнее, Элеонора же воспринимала социальные проблемы более эмоционально, иногда взволнованно, почти истерично, но это были только детали.

Молодые люди стали часто встречаться, вместе посещали концерты и спектакли в Нью-Йорке, а иногда и в Вашингтоне. Они вместе присутствовали на новогоднем приеме в Белом доме 1 января 1903 года. Вскоре после этого Элеонора стала частой гостьей в Гайд-Парке. Впрочем, Сара считала ее очередным увлечением сына, которое быстро пройдет.

Однако их взаимное чувство оказалось серьезным. Будучи еще студентом, Франклин, которому едва исполнился 21 год, в ноябре 1903 года сделал предложение девятнадцатилетней Элеоноре, которое было с радостью принято.

Правда, поначалу Сара противилась этому браку, полагая, что ее сын еще слишком молод для семейных уз. Потребовалось немало времени, чтобы Элеонора смогла убедить будущую свекровь, что она — достойная партия для ее любимого сына. Безусловно, свою роль сыграло и то, что невеста являлась близкой родственницей президента страны. Чего греха таить, карьерные соображения играли определенную роль и в матримониальных планах самого Франклина. Но, безусловно, взаимные чувства были искренними и вначале страстными.

Неоспоримыми свидетельствами этого являются письма Элеоноры к возлюбленному. Когда после первого объяснения, происшедшего в Гайд-Парке, Франклин возвратился в университет, Нелл, совершенно не жеманясь, без чувства ложной гордости написала ему в тот же день: «Я люблю тебя, дорогой мой, и надеюсь, что всегда буду достойной твоей любви. Я никогда до сих пор не знала, что значит быть совершенно счастливой, только стремясь взглянуть в твои глаза… Мне кажется дурным сном, что ты должен был уехать этим утром, а я так хотела быть поближе к тебе»{71}.

Прошло, однако, еще больше года ухаживаний, встреч, добрачной любви. Признавая, что избранница сына — в принципе, вполне подходящая партия, Сара всё же оттягивала момент заключения брака, чувствуя, что он еще больше отдалит от нее ненаглядного отпрыска.

Нелл же видела во Франке не просто возлюбленного. Она перенесла на него чувства, которые испытывала к покойному отцу. В ее представлении молодой человек должен был не только соответствовать ее женским вкусам, но быть заботливым и внимательным по отношению как к ней, так и к тем, кого она

считала нуждающимися в помощи, искренним радетелем о пользе народа.

* * *

Семнадцатого марта 1905 года Нелл и Франк сыграли свадьбу, которая оказалась по тем временам немалым событием: на церемонию были приглашены более двухсот гостей, в числе которых был и президент, правда, находившийся на празднестве очень недолго, но сыгравший роль посаженого отца. Как рассказывали, он произнес: «Хорошо, что фамилия останется в семье!»{72}

Именно под руку с президентом шла Элеонора к алтарю. Для молодоженов это была большая честь, тем более что дядя Тедди, как позже уверял Франклин, специально подгадал свой очередной приезд в Нью-Йорк к свадьбе. На самом деле всё было наоборот. Теодор приехал в город по приглашению ирландской общины на празднование Дня святого Патрика, и именно к этому времени была приурочена свадьба. Собравшемуся обществу стали известны и письменные приветствия президента молодоженам, написанные еще после их помолвки, в которых говорилось, что он горд за Элеонору, как за собственную дочь, что он любит Франклина, доверяет ему племянницу, верит, что никакой другой жизненный успех, включая и президентство, не может сравниться с взаимной любовью двух молодых людей (в тексте стоит непереводимая на русский язык идиома *sweethearts* — «сладкие сердца». — *Г. Ч.)*, когда они становятся мужем и женой{73}.

Высоко оценили приглашенные и то, что церемонией руководил знаменитый педагог, бывший школьный учитель Франклина преподобный Эндикотт Пибоди. За порядком вокруг дома на 76-й улице Манхэттена следили 75 полицейских.

Весьма драматическим событием была телеграмма из Англии от женщины, сыгравшей неоценимую роль в формировании характера невесты, — мадемуазель Сувестр, которая, Элеонора знала, находилась на смертном одре. Действительно, через два дня она скончалась.

Приданое невесты, имея в виду общественное положение ее семьи, было сравнительно небольшим — 100 тысяч долларов (вспомним, что семейство матери Франклина приготовило к ее свадьбе миллион). Но общее состояние новобрачных было таким, что они могли позволить себе достойную жизнь.

Вскоре молодые отправились в свадебное путешествие, продолжавшееся целых три месяца, во время которого они

побывали в Англии, Франции, Италии, Германии. Они веселились, встречали старых знакомых, общались с новыми интересными собеседниками. В Шотландии в доме участника испано-американской войны Роберта Фергюсона произошла встреча с социалистами-реформистами Беатрисой и Сиднеем Вебб и уже известным драматургом, создателем пьес-дискуссий Бернардом Шоу{74}.

Франклин, при всей любви, привязанности, нежности к своей юной жене, вскоре, однако, почувствовал, что она не вполне подходит ему по сексуальному темпераменту. Воспитанная на пуританских догмах, она считала секс только супружеским долгом для продолжения рода и позже откровенно признавалась дочери, что никогда не получала удовольствия от плотской близости{75}.

Но на первых порах брак был вполне счастливым. Между Сарой и ее невесткой установились добрые отношения — Нелл называла свекровь мамой и вполне искренне выражала ей всяческое уважение и почтение.

По возвращении из свадебного путешествия молодых ожидал весьма внушительный материнский подарок — отдельный дом на 36-й Восточной улице Манхэттена, уже оборудованный и даже с тремя слугами. Сара позаботилась о том, чтобы Франклин с женой жили неподалеку от ее дома на Медисон-авеню — всего лишь в трех кварталах. Однако и этого ей показалось мало. Через некоторое время энергичная глава семейства, каковой она себя считала, приняла новое решение. Она купила два дома, расположенных рядом на 65-й Восточной улице всё того же Манхэттена, к тому же соединенных между собой так, чтобы Сара могла появляться в жилище сына без предупреждения. Элеонора с этим мирилась, полагая своим долгом считаться даже с причудами свекрови. Сара была бы очень удивлена, если бы кто-то осмелился сказать ей, что она навязчива — она стремилась оказать максимальную помощь семье сына.

Забегая вперед отмечу, что позже порядки в семье изменились. Через много лет, после женитьбы Джеймса, сына Элеоноры и Франклина, произошел мелкий, но показательный инцидент. Его жена Бетси, позвонив кому-то по телефону, представилась: «Это миссис Джеймс Рузвельт». Вошедшая в этот момент в комнату бабушка была возмущена: «Это я миссис Джеймс Рузвельт!» Нимало не смутившись, молодая женщина парировала: «А я не приглашала вас в свою комнату»{76}.

Поведение же Элеоноры свекровь вполне устраивало. Правда, старшей мадам Рузвельт не очень нравились социальные взгляды невестки. Она боялась, как бы та не привнесла в их дом

«пролетарский дух». Поэтому всё внимание деятельной Сары было направлено на то, чтобы жена сына занялась главным — рождением детей, и та послушно выполняла ее волю.

В промежутке между 1906 и 1916 годами Элеонора родила дочь Анну и пятерых сыновей.

Первые роды были очень тяжелыми. Врачи даже опасались за жизнь матери. Но Анна родилась крепкой и здоровой. Вслед за этим на свет появился Джеймс. Третий ребенок, названный Франклином, родился в 1909 году с тяжелой сердечной болезнью. К борьбе с такими пороками сердца медицина тогда еще не была готова, и через семь месяцев ребенок умер. Элеонора тяжело переживала его смерть, считая, что семейная трагедия — это ее вина, что она не уделяла ребенку должного внимания, хотя на самом деле это было совсем не так. В следующие годы в семье Рузвельт появились на свет мальчики — Эллиот, названный в честь деда, Франклин, получивший имя и в честь собственного отца, и в память об умершем братике, и, наконец, Джон. Их всех заботливо растили и воспитывали, благо бабушка Сара не скупилась на нянюшек, учительниц и слуг. Но в младенчестве все они были вскормлены материнским молоком.

Анна, Джеймс, Эллиот, Франклин-младший и Джон, став взрослыми, заняли свои места в американской общественной жизни, и я еще буду упоминать о них.

В первые годы совместной жизни супруги были очень нежны друг с другом. К сожалению, Элеонора позже уничтожила ту часть писем Франклина, адресованных ей, в которых выражались интимные чувства. Сохранились лишь немногие, но достаточно показательные. В апреле 1912 года, находясь на борту корабля во время путешествия в Панаму для осмотра строительства канала между двумя океанами, Франклин писал: «Я хотел бы, чтобы ты была здесь… Когда я без тебя, я чувствую себя одиноким и потерянным. Поэтому я торжественно клянусь, что отказываюсь в следующий раз куда-нибудь уезжать без тебя… Я не могу выразить, как я хотел бы тебя видеть»{77}.

Однако постепенно Франклин несколько отдалился от супруги, хотя был внимателен и заботлив по отношению к детям и, несколько более умеренно, к Элеоноре. Он вел богемную жизнь, предпочитал встречаться со старыми приятелями по Гарварду и новыми знакомыми. Появлялись у него и кратковременные связи с молодыми дамами, как свободными, так и замужними. В то же время он зорко присматривался к политической борьбе в стране, взвешивая шансы и возможные амплуа собственного появления на политической арене.

Когда родился Джон, врач предупредил Элеонору, что

следующая беременность опасна для нее и даже может привести к роковому исходу. На этом производство потомства прекратилось, а со временем закончилась и интимная жизнь, уступив место взаимному уважению, заботе, отличному пониманию и учету черт характера и психологических особенностей друг друга.

Вхождение в местную политику

Еще перед женитьбой Франклин, получивший в Гарварде степень бакалавра, поступил в Школу права Колумбийского университета в Нью-Йорке, обучение в которой являлось более высокой ступенью юридического образования, сходной с тем, что в Европе знали как аспирантуру. Он, однако, не собирался готовить себя ни к научной, ни к преподавательской карьере, а престижный нью-йоркский университет и тем более авторитетное научно-юридическое образование служили как бы той новой стартовой площадкой, с которой удобно было выбирать дальнейший путь. Но изучение толстых томов юридических сочинений, проведение целых дней в библиотеках и подготовка собственных рефератов на узкие правовые темы казались ему всё более скучными. На экзаменах он получал положительные оценки, но его знания оценивались как минимально удовлетворительные, подлинного рвения в учении он не проявлял, для научной карьеры «послужной список» был явно недостаточным. Он стал всё чаще прогуливать занятия, находя более интересные дела, чем лекции и практические занятия по искусственным, как ему казалось, правовым казусам. Вскоре с одобрения Элеоноры Франклин решил, что больший багаж жизненных знаний он сможет получить, занявшись юридической практикой.

Весной 1906 года он сдал экзамены на право заниматься адвокатской деятельностью и поступил в известную нью-йоркскую юридическую фирму Картера, Ледиярда и Милбёрна. Расположенная на Уолл-стрит, в финансовом центре города, становящегося финансовой столицей мира, эта фирма имела соответствующих клиентов. Среди них были такие могущественные корпорации, как «Стандарт ойл» из Огайо, Американская табачная компания. Франклин Рузвельт, недавно поддерживавший антитрестовский закон Шермана и, собственно говоря, не отказавшийся от своей позиции защитника «среднего американца», должен был теперь заниматься кляузами, связанными с претензиями многомиллиардных трестов друг к другу или же жалобами на эти тресты со стороны простых людей. Сложилось так, что теперь он защищал именно интересы большого бизнеса.

Первый год молодой юрист как практикант вообще трудился без оплаты, со второго года стал приносить домой заработок. Но он был таков, что едва мог покрывать карманные расходы, так что еще в течение довольно продолжительного времени

благосостояние семьи в значительной степени зависело от унаследованной от отца ежегодной ренты в 12 тысяч долларов да еще от материнских вспомоществований.

Франклин работал над разрешением юридических конфликтов мощных фирм добросовестно, но без огонька. Да и давали ему как начинающему второстепенные поручения. Сам он считал себя то «мальчиком на побегушках», то вполне сложившимся юристом. Через много лет он записал: «Когда я стал вполне развитым юристом…» — имея в виду именно работу в названной фирме. «Там я стал членом так называемой ученой профессии», — продолжал он со смесью иронии и гордости{78}.

По истечении срока «ученичества» Рузвельту стали поручать самостоятельные, хотя и мелкие дела, правда, связанные с заботами известных фирм и учреждений. В 1909 году, например, он представлял в суде интересы Морского института, которому некое частное агентство скорой помощи предъявило обвинение в том, что его сторож выстрелил в человека и пришлось несчастного бесплатно везти в больницу.

Рузвельта значительно больше интересовали дела муниципального суда Нью-Йорка, которые также вела фирма Картера, Ледиярда и Милбёрна. Здесь он, к огромному своему интересу, обнаружил две вещи, которые счел для себя исключительно важными.

Во-первых, муниципальные судебные дела, как в зеркале, отражали повседневную жизнь мегаполиса, в частности тяжбы социально-политического характера, связанные с деятельностью механизмов Демократической партии. К своему немалому удовлетворению, Рузвельт постепенно убедился в значительной эволюции Таммани-холла с приходом туда в качестве босса Чарлза Мёрфи, сменившего Ричарда Кроукера, имя которого ассоциировалось со взяточничеством, вымогательством, избирательными подтасовками и всякими другими видами мошенничества.

Мёрфи был несравненно честнее, стремился приблизить партийные дела к судьбам рядовых американцев и бороться, хотя далеко не всегда успешно, против коррупции. Франклин в свободное время зачастил в Таммани-холл, изучая практику партийно-политической борьбы и стремясь найти свою нишу. Он, правда, убеждался, что Мёрфи во многом повторял предшественника, прежде всего во властности и грубости. Возникшая было симпатия к Таммани-холлу довольно быстро угасла.

Во-вторых, ведя дела юридической фирмы, прислушиваясь к тому, что происходило в муниципальном суде, знакомясь и

беседуя с амбициозными политиками, Рузвельт всё больше убеждался в том, что был прав, оставив Колумбийскую школу права, ибо реальная, в том числе юридическая, жизнь решительным образом отличалась от того, чему учили догматы и Гарварда, и Колумбии. Через много лет, когда Рузвельт был уже опытным политиком, президент Колумбийского университета Николас Батлер попытался подтрунить над ним, заявив: «Ты никогда не сможешь назвать себя интеллектуалом, пока не возвратишься в Колумбию, чтобы сдать экзамены по праву». Франклин, недолго думая, возразил: «Это как раз и свидетельствует о том, как мало значит для нас право»{79}. Конечно, в этом ответе был немалый оттенок стремления поставить на место собеседника, ибо Рузвельт на самом деле не отвергал ни правовые нормы, ни интеллектуальную работу.

Он, однако, всё более убеждался в том, что для него практическая политика, которая базировалась бы на действующих нормах, но не становилась их рабыней и решительно отвергала бы догматы, выходила на первый план. Оставаясь честным и стремясь действовать в соответствии с принципами демократии, как он их понимал, Рузвельт проникался мыслью о том, что реальные повороты событий бурного XX века уже не укладываются, а в дальнейшем будут всё дальше выходить за пределы замшелых правовых норм, которые необходимо будет приспосабливать к этим изменениям. Ему всё более близкими становились слова из «Фауста» Гёте: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо»[5]. Он всё более глубоко понимал разницу между правильными, но абстрактными юридическими теориями и реальными коллизиями, теми «делами», которыми ему приходилось заниматься в адвокатской конторе и которые никогда полностью не вписывались в теоретические схемы, просто выдвигались из них хотя бы чуть-чуть, каким-то крохотным непослушным уголком. Именно эта сторона и юриспруденции, и политики была ему по-настоящему близка. Но одновременно она вела к всё более прохладному отношению к юридической казуистике, если не к прямому раздражению.

Добиваться того, чтобы правовые постулаты стали как можно более гибкими, давали возможность судьям, а вкупе с ними адвокатам пользоваться ими не формально, а во благо порядочных людей, — такой строй мыслей доминировал у Франклина, когда он размышлял о своей возможной политической карьере. Задумывался ли он о том, что гибкая юриспруденция в руках людей недобросовестных, но облеченных властью становится оружием смертоносным? Источники не дают ответа на этот вопрос. Думается, что Рузвельт просто не мог

игнорировать соображения такого рода, но примеривал политическую одежку прежде всего на себя самого, надеясь в будущем найти наиболее правильное, справедливое сочетание между нормами права и людскими потребностями. Некоторая двойственность, порой даже нерешительность в принятии политических решений, которая возникла у Рузвельта в молодые годы, со временем уменьшилась, но так до конца никогда и не исчезла.

* * *

Появившихся у него политических амбиций Франклин особенно не скрывал. Его коллега, сидевший в юридической фирме за соседним столом, вспоминал, что однажды в 1907 году в случайно завязавшемся разговоре о планах и перспективах Рузвельт поделился своими намерениями: вскоре он собирался принять участие в выборах в местные органы, а в будущем мечтал стать президентом страны подобно его родственнику. При этом были перечислены должности, которые занимал Теодор Рузвельт: депутат Ассамблеи штата, помощник военно-морского министра, губернатор штата Нью-Йорк. «Каждый, кто управляет Нью-Йорком, — заключил он с неожиданной откровенностью, — имеет хороший шанс стать президентом»{80}.

Поразительно, но Франклин Рузвельт почти полностью повторил политический путь «дядюшки Тедди», во всяком случае те три основных пункта государственной карьеры, которые он, 25-летний клерк адвокатской фирмы, назвал случайному собеседнику. Правда, в отличие от Теодора Рузвельта, который не только был республиканцем, но и отождествлял себя с властными силами крупных городов, прежде всего Нью-Йорка, Франклин, несмотря на то, что жил и работал в этом мегаполисе, чувствовал себя значительно ближе к сельским жителям северной части штата, даже к фермерам. Да и традиционно он продолжал считать себя принадлежащим к Демократической партии.

Первый этап наступил сравнительно скоро. На президентских выборах 1909 года Республиканская партия поддержала не Теодора Рузвельта (сочли, что двух четырехлетних сроков в Белом доме ему достаточно), а Уильяма Говарда Тафта по прозвищу Большой Билл. Избрание Тафта, с одной стороны, несколько осложнило карьерные перспективы Франклина, так как в подсознании всех, с кем он имел дело, маячила фигура могущественного родственника, превратившегося теперь, правда, ненадолго, в отставного политика. С другой стороны,

избирательные возможности стали более ясными, ибо, будучи сторонником Демократической партии, Франклин так или иначе должен был вступать в споры, а возможно, и в острые конфликты с республиканцами. В самой же Демократической партии укрепилось прогрессистское крыло, которое смотрело благосклонно на молодого, но многообещающего юриста.

Вскоре после того как президентом стал Тафт, подошло время выборов в сенат штата Нью-Йорк. Мёрфи и другие деятели Таммани-холла, посовещавшись, решили предложить 28-летнему Франклину Рузвельту баллотироваться от Демократической партии в одном из сельских округов, где с давних времен побеждали республиканцы. Собственно говоря, они считали этот крохотный округ в нью-йоркском аптауне, как традиционно именовалась глухая провинция штата (графства Колумбия[6], Датчес и Путнам), провальным, безнадежным для своей партии. Чем черт не шутит, рассуждали они, вдруг фамилия Рузвельт сможет изменить ситуацию. При этом учитывалось, что именно в графстве Датчес находилась родина Франклина — Гайд-Парк.

В соседнем штате Нью-Джерси в это время выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора один из демократических прогрессистов Вудро Вильсон — профессор истории здешнего славного Принстонского университета, человек уже немолодой (ему было 54 года), вроде бы совершенно не искушенный в политике, но твердо отстаивавший свои принципы на основе исторического опыта. Несмотря на хорошо известные недостатки этой кандидатуры, в частности «профессорство», к которому в Америке относились со смесью почтения и подозрения, Вильсону предсказывали победу. Может быть, и Рузвельту, который был вдвое младше Вильсона, удастся «проскочить» в нью-йоркский сенат?

Собственно говоря, выдвижение его кандидатуры произошло почти случайно. В юридическую контору, где работал Франк, заехал землевладелец из Датчеса, а по совместительству прокурор графства Джон Мак, чтобы оформить какие-то бумаги, и разговорился с Рузвельтом. Тот произвел на богача, чиновника и активиста Демократической партии благоприятное впечатление. Почти сразу (правда, после консультации с Таммани-холлом) последовало предложение попытать счастья на выборах в легислатуру[7] штата. События развивались стремительно. Рузвельт побывал в избирательном округе, на дельцов которого, помимо бесспорного личного обаяния Франка, произвели впечатление его фамилия и возможность, как они полагали, получить в избирательный фонд немалую сумму.

Рузвельт встретился с боссом демократов в избирательном

округе Эдом Пёркмнсом, который его поддержал, но скорее всего просто для испытания молодого претендента заявил, что тот должен заручиться согласием одного из членов партийного комитета, который был по профессии рабочим-маляром. Франклин должен был продемонстрировать, как он сможет привлечь на свою сторону человека, стоящего значительно ниже на социальной лестнице.

Последовавшую затем сцену Т. Морган считает самой значительной во всей политической карьере Рузвельта{81}. Он, безусловно, сильно преувеличивает, но сцена эта действительно свидетельствовала о том, что Рузвельт-аристократ, Рузвельт-студент, Рузвельт-юрист всерьез начал превращаться в Рузвельта-политика.

Дело происходило так. Собрав предварительную информацию, Франклин отправился в дом, где в это время работал маляр Томас Леонард. Получив от хозяйки дома разрешение поговорить с ним, Франклин приветствовал: «Здравствуй, Том». Собеседник вежливо ответил: «Как вы поживаете, мистер Рузвельт?» — «Нет, называй меня Франклином, — услышал рабочий в ответ. — Ведь я называю тебя Томом». Этим жестом, а затем и доверительностью просьбы симпатия рабочего была завоевана, и он обещал поддержать кандидатуру Рузвельта на предстоявшем собрании в ратуше Гайд-Парка.

Так Рузвельт буквально с ходу начал учиться правильному тону в общении с людьми различного социального положения, верований, пристрастий и вкусов. Он понял: главное для завоевания доверия — демонстративное равенство, доверительность и простота в общении. Во имя политической карьеры необходимо было отказаться от высокомерия и снобизма, надо было играть с избирателями на равных. И чем искреннее это будет или, по крайней мере, будет казаться, чем правдивее будут звучать произносимые слова, тем вероятнее успех.

Правда, в выборных делах было одно серьезное препятствие — родственная связь с бывшим президентом, представителем соперничающей партии. Можно было предположить, что «дядюшка Тедди» не одобрит политический выбор Франка и может какой-нибудь резкой фразой, на которые он был мастер, подорвать его шансы. Однако «дипломатические переговоры» дали благоприятный результат: Теодор Рузвельт пообещал не вмешиваться. Впрочем, местные республиканцы довольно язвительно прореагировали на выдвижение кандидатуры нового Рузвельта. Их газета «Пекипси дейли игл ньюс» писала: «Демократы сделали новое и ценное открытие — они обнаружили

Франклина Д. Рузвельта… Мистер Рузвельт окончил Гарвардский университет и делает первый шаг в политике. Полагают, что его вклад в избирательную кампанию значительно превышает четырехзначную цифру, отсюда ценность открытия»[82].

Так или иначе, но Франклин принял сомнительное предложение и со всей страстью включился в предвыборную борьбу. В августе 1910 года состоялось его первое предвыборное выступление, причем произошло оно в пабе — пивнушке, посетители которой вначале с некоторой долей презрения наблюдали за появившимся молодым аристократом. Но тактика общения с «простолюдинами» уже была опробована. «Называйте меня просто Франклином», — начал он свою речь.

Для того чтобы легче было общаться с избирателями, быстро перемещаться из одной точки провинциального округа в другую, Рузвельт приобрел дешевый открытый легковой автомобиль красного цвета, вдобавок без ветрового стекла. Для предвыборной борьбы это была новинка, которая к тому же свидетельствовала и о его страстном желании выиграть выборы, и о неравнодушии к техническому прогрессу. В то же время скромность машины должна была продемонстрировать избирателям непритязательность ее владельца.

Последовала несколько комичная поездка по избирательному округу, которая, вероятно, была бы достойна пера сатирика вроде Марка Твена. В нью-йоркской провинции существовало правило, что автомобили, которые встречались еще редко, должны были уступать дорогу лошадям или рогатому скоту. Более того, был принят специальный закон, согласно которому при встрече с телегой или каретой достаточно было того, чтобы кучер поднял кнут. Это означало, что машина должна не только остановиться, но и съехать на обочину. То в пыли грунтовой дороги, то в грязи под дождем, уставшие, но бодрящиеся, с улыбками, не сходившими с лиц, Рузвельт с добровольным помощником, уроженцем Гайд-Парка и старым знакомым Морганом Хойтом, исколесил весь округ. Они останавливались где угодно — на молочных фермах и деревенских улицах, звонили и стучали в двери домов фермеров, трясли руки тем, кто их впускал в помещение, и, разумеется, сулили всяческие блага, если Рузвельт будет избран. В среднем, не считая кратковременных остановок и полных всевозможных обещаний разговоров с избирателями, Рузвельт произносил по десятку речей в день[83].

Однажды, увлекшись, путешественники заблудились и заехали в соседний штат Коннектикут, который к избирательной кампании Рузвельта никакого отношения не имел. Пришлось, извинившись, возвратиться в родные пределы…

Впрочем, многому еще надо было учиться. Если навыками непосредственного общения с избирателями Франклин овладел быстро, то его публичные выступления вначале напоминали доклады на университетских семинарах. Послушав предвыборную речь мужа в городке Пекипси, Элеонора заметила, что он вел себя нервно, был внутренне напряжен, говорил медленно, как бы подбирал слова, между отдельными фразами подчас были томительные паузы. К тому же он казался «ужасно юным»[{84}].

Трудно сказать, какие факторы оказались решающими для исхода выборов. Возможно, некоторые не очень грамотные фермеры полагали, что Франклин является республиканцем, подобно Рузвельту-старшему. Какую-то роль сыграло то, что прогрессизм, стремление к политическим реформам, которые отстаивал демократический кандидат, не особенно вдаваясь в конкретные предложения, становились всё более популярными. Отдельные наблюдатели утверждали даже, что разразившийся в день выборов сильный дождь помешал некоторым пожилым избирателям явиться на участки для голосования, а именно в их среде были особенно сильны консервативные настроения.

Так или иначе, произошло невиданное, в значительной степени случайное событие для этого края: кандидат от Демократической партии победил, обогнав соперника — республиканского кандидата Джона Шлоссера, довольно известного юриста и опытного оратора, более чем на тысячу голосов (15 708 против 14 568). Однако если это и была случайность, то хорошо подготовленная и прежним опытом молодого политика, и его основательной предвыборной агитацией. Несмотря на весьма скромную разницу, боссы Демократической партии торжествовали.

Франклин набирался опыта, учился разговаривать с людьми совершенно различного социального положения и взглядов, находя для них нужные слова. А главное — он постепенно, очень медленно избавлялся от своих аристократических замашек, которые, впрочем, подчас давали себя знать, и этот процесс продолжался с переменным успехом еще много лет. Френсис Перкинс, работавшей в Лиге потребителей и позже ставшей соратницей Рузвельта в политических дебатах и битвах, при первой встрече он не понравился. Она вспоминала, как Рузвельт «ходил из одной комнаты комитета в другую (речь шла об одном из комитетов легислатуры штата. — *Г. Ч*), редко разговаривая с его членами, с искусственно серьезным выражением лица, редко улыбался», и что у него была неприятная привычка, которую он сам, вероятно, не осознавал, — задирать вверх голову: «В сочетании с пенсне и высоким ростом это создавало впечатление,

что он смотрит на большинство людей сверху вниз»{85}.

Но когда было необходимо, Франклин мобилизовывался и представал перед людьми из самых различных социальных групп чуть ли не одним из них, что в Америке исключительно важно. Журналист Луис Хоув, который стал позже другом Франклина, с немалым удивлением отметил: «Это была совершенно безнадежная борьба, но Рузвельт выиграл ее»{86}. Сам Франклин постепенно учился «не задирать нос». Он во всё большей мере вел себя так, чтобы его взгляд сверху вниз воспринимался как признак внимания к собеседникам, а не высокомерия.

* * *

Победа на выборах произвела впечатление не только среди политиков штата. Ее отметили многие ставшие известными фигуры. Среди них был и только что одержавший блестящую победу на губернаторских выборах в соседнем штате Нью-Джерси Вудро Вильсон — восходящая звезда Демократической партии. Бывший студент Вильсона по Принстонскому университету Джозеф Гаффи посетил его, чтобы поздравить. В завязавшемся разговоре был упомянут успех Рузвельта. «Я думал, что все Рузвельты республиканцы», — сказал Гаффи. «Нет, — ответил губернатор, — этот относится к демократическому крылу семьи. Это — медведь, который еще наблюдает [за происходящим]. Я думаю, у него есть политическое будущее»{87}.

В начале января 1911 года новый сенатор, приехав в столицу штата город Олбани, расположенный в 210 километрах севернее самого крупного города штата, носящего одно с ним название, принес клятву верно служить своему штату и стране в целом. Будучи человеком богатым, он арендовал в Олбани большой трехэтажный дом, куда перевез всю свою семью, включая трехмесячного Эллиота, нянь и трех слуг Элеонора, отвлекаясь от забот по дому и воспитания детей (эти дела всё чаще передоверялись верным помощникам и слугам), охотно помогала супругу: подбирала материалы, печатала на машинке его предложения и запросы, давала советы, которые Франклин обычно принимал к сведению, хотя отнюдь не всегда следовал им.

Сама аренда дома была актом демонстративным. В то время большинство законодателей штата чувствовали себя как бы в гостях или в командировке. Они обычно жили в удобном отеле Килера, прозванном «ванной», потому что там имелась такая диковинка, как турецкая баня. Семьи же оставались в своих

постоянных местах обитания, и постояльцы отеля часто покидали Олбани, чтобы съездить домой. Сняв большой дом и перевезя туда семью, Франклин фактически продемонстрировал, что собирается быть на своем сенатском посту, как говорят американцы, *full-time work* («полный рабочий день»).

Четвертого января 1911 года сенатор штата Нью-Йорк Рузвельт, пройдя все торжественные процедуры, занял свое место в кожаном кресле с белым столиком, обозначенное цифрой 36 — номером его избирательного округа. С опозданием на месяц центральная газета так описала его появление: «Франклин Д. Рузвельт легко вошел в зал сената в день начала сессии… Следившие за новым действующим лицом увидели молодого, очень здорового человека с видом римского патриция… Он высокий и стройный. С приятной внешностью, строением тела, выдающим физическую силу, он мог бы сделать театральную карьеру»{88}.

С некоторым трепетом Рузвельт переступил порог величественного здания Капитолия и вошел в зал заседаний верхней палаты парламента, построенный архитектором Генри Ричардсоном и Леопольдом Эйдлицем (продолжавшееся более тридцати лет строительство было завершено в 1899 году). Зал сената представлял собой внушительное помещение с высоким подиумом, на верхней ступени которого восседал председатель, а по бокам и чуть ниже — его помощник и капеллан. Заседание начиналось с молитвы, за которой следовала вечная, постоянно повторяющаяся повсеместно в США клятва верности американскому флагу. Рузвельта, правда, почти сразу предупредили, что украшавшие заднюю стену зала огромные камины уже не используются для отопления, а фактически предназначены для другой цели: туда забирались сенаторы для частных бесед. Прошло, однако, совсем немного времени, и Франклин понял, что его разыграли: оказалось, что акустика в камине такова, что каждое произнесенное там слово слышит весь зал. Стало ясно, что надо быть осторожным.

Первые его впечатления не были особенно радостными. Франклин счел, что губернатор штата Нью-Йорк пятидесятилетний промышленник Джон Дике туповат и что у него нет государственного мышления. Новый сенатор не сблизился ни с лидером демократического большинства в сенате Робертом Вагнером, ни с председателем фракции в ассамблее (нижней палате) Альфредом Смитом. Оба они станут видными американскими политиками, сыграют немалую роль в карьере Рузвельта, и о них еще будет сказано. Но пока весь набор высокопоставленных демократов казался ему не

соответствующим тому духу новаторства, которым он был охвачен, хотя и учился подчинять эмоции целесообразности.

Рузвельт был убежден, что его штат, в то время самый населенный и экономически развитый, должен играть и ведущую политическую роль. Разумеется, главным центром, определявшим характер всего штата, был город Нью-Йорк. Именно в нем, быстро расширявшемся, охватывая новые районы — Бруклин, Бронкс, Квинс (формально они считались отдельными городами, но фактически составляли единое целое с собственно Нью-Йорком, расположенным на острове Манхэттен), сосредоточивалась мощная промышленность, находились главные банки. Через нью-йоркский порт в страну поступала треть заморских товаров и вывозилась примерно такая же доля экспорта. Здесь печатались многотиражные газеты и журналы. В районе Бродвея процветала культурная жизнь — множились театры, концертные залы, художественные выставки. В то же время в «периферийных» городских районах, где селились иммигранты, — итальянцы, ирландцы, евреи, где постепенно пробивались к более или менее сносной жизни отдельные афроамериканцы, преобладали средняя и мелкая промышленность, мануфактурное производство. По своим политическим предпочтениям эти районы были несравненно демократичнее, чем Манхэттен.

Став сенатором, Рузвельт вскоре начал подписывать деловые бумаги тремя буквами — инициалами ФДР, повторяя надпись на родительском плакате, посвященном его появлению на свет. Вначале самые близкие к нему деятели, а затем всё более широкий круг людей стали повторять эту аббревиатуру, тем более что американцы вообще весьма склонны к сокращениям слов. В конце концов имя ФДР стало общеизвестным в США, да и за их рубежами, и необходимость пояснять его исчезла.

Спустя недолгое время после того как Рузвельт был избран в легислатуру штата, в Нью-Йорке произошла страшная трагедия. На швейной фабрике М. Бланка и И. Харриса «Триангл Шёртвейст», расположенной на углу Грин-стрит и площади Вашингтона в районе Гринвич-Виллидж на Манхэттене, из-за непогашенного окурка возник сильный пожар, в котором за 20 минут погибли 146 из примерно шестисот юных работниц.

Рузвельт был одним из инициаторов тщательного расследования происшествия. Когда дело еще только начиналось, он познакомился с молодой (двумя годами старше его) активисткой женского движения Френсис Перкинс, родом из Бостона, завершавшей обучение в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Френсис произвела на него впечатление своей вдумчивостью, строгостью суждений, преданностью делу и

искренним сочувствием к погибшим и их семьям.

Франклин вместе с другими депутатами рекомендовал кандидатуру Френсис, совмещавшей учебу с работой в Национальной лиге потребителей, в состав комиссии по расследованию трагедии на швейной фабрике. Рекомендацию поддержал Теодор Рузвельт. Комиссия начала работу, а сотрудничество Франклина с Френсис превратилось в прочную дружбу, по всей видимости, без какого бы то ни было налета эротики. Их дружба и деловое сотрудничество в конце концов привели к тому, что после избрания Рузвельта президентом Френсис Перкинс стала первой в истории США женщиной-министром.

Комиссия установила страшные факты поистине преступной эксплуатации итальянских и еврейских девушек из нищих иммигрантских семей Бруклина, работавших без выходных 84 часа в неделю и получавших по 15 долларов. Оказалось, что на фабрике не было техники безопасности. Из четырех лифтов действовал лишь один, вмещавший 12 человек; во время пожара он успел совершить только четыре рейса. Пожарная лестница оборвалась под тяжестью спасавшихся в первые же минуты. Двери в здание были заперты снаружи, чтобы работницы не могли выбегать на перекуры или для встреч с молодыми людьми. 49 работниц сгорели или задохнулись в дыму, 36 разбились в шахте лифта, куда они прыгали в надежде выбраться наружу, а 58 — выпрыгивая из окон. Судьба еще трех девушек так и не была установлена.

Дело рассматривалось в суде, который не признал владельцев фабрики виновными в гибели работниц. Собственники выплатили семьям погибших по 75 долларов, сами же получили от страховщиков по 400 долларов за каждую погибшую{89}.

Комиссия с участием Перкинс при содействии Рузвельта и других сенаторов, выявив все эти факты, развернула кампанию за введение общенационального фабричного законодательства, включая ограничение и охрану детского и юношеского труда и меры пожарной безопасности.

Внимание Рузвельта отнюдь не ограничивалось проблемами мегаполиса. Более того, он подчеркивал, что дела Нью-Йорка интересуют его в меньшей мере, чем заботы других частей штата, в первую очередь аграрной провинции. По этому поводу ему не раз приходилось выслушивать упреки, что делами города не следует пренебрегать. Френсис Перкинс, в частности, полагала, что, чрезмерно увлекаясь фермерскими и другими сельскими делами, Рузвельт недостаточное внимание уделяет рабочему вопросу.

В штате были и другие крупные города — Буффало, Рочестер, Сиракузы, — которые, правда, не могли сравниться с Нью-Йорком. И в то же время в северной части штата преобладало фермерское хозяйство, кормившее не только нью-йоркцев, но и жителей соседних территорий. Ни один другой штат не оказывал столь значительного влияния на общенациональную политическую жизнь. Рузвельт постепенно научился избегать прямого ответа на вопрос, чьи интересы он выражает — горожан или фермеров. В каждом отдельном случае он демонстрировал заинтересованность в делах именно того слоя населения, которого касалась проблема.

Франклин отлично понимал, что его избрание в традиционно республиканском округе не более чем случайность. Он был убежден, что обычное поведение новичка, скромно выслушивающего мнения старших, оказывающего им услуги и надеющегося на переизбрание через два года, когда уже можно будет действовать более самостоятельно, ему не подходит — он просто проиграет следующие выборы. Необходимо было действовать, чтобы выделиться, показать себя незаменимым, завоевать репутацию.

Подходящий случай представился почти сразу. Речь шла о выборах в верхнюю палату высшего органа власти в общегосударственном масштабе — в сенат конгресса Соединенных Штатов. Порядок избрания сенаторов не был определен Конституцией США. В одних штатах существовали прямые выборы, в которых участвовали все обладатели избирательных прав, в других, включая Нью-Йорк, своих представителей выдвигали и голосовали за них местные органы законодательной власти.

Как раз в это время ушел в отставку сенатор от Нью-Йорка республиканец Чонси Депью. Поскольку демократы преобладали и в ассамблее, и в сенате Нью-Йорка, было ясно, что именно демократ сменит Депью. Но и вокруг личности кандидата, и по вопросу о порядке выборов разгорелась острая баталия. Таммани-холл, который обычно намечал кандидатов, высказался за Уильяма Шихана, убеждая однопартийцев, что «голубоглазый Билли» — свойский и послушный парень, лучше которого в штате невозможно найти. Но новичок Рузвельт взбунтовался. Он счел, что выдвижение Шихана — чуть ли не предательство прогрессистских идеалов. Ведь этот человек — не просто богатый бизнесмен, но и партнер в юридической фирме известного консерватора Элтона Паркера.

* * *

Уже в первый месяц своего сенаторства Франклин возглавил группу «повстанцев», «инсургентов»[8], как их стали называть, которые потребовали, чтобы легислатура штата немедленно рассмотрела вопрос о переходе от косвенных выборов сенаторов к прямым, поскольку жители штата, получив такое право, ни в коем случае не избрали бы Шихана. Молодой сенатор брал слово чуть ли не каждый день. Высокий, стройный человек в отлично сшитом костюме, то надевавший, то снимавший модное позолоченное пенсне, производил яркое впечатление и на законодателей, и на публику, и, разумеется, на журналистов.

Корреспонденты крупнейших газет стали брать у него интервью. В весьма влиятельной «Нью-Йорк таймс» уже 22 января появилось его высказывание: «Я ничего не люблю так сильно, как хорошую борьбу Я никогда в своей жизни не получал такого удовольствия, как сейчас», встреченное читателями с симпатией. В другом интервью он осмелился даже посягнуть на то, что в кругах демократов считалось чуть ли не основой основ: «От разных Мёрфи, которые представляют большой бизнес, надо очиститься»{90}.

Естественно, такие эскапады вызывали гнев лидеров партии. «Отвратительный, высокомерный парень этот Рузвельт», — как-то публично высказался Тимоти Салливан, один из помощников Мёрфи{91}. Таммани-холл добился невиданного для тогдашних партийных нравов Америки — в Олбани местная «партийная ячейка» демократов исключила Рузвельта из своего состава.

Признаем: во многом всё происходившее было для Рузвельта карьерной игрой. Ведь сам он не так уж сильно отличался от Шихана — и был богат, и служил ранее в адвокатской фирме, обслуживавшей миллионеров. Я уже не говорю о том, что, ополчившись против Шихана, «инсургенты» Рузвельта не позаботились о том, чтобы найти собственного кандидата, который бы отвечал их прогрессистским чаяниям. Скорее всего они надеялись, что в случае благоприятного развития событий таковой отыщется в их собственной среде. Но наиболее убедительным доказательством того, что это была лишь азартная политическая игра, может служить, на мой взгляд, итог всей истории.

После почти двухмесячной перепалки в феврале—марте 1911 года Таммани-холл сделал вид, что пошел на компромисс. Кандидатура Шихана была снята, взамен в сенат был выдвинут бывший «гранд сейчем» Таммани-холла (по-индейски «сейчем» — вождь; так называли фиктивных руководителей, зицпредседателей, которые прикрывали власть подлинного лидера), весьма близкий к Мёрфи Джеймс О'Торман. Эта

личность еще меньше, нежели Шихан, соответствовала требованиям, которые выдвигал к кандидату Рузвельт, но он счел за благо поддержать ее, чтобы не оказаться в изоляции.

Формально Франклин потерпел поражение. Но он отнюдь не считал, что оказался в проигрыше, и, видимо, был прав. Как выяснилось, можно было заставить всесильный Таммани-холл менять свои планы. Но главное — имя Франклина Рузвельта стало известно, по крайней мере в родном штате. Рузвельта узнали не только как удачливого соперника на выборах, но и как резкого и остроумного оратора, который за словом в карман не лез. Коллега Франклина по сенату штата Р. Вагнер с немалой иронией говорил тогда: «Сенатор Рузвельт добился своего. Всё, чего он хочет, — это газетные заголовки. Давайте теперь займемся нашими делами»{92}.

В центральных газетах Америки всё чаще стали появляться не только упоминания о нем, но и интервью с ним, иногда даже с фотографиями, на которых было запечатлено юное лицо оратора с вздернутым в характерной манере подбородком. Рузвельт запоминался людям как борец против «боссизма» и «антитрестовец», хотя для агрессивного и вместе с тем расчетливого юного политика это было верно только частично. Теперь прогрессистские круги оценивали эту гордо поднятую голову уже не как признак высокомерия и снобизма, а в качестве признака твердого характера и сильной воли. Одни и те же жесты или привычки трактовались совершенно по-разному — в зависимости как от позиций их обладателя, так и отношения к этим позициям со стороны коллег.

Уже в ранние годы политической деятельности Рузвельта совершенно четко проявилась его двойственность: резкая критика тех, кто накопил миллионные состояния, — и использование всех благ богатства, которым обладала его семья; выпады против «боссизма» — и стремление подчинить своей воле других; показная демонстрация собственной принципиальности вкупе с непримиримостью — и готовность идти на компромиссы, когда это оказывалось политически целесообразным; наконец, негодование по поводу карьеризма — и неуклонное стремление вознестись на самые карьерные вершины.

«Исторический путь — не тротуар Невского проспекта», — говорил русский мыслитель Н. Г. Чернышевский, имевший в виду, что те, кто ступил на зыбкую почву политической деятельности, должны забыть о морали. Вряд ли это мнение полностью справедливо, но определенная степень отрешения от незыблемых и вечных нравственных норм характерна для любого из тех, кто решил посвятить себя этой сфере. В немалой степени сказанное

касалось и Рузвельта, и мы еще не раз встретимся с тем, как при столкновении соображений морали и политической целесообразности он предпочитал преимущества последней.

Значительно более ощутимые результаты, нежели конфликт вокруг конкретной кандидатуры в сенат США, имела кампания, развернутая Рузвельтом за унификацию выборов в верхнюю палату высшего законодательного органа страны. В середине апреля 1911 года Франклин внес на рассмотрение коллег предложение о внесении в Конституцию США поправки, которая предусматривала бы обязательность избрания сенаторов всеобщим голосованием. После непродолжительных дебатов проект его резолюции был принят большинством —28 голосов против шестнадцати, а еще через несколько дней одобрен и нижней палатой — ассамблеей штата Нью-Йорк с еще более убедительным перевесом — 105 голосов против тридцати{93}. Поправка была одобрена конгрессом, затем в соответствии с Конституцией США прошла процедура ратификации ее штатами. 8 апреля 1913 года 17-я поправка к Конституции вступила в силу Франклин Рузвельт не раз с гордостью говорил, что именно он дал первый толчок этой мере, благодаря которой общенациональный сенат перестал быть «клубом миллионеров»{94}.

Будучи депутатом от сельского округа, жителям которого были чужды городские социальные заботы, в частности волновавшая мегаполис Нью-Йорк проблема условий труда, Рузвельт не принимал сколько-нибудь активного участия в дебатах по этим проблемам, хотя исправно голосовал за меры по ограничению детского труда, за сокращение рабочего дня и т. п. Его больше волновали нужды жителей провинции. Франклин ни на минуту не забывал, что ему скоро предстоит переизбираться и что его шансы на успех невелики.

Он сосредоточил основные усилия на проблемах охраны природы: озеленении, оздоровлении почвы, борьбы против расхищения природных ресурсов. Для начала он выступил инициатором озеленения родного Гайд-Парка и даже вложил в это дело некоторую сумму. Были высажены тысячи деревьев. И хотя пока что они скорее напоминали кусты, обещая превратиться в пышные тенистые аллеи только в будущем, Гайд-Парк стали ставить в пример другим городам Америки.

Вслед за этим Франклин предложил создать при легислатуре штата комитет по лесам, рыбному и охотничьему хозяйству. Естественно, он стал председателем этого комитета, который непрерывно выступал с новыми инициативами. Однажды Рузвельт пригласил для выступления в ассамблее главного

лесничего Соединенных Штатов Гиффорда Пинчота. Тот показал на экране через «волшебный фонарь» две картинки. На рисунке XVI века был запечатлен зеленый массив, на фотографии того же места, сделанной совсем недавно — выжженная солнцем местность без какого-либо намека на растительность, производившая гнетущее впечатление. Конечно, это была крайность. Но было наглядно продемонстрировано, что может произойти с другими районами страны, если законодательно не обеспечить защиту природы.

Хотя ассамблея ограничилась лишь принятием резолюции о сохранении зеленых массивов (на большее она просто не имела полномочий), вопрос был поставлен. Об инициативе Рузвельта узнали из прессы и в штате, и за его пределами, что добавило ему популярности.

* * *

Тем временем приближались очередные президентские выборы. В развернувшейся в 1912 году предвыборной борьбе среди демократов конкурировали две кандидатуры — Чемпа Кларка из штата Миссури и Вудро Вильсона из Нью-Джерси. На состоявшемся в конце июня в Балтиморе съезде Демократической партии, где предстояло окончательно определить кандидата, впервые участвовавший в нем Франклин Рузвельт решительно стал на сторону прогрессиста Вильсона, хотя Таммани-холл недвусмысленно поддерживал более консервативного миссурийца.

Правда, зная позицию Рузвельта, партийные шефы не включили его в официальную делегацию штата и он был вынужден довольствоваться совещательным голосом, к тому же сидя на галерке. Но во время съезда Франклин стремился использовать все свои связи и аргументы, чтобы убедить делегатов номинировать Вильсона.

Именно в пригороде Балтимора Пайксвиле, в огромном зале арсенала[9], куда Рузвельт поехал вместе с женой, он впервые участвовал в национальным съезде демократов. Он с интересом наблюдал за царившими там нравами, подковерной борьбой кандидатов, бешеными всплесками радости или негодования в связи с результатами очередного тура голосования (всего прошло 46 туров!), заявлениями делегаций о том, что они, «хорошо поразмыслив», решили поддержать другого кандидата (на самом деле компромисс обычно достигался ценой обещания выгодного назначения).

Когда же на сцене появилась хорошенькая дочь Кларка, которая использовала свои женские прелести, чтобы привлечь делегатов на сторону отца, а его сторонники подхватили девушку на руки и, беззастенчиво тиская, торжественно пронесли через весь зал, это вызвало отвращение у чувствительной, хорошо воспитанной и сохранившей приверженность пуританским манерам Элеоноры. Заявив, что всё это вульгарщина и дешевка, она покинула Балтимор и отправилась в Кампобелло, где пребывали с гувернантками и нянями младшие Рузвельты.

Сам же Франклин если и считал происходившее безвкусицей, не подавал виду, понимая, что он столкнулся с обычным, давно укоренившимся ритуалом. Уделяя основное внимание агитации за Вильсона, он одновременно устанавливал полезные связи. Одним из его новых знакомых стал Джозефус Дэниелс из Северной Каролины, издатель и журналист, который был во время съезда пресссекретарем Вильсона.

Явившись в офис Дэниелса, Франклин заявил ему, что он всей душой за Вильсона и очень сожалеет, что не имеет права голосовать. Молодой человек сразу понравился искушенному пиар-менеджеру, который писал позже, что это была «любовь с первого взгляда, потому что когда люди тянутся друг к другу, это может быть проявлением некого врожденного чувства, которое мексиканцы называют *simpatico*»{95}. Знакомство оказалось весьма на руку. Пройдет очень короткое время, и Дэниелс вспомнит нового знакомого, чтобы предложить ему ответственный государственный пост.

На балтиморском съезде произошло второе крупное столкновение Рузвельта с штаб-квартирой своей партии, и на этот раз он оказался в числе безусловных победителей. Съезд поддержал Вильсона, и он взял верх на выборах, став 28-м президентом Соединенных Штатов.

Одновременно с президентскими выборами проходили выборы в местные органы власти. Опасения Рузвельта оказались напрасными. Видимо, в основном благодаря тому, что его имя стало известным, и в какой-то мере в результате усилий сенатора, направленных на охрану природы штата, он легко победил на выборах, даже несмотря на то, что в разгар предвыборной кампании заболел тифоидом (своеобразной формой брюшного тифа, протекающей в сравнительно легкой форме) и значительную ее часть провел в постели.

Рузвельту, можно сказать, повезло: он избрал менеджером своей кампании журналиста Луиса Хоува, в то время сорокалетнего корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд», издававшейся в Олбани, с которым познакомился во время

болезни и который становился всё более близким ему.

В кругу родных и друзей поначалу восприняли Хоува, который был десятью годами старше Рузвельта, с явной неприязнью. Писавший репортажи о скачках и сам нередко делавший на них ставки в расположенном неподалеку от Нью-Йорка городе Саратога-Спрингс, обычно небрежно одетый в третьесортный и не совсем опрятный костюм, он, казалось, не имел шансов сблизиться с аристократом Рузвельтом. Луис и внешне производил вначале отталкивающее впечатление: он был очень некрасив, лицо покрыто темными шрамами — результат падения с велосипеда в подростковом возрасте. Элеонора, познакомившись с Луисом, уничижительно обозвала его «этаким грязным человечком». Такого рода инвективы для Хоува не были оскорбительны, он к ним привык — сам он, поднимая телефонную трубку, зачастую начинал беседу словами: «Говорит средневековый гном».

К тому же Хоув, страдавший несколькими серьезными болезнями, трудно поддававшимися лечению (у него были астма и хронический бронхит, временами возникали сердечные приступы), чуть ли не сознательно вредил собственному здоровью. Он, с одной стороны, был ипохондриком, мнительно считавшим, что ему осталось жить несколько месяцев (на самом деле он дожил до пожилого возраста), с другой — сам отягощал свои болезни, будучи заядлым курильщиком дешевых сигарет «Свит капорал», пепел от которых можно было обнаружить везде, где он побывал, да и на его собственном костюме.

Но у Франклина явно был нюх на людей, а Луис, вначале просто сделав ставку на Рузвельта, подобно тому, как он играл на скачках, очень скоро убедился, что, расставаясь с ним, чувствует скуку, стремится вновь встретиться, обменяться мыслями по поводу текущих событий, выпить по бокалу вина или, что было предпочтительнее для Франклина, коктейля.

Они стали друзьями. Разделяя жизненные и политические позиции, Франклин и Луис понимали друг друга с полуслова. Как оказалось, Рузвельт проявил умение подбирать себе «правильных друзей», хотя конечно же его никак нельзя упрекнуть в том, что сближение произошло только по расчету. Эмоциональная близость и расчет в данном случае, как и во многих других, были неразделимы. Элеонора поначалу примирилась с этой казавшейся ей странной дружбой, а позже, познакомившись с Хоувом получше, сама сблизилась с ним, пользовалась его советами для собственного продвижения в общественной сфере.

Франклин и Луис постоянно обменивались колкостями, шутками, дразнили друг друга, не выбирали слов в оценке

поступков — при личных встречах, по телефону, в письмах. Это доставляло обоим удовольствие, снимало напряженность, не просто подчеркивало равенство аристократа и человека, демонстрировавшего, что он плебей, но и обеспечивало всё большее взаимопонимание. Вот каков был один телефонный звонок Хоува Рузвельту из Нью-Йорка в Олбани: «Франклин, чертов дурак! Ты не должен этого делать! Ты просто не можешь это сделать, я тебе говорю!.. Запомни мои слова, ты всю жизнь будешь жалеть об этом!.. Что? Ты собираешься идти плавать? Ладно, давай, черт с тобой, я буду молить Бога, чтобы ты утонул». Вслед за этим Хоув швырнул телефонную трубку на аппарат{96}.

Хоув проявлял завидную энергию, трудолюбие, изобретательность. Он стал писать избирателям «личные письма», в которых убеждал их в преимуществах демократического кандидата. Хотя в основе этих писем лежала некая общая схема, логический штамп, в каждом из них, написанном частично на пишущей машинке, частично от руки, были одна-две фразы, имевшие, казалось бы, непосредственное отношение к адресату. Иногда письма печатались на ротаторе, но также производили впечатление исполненных на пишущей машинке. Обязательным элементом письма был вопрос, какие именно законы следовало бы, по мнению адресата, предложить избранной легислатуре.

Но главным в письмах было утверждение, что в случае избрания Рузвельт возглавит комиссию по сельскому хозяйству, которая внесет на рассмотрение сената проект закона, ограждающего фермеров от произвола скупщиков, назначавших грабительски низкие цены на мясную, молочную и другую продукцию, производимую в графстве Датчес.

Всего было составлено ни много ни мало — около одиннадцати тысяч таких писем, каждое из которых было подписано лично кандидатом. Их адресатов — фермеров или ремесленников — уже почти не надо было агитировать. Не только их голоса, но и голоса членов их семей и соседей находились теперь «в кармане» у Рузвельта, которого они считали своим человеком.

Рузвельт и Хоув договорились еще об одном приеме предвыборной агитации. Они решили поместить во всех местных газетах рекламные объявления, набранные крупным шрифтом, чтобы они занимали целую полосу. Первое гласило: «Фермеры! Внимание! Настало время остановить грабительские действия бесчестных оптовых скупщиков… Если Франклин Д. Рузвельт говорит, что он за что-то борется, это значит, что он не остановится, пока не выиграет, — вы это знаете»{97}. Через некоторое время реклама вновь появлялась в провинциальных

газетах, чуть иная по содержанию, но с такими же обещаниями и столь же энергичным напором.

Подобный стиль предвыборной агитации Франклин Рузвельт будет широко использовать и в будущем, во время своих президентских кампаний.

Помимо прочего, у Хоува обнаружилась способность чуть ли не интуитивно предвидеть политические события и намечать соответствующую тактику. Нередко бывало, что Луис, выслушав мнения, долго молчал и вдруг заявлял, что следует поступить прямо противоположным образом. «Я так чувствую», — заявлял он возмущенным оппонентам, отказываясь логически объяснить причину. Почти во всех случаях он оказывался прав.

* * *

Вновь избранный в сенат штата Рузвельт на этот раз не арендовал дом, а подобно остальным законодателям поселился в отеле. Наблюдатели сделали вывод, что он не собирается надолго задерживаться в провинции, а метит на более высокий пост.

Законодатели штата уже не рассматривали молодого Рузвельта (ему исполнилось только 30 лет) в качестве новичка на политико-правовом поле. В качестве старожила и довольно известной личности он был избран председателем комитета по сельскому хозяйству, вошел в состав созданного ранее комитета по лесному и рыбному хозяйству, переименованному теперь в комитет по консервации, а также стал членом еще трех сенатских комитетов — по железным дорогам, военным делам и кодификации.

Был, правда, один вопрос, вызвавший острые прения в сенате штата, относительно которого мы встречаем почти противоположные свидетельства о позиции Рузвельта. Речь идет о внесенном по инициативе Ф. Перкинс законопроекте, предусматривавшем для женщин и детей ограничение рабочей недели 54 часами, то есть введение девятичасового рабочего дня при шестидневной рабочей неделе. Проект был принят к обсуждению, но застрял в подготовительном комитете. Его противники в качестве аргумента ссылались не только на свободу предпринимательства, но и на то, что в результате сокращения рабочего дня женщины станут развратничать, а дети хулиганить!..

Перкинс вспоминала, что она уговаривала Рузвельта специально заняться проталкиванием этого законопроекта, но он отнесся к ее просьбе прохладно, заявив, что у него есть более важные дела. Она, правда, признавала, что при сенатском

голосовании Рузвельт высказался в пользу закона, но сделала оговорку, что на заседании он не присутствовал, а голосовал заочно{98}.

Сам же Рузвельт и некоторые близкие к нему деятели, прежде всего Л. Хоув, рассказывали совершенно иную, весьма драматическую историю. Когда Рузвельт уже был избран президентом, но еще не вступил в должность, в одной из влиятельных газет появилась статья Хоува{99} о том, как Рузвельт устроил так называемый филибастер[10].

Для принятия закона не хватало голоса одного сенатора, который не успел приехать из Нью-Йорка и опаздывал на заседание. Слово взял Рузвельт и стал долго, медленно и нудно читать лекцию о породах и поведении птиц в его родном графстве Датчес. «Мы не желаем слушать диссертацию по орнитологии!» — гневно закричал кто-то из сенаторов-республиканцев, его поддержали и другие. Но Рузвельт нагло уверял, что его лекция имеет прямое отношение к теме: птицы, подобно людям, нуждаются в отдыхе, поэтому они отправляются в свои гнезда, как только наступает сумрак.

Вся эта демонстративная болтовня продолжалась долго — благо в сенате не существовало регламента, ограничивавшего длительность выступления. Наконец в дверях появился опоздавший демократ Тим Салливан, и Рузвельт, ухмыляясь, произнес: «Уже поздно, и я не буду более злоупотреблять вашим терпением». Тотчас после этого состоялось голосование, и закон был принят большинством не в один, а в два голоса.

Других сведений об этой истории, помимо рассказа Хоува, не существует — протоколы сената штата Нью-Йорк не велись. Можно полагать, что в этом рассказе было немало выдумки. Правда находилась где-то посредине: Франклин действительно поддержал ограничение рабочего дня женщин и детей, но активно этим вопросом не занимался, будучи поглощенным проблемами аграрного сектора.

Надо признать, что внесенные и отстаиваемые им законопроекты, как правило, были мелкими, если не сказать микроскопическими. Достаточно упомянуть, что по его инициативе был принят закон о стандартизации корзин для яблок, которые фермеры везли на рынок или продавали скупщикам. Наиболее значительной инициативой Рузвельта во время его второго сенатского срока был закон о контроле оптовых закупок продукции у фермеров, ограничивавший произвол оптовиков. Закон был проведен со скрипом, так как рассматривался многими сенаторами как грубое нарушение принципа свободного предпринимательства, неоправданное

вторжение администрации штата в дела среднего бизнеса.

Заместитель военно-морского министра

На сей раз пребывание в Олбани оказалось краткосрочным. Новый президент, как мы знаем, был в курсе первого избирательного успеха Рузвельта и, как оказалось, следил за его выступлениями в соседнем штате и даже встречался с ним, еще будучи губернатором Нью-Джерси. Вильсон решил, что молодой политик может быть ему полезным. Не располагая другими вакантными местами, он охотно согласился с предложением военно-морского министра, каковым стал Джозефус Дэниелс, о назначении Рузвельта, не имевшего никакого отношения к вооруженным силам, на должность его заместителя.

Любопытно, что и сам Дэниелс, журналист и издатель, также никак не был связан ни с военными, ни с флотскими делами, за исключением того, что кто-то из его родственников в свое время был корабельным плотником. Все это было тем более курьезно, что в своих газетах Дэниелс зло и остроумно высмеивал некомпетентных администраторов, а одна из его кампаний была направлена против чиновников, руководивших морскими делами, понятия не имея о них. Он писал, например, о члене комиссии по расследованию гибели парохода «Титаник», который задал допрашиваемому моряку вопрос: «Скажите, пожалуйста, из чего сделаны айсберги?»

Поразительно, но никаких колебаний у Франклина не возникло. Он только в очередной раз вспомнил карьерный путь Теодора Рузвельта, в отличие от него имевшего немалый боевой опыт, и на предложение, последовавшее как раз в день инаугурации Вильсона, немедленно дал согласие, Участие в правительстве явно рассматривалось как новая ступень для продвижения на еще более высокие посты.

Впрочем, Дэниелс вспоминал, что перед назначением Рузвельта своим заместителем он, по крайней мере из вежливости, решил посоветоваться с сенаторами, представлявшими в конгрессе штат Нью-Йорк. Он был удивлен, когда сенатор Элиу Рут, в свое время служивший государственным секретарем (министром иностранных дел) в кабинете Теодора Рузвельта, с хитринкой в глазах откликнулся на предстоявшее назначение Франклина: «Вы знаете Рузвельтов, не так ли? Всякий раз, когда кто-то из Рузвельтов движется, он стремится выдвинуться вперед». Дэниелс ответил достойно: «Шеф, который боится, что его заместитель обгонит его, не годится в шефы».

Но примерно в том же духе высказался и сам президент,

которому Дэниелс счел нужным доложить об этом разговоре. Вильсон задумчиво произнес: «Его выдающийся родственник Т[еодор] Р[узвельт] прошел [путь] с этого самого места до президентства. Может быть, история повторится?»{100}

Семнадцатого марта 1913 года приехавший в столицу и остановившийся на первых порах в отеле Франклин Рузвельт впервые появился в своем кабинете. Министерство не имело отдельного помещения, а располагалось вместе с госдепартаментом (министерством иностранных дел) и военным министерством в неуклюжем архаическом здании на Пенсильвания-авеню недалеко от Белого дома. В тот же день он написал матери письмо, полное внутренней гордости, тем более что был использован официальный бланк с якорем в окружении четырех звезд. «Я окрещен, утвержден, приведен к присяге, обеззаражен — как будто на море! Больше часа я подписывал бумаги, которые удостоверяли мою верность. Я надеюсь, что удача предохранит меня от тюрьмы. Всё хорошо, но я должен работать подобно новой турбине, чтобы овладеть этим делом»{101}.

Тотчас последовал ответ Сары, которая и на этот раз никак не могла удержаться от поучений, теперь звучавших попросту смехотворно. «Я как раз знаю, — гордо информировала она, — что это очень большая работа и всё настолько ново, что пройдет время, пока ты в это вникнешь. Но попытайся не подписываться слишком мелкими буквами, потому что от этого ты кажешься усталым и почерк неразборчив. Так много общественных фигур с ужасными, совершенно неразборчивыми подписями»{102}.

Положение Франклина было противоречивым. С одной стороны, он стал заметной, хотя, разумеется, не первостепенной фигурой в высшей исполнительной власти. С другой стороны, его положение заместителя министра заставляло не просто считаться с позицией шефа, но послушно выполнять его волю во всех служебных делах. А эта воля была весьма неоднозначной.

Дэниелс был страстным противником крупных трестов, неутомимым моралистом и субъективно честным, исполнительным чиновником. Более того, руководя военно-морскими силами страны, он был пацифистом, противником военных конфликтов, что оказывало немалое влияние на его курс. Он всячески противился увеличению американского военного флота, стремился держать его подальше от конфликтов. В этом смысле он примыкал к влиятельным изоляционистам, выступавшим за то, чтобы США интересовались только делами своего континента и не втягивались в заокеанские конфликты.

Министр рассматривал корабли как некие школы, где

моряков следовало воспитывать в христианском духе и давать им недостающее общее образование. По требованию министра на кораблях стали создаваться классные комнаты. На флоте «сухой закон» был введен задолго до того, как стал общеамериканским конституционным актом. Понятно, что и образовательные дела, и особенно антиалкогольные меры весьма раздражали моряков, от адмиралов до матросов.

Выполняя распоряжения своего начальника, Франклин Рузвельт в душе был против некоторых из них. Подчас же, особенно в отношении военно-морского строительства, он выходил далеко за пределы не очень ясных установок министра.

Дэниелс, уроженец Юга, исповедовал пристрастия и предрассудки этой части страны, особенно в расовом вопросе, будучи убежденным, что негры должны находиться в подчиненном положении в политическом отношении и быть отделены от белых в социальном.

Когда Рузвельт перевез в Вашингтон семью и пригласил министра в гости, тот был буквально шокирован, что Элеонора использует белых слуг. Дэниелс «посоветовал» заменить их «послушными нефами», но принципиальная супруга Рузвельта пропустила эту рекомендацию мимо ушей. Министру пришлось считаться с тем, что его заместитель прибыл в Вашингтон из той части страны, где никогда не было рабства.

Участие Франклина Рузвельта в правительстве Вильсона невозможно всесторонне оценить, если не рассказать, что собой представляло это знаменательное президентство.

Избранию Вильсона способствовала кампания под лозунгом «новой свободы», сутью которой была ликвидация трестов и восстановление конкурентного капитализма старого типа. Антитрестовские меры встречались широкими слоями населения с одобрением.

Два президентских срока Вудро Вильсона стали временем вступления Соединенных Штатов в эпоху модернизации, проявившейся прежде всего в новой политике налогов и пошлин. Сократив средний размер пошлин на импорт — этому был посвящен принятый конгрессом в 1913 году тариф Ундервуда (обложение было уменьшено с 41 до 27 процентов), — Вильсон впервые в истории США ввел налог на доход. По этому поводу происходили бурные дебаты, бизнес отчаянно сопротивлялся, недовольны были не только наиболее богатые люди, но и верхний слой среднего класса, ибо платить начинали с трехтысячного годового дохода, а получавшие шесть тысяч долларов и выше должны были вносить в государственную казну шесть процентов. Конечно, эти суммы были смехотворно малы по сравнению с тем

обдиранием крупного капитала, которое имеет место в ряде стран нынешней Европы во имя сохранения стабильности, но в начале XX века рассматривались как чуть ли не революционная атака на имущие слои.

Вильсон был инициатором реорганизации банковской системы, находившейся в неопределенном состоянии, подверженной бурным колебаниям, во многих случаях почти случайным, как это было, например, во время паники 1907 года, когда частные банки стали закрываться и вкладчики теряли к ним доверие. Тогда индекс нью-йоркской фондовой биржи рухнул более чем на 50 процентов по сравнению с пиковым значением предыдущего года. Кризис был вызван неудачной попыткой скупить акции Объединенной медеплавильной компании. Паника распространилась на всю страну. Только вмешательство финансиста Д. П. Моргана, который заложил крупные суммы из собственных средств и убедил других банкиров Нью-Йорка сделать то же, стабилизировало банковскую систему. Очевидно было, однако, что подобная ситуация может повториться.

Именно этой проблеме был посвящен проведенный Вильсоном закон о создании Федеральной резервной системы (ФРС), к подготовке которого были привлечены видные финансисты. Связь с ними президент осуществлял через своего ближайшего помощника полковника Хауса, постоянно встречавшегося с Д. П. Морганом-младшим, К. Доджем, Ф. Вандерлипом, Г. Фриком и др. В результате был выработан закон, подписанный президентом 23 декабря 1913 года и предусматривавший создание двенадцати федеральных резервных банков, капиталы которых образовывались из взносов национальных банков, банков штатов и др. Во главе системы стояло Федеральное резервное управление в Вашингтоне в составе министра финансов, контролера денежного обращения и пяти членов, назначаемых президентом с согласия сената. Помимо административного руководства системой, в функции управления входили выпуск банкнот и контроль за денежным обращением путем повышения и понижения заемного процента, что соответственно сокращало или расширяло возможности получения гражданами кредита. Федеральная резервная система оказалась настолько хорошо продуманной, что существует по настоящее время почти в неприкосновенности.

Первые годы президентства Вильсона были также временем проведения ряда других прогрессистских реформ, в совокупности значительно усиливших власть федерального правительства. Был принят закон о федеральных займах фермерам. Средний класс был доволен актом Клейтона против «незаконной конкуренции» и

более жестким применением закона Шермана против трестов. Профсоюзы выражали удовлетворение тем, что специальным законом объединения трудящихся были исключены из числа «трестов», а введение восьмичасового рабочего дня на железных дорогах порождало надежды на то, что последуют аналогичные меры в других отраслях.

Впрочем, с началом Первой мировой войны реформистская деятельность поутихла. Основное внимание президента было направлено теперь на Восточное полушарие. В начале апреля 1917 года США вступили в войну, а еще через год в Европу прибыли американские войска. Знаменитые «14 пунктов» Вильсона (январь 1918 года), хотя и ставили целью создание «справедливого мирового порядка», образование национальных государств в Европе под контролем учреждаемой международной организации — Лиги Наций, в то же время содержали почти нескрываемые претензии на значительное расширение роли США в мировых делах под флагом «открытых дверей» и «равных возможностей в мировой торговле». Впрочем, на Парижской мирной конференции, созванной по окончании войны, европейские лидеры эти претензии отвергли и в Версальский мирный договор они включены не были. Руководящие деятели США сочли свою страну ущемленной; сенат отказался ратифицировать Версальский мир, в Лигу Наций — детище Вильсона — страна не вошла, а сам президент, так успешно начавший свою деятельность в Белом доме, катастрофически терял популярность.

Переехавший после нового назначения в Вашингтон на постоянное жительство вместе со всей семьей, снявший в центральной части фешенебельного района Джорджтаун на тенистой улице H[11] удобный дом под номером 1733, Рузвельт вначале находился в стороне от главных забот, которыми было занято правительство. Домашние хлопоты его тем более не волновали. Ими занималась Элеонора со слугами и гувернантками. Посетившая детей и внуков Сара была удовлетворена их бытом. Не обошлось, правда, без «руководящих указаний». Решив, что мебель в доме расставлена неправильно, она распорядилась всё изменить и только после этого сочла себя вполне довольной, записав в дневник: «Переставила кресла и столы и стала чувствовать себя дома»[103]. Как раз во время службы Франклина в военно-морском министерстве Элеонора родила в марте 1916 года еще одного сына, которого назвали Джоном. На этом пополнение семьи было завершено.

Получивший значительное повышение, но в новой системе координат отошедший на второстепенную позицию, Франклин

утешал себя тем, что его должность вроде бы полностью соответствует интересам и чаяниям, которые у него возникли еще в детстве. Это было так и не так. Он действительно с ранних лет любил море (вспомним рисунок парусника, подаренный родителям пятилетним Франком), в юношеском возрасте на него большое впечатление произвела книга Альфреда Мэхэна (1840—1914) «Влияние морской мощи на историю (1660—1783)», вышедшая первым изданием в 1890 году. В оценке этого труда опытного и умудренного флаг-офицера[12] Рузвельт не был оригинален.

Мэхэна считали крупнейшим американским морским стратегом XIX века, впервые выдвинувшим идею, что нация, имеющая наиболее мощный флот, может контролировать весь земной шар. До наших дней американские военные с глубоким почтением относятся к своему «имперскому» предшественнику. Недаром во флоте США всегда есть корабль — линкор, крейсер, авианосец или эсминец, — носящий его имя. Значение мощного военного флота подтверждалось и практикой. Не зря Великобританию, к традициям которой Рузвельт относился с почтением, в начале века продолжали считать владычицей морей.

Франклин не раз вспоминал и напоминал своим близким, что среди его предков было немало моряков, сам он подростком подумывал о поступлении в Военно-морскую академию в Аннаполисе, а одним из его хобби, наряду с коллекционированием марок, было собирание старых географических карт, особенно изображавших морские просторы.

Рузвельт искренне гордился тем, что, оставаясь штатским, он, достаточно молодой человек, распоряжается опытными седовласыми адмиралами, что на кораблях его появление встречают салютом из семнадцати орудий, тогда как в честь адмиралов звучит залп из тринадцати пушек, что при его посещении выстраивают почетный караул, а корабельные офицеры приветствуют заместителя министра в парадной форме.

Однажды под каким-то вымышленным предлогом Рузвельт приказал, чтобы линейный корабль «Норе Дакота» был направлен на празднование Дня независимости США, 4 июля 1913 года, в Истпорт, штат Мэн, неподалеку от острова Кампобелло, где Элеонора отдыхала с детьми. В доме Рузвельтов был организован обед для старших офицеров корабля, а трехлетний Эллиот в матросском костюме гордо поднялся на борт, прошелся строевым шагом по палубе и салютовал флагу, как его научил отец.

Внешне почтительно относясь к министру, подчеркнуто скрупулезно выполняя его распоряжения, Франклин в то же время постепенно приобретал всё большую самостоятельность в

принятии ответственных решений, чувствуя себя человеком, который реально вершит дела министерства. Он писал жене: «Мин[истр] и я работали, как негры, целый день над всеми теми делами, которые он должен был решить, прежде чем, как я и ожидал, большинство их были переданы мне! Плохо то, что мин[истр] выразил по этим делам несозревшее мнение»{104}.

В любом случае, став менее публичной фигурой, Рузвельт работал не за страх, а за совесть. Он всячески добивался значительного увеличения американского военного флота, полагая, что тот должен выйти на один уровень с ведущими флотами мира, и прежде всего британским.

Он контролировал завершение строительства Панамского канала. К 1913 году было закончено сооружение трех гигантских шлюзов, ставших настоящим чудом света. Стены каждой шлюзовой камеры были высотой с шестиэтажный дом. На каждый шлюз — Гатун на Атлантическом побережье и Пед-ро-Мигель и Мирафлорес на Тихоокеанском — ушло более 1,5 миллиона кубометров бетона, которым заполняли стальные конструкции из огромного шеститонного ковша. 15 августа 1914 года корабль «Кристобаль» первым проследовал по каналу из Атлантического в Тихий океан, «срезав» на пути из Эквадора в Европу около восьми тысяч километров. Правда, официальное открытие канала было отложено на послевоенное время и произошло в 1920 году.

Несколько раз Франклин выезжал в зону канала, вновь и вновь демонстрируя приоритет для него «государственной целесообразности» над высокими моральными проблемами.

Первая поездка состоялась, когда Рузвельт был еще сенатором штата Нью-Йорк, в 1912 году. В нескольких письмах родным он выразил удовлетворение увиденным. Не очень хорошо знакомый с особенностями крупного строительства, Франклин, рассматривая происходившее с расстояния, восхищался работой машин, которые суетились, как мошкара. Ему очень понравились патриотические слова главного инженера строительства Джорджа Гёталса: «Мы хотим, чтобы американцы пробились туда (сквозь перешеек. — *Г. Ч.)*, потому что все они говорят, что это сделает их лучшими американцами»{105}.

Надо сказать, что американцы, купившие у французов имущество Компании Панамского канала, существенно откорректировали проект, сделали ставку не на частный капитал, а на государственное финансирование и хорошо отладили процедуру управления строительством. Пришли им на помощь и современные открытия в области медицины: были предприняты усилия по уничтожению москитов и комаров, переносчиков «желтой лихорадки», от которой гибли рабочие. Но условия труда

были крайне тяжелыми, эксплуатация рабочих — безжалостной. На строительстве канала погибло не менее 5,5 тысячи человек (всего в строительстве участвовало 70 тысяч).

Рузвельт ценил помощь постоянного секретаря министерства Чарлза Маккарти, прослужившего на этом посту при нескольких президентах. Но главное, в Вашингтон вместе с новым заместителем министра отправился Луис Хоув, который постепенно становился тенью Рузвельта, незаменимым советчиком, тонким аналитиком, мастером слова и жеста.

Сам Хоув не раз говорил о себе пренебрежительно, примерно в духе первого высказывания о нем Элеоноры: «Я один из четверых обладателей наиболее отвратительной внешности в штате Нью-Йорк. Стоит ребенку только взглянуть на меня на улице, как он бросается прочь»{106}. Но это конечно же была только игра. Человек проникновенного ума, остроумия, трудолюбия, мастер тонкой интриги, любитель театра, самоотверженно преданный Рузвельту, Хоув стал для него неоценимым приобретением, максимально облегчившим его политическую деятельность.

Луис был страстным поклонником английского историка XIX века Томаса Карлейля, который пропагандировал культ героев. В своем лекционном курсе, прочитанном в 1837—1839 годах и многократно переиздававшемся, Карлейль утверждал, что законы мира открываются лишь избранным, что история — это биографии великих людей, а массы — лишь орудие в их руках. Когда героическое начало в обществе ослабевает, наружу вырываются разрушительные силы толпы. Однако Карлейль, будучи оптимистом, уверял, что в обществе неизменно находятся новые герои, которые наводят в нем порядок. Излюбленными персонажами историка были Оливер Кромвель и Наполеон Бонапарт.

Как-то Луис ненавязчиво порекомендовал Франклину прочесть «Героев» Карлейля. Изучив книгу, Рузвельт, как и его друг, стал почитателем британского историка и, по всей видимости, примеривал на себя одежды его героев. Да и сам Хоув, наверное, подсунул книгу другу не случайно. Впоследствии он не раз говорил, что уже в то время пришел к выводу: «Только случайность может привести к тому, что этот человек не станет президентом»{107}.

Можно, конечно, скептически усмехнуться по этому поводу, полагая, что задним числом легко утверждать всё что угодно; но исключительная проницательность Хоува, которую тот проявлял неоднократно, служит если не доказательством, то, скажем осторожнее, предположением, что он не лгал. Сомнения, однако,

у меня оставались — до тех пор, пока я не нашел публикацию обнаруженного в архиве письма Хоува Рузвельту от июня 1912 года, которое посвящалось чисто бытовым делам, но начиналось обращением: «Дорогой и почтенный будущий президент!»{108}

В военно-морском министерстве Рузвельт в основном занимался хозяйственными делами, связями с бизнесом, прежде всего с судостроительными фирмами, а также с поставщиками угля, генераторов для электроснабжения судов, пищи, табака и спиртных напитков для моряков (на флоте виски не только не был запрещенным напитком, а считался своего рода благородной традицией до тех пор, пока Дэниелс не счел это развратом и не ввел «сухой закон»).

Заместитель министра, поначалу ставя в известность шефа, а позже и своей волей, решительно разрывал сомнительные или попросту обманные контракты, которых к его приходу в портфеле министерства было немало. Репутация Рузвельта как человека, которого нелегко обмануть в финансово-торговых делах, скоро распространилась в бизнес-кругах.

Вопросы, связанные с военно-морским строительством, Рузвельт с согласия непосредственного начальника не раз обсуждал с президентом. Речь, в частности, шла о том, кому следует заказывать строительство кораблей — зарубежным или отечественным фирмам. При этом Рузвельт считал, что в первую очередь необходимо учитывать стоимость заказа, независимо от того, где находятся верфи — в США или за океаном. Во время одной из аудиенций у президента он высказал мнение, что следует предпочесть германскую фирму, предлагавшую более низкие цены, тем паче что немцы должны были бы уплатить пятнадцатипроцентную ввозную пошлину. Вильсон, однако, отверг это предложение, сочтя необходимым учитывать всю совокупность факторов, включая новые рабочие места и в целом стимулирование экономики страны. Вынужденно согласившись с решением президента и принимая меры по его реализации, Франклин мечтал о том времени, когда на первый план выйдут не национальные, а глобальные соображения.

Главной заботой становилось отечественное судостроение. Больше кораблей, больше моряков, более значительные затраты на военный флот — таковы были установки Рузвельта, которые первоначально выходили за рамки официального стратегического курса, но постепенно президентская администрация признавала их целесообразными.

Двадцать пятое октября 1913 года для Франклина стало памятным днем — он впервые провожал в пробный дальний шестинедельный поход по Атлантическому океану, а затем по

Средиземному морю девять новых мощных линейных кораблей. Произнесенная по этому поводу речь звучала весьма энергично, если не сказать агрессивно: «Посылая вас как представителей нынешнего флота США, мы надеемся продемонстрировать Старому Свету, что достижения и традиции нашего прошлого живут и развиваются в интересах великолепного будущего»{109}.

Франклин часто посещал Бруклинские верфи, где трудились тысячи рабочих, тем более что это давало ему лишний повод побывать в родном штате. Поначалу он несколько высокомерно смотрел на отношения труда и капитала (бесспорно, сказались деревенское воспитание, отчуждение от социальных отношений в городе в юные годы), но постепенно Хоув и Маккарти убедили его в важности налаживания дружественных и деловых взаимоотношений с лидерами профсоюзов.

Заместитель министра стал присутствовать на собраниях рабочих-судостроителей, организуемые АФТ, иногда слушал молча, иногда выступал с краткими речами, свидетельствовавшими, что он вполне в курсе проблем. Во многих случаях убеждал правительство пойти навстречу требованиям о повышении заработной платы. Это было осуществимо, ибо экономика США накануне и в годы мировой войны была на подъеме, так как до 1916 года сохраняла активные связи со странами обеих воюющих коалиций. Хоув вспоминал: «Друзья, которые появились у Франклина в дни военно-морского министерства среди рабочих [лидеров], остались с ним до конца его жизни»{110}.

Разумеется, Франклину были несравненно ближе его старые аристократические знакомые, интеллектуалы, не лезшие за словом в карман, но благодаря уверениям своих помощников и, главное, собственному политическому чутью он убеждался, что свое тяготение к элите демонстрировать не следует, что с рабочими, включая и тех, кто выбился в бюрократию АФТ из низов, следует говорить на равных, на понятном для них языке, откликаться на их нужды не только словом, но и делом.

Именно это будет важным козырем во всей дальнейшей государственной практике Рузвельта. По всеобщему признанию, на верфях, которые он контролировал, проводилась «просвещенная рабочая политика»{111}. В результате на протяжении войны на Бруклинских верфях и других судостроительных предприятиях, связанных с военно-морским министерством, не произошло ни одной забастовки и не только лидеры АФТ, но и явно не симпатизировавший Рузвельту Таммани-холл относили это к его безусловным заслугам.

Рузвельту удавалось сохранять добрые отношения с двумя

традиционно враждующими группами, вечно предъявлявшими друг другу претензии, — руководителями профсоюзной организации верфи и морскими офицерами, контролировавшими строительство кораблей, осуществлявшими их спуск на воду Офицеры были недовольны «прорабочей» политикой министерства, но относили ее на счет Хоува, тогда как рабочие лидеры видели защитника своих интересов в Рузвельте. Хоув же вполне сознательно принимал на себя роль «козла отпущения». «Я лез буквально во всё, — рассказывал Рузвельт с известной долей похвальбы, — и никакой закон не мог мне запретить это»{112}.

Переезд в Вашингтон, перемещение из законодательной власти в исполнительную существенно обогатили Рузвельта новым жизненным опытом общения с большим бизнесом и организованными рабочими, двумя мощными инструментами американской политической практики. Это было весьма существенным дополнением к тому опыту, которым он уже обладал.

* * *

Неоднократно по различным причинам Рузвельт исполнял обязанности министра, причем впервые это произошло уже через несколько дней после назначения. Дэниелс, куда-то уехавший на краткий срок, поручил ему возглавлять министерство, с одной стороны, доверяя своему заместителю, а с другой — желая проверить его в деле.

Как раз в эти дни президенту понадобился военно-морской министр и он, узнав, что Дэниелс в отъезде, вызвал к себе Рузвельта. Дело оказалось ординарным, Франклин легко справился с ним. Но он был весьма польщен и писал Элеоноре, своей «дорогой девочке», которая еще не переехала в Вашингтон: «Я был внезапно вызван президентом, чтобы организовать отправку хирургов, помощников, оборудования и т. д. в округ Огайо, охваченный наводнением — у меня было лихорадочное время, чтобы ввести всю эту машину в действие, но и интересная общая работа с военным мин[истром] и ген[ералом] Вудом»{113} (Леонард Вуд в то время был начальником штаба армии).

В 1914 году происходили выборы в сенат США. Франклин попытался разведать, как бы отнеслась высшая власть к его попытке добиться избрания от родного штата. Он встретился с Уильямом Мак-Эду, министром финансов, который считался тем более влиятельным, что был зятем президента Вильсона. От прямого ответа собеседник уклонился, заявив лишь, что сам он

был бы рад увидеть Франклина на этом высоком посту. Но у Рузвельта сложилось впечатление, что это мнение разделяет и высокий родственник министра. Его не остановили ни возражения его непосредственного руководителя Дэниелса, ни скептическое отношение к его амбициям прожженного политика Хоува.

Будучи в напряженных отношениях с Таммани-холлом, Рузвельт не стал спрашивать благословения Мёрфи на свои действия. Босс Демократической партии негодовал. Он предложил полномочному послу США в Германии Джеймсу Джерарду включиться в первичные выборы (праймериз), и тот легко опередил Рузвельта, даже не покидая Берлина (впрочем, сам Джерард потерпел тяжкое поражение на выборах в сенат в ноябре — место в верхней палате Конгресса США занял республиканец).

Все эти события послужили уроком и для партийной машины демократов, и для отдельных деятелей, включая набиравшего опыт Франклина Рузвельта. Он постепенно приходил к выводу, что излишняя драчливость вредна не только во взаимоотношениях с бизнесом и рабочими организациями, но и с аппаратом собственной партии. Он оставил планы построения в провинциальных графствах штата партийных функционеров, независимого от Таммани-холла. Вслед за этим он включился в кампанию нью-йоркских боссов по выдвижению местного сенатора Роберта Вагнера на пост исполняющего обязанности губернатора штата, после того как губернатор Уильям Сулцер был смещен путем импичмента (отрешения от должности через парламент) за спекуляции на фондовом рынке с использованием партийных средств.

Документальным подтверждением примирения с Таммани-холлом стала коллективная фотография, запечатлевшая празднование Дня независимости 4 июля 1917 года. На снимке — Франклин Рузвельт в окружении лидеров партийной организации демократов Нью-Йорка, включая самого Мёрфи. Более того, Франклин выступил на этом празднике с большой речью, получившей «отеческое» одобрение Мёрфи. Но это был финал примирения, тогда как его «действенная» часть произошла значительно раньше.

Проявлением его был протекционизм, который оказывал Рузвельт выходцам из родного штата и другим «нужным людям» при назначении на работу в федеральные ведомства, а также в самом штате Нью-Йорк на должности, находившиеся в подчинении общенациональных министерств. Сохранились свидетельства, касавшиеся почтово-телеграфного ведомства. По рекомендации Рузвельта ряд мест в учреждениях был заполнен

знакомыми знакомых, всевозможными просителями и т. п. Протекционизм распространился и на другие учреждения, а также частные предприятия, включая корабельные верфи. В ответ Рузвельт приобретал сторонников, чувствовавших себя в долгу перед ним и готовых, в свою очередь, выполнить его просьбы. «Я был бы очень благодарен и готов ответить взаимностью, когда возникнет необходимость», — заверял его помощник генерального почтмейстера Макарди в одном из писем с просьбой о назначении какого-то лица на Бостонскую верфь{114}.

Франклин протежировал и своим однокашникам по Гротону и Гарварду Более того, он особенно чутко прислушивался к их мнению, подчас субъективному, а иногда и выражавшему личные конфликты. Однажды он получил приватное письмо от бывшего гарвардского студента Э. Белла, который теперь занимал второстепенный пост в американском посольстве в Лондоне. Письмо было явно склочным. Автор без каких-либо оснований буквально издевался над одним из сотрудников военно-морского атташата капитаном У. Макдугаллом, который якобы стал объектом насмешек не только в посольстве, но и в британских кругах. Не проверив существо дела, не выслушав офицера, Рузвельт тотчас организовал его перевод на другую работу, написав самому Беллу, что его жертва «очевидно не джентльмен]»{115}.

Все эти действия не были коррупцией в полном смысле слова. Но признаемся, что уж во всяком случае следы кумовства в них обнаружить очень легко. Это, безусловно, был пусть и не главный, однако значимый канал расширения связей Рузвельта.

Хотя мировая война бушевала далеко за океаном, международные проблемы выходили на первый план перед американскими политиками, особенно теми, кто имел отношение к вооруженным силам.

Первоначально правительство Вильсона заняло позицию строгого нейтралитета. Действуя согласно этой парадигме, Франклин Рузвельт в то же время полагал, что его страна должна быть значительно ближе к Великобритании и ее союзницам по Антанте, нежели к Германии. Узнав, что немецкие войска в начале августа 1914 года вступили на территорию Франции, он писал Элеоноре, что надеется на объединенные силы Англии, Франции и России, на то, что они совместно одержат верх над Германией и заставят ее подписать мир в побежденном Берлине{116}.

Но американский истеблишмент еще не сознавал, что 1914 год положил начало новой эпохе, в которую их страна будет столь же тесно вплетена в мировые потрясения, как и европейские

государства. Высшее руководство США пока еще с нескрываемым волнением в первую очередь оценивало значительно более мелкие события, происходившие на Западном континенте.

* * *

После начала войны в Европе Вильсон образовал Комитет по нейтралитету и Совет помощи (речь шла о помощи американцам, находившимся в Старом Свете). В оба органа вошел министр Дэниелс, но обычно его подменял там Рузвельт. Сам Франклин в какой-то степени был более чувствителен к катастрофическим событиям за океаном. Он писал жене, что, к его удивлению, никто не взволновался в связи с европейской войной. С нескрываемой иронией он продолжал: «М-р Дэниелс чувствует себя очень опечаленным тем, что его вера в человеческую природу и цивилизацию и подобные идеалистические глупости получили такой грубый удар. Так что я стал сам заниматься делами и готовить планы к тому, что в конце концов должно быть сделано военно-морским флотом»{117}.

Вскоре после начала войны Рузвельт стал критиковать внешнеполитический курс Вильсона, считая, что США должны готовиться к вступлению в войну и в конце концов активно включиться в военные действия против Германии. Он не раз повторял понятную для него еще с детства истину, что немцы — «свиньи». Такого рода заявления Рузвельт делал даже в беседах с послами Великобритании и Франции. Он неоднократно говорил и своему непосредственному начальнику, что США должны вступить в войну, на что Дэниелс традиционно отвечал: «Надеюсь, это не произойдет».

У Франклина сложилась такая репутация, что, когда в его доме в Гайд-Парке произошло возгорание из-за небрежности рабочих, делавших ремонт (ущерб составил 200 долларов), газета «Нью-Йорк таймс» торжественно объявила, что это было дело рук германских агентов, желавших отомстить пробританскому заместителю министра за его воинственную позицию{118}.

Военно-морское министерство сильно беспокоили то и дело вспыхивавшие волнения на островах Карибского моря, особенно бурные в республике Гаити, занимающей западную часть одноименного острова. Непосредственное участие в гаитянских событиях стало первым выходом Франклина Рузвельта на международную арену

Ставшая в 1804 году независимой от Франции, эта республика оставалась крайне хрупким государством с почти

непрерывно следовавшими друг за другом бунтами, государственными переворотами, сменами правительств. Естественно, ее население жило впроголодь, тогда как бюрократия стремилась обогатиться, прежде чем будет свергнута в результате очередного катаклизма. Положение особенно обострилось в начале второго десятилетия XX века. Массовые беспорядки и погромы, возникшие в январе 1914 года, достигли такой степени, что угрожали распадом государства. Имея в виду, что остров Гаити занимал важное геополитическое положение в Карибском бассейне и мог служить базой для военно-морских сил США, правительство Вильсона решило вмешаться.

На остров с двух кораблей была высажена морская пехота. Явившиеся вместе с ними представители американского правительства взяли в свои руки Центральный банк, изъяли золотой запас, организовали выборы нового президента, ставленника Соединенных Штатов. Только к августу 1915 года после массовых арестов зачинщиков беспорядков и роспуска национальной армии положение в какой-то степени стабилизировалось.

Фактическим непосредственным руководителем американских интервенционистов на Гаити был Франклин Рузвельт, проведший здесь самые бурные месяцы оккупации, по праву названные политикой «большой дубинки» в духе Теодора Рузвельта. Он удерживал командование морской пехоты от излишних жестокостей и одновременно полностью одобрял суровые наказания местных жителей за малейшее непослушание оккупантам.

В то же время замминистра пытался соблюсти внешний декорум самостоятельности островной республики. Однажды произошел такой инцидент. Вместе с командующим американскими морскими пехотинцами генералом Смедли Батлером и откровенно марионеточным президентом страны Филиппом Дартигенавом Рузвельт направлялся к ожидавшей их машине. Когда гаитянский президент попытался сесть в машину первым, генерал с восклицанием «Пропусти начальство!» схватил его за воротник. Рузвельт же, взяв генерала за локоть, слегка его отодвинул и обратился к президенту: «Пожалуйста, садитесь, ваше превосходительство!»{119} Как видим, он уже в полной мере научился лицемерному дипломатическому политесу.

В начале 1917 года Рузвельт вновь побывал на Гаити. Под его руководством была разработана конституция для этой страны, которую удалось законодательно утвердить только в 1918-м. Конституция предусматривала определенные социальные гарантии, но в то же время исходила из принципа, что гаитяне не

готовы к самостоятельному управлению. Американская оккупация была узаконена, иностранцам предоставлено право владеть недвижимостью. В немалой мере преувеличивая как собственную роль в создании конституции Гаити, так и ее «честность» и «справедливость», Рузвельт через пять лет после своего пребывания на острове заявил: «Известно, что я имел некоторое отношение к малым республикам. Подлинный факт состоит в том, что я сам написал гаитянскую конституцию, и если я об этом упоминаю, то только потому, что это довольно хорошая конституция»{120}. Правда, сам он в 1928 году опроверг свое авторство, но сделал это очень уклончиво, сказав: «Сознательно обманывает тот, кто ее именует конституцией Рузвельта»{121}.

Конечно, в конституции, сотворенной, скажем точнее, при деятельном участии Рузвельта (некоторые авторы в нем сомневаются, но свое мнение не обосновывают{122}), весьма чувствительными были нотки прогрессизма, но она была чуждой для гаитян. Безграмотные и агрессивные толпы местных жителей то и дело нападали на американцев и их ставленников, и происходило это не месяцы, а два десятилетия. Своеобразным историческим анекдотом по принципу «Я тебя породил, я тебя и убью!» был тот факт, что именно Рузвельт, став президентом, в 1934 году вывел американские войска из Гаити.

Стремление использовать цивилизационное, культурное превосходство американцев для того, чтобы «просветить» Гаити с применением насилия и отнюдь не пренебрегая геополитическими интересами своей страны, сколько-нибудь существенных результатов не давало. Рузвельт утвердился в этой мысли во время своей второй командировки на Гаити в 1917 году Он получил горький урок, который он открыто не признавал, но который был им впитан сполна и использован в практической деятельности, особенно в президентские годы.

К этому времени остров фактически находился в руках американского генерала морской пехоты Батлера, который хвастал перед Рузвельтом дешевизной рабочей силы на Гаити, не упоминая, что жителей острова насильно хватали на улицах и в домах и отправляли на строительство дорог. Рузвельт не мог не обратить внимания на сообщения прессы о том, что Гаити под руководством американцев превратился в полицейское государство. Однако Франклин всё же полагал, что положительные стороны оккупации значительно превосходят недостатки. Когда морские пехотинцы появились на Гаити в 1915 году, говорил он, островитяне были примитивными дикарями, жившими в грязи. Для того чтобы превратить их в цивилизованную нацию, необходимо применить силу.

Обратим внимание на то, как изменились воззрения Рузвельта. Во время обучения в Гротоне он горячо выступал за независимость Филиппин и против оккупации Гаити, теперь же считал, что долг США состоит в управлении отсталыми странами и народами, которые нуждаются в их помощи. Помимо этого, в условиях войны он полагал необходимой оккупацию Гаити во имя стабильности Карибского региона, для предотвращения использования здешних многочисленных островов враждебными государствами в качестве своих военных баз.

Соответственно на Гаити Рузвельт увидел только то, что стремился увидеть: законность, порядок, улучшение санитарного состояния. Строительных рабочих, живших в нечеловеческих условиях, он вроде бы не заметил. В его отчете решительно утверждалось, что оккупация Гаити протекала вполне успешно{123}.

Между прочим, по дороге на Гаити Рузвельт сделал краткую остановку в столице Кубы Гаване, где провел несколько дней в шумных развлечениях со старыми и новыми знакомыми. Он не пропустил хорошо известного в США гаванского развлечения, о котором велись разговоры только в мужском обществе, — зрелища, которое называлось театральным спектаклем, но в котором отсутствовал сюжет, а кульминацией был половой акт, совершаемый черной парой прямо на сцене{124}.

Тем временем, несмотря на все усилия правительства Вильсона и прежде всего государственного секретаря Уильяма Дженнингса Брайана не допустить вовлечения США в мировую войну, сосредоточив внешнюю политику страны на делах Западного полушария и выдвигая планы международного арбитража, война приближалась с разных сторон.

В соседней Мексике происходила революция, положение было крайне неустойчивым; германская агентура подзуживала деятелей этой страны выступить против Соединенных Штатов, чтобы возвратить захваченные американцами в середине XIX века территории (часть Калифорнии, штат Нью-Мексико и др.).

Еще в 1914 году американские войска были высажены в мексиканском порту Веракрус, пытаясь добиться отстранения от власти президента этой страны Викториано Уэрты. Последовал международный кризис, который был разрешен в результате посредничества Аргентины, Бразилии и Чили. Вскоре Уэрта ушел в отставку. Рузвельт непосредственно не участвовал в этой акции (как раз в это время он находился в поездке по военным базам западного побережья США), но держал руку на пульсе. Военно-морскому флоту были даны инструкции о готовности к расширению вмешательства на случай, если бы ситуация вышла

из-под контроля. Тогда этого, однако, не произошло.

Отставка Брайана в 1915 году усилила воинственные настроения в американском истеблишменте, хотя предвыборная кампания В. Вильсона 1916 года, завершившаяся его повторным избранием, и проходила под лозунгом: «Он спас нас от войны!»

Германское военное командование в 1915 году начало широкомасштабную подводную войну на океанах. Одной из первых крупных ее жертв стал британский пассажирский корабль «Лузитания», на борту которого в числе прочих пассажиров находились американцы. 7 мая «Лузитания» была торпедирована немецкой субмариной, погибли 1198 из 1959 человек. Известие о гибели 126 (по другим сведениям 124) граждан США являлось мощным аргументом для тех, кто настаивал на вступлении США в войну.

Рузвельт был доволен — советник президента полковник Эдвард Хаус, который ранее пытался наладить арбитраж между Германией и странами Антанты, теперь заявил, что США могут вступить в войну в течение ближайшего месяца. Эти настроения, правда, значительно ослабели, когда после гибели «Лузитании» германские власти объявили о прекращении нападений на гражданские суда нейтральных стран. Однако вскоре атаки возобновились, и военные настроения в США усилились, хотя всё еще не достигли критической точки. Отправлялись ноты протеста, выдвигались требования компенсации, на которые Германия отвечала уклончивыми обещаниями.

Когда же в феврале 1917 года разразилась революция в России, возникла вполне реальная угроза, что этот важнейший участник антигерманской коалиции может выйти из войны, резко усилив возможность победы Германии и ее союзников по Четверному союзу — Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

К тому же в руках британцев в это время оказалась и была передана американцам так называемая депеша Циммермана — документ, свидетельствовавший о вмешательстве Германии в дела мексиканской революции и стремлении использовать ее против США[13]. Последние сомнения были преодолены.

Второго апреля Вильсон выступил перед конгрессом с предложением объявить войну Германии. Рузвельту вместе с Дэниелсом как представителям исполнительной власти, которым предстояло теперь вершить военные дела, были предоставлены почетные места в зале заседаний прямо перед трибуной президента. 6 апреля США вступили в Первую мировую войну. Революция в России, по мнению американцев, и Франклина в том числе, еще более ярко свидетельствовала, что война идет между силами демократии и деспотизма, воплощенными в германском

милитаризме.

В войне и после нее

На протяжении первых лет войны Франклин Рузвельт продолжал выступать за скорейшее в нее вступление, по крайней мере косвенное — путем максимально возможной поддержки Великобритании и союзных с ней стран, вмешательства в дела соседней Мексики, чтобы не допустить распространения революции на американские южные штаты. Он полностью одобрил карательную экспедицию в приграничные районы Мексики под командованием генерала Джона Першинга. Рузвельт довольно близко познакомился с генералом, который произвел на него самое благоприятное впечатление не только в качестве бравого вояки, но и как человек, не лишенный политического чутья. Впоследствии Рузвельт при каждом удобном случае способствовал военному продвижению Першинга: назначению в 1918 году командующим американскими экспедиционными силами в Европе, а после войны — начальником Генерального штаба США.

В самых различных кругах Рузвельта рассматривали теперь как новую восходящую звезду на политическом небосклоне демократов. И его прямое начальство, и коллеги по работе, и те, с кем ему приходилось вступать в контакты, как правило, составляли о нем благоприятное впечатление. Газета «Нью-Йорк трибюн» писала 7 апреля 1918 года: «Девушки, работающие в правительственных учреждениях, привыкли с восхищением наблюдать, как он проходил мимо них… У него продолговатое лицо, хорошо очерченное признаками уверенности в себе. На лбу у него едва заметные веснушки. Под ярко-голубыми глазами легкие тени. Жесткий узкий рот легко расплывается в улыбке, открытой и свободной. У него приятный голос». Такое описание явно свидетельствовало о том, что пресса Рузвельту симпатизировала.

Министр Дэниелс, несмотря на серьезные разногласия со своим заместителем по вопросу об отношении к мировой войне, характеризовал его как «молодого и беззаботного», но в то же время «продвигающегося вперед быстрым темпом и человека сильного»[{125}].

Однако заместитель не отвечал ему взаимностью. Когда ушел в отставку Брайан, он сожалел, что Дэниелс не последовал его примеру, и открыто высказывал это в своих письмах, видя в министре препятствие к наращиванию мощности военного флота. Поэтому нельзя согласиться с А. И. Уткиным в том, что Рузвельт «навсегда сохранил симпатию к своему оригинальному и

терпимому начальнику»[126]. Назначение Дэниелса на явно второстепенный пост посла в Мексике после избрания Рузвельта президентом вряд ли может служить доказательством этого утверждения.

Надо сказать, что Рузвельт, несмотря на внешнюю почтительность к своему непосредственному начальнику, выполнение его указаний, при каждом удобном случае выходил за их пределы, ставя Дэниелса, человека не очень волевого, перед свершившимися фактами и оправдываясь тактическими соображениями. Главная задача заместителя министра состояла втом, чтобы неуклонно добиваться увеличения военно-морских сил и более эффективной их подготовки к ведению военных действий, разумеется, на стороне стран Антанты.

Особенно четко это проявилось во время слушаний в конгрессе о готовности США к военным действиям. Расследование было предпринято осенью 1915 года по инициативе члена палаты представителей А. Гарднера, причем последний, видимо, специально подгадал время, чтобы Дэниелс находился вне Вашингтона и, следовательно, по делам военного флота докладывал Рузвельт. Действительно, замминистра представил меморандум, опубликованный затем в прессе, в котором констатировалось, что флот к войне не готов, что численность матросов надо увеличить по крайней мере на 18 тысяч, что пополнение флота необходимо осуществить срочно, ибо подготовка моряков занимает не один месяц, что флот просто не может выйти в открытое море из-за отсутствия обученных экипажей. Гарднер, слывший ярым интервенционистом, был удовлетворен. Он заявил, что восхищается смелостью Франклина Рузвельта[127].

Еще в феврале 1916 года ушел в отставку военный министр Линдди Гаррисон, человек холерического темперамента, с которым Вильсон не согласился, когда тот предложил ввести обязательную воинскую повинность. В вашингтонских кругах среди возможных претендентов на вакантный пост называли и Рузвельта. Вильсон, однако, не счел возможным назначить на столь ответственное место молодого и еще недостаточно проверенного политика. Министром стал Ньютон Бейкер, мэр Кливленда, верный сторонник президента. Правда, сам Бейкер был удивлен сделанным ему предложением, заявив, что даже никогда не играл с оловянными солдатиками, но тем не менее охотно принял его. Слух же о возможном назначении военным министром Рузвельта в условиях мировой войны свидетельствовал о том, что его акции явно набирали всё большую цену.

Об этом же свидетельствовало появление во влиятельной газете «Уолл-стрит джорнэл» материала, в котором выдвигалось требование, чтобы Дэниелс был заменен его «динамичным заместителем»{128}.

Росту популярности Рузвельта способствовали всё новые и новые выдвигаемые им инициативы. В 1917 году Рузвельт предложил два крупных плана — строительства небольших кораблей, способных вести борьбу с германскими субмаринами, и создания минного пояса в Северном море. Оба проекта были приняты и реализованы, хотя на бюрократическое согласование второго из них ушло немало времени, так что реально это весьма дорогое предприятие, обошедшееся в 80 миллионов долларов, было осуществлено лишь частично (общая его стоимость должна была составлять около полумиллиарда долларов) только к окончанию войны{129}. В Северном море было установлено более 80 тысяч мин, а на американских верфях построена целая армада юрких противолодочных судов.

Кипучая натура Рузвельта не терпела бездеятельности, выжидания. Он с энтузиазмом принимался за реализацию планов, которые на поверку часто оказывались утопическими или просто авантюрными. Однажды к нему прорвался некий изобретатель, который заявил, что создал заменитель бензина стоимостью всего два цента за галлон (примерно 3,8 литра). Рузвельт доложил Дэниелсу: «Шеф, это дело стоит попробовать». Не в силах остановить ретивого заместителя, министр, убежденный, что речь идет о фантастической затее, не возражал. Рузвельт потратил министерские средства, массу времени, своего и сотрудников, на проведение экспериментов только для того, чтобы убедиться в справедливости мнения начальника. Изобретатель оказался полусумасшедшим фанатиком{130}.

Рузвельта тянуло на Европейский континент, где продолжалась затяжная и изнурительная война, перешедшая из фазы активных действий в позиционную. «На Западном фронте без перемен» — это название знаменитого романа Эриха Марии Ремарка полностью отражало то, что происходило на войне. Лишь иногда предпринимались попытки наступления, которые захлебывались и приносили новые тысячи жертв. Вводимые в действие новые виды вооружений — танки, самолеты, отравляющие вещества — только многократно увеличивали число погибших и искалеченных, но не вели к решающим победам ни одной, ни другой стороны.

Уже в декабре 1914 года через посольство США в Лондоне был передан запрос британскому Адмиралтейству — может ли оно принять заместителя военно-морского министра США,

который хотел бы ознакомиться с организацией флота Великобритании в военное время. Первый лорд Адмиралтейства, то есть военно-морской министр, Уинстон Черчилль отмахнулся — ему было не до американского визитера, он был по горло занят военными и политическими делами, а пользы от встречи с Рузвельтом не видел, так как США пока явно не собирались вступать в войну. В ответ на запрос было сообщено без каких-либо обоснований, что Адмиралтейство считает визит в такое сложное время нецелесообразным.

Только в 1918 году Рузвельт побывал в Европе, где близилась к завершению разрушительная война. Правда, этой поездке предшествовала небольшая размолвка с министром, ибо его заместитель вдруг неожиданно объявил, что хочет уйти в отставку, чтобы записаться добровольцем в экспедиционный корпус. Трудно сказать, насколько искренним был этот демарш. Скорее всего он был вызван внезапным порывом, чувством стыда перед теми, кому должна была выпасть печальная участь пасть на поле боя, тогда как сам Рузвельт, еще сравнительно молодой, 36-летний человек, занимался скучными и безопасными канцелярскими делами в военно-морском ведомстве по другую сторону океана. Рузвельт сразу же отказался от него, когда выслушал стандартную тираду Дэниелса по поводу того, что на своем посту он принесет делу военной победы многократно больше пользы, чем на поле сражения во Франции.

Возможно, именно для того, чтобы окончательно убедить заместителя в своей правоте, Дэниелс и отправил его в европейскую командировку с целью инспекции американских военно-морских сил.

* * *

Рузвельт отбыл в заокеанское турне 9 июля 1918 года на эсминце «Дайер», только что спущенном на воду. Корабль входил в большой морской конвой, сопровождавший транспортные суда, на которых находилось около двадцати тысяч американских военнослужащих, отправлявшихся воевать.

Для путешествия Франклин изобрел полувоенный костюм, который менял на штатскую одежду только в случае приглашения на официальные приемы. Брюки цвета хаки, фланелевая рубашка, кожаный черный пиджак, по мнению заместителя министра, придавали ему бравый вид. Он был весьма польщен, когда 21 июля при входе в британский порт был выстроен отряд музыкантов, которые приветствовали его звуками фанфар.

Оказалось, что он был первым американским официальным лицом такого ранга, появившимся на британской территории с того момента, когда США вступили в войну

Рузвельт побывал не только в Великобритании, но и во Франции, посетил корабли, общался с их командирами и экипажами, с представителями бизнеса, обеспечивавшими американский флот необходимым снаряжением, боеприпасами, продовольствием.

Он буквально упивался впечатлениями от своей поездки. Уже 26 июля он писал Элеоноре: «Я так хотел бы, чтобы ты могла увидеть всё это в военное время. Несмотря на всё, что говорят, здесь я чувствую себя намного ближе к подлинным сражениям. Контратака на Реймсском выступе в огромной степени обрадовала всех. Наши люди безусловно вели себя хорошо. Один из моих полков морской пехоты потерял 1200 и другой 800 человек»[131]. Франклин не задумывался над тем, что он не просто выражал удовлетворение, а буквально радовался гибели сограждан. Война почти всегда ожесточает людей. Но в данном случае речь шла о другом — Рузвельт, сам стремившийся побывать на передовой, воспринимал человеческие потери абстрактно, как «пушечное мясо», которым каждая сторона неизбежно жертвует в войне. Понимание ужасов войны придет к нему постепенно, но в полной мере — значительно позже, уже в пожилом возрасте.

В обеих странах он установил новые связи и знакомства. Исключительно важной была для него встреча с британским «почти коллегой» — бывшим первым лордом Адмиралтейства, а теперь министром вооружений Уинстоном Черчиллем.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, которого согласно опросу, проведенному компанией Би-би-си в 2002 году, через много лет после его смерти, соотечественники назвали величайшим британцем в истории, родился в ноябре 1874 года, то есть был старше Рузвельта на восемь лет. К 1918-му он имел уже немалый журналистский, военный, государственный опыт, воевал в разных концах земного шара и писал оттуда яркие, захватывающие репортажи. Будучи избран членом палаты общин от консерваторов в 1900 году, он часто удивлял своих коллег по парламенту неординарностью и блеском устных выступлений. Став в 1911 году первым лордом Адмиралтейства, Черчилль приложил огромные усилия, использовал свой дар организатора и полемиста для дальнейшего наращивания мощного военного флота. Правда, во время Первой мировой войны его репутацию сильно подмочила спланированная им неудачная Дарданелльская операция 1915 года, закончившаяся эвакуацией из района

проливов британских сил, понесших тяжелые потери. Но постепенно его кредит стал восстанавливаться, особенно с 1917 года, когда он получил должность министра вооружений.

После знакомства контакты между Черчиллем и Рузвельтом прервались на полтора десятилетия. Британский деятель просто позабыл о первой встрече с молодым американцем — такого рода встреч у него было по десятку в день. Рузвельт же запомнил ее на всю жизнь и не раз напоминал о ней сэру Уинстону, когда в годы Второй мировой войны возник мощный военно-политический и дружественный союз.

Франклин познакомился также с наиболее видными деятелями Антанты — французским премьер-министром, лидером радикалов Жоржем Клемансо по прозвищу «Тигр Франции», главой британского правительства Дэвидом Ллойд Джорджем. Он даже был представлен королю Великобритании Георгу V и побывал на приеме у знаменитой леди Нэнси Астор в ее имении Клайвден, что считалось честью даже для британских аристократов.

Первая женщина, избранная в британский парламент от Консервативной партии, Нэнси Астор собирала у себя в имении видных политиков, дипломатов, бизнесменов, чтобы в неформальной обстановке они могли — разумеется, при ее деятельном участии — решать насущные проблемы. Она соперничала в остроумии с самим Уинстоном Черчиллем, который, впрочем, как говорят, однажды ее переиграл. Будто бы леди Нэнси заявила ему: «Если бы я была вашей женой, то подсыпала бы вам яд в кофе», — на что сэр Уинстон, согласно преданию, ответил: «Если бы я был вашим мужем, я бы его выпил». (Правда, ту же фразу приписывают и Бернарду Шоу.)

Однако леди Нэнси была известна еще и тем, что создала в своем имении госпиталь на 110 коек для тяжело раненных, а итальянский сад поместья превратила в кладбище для умерших от ран. Рузвельт получил неплохой урок, увидев собственными глазами, каковы муки и страдания войны.

Что же касается королевского приема в Букингемском дворце, состоявшегося 29 июля, то реакция на него Рузвельта свидетельствовала, что, несмотря на все демократические привычки, которым он уже хорошо научился, у него сохранялось почтение к наследственной аристократии и тем более к коронованным особам. Он писал домой: «У короля очаровательная улыбка и открытые сердечные манеры». Особенно приятным для американского визитера было заявление Георга, что у него много родственников в Германии, но среди них нет джентльменов{132}.

Американские газеты сообщили о королевском приеме крупными заголовками, и эти публикации способствовали тому, что о Франклине узнали еще более широкие круги соотечественников. Весьма польщены были члены его семьи: Сара сообщала сыну, что когда десятилетний Джеймс увидел «Нью-Йорк таймс» с репортажем о том, как его отец был принят королем Великобритании, он с гордостью воскликнул: «Смотри, бабушка, написали на первой странице!»{133}

Все эти встречи оставляли у Франклина глубокое впечатление. Полностью сохраняя собственную индивидуальность, Рузвельт невольно пытался сопоставить свои качества с достоинствами и недостатками выдающихся людей Европы, всё глубже вникая в дебри мировой политики. Он как бы примерялся к роли руководителя государства, особо важной в военное время. Франклина привлекала война как таковая, он видел в ней не только борьбу за возвышенные идеалы справедливости или способ решения геополитических проблем. В нем сохранялись мальчишеская воинственность, стремление сражаться и побеждать, руководить битвами и победно вступать во главе своей армии в захваченные города. Как-то он сказал своему знакомому Уильяму Кэстлу, работавшему в Государственном департаменте: «Как великолепно быть президентом Соединенных Штатов во время войны!»{134}

Однако при всей соблазнительности контактов с известными людьми, от решений которых зависели судьбы человечества, жизни миллионов людей, Франклин, стремившийся набраться опыта, наблюдая за их государственной деятельностью и поведением, в равной мере хотел ощутить себя фронтовиком, побывав на передовых позициях. Это не вполне вписывалось в цели его миссии, но он под любыми предлогами стремился «понюхать пороху», тем более что как раз в это время армии Антанты развернули генеральное наступление против немцев по всему фронту от Ламанша до швейцарской границы.

Правда, поначалу его ожидало разочарование. Американский военно-морской атташе Р. Джексон, которому выпала миссия сопровождать вашингтонское начальство, повез Рузвельта в места, находившиеся на безопасном расстоянии от линии огня. Запоздало обнаружив, что его возят по деревням, занятым союзными войсками несколько дней назад, заместитель министра в ультимативной форме потребовал немедленного выдвижения на передовую. Джексону пришлось подчиниться, видимо, не без сопротивления. Во всяком случае, Рузвельт запомнил этого офицера с самой дурной стороны и в 1919 году, когда встал вопрос о его назначении на новую военно-дипломатическую

должность, отозвался о нем весьма пренебрежительно[135].

Рузвельту всё же удалось побывать на фронте. В начале августа он участвовал в наступлении франко-американских войск в районе Шато-Тьерри. Вместе с бригадой морской пехоты он шел в атаку, преодолевая заполненные водой траншеи, проходя мимо свежих могил с наспех сооруженными крестами с американскими именами и трупов только что погибших соотечественников.

Под Верденом, попав под шквальный огонь противника, он проявил хладнокровие. Он наблюдал за огнем американской артиллерии и даже сам выстрелил из мортиры в сторону германской позиции. Согласно докладу летчика-разведчика, выстрел был удачным. Позже Рузвельт не раз вспоминал этот эпизод, скромно добавляя: «Я не знаю, сколько [человек] я убил, если убил вообще».

Разумеется, всё это были в основном экстравагантные поступки сравнительно молодого, жаждущего острых ощущений человека, тем более что никакого отношения к сухопутным военным действиям заместитель военно-морского министра не имел. Но Франклин был настолько возбужден боевыми делами, что во время одного из сражений позабыл на капоте своей машины портфель, в котором находились документы с грифом «строго секретно». К счастью, немецких шпионов поблизости не оказалось и посланный гонец благополучно доставил растеряхе портфель.

Во время одной из операций Рузвельт оказался в бельгийском городе Ла-Панн, незадолго до этого занятом войсками Антанты, где пообедал с королем Бельгии Альбертом. Они выехали в соседнюю деревню, которая только что подверглась вражескому обстрелу. Один из снарядов разрушил крохотную ратушу, на площади перед ней валялась масса старых листов бумаги. Оказалось, что это фламандские документы, относившиеся ко второй половине XVI века. Просмотрев обрывки, Франклин обнаружил среди них записи о морских экспедициях к берегам Америки. Рузвельт был поражен неразрывной связью времен и континентов: находясь в бельгийской деревушке, в нескольких километрах от германских окопов, он вдруг погрузился во времена освоения европейцами земли, которая являлась его родиной[136].

Трудно судить, насколько эта находка повлияла на отношение Рузвельта к историческим документам, но можно полагать, что наряду с другими впечатлениями она внесла вклад в постепенно формировавшееся у него бережное отношение к письменным свидетельствам. Может быть, современные историки в какой-то мере обязаны бельгийской деревне грандиозным

объемом личного архива Рузвельта в Гайд-Парке.

Возвратился Рузвельт на родину ненадолго — всего на четыре месяца. После подписания в ноябре 1918 года Компьенского перемирия, завершившего Первую мировую войну, он был включен в состав делегации США на мирную конференцию в Париже, разумеется, в качестве не полноправного члена, а консультанта и помощника. Он всячески старался подбирать дополнительные весомые аргументы в пользу излюбленных идей президента о «равных возможностях» и «открытых дверях».

Но главное, Рузвельту было поручено контролировать отправку в США личного состава американского флота и морской пехоты, а также организовать продажу американского военного имущества, в большом количестве скопившегося на французской территории, и урегулировать другие финансовые вопросы, связанные с пребыванием американских войск во Франции.

К этому времени взаимоотношения между союзниками стали значительно хуже. Возникло взаимное недоверие, стремление обойти друг друга. Французские лидеры и прежде всего премьер Клемансо пытались закрепить гегемонию своей страны в послевоенной Европе и всячески преуменьшали роль союзников, особенно США, которые действительно включились в военные действия только на заключительном этапе.

Дело дошло до того, что власти Франции потребовали от США внесения арендной платы за землю, на которой находились американские воинские кладбища. Этот вопрос был решен Рузвельтом, проявившим вдобавок к другим своим качествам умение вести переговоры. С французскими чиновниками была достигнута договоренность, что американцы будут вносить лишь символическую плату за уборку кладбищ без каких-либо арендных взносов, которые были бы невелики, но воспринимались бы американцами как глубокое оскорбление их чувств.

Более или менее успешно прошли и переговоры с разными фирмами и государственными органами по поводу продажи построенных или купленных американцами зданий, пирсов, ангаров и т. п. Назревал послевоенный экономический кризис, чреватый резким падением цен, поэтому Рузвельт торопился. Современники были согласны с тем, что он сделал максимум возможного. Особенно его хвалили за продажу правительству Франции через министра освобожденных регионов (Эльзаса и Лотарингии) Андре Тардьё радиостанции в Бордо за четыре миллиона долларов. Довольный Франклин писал своему начальству: «Самым успешным, что я вытянул из Парижа, была

продажа радиостанции французскому правительству. Они уклонялись и тормозили больше шести недель, и я в конце концов заявил Тардьё, что если они не хотят сами взять ее, я прикажу ее разобрать и отправить домой… Они согласились взять ее на следующий день»{137}.

На Парижской конференции председательствовал Клемансо, добивавшийся, вопреки мнению Вильсона и его советников, решений, направленных на максимальное политическое и экономическое ослабление Германии путем демилитаризации Рейнской области, высоких репараций, передачи угольных шахт Саарской области под контроль Франции и т. д. Лидеры европейских держав не без оснований видели в лозунгах президента США лишь слабо прикрытое стремление к оттеснению их с мировых рынков, к американской мировой гегемонии. Несколько угасшие перед войной и в ее ходе англо-американские противоречия вспыхнули с новой силой. В результате ни одна из излюбленных идей Вильсона не была включена в Версальский мирный договор, а в самих Соединенных Штатах после войны вновь возросло число сторонников изоляционизма и сосредоточения внешнеполитических амбиций на Американском континенте. США так и не подписали Версальский мир и не стали членом Лиги Наций.

Будучи тяжелобольным, Вильсон всё же собирался выдвигаться на третий срок президентства, однако его убедили, что ему гарантировано поражение.

* * *

Период войны, будучи временем восхождения Франклина Рузвельта по карьерной лестнице в том смысле, что он, оставаясь в одной должности, всё более влиял на дела не только военно-морского министерства, но и государственного аппарата в целом, явился вместе с тем и временем немаловажных изменений в его семейной жизни. Именно в эти годы брак с Элеонорой превратился из страстного союза двух любящих сердец в холодный, существующий только из расчета альянс людей, эмоционально отдалившихся, но полагавших, что сбережение семьи способствует их взаимным интересам. При этом в полной мере сохранялись взаимное уважение, любовь к общим детям, от которых, пока они не повзрослели, тщательно скрывали, что между родителями сложились совершенно иные отношения.

Немалую роль во взаимном охлаждении сыграли скоротечные и быстро забывавшиеся любовные аферы, которые позволял себе

Франклин. С некоторым, но, видимо, не слишком большим преувеличением один из его компаньонов по загулам Ливингстон Дэвис чуть позже в шутку предлагал ему написать книгу «О фривольностях в столице: По следам Рузвельта, или 29 страстных ночей в разных местах и в разных постелях»{138}. Супруга смотрела на все эти выходки сквозь пальцы, но ее чувства к супругу гасли.

Элеонора устала от частых родов и ухода за маленькими детьми. Она считала, что в расширении состава семьи следует поставить точку (на этом, как мы знаем, настаивали и врачи), что настало время и ей полностью посвятить себя общественной деятельности, но боялась, что неосторожность супруга при ее способности легко беременеть этому помешает. Она стала остерегаться физической близости, а позже даже завела себе отдельную спальню. По мнению сына Рузвельтов Эллиота, высказанному в письме Т. Моргану, «полное невежество по поводу того, как избежать беременности, не оставляло ей другого выбора, кроме воздержания»{139}.

Одну из интрижек мужа Нелл сочла не просто супружеской изменой, а подлинным предательством. В 1914 году она, всё более увлекавшаяся общественными делами, позволила себе нанять личного секретаря, причем в этой роли согласилась выступить ее приятельница Люси Мёрсер, 22-летняя высокая белокурая красавица из Вирджинии, дочь когда-то богатых, а затем обедневших землевладельцев. Помимо внешней привлекательности, у Люси был особый, бархатный голос, который буквально гипнотизировал симпатизировавших ей молодых людей.

Франклин в первые полтора-два года этого делового союза с интересом поглядывал на Люси, иногда на вечеринках приглашал ее танцевать, тем более что Элеонора танцев не терпела, но не делал ей никаких авансов. Люси, воспитанная в католической семье, была весьма сдержанной и молчаливой, следовала субординации и всячески демонстрировала скромность. Так что ничего предосудительного Элеонора не могла заподозрить.

Обычно семья проводила летнее время на острове Кампобелло, принадлежавшем Канаде, но расположенном рядом со штатом Мэн, в самом северо-восточном углу Соединенных Штатов. На этом небольшом зеленом острове площадью в 40 квадратных километров в восьмидесятых годах XIX века возникла своего рода колония богатых американцев, которые строили здесь свои коттеджи, подчас напоминавшие дворцы. Родители Франклина также избрали Кампобелло для своего летнего отдыха и еще в 1885 году построили здесь 34-комнатный летний дом.

Именно там в августе 1914 года родился Франклин-младший.

Франклин-старший любил этот остров и особенно прибрежные воды океана, совершенно неожиданно вздымавшиеся огромными валами, под которыми появлялись вчера еще не существовавшие сильные холодные течения. Хождение здесь на яхте и даже просто плавание, предприятия явно небезопасные, в какой-то мере удовлетворяли его тягу к океанским авантюрам, которые так и не осуществились.

Но летом 1916 года Элеонора отправилась с детьми отдыхать на Кампобелло без супруга, в условиях войны по горло занятого государственными делами. Так как никакой работой она в летнее время заниматься не собиралась, то оставила в Вашингтоне и свою секретаршу. Франклин несколько раз в нежных письмах обещал присоединиться к семье, как только чуть высвободится, но особого рвения на этот счет не проявлял.

Однажды Франклин, собиравшийся в свободный уик-энд совершить прогулку на яхте по столичной реке Потомак, а затем вдоль атлантического побережья, предложил Люси участвовать в пикнике. То ли он просто пожалел юную леди, которой предстояли скучные выходные дни, то ли заранее имел виды на нее. Так или иначе, но на яхте между ними пробежала искра взаимного влечения; в отеле городка Вирджиния-Бич, где им предстояло провести две ночи, они зарегистрировались как супруги. Будучи уверенными в «добропорядочности» своих спутников, Люси и Франклин не скрывали от них, что провели эти ночи вместе. Друзья оказались на высоте. Ни об этом свидании, ни о последующих встречах любовников доверчивая Элеонора от знакомых не узнала. Люси Мёрсер продолжала у нее работать, исправно выполняя служебные обязанности и оставаясь вроде бы верной подругой.

Элеонора ничего не заподозрила даже тогда, когда Люси, не оставляя секретарской работы, получила в июле 1917 года дополнительную должность в военно-морском министерстве в качестве йомена (в наши дни сказали бы йовумен) третьего класса — низшего клерка. Устроивший ее на эту работу Франклин разыграл хорошо продуманную (видимо, совместно с Люси) сцену — речь, мол, идет и о выполнении патриотического долга, и о возможности дополнительно заработать. Прямо не говоря о назначении Люси, Рузвельт повел разговор так, что супруга сама попросила его походатайствовать о трудоустройстве своей компаньонки. Та стала исполнять обязанности секретаря, причем ее рабочее место находилось рядом с кабинетом заместителя министра.

Знакомые заметили, что у Рузвельта появилась постоянная

возлюбленная. Дочь бывшего президента Теодора Рузвельта Элис как-то набрала телефонный номер Франклина, чтобы сообщить, что видела его в 20 милях от города в машине с молодой женщиной. Он был настолько увлечен своей спутницей, что не заметил родственницу: «Твои руки лежали на руле, но глаза были сосредоточены на великолепной девушке». Франклин не на шутку встревожился, зная Элис как закоренелую сплетницу, злую на язык. Но на этот раз она проявила сдержанность — история пока не вышла на поверхность. Правда, Элис, верная себе, в разговорах лицемерно сочувствовала Франклину: «Конечно, он заслуживает более приятного времяпрепровождения. Ведь он женат на Элеоноре!»{140}

Гроза разразилась в 1918 году, когда Франклин возвратился из европейской командировки. На океанском судне он заразился гриппом, той самой «испанкой», пандемия которой разыгралась в это время и стала самой массовой за всю историю человечества. В 1918—1919 годах от нее умерло более 50 миллионов человек — не менее трех процентов населения планеты. Начавшись в последние месяцы мировой войны, пандемия буквально затмила это крупнейшее кровопролитие по числу жертв.

У Франклина вдобавок развилось двустороннее воспаление легких, он буквально боролся за жизнь. С корабля его снесли на носилках, а затем в полубессознательном состоянии на машине привезли в Гайд-Парк. Естественно, он был не в силах разобрать свои вещи. Открыв его чемодан, Элеонора, к своему величайшему удивлению и ужасу, обнаружила в нем перевязанные красной ленточкой любовные письма Люси. Их было несколько десятков — писем вероломной подруги, посягнувшей на мужа и отца семейства. Было ясно, что это не мимолетная интрижка, а прочная связь, которую любовники умело скрывали от жены и работодательницы.

Семейный скандал, правда, не вышел за рамки внешних приличий. Да и Элеонора, к ее чести, смогла удержаться от выяснения отношений до той поры, пока Франклин уже настолько окреп, что мог выдержать бурю. В произошедшие затем разборки были вовлечены Франклин, Элеонора, Люси и, в качестве верховного судьи, мать Франклина Сара.

Понимая, что она может стать супругой богатого и известного политика, к тому же испытывая к Франклину отнюдь не платонические чувства, Люси требовала, чтобы он развелся с супругой и женился на ней. Глубоко уязвленная Элеонора, чувствовавшая себя преданной и мужем, и подругой, заявила, что предоставляет Франклину полную свободу выбора, сама же предпочитает развод. Письма Люси она предала огню. Сам

виновник адюльтера колебался между сохранением семьи ради детей и карьерных перспектив, которые заметно пошатнулись бы в случае развода, с одной стороны, и нежными чувствами к Люси — с другой. Однако на этот раз Сара проявила обычно несвойственную ей твердость, решительно заявив: если ее сын покинет семью, она лишит его наследства.

Результатом было устное соглашение. Брак сохранялся при условии, что Франклин более никогда не будет встречаться с Люси и что оба супруга будут отныне вести свою собственную жизнь, не вмешиваясь в дела друг друга. Здесь, разумеется, было прямое противоречие, ведь «собственная жизнь» и обязательство порвать с любовницей несовместимы; из него видно, в каком стрессовом состоянии находились все участники этих переговоров.

Придя через некоторое время в себя, осознавая, что решение сохранить брак принято в основном по политическому расчету, Франклин пришел к выводу, что из двух взаимоисключающих условий он может выбрать то, которое ему больше по душе, формально не нарушая обязательства. Он начал тайком встречаться с Люси Мёрсер. Их свидания продолжились даже после того, как она в 1920 году в свои 29 лет стала сначала домоправительницей, а вскоре и женой богатого 53-летнего вдовца из Южной Каролины Уинтропа Рутерфёрда, успевшего в первом браке обзавестись пятью детьми, — ему нужна была не столько супруга, сколько хорошая мачеха для его разновозрастного потомства.

Люси вела двойную жизнь, переписываясь с любовником и изредка, когда это было безопасно, отправляясь к нему на свидания. Когда же Рутерфёрд перенес инсульт и через некоторое время умер, Рузвельт продолжал встречаться с Люси открыто — вплоть до последних дней своей жизни{141}.

История двойного предательства — супруга и подруги — произвела на впечатлительную Элеонору глубокое воздействие. По-видимому, она вспоминала слова своей матери, что она уродина, что ею никак не могут интересоваться мужчины. Это было не так, и сам брак с Франклином явился ярким опровержением жестокого утверждения. Но у еще молодой Нелл взыграли психологические комплексы. Она перестала обращать внимание на лиц противоположного пола. Интерес к общественным делам, заметный и ранее, развился у нее не то чтобы в манию, но, по крайней мере, в главное жизненное занятие.

У нее появились новые, весьма своеобразные подруги, общение с которыми стало поводом для утверждений о ее

лесбиянстве. Наиболее часто в этой связи упоминалось впоследствии, особенно после смерти супругов, имя корреспондента агентства «Ассошиэйтед Пресс» Лорены Хикок — мужеподобной, носившей костюмы мужского покроя и курившей сигары, что в те времена считалось для женщины верхом неприличия. Лорена была прирожденной, неутомимой журналисткой, находившей новые, важные сюжеты, лично проверявшей те факты, о которых собиралась писать.

К тому времени, когда произошла семейная драма, Франклин Рузвельт был уже настолько «политическим животным» (определение древнегреческого философа Аристотеля, которое, правда, часто переводят и как «общественное животное»), что выбить его из седла передрягами такого рода было уже невозможно.

Тем не менее любовная афера и ее последствия оказали глубокое влияние на психику Рузвельта. До этого времени он считался образцовым семьянином — кратковременные связи с доступными дамами в расчет не шли. Теперь, вначале собираясь оставить семью, развестись с Элеонорой и жениться на молодой женщине (он был четырнадцатью годами старше Люси), затем отказавшись от этого намерения в основном по карьерным соображениям, он стал намного глубже понимать житейские противоречия. Какая глубокая пропасть лежит между чувством и долгом, как он его понимал, между поведением добропорядочного джентльмена и никак не калькулируемым порывом, между отношением к жене и любовнице, которых он любил, хотя и по-разному!

* * *

Преодолев любовный порыв, Франклин Рузвельт возвратился к выполнению служебного долга и политическим играм.

Он испытал удовлетворение, когда после его второго возвращения из Европы (он вернулся вместе с президентом Вильсоном во второй половине февраля 1919 года) за океан отправился его шеф Дэниелс, оставив Рузвельта в качестве исполняющего обязанности министра. С нескрываемым чувством гордости и даже самодовольства он писал 23 мая своему знакомому Джону Масилхенни: «У меня были два великолепных месяца, когда я твердой рукой вел дела и привел их в такое состояние, в каком они не были никогда раньше. В субботу возвратился министр, и у меня будет чуть больше отдыха»{142}.

Во время предвыборной кампании 1920 года он отлично

понимал, что потерявший авторитет Вильсон не имеет шансов на успех, что победа легко достанется республиканцам, если демократы не противопоставят им какую-либо весьма авторитетную фигуру. Еще во время войны он познакомился с Гербертом Гувером — горным инженером, ставшим владельцем нескольких горнорудных и нефтяных компаний, в том числе на территории России.

Гувер привлек особое внимание Рузвельта тем, что в самом начале мировой войны создал благотворительную организацию для оказания помощи населению Бельгии, оккупированной немцами. Организация разрослась, авторитет ее руководителя, не вмешивавшегося в военно-политические дела, стал настолько бесспорным, что ему несколько раз удавалось для решения дел с согласия обеих воюющих сторон переходить линию фронта.

По тому же образцу Гувер в 1918 году создал новую структуру, на этот раз с участием государства, — *American Relief Administration (ARA)* — Американскую администрацию помощи, которая ставила своей целью оказание помощи народам Европы, пострадавшим во время войны. *ARA* распространила свою деятельность и на Россию, правда, только на те ее районы, которые во время Гражданской войны находились под контролем белой армии. Позже, в 1921 году, когда после Гражданской войны начался тягчайший голод, Гувер перенес благородную работу своей организации на советскую Россию и его помощь была скрепя сердце принята правительством Ленина, ибо по политической инерции большевики рассматривали *ARA* не как гуманитарную организацию, спасающую миллионы жизней, а как прибежище диверсантов и шпионов.

Франклин Рузвельт высоко ценил Герберта Гувера, полагая, что это единственный человек, который может спасти демократов на президентских выборах. Он несколько раз встречался с руководителем *ARA,* предлагая ему перейти из числа сторонников Республиканской партии (официально он не был ее членом) в ряды Демократической партии и стать ее кандидатом на президентский пост. Более того, старый гарвардский приятель Франклина Луис Вееле выступил даже с идеей о двойном выдвижении — Гувера в президенты и Рузвельта в вице-президенты{143}. 6 марта 1920 года Рузвельты пригласили Гувера на обед, во время которого и было сделано соблазнительное предложение, с упором на то, что их гость — сторонник Лиги Наций, тогда как Республиканская партия относится к идее международной организации отрицательно или по крайней мере с опаской.

Ничего из этой затеи не получилось, так как Гувер

решительно отверг предложение, а 20 марта объявил себя «прогрессивным республиканцем». Именно в качестве кандидата от Республиканской партии он и стал президентом, правда, только через восемь лет, и вошел в историю вначале как символ американского процветания, а вслед за этим как невольный виновник Великой депрессии, начавшейся в 1929 году. Именно на него обрушились все обвинения в катастрофическом развале хозяйственной жизни страны.

Тем временем демократы усиленно подыскивали новых достойных кандидатов на президентский пост. В этих действиях активно участвовал Рузвельт, почувствовавший, что он всё увереннее выходит на новый политический уровень.

Понимая, что его карьере в военно-морском министерстве приходит конец, Франклин решил нанести удар своему шефу, который так легко прощал ему прегрешения и нарушения указаний. Рузвельт продемонстрировал, что может быть неблагодарным, беспощадным и расчетливым. Избрав для своего выступления такую, казалось бы, далекую от военных дел организацию, как Бруклинская музыкальная академия, он устроил здесь 1 февраля 1920 года собрание, на котором присутствовало около 1500 человек. Оратор заявил шокированной аудитории, что в своих попытках должным образом подготовить флот к войне он совершил столько незаконных актов, что их хватило бы на 999 лет тюрьмы. К примеру, по его приказу на корабельные пушки было потрачено 40 тысяч долларов, прежде чем конгресс дал на это разрешение. Он добавил, что в своих действиях постоянно встречал сопротивление не только министра, но и президента{144}.

И тяжелобольной, парализованный Вильсон, и Дэниелс чувствовали себя преданными ретивым заместителем министра. Рузвельт принес им сухие извинения, добавив, что в газетных отчетах его выступление было извращено{145}. Было ясно, однако, что с работой в министерстве скоро придется распрощаться. Рузвельт не жалел об этом. Он намеревался выйти на национальную сцену в качестве одного из активных действующих лиц, а не статиста-чиновника, пусть и высокого ранга.

Такие намерения у него складывались в течение сравнительно долгого времени. Свидетельством этого стала его речь на заседании Национального комитета Демократической партии 29 мая 1919 года, которую можно рассматривать как первое программное выступление общенационального уровня. Рузвельт полагал, что Республиканская партия теперь полностью избавилась от своего либерального крыла, что именно демократы стали носителями либерально-прогрессистских ценностей.

Именно они должны стать выразителями интересов большинства народа. Только это обеспечит им власть и пост президента.

В июне 1920 года Рузвельт взял в министерстве неоплачиваемый отпуск для участия в съезде Демократической партии, 13 июля подал президенту заявление об отставке, а 6 августа официально объявил об уходе с поста заместителя министра.

Съезд Демократической партии собрался в Сан-Франциско в конце июня — начале июля. Он проходил в острой внутренней борьбе, столкновениях претендентов на роль кандидата в президенты от демократов, каждого из которых поддерживало недостаточное для победы количество делегатов. После того как были провалены несколько фигур, в том числе и наиболее авторитетный из них Эл Смит (его кандидатуру выдвигал Рузвельт), съезд, наконец, сорок шестым голосованием остановился на губернаторе штата Огайо Джеймсе Коксе, слывшем прогрессистом. Кокс в свою очередь предложил Рузвельту баллотироваться вместе с ним, хотя ранее они вообще не были знакомы.

В общем-то Коксу сам Рузвельт был глубоко безразличен. Он признавался: «Когда меня спросили, знаю ли я его, я ответил, что не знаю… Он удовлетворяет географическим требованиям, его признают независимым, и Рузвельт — хорошо известное имя»{146}. Будучи убежденным в том, что игра будет проиграна, Франклин всё же согласился участвовать в предвыборной борьбе, считая, что она в любом случае будет для него полезна, позволит установить новые связи в различных городах страны, набраться опыта, и сделал всё, что мог, чтобы содействовать старшему партнеру.

При этом Франклин отлично понимал, что согласно Конституции Соединенных Штатов пост вице-президента имеет весьма сомнительные преимущества. Единственная твердо установленная обязанность вице-президента — председательство в сенате, причем без права голоса (он голосует только тогда, когда сенат оказывается в патовом положении — за и против подается одинаковое количество голосов). Стать президентом он может только в том случае, если действующий президент внезапно прекратит свои полномочия. Действительно, несколько вице-президентов в американской истории оказывались на высшем государственном посту в результате смерти шефа; в частности, как мы помним, Теодор Рузвельт занял Белый дом после того, как был убит Маккинли.

Всё это, однако, Рузвельта не смущало. Он включился в избирательную борьбу со всем присущим ему азартом. Правда, в

самом начале предвыборной кампании он предложил Коксу в случае победы несколько расширить статус вице-президента — предоставить ему право участвовать в заседаниях правительства. Тот отделался неопределенным ответом{147}.

Франклин открыл свою вице-президентскую гонку 9 августа 1920 года в родном Гайд-Парке, выступив с крыльца родного дома перед толпой весьма польщенных соседей. Но это был лишь дебют.

Вместе с Коксом он разъезжал на специальном поезде по всей стране. Они пересекли 20 штатов. Нередко Рузвельт говорил, стоя прямо на ступенях вагона. Подсчитано, что в среднем он выступал 13 раз в день, а всего его слушали около двух миллионов человек. Такого рода речи в предвыборной практике были новинкой, которая с этого времени стала приобретать регулярный характер, а изобретателем этого динамичного хода считают Рузвельта.

Не обошлось без анекдотических случаев. Франклина иногда принимали за сына Теодора Рузвельта и даже, не особенно разбираясь в партийных различиях, провозглашали лозунг: «Проголосуем за сына!» Хитроумные республиканцы отправили по следам таких инцидентов подлинного сына покойного президента, также по имени Теодор, который сокрушенно сообщал избирателям, что Франклин — семейный отщепенец и голосовать за него не следует.

Несмотря на этот казус, Франклин постоянно обращался к образу «дядюшки Тедди», которого считал образцом политического деятеля и личности. Республиканская партия стала реакционной, она предала традиции Теодора Рузвельта, именно демократы являются подлинными наследниками прогрессивных республиканцев — таков был девиз многих выступлений.

Нельзя сказать, что в своих речах Рузвельт был инициативен и динамичен. Они звучали стандартно, в прогрессистском духе, который во многих случаях воспринимался скептически, имея в виду происхождение и социальные связи кандидата в вице-президенты: «Мы против влияния денег на политику, мы против контроля частных лиц над финансами государства, мы против обращения с человеком как с товаром, мы против голодной заработной платы». Такие и подобные им прекраснодушные, но внушавшие мало надежд призывы сколько-нибудь серьезно не вдохновляли избирателей. Кокс и Рузвельт выступали за поддержку Версальского договора и вступление США в Лигу Наций.

В поездке Рузвельту помогали журналист Стив Эрли, ставший

его пресс-секретарем, и Марвин Макинтайр, работавший ранее его помощником в военно-морском министерстве, а теперь обеспечивший связь с общественными организациями и административными органами по пути следования. Оба останутся помощниками Рузвельта на многие годы, включая его президентство. Пока, однако, Эрли не был в восторге от своего шефа. Позже он рассказывал, что в 1920 году Рузвельт напоминал плейбоя, не любил заранее готовиться к выступлениям, предпочитая в свободное время играть в карты{148}.

Как и следовало ожидать, предвыборный лозунг Кокса-Рузвельта «Мир, прогресс, процветание!» большинство избирателей не впечатлил. Демократам никак не могли простить, что они, втянув США в мировую войну, уступили мировое первенство своим европейским союзникам. Хотя потери США в войне были незначительны, но почти у каждой семьи были родственники или знакомые (в крайнем случае знакомые знакомых), погибшие или раненые на заокеанском фронте. Простые люди, городские обыватели и фермеры, не хотели слушать высокие слова об интернациональном сотрудничестве.

Им были безразличны заимствованные Коксом и Рузвельтом идеи Вильсона по поводу Лиги Наций и других заокеанских материй. Главное, чего они ожидали от нового президента, — повышение качества жизни. Изоляционистские настроения вновь охватили население, а республиканцы всячески их разжигали. Эти чувства еще усиливались благодаря тому, что впервые в этих выборах на основании 19-й поправки к Конституции США принимали участие женщины, подавляющее большинство которых было озабочено именно внутренними делами. Пресса, естественно, в первую очередь республиканская, относилась к Рузвельту весьма прохладно, подчас просто высмеивала его выступления. Газета «Нью-Йорк телеграф» как-то заявила даже, что он напоминает «испорченного ребенка, которого следует выпороть»{149}.

На выборах, состоявшихся 2 ноября (их результаты впервые были оглашены по радио), республиканцы обыграли демократов с разгромным счетом — 16,2 миллиона голосов против 9,1 миллиона. В коллегии выборщиков за республиканских кандидатов были поданы 404 голоса, а за демократов — 127. В результате в Белый дом въехал малоизвестный и, как оказалось, посредственный президент-республиканец Уоррен Гардинг, а Демократическая партия почти на полтора десятилетия утратила высшие командные позиции. Вместе со своей партией потерпел поражение и Франклин Рузвельт.

Он, однако, ни в коем случае не считал себя неудачником.

Накапливался политический опыт, прежде всего опыт общения с различными слоями населения. Вырабатывались умения, столь необходимые политикам в демократических странах: не гнушаться здороваться за руку с тысячами людей, в том числе с теми, кто тебе просто физически неприятен, неопрятен, от кого исходит дурной запах; ослепительно улыбаться, когда смертельно устал (недаром в американском английском языке есть выражения «надеть улыбку», «носить улыбку»); представлять дело так, будто ты со знанием предмета говоришь о разведении крупного рогатого скота в штате Вайоминг или о возделывании пшеницы в Канзасе и что это самая интересная для тебя тематика и т. п.

Франклин ушел в тень, ожидая своего часа. После выборов он отправился с друзьями на охоту в Луизиану, а по дороге написал письмо домой, подписавшись «Франклин Д. Рузвельт, законсервированный экс-в[ице]-п[резидент] (о котором ошибочно говорят, что он мертв)»{150}. Таким образом, он был бодр и оптимистичен (во всяком случае внешне). Действительно, результаты выборов были ожидаемыми и если расстроили нашего героя, то лишь ненадолго и в самой малой степени.

Удар судьбы

Возвратившись из Вашингтона в Нью-Йорк, Франклин стал вице-президентом и руководителем местного отделения крупной финансовой компании «Фиделити энд Депозит» с центром в Балтиморе и интенсивно включился в ее работу. Одновременно он договорился с юристами Лэнгдоном Марвином и Гренвиллем Эмметом о создании совместного адвокатского бюро. Появилась и масса других занятий — Гарвардский университет включил его в состав своего наблюдательного совета, он возглавил комитет по сбору средств на строительство маяков, стал председателем военно-морского клуба в Нью-Йорке, членом совета организации бойскаутов города. И оплачиваемой, и общественной работой Рузвельт был завален, но не переставал мечтать о продолжении политической карьеры.

Однако летом 1921 года произошло страшное событие, которое, по его собственным многочисленным признаниям, стало центральным во всей его жизни, определило манеру его поведения, изменило привычки, внесло резкие изменения в характер общения с окружающими, хотя и не поменяло основного жизненного вектора. 39-летний Франклин Рузвельт заболел полиомиелитом — детским инфекционным параличом.

Об этой страшной болезни в семье говорили еще в 1916 году, когда она появилась на восточном побережье, а затем и в других частях Соединенных Штатов.

Полиомиелит, видимо, был распространен еще в Древнем Египте и Вавилоне, о чем свидетельствуют сохранившиеся мумии со следами паралича. В следующие столетия эпидемии детского паралича то возникали, то прекращались. В 1913 году в Пастеровском институте в Париже был открыт возбудитель — как оказалось, один из нескольких вирусов, вызывающих это страшное заболевание.

В Соединенных Штатах встречались лишь отдельные случаи заболевания до тех пор, пока летом 1916 года оно не поразило тысячи американских детей, вначале в бедных кварталах Бруклина, а затем распространилось вглубь страны. Первоначально причины эпидемии видели только в антисанитарных условиях перенаселенных районов Нью-Йорка; но вскоре стало ясно, что полиомиелит — не только болезнь бедняков, а распространяется и среди других слоев населения в результате несовершенства канализационной системы, вирусы переносятся насекомыми и даже домашними животными.

К декабрю эпидемия распространилась на 27 штатов

восточного побережья и Среднего Запада. В течение семи месяцев из 27 тысяч зарегистрированных случаев полиомиелита шесть тысяч больных погибли, а тысячи других были парализованы или искалечены на всю жизнь. В США каждое лето возникали вспышки этой болезни, то сокрушительные, то более слабые.

В июле 1916 года Элеонора, отправившись с детьми в Кампобелло, приняла максимальные меры предосторожности. Окна, несмотря на летнюю жару, закрывались наглухо, чистота и санитарные профилактические меры стали чуть ли не манией. Паника стала еще большей, когда пришло известие из Гайд-Парка, что полиомиелитом заразилась дочь кучера экипажа, которым пользовалась Сара. И всё же, продержав свою семью в Кампобелло до поздней осени, Рузвельт переправил ее на военном корабле именно в Гайд-Парк, полагая, что в провинции возможность заразиться намного меньше, чем в большом городе.

К счастью, никто из Рузвельтов от полиомиелита тогда не пострадал. Думали ли члены семьи, что эта ужасная болезнь поразит ее главу? Такое невозможно было представить и в страшном сне.

Незадолго до болезни у Рузвельта произошла политическая неприятность, которая взволновала его значительно больше, чем поражение на выборах, и скорее всего явилась морально-психологическим детонатором недуга.

Еще в бытность его заместителем военно-морского министра на флотской базе в Ньюпорте (штат Род-Айленд), где находились центр тренировки моряков, морское училище и база подводных лодок, возникло подозрение, что среди юных курсантов довольно широко распространен гомосексуализм, считавшийся тогда страшным преступлением, особенно в вооруженных силах. В совращении молодых людей был обвинен местный священник Сэмюэл Кент.

Командование с санкции Рузвельта направило на базу следственную комиссию. Было решено застать виновных на месте преступления, для чего комиссия привлекла несколько человек из числа моряков, которые должны были притвориться пассивными гомосексуалистами, которых застали бы на месте преступления (им заранее были даны свидетельства, что они участвовали в раскрытии преступления и никакой вины за ними нет). Скорее всего в спешке, а может быть потому, что он уже почти распрощался с министерством, Рузвельт санкционировал этот не совсем законный, если не сказать грязный, способ расследования.

Однако ничего предосудительного комиссия не установила, обвиненные в преступлении, прежде всего Кент, обратились с жалобой на самый верх — в сенат США, который образовал

специальный подкомитет для расследования дела. Если учесть, что в этом органе преобладали республиканцы — политические противники Рузвельта, вердикт нетрудно предугадать. После длительного разбирательства 21 июля 1921 года был опубликован пятнадцатитомный доклад объемом в шесть тысяч страниц, в котором Рузвельта обвиняли в злоупотреблении властью, нарушении моральных норм и отсутствии «нравственной перспективы», в том, что по его вине моряки были подвергнуты унизительным издевательствам, и, наконец, в том, что он лгал под присягой{151}.

Франклин воспринял этот доклад, немедленно ставший достоянием общественности, очень болезненно. Ему казалось, что атака на него совершенно несправедлива (это было верно только отчасти), что его гражданская репутация и политическое будущее висят на волоске.

Немного успокоившись, но всё еще находясь в состоянии стресса, которое он тщательно скрывал, Рузвельт 5 августа 1921 года отправился вместе со своим шефом по финансовой компании Ванлиром Блэком на его яхте «Сабало» на летний отдых в Кампобелло, где уже находилась его семья. В океане на корабль обрушился шторм. Не знавший точного места назначения, капитан передал штурвал Рузвельту, который отлично справился, но к пережитым ранее волнениям добавились новые. Наконец яхта бросила якорь в бухте поселка Велшпул, где ее встретили Элеонора и дети.

Вместе с детьми Франклин купался и загорал, ловил рыбу. Почти как обычно, только несколько более суматошно прошел день 10 августа. Франклин с приятелями и детьми ходил на яхте в ледяной океанской воде, принесенной каким-то течением. Один раз он даже упал в воду. Обычно любивший холодные купания, Франклин на этот раз сильно замерз и чувствовал себя неважно. Но, преодолевая недомогание, он по возвращении на берег еще раз выкупался в соседнем холодном озере. Заметив небольшой лесной пожар, взрослые принялись вместе с младшими тушить его, после чего вновь окунулись в ледяную воду, чтобы смыть грязь.

Вернувшись домой, Рузвельт, не снимая купального костюма, стал просматривать почту. На следующее утро он попытался встать с постели, но почувствовал, что ноги совершенно не слушаются. Температура повысилась до сорока с лишним градусов. В течение нескольких часов болезнь распространилась на другие органы. По всему телу разлилась страшная боль. Резко ослабели руки, перестала работать мочевыделительная система.

Прибывшие врачи не могли поверить, что человек в годах мог

заболеть страшным недугом, поражающим обычно маленьких детей. Вначале, имея в виду обстоятельства предыдущего дня, была диагностирована простуда. Рузвельту прописали глубокий массаж, который причинял сильную боль.

В связи с тем, что болезнь усугублялась, а врачи не могли поставить диагноз, хотя исправно выписывали немалые счета за каждое посещение, по просьбе Элеоноры родные обратились к докторам из Гарвардской комиссии по детскому параличу. Один из ее специалистов, доктор Сэмюэл Левин, на основании симптомов заочно предположил, что скорее всего Рузвельта поразил полиомиелит.

Новые консультации и консилиумы убедили медиков, что неосторожное поведение накануне было только совпадением или способствовало развитию болезни, но не могло стать ее причиной. В конце концов был поставлен страшный диагноз — недуг, от которого не было полного излечения, который чаще всего обрекал пациента на пожизненную инвалидность. Более того, врачи пришли к выводу, что те методы лечения, которые применялись непосредственно после заболевания, лишь усугубили страдания, не способствуя даже минимальному облегчению состояния пациента. Окончательный приговор вынес приехавший в Кампобелло 25 августа знаменитый бостонский специалист по полиомиелиту Роберт Лоуэтт, который с этого времени регулярно консультировал больного.

В то время считалось, что соответствующие гигиенические средства в состоянии предотвратить заболевание. Значительно позже ученые открыли, что вирус способен находиться в организме человека, проникать в его кровеносную систему, может пребывать в латентном состоянии многие годы или всю жизнь, но способен внезапно активизироваться и вызвать паралич. Очень многое зависело от общего физического и психического состояния человека.

Только в восьмидесятых годах XX века сформировалась новая отрасль медицины — психоневроиммунология. Ее цель — исследовать, как взаимодействуют психика, нервная и иммунная системы, действительно ли события, воздействующие на психику, влияют на восприимчивость к заболеваниям. Оказалось, что нервная, эндокринная и иммунная системы тесно связаны, непрерывно взаимодействуют, что не только в нервной, но и в иммунной системе информация передается при помощи специальных химических веществ — нейротрансмиттеров. Кроме того, эндокринная система выделяет специальные гормоны, действующие на другие системы в организме, в том числе и на иммунные клетки. Стоит только начать вспоминать обиды,

испытывать по их поводу гнев, организм будет реагировать так же, как если бы перед ним возникла настоящая опасность.

Доказано, что во время стрессовой реакции нейротрансмиттеры и стрессовые гормоны оказывают влияние на иммунную систему. Появляются особые лимфоциты, Т-киллеры, которые внедряются в чужеродную клетку, разрушая ее. Существует прямая связь между продолжительностью и интенсивностью стресса, связанными с ним негативными эмоциями и иммунной системой: чем сильнее стресс, тем слабее сопротивляемость организма. Именно тогда человек больше всего подвержен риску заболеть самыми тяжкими недугами, вирусы и бациллы которых длительное время «дремали» в его организме{152}.

Безусловно, именно такой случай произошел с Франклином Рузвельтом.

* * *

Вначале паралич, который полностью лишил подвижности нижнюю часть тела, частично повлиял и на другие органы. У Франклина продолжали слабеть кисти рук, он не мог держать карандаш. Луис Хоув часто поддерживал его руку, когда ему надо было подписать письмо. Поражены были мышцы спины, он был не в состоянии сесть на постели без посторонней помощи.

Но наиболее опасным врачи сочли поражение почек и мочевого пузыря. Приходилось каждые несколько часов ставить катетер, чтобы избежать дальнейшего нарушения жизненных функций. Лишь с большим трудом функционировала кишечная система. Элеонора в этих условиях проявила себя с самой лучшей стороны. Она вела себя как верная, самоотверженная подруга, отбросив в сторону всё то, что произошло несколько лет назад. Денно и нощно она находилась возле его постели, не доверяя сиделкам и няням заботу о тяжелобольном супруге. Элеоноре не раз говорили, что она не выдержит невероятного физического и морального напряжения. Но она не сдавалась, и во многом благодаря ее неустанным заботам, очень медленно, Франклин стал выходить из критического состояния.

Разумеется, сыграли свою роль интенсивные методы лечения — медикаменты, инъекции, физические упражнения, устранившие симптомы, связанные с функционированием желудка, мочеиспусканием, и некоторые другие поражения, непосредственно угрожавшие жизни. Более того, со временем Рузвельт настолько укрепил грудную клетку и руки, что они в

какой-то мере компенсировали полный паралич тела ниже поясницы. Он мог почти без посторонней помощи, опираясь на руки, пересаживаться из кровати в кресло, манипулировать письменными принадлежностями и, главное, говорить и писать. Более того, верхняя часть тела, в молодости худощавого и стройного, приобрела плотность, внешнюю солидность. А это в будущем сильно помогло Рузвельту выглядеть здоровым.

Но вначале его положение выглядело до предела отчаянным. Состояние ног ухудшалось. Одеревенение икроножных мышц привело к тому, что нижняя часть тела стала как бы выдвигаться вперед, и врачам пришлось одеть ее в гипс. Каждый день проводились манипуляции по восстановлению какого-то подобия равновесия тела. Они доставляли невероятную боль, были буквально пыткой, но Франклин терпел, поначалу всё еще надеясь на полное выздоровление, а позже — хотя бы на частичное улучшение здоровья. Вначале он находился в депрессии, у него возникали приступы раздражительности и чуть ли не истерии. Но довольно скоро это состояние было преодолено, возвратился оптимизм.

Именно в связи с тем, что Франклин надеялся, выздоровев или хотя бы в какой-то мере приведя себя в порядок, возобновить политическую деятельность, впервые возникли семейные столкновения между Элеонорой и свекровью. Когда Франклин заболел, Сара находилась в Европе; она узнала о происшедшем, только возвратившись в США. После первого потрясения она увидела в инвалидности сына шанс вновь полностью взять его под свое покровительство. Мать уговаривала Франклина переселиться в Гайд-Парк и, отказавшись от политики, постепенно укреплять здоровье под ее бдительным надзором. Максимум, на что она соглашалась, — чтобы сын участвовал в бизнесе. Элеонора взбунтовалась против этого, полностью поддерживая мужа в решимости возвратиться в общественную жизнь,

В феврале 1922 года Рузвельта «одели» в стальные шины — точнее, прутья, своего рода рельсы с гирями, весившие более десяти килограммов, которые поддерживали нижнюю часть тела. Благодаря им он стал учиться передвигаться хотя бы на несколько метров в пределах комнаты, либо опираясь на костыли, либо при помощи слуги. Это потребовало немало времени и энергии. При этом постоянно существовала опасность, что он не удержит равновесие и рухнет на пол.

Вначале Франклин не мог не только ходить, но даже стоять, используя костыли как единственную опору; необходимо было, чтобы его еще поддерживали под руки. В отчаянии он

отказывался становиться на костыли. Доктор Лоуэтт писал ему с подачи Элеоноры: «Хождение на костылях — это не какой-то дар, это искусство, приобретаемое в результате постоянной практики, точно так же, как любое другое искусство, и Вам потребуется некоторое время, прежде чем Вы удовлетворительно им овладеете»{153}.

Надо было обладать немалой энергией, стремлением к возобновлению активной деятельности, чтобы не впасть окончательно в депрессивное состояние, не потерять интереса к жизни. Разумеется, богатство семьи позволяло заказывать новейшие медицинские препараты, всевозможные средства передвижения и другое оборудование, изготовлявшиеся на заказ, вручную, без которых он вообще не мог бы существовать. Позже для Франклина построили специальный автомобиль с ручным управлением и он получил возможность вновь водить машину.

Болезнь отца произвела тягчайшее впечатление на детей. Старший сын Джеймс, учившийся в том же Гротоне, что и Франклин, вспоминал, что, приехав домой на каникулы, он пришел в ужас. Юноша, готовившийся к поступлению в университет, невольно заплакал. И только когда отец, обняв его и похлопав по спине, сказал, как «грандиозно» сын выглядит, между ними начался настоящий разговор{154}.

Рузвельт был уже довольно известным человеком. О его болезни сообщили газеты. Как обычно бывает в таких случаях, то ли добрые доверчивые люди, то ли желающие хорошо заработать авантюристы стали посылать рецепты выздоровления или уже готовые лекарственные эликсиры. От одной дамы была получена даже микстура, изготовленная из желез обезьяны и глаз носорога (по крайней мере, так сообщалось в сопроводительном письме). Некий изобретатель предлагал проект самодвижущегося кресла, перемещавшегося со скоростью 40 миль в час, почти как легковой автомобиль. Всё это было пустым сотрясанием воздуха. Приходилось опираться на собственную волю и, разумеется, традиционные методы лечения, которые могли только облегчить состояние больного, но не были способны его излечить.

Некий моральный баланс помогали поддерживать дети, заботливая мать и в наибольшей мере Элеонора, которая была глубоко предана мужу, подчеркивая в то же время, что между ними лишь дружески-деловые отношения. Правда, Сара полностью сохраняла пессимистическую уверенность, что с политической карьерой сына покончено. Она убеждала Франклина смириться со своей участью, подобно тому, как это сделал его отец, когда перенес кровоизлияние в мозг. Мать не жалела красноречия, описывая хорошо известные сыну красоты

Гайд-Парка, его любимые занятия: собирание марок, старинных карт и рукописей. Видимо, в таких уговорах было немало эгоистического — стареющая, но молодящаяся и сохранявшая обаяние мать надеялась, что она вновь станет главной, если не единственной, опорой для любимого сына.

Сара, однако, не понимала, что ее вкусивший от дьявольского пирога публичной жизни сын просто зачах бы в провинциальной глуши, скорее всего впал бы в тяжкую хандру, лишившись жизненно необходимых теперь для него общественных стимулов и допингов, постоянного стресса публичной жизни. Франклин решительно отказался от намеченного матерью плана, получив в этом поддержку жены и верного Луиса Хоува.

* * *

Элеонора, сама чуть было не испытавшая душевную болезнь в связи с любовной аферой супруга, оправившись от нового стресса, связанного с его недугом, стала пробовать свои силы в журналистике, и оказалось, что ее репортажи, особенно по женскому вопросу, нравятся публике. Она, однако, считала, что обошлась с мужем слишком круто, и даже невольно возлагала на себя какую-то вину за его заболевание. Во всяком случае, отношения супругов наладились, по крайней мере внешне, и Франклин, по-прежнему называвший ее Нелл, чувствовал, что жена фактически приобретает, наряду с журналистской, еще одну профессию — медицинской сиделки, неустанно ухаживая за ним, следя за соблюдением режима и т. п.

Однако для кипучей натуры Элеоноры и этого оказалось мало. «Я сама стала личностью», — многократно говорила она. Не просто с согласия Франклина, а по взаимной договоренности она включилась в работу организации Демократической партии штата Нью-Йорк. Стремясь восстановить утраченный в основном из-за международных дел престиж демократов, Элеонора занималась не только проблемами прав и интересов женщин, но также бытом, материальным положением и общественной жизнью афроамериканцев. Для того чтобы меньше зависеть от технических помощников, она окончила курсы стенографии и машинописи. Как и ее супруг, Элеонора была далека от признания необходимости предоставления полных политических прав всем гражданам США, полагала, что неграм еще необходимо длительное время для того, чтобы созреть в гражданском смысле. Однако медленное и осторожное расширение общественных возможностей для черного населения она считала необходимым в

большей мере, чем Франклин, и упорно добивалась его.

Некоторые авторы утверждают, что Элеонора занимала значительно более левые позиции, нежели ее супруг{155}. С этим трудно согласиться, ибо к американской политической жизни трудно применить догматизированные понятия «правые» и «левые». В Америке, да и не только, вполне можно по одним вопросам стоять на «левых» позициях, а по другим — на «правых», причем само отнесение к тому или иному направлению очень часто зависит от вкусов и предпочтений авторов.

Действительно, и Франклин, и Элеонора по ряду вопросов были «левее» других деятелей Демократической партии. Но был один вопрос, в котором Франклин был нейтрален, а Нелл заняла позицию не просто консервативную, а почти не отличавшуюся от той, на которой стояли республиканцы.

В начале 1920-х годов исключительно важной проблемой общественных дискуссий в США стал «сухой закон».

Попытки ограничить или же полностью запретить изготовление и продажу спиртных напитков неоднократно предпринимались со второй половины XIX века, но в начале XX столетия движение сторонников их запрета стало быстро расширяться, охватывая преимущественно республиканцев, но также и значительную часть демократов в местных легислатурах.

В 1905 году «сухой закон» действовал в Канзасе, Мэне, Небраске, Северной Дакоте, в 1909-м он был принят уже в девяти, а в 1916-м — в двадцати шести штатах. Когда же США вступили в мировую войну, правительство Вильсона высказалось за введение национального «сухого закона» в основном с целью сбережения запасов зерна, но также и по моральным соображениям. Вопреки возражениям части демократов и при поддержке подавляющего большинства республиканцев в 1917 году конгресс принял и направил на утверждение штатов 18-ю поправку к Конституции США, содержавшую полное запрещение производства спиртных напитков, их импорта и торговли ими на всей территории страны. В сентябре 1917-го было прекращено производство виски, а в мае 1919-го — даже пива, причем всё это происходило под торжественные фанфарные звоны по поводу «оздоровления нации» еще до вступления поправки в силу в январе 1920 года.

Как очень скоро оказалось, антиалкогольные меры не просто были непопулярны — они повредили национальной экономике и вызвали резкое повышение уровня организованной преступности. Гангстерские группировки (так называемые бутлегеры), занимавшиеся нелегальным производством, импортом, транспортировкой и продажей спиртного, получали огромные прибыли. А здоровье населения отнюдь не улучшалось. Десятки

тысяч людей погибали от отравления поддельными крепкими напитками.

Элеонора ревностно относилась к «сухому закону», вначале в основном по личным причинам — ее отец был алкоголиком. Франк же был не прочь выпить, но не допускал излишеств.

Оказалось, что рюмка виски ему не была вредна и после заболевания. Он активно не выступал против «сухого закона», но с чистой совестью инициировал его отмену, как только был избран президентом.

В доме Рузвельтов был теперь еще один влиятельный человек — Луис Хоув, который, оставив работу в военно-морском министерстве после ухода оттуда Рузвельта, пренебрег несколькими соблазнительными карьерными предложениями. Хотя у него была своя семья (жена и двое детей), он переселился к Рузвельтам, встречался со своими родными только по выходным и стал не просто фактическим начальником штаба Франклина, но и членом его семьи.

По инициативе Рузвельта, полагавшего, что его жена должна заменить его на то время, пока он отошел от активной деятельности, и уж во всяком случае не дать забыть о нем как об общественной фигуре, Хоув выступил в роли ее учителя. Элеонора поначалу не обладала ораторскими навыками, держалась на публике скованно, часто терялась, не могла найти подходящих выражений.

Луис обычно садился позади нее, по возможности незаметно (он действительно считал свою внешность настолько отвратительной, что боялся, как бы она не помешала успеху начинающей дамы-политика), делал заметки, затем знакомил с ними Элеонору, которая оказалась способной и благодарной ученицей. Она преодолела свойственные ей недостатки речи, в частности явно раздражавшее аудиторию нервное хихиканье, которое вдруг прорывалось во время выступления, особенно когда приходилось затрагивать скользкие темы, для нее совершенно ясные, но не столь очевидные для слушателей. Она быстро превратилась в хорошего оратора, почти не заметив, как это произошло. Так Элеонора Рузвельт стала своего рода альтер эго больного супруга.

Однако это было именно тесное дружеское и деловое сотрудничество, а не подлинное супружество. У Элеоноры появились собственные друзья, с Франклином едва знакомые. Это были главным образом женщины, активно участвовавшие в политической жизни, выступавшие за предоставление слабому полу равных прав с мужчинами, участвовавшие в борьбе за выборные должности. Некоторые из них постепенно сами стали

напоминать мужчин — во всяком случае у них вырабатывались соответствующие повадки.

Элеонора особенно сблизилась со школьной учительницей Марион Дикерман и с Нэнси Кук, выросшей на скотоводческом ранчо, но ненавидевшей скуку и тупость деревенской жизни, — двумя активистками женского отделения комитета Демократической партии в штате Нью-Йорк. Нэнси демонстративно коротко стригла волосы, носила костюмы мужского покроя и туфли на низком каблуке, у нее был низкий глубокий голос. Марион не была столь мужеподобной, но также мало заботилась о собственной внешней привлекательности. Элеонора вела оживленную переписку с обеими общественными деятельницами, и их воззрения и советы нередко становились основой ее собственных убеждений, которые она, в свою очередь, стремилась внушить Франклину

Это не всегда получалось в полной мере, но определенный след в его сознании оставался — постепенно усиливалось его стремление включить в свой идейно-политический арсенал требования наиболее бесправных слоев населения, в частности негров, к которым Рузвельт вначале был почти равнодушен. Точно так же в его переписке и деловых бумагах всё чаще упоминалось о необходимости осуществления на практике полного гражданского равноправия женщин.

Еще одним важным членом рузвельтовского «штаба» стала Маргарет Лихэнд, родившаяся в 1898 году в провинции штата Нью-Йорк. Окончив среднюю школу и секретарские курсы, она переехала в Вашингтон, устроилась на работу в офис Демократической партии, где на нее обратили внимание менеджеры предвыборной кампании Кокса и Рузвельта. Ей предложили техническую работу в штаб-квартире, а после поражения на выборах Маргарет, которую называли Мисси (так обращался к ней кто-то из младших Рузвельтов, не умевший произнести слово «мисс», а вскоре этим прозвищем пользовались все окружающие), стала личным секретарем Франклина, причем смогла произвести на окружающих столь благоприятное впечатление, что и Элеонора, и Сара, не говоря уже о самом Рузвельте, полностью ей доверяли.

Преданная и самоотверженная, Мисси была неизменным и активным членом рузвельтовской команды. Она не расставалась с шефом до 1941 года, когда перенесла инсульт. Часто в отсутствие Элеоноры Мисси исполняла роль хозяйки дома то в Гайд-Парке, то на Манхэттене, то, наконец, в Белом доме. Авторы биографических работ не раз задавались вопросом, были ли между Франклином и Мисси интимные отношения. Большинство

из тех, кто писал о жизни Рузвельта, склонялись к тому, что преданность Мисси была совершенно невинной, что она отказалась отличной жизни, так и не выйдя замуж.

Единственным из авторов, решительно утверждавшим, что Мисси была любовницей Франклина и у них были «полностью семейные отношения», являлся сын Рузвельта Эллиот{156}. Скорее всего это соответствовало действительности. Во всяком случае Эллиот как-то случайно увидел Мисси сидящей на коленях у отца, в его нежных объятиях, о чем он через много лет поведал автору одной из книг о Рузвельте{157}. В Белом доме ее спальня находилась рядом со спальней шефа. Объясняли это просто — президенту в любую минуту могла понадобиться секретарша, чтобы продиктовать какой-нибудь важный документ.

По всей видимости, подлинных сердечных привязанностей у Рузвельта больше не было. Он не утратил мужских качеств, оставался сексуально активным, однако его связи с женщинами, обычно из числа обслуги, но подчас и из высших кругов, были непрочными, кратковременными. Они скорее всего служили просто удовлетворению физической потребности и в какой-то мере психологическому осознанию того, что хотя бы в этой важной жизненной области у него всё в порядке, что констатировали и врачи, в частности Р. Лоуэтт.

Откровенные до цинизма воспоминания оставила одна из любовниц Франклина Дороти Шифф, являвшаяся издателем газеты «Нью-Йорк пост». Уже в преклонном возрасте она рассказывала своему биографу Джеффри Поттеру о своих периодических встречах с Рузвельтом в разные годы, в том числе во время его президентства: «Видимо, меня считали очень сексуальной в те дни, и он очевидно видел во мне только объект для секса. Это был приятный в общении и очень сексуальный мужчина, который жил в изолированном мире и искал такую женщину, которая могла бы и возбуждать его, и составлять ему компанию. Он был нежен, но довольно силен и откровенен, и всё у него — кроме ног — было весьма прочным… Я оставалась с ним, потому что президенту Соединенных Штатов нельзя отказывать… Кроме того, мне никогда не было так приятно». Миссис Шифф убеждала автора книги, что ее муж, брокер недвижимости Джордж Беккер, хорошо знал о их встречах в Гайд-Парке: «Джордж рассматривал это как своего рода право сеньора, когда хозяин поместья обладает женой [вассала]. Он гордился этим, и это создавало ему огромный престиж среди друзей»{158}.

Трудно сказать, в какой степени эти воспоминания являлись плодом воображения пожилой дамы, а в какой соответствовали действительности, но представляется, что зерно истины в них

было, принимая во внимание натуру Франклина.

* * *

Вернемся, однако, к началу 1920-х годов. Через некоторое время, когда Франклин Рузвельт стал постепенно возвращаться к общественной жизни, возникла проблема: как организовывать его выступления, чтобы слушатели не догадывались о его состоянии. Стальные рельсы-опоры, умело спрятанные под брюками, давали возможность стоять за кафедрой, хотя Рузвельт невероятно утомлялся. Но он даже научился жестикулировать одной рукой, в то время как другая прочно опиралась на трибуну Значительно большие трудности представляло само продвижение к сцене или трибуне. Обычно Рузвельта приводили в зал значительно раньше намеченного мероприятия, трибуну устанавливали таким образом, чтобы он мог оказаться за ней, не затрачивая усилий и почти не передвигаясь.

Но всё это, как оказалось, были тщетные потуги. Началось с того, что всеобщую критику вызвал возмутительный факт: Рузвельт не поднимался на ноги при исполнении национального гимна. Вначале пытались отделаться какими-то не очень вразумительными объяснениями о легком заболевании, но вскоре пришлось официально признать, что Франклин Рузвельт — инвалид, страдающий неизлечимой болезнью. Его друг Гарольд Икес рассказывал, что был буквально шокирован, когда впервые увидел, как слуги волокли Франклина из машины подобно мешку картофеля{159}.

Так или иначе, но с августа 1921 года Франклин Делано Рузвельт мог в основном передвигаться в инвалидной коляске и на костылях, опираясь на руку помощника, или же стоять с помощью металлических рельсов-обручей, плотно облегавших нижнюю часть тела.

И тем не менее после первых недель отчаяния у него стала возрождаться надежда. Временами прорывались те мальчишеские черты, которые многие современники отмечали даже у Рузвельта-президента. Вопреки неутешительным медицинским прогнозам, он в глубине души верил, что появятся какие-то новые чудодейственные средства, которые позволят ему вновь стать «нормальным человеком». Эта вера являлась той основой, на которой возобновилась общественная активность буквально с первых месяцев после заболевания. Поразительно, но ни ипохондриком, ни мизантропом Рузвельт не стал.

Правда, широкомасштабные политические цели он на

некоторое время оставил. И в самом деле, казалось, что человек, сидящий в инвалидном кресле, просто неспособен вести динамичные сражения за высокий государственный пост.

В самом лексиконе американской политической жизни такого рода борьба постоянно отождествлялась (и отождествляется поныне) с мобильностью, соревновательностью, спортивными достижениями. Претендующие на крупный выборный пост включаются в «гонку». О тех, у кого больше шансов выиграть, говорят, что они «передовые бегуны», об аутсайдерах — что «их ноги остановились». Пары кандидатов (например на посты президента и вице-президента) называют «бегущими спутниками» или «бегущими сотоварищами». Президента, покидающего свой пост вследствие победы на выборах другого кандидата, именуют «хромой уткой».

В первые годы болезни Рузвельт, не оставляя политических планов, надеялся к ним возвратиться после выздоровления. Октябрем 1925 года датировано письмо другу студенческих лет Луису Вееле, в котором он делился планами на будущее: «Я должен отвести еще по крайней мере два года на то, чтобы опять овладеть своими ногами. Пока я могу передвигаться только с большими трудностями, со стальными прутьями и костылями, к тому же меня должны носить по лестницам, в машину и из нее и т. д. Такая ситуация, конечно, невозможна для кандидата. Однако я многое уже приобрел и надеюсь, что через год смогу ходить без обручей, а потом отказаться от костылей, используя только трость, и, может быть, избавлюсь также и от нее»{160}.

Этот человек всячески стремился продемонстрировать свою волю — подчас даже случайным посетителям. Сохранилось свидетельство некоего священника (в документе даже не обозначено его имя), который посетил Рузвельта в Гайд-Парке, когда он только начинал овладевать искусством хождения. Франклин сидел в кресле, средств передвижения рядом с ним не было. Зашел разговор о какой-то книге. Внезапно хозяин сполз с кресла на пол, на четырех конечностях подобрался к книжным полкам, нашел нужную книгу, опираясь одной рукой о пол, другой поднес книгу ко рту, зажал ее зубами и таким же образом возвратился на место. «Зачем вы это сделали?» — спросил посетитель. «Чтобы показать, что я могу», — последовал ответ{161}.

Болезнь круто изменила весь образ мыслей Рузвельта. Раньше это был преуспевающий человек, которому всё давалось легко благодаря находившимся в его распоряжении немалым денежным средствам, природным способностям, великолепной памяти, дару живого слова, своего рода оппортунистическому отношению к

житейским, служебным, политическим проблемам — использованию любых возможностей для упрочения своего влияния; при этом он, разумеется, постоянно отдавался делу, прикладывал максимум усилий для решения стоявших задач.

Но теперь созревал другой Рузвельт — человек, способный преодолевать тягчайшие трудности, познавший жизненные невзгоды и способный не только сочувствовать другим, но и стремиться оказывать им активную помощь. Во время выступления Элеоноры Рузвельт в городе Акрон, штат Огайо, был задан вопрос: «Как вы думаете, повлияла ли болезнь вашего мужа на его ментальность?» Та ответила: «Да, я рада, что вы это спросили. Мой ответ: да. Каждый, кто претерпел такое страдание, безусловно будет больше симпатизировать человечеству и понимать его проблемы»{162}. Конечно, далеко не всегда личные страдания приводят к такому результату. Но в отношении супруга Элеонора была совершенно права.

Не менее показательно мнение другой женщины — Френсис Перкинс, у которой к Франклину до этого было двойственное отношение: она сотрудничала с ним, главным образом по вопросам охраны труда на производстве, и в то же время считала его человеком легкомысленным и высокомерным. В 1924 году, впервые увидев Рузвельта после его заболевания, Френсис поразилась происшедшей перемене. Для него жизнь больше не являлась игрой. Он стал осознавать человеческую хрупкость. Теперь это был человек, способный понять, что в натуре каждого могут причудливо смешиваться хорошее и дурное, надежда и страх, мудрость и невежество, эгоизм и самопожертвование. «Он пережил духовную трансформацию, — говорила Перкинс, — стал добросердечным, скромным, глубже рассуждающим»{163}.

Уже в 1921 году Франклин принял предложение отделения Демократической партии штата Нью-Йорк стать ее ответственным исполнительным чиновником. Это, разумеется, было лишь средство поддержать его настроение — никакой зарплаты за рекомендации, которые он давал, не выходя из дома, он не получал, но моральное удовлетворение было немалым. При этом, как мы увидим, в отношении собственного вознаграждения Рузвельт проводил совершенно четкое разграничение: он не получал денег за партийную и другую общественную работу, но требовал оплаты своего труда, когда речь шла о выполнении поручений бизнеса. Хотя он и владел немалым состоянием, но был убежден — и это являлось делом принципа, который он стремился не нарушать и после того, как с ним случилось несчастье, — что не просто обязан работать, но и получать должное вознаграждение, что только так он сможет оправдать

свое существование. Деньги — в этом он был убежден — вполне достойное средство измерения пользы той или иной деятельности, кроме чисто общественной.

Показательно, что Рузвельт сохранил членский билет своего гольф-клуба, регулярно платил членские взносы и не раз говорил, возможно, не очень кривя душой, как он будет играть, когда выздоровеет{164}.

Для выздоровления предпринимались любые мыслимые усилия. Каждое утро Франклин на костылях выходил в свой сад. Вначале удавалось сделать лишь один-два шага, затем силы оставляли его. Постепенно дистанция увеличивалась. Удавалось пройти десяток шагов, а затем и больше. Однако поставленную задачу — самостоятельно добраться до ворот имения в Гайд-Парке, а затем до почтового ящика на расстоянии приблизительно полукилометра — Рузвельт так никогда и не смог выполнить. Тем не менее каждое утро, часто в сопровождении друзей или членов семьи, он отправлялся в свое мучительное путешествие. Преодолевая боль и усталость, он болтал, шутил, смеялся собственным шуткам и остротам спутников, которые отлично понимали его состояние, но делали вид, что просто разделяют его веселое настроение. Каждый день расстояние увеличивалось хотя бы на один шаг.

Одновременно упорный в достижении своих целей Рузвельт занимался утомительными, порой изматывавшими спортивными упражнениями, стремясь максимально укрепить грудь, плечевой пояс, руки, и в этом он в полной мере преуспел. Более того, он уверовал, что чудодейственное воздействие окажут на него плавание и упражнения в воде. В его собственном имении бассейна не было, но Франклин договорился с соседом, миллионером и филантропом Винсентом Астором, который охотно предоставил в его распоряжение свой удобный обширный бассейн. При этом обеспечивалась тайна: когда плавал Франклин, охрана следила, чтобы к бассейну не приближался ни один человек.

Можно выражать скепсис по поводу той веры в силу воды, которая появилась у Рузвельта, но, поистине, утопающий хватается за соломинку, а в данном случае соломинка оказалась довольно прочной. Ежедневное плавание значительно укрепило Франклина и в немалой степени способствовало тому, что он внешне приобретал вид здорового, цветущего человека. «Вода привела меня к тому состоянию, в котором я оказался, и вода меня восстановит», — не раз повторял Рузвельт{165}.

Энергичные усилия приносили постепенно всё новые, хотя, казалось бы, и мелкие результаты. Со временем Рузвельт стал

отказываться от сопровождения, когда ему надо было пройти небольшое расстояние. Мало кто знал, что он идет, не просто опираясь на трость, а перенося на прочную опору основную тяжесть своего тела, что нижняя часть туловища находится в плотных металлических оковах. Мучительная боль, которую он при этом испытывал, не подлежала оглашению. Прилагались все старания, чтобы на фотографии, тем более предназначенные для прессы, ни в коем случае не попадал Рузвельт в инвалидном кресле. Семейство папарацци тогда еще не расплодилось, фотографы вели себя в основном прилично. Читатели газет, особенно ньюйоркцы, лучше знавшие Рузвельта, чем жители других штатов, верили, что он действительно поправляется. Благоприятное впечатление производили на них фото улыбающегося Рузвельта, вроде бы беззаботно шагавшего с тросточкой по аллее, а на самом деле с огромными усилиями преодолевавшего крохотное расстояние от дома до машины.

Будни двадцатых годов

Благодаря собственной энергии, силе духа, неуклонной, хотя и мало обоснованной уверенности, что он сможет выздороветь, опираясь на поддержку жены, партнеров и друзей, всего своего небольшого неофициального штаба, Франклин Рузвельт оставался если не в центре, то во всяком случае в пределах политического истеблишмента Демократической партии. В первые годы после заболевания он не был в состоянии посещать митинги, приемы и прочие общественные мероприятия, столь важные для «политического животного». Но Элеонора исправно бывала на многих подобных акциях, и постепенно их участники стали воспринимать ее как выразительницу позиций мужа.

В некоторых случаях Рузвельт по просьбе организаторов того или иного собрания обращался к ним с приветственными письмами, в которых выражал свою позицию по рассматриваемой теме. Обычно он выступал в поддержку мелкого бизнеса, интересов «среднего американца», имея в виду, что именно эти слои были главной опорой Демократической партии. И хотя в этих обращениях было немало чистой демагогии, особенно учитывая то, что сам Рузвельт был человеком весьма богатым, рядовым избирателям нравилось, как он, отчасти с подачи Хоува, но в значительной мере по собственному внутреннему порыву, настаивал на том, что профессиональных «делателей денег» надо держать подальше от власти, что правительство должно оставаться в руках самого «народа».

Рузвельт рано начал понимать, что демократия — это весьма зыбкий и подчас опасный инструмент, что среди избирателей политически ответственные, осознающие свой общественный долг люди не составляют большинство. Подобно своему современнику из далекой России писателю Михаилу Булгакову, у которого в «Собачьем сердце» профессор Преображенский произносит сакраментальную фразу, что он не любит пролетариат, аристократ Рузвельт был крайне далек от малообразованных или попросту неграмотных жителей городских трущоб или захолустных ферм.

Он, однако, понимал две противоположные, но взаимосвязанные вещи. С одной стороны, большинство этих людей, стоящих на самой низшей ступени развития, могут, возбудившись, истерически требовать справедливости, но на самом деле думают только о хлебе насущном, причем готовы вырвать его изо рта своих ближних и с этой целью пойти на обман, подлог, донос, любую другую подлость, иногда вплоть до

убийства. Рузвельт осознавал, что толпа в руках матерых «народоправцев» может превратиться в разрушительную силу, последствия которой невозможно предвидеть. Перед его глазами был опыт России. С другой стороны, он постепенно приходил к выводу, что в общении с толпой, в которую легко превращаются не только народные низы, но и группы средних слоев, надо тщательно скрывать свойственный ему снобизм, надо подделываться под привычные образы и манеры аудитории, говорить близким ей языком, осторожно обещать то, к чему стремились слушатели, даже если эти обещания были ему самому чужды и он не собирался их выполнять. Иначе говоря, демагогия, популизм — это оружие любого политика, но серьезный деятель должен пользоваться им весьма осторожно, не впадать в крайности, иметь запасные пути, на которые можно было бы при необходимости отступить.

Такое понимание было тем более важным для восстановления престижа демократов, что кабинет Гардинга оказался весьма неудачливым.

Правда, вначале он добился международного успеха благодаря созыву в Вашингтоне в конце 1921-го — начале 1922 года конференции по вопросам безопасности на Тихом океане и Дальнем Востоке. Три подписанных здесь договора полностью соответствовали государственным интересам США. По одному из них признавались территориальная целостность и суверенитет Китая, но в то же время впервые в международный документ вводились термины «открытые двери» и «равные возможности» — то, чего тщетно добивался Вильсон на Парижской мирной конференции. По другому договору державы взаимно гарантировали целостность своих владений на Тихом океане. Третий документ устанавливал соотношения военных флотов великих держав, причем США получили право иметь такой же флот, как «царица морей» Великобритания. Ее господство на океанах подходило к концу.

Однако в начале 1923 года в печать стали просачиваться сперва робкие, а затем покатившиеся лавиной и документально подтвержденные сведения о коррупции в высших эшелонах исполнительной власти, причем главными виновниками оказались личные выдвиженцы Гардинга из числа его приятелей по штату Огайо. Особенно шумный скандал разгорелся вокруг принадлежавшего государству нефтяного месторождения Типот-Доум, по дешевке переданного для разработки двум предприимчивым компаниям за крупную взятку министру внутренних дел Альберту Фолу. Публиковались данные и о коррупции министра юстиции Гарри Догерти. Оба чиновника

были преданы суду, Фолл признан виновным. Впервые в истории США федеральный министр оказался не только на скамье подсудимых, но и в тюремной камере. Догерти отделался испугом, так как суд счел обвинения недостаточно доказанными.

Франклин Рузвельт в ряде своих публикаций гневно обрушивался на «аморальность» правительственных чиновников, обращал внимание на то, что президент, сам не участвовавший в аферах, всячески покрывал своих дружков, вместо того чтобы вывести их на чистую воду.

В довершение истории 2 августа 1923 года во время агитационной поездки по стране Уоррен Гардинг внезапно скончался от кровоизлияния в мозг, как об этом официально сообщили прессе. Однако тут же стали распространяться слухи, что он был отравлен собственной женой Флоренс — то ли чтобы избежать импичмента, то ли просто из ревности. На президентский пост по должности вступил вице-президент Калвин Кулидж, который в 1925 году стал избранным президентом. И хотя коррупционные судебные процессы продолжались, вскрывались всё новые случаи взяточничества, республиканцам удалось сохранить за собой исполнительную власть и большинство в конгрессе.

Энергичные предвыборные выступления демократов в пользу своего кандидата Эла Смита, которого Франклин Рузвельт поддерживал многочисленными интервью, заявлениями, письмами, результата не дали. Оказалось, что требуются более продолжительное время и более мощные усилия, чтобы в полной мере восстановить утраченный в последние годы президентства Вильсона престиж Демократической партии.

* * *

Еще до болезни, в конце 1920 года, Рузвельт договорился с крупной финансово-страховой фирмой из штата Мэриленд о том, что будет представлять ее интересы в Нью-Йорке, о чем 21 декабря 1920 года появилось специальное сообщение в газете «Нью-Йорк таймс»: «Франклин Д. Рузвельт из Гайд-Парка, штат Нью-Йорк, заместитель министра по военно-морским делам во время войны и кандидат в вице-президенты от Демократической партии на последних выборах, будет руководителем нью-йоркского офиса компании… с 1 января». Получив должность исполнительного директора нью-йоркского отделения (его юрисдикция распространялась также на Нью-Джерси и штаты Новой Англии), Рузвельт одновременно стал вице-президентом

компании. Обратившемуся к нему корреспонденту он заявил, что страна переживает период деловой депрессии, и подчеркнул необходимость создания новых продуктов и материалов, которые продавались бы «по справедливой цене». Он был оптимистичен и высказывал надежду на хозяйственное оживление уже через несколько месяцев, хотя ничем ее не подкреплял.

Седьмого января 1921 года Франклин Рузвельт в одном из престижных ресторанов на Уолл-стрит дал банкет, который должен был символизировать вступление «молодого капиталиста» (так не без нотки иронии стал он себя называть) в круг «финансовых акул» — символа большого бизнеса.

Компания, в которой стал работать Рузвельт, занималась куплей и продажей ценных бумаг, страхованием, давала займы фирмам, поддерживала контакты с самыми различными объединениями и лицами — от лидеров профсоюзов до биржевых брокерских фирм. «Фиделити энд Депозит» считалась четвертой по мощности компанией такого рода в США. Можно не сомневаться, что главный собственник — издатель весьма влиятельной газеты «Балтимор сан» Ванлир Блэк — хорошо знал, что делал. Рузвельт был ему нужен не как финансовый делец или эксперт, а как политик с самыми разнообразными связями.

Блэк понимал, что знакомства в данном случае куда важнее, чем опыт в страховом деле. Рузвельт мог позвонить почти любому влиятельному лицу, в котором была заинтересована компания (за исключением тех, кто был прочно связан с республиканскими лидерами), в полной уверенности, что с ним не просто поговорят, а постараются оказать любезность. Между хозяином компании и новым вице-президентом установились дружеские отношения.

Надо признать, что в первые месяцы на новой работе Рузвельт не обращал особого внимания на дела компании, ибо его интересы сосредоточивались на сугубо политических проблемах. Однако после заболевания он пришел к выводу, что занятия делами бизнеса будут служить не только источником заработка, но и откроют ему новый, обходной и, возможно, наиболее успешный путь в большую политику. В одном из писем от октября 1921 года он признавался: «Вряд ли меня можно было идентифицировать с ценными бумагами до того, как болезнь на несколько месяцев вывела меня из игры. Но, как вы легко можете себе представить, мне очень тяжело лежа бездельничать и ничего не делать, чтобы улучшить дела компании»{166}.

С сентября 1922 года два-три дня в неделю он проводил в офисе компании, расположенном в доме 120 на Бродвее, получая по тем временам немалое вознаграждение — 25 тысяч долларов в год, что было в пять раз больше жалованья, причитавшегося ему в

качестве заместителя министра.

Рузвельт вел обширную переписку с администраторами компании. Большинство его писем хранится в специальном фонде Президентской библиотеки в Гайд-Парке, но некоторые иногда совершенно неожиданно обнаруживаются в частных собраниях и даже попадают на аукционы. В июне 2008 года, например, на аукционе *Heritage* («Наследие») было продано письмо от 15 января 1924 года, адресованное вице-президенту совета директоров компании Е. А. Гамильтону, в котором приводились сведения, убедительно доказывающие, насколько успешно нью-йоркское отделение стало работать после того, как Рузвельт его возглавил. Цифры были действительно впечатляющими. Это отделение было единственным из предприятий такого рода, которое во время послевоенной депрессии не только не понесло ущерба, но и увеличило свои капиталы почти в полтора раза, с семи до десяти миллионов долларов{167}, тогда как, скажем, соперничавшая с ним компания «Нэшнл Шурети» прибавила только 680 тысяч долларов, а другое крупное объединение, «Американ Шурети», потеряло более миллиона{168}.

Конечно, в таких отчетах Рузвельта было немало похвальбы, но она основывалась на фактах, цифрах, сопоставлении и не только давала руководству компании реальную картину дел, но и являлась выражением его удовлетворения деятельностью на новом для него поприще большого бизнеса.

Переписка Рузвельта с руководством компании свидетельствует о том, что обсуждались в основном не дела, непосредственно затрагивавшие интересы бизнеса, а личные связи и контакты, возможности оказать влияние на того или иного деятеля — конгрессмена, правительственного чиновника, представителя администрации штата Нью-Йорк. Правда, это дало основание некоторым дельцам Уолл-стрит, недружелюбно относившимся к Рузвельту, упрекать компанию в том, что, оплачивая его услуги, она выбрасывает деньги на ветер{169}. Это было явно несправедливо, ибо он приносил немалую пользу не только в политическом, но и в чисто деловом смысле.

Но и этого трудоголику Рузвельту казалось мало. Параллельно с работой на финансовую компанию он стал сотрудничать с юридическими фирмами. Вначале это было партнерство с адвокатами Гренвиллем Эмметом и Лэнгдоном Марвином, занимавшимися делами о недвижимости, завещаниями и т. п. Фирма считалась престижной — достаточно сказать, что размещалась она на Уолл-стрит. Но скоро работа там Франклину наскучила. Он стал пренебрегать ее делами, относился к ним с прохладцей, что дало основание Марвину в

сердцах заявить, что Рузвельт — плохой юрист, что он никогда не доводит дело до конца{170}.

В конце 1926 года Франклин договорился о партнерстве с еще одним юристом — Бэзилом О'Коннором, с которым стал заниматься делами, связанными с муниципальными и чисто политическими вопросами, что в значительно большей степени соответствовало его характеру и склонностям. Постепенно с О'Коннором установились подлинно дружеские отношения.

Несмотря на тяжелое состояние здоровья, жизненный и политический опыт Рузвельта обогащался. Этого, однако, нельзя сказать о чисто материальной, финансовой стороне жизни его семьи. Оказалось, что годы, проведенные в Вашингтоне, привели к значительному сокращению средств, которыми она могла располагать. Не привыкшие считать деньги Рузвельты вынуждены были констатировать, что их расходы множатся, а доходы, особенно во время послевоенного экономического спада, стали существенно сокращаться.

Подрастали дети, им необходимо было — по традиции, принятой в семье, — давать образование по самому высокому разряду. А расходы на пятерых юных Рузвельтов при всей личной скромности, к которой их приучали, были немалыми. Огромные деньги уходили на лечение Франклина — новейшие препараты, оборудование, помощь тренеров и т. п.

Не случайно в переписке Рузвельтов в двадцатые годы возникла и затем стала привычной финансовая тема. Элеонора жаловалась, что порой даже приходится экономить на чем-то, чтобы оплатить многотысячные счета от всевозможных поставщиков, которые исправно поступали в Гайд-Парк. Порой ситуация становилась настолько острой, что приходилось прибегать к чрезвычайным мерам. В январе 1925 года Франклин вынужден был расстаться с несколькими старинными океанскими картами, которые были проданы на аукционе за немалые суммы.

Разумеется, Рузвельты не перешли в более низкий социальный слой, тем более не стали бедными. Они оставались, так сказать, в среднем слое высшего общества США, следовавшем за собственниками гигантских корпораций. Но им действительно приходилось теперь относиться к собственным расходам и возможным доходам не столь беззаботно, как раньше.

Работая в финансовой компании и юридических фирмах, накапливая таким образом опыт в бизнесе, Рузвельт участвовал в делах, связанных с ценными бумагами. Он то ли внезапно, то ли постепенно пришел к выводу, что игра на бирже — это не просто средство получить дополнительный, подчас немалый заработок (или же потерять средства в случае неудачи), но и увлекательное,

азартное занятие, чем-то напоминающее шахматный турнир, требовавшее тщательного учета разнообразных факторов, соотношения сил, возможных действий партнеров или соперников, но в то же время сопряженное с немалым риском. Франклин знал примеры того, как игроки на бирже наживали огромное состояние.

Особенно в этом смысле прославился в первой половине 1920-х годов Джозеф Кеннеди — человек с авантюрной жилкой, бонвиван и отчаянный делец. Сын ирландских эмигрантов, обосновавшихся в Бостоне, Джозеф смог понравиться дочери мэра города Розе Фитцджеральд ив 1914 году женился на ней, имея за душой «капитал» не более десяти тысяч долларов. Через десять лет он превратил их в шесть миллионов, став совладельцем сталелитейной компании «Бетлехем стил» и умело играя на бирже.

Франклин внимательно следил за этим весьма удачливым дельцом, который сам не чуждался политики и был связан с Демократической партией. Познакомились они еще в бытность Рузвельта заместителем министра, причем при не очень приятных обстоятельствах. Корпорация «Бетлехем стил» выполняла заказ на строительство кораблей для Аргентины. Оплата не была произведена своевременно, и Кеннеди отказался передать аргентинцам корабли. Рузвельт же пригрозил, что корабли будут заняты государственными чиновниками насильно, и лишь тогда по совету компаньонов Кеннеди пошел на попятную{171}.

Однако в 1920-х годах между Рузвельтом и Кеннеди установились личные отношения. Они встречались в домашнем кругу и подчас бурно спорили по актуальным внутренним и международным вопросам, причем Франклин обычно занимал более либеральную позицию, а Джозеф — более консервативную.

Уговаривая Рузвельта идти на рискованные финансовые комбинации, Кеннеди как-то сказал: «Надо получше использовать это, прежде чем они введут закон, чтобы это остановить»{172}. Видимо, эти слова запомнились его собеседнику. Позже именно Рузвельт в качестве президента предпримет ряд шагов по стабилизации фондовой биржи, чтобы не допустить опасных финансовых игр, способных буквально в считаные дни подорвать всю денежную систему страны.

Пока же сам Франклин, участвуя в биржевых спекуляциях, обычно добивался лишь сравнительно небольшого успеха. Правда, однажды он существенно прогорел — пытаясь сыграть на быстрых изменениях курса германской марки после тяжелейшего финансово-экономического кризиса в Германии 1919—1923 годов, просчитался и потерял немалую сумму.

Оказалось, что, обладая уже значительным экономическим и политическим опытом, будучи тонким наблюдателем хозяйственных процессов, Рузвельт не имел некой «внутренней жилки», инстинкта биржевого дельца и не достиг успехов, подобных тем, которыми прославился Джозеф Кеннеди.

Вторжение Рузвельта в бизнес вызвало некоторую тревогу в респектабельных кругах финансистов, которые полагали, что его известной фамилией, памятью о бывшем президенте Теодоре Рузвельте (он умер в январе 1919 года) скорее всего воспользуются какие-нибудь авантюристы. Летом 1923 года секретарь Общества по распространению финансовой информации Ф. Андре даже счел возможным написать Франклину: «Я заметил с большим огорчением, что Ваше имя используется при продаже новых выпусков акций, что хотя и преследует честные намерения, тем не менее является необычно рискованным с деловой точки зрения»{173}.

Не обогатившись на бирже, Рузвельт попытался заняться торговлей. Поддавшись уговорам какого-то предприимчивого дельца из Южной Америки, создавшего заменитель кофе или чая, или чего-то среднего, он приобрел право на его реализацию в США. Речь шла о настое высушенных листьев вечнозеленого кустарника йерба мате, растущего в джунглях Парагвая, Бразилии и Аргентины. Действительно, это растение содержит кофеин. Но с хорошими сортами кофе заменитель сравниться не мог. Американский рынок отреагировал на новый напиток весьма прохладно, хотя он рекламировался как обладающий «силой кофе, здоровьем чая и эйфорией шоколада». Рузвельт потерпел небольшой убыток и перепродал кофейно-чайную фирму другому любителю авантюр, который с ней также не преуспел.

Еще меньшим успехом пользовалась минеральная вода «Чероки» (по названию индейского племени, жившего на территории юго-восточных штатов, в частности Джорджии). Ее получали из источников, расположенных в местечке Уорм-Спрингс, которое было приобретено Рузвельтом (о нем еще не раз будет сказано). Однако любителей этой воды не нашлось, и ее бутилирование пришлось прекратить. Правда, особых убытков на сей раз у Рузвельта не было.

Однажды Франклина убедили, что в воздушных сообщениях будущее принадлежит не самолетам, а дирижаблям, и он вложил средства в акции фирмы, пытавшейся организовать пассажирские рейсы на этом новом воздушном корабле между Нью-Йорком и Чикаго. Дирижабль, однако, оказался неэкономичным, да и очень небезопасным средством транспорта, и фирма, в свою очередь, прогорела.

Не лучших результатов Рузвельт добился и в новых формах торговли. С еще одним миллионером, своим соседом по Гайд-Парку Генри Моргентау, он основал Консолидированную корпорацию автоматической торговли *(Consolidated Automatic Merchandising Corporation — CAMCO)*. Идея состояла в том, чтобы создать национальную или хотя бы региональную сеть магазинов, не использующих или почти не использующих труд продавцов, а действующих при помощи автоматических устройств. В 1928 году *CAMCO* открыла в Нью-Йорке большой магазин. Автоматы продавали бритвенные лезвия, сигареты, презервативы и другие мелкие товары. К тому же каждая машина после покупки громко произносила «Спасибо», что очень нравилось покупателям, восхищавшимся автоматизацией.

Вначале магазин *CAMCO* давал немалую прибыль, но с началом кризиса 1929 года стал нести убытки, тем более что его владельцам ставили в вину «техническую безработицу». Автоматы оказались недолговечными: они стали глотать монеты, не выдавая товара, или же, наоборот, преподносили покупателям более дорогой товар, чем тот, который они оплатили. В конце концов фирма обанкротилась. Правда, Рузвельт еще в начале 1929 года вышел из этого бизнеса — то ли предвидя поворот хозяйственных дел к худшему, то ли просто охладев к этому предприятию, а скорее всего в связи со своим избранием на пост губернатора штата Нью-Йорк.

Позже он, правда, не раз говорил, что *CAMCO* была только одним из нескольких объединений такого рода, куда он вкладывал средства, но похоже, здесь не обошлось без лукавства. Во всяком случае, идея магазинов без продавцов, экономивших рабочую силу, столь популярная в период хозяйственного процветания второй половины 1920-х годов, в значительной мере потеряла смысл в условиях Великой депрессии, когда появились миллионы безработных. Узнав про обвинения в «нечестной торговле», выдвинутые в 1934 году против Уильяма Вудина, первого министра финансов в его кабинете, президент заявил с некоторым оттенком сожаления о собственных действиях: «Многие люди делали до 1929 года такие вещи, которые они бы не подумали делать теперь»[{174}].

Были и всякие другие хозяйственные инициативы, в которых Франклин участвовал в двадцатых годах. В октябре 1928-го он сообщал своему знакомому Норману Дэвису, что работает в Федеральном международном инвестиционном тресте, но собирается оттуда уходить[{175}].

Судя по имеющимся источникам, самой значительной сферой деятельности Рузвельта в большом бизнесе в те годы стало его

президентство в Американском строительном совете *(American Construction Council — ACC)*. Франклин еще в 1922 году принял предложение возглавить создаваемую организацию, не имея никаких конкретных знаний и опыта в отрасли, которой он собирался, по крайней мере формально, руководить. Да, собственно говоря, это и не требовалось. Сообщение о его избрании «Нью-Йорк таймс» начинала словами о том, кто такой Рузвельт — бывший заместитель министра, бывший кандидат в вице-президенты. Важно было популярное имя, тем более что на собрании учредителей *ACC* выступил министр торговли Г. Гувер, заявивший, что «тюрьмы не смогут излечить бед строительства» и для этого необходимы другие меры{176}.

ACC был образован для координации и стандартизации всех строительных работ с целью повышения их эффективности, преодоления мошенничества и недобросовестности. В резолюции учредительного собрания, выработанной, безусловно, при непосредственном участии Рузвельта, обращалось внимание на необходимость скорейшей подготовки кодекса отрасли, приемлемого как для промышленников, так и для потребителей, организации серьезной статистической службы, преодоления проблем, связанных с сезонной безработицей.

Особенно любопытно здесь упоминание об отраслевом кодексе. Не тогда ли у Рузвельта стали формироваться идеи государственного регулирования промышленности по отраслям с целью избежать «бесчестной конкуренции», которые он будет проводить, став президентом страны? Пока, правда, он всячески открещивался от мысли о сотрудничестве бизнеса и государственной администрации. «Промышленные комбинации не вредны сами по себе», — говорил он, подчеркивая в то же время свою приверженность полнейшему отделению частной экономической жизни от государства{177}. В этом отношении его взгляды пока еще мало отличались от позиций республиканской администрации, в частности установок того же Гувера.

Корреспонденту газеты, которого Рузвельт принял у себя дома на 65-й Восточной улице Манхэттена, он заявил, что вступит в должность осенью, когда полностью преодолеет болезнь, и отметил: «Строительство — это вторая крупнейшая отрасль в США. Она дает возможность служить всей стране»{178}. Какую отрасль Франклин считал первой, неведомо. Скорее всего он имел в виду железнодорожный транспорт. Но из этого заявления видно, что он был явно польщен и заботой известного министра, и единодушным одобрением его кандидатуры многочисленными участниками собрания, и вниманием прессы.

Франклин по-деловому включился в работу новорожденного

совета. Он общался по делам этой организации с крупнейшими представителями большого бизнеса, в частности, при формировании наблюдательного совета *ACC*. Сохранилось его письмо, адресованное ряду крупнейших финансистов, включая Джона Рокфеллера, от 10 апреля 1926 года, в котором говорилось: «Вы несомненно знаете об Американском строительном совете, который министр Гувер и я организовали в 1922 году и президентом которого я являюсь с того времени. В пределах своих возможностей Совет провел великолепную работу по экономическим проблемам строительной промышленности и ее взаимоотношениям с публикой. Но для того чтобы обеспечить постоянство и повысить ее эффективность, мы сейчас организуем новую структуру, которая будет называться Американским строительным фондом — для контроля над [расходованием] средств Совета и уточнения его задач. Фонд намечается размером в один миллион долларов». Рокфеллера и других бизнес-воротил Рузвельт просил войти в число управляющих фондом, добавив для убедительности, что он не берет на себя смелость слишком решительно настаивать на «этой возможности подлинной и продолжительной службы народу и постоянному процветанию страны»[{179}].

В таком обращении к крупнейшим представителям делового мира проявилась не только обычная куртуазность по отношению к нужному человеку. Рузвельт всё более глубоко понимал неразрывную связь интересов широких слоев населения, деловых кругов, государства, их переплетение в плотный клубок, из которого невозможно вырвать ни одну составляющую его нить без угрозы спутать всё. Все составные части этого комплекса зависят друг от друга, все они находятся в состоянии сотрудничества и противостояния, подвижного равновесия и должны понимать, что не могут существовать друг без друга, а потому им следует идти на взаимные уступки, и регулятором должно выступать, хотя и очень осторожно, государство.

Эта в общем-то не столь уж оригинальная идея, которую обычно признавали на словах, но о которой немедленно забывали, когда вставали вопросы практической социальной и политической борьбы, для Рузвельта выходила на первый план в качестве основы его мировоззрения и позиции по основным жизненным вопросам. Социальное сотрудничество во имя повышения благосостояния, недопущение без крайней необходимости хирургических мер в общественной жизни, учет в государственной политике взаимных как совпадающих, так и расходящихся, а во многих случаях и конфликтных интересов различных социальных слоев — эти отправные идеи становились

стропилами, на которых должно было держаться здание, проект которого формировался в мозгу Рузвельта.

Опыт работы в бизнесе в двадцатых годах и особенно руководство координационно-наблюдательной общественной организацией в строительной отрасли были значительными шагами на пути формирования Рузвельта как зрелого политика.

* * *

Но Рузвельт-политик был неотделим от Рузвельта-человека с его индивидуальными чертами, свойствами характера и всевозможными другими особенностями, которые в основном сформировались в молодом возрасте, но существенно изменились во время болезни.

Френсис Перкинс, с 1923 года являвшаяся членом, а с 1926-го — председателем Государственного индустриального совета, имевшего совещательные функции, главным образом занимавшегося вопросами охраны условий труда, продолжала в эти годы деловые встречи с Рузвельтом. На нее произвели благоприятное впечатление произошедшие с ним трансформации, которые бросались в глаза, по крайней мере ей самой. Френсис вспоминала того приятного, делового, но в то же время несколько поверхностного молодого человека, вместе с которым ей приходилось заниматься расследованием пожара на швейной фабрике в 1911 году. Болезнь привела его к духовному совершенствованию, полагала Перкинс. Он стал искренне добросердечным не только к близким и родным, но и к посторонним людям. Но главное, «он стал понимать проблемы людей, находившихся в нужде»{180}. С этим мнением солидаризовалась Элеонора — ее супруг после заболевания полиомиелитом стал в каком-то смысле идентифицировать себя с людьми, не обладавшими властью или силой{181}.

Эти искренние симпатии явились не просто важным дополнением, но и существенным коррективом черт характера Рузвельта. Правда, они не избавили его от глубоко скрываемой недоброжелательности по отношению к некоторым типичным фигурам, в частности к чиновникам и боссам профсоюзных объединений. Во всяком случае, никак нельзя согласиться с Патриком Реншоу, утверждающим, что Ф. Перкинс, Э. Рузвельт и другие мемуаристы сфабриковали «мощный политический миф»{182}. На самом деле глубокие симпатии к Франклину, которых не скрывали авторы, давали хотя и несколько идеализированное, но в целом адекватное представление об

изменениях в его характере и взглядах.

Чрезвычайно важными продолжали оставаться проблемы если не улучшения физического состояния, то, по крайней мере, сохранения его в той степени, чтобы можно было активно участвовать в бизнесе и политике. Фирма «Фиделити энд Депозит» в дополнение к заработной плате предоставляла Рузвельту суммы на проведение длительных отпусков, фактически же на лечение. После заболевания Франклин перестал посещать Кампобелло. Именно с этим местом в его подсознании, наверное, связывались теперь все те муки, которые ему приходилось претерпевать. Взамен он стал отправляться в длительные зимние круизы по прибрежным водам Флориды. Именно в связи с этим установилось тесное партнерство с Джоном Лоуренсом.

Джон Силсби Лоуренс был товарищем Франклина с детства, еще с Гротонской школы. Они встречались, переписывались, правда не часто (переписка сохранилась в Библиотеке Рузвельта и была издана в специальном сборнике{183}). Письма, в основном посвященные бытовым текущим делам, иногда затрагивали некоторые вопросы, важные для понимания взаимоотношений Рузвельта с другими видными личностями. Так, 1 мая 1923 года Лоуренс, служивший помощником министра торговли Гувера, писал: «Я слышал о тебе в Вашингтоне. Гувер сказал, что у него был хороший разговор с тобой. [Он] восхищается твоей смелостью и образом мышления, хотя сказал, что не всегда с тобой полностью согласен»{184}.

Богатый текстильный фабрикант Лоуренс оказался любителем морских прогулок. Вместе с Рузвельтом он не раз выходил в океан. А в 1923 году, купив небольшой корабль, они назвали его «Ларуко», образовав из первых слогов сочетания *Lawrence-Roosevelt Company*{185}.

На этом корабле-доме в 1924—1926 годах Рузвельт проводил ежегодно примерно три месяца. Морские прогулки вдоль цепи островов, протянувшейся от Южной Флориды между Карибским морем и Мексиканским заливом в направлении Кубы, солнечные ванны, долгие заплывы в океане, общение с приятными людьми, благожелательно относившимися к нему членами корабельной команды — всё это способствовало и дальнейшему физическому укреплению (увы, за исключением ног), и улучшению морального самочувствия. Франклин вспоминал свои детские мечты об океанских приключениях и свое руководство военным флотом в годы мировой войны. Он хотел чувствовать себя морским волком и был доволен, когда к нему обращались «капитан». Прозвище сохранилось даже в годы президентства, разумеется в самых

близких кругах.

Между прочим, в числе тех, кто посетил его в этом доме на воде, был и тогдашний деятель Лейбористской партии Великобритании Освальд Мосли с супругой — дочерью известного британского политического деятеля, консерватора лорда Керзона. Вряд ли Франклин мог предположить тогда, что вскоре этот приятный молодой человек станет рьяным приверженцем Гитлера, основателем Британского союза фашистов и что сам он, уже в качестве президента, превратится в объект его яростных и грубых нападок как «коммунист», «жидомасон» и т. п., а во время Второй мировой войны его гость окажется в британской тюрьме.

Правда, среди многочисленных пассажиров «Ларуко» Элеонора бывала редко, Сара еще реже. Обе они не любили океан и предпочитали проводить время на суше. Луис Хоув не раз говорил, что с удовольствием отправился бы в путешествие вместе со своим шефом и другом, но, будучи чрезвычайно занят деловыми и политическими заботами Франклина, почти не покидал Нью-Йорка.

Постепенно Рузвельт охладел к «Ларуко». Ему надоело однообразное курсирование в прибрежных водах, корабль требовал больших расходов. Из попытки продать его ничего не получилось. В сентябре 1926 года во время урагана судно было наполовину разрушено, и его отправили на вечную стоянку на заброшенном участке берега Флориды.

Тем временем Франклин пошел на еще одно финансовое мероприятие, на этот раз в интересах собственного здоровья и в равной мере здоровья других членов семьи, прежде всего детей. Он пытался убедить мать дать ему деньги — 200 тысяч долларов — на покупку приглянувшегося ему поместья в Уорм-Спрингс (Теплые Источники), штат Джорджия. Сара предоставила только часть суммы, недостающие средства заняли у знакомых. Рузвельт не торговался — и переплатил почти вдвое.

Здесь действительно находились минеральные источники, которые, как он надеялся (и с этим соглашались врачи), будут ему полезны. Он случайно услышал от кого-то о их целебных свойствах, о чудесном выздоровлении парализованного мальчика. Впервые посетив Уорм-Спрингс в 1924 году, он страстно поверил в силу местных вод, насыщенных солями, поддерживающих тело, придающих бодрость. Прекрасен был и окружающий пейзаж, особенно заросший сосновым лесом холм, который окрестили Пайн Маунтин (Сосновая Гора).

Среди мотивов покупки, впрочем, были и хозяйственно-авантюрные — Рузвельт решил попробовать свои силы на

сельскохозяйственном поприще: купить участок земли, разводить скот, заняться лесопосадками. Но на заднем плане маячили и политические расчеты — возникли планы установления контактов и с консервативными землевладельцами Юга — потомками тех, кто когда-то воевал против Севера во имя сохранения рабства, и с их антиподами — негритянскими общественными деятелями, которые всё еще добивались подлинного гражданского равноправия.

Уорм-Спрингс и земля по соседству (всего 1750 акров) были куплены в 1925 году, а затем здания были перестроены в соответствии с пожеланиями нового хозяина. Здесь Рузвельт проводил значительную часть отпускного времени, в том числе и после избрания президентом. Уорм-Спрингс вслед за Гайд-Парком стали даже называть «малым Белым домом».

Но Рузвельт этим не ограничился. В июле 1927 года совместно со своим старым знакомым, юристом и филантропом Бэзилом О'Коннором он основал лечебный центр «Фонд Уорм-Спрингс Джорджии» (продолжающий функционировать и поныне под названием Реабилитационного института имени Ф. Рузвельта). Сертификат фонда гласил, что он ставит целью лечение больных полиомиелитом, распространение знаний об этой болезни, координацию и согласование работы в этой области. Фонд располагал санаторием и больницей. Кроме Уорм-Спрингс он имел офис в Нью-Йорке. В совет директоров вошли сам Рузвельт, Б. О'Коннор, Л. Хоув и другие лица{186}. О'Коннор вначале был казначеем фонда, а затем стал председателем исполнительного комитета.

В Уорм-Спрингс принимали на лечение многих больных полиомиелитом. Процедуры, а также приют были бесплатными для неимущих. Рузвельт и его помощники привлекли для работы с больными первоклассных нью-йоркских врачей Лероя Хаббарда и Элен Магони. За компанию с ними и самого хозяина имения пациенты часто называли «доктором Рузвельтом». Вел он себя весьма демократично, принимал ванны в бассейне вместе с остальными.

Правда, посещения Рузвельта создавали явные неудобства для больных, так как за ним следовали помощники, охранники, журналисты. Администратор лечебного центра Е. Бун просил Рузвельта решить эту проблему, но какие-либо серьезные меры приняты не были{187}. В его появлениях здесь сохранялся элемент театральности до самого конца жизни.

Рузвельт стал считать себя специалистом по лечению страшного заболевания, которым страдал сам. В ноябре 1927 года он писал матери, что «встречается очень много случаев, которые

поступают к нам от так называемых ведущих врачей, лечение которых было просто преступным, постоянно давало плохие результаты, причем виновные избегали ответственности. Мы не возбуждаем, конечно, никаких дел до тех пор, пока всё не выяснится, но мы знаем из истории десятки случаев, когда бывают ужасные ошибки»{188}. Лечение способствовало улучшению состояния страдавших тяжким недугом, а в некоторых — правда, очень редких — случаях, особенно когда речь шла о детях, приводило даже к полному выздоровлению. В личном фонде Рузвельта сохранились трогательные благодарственные письма родителей{189}.

Этот «доктор» стал заботиться и об инфраструктуре района — там стали проводить электричество (в конце 1920-х годов не более десяти процентов сельской Америки было электрифицировано), строилась дорога, прокладывалась канализационная система, был основан клуб с танцевальным залом, чайной комнатой, участками для пикников на свежем воздухе. Для пациентов организовывались экскурсии, спортивные состязания, причем они играли в волейбол и другие игры, сидя на колясках, а те, кому позволяло состояние здоровья, прыгали на костылях. Стала выходить местная газета, для которой Франклин не раз писал статьи. В 1938 году был построен новый жилой и лечебный корпус, позволивший увеличить прием посетителей, причем располагался он несколько в стороне от резиденции Рузвельта, что создавало здесь более спокойную обстановку.

О'Коннор и Рузвельт смогли организовать сбор средств. Реабилитационный центр стал превращаться в подлинную гордость штата Джорджия и, естественно, внес свою лепту в копилку Рузвельта-политика.

Правда, и здесь не удалось избежать распространенной в то время на юге США сегрегации — больные с черным цветом кожи в лечебницу не допускались. Элеонора просила мужа, чтобы для этих пациентов был построен особый корпус. Но возможности Рузвельта были ограничены. Попытка десегрегировать Уорм-Спрингс могла привести не только к публичным атакам в прессе, но и к актам насилия. Приходилось считаться с тем, что местные власти посылали в Уорм-Спрингс официальные письма по вопросам налогообложения на бланке с надписью «Белому налогоплательщику»{190}. Поэтому на просьбы негритянских организаций о допуске в Уорм-Спрингс чернокожих Рузвельт просто не отвечал, а его секретари пересылали такого рода ходатайства О'Коннору, который отделывался невразумительными ответами{191}.

* * *

Первые признаки того, что Рузвельт вновь готов появиться на сцене большой политики, стали ощутимыми во время президентской кампании 1924 года. На этих выборах республиканцы были едины. Их естественным кандидатом был действующий президент Калвин Кулидж.

Что же касается демократов, то в их лагере царила неразбериха. Она продолжалась не только первую половину года, когда происходило выдвижение кандидатов, а затем проводились праймериз — первичные выборы в пределах одной партии с целью выяснить, кого из кандидатов в наибольшей степени поддерживают ее сторонники. Борьба продолжалась и на национальном партсъезде, который на этот раз проходил в Нью-Йорке в конце июня — первой половине июля в здании под названием Медисон-сквер-гарден, где незадолго до этого располагался цирк и еще не выветрился запах животных, особенно неприятный в страшную жару, которая в это время стояла в городе. Огромное здание было построено в конце XIX века на площади *(square)* Медисона, от которой и получило свое название. После того как оттуда выехал цирк, здание было перестроено таким образом, чтобы могло служить местом крупнейших спортивных состязаний, выступлений знаменитых исполнителей, а также съездов с участием тысяч людей. Съезд демократов как раз и был первым использованием обширных помещений здания по новому назначению.

Съезд шел рекордное время — две с половиной недели. Борьба происходила по множеству вопросов: между «мокрыми» и «сухими» — то есть сторонниками и противниками сохранения запрета на спиртные напитки; между северянами, отстаивавшими принятие суровых мер против расистской организации Ку-клукс-клан, и представителями Юга, полагавшими, что негров следует держать в узде, а Ку-клукс-клан надо сохранять как средство устрашения борцов за расовое равноправие, лишь слегка одергивая; между решительными «воспами» (от *WASP* — аббревиатуры «белые англосаксонские протестанты» — *White Anglo-Saxon Protestants),* символизировавшими собой традицию, устойчивость, консерватизм, и сторонниками национального и религиозного разнообразия.

В значительно более широком социальном смысле это было продолжение борьбы между прогрессивным индустриальным городским Севером и консервативным, в основном остававшимся сельскохозяйственным Югом.

Борьба развернулась в основном между кандидатом южан

Уильямом Мак-Эду и губернатором штата Нью-Йорк, типичным представителем северных прогрессистов Элом Смитом. Смит воплощал всё то, что было неприемлемо для южан: выступал за отмену «сухого закона», требовал соблюдения прав афроамериканцев на Юге, проповедовал терпимость к различным религиям и культурам, к тому же сам он был католиком. Короче говоря, Смит представал типичным кандидатом космополитичного Нью-Йорка, раздражая южан даже своим очень характерным нью-йоркским акцентом.

Участие в этом съезде было первым выходом Франклина Рузвельта на национальную политическую арену со времени заболевания. Он был членом делегации штата Нью-Йорк и горячо поддерживал Смита. По поручению своей и других делегаций на третий день съезда он выступил с обоснованием его кандидатуры. Опираясь одной рукой на своего шестнадцатилетнего старшего сына Джеймса, а другой на толстую трость, он вроде бы спокойно прошел из задних рядов к ораторской трибуне. Только Джеймс видел капли пота на лбу отца, который вроде бы безмятежно улыбался и кивал головой знакомым.

Когда Франклин, создавая видимость, будто рука сына служит ему только страховочным инструментом, в первый раз поднимался на трибуну, ему устроили невиданную овацию, продолжавшуюся больше трех минут, причем со своих мест поднялись и бурно приветствовали его как северяне, так и южане, несмотря на то, что именно он выдвигал кандидатуру Э. Смита.

В своей хорошо продуманной речи оратор окрестил Смита «счастливым воином на политическом поле сражений»[{192}]. Он напомнил о достижениях Смита на посту губернатора — о введении восьмичасового рабочего дня для женщин, о превращении гидроэлектростанций в собственность штата, что позволило сократить плату за электричество, о мерах по охране здоровья бедного сельского населения и пр. При этом Рузвельт подчеркивал, что Смиту удалось провести реформы, несмотря на ожесточенное сопротивление республиканских боссов города и могущественного руководителя их местной организации Билла Барнеса.

Газеты сообщили, что говорил он 34 минуты, закончив выступление словами великого британского поэта XIX века Уильяма Вордсворта: «Это смелый боец; это тот, которому хотел бы подражать каждый человек, у которого есть оружие».

Видимо, в сообщениях прессы о том, что после речи Рузвельта присутствовавшие не просто поднялись со своих мест и устроили ему овацию, но к тому же в течение сорока минут пели торжественные марши и веселые песни, приветствуя его

возвращение в политику, было большое преувеличение, но некоторая доля правды в этом была. Однопартийцы по достоинству оценили мужество и стойкость Рузвельта. Известный публицист Уолтер Липман писал ему, что его выступление было «трогательным, выдающимся и в высшей степени красноречивым». «Мы все гордимся Вами» — так завершалось это письмо{193}.

Особенно запомнилась родным модная в то время песня «Тротуары Нью-Йорка», которую представители штата, а за ней и другие делегаты спели, перекрикивая друг друга, несколько раз{194}. Случилось так, что к Рузвельту отнеслись теплее, чем к человеку, которого он выдвигал на президентский пост. Он понял, что его будущее не полностью зависит от состояния здоровья, что появление на трибуне съезда человека, который смог превозмочь тягчайшие муки, оказалось его политическим и моральным завоеванием. Участники съезда восхищались его мужеством и решимостью продолжать общественную деятельность, несмотря ни на что…

Между тем съезд оказался в тупике. Делегаты голосовали и переголосовывали, но никак не могли избрать своего кандидата. Был поставлен неутешительный рекорд — баллотировка проводилась 103 раза! В конце концов совершенно измученные делегаты пошли на компромисс, сделав кандидатом известного только среди представителей большого бизнеса адвоката Джона Дэвиса. При этом они прекрасно понимали, что Дэвис — кандидатура совершенно катастрофическая хотя бы потому, что наиболее известные имена финансистов-миллионеров в широких кругах встречали с раздражением, а Дэвис обслуживал банкира Джона Пирпонта Моргана и был накрепко связан с его кругом.

Если для Демократической партии в целом нью-йоркский съезд был явно провальным, то для Франклина Рузвельта он явился успешным в двух отношениях.

Во-первых, реакция однопартийцев на первое со времени заболевания появление Рузвельта на одной из главных политических сцен свидетельствовала о том, что к нему теперь благожелательно относились партийные активисты не только из северных, но и из многих южных штатов. Какую-то роль здесь сыграло просто сочувствие и уважение к человеку, преодолевавшему тяжелый недуг. Но сказались и усилия Рузвельта по примирению северных и южных демократов, его непростые отношения с Таммани-холлом, который южане обычно связывали именно с коррумпированными нью-йоркскими дельцами.

Во-вторых, то, что Рузвельту доверили обоснование

кандидатуры Смита, стало свидетельством его растущей популярности в кругах однопартийцев индустриальных северных штатов.

Во время почти трехнедельных утомительных дебатов, жарких не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова, Франклин выступал еще не раз и добился некоторого поворота части делегатов в сторону Смита. Но, как мы уже знаем, вывести съезд из патового положения ни он сам, ни кто-либо другой оказались не в состоянии.

При общем незавидном положении Демократической партии во время президентской кампании 1924 года Рузвельт был одним из очень немногих ее деятелей, чей авторитет в это время повысился.

Впрочем, результаты выборов были предрешены. Вмешательство в них независимого кандидата Роберта Лафоллета, основавшего Прогрессивную партию[14], которая отняла некоторое количество голосов именно у демократов и заставила тех, кто колебался между демократами и республиканцами, проголосовать за Кулиджа, еще более оттенило сокрушительное поражение партии Рузвельта. Дэвис получил только 28 процентов голосов избирателей — меньше, чем какой-либо из кандидатов этой партии со времен Гражданской войны.

Неудачи собственной партии не поколебали намерение Франклина Рузвельта участвовать в политических играх. Оказалось, что он был из тех политиков, которых поражения только закаляют, служат стимулом к дальнейшей, еще более упорной борьбе, к росту собственных амбиций.

Анализируя причины неудачи Смита, Рузвельт убеждался в том, что был прав, уговаривая кандидата не зацикливаться на Нью-Йорке, а ездить по стране, общаться с различными слоями населения Севера и Юга, Востока, Среднего Запада и тихоокеанского побережья. В тех случаях, когда Смит следовал этим советам, он добивался большего, но он мало считался с рекомендациями не фиксировать внимание избирателей на своем губернаторстве, учитывать традиционное раздражение провинциалов по отношению к «богатому» и «развратному» мегаполису.

Еще в одном твердо уверился Рузвельт, анализируя итоги кампании. Он не раз говорил Смиту о необходимости серьезно заняться финансами партии. Смит обычно отделывался заявлениями, что таковые находятся в хорошем состоянии благодаря щедрым взносам крупных банкиров Бернарда Баруха, Джона Рэскоба, Джона Пирпонта Моргана и других. Рузвельт же высказывал убеждение, что чрезмерная зависимость от крупного

капитала опасна, поскольку население может воспринять кандидата именно в качестве представителя большого бизнеса, что необходимо собирать хотя бы небольшие суммы на предвыборную кампанию у рядовых членов партии, у представителей среднего класса. Смит лишь изредка считался с такого рода рекомендациями, обычно же игнорировал их{195}.

Обдумывая итоги съезда, Рузвельт сделал одно весьма важное предсказание, которое подтвердилось почти через десятилетие. В письме Уилларду Солсбери, юристу из Уилмингтона, штат Делавэр, от 9 декабря 1924 года он писал: «В 1920 году после поражения, которое мы понесли тогда, я говорил ряду моих друзей, что не думаю о возможности избрания демократа [на пост президента] до тех пор, пока республиканцы не вовлекут нас в серьезный период депрессии и безработицы. Я продолжаю думать, что это предсказание остается справедливым, так как, хотя демократы могут быть партией чести и прогресса, народ не выгонит республиканцев до тех пор, пока зарплата хороша и рынок процветает… Люди быстро устают от идеалов, и история сейчас повторяется»{196}. Действительно, в 1929 году, при правлении республиканцев, наступит Великая депрессия. Именно тогда авторитет этой партии и ее ставленника президента Гувера резко упадет, к власти возвратится Демократическая партия, и президентом станет не кто иной, как автор этого письма.

* * *

В ожидании нового тура политических битв Франклин Рузвельт занимался своими торговыми и юридическими делами. Одновременно он согласился на предложение Эла Смита, который оставался губернатором штата Нью-Йорк, возглавить комиссию по управлению государственным парком «Таконик».

Это поручение пришлось Франклину по душе не только потому, что он с молодых лет считал сохранение природных богатств одной из важнейших государственных задач, но и в связи с тем, что этот великолепный парк частично лежал в пределах его родного графства Датчес. Расположенный к северу от Нью-Йорка на склонах Таконских гор, с великолепными стремительными речками и водопадами, пересеченный туристскими тропами, этот лесной массив являлся одним из излюбленных мест отдыха жителей многомиллионного города, всерьез соперничая с пляжами океанского побережья.

Почти сразу, однако, возникли чисто бюрократические трудности. В силу своей должности Рузвельт — к тому времени

политик государственного масштаба — оказался подчиненным сравнительно мелкому чиновнику штата, председателю совета по паркам Роберту Мозесу, который просто из зависти к его популярности, стремясь хоть как-то навредить знаменитости (его особенно бесило, что Рузвельт отказался получать зарплату за эту свою работу, считая ее общественной), стал ставить палки в колеса, причем в некоторых случаях с полным формальным основанием.

Началось с того, что Рузвельт, имея на это право по закону, назначил Луиса Хоува на платную должность, хотя было ясно, что тот будет не просто мелким администратором, а в основном продолжит работу в качестве советника Франклина. Мозес же сообщил Рузвельту, что не может воспрепятствовать назначению Хоува, но как только будет утвержден новый бюджет штата, выбросит его из администрации, если он не будет находиться на работе всё положенное время. Даже обращение Рузвельта к Смиту не дало результата. Губернатор поддержал чиновника, и Хоуву пришлось уйти с работы.

Более серьезный конфликт возник в связи с проектируемым строительством шоссейной дороги через парк. Рузвельт представил все необходимые финансовые расчеты, но Мозес сильно их сократил, а затем вообще отменил решение о строительстве, использовав ассигнованные средства на строительство дороги вдоль острова Лонг-Айленд на том основании, что там, на океанском берегу, отдыхает намного больше жителей Нью-Йорка{197}. И в этом вопросе скорее прав был Мозес, а не Рузвельт.

Всё это была мышиная возня, которая свидетельствовала, что и Рузвельт мог быть склочным, давал себя вовлечь в бюрократические пререкания, в жалобы по инстанциям. Мозес гордился тем, что выиграл бой у аристократа Рузвельта. Франклин же, вынужденный признать поражение, отказался от руководства комиссией, но на своего обидчика затаил немалую злобу. Настанет время, и он уже в качестве губернатора, а затем и президента будет мстить нью-йоркскому чиновнику, накладывая запреты на все его предложения. Члены правительства посмеивались, говоря: «Всё это только потому, что он ненавидит Мозеса». Действительно, как говорится, месть — это блюдо, которое следует есть холодным. Мстительности Рузвельт явно не был лишен.

В то время как в жизни Франклина происходили крутые повороты и тяжкие испытания, подрастали дети. Старшие уже выпархивали из родительского гнезда. Поскольку и отец, и мать были в основном заняты своими политическими,

государственными, служебными делами, а воспитание и обучение младших членов семьи осуществляли в основном чужие люди, дети не чувствовали особой близости к Франклину и Элеоноре, хотя относились к ним с уважением, ценили их как общественных деятелей, а в случае необходимости и как советчиков.

Пример показывала старшая дочь Анна, которой в 1919 году исполнилось 19 лет. Она стала высокой и красивой блондинкой с жестким характером. Когда прерывали ее речь, она спрашивала ледяным голосом: «Что вы хотели сказать?» С отцом и бабушкой у Анны были более доверительные отношения, чем с матерью. Она сказала как-то, что для того, чтобы поговорить с Элеонорой, необходимо, чтобы она предварительно согласилась дать дочери аудиенцию.

В честь окончания школы Сара повезла внучку в Италию. Здесь были встречи не только с римским папой, но даже с фашистским диктатором Бенито Муссолини. Впрочем, очаровательная Анна скорее думала о тех юношах, которые ее бомбардировали письмами, пока так и не решив, кого из них предпочесть{198}. Правда, вскоре выбор состоялся. В 1926 году Анна вышла замуж за Кёртиса Дэлла, финансового брокера, который был старше ее на десять лет. Скорее всего замужество стало средством вырваться в вольную жизнь, избавиться от поучений. Отныне Анна сама будет давать советы своим родителям, а те подчас станут воспринимать ее суждения всерьез, следовать ее рекомендациям. Через год у Элеоноры и Франклина появился первый внук.

С сыновьями дело обстояло хуже. Джеймс провалился на вступительных экзаменах в Гротонскую школу, которую, как мы помним, в свое время окончил его отец. Ему, однако, удалось экзамены пересдать, он был принят в Гротон, в следующие годы стал примерным учеником, собирался продолжить образование в Гарварде, но опять срезался. Зато он без памяти влюбился в Бетси Кашинг, очаровательную дочь бостонского хирурга, с которой познакомился как раз в то время, когда пытался поступить в Гарвардский университет. В 1929 году они были помолвлены. Не любившая врачей Сара заявила невесте внука, когда та приехала в Гайд-Парк: «Я слышала, что ты — дочь хирурга. Хирурги всегда напоминали мне мясников». Но ей пришлось смириться с выбором Джеймса, и в 1930 году состоялась свадьба. Высшего образования Джеймс так и не получил, занялся бизнесом, но существенно продвинуться не смог, а позже в значительной степени переключился на техническую помощь отцу, когда тот стал вначале губернатором, а затем президентом{199}.

Второй сын Рузвельта, Эллиот, в раннем детстве страдал

заболеванием ног, и родители очень беспокоились, как бы с ним не произошло то же, что с отцом. Со временем ребенок выздоровел физически, но детские страдания оставили отпечаток на его психике. Он рос эгоистичным, требовательным. Его также отправили учиться в Гротон. Но у него возник ряд столкновений с одноклассниками и преподавателями. Ректор — всё тот же Пибоди, который когда-то учил Франклина — вынужден был писать ему о плохом поведении и дурном характере его сына. Когда же встал вопрос о поступлении в Гарвардский университет, Эллиот, явившись на экзамен, демонстративно ничего не написал и возвратил экзаменационные листы пустыми. С 1930 года он работал в рекламном бизнесе, но больших успехов не достиг{200}. Позже и он стал помощником отца и оставил интересные, хотя и весьма субъективные воспоминания о деятельности Ф. Рузвельта, главным образом в годы Второй мировой войны, проникнутые недоброжелательством и к У. Черчиллю, и к преемнику отца на президентском посту Г. Трумэну{201}.

Младшие дети еще только подрастали. Сам Франклин тем временем продолжал заниматься своими торговыми, адвокатскими делами и другими проектами.

Глава третья. ГУБЕРНАТОР

Если произошла неудача, признай это честно и попробуй что-то другое. Но во что бы то ни стало — пробуй.

Ф. Рузвельт

Сомнения и борьба за пост

Следующее крупное политическое испытание ждало Франклина Рузвельта ровно через четыре года после предыдущего, во время президентских выборов 1928 года. Они были для демократов еще более сложными. Дело в том, что вторая половина двадцатых годов оказалась временем крутого подъема экономики Соединенных Штатов, роста занятости, увеличения прибылей. Жизненный уровень населения повышался. Это время восторженные журналисты называли эпохой процветания, связывая, без должных на то оснований, все экономические, социальные, жизненные успехи самых различных групп американцев с правлением Республиканской партии. На самом деле экономическому подъему способствовало множество факторов, хотя, разумеется, принимавшиеся администрацией меры хозяйственной стимуляции какую-то роль играли.

Вдобавок республиканцы выдвинули на президентский пост весьма популярную кандидатуру Герберта Гувера, имевшего не только многомиллионное состояние (ценилось, что Гувер был не наследником богатств, а «миллионером, сделавшим сам себя»). Он был прославленным руководителем *ARA* — международной организации помощи — после мировой войны, успешным министром торговли при прежних президентах. Рузвельт вспоминал, как в 1920 году он пытался уговорить Гувера баллотироваться в президенты от Демократической партии, но не преуспел в этом.

Когда готовились выборы, Хоув как-то робко заикнулся, что кандидатура его друга и шефа могла бы прорвать тот чертов круг, который возник в партийных кругах демократов. Дело в том, что вновь, как и в 1924 году, должны были почти на равных столкнуться кандидатуры Смита и Мак-Эду Но сам Луис вскоре отказался от этой идеи — вместе с Франклином, который ее серьезно не воспринял. Они пришли к убеждению, что пока Смит сохраняет решающее влияние на демократов северных штатов, пользуется безоговорочной поддержкой в Нью-Йорке, а сам Рузвельт воспринимается по-прежнему как человек Смита, выступать на самые передовые позиции не следует.

Появление его кандидатуры на президентский пост избиратели Севера восприняли бы как предательство, южане погрели бы руки на этом казусе, республиканцы раздули бы его в своей прессе. Скорее всего, дело не дошло бы даже до выдвижения на съезде. Да и сам Франклин не чувствовал себя полностью подготовленным для руководства страной. Необходим

был промежуточный административный опыт, и возможность его получить он вскоре увидел в работе на посту губернатора штата Нью-Йорк.

Каким-то чудом перед съездом, проходившим в Хьюстоне, штат Техас, Смит и его штаб уговорили Мак-Эду не настаивать на своей кандидатуре. Южанам дали гарантии, что в предвыборную программу будут включены их требования, а сам Мак-Эду в случае избрания Смита получит авторитетный государственный пост. В результате последний был номинирован уже в первом туре голосования.

Но радости от этого у демократов было немного. Гувера, воплощавшего триумф американского капитализма, переиграть на выборах пока было невозможно. Все расчеты Смита ориентировались лишь на то, что он будет вести кампанию столь энергично, что заслужит одобрение однопартийцев, которые в очередной раз выдвинут его кандидатом в президенты. Никто не предполагал, что менее чем через год после избрания Гувера на высший государственный пост разразится Великая депрессия, которая не только опустошит экономику, но и внесет невероятную сумятицу в политические будни, поставив США на грань коллапса.

Пока же Рузвельт вновь оказался наиболее приемлемой для делегатов фигурой для представления Смита как кандидата в президенты. Многие участники съезда, помнившие многотрудные дебаты 1924 года, теперь чувствовали себя на верху блаженства, поскольку знали, что нынешние прения будут краткими и, по крайней мере внешне, безоблачными, и уже по этой причине шумно приветствовали Франклина, когда он направлялся к трибуне. Но у симпатизировавших ему демократов была еще одна причина выражать удовлетворение — Рузвельт, как и на предыдущем съезде, шел без костылей, опираясь на трость, а с другой стороны его поддерживал Эллиот. Делегатам казалось, что Франклин идет быстрее и увереннее, чем четыре года назад. Это сочли хорошим признаком, ибо в промежутке между съездами его не раз видели на костылях{202}.

Конечно, между соперничавшими фракциями к этому моменту была уже достигнута договоренность, что кандидатура Смита не встретит возражений. Всем было отлично известно, что именно его фамилия будет произнесена Рузвельтом. В этом смысле разыгрывалась заранее отрепетированная сцена. И тем не менее в самом представлении было немало спонтанного, импровизированного. От случайной неверной ноты настроение делегатов могло внезапно круто измениться, а дальнейшие события — развиваться в совершенно непредсказуемом

направлении.

Именно поэтому Франклин рассматривал свое выступление как важнейшую политическую акцию. Текст речи был подготовлен заранее и разослан в газеты. Сама речь передавалась по радио — это была одна из первых трансляций на всю страну. Сам Рузвельт говорил, что кроме 15 тысяч человек, собравшихся в Хьюстоне, его слушали 15 миллионов по всей Америке{203}.

Выступление было оценено как блестящее, в том числе и сторонниками конкурировавшей партии. Консервативная газета «Чикаго трибюн» написала, что Рузвельт проявил себя «как единственный республиканец среди демократов»{204}. Однако общее впечатление было таково, что оратор, превознося высокие качества Смита, как бы переносил эти оценки на самого себя, что это было скорее не выступление в пользу Смита, а выдвижение самого Франклина Рузвельта на политическую авансцену.

Выборы 1928 года вновь оказались неудачными для Смита и в определенном смысле успешными для Рузвельта. Став кандидатом демократов как от городских центров, так и от сельской глубинки, Смит, вопреки советам Рузвельта, вел себя как типичный урбанист. Он крайне неудачно выбрал мелодию песни «Тротуары Нью-Йорка» в качестве своего рода лейтмотива всех выступлений. Такого рода «городской гонор» сразу вызвал раздражение фермеров и других сельских жителей. Вновь вспомнили «пороки» Смита — его нью-йоркский акцент, его принадлежность к католической религии.

На Смита набросились за то, что он вроде бы поцеловал руку ватиканскому кардиналу, побывавшему в США. Когда Рузвельта спросили, не стыдно ли ему поддерживать человека, который целует руку иностранцу, он вполне логично ответил: «Это — старейший обычай католической церкви. Я не думаю, что он означает что-то большее, чем если бы я как протестант посадил за обедом по правую руку от себя епископа Менинга»{205}. Рузвельт активно участвовал в избирательной кампании, в частности занимался сбором средств в фонд Смита{206}.

Однако доминировал, разумеется, соперник. Гувер, имевший высокую популярность, вел кампанию весьма умело. Последним камушком в огород Смита был распространенный штабом Республиканской партии памфлет, где говорилось, что демократический кандидат выполняет волю не американского народа, а римского папы. Этому поверили миллионы протестантов Среднего Запада и тихоокеанского побережья. Гувер был избран на президентский пост подавляющим большинством голосов.

Что же касается Рузвельта, то его выигрыш заключался не

только в том, что он предстал перед съездом демократов в качестве одного из главных действующих лиц, оказавшись таковым именно благодаря тому, что выдвигал единственного кандидата. На съезде, в значительной мере вопреки самому Смиту, благодаря усилиям Рузвельта и его штаба начала складываться новая коалиция, которая искала и находила точки соприкосновения между городскими предпринимателями, «белыми воротничками» — армией чиновников и клерков, организованными квалифицированными рабочими, фермерами и скотоводами Юга и Запада и которая скреплялась усилиями образованных политиков, выступавших за продвижение Америки вперед, но по возможности гладко и постепенно, без судорог и рывков. Девизом этой коалиции было стремление к минимальной классовой поляризации американского общества, но добиваться этого они намеревались не запретами, арестами и другим насилием, особенно характерными для начала 1920-х годов, а убедительной силой позитивного примера.

Немалую роль во всех этих сдвигах, которые являлись своеобразной предтечей будущей политики Рузвельта-президента, играли прогрессивные писатели, философы, деятели искусства, с которыми Франклин охотно общался, демонстрируя, что он знает и ценит их творчество.

Еще в самом начале избирательной кампании Смит отказался от выдвижения на пост губернатора на том естественном основании, что вести одновременно борьбу за два поста он не может. И выражением благодарности Франклину Рузвельту, и признанием заслуг было предложение его кандидатуры на губернаторский пост.

В двадцатые годы должность губернатора штата Нью-Йорк (его по традиции именовали «имперским штатом») считалась в американской государственной системе очень высокой. Значительно позже, в конце XX — начале XXI века, она девальвировалась, уступив место мэру самого мегаполиса. Например, сейчас во всем мире известно имя мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга, но почти никто не знает, кто является губернатором. Прямо противоположная ситуация была на 80—90 лет ранее. Город, хотя он и тогда был огромным, не оттеснял еще в такой мере на задний план так называемый апстейт, то есть всю ту часть штата, которая находилась к северу от города-гиганта с его пригородами, являющимися, по существу, его продолжением. Иначе говоря, выдвижение Рузвельта на пост губернатора штата Нью-Йорк вроде бы вполне соответствовало его амбициозным планам продвижения по лестнице, ведущей к высшей государственной должности.

К тому же прогрессивные круги Демократической партии, прежде всего восточного побережья страны (Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон и др.), всё больше верили в счастливую звезду Рузвельта. Политики и предприниматели, деятели фермерского и рабочего движения оценивали его как человека не просто энергичного, сумевшего преодолеть собственные страдания и посвятить себя служению обществу, но и как политика, легко улавливающего социальные изменения, приспосабливающегося к ним, динамичного и прагматичного лидера. Старые демократы, выдвинувшиеся в президентство Вильсона, начинали видеть в нем будущего достойного преемника своего кумира.

Однако он отлично понимал, что в реальной социально-экономической ситуации его шансы стать президентом на следующих выборах весьма зыбки, если не утопичны. Подобно большинству американцев, в том числе высоколобым экономистам с профессорскими званиями, которым он доверял, Рузвельт считал хозяйственное процветание страны если не вечным (в такого рода константы он как реальный политик не верил), то во всяком случае продолжительным.

Действительно, в 1923—1929 годах производство стали в США увеличилось с 49 до 61,7 миллиона тонн, добыча нефти — с 732 до 1007 миллионов баррелей. Были созданы новые промышленные отрасли — радиотехническая, производство электроприборов и др. Быстрыми темпами росла автомобильная промышленность. Автомобиль стал превращаться из предмета роскоши в необходимое среднему американцу средство передвижения. В 1920 году было произведено 1,9 миллиона легковых автомобилей, а в 1930-м — восемь миллионов. С 1927 года в США функционировала гражданская авиация.

«Ревущие» двадцатые годы, как их стали называть, одновременно стали временем преодоления пуританских ценностей. Вошел в моду джаз, дамские платья становились всё короче, а верность супругам представлялась ханжеством, чем-то чуть ли не постыдным.

Именно в этих условиях в стране стало всячески пропагандироваться мнение, что возник совершенно новый тип цивилизации, устранивший главные противоречия капиталистического общества, сочетающий свободную конкуренцию, не терпящую государственного вмешательства, с социальным партнерством, процветанием всех слоев населения на базе новейшей техники.

Всё это вполне соответствовало материальным запросам и настрою самых широких слоев американцев, что давало Гуверу

реальные шансы на вторичное избрание в 1932 году. Поэтому не исключалось, что Франклин, если и будет избран губернатором, на этом посту засидится надолго или даже завершит им свою карьеру. Учитывая все «про» и «контра», он колебался, принимать ли ему предложение Смита.

Смиту же было весьма выгодно держать Рузвельта на этом посту, который он, имея мало шансов на избрание президентом, считал для себя резервным. Он уговаривал Рузвельта, что тому не надо будет реально управлять штатом — достаточно появляться там изредка, проводя основное время в Гайд-Парке или Уорм-Спрингс, а со всеми делами будет справляться его заместитель. Одному из своих собеседников Смит цинично заявил, что Рузвельт не проживет и года{207}. Так что, казалось бы, соблазнительное предложение синекуры на деле было связано с расчетами самого Смита на скорое возвращение на губернаторский пост.

Давление на Рузвельта усилилось, когда ставший председателем Национального комитета Демократической партии Джон Рэскоб, тесно связанный с химической и нефтегазовой компанией Дюпон де Немур (он, кстати, был избран на руководящий партийный пост именно на съезде 1928 года, причем вопреки мнению Рузвельта), включившись в уговоры, заявил, что не только привлечет большой бизнес на сторону Демократической партии, но и окажет Рузвельту денежную помощь, в частности профинансирует его бальнеологическое предприятие в Уорм-Спрингс. Услышав, что Рузвельт чуть ли не разорился, инвестировав в лечебницу 200 тысяч долларов, Рэскоб немедленно послал ему чек на 350 тысяч. Рузвельт отверг столь щедрый дар, согласившись лишь принять чек на 25 тысяч долларов в фонд помощи страдающим от полиомиелита, и добавил, что ему достаточно знать, что в случае необходимости он сможет получить финансовую поддержку Рэскоба{208}.

В уговоры включилась Сара. Поняв, что сына невозможно отвлечь от общественной деятельности, она стремилась теперь к тому, чтобы он поднялся по карьерной лестнице как можно выше. «В случае твоего избрания, — написала она Франклину, — твой заработок, насколько я знаю, будет меньше, чем ты получаешь сейчас. Я готова покрыть эту разницу»{209}.

Хоув и Элеонора были против, полагая, что свой отказ Франклин должен мотивировать состоянием здоровья. Но оба они находились в Нью-Йорке и могли давать советы Франклину, отдыхавшему после партийного съезда в Уорм-Спрингс, только по телефону, тогда как Смит и Рэскоб оказались настойчивыми и решительными, тем более что вектор их уговоров совпал с

намерениями самого Рузвельта.

Франклин некоторое время не давал прямого ответа, отделываясь ссылками то на состояние здоровья, то на финансовые обязательства. Каждый раз, однако, он получал от своих маститых однопартийцев конкретные и убедительные ответы. Смит вновь и вновь гарантировал, что со всеми делами будет справляться заместитель губернатора, пока его шеф будет проводить три месяца в году в Уорм-Спрингс.

Как видим, напор был мощным. Неожиданно Франклин получил телеграмму 22-летней дочери, с явной нетерпеливостью и даже оттенком девичьего раздражения советовавшей: «Пошевеливайся и принимай это [предложение]». Ответная телеграмма была вроде бы сердитой, но в контексте событий означала явное отцовское удовлетворение: «Тебя надо отшлепать. Очень люблю. Папа»{210}. Дочь поддержали и сыновья.

* * *

Каким-то внутренним, необъяснимым чувством, на этот раз вопреки мнению столь опытного политика, каким был верный Хоув, Рузвельт в конце концов склонил чашу своих внутренних весов в пользу принятия предложения баллотироваться на губернаторский пост.

Избирательная кампания проводилась с привычным уже Рузвельту размахом. Он пересаживался с поезда на автомобиль, за которым следовали обычно еще два — с представителями прессы, помощниками, стенографистами, а также техническими средствами пропаганды, в том числе мимеографом (ротатором) для оперативного размножения документов и текстов речей.

В окружении Рузвельта появились новые люди. Особенно важна была помощь Сэмюэла (Сэма) Розенмана (1896— 1973). Окончивший Колумбийский университет в Нью-Йорке и представлявший в двадцатые годы Демократическую партию в ассамблее штата Нью-Йорк, Розенман сблизился с Рузвельтом как раз во время губернаторской избирательной кампании. Его вначале попросили помочь кандидату на губернаторский пост в подготовке нескольких предвыборных выступлений, что он и сделал. Однако, ознакомившись с текстами, Рузвельт внес такие изменения, которые Розенман счел не просто удачными, а бьющими прямо в цель. Франклин добавил несколько игривого колорита, который тут же сменялся убедительными статистическими данными. Так Розенман и Рузвельт стали учиться друг у друга искусству подготовки политических

выступлений.

Сэм глубоко проник в строй мыслей, политические взгляды, манеры Рузвельта как политика и оратора и на многие годы стал его спичрайтером, причем писал выступления так, что в большинстве случаев сам оратор не вносил в них ни одного исправления. С 1933 года Сэм продолжил эту работу уже в качестве помощника Рузвельта-президента. Именно он в 1938—1950 годах был редактором тринадцатитомного собрания выступлений своего шефа, причем в их числе было немало текстов, написанных им самим{211}. Об этом еще будет сказано.

Еще одним новым лицом стала секретарша Грейс Тулли, которая вместе с Мисси Лихэнд оказывала Франклину максимальную техническую помощь.

На губернаторских выборах, состоявшихся одновременно с президентскими вначале ноября 1928 года, Рузвельт одержал победу незначительным большинством — всего в 25 тысяч голосов (при 4,2 миллиона голосовавших) над кандидатом республиканцев Альбертом Оттингером. В то время острили, что он стал «полупроцентным губернатором».

Однако и сам Франклин, и его советники, прежде всего примирившийся с неизбежным и активно включившийся в кампанию Луис Хоув, и нейтральные наблюдатели считали эту победу весомой, имея в виду престиж оппонента. Оттин-гер, в недавнем прошлом министр юстиции США, прославился непримиримой борьбой против бандитских шаек, рэкетиров, гангстеров.

Разумеется, победа Рузвельта на выборах в Нью-Йорке никак не компенсировала неудачи демократов в президентской гонке. Однако она свидетельствовала, что и наиболее заслуженные республиканские деятели с их консервативными установками на соблюдение «сухого закона», недоверчивым отношением к религиозным и национальным меньшинствам, колебаниями в вопросе о предоставлении равных политических прав женщинам, явной идеализацией моральных ценностей провинции и сельской Америки проигрывают, вступая в конкуренцию с динамичными городскими деятелями. Это было тем более значительно, что победа, хотя и очень скромная, досталась Рузвельту в условиях еще продолжавшегося экономического процветания, успехи которого приписывали республиканцам. К тому же в национальном масштабе победил обладавший бесспорным авторитетом республиканский кандидат Гувер.

Многие наблюдатели, правда, объясняли, что в космополитичном Нью-Йорке традиционно правят демократы, так что ничего удивительного в победе Рузвельта нет. Их оппоненты

обоснованно возражали, что выборы 1928 года были особыми, поскольку на них безусловно доминировали республиканцы, а мегаполис теперь выбирал не между каким-то республиканским кандидатом и проверенным Смитом, а между одним из известнейших политиков Республиканской партии и находившимся почти десятилетие в тени кандидатом демократов.

Результаты нью-йоркских выборов 1928 года свидетельствовали о продолжавшемся повороте общественного мнения в пользу урбанистических ценностей, прогрессизма.

Предвыборная программа Рузвельта носила общий характер. В центре ее стояла необходимость усилить внимание к апстейту (провинции) штата, к аграрному сектору. Вместе с тем звучали идеи о необходимости более активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь и государственной помощи малоимущим гражданам. Накануне вступления в должность он выступил с предложением о введении социального страхования, в частности по болезни. Он характеризовал свои взгляды как «социальные», а не «социалистические», в то же время подчеркивая верность традиционному либеральному лозунгу, что лучше всего то государство, власть которого меньше всего ощущается{212}.

Прогрессистские ориентиры

Незадолго до выборов 1928 года Рузвельт выступил со статьей, свидетельствовавшей, что он как бы закрепляет за собой право на участие в решении не только местных, внутренних, национальных, но и международных проблем, с которыми сталкивались Соединенные Штаты. Проконсультировавшись с известным дипломатом, в прошлом заместителем государственного секретаря при Вильсоне Норманом Дэвисом (теперь тот был представителем США в комиссии Лиги Наций по подготовке к международной конференции по разоружению), который прислал ему нечто вроде тезисов будущей статьи{213}, Рузвельт опубликовал свою работу в ведущем американском журнале по внешнеполитическим проблемам «Форин афферс»{214}.

Это было не первое вторжение Рузвельта в область дипломатии. Еще в 1923 году он, полагая, что страна нуждается не просто в карьерных дипломатах, а в специалистах по внешней политике с широким образовательным кругозором, стал одним из основателей Школы международных отношений в университете имени Джонса Гопкинса в Балтиморе (часть университета находится в городе Вашингтоне, и именно там разместилась школа). Существовавшая до 1955 года, эта школа подготовила большое число высококвалифицированных сотрудников Госдепартамента, зарубежных посольств, журналистов-международников и т. д.{215} Параллельно с ней с 1943 года при университете стала функционировать Высшая международная школа, что, собственно, и привело к ликвидации первого учебного заведения во избежание дублирования.

Статья в авторитетном журнале была прямым вызовом изоляционистской политике администрации. Республиканцы ничего (или почти ничего) не сделали для решения острых проблем мирового сообщества, писал автор. Он не требовал, чтобы его страна вступила в Лигу Наций, но не потому, что это противоречит интересам американцев, а лишь по той причине, что общественное мнение еще не созрело. США должны поддерживать усилия Лиги, направленные на укрепление международной стабильности, активно содействовать начинаниям организации, участвовать в проводимых ею конференциях и т. п. Что же касается Западного полушария, то Рузвельт высказывался за более гибкую политику в странах этого региона, за отказ от «дипломатии канонерок», от «большой дубинки», за решение всех вопросов на основе консультаций с

соответствующими странами. Только на этой базе, по его мнению, США могли предоставлять одностороннюю помощь латиноамериканским государствам или участвовать в многосторонней помощи.

В статье был затронут вопрос о так называемом пакте Бриана—Келлога, подписанном в Париже 27 августа 1928 года[15], предусматривавшем «отказ от войны как средства национальной политики» (пакт подписал затем еще ряд стран, в том числе СССР). В то время как подавляющее большинство политиков и экспертов прославляли этот договор, Рузвельт высказал о нем самое негативное мнение: «Он ведет в Америке к фальшивой вере, что мы сделали большой шаг вперед. Но он никоим образом не вносит вклад в решение вопросов международных противоречий»{216}.

Статья отчетливо свидетельствовала о том, что Франклин стал обдумывать конкретные аспекты внешней политики своей страны с позиций потенциального будущего президента.

Первого января 1929 года Франклин Делано Рузвельт впервые вошел в кабинет губернатора штата Нью-Йорк в городе Олбани в качестве его хозяина.

Он стремился как можно быстрее освоиться с новой должностью, но этому явно не способствовала тень бывшего губернатора, любимца ньюйоркцев Эла Смита. Эта тень имела весьма зримые очертания, ибо отражала вполне реальную фигуру, амбиции, привычки, нрав человека, который еще недавно чувствовал себя хозяином всего штата, включая и мегаполис, а теперь, проиграв президентские выборы, оказался не у дел.

Смит вел себя так, как будто именно он продолжал оставаться вершителем судеб штата. Он забронировал в одном из лучших отелей Олбани роскошную резиденцию для себя и своих помощников, чтобы «помогать» новому губернатору в работе. Он настаивал на том, чтобы его бывший секретарь Белл Московиц работала вместе с Рузвельтом над текстом его речи при вступлении в должность, а затем стал требовать, чтобы она осталась постоянным секретарем губернатора. Ведя себя доброжелательно и примирительно по отношению к предшественнику, Франклин давал вроде бы утвердительные, но вместе с тем неопределенные ответы на этот и другие советы, в частности о переназначении секретарем штата (фактически помощником губернатора) близкого к Смиту Роберта Мозеса — того самого, которого Рузвельт возненавидел, когда возглавлял комиссию по управлению государственным парком на севере штата, и который взлетел по карьерной лестнице в последние годы.

Справедливость требует отметить, что все эти люди, и Московиц прежде всего, были опытными работниками, хорошо знали проблемы штата и действительно могли оказать Рузвельту неоценимую помощь. Сознавая это, он, однако, стремился к тому, чтобы поскорее выбраться из цепких объятий Смита и его приспешников, выработать собственную линию поведения. Между Рузвельтом и Смитом стало нарастать охлаждение, которое затем переросло во взаимное раздражение, а позже и в открытую враждебность, причем переход от одного этапа к другому происходил очень быстро.

Обычно гибкий и осторожный в оценках, Рузвельт несколько раз допустил негативные высказывания в адрес Смита. Правда, это было сделано в приватных разговорах да и касалось частностей. Но Джеймс Кокс, вместе с которым Рузвельт участвовал в избирательной борьбе 1920 года, оказался несдержанным на язык — сообщил Смиту, что его преемник отозвался о нем не очень почтительно.

Критика отдельных недостатков администрации Смита была воспринята им крайне болезненно. Он, успешно возглавлявший администрацию штата четыре срока (восемь лет) и немало сделавший для продвижения Рузвельта, счел себя обманутым. Слухи обрастали деталями и вскоре приобрели фантастические формы. В результате в печати появилась анонимная статья, подписанная «Джентльмен из замочной скважины», в которой утверждалось, будто Рузвельт заявил: «Смит был гнилым губернатором. Я этого не знал до тех пор, пока сам не оказался в губернаторском кресле»{217}. Правда, Рузвельт отреагировал на эту публикацию со всей определенностью, заявив: «Любой человек, который распространяет истории такого рода, не просто лжец, а презренный лжец».

Но отношения между ними были вконец испорчены. Смит перестал общаться с Рузвельтом и не упускал случая, чтобы подвергнуть жесткой критике его мероприятия. (Когда Рузвельт станет президентом и начнет проводить свой «Новый курс», Эл Смит окажется одним из наиболее упорных его оппонентов в собственной партии.)

Пока же исполнительная Белл Московиц подготовила для нового губернатора инаугурационную речь. Каковы же были удивление и недовольство Смита, какова была обида самой Белл, когда при официальном вступлении в должность Франклин не включил в свое выступление ни слова из столь ярко написанного текста! Прошло еще несколько дней, и Белл объявили, что губернатор весьма ценит ее заслуги, признателен за помощь, но в услугах уважаемой леди более не нуждается.

Видимо, в ее увольнении сыграло роль и мнение Элеоноры, которая после вроде бы дружеской беседы с ней написала мужу, что она — очень приятная женщина. «Но ты должен решить, кто будет губернатором штата — ты или миссис Московиц. Если миссис Московиц останется твоим секретарем, она будет тобой управлять, причем так, что ты и сам не поймешь, что тобой управляют. Всё будет организовано так тонко, что, когда дело дойдет до тебя, покажется естественным то, что миссис Московиц уже решила»{218}.

Своим секретарем Рузвельт назначил молодого Гернси Кросса, о котором злые языки говорили, что единственным его позитивным качеством было то, что он, человек физически сильный, может оказывать помощь Рузвельту во время общественных мероприятий, попросту передвигая его с места на место{219}.

Вслед за этим Рузвельт стал частично заменять высшую администрацию штата, назначая на место уволенных своих людей, часто, как в случае с Б. Московиц, в ущерб делу. Вместо того чтобы оставить на своем посту великолепного специалиста по городским коммуникациям Р. Мозеса, он устранил его, переведя на должность, которую тот занимал раньше, — руководителя администрации парков. Мозес, человек небогатый, вынужден был принять это унизительное для него назначение, так как иначе попросту оказался бы без работы. «Он некрасиво пощекотал меня» — так пренебрежительно отозвался губернатор об этом чиновнике{220}. Оказавшись теперь в подчинении Рузвельта и вроде бы примирившись с этим, несдержанный на язык Мозес не раз доставлял ему неприятности. Он открыто говорил, что губернаторский особняк теперь занимает очаровательный джентльмен, но человек весьма посредственных способностей, «вшивый губернатор». Рузвельт вынужден был мириться с этим, так как подписал с Мозесом контракт, гарантировавший тому работу по руководству парками, однако при любой возможности ставил ему палки в колеса.

Среди черт Рузвельта-политика всё больше проявлялась нетерпимость к критике, которая удивительным образом сочеталась с внимательным выслушиванием и учетом мнений советников и помощников при подготовке решения. Но коль оно принято — отменить или пересмотреть его может только он сам. Профессор Колумбийского университета Р. Тагуэлл писал: «Франклин уже в то время был склонен, хотя на публике сохранял хорошую мину при плохой игре, рассматривать критику в лучшем случае как недружественную акцию, а в худшем как предательство. Он решительно не терпел даже попытки поставить

под сомнение его намерение»[221].

Губернатор назначил своим заместителем Эдварда Флинна, демократа из Бронкса, неплохого администратора, но известного только в пределах своего района, да и знавшего преимущественно эту часть Нью-Йорка. Еще одним заместителем губернатора стал видный и опытный банкир Герберт Леман, избранный на этот пост «в связке» с Рузвельтом. Это был активный член Демократической партии, руководитель ее финансового комитета. Должность Немана была выборной, сродни посту вице-президента в общегосударственном масштабе; он являлся своего рода резервной фигурой, чтобы замещать начальника, когда тот отсутствует. Действительно, Леман исполнял обязанности губернатора во время довольно частых выездов Рузвельта, особенно в Уорм-Спрингс. Но сколько-нибудь самостоятельной политики он не проводил, послушно исполняя все указания, которые получал от начальства. Когда Рузвельт станет президентом, Леман будет избран губернатором штата Нью-Йорк, и его курс окажется полностью соответствующим всем программам Рузвельта.

Так что новый губернатор имел теперь вполне верных помощников.

Правда, большинство руководителей отделов были оставлены на своих постах, но и это лишь демонстрировало жесткое намерение Рузвельта стать «хозяином в собственном доме». Удачным было назначение Френсис Перкинс руководителем отдела промышленности.

Смит всё больше ощущал, что его сознательно игнорируют. Чашу его терпения переполнило предложение Рузвельта, вроде бы вполне серьезное, назначить его начальником «Порт Осорити» — центральной нью-йоркской автобусной станции, что конечно же было отъявленным издевательством.

Через два года в состоянии глубокого раздражения, топая ногой от переполнявших его чувств, Эл говорил собеседникам: «Он никогда не консультировался со мной ни об одной чертовой мелочи с тех пор, как стал губернатором»[222]. Вторя ему с другого полюса, Ф. Перкинс вспоминала, что Рузвельт не раз делился с ней решимостью стать действительным губернатором Нью-Йорка. «И я намерен быть им самостоятельно», — повторяла Френсис его слова[223].

Рузвельт поставил перед собой весьма амбициозную задачу превзойти достижения предшественника, который был подлинным рачительным хозяином незаботливым руководителем огромного штата. Жители Нью-Йорка и его апстейта были благодарны Смиту за меры по ограничению квартплаты в

перенаселенных городах, за строительство на железнодорожных переездах мостов и тоннелей, устранивших опасность столкновений и катастроф, за разбивку парков и прокладку шоссейных дорог, за капиталовложения в медицинское обслуживание, за существенное сокращение прямых налогов.

Впрочем, склонные к критицизму американцы подсмеивались над Смитом, говоря, что он был настолько типичным горожанином, что не мог отличить домашнюю лошадь от мустанга и, увидев из окна вагона «лошадь» где-то в чистом поле, задал кондуктору вопрос: «А как же она доберется домой?»

Но это были мелочи. Когда Смит вступил на губернаторскую должность, он унаследовал почти 190 административных агентств, значительная часть которых была фактически независима от высшей власти штата. За годы своего правления этот талантливый руководитель сократил аппарат до восемнадцати отделов, непосредственно отвечавших перед губернатором. В результате Рузвельт получил после него такой эффективный исполнительный механизм, что его не было необходимости реорганизовывать — теперь он служил исполнению тех решений, которые новый руководитель штата намечал и неуклонно стремился провести в жизнь.

* * *

Планируя свои действия, Рузвельт должен был считаться с тем огромным препятствием, которое на протяжении ряда лет портило кровь его предшественнику: в легислатуре штата сохранялось республиканское большинство и некоторые мероприятия приходилось проводить с огромным трудом, часто с существенными уступками и изъятиями. Поэтому первый весомый поворот, который вскоре ощутили жители штата, состоял в том, что новый губернатор, сохраняя внимание к городским проблемам, одновременно стал подчеркивать важность решения вопросов, волновавших мелкие населенные пункты в провинции.

Такой курс вполне соответствовал концепции Рузвельта и в то же время свидетельствовал о важном тактическом ходе с целью смягчить оппозицию республиканцев при обсуждении его предложений. Одновременно приходилось балансировать, чтобы сохранить дружеские и деловые отношения с депутатами от собственной партии, ибо между ними также было немало противоречий, в частности между сторонниками и противниками бывшего губернатора. Умело играя на этих противоречиях и

выступая в роли примирителя, модератора, успокоителя страстей, Рузвельт смог и приручить однопартийцев, и привлечь к конструктивному сотрудничеству значительную часть республиканцев. Можно согласиться с выводом П. Реншоу: «Ни один политик из поколения Рузвельта не имел лучшего чувства реальности применительно к власти. Долгая борьба за самовосстановление после того, как его поразил полиомиелит, преобразовала политического плейбоя в жесткого, расчетливого функционера»{224}.

Став губернатором, Рузвельт попытался сразу же найти те административные рычаги, на которые следовало нажать, чтобы достичь реального улучшения жизни и быта самых широких слоев населения штата. При этом он продемонстрировал стремление находиться на уровне современных технических достижений и, таким образом, выделился, проведя вполне очерченную грань между собой и предшественником, по сравнению с которым отличиться было нелегко.

Одним из таких рычагов он счел введение за счет бюджета штата с привлечением частного капитала ряда технических новинок для снабжения населения дешевой электроэнергией. По инициативе губернатора была проведена техническая экспертиза, а затем началось строительство плотин с небольшими электростанциями на быстрых реках. Летом 1929 года Рузвельт выдвинул также идею сооружения более мощных электростанций на реке Святого Лаврентия, причем с учетом того, что она протекает по территории двух стран, здесь началось взаимовыгодное сотрудничество с канадскими властями и фирмами.

Правда, за время губернаторства Рузвельта дело не продвинулось дальше переговоров и технических проектов, но результаты сказались позже, уже в то время, когда он был президентом. Одновременно шло строительство линий электропередач, причем лицензии на него выдавались строго на конкурсной основе, что позволило сэкономить средства, а затем и снизить тарифы на энергию. Политический вес Рузвельта благодаря техническим новинкам явно стал расти.

Вслед за мерами в области электрификации наступила очередь обратиться к вопросам охраны природы, озеленения и поддержки земледелия. Губернатор провел через легислатуру ряд законов и постановлений, предусматривавших восстановление лесов, в частности путем выкупа заброшенных ферм за счет бюджетных средств. Некоторые советники губернатора настаивали на том, чтобы такие угодья просто конфисковались, но Франклин счел, что это было бы весьма опасным прецедентом,

который мог привести к охлаждению к нему сельского населения. Выкуп же означал дополнительный доход для тех, кто уже махнул рукой на свои земельные владения, и это предложение получило одобрение как жителей штата, так и критически присматривавшихся к мерам нового губернатора журналистов.

Обе группы губернаторских инициатив были хорошо сбалансированы: первая привлекла большее внимание городского населения, но отнюдь не была чужда интересам фермеров, вторая соответствовала чаяниям людей, связанных с землей, однако встретила положительный отклик и в городах, прежде всего в Нью-Йорке, страдавшем от недостатка зелени. В самом мегаполисе началась разбивка новых парков, а существовавшие зеленые зоны по возможности расширялись или, по крайней мере, засаживались новыми породами деревьев и кустарников, в дополнение к которым создавались живописные цветники.

Губернатору приходилось заниматься и значительно менее приятными, мелкими, порой скандальными делами. Он был вынужден мириться с тем, что, стремясь максимально ограничить и замедлить введение его законодательных инициатив, легислатура штата поднимала кучу тривиальных вопросов, по каждому из которых принимались законы или обязательные постановления. За первые три месяца пребывания в Олбани новый губернатор получил на подпись около девятисот актов, в том числе немало анекдотических — например о разрешении пользоваться пятью крючками вместо трех при ловле определенных видов рыбы. Приходилось внимательно читать все эти бумаги, некоторые подписывать, на другие накладывать вето. Последние возвращались в легислатуру, которая стремилась преодолеть вето двумя третями голосов — чаще безуспешно, но иногда Рузвельт терпел поражение.

Первое открытое столкновение с легислатурой произошло при утверждении бюджета штата. Рузвельт требовал, чтобы законодательный орган утвердил только общую сумму бюджета, предоставив возможность исполнительным властям распоряжаться деньгами в ее пределах. Законодатели желали, чтобы бюджет был подробно расписан по всем статьям расходов. Губернатору пришлось подчиниться. На этот раз бюджет был утвержден сравнительно быстро, но в него включена масса изменений, которые резко ущемляли власть губернатора. Рузвельт наложил вето на закон, легислатура вновь его утвердила. Пришлось обращаться в апелляционное отделение Верховного суда штата. Его решение гласило, что распределение бюджетных сумм по отдельным статьям — дело исполнительной власти, а вмешательство законодательного органа в эту область

носит неконституционный характер.

Это была немалая победа Рузвельта. Он получал со всей страны поздравительные письма, в которых говорилось, что принятое решение войдет в историю как одна из фундаментальных основ современного правления. Более того, в нескольких штатах возникли клубы друзей Рузвельта, а это означало явный кредит доверия.

Впервые в своей деятельности Рузвельт в это время столкнулся с пенитенциарной системой Америки. Губернатору пришлось познакомиться с местами исполнения наказаний: тюрьмами, тюремными фермами и мастерскими, центрами приема, диагностики и классификации, а также тюремными больницами и центрами лечения алкогольной и наркотической зависимости. Оказалось, что заключенные порой содержатся в невыносимых условиях. Как раз вскоре после избрания Рузвельта губернатором, летом 1929 года, произошел один из наиболее крупных бунтов — в Клинтонской тюрьме, которую прозвали «нью-йоркской Сибирью». Около 1300 заключенных подожгли здания и начали штурм стен. При подавлении беспорядков трое бунтовщиков были убиты, несколько десятков ранены.

Губернатор весьма серьезно воспринял этот знак. По его распоряжению была осуществлена общая проверка состояния тюрем, выявлены многочисленные случаи коррупции и элементарного воровства. Последовали увольнения, судебные процессы. Не ограничившись этим, Рузвельт провел через легислатуру решение о срочном строительстве в городке Аттика новой тюрьмы, которая была открыта уже в 1930 году и оценена прессой как «рай для заключенных». Здесь были кафетерий, кровати с матрасами и даже радиоточки в каждой камере{225}.

Одновременно Рузвельт провел закон, предоставивший возможность освобождать приговоренных к пожизненному заключению после пятнадцати лет пребывания в тюрьме, сокращать срок заключения за хорошее поведение, создавать поселения с менее строгим режимом содержания и предоставлением преступникам возможности работать за их пределами. Все эти меры были явной гуманизацией уголовного законодательства, создавали модель, которой следовали другие штаты, а после избрания Рузвельта президентом — вся страна.

В пятидесяти километрах к северу от Нью-Йорка в местечке Оссининг находилась самая крупная в США тюрьма Синг-Синг, имевшая зловещую славу, так как именно в ней, как правило, сидели приговоренные к смертной казни на электрическом стуле. Кроме того, в ней был крайне суровый режим, узники подвергались телесным наказаниям, использовались на поистине

каторжных работах в расположенном по соседству мраморном карьере. Правда, в тридцатые годы в тюрьме появились библиотека и больница, но режим не смягчался. Рузвельту пришлось приложить немало усилий, чтобы с заключенными этой тюрьмы обходились более гуманно.

Согласно существовавшим правилам приговоренные к смерти могли непосредственно перед казнью обращаться к губернатору с прошением о помиловании. Казни проводились ночью по четвергам, и такие ночи для Рузвельта были мучительными. Ему звонили из тюрьмы, и он выносил окончательный смертный приговор или сохранял узнику жизнь. Это были бессонные ночи, и секретарь Мисси Лихэнд обязательно договаривалась о том, чтобы кто-то из друзей приезжал к губернатору, всю ночь играл с ним в карты, отвлекая от мыслей о поистине мучительной повинности, связанной с решением, которое должно быть прерогативой Бога, — даровать людям жизнь или лишать ее.

Губернатора штата Нью-Йорк начинали ценить в академических кругах, полагая, что его гуманитарные меры могут послужить образцом для подражания в других штатах. Ему стали присуждать почетные ученые степени. Рузвельту было особенно приятно получить степень в альма-матер — Гарварде, профессора которого, особенно экономисты, социологи и политологи, внимательно присматривались к губернаторским мероприятиям.

Не прошло и года после переезда Рузвельта в губернаторский особняк в Олбани, как на США, а вслед за ними на другие страны обрушился тягчайший за всю историю экономический кризис — как его стали называть в Америке, Великая депрессия. Кризис начался с катастрофического падения курса акций на нью-йоркской бирже 24 октября 1929 года. За день, получивший название «черный четверг», было продано около тринадцати миллионов акций. За ним последовал «черный вторник» 29 октября, когда этот показатель был превзойден на три миллиона. Влиятельнейшая газета под заголовком «Фондовый рынок взрывается. “Черный вторник” завершает годы бума» писала: «Уолл-стрит сегодня рухнула. Цены на нью-йоркской фондовой бирже катастрофически упали во время очень тяжелых торгов. Всего лишь за несколько часов национальные компании потеряли десять миллиардов долларов. Акции, которые продавались за 20, 30 и 40 долларов всего лишь несколько недель назад, рухнули так, что теперь они стоят центы, так как происходит отчаянная гонка, чтобы их продать»{226}. За неделю паники на бирже было потеряно около 30 миллиардов долларов (больше, чем все расходы правительства за время мировой войны).

Вначале казалось, что речь идет о случайном, хотя и крайне

пагубном крахе биржевых спекулянтов. Но взрыв на бирже не просто вызвал эффект домино, но и был порожден глубокими экономическими причинами, связанными с неконтролируемыми капиталовложениями, строительной, торговой и промышленной лихорадкой, неплатежеспособным спросом на избыточные товары, высокими таможенными тарифами, фактически преграждавшими доступ европейской продукции на американский рынок.

В результате последовало разорение свыше пяти тысяч американских банков, стоимость акций к 1933 году уменьшилась почти в пять раз. Девять с лишним миллионов рядовых граждан США лишились своих сбережений. Одно за другим закрывались промышленные предприятия, прекращали существование строительные фирмы. Каждую неделю примерно 100 тысяч человек лишались работы, к 1932 году число безработных выросло до 12 миллионов, а в следующем году к ним прибавились еще два миллиона человек. Доходы фермеров сократились на 60 процентов, цены на сельхозпродукты упали в два-три раза, но рядовые городские жители отнюдь не торжествовали по этому поводу, так как их покупательные возможности подчас сводились к нулю.

«Страна была на волосок от гибели, — говорил по этому поводу Рузвельт. — Страна погибала»{227}. Во много раз увеличилось число самоубийств. Известный журналист Уильям (Уилл) Роджерс язвительно написал о глубочайшем противоречии между вчерашним и нынешним днем американца: «Мы стали первой нацией в истории человечества, отправившейся в приют для нищих в автомобиле»{228}.

Из Соединенных Штатов кризис распространился на страны Латинской Америки и Европу, где катастрофа оказалась ничуть не меньшей.

Президент Гувер при всем своем государственном опыте поначалу не мог в должной мере осознать, что же, собственно, произошло. В марте 1930 года он объявил, что самые тяжелые последствия краха, в частности в области безработицы, будут преодолены в ближайшие 60 дней. На самом деле Великая депрессия продолжалась еще более трех лет, а последствия ее весьма болезненно ощущались как в Америке, так и за ее пределами вплоть до Второй мировой войны.

Став губернатором, Рузвельт почувствовал, что американское процветание сопряжено с серьезными проблемами. Он знал, что цены на сельскохозяйственную продукцию из года в год падают, что закон Макнери—Хогена о субсидиях фермерам, частично покрывающих их убытки, многократно проводимый через

конгресс, но каждый раз получавший вето президента, только маскировал углублявшуюся хозяйственную дыру. В соответствии с ним намечалось создать федеральное агентство, которое должно было поддерживать цены на сельскохозяйственную продукцию, в частности на зерно, на уровне довоенных. Закупая продукцию, а затем продавая ее за рубеж по убыточным ценам, государство взяло бы на себя потери фермеров.

Рузвельту стало известно, что, несмотря на запрет Гувера, в ряде штатов сходные мероприятия проводятся в жизнь. Сам нью-йоркский губернатор повел себя осторожно: он не поддержал этот законопроект, не копировал его в законодательстве штата, но присматривался к нему, взвешивал позитивные и негативные стороны. Позже, став президентом, он использовал некоторые положения этого так и не введенного акта в своей политике вывода американского аграрного сектора из кризиса.

Рузвельту докладывали, что за шесть лет с 1923 года заработная плата рабочих в среднем выросла на десять процентов, тогда как производство — на 40. Хотя рабочие, особенно высококвалифицированные мастера, были более или менее удовлетворены таким положением, возникшая диспропорция означала, что перепроизводство товаров, всё менее пользовавшихся обеспеченным спросом, неизбежно даст себя знать в более или менее близком времени. Все эти проблемы, однако, не стояли в качестве непосредственной опасности, как бы перекрывались частными займами, дешевым и доступным кредитом, психологией «вечного» потребительского процветания. Возник гигантский мыльный пузырь, который мог прорваться в любой момент, что и произошло осенью 1929-го.

Ощущая, что не всё благополучно в американской экономике, Рузвельт, как и другие политики и специалисты в хозяйственной области, вначале не предполагал, что грядет катастрофа такого сокрушительного масштаба. Он тщетно надеялся, что меры, принимаемые на уровне штата, как и действия президента в общегосударственном масштабе, остановят начавшийся коллапс. В том, что он неправ, его убеждали Ф. Перкинс и особенно восходящая звезда на американском политическом небосклоне Гарри Гопкинс.

Гарри Ллойд Гопкинс (1890—1946) родился в небогатой семье, часто менявшей место жительства. Отец его сменил множество профессий — был шорником, коммивояжером, золотоискателем и т. д. Образование Гарри получил в колледже штата Айова, а после его окончания переехал в Нью-Йорк, где стал работать в благотворительных организациях. Вдумчивого, трудолюбивого молодого человека особенно ценили за почти

всегда точные экономические прогнозы. В 1913—1924 годах он руководил отделом в Ассоциации по улучшению условий жизни бедных, в 1924—1932-м являлся председателем совета директоров нью-йоркской ассоциации по вопросам борьбы с туберкулезом.

Гопкинс познакомился с Рузвельтом в разгар избирательной кампании 1928 года. На Гарри эта встреча произвела огромное впечатление. Рузвельту также понравился этот человек, близкий ему и по манерам, и по взглядам. Хотя Гопкинсу вначале не было предложено место в администрации штата, он стал часто бывать в Олбани, высказывал губернатору советы, прогнозы, предложения, которые принимались к сведению. Так началось сотрудничество с Гарри Гопкинсом, которое станет особенно тесным в военные годы.

Пока же, вначале 1930-го, Перкинс, а затем и Гопкинс стали снабжать губернатора данными о том, что безработица в штате Нью-Йорк, как и по всей стране, развивается катастрофическими темпами. Возникала острая необходимость в оказании помощи людям, не просто потерявшим работу, а уже страдавшим от голода и холода. Помимо чисто гуманитарных соображений, Рузвельт учитывал и опасность социального взрыва, которым была чревата ситуация, если не принять немедленные меры.

* * *

Между тем весной 1930 года появились первые грозные признаки недовольства низов. 6 марта на улицы вышли почти полтора миллиона человек, требовавших работы и хлеба. Полиция разогнала демонстрантов, но причины недовольства нельзя было устранить силой. Власти штата с согласия городской администрации разрешили нищим ночевать на баржах в нью-йоркском порту. Радикализм губернатора возрастал по мере усиления кризиса. В выступлениях он стал резко отзываться о недостатках американской экономической системы. Рузвельт завоевывал себе славу трибуна, ставя в то же время реальную цель — переизбрание на губернаторский пост.

В таких случаях Рузвельт не колебался. По его распоряжению в конце августа 1931 года была образована Временная чрезвычайная администрация помощи *(Temporary Emergency Relief Administration — TERA)*. Губернатор Нью-Йорка оказался первым в США местным руководителем, выступившим инициатором помощи безработным и другим категориям нуждающихся, а *TERA* стала первым государственным учреждением такого рода. Как

подчеркивалось в положении о ее создании, *TERA* оказывала помощь «не в порядке благотворительности, а в качестве социального долга»{229}. Она финансировалась за счет специального прогрессивно-подоходного налога, колебавшегося от 26 долларов с десятитысячного дохода до 1128 долларов с дохода свыше ста тысяч. Работа *TERA* стала примером для подобных учреждений, которые возникли в некоторых других штатах, а затем и для аналогичной инициативы в общегосударственном масштабе.

Вначале Рузвельт считал, что *TERA* нужна на краткий срок, ибо, как и подавляющее большинство американцев, не оставлял надежд на то, что безработица рассосется сама собой. Чтобы не дразнить гусей, он поставил номинальным председателем администрации одного из руководителей крупнейшей торговой фирмы «Мейсис» Джесси Стросса. Тот в свою очередь предложил Рузвельту назначить директором-распорядителем энергичного Гарри Гопкинса. В 1932 году место Стросса, получившего назначение на пост посла во Франции, занял Гопкинс. Под его руководством администрация превратилась в мощный инструмент смягчения тягот рядовых жителей штата, страдавших от кризиса. По инициативе *TERA* и вне ее, непосредственно следуя распоряжениям губернатора, в штате были проведены мероприятия по ограничению детского труда, уменьшению налогового давления на фермеров, пенсионному обеспечению пожилых людей.

Уже в первый год пребывания на губернаторском посту Франклин ввел в обычай инспекционные поездки, для которых использовал небольшой пароход, названный «Инспектор», который даже мог выходить в открытый океан. Но обычный маршрут пролегал от Олбани до Буффало, затем по озеру Онтарио, реке Святого Лаврентия и, наконец, вновь по каналам к реке Гудзон и в Нью-Йорк. На остановках Рузвельта ожидали автомобили, и он имел возможность добраться в самую глубинку, чтобы проверить работу подведомственных штату школ, приютов, больниц, тюрем и других учреждений, собственными глазами увидеть состояние дел.

Почти все мероприятия губернатора встречались в штыки легислатурой, в которой преобладали республиканцы. Особо острая борьба развернулась в апреле 1930 года, когда Рузвельт наложил вето на три дополнения к бюджету, проведенные законодателями и грозившие тяжелейшим образом отразиться на финансовом положении штата, усугубив и без того высокую инфляцию. Оппоненты Рузвельта утверждали, что он нарушает Конституцию США, и Верховный суд штата признал его действия

незаконными. Губернатор, однако, был упорен. Он обратился в Верховный суд страны, который, несмотря на преобладание в нем республиканцев и традиционную консервативность, поддержал губернатора. По всей видимости, решающую роль сыграло экономическое состояние штата, весьма живописно представленное в специальном меморандуме губернатора. Решение Верховного суда США было большой победой Рузвельта, укрепившей его позиции не только в штате, но и в масштабах государства.

Сражаться приходилось далеко не только с законодателями-оппозиционерами. Установившиеся ранее терпимые отношения с Таммани-холлом вскоре после избрания Рузвельта были нарушены в результате как острых разногласий внутри самой высшей партийной бюрократии, так и скандального поведения мэра Нью-Йорка Джеймса Джона (Джимми) Уокера. Этот довольно легкомысленный разговорчивый красавчик (его называли плейбоем), ставший мэром в 1926 году, по сути дела, покровительствовал коррупции в собственной администрации и скорее всего сам был в ней замешан, хотя убедительных доказательств этого не имелось. Однако всем было известно, что весельчак Джимми, автор популярных песенок «Полюбишь ли ты меня в декабре, как я любил тебя в мае?» или «Поцелуй за меня всех девушек», любитель развлечений, особенно кино и бокса, менее всего занимается делами городской администрации. Не только в Нью-Йорке, но и по всей стране рассказывали об аферах Уокера с «хористочками», которых он менял одну за другой.

Франклин не раз пытался призвать Джимми к порядку, тем более что у них были неплохие личные отношения, а в 1928 году именно Уокер выдвигал кандидатуру Рузвельта на губернаторский пост. Уговоры стать серьезнее и заняться чисткой собственной администрации ни к каким результатам не приводили. Рузвельт буквально впал в ярость, когда Уокер, несмотря на тягчайший дефицит городского бюджета, установил всего лишь пятицентовую стоимость проезда в городском метрополитене, что, разумеется, резко повысило его популярность среди горожан, но до предела отяготило городской бюджет. В 1929 году он был переизбран мэром, добившись победы над кандидатом республиканцев экономистом и предпринимателем Фиорелло Л а Гуардиа.

В конце концов Рузвельт образовал специальную комиссию под руководством судьи Сэмюэла Сибери для расследования жалоб на администрацию мэра. Полтора года шла ее скрупулезная работа, подтвердившая почти все нарушения, о которых трубила пресса. В частности комиссия обнаружила, что

на улицах Нью-Йорка полиция хватала ни в чем не повинных людей, обвиняла их в вымышленных преступлениях, затем появлялись профессиональные «свидетели», которые за мзду подтверждали обвинения. Перед несчастными возникала дилемма: платить взятку или отправляться в тюрьму. Бурный скандал разразился, когда обвиненная в проституции женщина, допрошенная комиссией Сибери и признанная невиновной, была через несколько дней обнаружена убитой в парке Бронкса, а ее дочь-подросток вслед за этим совершила самоубийство{230}.

Преступная безответственность Уокера была убедительно доказана. Что же касается мер, которые следовало бы принять по результатам работы комиссии, то Рузвельт явно колебался. Даже летом 1932 года, когда его кандидатура была выдвинута на президентский пост и он мог воспользоваться нью-йоркским примером, чтобы продемонстрировать свою решимость покончить с коррупцией, он все еще не проявлял уверенности. «Может быть, мне стоит оставить в покое, послать к черту этого маленького мэра, ограничившись только выговором?» — «Нет, это будет слишком слабо», — как бы отвечал он сам себе{231}. После недолгих колебаний Рузвельт поддержал отставку Уокера, а тот был вынужден сбежать в Европу, чтобы не попасть под уголовное преследование.

При этом губернатор внимательно следил за тем, чтобы обо всех его распоряжениях немедленно сообщалось по радио, поскольку информация в прессе запаздывала по крайней мере на день, а кроме того, масса американцев не любила или даже не умела читать. Поэтому администрация в Олбани позаботилась о том, чтобы радиосеть действовала по всему штату. На городских площадях крупных центров, прежде всего мегаполиса, в небольших поселках и даже на фермах устанавливались «громкоговорители». Сообщения о национальных и международных новостях, о спортивных состязаниях и криминальных происшествиях исправно перемежались информацией о мерах, проводимых администрацией штата для преодоления бедствий, а в промежутках звучала популярная музыка, еще более привлекавшая внимание слушателей.

И опять-таки Рузвельт оказался первым американским политиком, полностью осознавшим важность радиопропаганды. Этот опыт также будет всячески использован после его избрания на президентский пост, в частности в почти сразу начатых радиобеседах «у камина». «Мне кажется, — говорил Рузвельт в это время, — что радио постепенно доносит до ушей наших людей интересующие их дела своей страны, которые они не хотят обсуждать, читая ежедневную прессу»{232}.

Его расчет оказался совершенно точным. Радиосообщениям население верило больше, чем газетам, к которым привыкло и которые, как оно убеждалось, нередко просто обманывали. Спустя десять лет, 30 октября 1938 года, доверие к радио сыграло с американцами шутку, когда по радиостанции Си-би-эс стал передаваться спектакль по роману Герберта Уэллса «Война миров». Актер, подражая голосу Рузвельта, читал заявление о введении чрезвычайного положения с призывом граждан к спокойствию, велся репортаж о наступлении марсиан на Нью-Йорк и т. п. Сообщение о высадке марсиан приняли за правду примерно миллион человек (шестая часть радиослушателей), возникла паника, которая каким-то чудом обошлась без жертв. Рузвельтовская оценка радио как незаменимого канала пропаганды полностью оправдалась. Он пригласил в Белый дом постановщика и ведущего скандальной передачи Орсона Уэллса и заявил ему: «Вы и я — два лучших актера в Америке».

Рузвельт оказался пионером в использовании еще одного средства массовой информации и пропаганды — документального звукового кино. Первые звуковые фильмы появились в 1927 году. А летом 1930-го, накануне очередных губернаторских выборов, в свет вышел первый в мире звуковой документальный политический фильм «Отчет Рузвельта», в котором с неизбежными преувеличениями рассказывалось о трудах губернатора на благо родного штата и который сыграл немалую роль в его переизбрании.

Во время своего губернаторства Рузвельт продолжал поддерживать тесную связь с адвокатской фирмой Генри Хэккетта из городка Пекипси в долине реки Гудзон. Это была фирма, услугами которой пользовались многие богатые семьи этой местности. Хэккетт заботился о том, чтобы налоговые декларации Рузвельта и его родных были заполнены правильно и отправлены по назначению в срок. Но, главное, именно через него губернатор помогал своим соседям по Гайд-Парку и окрестностям: позаботился о прокладке по минимальным ценам газовых труб на соседские фермы, об электроснабжении городка, об асфальтировании улиц и даже об обустройстве свинарников таким образом, чтобы минимизировать доносившийся оттуда неприятный запах{233}. Став президентом, Рузвельт продолжал заниматься подобными мелкими делами в интересах земляков, главным образом при посредничестве фирмы Хэккетта.

Расследование дела Уокера и связанные с ним скандальные разоблачения были новым ударом, который Рузвельту удалось нанести по Таммани-холлу. Губернатор, таким образом, активно вмешивался в общенациональные дела своей партии, добиваясь,

чтобы между нею и избирателями было как можно меньше «заинтересованных посредников», которые на поверку почти всегда оказывались коррумпированными политиканами. С этого времени когда-то мощное влияние Таммани-холла резко пошло на убыль. В пору президентства Франклина Рузвельта мэр Нью-Йорка Ф. Ла Гуардиа смог полностью его блокировать, превратив в маловлиятельную организацию, действовавшую только в пригородных районах мегаполиса, а затем она отмерла сама собой, прекратив существование в шестидесятые годы.

Губернатор готовится к борьбе за президентство

Как комплекс мер, принятых в первый кризисный год, так и умелое преподнесение их публике в качестве выдающейся заслуги Рузвельта (новаторство его административной деятельности было бесспорным, но оно всячески раздувалось в средствах информации, и прежде всего по радио) были решающими для переизбрания его на второй губернаторский срок в 1930 году

В октябре с большой помпой было проведено медицинское обследование губернатора в присутствии представителей двадцати двух страховых компаний, которые привезли с собой массу врачей. Они должны была засвидетельствовать реальное состояние здоровья губернатора.

Непосредственным поводом для обследования было распространение по всей стране анонимной брошюры, в которой заявлялось, что на самом деле Рузвельт болен не полиомиелитом, а сифилисом, что он основал бальнеологический курорт в Уорм-Спрингс именно для того, чтобы скрыть свое заболевание, и имеет наглость принимать ванны вместе с несчастными парализованными детьми{234}.

В результате разносторонней проверки было найдено, что Рузвельт в свои 48 лет имеет здоровье тридцатилетнего. Страховые компании выдали ему полисы на 560 тысяч долларов и при этом заявляли, что готовы даже увеличить сумму страховки до миллиона, хотя обычно ее величина не превышала 50 тысяч долларов.

Чуть забегая вперед сразу отмечу, что в 1931 году, когда республиканские деятели потребовали еще одной медицинской экспертизы, причем на этот раз ее должны были проводить подобранные ими врачи, Рузвельт вновь дал согласие. Специалист по внутренним болезням, кардиолог и психиатр пришли к единодушному выводу: «Его здоровье и выносливость таковы, что позволяют ему выдержать любые требования частной и общественной жизни»{235}.

Предвыборная кампания проходила как раз перед отставкой мэра Нью-Йорка, на скандале стремились погреть руки как демократы, так и республиканцы: первые использовали его, чтобы продемонстрировать принципиальность и твердость губернатора, который заслуживает переизбрания, чтобы столь же решительно защищать интересы простых американцев и не допускать беззакония и коррупции; вторые акцентировали внимание на

затягивании расследования, на непоследовательности и нерешительности Рузвельта, и пророчили, что в случае избрания на пост мэра неподкупного и компетентного Ла Гуардиа положение мегаполиса чуть ли не сразу же изменилось бы к лучшему.

Для того чтобы противопоставить Рузвельту республиканского кандидата, в штат съехалась партийная верхушка, включая государственного секретаря Генри Стимсона, военного министра Патрика Хёрли, заместителя министра финансов Огдена Миллса. Они энергично агитировали за ветерана и героя мировой войны Уильяма Донована, в свое время воевавшего в чине полковника на Западном фронте, получившего много наград, заслужившего кличку Дикий Билл за храбрость и самоотверженность, а после войны ставшего советником Г. Гувера, однако их усилия оказались тщетными.

Выборы 1930 года явились новой важной победой Рузвельта, который был переизбран большинством в 725 тысяч голосов, из них свыше 550 тысяч принадлежали мегаполису. Хотя республиканцы понесли урон по всей стране, их поражение было особенно ощутимым в штате Нью-Йорк. Результаты Рузвельта намного превосходили даже феерические победы его предшественника Эла Смита. С этим успехом должны были считаться не только республиканцы, но и однопартийцы нью-йоркского губернатора, которые ранее относились к нему несколько настороженно. По требованию Рузвельта все празднества по случаю переизбрания были отменены. Церемония вступления в должность обошлась в 3,5 тысячи долларов — в шесть раз дешевле предыдущей. Администрации были даны указания о строжайшей экономии.

В этих условиях шеф Таммани-холла и руководитель нью-йоркских демократов Джеймс Фарли смог круто сменить курс. Он согласился выступить с заявлением, текст которого написал Луис Хоув. «Я не вижу, как мистер Рузвельт сможет избежать участи стать следующим партийным кандидатом в президенты даже в том случае, если никто и пальцем не шевельнет, чтобы это осуществить», — было сказано человеком, который еще недавно считал Рузвельта нежелательным выскочкой{236}.

Понимая, что это лишь красное словцо, что немало сил и средств потребуется затратить на достижение поставленной цели, Рузвельт тем не менее торжествовал, осознавая, что по направлению к ней сделан новый важный шаг Пригласив через несколько дней Хоува и секретаря штата Эдварда Флинна для беседы в губернаторскую резиденцию и вопреки обычаю предложив им переночевать у него, хозяин в вечернем

задушевном разговоре заявил Флинну: «Эдди, я попросил тебя остаться здесь именно потому, что верю в свое выдвижение на [пост] президента в 1932 году»{237}.

Конечно, это звучало немного смешно — предложить переночевать в его доме, потому что ему предстоит президентская кампания! Но, с другой стороны, такое внезапное заявление свидетельствует о том, что Рузвельт находился в состоянии подлинной эйфории и до глубины души хотел, чтобы его радость сполна разделили самые близкие люди, которым он был во многом обязан своей победой.

Боевое настроение проявлялось во всём. Нервное возбуждение даже положительно повлияло на состояние здоровья. Франклин сократил свое пребывание в Уорм-Спрингс с трех месяцев до шести недель. При одном из очередных осмотров лечащий врач сказал пациенту, что у того грудь шире, чем у боксера-тяжеловеса Джека Демпси, чемпиона мира с 1919 по 1926 год и одного из самых популярных боксеров в истории США. Рузвельт ответил: «Демпси бывший, а я нет»{238}.

Такого рода сведения проникали в прессу (несомненной была вполне сознательно организованная утечка информации) и создавали впечатление, что Франклин Рузвельт в основном выздоровел, его тяжкое заболевание осталось в прошлом, он теперь не калека, которого следует жалеть, а физически полноценная личность, способная нести нелегкий груз государственных обязанностей, а его хромота — малозначительный результат перенесенного заболевания.

* * *

В политическом отношении позиции Демократической партии и Рузвельта как ее возможного кандидата на президентский пост были теперь сильны как никогда.

Робкие антикризисные мероприятия Гувера не давали результатов. Более того, введенный в 1930 году тариф Смита—Хоули так поднял ввозные пошлины на зарубежные товары, что они стали фактически запретительными. Администрация Гувера оправдывала эту меру, приведшую к резкому повышению цен на внутреннем рынке, тем, что американские товары становятся конкурентоспособными за рубежом. Но ответом было повышение тарифов в странах Европы. Между государствами, даже благожелательно относившимися друг к другу, фактически разразилась таможенная война, которая еще углубила мировой кризис.

К 1931 году повсеместно созрело требование немедленного оказания правительственной помощи неимущему населению. Примеры такого рода были за рубежом. Более того, Гуверу рассказывали о деятельности *TERA* в штате Нью-Йорк и в связи с этим упоминали о смелости, с которой местный губернатор пошел на административное вторжение в хозяйственную жизнь.

Президент, однако, оставался непреклонным. Он упорно повторял, что не желает отказываться от традиционной американской веры в индивидуальную ответственность, что прямая помощь сделает людей зависимыми от правительства и подорвет их способность зарабатывать себе на жизнь. Для нормальных обстоятельств это были вполне логичные суждения. Однако теперь были иные времена, и с этим следовало считаться не только из гуманных соображений, но и из политического прагматизма.

А ситуация как на международной арене, так и внутри США становилась всё хуже. В Германии на волнах кризиса к власти рвалась экстремистская Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера. Правые авторитарные режимы в других европейских странах также искали выход из экономических и социальных неурядиц в сильной государственной власти.

Пример такой сильной власти, способной не допустить кризиса и, более того, строить мощное индустриальное государство, многие левые интеллектуалы, включая американцев, например всемирно известного писателя Элтона Синклера или менее знаменитого, но также читаемого Теодора Драйзера, видели в СССР. Нью-йоркский губернатор, внимательно следивший за прессой, имел возможность черпать разностороннюю информацию о том, что происходило в тоталитарных государствах (этот термин уже зародился и пока распространялся на фашистскую Италию Муссолини и сталинский Советский Союз).

Рузвельту были чужды и та и другая личности, особенно Сталин, как раз в это время предпринявший насильственную коллективизацию сельского хозяйства, чреватую гибелью миллионов людей. Но к хозяйственным инструментам тоталитарных систем, в частности к активному государственному вмешательству в экономические и социальные дела, он присматривался, понимая, что кое-что следовало бы если не заимствовать, то, по крайней мере, учесть.

Гувер же не уставал повторять, что в России — стране с трудолюбивым населением, богатыми природными ресурсами — принципы свободного рынка не действуют и она продолжает прозябать в отсталости. На то, что в стране тоталитарного типа

возможна хозяйственная модернизация, президент предпочитал не обращать внимания.

Серьезные опасения Рузвельта вызывало и обострение внутренней ситуации. Депрессия, приведшая к многомиллионной безработице и нищете, вела к радикализации настроений. Виновником своих бед массы людей считали Гувера, который обещал им процветание, но, по их мнению, грубо обманул ожидания. На окраинах городов возникали поселения бездомных и неимущих, сооруженные из негодных к употреблению древесных остатков, кусков металла, камней и даже картонных коробок. С легкой руки шефа пропагандистского отдела Национального комитета Демократической партии Чарлза Миклзона эти поселения получили прозвище «гувервилли»{239}. А отсюда пошли и другие термины: газеты, которыми укрывались на ночь здешние обитатели, называли «гуверовскими одеялами», а диких кроликов, которых ловили, чтобы употребить в пищу, «гуверовскими поросятами».

В некоторых случаях власти шли на уничтожение «гувервиллей» за нарушение неприкосновенности частной собственности, но, как правило, делали вид, что не замечают их. Правда, с 1931 года в качестве благотворительной акции на улицы крупных городов стали вывозить «суповые кухни». Ими, разумеется, пользовались, но и они вызывали всё большее раздражение нищих, поддававшихся радикальным настроениям.

Коммунистическая партия США, которая ранее, несмотря на щедрые финансовые вливания Москвы, являлась незначительной и совершенно не влиятельной интеллигентской группой, в годы кризиса увеличила свою численность примерно до 50 тысяч человек, что в масштабах страны было немного, но свидетельствовало об определенной тенденции.

Только после долгих колебаний Гувер решился на весьма ограниченное государственное вмешательство. В 1932 году была образована Корпорация финансирования реконструкции, через которую государство предоставило заем в два миллиона долларов банкам, промышленным предприятиям, строительным и страховым компаниям, железным дорогам и представителям других отраслей бизнеса, чтобы помочь им восстановить свою деятельность. Предполагалось, что оздоровление хозяйства приведет к сокращению безработицы и некоторому повышению уровня жизни. Одновременно были выделены 700 миллионов долларов на финансирование общественных работ. Проводились эти меры вяло и сколько-нибудь существенного влияния на жизнь страны не оказали, поскольку само их введение сильно опоздало.

* * *

Радикальные настроения обострились еще больше, когда страну облетела весть о насильственном разгоне «бонусной армии». Речь шла о походе на Вашингтон ветеранов Первой мировой войны в мае 1932 года. Эти люди еще в 1924-м получили свидетельства (бонусы) о выплате им определенных сумм начиная с 1945 года. Ветераны требовали немедленной оплаты бонусов, с полным основанием заявляя, что просто не доживут до указанного срока.

Протестующие держатели бонусов, многие вместе с семьями (всего около 43 тысяч человек), разбили свой лагерь прямо в центре столицы, неподалеку от Капитолия. Они называли себя Бонусным экспедиционным корпусом по ироничной аналогии с Американским экспедиционным корпусом в Европе в 1918 году. Два месяца власти терпели это нарушение столичного порядка, но в конце концов после бесплодных уговоров против ветеранов были применены регулярные воинские силы. Применяя слезоточивый газ, удары прикладами винтовок, выстрелы в воздух, а иногда даже прямо в толпу, они ликвидировали лагерь ветеранов. Для пущего устрашения туда были направлены несколько танков.

Этими силами командовали начальник штаба армии США генерал (а не полковник, как утверждает А. И. Уткин{240}) Дуглас Макартур и полковник Дуайт Эйзенхауэр — будущие прославленные полководцы Второй мировой войны. Было просто чудом, что в возникшей суматохе погибло всего несколько человек. Поскольку ветераны разбили свой лагерь на берегу речки Анакостии, притока Потомака, пресса ехидно прозвала их бесславный разгон, которым командовали высшие военные чины, «битвой при Анакостии».

Франклин Рузвельт встретил известие о разгоне ветеранов с серьезной тревогой и в то же время с некоторым злорадством. Разумеется, он сочувствовал безоружным несчастным людям, требовавшим выплаты обещанных небольших сумм сейчас, а не через полтора десятилетия. Но в то же время он понимал, насколько подрывают авторитет республиканцев непродуманные действия властей. Когда его спросили, будут ли теперь, по его мнению, рядовые сторонники этой партии голосовать за ее кандидатов, Рузвельт ответил вполне определенно: «Нет, дело зашло слишком далеко. За четыре года моего пребывания на посту губернатора в штате, охваченном депрессией, я никогда не вызывал Национальную гвардию. Я всегда говорил, что подавление не будет эффективным, когда существуют

обоснованные жалобы». А на вопрос, как в данной ситуации поступил бы он, если бы был президентом, Рузвельт отделался легкомысленным ответом: он-де послал бы демонстрантам кофе и бутерброды, а затем предложил выбрать делегацию, с которой обсудил бы назревшие проблемы{241}. Это была только риторика, но она оказывала буквально магическое влияние на общественное мнение, которое по мере углубления кризиса всё более отворачивалось от республиканцев. При этом, разумеется, Рузвельт предпочитал не вспоминать, что его не раз уговаривали поставить под ружье Национальную гвардию, чтобы она разгоняла воинственные демонстрации безработных в его собственном штате, грозившие перерасти в подлинные бунты. Он несколько раз соглашался, но в последний момент отказывался, и теперь с лихвой пользовался преимуществами, полученными в результате воздержания от этого весьма опасного шага{242}.

Российский исследователь В. Л. Мальков констатирует: «Внутренне Рузвельт, пожалуй, сознавал глубже и быстрее, чем кто-либо другой в руководстве Демократической партии, необходимость назревших перемен, но выработанная с годами привычка быть скрытным, не посвящать никого (даже самых близких единомышленников) в свои планы, вера в эффект внезапности удерживали его от каких-либо определенных заявлений на этот счет»{243}. Действительно, его действия на губернаторском посту были ограниченными, а заявления носили преимущественно общий характер. Весной 1931 года, например, он говорил о необходимости экспериментировать, доверив государственное управление «позитивному руководству»{244}.

Между тем разгон ветеранов, свидетельствовавший не о силе, а о растерянности правительства Гувера, усилил протестные настроения. Однако эти настроения были далеки от тех надежд, которые возлагали на них и крайне правые, ориентировавшиеся на германских нацистов, и крайне левые, образцом для которых являлся Советский Союз. Расстановка сил в американской двухпартийной системе существенно не изменилась. Подавляющее большинство населения полагало, что тяжелые болезни, отдававшиеся болью по всей стране, можно вылечить не хирургическим путем, а при помощи традиционных средств американской демократии, главным из которых был избирательный бюллетень.

В этих условиях шансы Рузвельта стать кандидатом от Демократической партии, а затем выиграть президентские выборы становились всё более реальными, и немалую роль в этом сыграла «битва при Анакостии». После нее Рузвельт официально принес извинения нации за то, что в 1920 году рассматривал

Гувера в качестве возможного кандидата в президенты от демократов.

Различные слои населения чувствовали себя в той или иной мере связанными с ним. Он подходил многим, в том числе консервативно настроенным традиционалистам, своей принадлежностью к белым протестантам с давней патриотической традицией. К нему хорошо относились многие фермеры, зная его любовь к природе и принятые им меры по ее сохранению. Представители большого бизнеса отмечали его связи с кругами Уолл-стрит, а прогрессивно настроенная интеллигенция, в особенности интеллектуалы Нью-Йорка, подчеркивала его передовую риторику и прекрасное знание международных отношений, столь важное в условиях, когда в мире нарастала нестабильность. Аристократические слои Юга были удовлетворены его интересом к их проблемам, особенно четко проявлявшимся с тех пор, как он стал часто бывать в Уорм-Спрингс. Но, что было особенно важно, к Рузвельту всё более позитивно относились организованные рабочие, объединенные в АФТ, и городские неимущие. Его часто противопоставляли Гуверу, ставя тому в пример программы *TERA,* реально облегчившие крайне бедственное положение безработных и бездомных.

Формирование предвыборного штаба, финансовой базы и программы

Но многолетнего политического опыта, связей в различных социальных кругах, даже богатства для желанной победы на президентских выборах недостаточно. Необходим был штат — точнее, штаб — опытных, наблюдательных, вдумчивых специалистов, обладавших даром устного и особенно письменного слова, которые помогли бы Франклину перевести реальную, но далеко не гарантированную возможность в действительность. Сами члены штаба должны были обладать определенными социальными связями и поставить их на службу шефу, жертвуя собственными амбициями и планами, подчас отказываясь от личной жизни, чтобы каким-то случайным образом не повредить общему делу

В центре этого штаба находились две хорошо знакомые нам фигуры — Элеонора Рузвельт и Луис Хоув. Элеонора вела самостоятельную жизнь, с мужем общалась заботливо, дружески, уважительно, но держа некоторую дистанцию. Однако теперь, когда на карту было поставлено будущее, она также полностью отдалась предвыборным делам, а ее связи в среде женской общественности, левых интеллигентов и даже организаций чернокожих могли сослужить хорошую службу Хоув самоотверженно работал на Рузвельта уже двадцать лет, фактически отказавшись от каких-либо собственных жизненных планов. Его идея фикс, буквальная одержимость намерением сделать Франклина президентом стала уже притчей во языцех в кругу близких людей. Новыми членами команды стали Эдвард Флинн, Сэм Розенман, Бэзил О'Коннор, Джеймс Фарли и Том Коркоран.

Флинн, являвшийся заместителем Рузвельта на губернаторском посту (его должность, как мы помним, официально именовалась «секретарь штата»), происходил из богатой семьи выходцев из Ирландии. Юрист по образованию, он ряд лет провел в качестве руководителя партийной организации демократов в Бронксе. Вежливый, всегда безупречно одетый, Флинн был в то же время весьма жестким в тех вопросах, которые считал для себя принципиальными, и главным среди них являлось противостояние коррупции, которая, по его словам, была хуже чем аморальной — она была глупой.

Розенман, также нью-йоркский юрист, сблизившийся с Рузвельтом во время избирательной кампании 1928 года, человек

безупречной личной репутации, имел склонность к детальному, систематизированному анализу явлений, раскладыванию их «по полочкам», что позволяло давать убедительные рекомендации. Франклин восхищался не только упорядоченным умом Сэма, но и его блестящим слогом.

Все названные фигуры были в первую очередь политическими советниками. Они разбирались в экономических делах, но всё же были далеки от «кухни» большого бизнеса. И здесь незаменимой была помощь со стороны О'Коннора, старого приятеля и партнера Рузвельта по юридической конторе, по делам в Уорм-Спрингс. Будучи юристом и филантропом, О'Коннор предпочитал вести дела крупных промышленных и торговых фирм, в которых превосходно разбирался, став знатоком подноготной, вплоть до самых интимных деталей, наиболее крупных корпораций. Возможно, он мог бы использовать эти знания не всегда привлекательных дел воротил бизнеса в личных целях, для собственной наживы, но считал такие методы ниже своего достоинства. Его опыт и знание делового мира теперь были полностью отданы Рузвельту.

Еще один деятельный член команды, Джеймс Фарли, выросший в политике от руководителя партийной организации графства Стоуни Пойнт до председателя ассамблеи штата Нью-Йорк, был мастером на все руки. Он знал политические хитросплетения и умел развязывать сложные узлы, которые, казалось, можно было только разорвать, был неплохо знаком с бизнесом, отличался несвойственной другим членам штаба Рузвельта скромностью в быту — не пил, не курил, посещал каждую воскресную церковную службу. Но главное — у него были свои подходы к своенравной и подчас весьма упрямой рабочей бюрократии АФТ. Каждый раз, когда возникали споры, Фарли находил с ней общий язык, и организованные рабочие обычно поддерживали Рузвельта.

Наконец, активным помощником, а позже и другом Рузвельта стал Том Коркоран. Получив образование в авторитетном Брауновском университете (Провиденс, штат Род-Айленд), а затем в правовой школе Гарварда, он служил помощником судьи в Верховном суде США, работал в юридической фирме в Нью-Йорке. Случайно познакомившись с тем, как вдумчиво и изобретательно он вел дела, Рузвельт-губернатор стал поручать ему разнообразные задания. Коркоран не только выдвигал идеи, но и оформлял предложения в законопроекты. К тому же он превосходно владел аккордеоном и нередко развлекал уставших членов команды музыкой.

В июне 1932 года Фарли отправился в разведывательную

поездку по штатам. Он встречался с деятелями Демократической партии, выяснял их настроения, в случае необходимости убеждал их, что Рузвельт является наиболее достойным кандидатом. Как он позже информировал шефа, самые серьезные сомнения возникали по поводу состояния здоровья Рузвельта. Фарли убеждал, что Рузвельт, за исключением ног, просто пышет здоровьем: «Я был вместе с ним в Цинциннати четыре недели назад, и он крепко пожал руки 1500 человек»{245}.

Высоко оценивая работу всех членов своей команды, Рузвельт особо выделял Фарли, о чем не раз говорил и писал ему. После перевыборов на губернаторский пост в 1930 году он даже сделал сравнение: «Вы проделали великолепную работу. Я полагаю, что мы с Вами являемся сочетанием, которое не существовало со времен Кливленда и Ламонта»{246}. (Гровер Кливленд, президент США с 1885 по 1889 год и с 1893 по 1897-й, был в первый раз избран на этот пост, являясь губернатором Нью-Йорка, во многом благодаря энергичной поддержке и рекомендациям своего доверенного советника Дэниела Ламонта.)

Рузвельт и члены его штаба предприняли попытку привлечь на свою сторону такую влиятельную фигуру, как Эл Смит. В дело включились даже некоторые журналисты. Известный корреспондент газеты «Конститьюшн», выходившей в Атланте, Кларк Хауэлл уговаривал бывшего нью-йоркского губернатора, что он просто не может не поддержать Рузвельта. «Еще как могу!» — последовал ответ. «Почему вы испытываете такую личную враждебность к Рузвельту?» — поинтересовался журналист. Смит ответил не вполне искренне: «Нет, мы в общественном отношении остаемся друзьями. Но… вы знаете, что он никогда не консультировался со мной по поводу ни единой чертовой вещи, большой или малой, с тех пор, как стал губернатором? Он прислушивался к плохим советам и ко всем источникам, враждебным ко мне. Он игнорировал меня!»{247}Злоба и ревность ослепляют людей. Смит даже не заметил, что, вначале назвав Рузвельта своим другом, тотчас после этого стал сыпать упреками в его адрес.

Не менее важной, нежели создание штаба советников, была проблема изыскания средств на предвыборную кампанию. Рузвельт, как мы знаем, был отнюдь не бедным, но всё же не относился к крупным «денежным мешкам», а в 1920-х годах подчас оказывался в затруднительной финансовой ситуации. Оплачивать из своего кармана все предвыборные дела, требовавшие миллионных затрат, ему было явно не по силам. Пришлось обращаться за помощью к тем, кто считал, что именно нью-йоркский губернатор сможет вызволить экономику страны из

катастрофической ситуации, прорвавшись сквозь догмы о «чистоте» частного предпринимательства и решительно используя государственную машину.

В числе первых, кто откликнулся на призыв Рузвельта или сам предложил финансовую помощь, были его старый знакомый миллионер Г. Моргентау и видный промышленник У. Вудин.

Генри Моргентау(1891—1967), потомок иммигрантов из Германии, сын банкира, сам видный финансист, особенно интересовавшийся аграрными делами (с 1922 года он издавал журнал «Америкэн агрикалчерист» — «Американский аграрий»), был инициатором создания фонда «Друзья Рузвельта» и внес в него пять тысяч долларов. Для Моргентау эта сумма была небольшой, но главное — он показал пример другим вкладчикам.

Столько же пожертвовал в фонд Уильям Вудин (1868— 1934), являвшийся с 1916 года президентом крупнейшей на восточном побережье США компании по производству товарных вагонов. Будучи членом Республиканской партии, Вудин в весьма пожилом возрасте поменял политическую ориентацию, став одним из страстных сторонников наиболее вероятного демократического кандидата. Оба основателя фонда сразу же после вступления Рузвельта на пост президента были вознаграждены, получив министерские посты.

За первыми дарителями вскоре последовали новые, и фонд «Друзья Рузвельта» рос довольно быстро, несмотря на кризис.

Благодаря полковнику Эдварду Хаусу, когда-то состоявшему советником президента Вильсона, были установлены связи с кругами прогрессистов на Западе, в частности в Калифорнии. Весьма полезным оказалось и знакомство с Корделлом Халлом. О нем следует сказать особо.

Корделл Халл (1871 — 1955) родился и провел почти полвека в южном штате Теннесси, получив специальность юриста в тамошнем Камберлендском университете. Вступив в Демократическую партию, он стал активно участвовать в политической деятельности. В 1893 году в возрасте двадцати двух лет он был избран в палату представителей штата, а с 1903-го являлся судьей. В 1907—1921 годах Халл был членом палаты представителей Конгресса США. Проиграв выборы 1920 года, он стал председателем исполнительного комитета Демократической партии, но занимал этот влиятельный пост недолго, так как в 1923-м вновь был избран в палату представителей. Вначале он специализировался на финансовых проблемах, участвуя в разработке законопроектов в этой области (в частности, был автором федерального закона о ставках заработной платы 1913 года). Постепенно у Халла усилился интерес к международным

делам, который он постоянно развивал, общаясь с зарубежными деятелями. Он обогатил свой политический опыт, участвуя в предвыборной борьбе 1928 года в качестве кандидата в вице-президенты, но вместе с Элом Смитом это сражение проиграл. В 1931 году на дополнительных выборах после смерти сенатора Л. Тайсона Халл был избран в сенат США от своего родного штата.

Установление с Корделлом Халлом дружеских и деловых отношений было важно Рузвельту и потому, что этот новый партнер давал весьма компетентные советы по вопросам финансов и особенно мировой политики, и потому, что он был связующим звеном с южными демократами, которые традиционно составляли консервативное крыло партии и с которыми следовало поддерживать самые близкие отношения. Рузвельт нередко просто приходил в бешенство из-за жесткости и упорства Халла, но сдерживал себя и считался с этим человеком недюжинного ума, обладателем огромного опыта. Не случайно после избрания Рузвельта президентом США Халл занял пост государственного секретаря, то есть министра иностранных дел, и пробыл на нем дольше всех своих предшественников и преемников.

В марте 1931 года на Медисон-авеню в самом центре Нью-Йорка появилась штаб-квартира Рузвельта, которую почти не покидали Хоув и Фарли, а в июне сам он впервые выступил с докладом по общенациональным проблемам на конференции губернаторов штатов. Он говорил о необходимости понизить импортные пошлины, проводить осторожную политику прогрессивного налогового обложения, ввести страхование от болезни и безработицы, вообще добиться «лучшего баланса междудеревенской и городской жизнью»[{248}].

Наблюдатели единодушно отмечали, что его позиции резко отличаются не только от гуверовских, но и от установок наиболее консервативно настроенных деятелей Демократической партии, признанным лидером которых считался Джон Рэскоб. Этот финансист и менеджер крупнейших корпораций (он был руководителем строительства Эмпайр-стейт-бил-динг — самого высокого в то время здания США, поддерживал тесные связи со знаменитой фирмой «Дженерал моторе» и химической империей Дюпонов, которые в конце концов слились в единый картель) являлся, как уже говорилось, председателем Национального комитета Демократической партии с 1928 по 1932 год, но реально выражал взгляды лишь части ее деятелей. Поддерживая Эла Смита, Рэскоб был страстным противником прогрессистских инноваций, провозглашаемых Рузвельтом.

Предвыборная кампания. «Мозговой трест»

Рузвельт объявил о своем вступлении в предвыборную борьбу 22 января 1932 года в письме секретарю комитета Демократической партии штата Северная Дакота в связи с предстоявшими в этом штате 15 марта первичными выборами. В письме говорилось: «Если партийные лидеры партии в вашем штате пожелают, чтобы мое имя было представлено на будущих первичных выборах в штате как кандидата Демократической партии на пост президента, я охотно даю согласие, полностью осознавая честь, которая мне этим будет оказана. Долг каждого американца служить на публичной должности, если он будет призван на нее»{249}.

Через неделю после этого Франклин в Гайд-Парке отпраздновал свое пятидесятилетие в кругу родных и близких. Он был полон боевого задора и даже осмелился впервые в жизни написать стихотворение, художественно очень слабое, но интересное тем, что сочетало теплые чувства по отношению к трем дамам: матери, жене и… политике. Вот это стихотворение в оригинале и переводе:

Delegates from many states
Favor local candidates.
But there always will be one
Place where I'm the favorite son.
Did my Eleanor relate
All the sad and awful fate
Of the miserable lives
Lived by politicians' wives?{250}
…
Делегаты многих штатов
Любят местных кандидатов.
Ну а мне тот штат милей,
Где дом матери моей.
Ах, моя Элеонор!
Ты со мной, но где укор,
Что моя душа порой
Вся в политике одной?[16]

Основная мысль первого крупного предвыборного выступления Рузвельта на ежегодной конференции губернаторов, которая на этот раз происходила в столице страны 24—25

февраля 1932 года, состояла в том, что государство должно защищать простого человека, находящегося в основании социальной пирамиды, от катастрофы, для чего правительственным органам следует осуществить «лучшее планирование нашей социальной и экономической жизни», а средствами для этого являются страхование граждан на случаи болезни, безработицы, усовершенствованная налоговая система, пониженные экспортно-импортные пошлины, рациональное использование земельных богатств и даже плановое перераспределение населения по регионам{251}.

Таким образом, Рузвельт, вопреки всем канонам, существовавшим и у республиканцев, и у значительной части демократов, энергично высказался за прямое и активное вмешательство государства в хозяйственную и социальную жизнь. Государство, по его мнению, не должно ограничиваться ролью «ночного сторожа», который, согласно представлениям классического либерализма, имеет минимальные обязательства — охраняет граждан от насилия, воровства, мошенничества, обеспечивает исполнение договоров, заключенных частными лицами и их объединениями. Рузвельт и его единомышленники отвергали старую прогрессистскую мечту о создании идеального общества мелких производителей. Они полагали, что необходимы глубокие структурные реформы по инициативе государства, которое должно исходить из современной реальности — существования корпоративного предпринимательства, но в то же время при сохранении мелкого и среднего производства и при удовлетворении первоочередных жизненных потребностей малоимущих слоев населения как в городе, так и в деревне.

Главным, зловещим фактором, определявшим весь характер президентской предвыборной кампании 1932 года, являлась Великая депрессия. В межпартийной борьбе экономические проблемы не просто переплетались, а были неразрывно связаны с политическими. Те, кто отвергал курс Герберта Гувера, естественно, исходили из того, что все беды, обрушившиеся на американский народ в 1929 году и еще не преодоленные, проистекали из его ошибок, нерешительности и просто недальновидности. Простому американцу было наплевать на то, что кризис носил мировой характер, что на европейские страны он обрушился ничуть не меньше, чем на Соединенные Штаты.

Такой ситуацией, естественно, воспользовались политики из Демократической партии. Подавляющее большинство их поддержало кандидатуру Франклина Рузвельта, который, по их мнению, на посту губернатора показал себя новатором, знатоком экономических проблем и смог в какой-то степени смягчить

воздействие кризиса на низшие слои населения штата Нью-Йорк и прежде всего улучшить поначалу почти взрывную ситуацию в крупнейшем мегаполисе мира.

Он, однако, отлично понимал, что помимо ближайших советников остро нуждается в людях, имеющих академические знания и опыт, способных осуществлять долгосрочное планирование политики и намечать краткосрочные решения не на основании внутренних импульсов и догадок, а на базе серьезного анализа. Так стал формироваться «мозговой трест» Рузвельта (термин, придуманный Хоувом; вначале эта группа шутливо именовала себя «тайным советом»), первыми рекрутами которого стали уже известный нам Сэм Розенман и привлеченный им Раймонд Моли, 44-летний профессор-политолог Колумбийского университета. Рузвельт сразу очаровал Моли своей теплотой, активностью, а главное — идеями, которые были близки к тем, которые вынашивал он сам и которые, как он полагал, следовало развить в цельную систему{252}.

Моли в свою очередь привлек в качестве консультантов своих коллег по Колумбийскому университету — авторитетного специалиста по аграрным проблемам Рексфорда Тагвелла и юриста Адольфа Бёрли.

Бёрли был своего рода вундеркиндом — в 17 лет окончил Гарвардский университет, а в 21 год получил ученую степень. Незадолго до согласия работать консультантом Рузвельта он стал известен своей книгой о корпорациях, написанной в соавторстве с Гардинером Минсом{253}, в которой доказывалось, что концентрация крупной промышленности и экономической власти в руках всё сужавшегося круга собственников — процесс естественный, неизбежный и благоприятный для хозяйственного развития, однако он должен сочетаться с сохранением в экономике среднего класса и даже преобладанием его в отраслях, связанных с обслуживанием населения, а регулировать этот процесс должно правительство.

Что же касается Тагвелла, то он, принимая концепцию Бёрли применительно к промышленности, стремился в то же время найти научные решения преодоления катастрофического падения цен на сельскохозяйственные продукты, наблюдавшегося в последние годы. Резкой критике экономической политики правительства Гувера он посвятил одну из своих книг{254}. Автор полагал, что элементы хозяйственного планирования, практиковавшиеся во время Первой мировой войны, были успешными, и в условиях кризиса выступал за проведение такого эксперимента в сельском хозяйстве, в частности за введение контроля над ценами и объемом производства{255}. В 1927 году

он два месяца провел в СССР, изучая советскую аграрную политику (это было время так называемого нового нэпа, когда власти сделали наибольшие уступки частным крестьянским хозяйствам). Наблюдения привели Тагвелла к выводу о возможности использовать советский «аграрный инструментарий» в американских условиях. Он, однако, решительно отказался от этой идеи, когда в Советском Союзе началась сталинская «сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса». Тем не менее он оставался наиболее левым из ученых — консультантов Рузвельта.

Может показаться удивительным, что члены «мозгового треста» в основном оказались сотрудниками Колумбийского университета, что Рузвельт не обратился за помощью к ученым из других престижных учебных заведений, включая свою альма-матер — Гарвард. Объяснение здесь весьма прозаическое: члены «мозгового треста» должны были встречаться часто, буквально по тревожному сигналу, а у штаба Рузвельта просто не было денег на оплату командировок. К тому же не следует забывать, что гражданская авиация только появлялась, а поездки по железной дороге требовали немало времени.

Оказавшиеся в окружении Франклина ученые удачно дополняли друг друга, и «мозговой трест» в целом работал хорошо, хотя, как любой живой организм, подчас давал сбои, приводившие к ошибочным решениям. Так или иначе, Рузвельту удалось собрать коллектив интеллектуалов, способных к творческому, неординарному мышлению, к динамической смене ориентиров, если они оказывались неудачными, преданных своему шефу и твердо верящих в его успех и высокую ценность для страны его политики.

Члены «мозгового треста» встречались регулярно. У них не было определенной повестки дня, они не читали докладов. Велся вроде бы непринужденный разговор о проблемах страны, к которому, разумеется, каждый из присутствовавших заранее готовился и представлял для обсуждения новые идеи. Такого рода коллективные усилия с тех пор получили название мозговых штурмов. Если члены «мозгового треста» считали себя недостаточно компетентными в каком-то вопросе, они приглашали экспертов, из которых буквально выдаивали конструктивные идеи. Рузвельт, не будучи высоколобым интеллектуалом, с удовольствием приходил на эти встречи, вел себя со специалистами на равных и упивался общением с ними[17].

* * *

Именно во время таких встреч, а затем и агитационной кампании появился термин *new deal,* что буквально на русский язык непереводимо. Хитрое слово *deal* имеет в английском языке множество значений: и большое, но неопределенное количество чего-нибудь, и торг, и переговоры, и тайное соглашение, благоприятное для обеих договаривающихся сторон; оно употребляется даже в карточной игре, означая право раздачи карт. По слухам, его применил к ситуации Моли, но скорее всего оно вошло в употребление спонтанно во время встреч советников.

Видно, немало потрудились сам Рузвельт и хитроумные члены его команды (таких мудрецов простые американцы из глубинки со смешанным чувством презрительного снисхождения и зависти называют яйцеголовыми), чтобы изобрести всеохватывающее название государственной политики будущего президента, которое бы ничего не говорило и в то же время было заманчивым, сулило светлое будущее.

Какую-то роль, видимо, сыграл и тот факт, что термин *new deal* напоминал слова дальнего родственника Франклина — 26-го президента США Теодора Рузвельта, о котором в разных слоях американского общества сохранилась добрая память. Тедди, как его фамильярно называли, любил говорить о своей политике как о *square deal* — термин также трудно переводится и означает, правда, весьма приблизительно, справедливую игру

Ретивые московские журналисты сразу же не мудрствуя лукаво перевели на русский язык выкованное «мозговым трестом» Рузвельта название как «Новый курс». Другие возможные переводы — «Новое дело», «Новые заботы» и т. п. — были сразу отброшены, так как звучали пренебрежительно по отношению к политике того лица, с которым Сталин намеревался иметь дело с целью установления между СССР и США нормальных межгосударственных отношений.

При всей неточности перевода он, как оказалось, верно отражал существо задуманных планов, в чем мы скоро убедимся. Вскоре к ключевому слову добавились дополнительные, и Рузвельт, выступая перед рабочими и фермерами, стал говорить о «новом курсе для забытого человека», сосредоточив, таким образом, внимание именно на привлечении симпатий простых американцев.

Не менее серьезной задачей было оттеснение в сторону других возможных кандидатов от Демократической партии. П. Реншоу с полным основанием замечает: «Позднейшее доминирование Рузвельта на американской и мировой арене способно прикрыть от нас тот факт, что его победа в 1932 году отнюдь не была неизбежной»{256}.

Хоув занялся долгой и нудной, но крайне необходимой работой — составлял и сопоставлял различные разноцветные картотеки: групп однопартийцев по штатам, которые поддерживали Рузвельта и выступали против него, местных должностных лиц — потенциальных делегатов партсъезда, их ориентации, наклонностей и возможных путей воздействия на них. Явно подсмеиваясь над своим самым верным помощником, Франклин выдал ему удостоверение, гласившее: «Луис Мак-Генри Хоув, генеральный козел [отпущения]»{257}.

Обижаться на шефа Луис был не в состоянии. Так будет и в следующие годы, когда Рузвельт просто отодвинул его на второй план, не дав ему государственного поста, и даже стал значительно реже обращаться к нему за помощью и советом. Правда, Хоув считался секретарем президента и жил в Белом доме, но его оттеснили другие, более нужные люди.

Луис Хоув скончался 18 апреля 1936 года в военно-морском госпитале в Бетесде, пригороде Вашингтона, оставаясь верным соратником Рузвельта. До самой смерти он надеялся на скорое выздоровление и на то, что ему еще удастся принять участие во второй президентской кампании. Правда, в его последние дни Рузвельт, так ни разу и не навестивший преданного помощника в госпитале, показал, насколько может быть неблагодарным. Когда Луис попросил сообщить ему прямой телефонный номер для связи с президентом, ему было отказано без объяснений. Конечно, это не могло быть сделано без санкции Рузвельта, который не только предпочитал общаться с более нужными теперь людьми, но и не хотел портить себе настроение видом умирающего многолетнего друга. С явным чувством облегчения Рузвельт писал одному из друзей: «…мы все чувствуем его потерю, но он не получал удовольствия от жизни в последний год»{258}.

Наиболее сильным соперником Рузвельта на предстоящем съезде Демократической партии считали Эла Смита. Правда, он не раз говорил, что не собирается баллотироваться в президенты в 1932 году, но при благоприятных обстоятельствах в любой момент мог изменить свое решение. Во всяком случае, когда перешедший в стан Рузвельта Э. Флинн, ранее близкий к Смиту, искренне ему в этом признался, тот обозвал его предателем и добавил: «Давай подождем и посмотрим, как ты предашь и Рузвельта»{259}. Вскоре Смит действительно объявил об участии в выборах.

Но он был не единственным возможным оппонентом Рузвельта. Консервативное крыло демократов, выступавшее в защиту традиционного сегрегированного и сельскохозяйственного Юга, против существенного

вмешательства в мировую политику, в свою очередь искало приемлемую кандидатуру. Таковая была найдена в лице техасского политика Джона Гарнера, являвшегося в это время лидером демократов в палате представителей.

Особая опасность состояла в том, что в поддержку Гарнера высказался газетный магнат, откровенный реакционер Уильям Рэндольф Хёрст. Принадлежавшие ему периодические издания уже с конца 1931 года начали яростную кампанию в пользу Гарнера и против Рузвельта. Имея в виду заявления Рузвельта о необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь, его обвиняли то в коммунизме, то в нацизме или фашизме (между всеми этими понятиями особой разницы не проводили, да и употреблялись эти слова не в качестве политических терминов, а как грубые политические ругательства) и уж во всяком случае предрекали, что его присутствие в Белом доме приведет Америку к гибели. Чтобы более не возвращаться к этому вопросу, отмечу, что Рузвельт был далек не только от этих экстремистских социально-политических теорий, но вообще от каких-либо «генеральных» систем общественного развития. Он пренебрежительно относился ко всяким рецептам «идеального» устройства общества, не читал проповедовавшую их литературу, полагая, что за такого рода теориями (марксизмом, социал-дарвинизмом и т. п.) скрываются либо догматичные фанатики, либо авантюристы, рвущиеся к власти под демагогическими лозунгами, либо, наконец, помесь тех и других, что он считал особенно опасным.

Опыт сталинского СССР и Германии, где к власти рвались нацисты Гитлера, был у него перед глазами. И это представлялось куда более убедительным, чем хитроумные псевдоученые трактаты. Рузвельт был практиком, знавшим азы истории и современную ситуацию в мире. Он понимал, что насильственными методами строить социальные отношения невозможно, что любые попытки такого рода в конечном счете обречены на провал. Он исходил из того, что необходимо ставить перед собой лишь непосредственные задачи, действовать в пределах общедемократических правил и процедур, разумеется, учитывая соотношение сил, пытаясь повернуть его в свою пользу, играя на политической бирже подобно бирже фондовой.

Еще в начале своей общественной деятельности он стал понимать, что конечные результаты никогда не бывают точно такими, какими их изначально задумывают, что они зависят от безграничного стечения постоянно меняющихся обстоятельств, которые невозможно предвидеть и подчинить себе и к которым следует приспосабливаться, своевременно поворачивать

управленческий руль в подветренную сторону. При этом существовали некоторые исходные установки, аксиомы, предопределявшие его политическое поведение, — но отнюдь не догмы, ибо сами они находились в динамике. Ими являлись упрочение рыночных отношений под контролем государства, сохранение демократических норм, соблюдение конституционных основ, постепенность преобразований с целью улучшения положения низших слоев населения при заинтересованности в государственном курсе всего общества, включая корпоративный капитал.

Возвращаясь к выборам 1932 года, отметим, что помимо трех названных возможных кандидатов (Рузвельт, Смит, Гарнер), были и другие претенденты на высший пост от Демократической партии — например мэр Кливленда Ньютон Бейкер, когда-то служивший военным министром в кабинете В. Вильсона. Особым влиянием они не пользовались, но могли всплыть на поверхность в качестве компромиссных фигур.

Рузвельт вынужден был маневрировать, чтобы парализовать усилия одних и ослабить других возможных кандидатов. Поскольку Бейкер в свое время поддерживал идею Лиги Наций, в которую США так и не вошли, Франклин, хотя и был сторонником активности своей страны в международных делах, вдруг стал высказываться в том смысле, что в существующих условиях он «не был бы настроен в пользу американского участия»{260} в этой организации. Одновременно он таким образом стремился ослабить нападки прессы Хёрста, настроенной явно изоляционистски.

Однако в условиях продолжавшегося кризиса главный акцент сосредоточивался на внутренних, прежде всего хозяйственных проблемах. На протяжении первой половины 1932 года Рузвельт всё более четко высказывался в пользу осторожного планирования экономики, введения общественных работ для безработных, пособий для неимущих, подчеркивая, что это временные меры, призванные вывести Соединенные Штаты из чрезвычайной ситуации и вновь перевести в стадию процветания. При этом постоянно фиксировалось внимание на интересах «забытого человека, находящегося на нижней ступени социальной лестницы». Такого рода заявления вызывали взрывы гнева не только у республиканцев и консервативных демократов, но даже у такого прогрессиста, как Эл Смит, который назвал Рузвельта бессовестным демагогом классовой войны. Рузвельт на эти обвинения отвечал, что, в отличие от соперников, предлагает конкретные шаги по выводу страны из депрессии. Здесь необходимо смело, настойчиво экспериментировать: «В порядке

вещей найти какое-то средство и попробовать его. Если оно не сработает, честно признай это и попробуй другое, но обязательно что-то делай»{261}.

* * *

В марте—мае 1932 года прошли праймериз Демократической партии. Эти проводимые по штатам первичные выборы, во время которых выявляется кандидат, имеющий наибольшие шансы победить на окончательных выборах, оказывают серьезное влияние на решение партийного съезда.

Первые праймериз были весьма благоприятны для Рузвельта. Вначале в Нью-Гэмпшире, затем в Северной Дакоте, а к концу марта также в Небраске, Мэне, Айове, Джорджии, Висконсине были одержаны внушительные победы. Правда, на выборах в Массачусетсе — первом промышленном штате, где проходили первичные выборы демократов — Рузвельт потерпел болезненное поражение: за Смита проголосовало втрое больше избирателей. Та же картина была и в Пенсильвании: промышленные рабочие высказались за Смита.

Возникала парадоксальная картина: вроде бы ратовавший за трудящихся Рузвельт пока что не пользовался доверием организованных рабочих, которые, по всей видимости, считали его социальное экспериментаторство опасным для их интересов — ведь они пока что имели работу и надеялись не потерять ее, а рузвельтовские планы, по мнению консервативно настроенного профсоюзного руководства, попахивали социализмом. Не внушало доверия и провинциально-аристократическое происхождение кандидата.

Еще одной неприятностью оказался проигрыш в крупнейшем штате Запада, Калифорнии, где демократы, вопреки прогнозам рузвельтовского штаба, высказались за Гарнера.

Рузвельт, однако, не считал потерю трех крупнейших штатов окончательной, надеялся привлечь на свою сторону их делегатов на партийном съезде.

На этот раз съезды обеих партий происходили в одном городе — Чикаго. В начале июня 1932 года республиканцы на своем съезде во второй раз выдвинули на президентский пост Г. Гувера. Наблюдатели отмечали одновременно с негодованием и чувством иронии, что жгучие проблемы дня, ужасы депрессии почти совсем прошли мимо его внимания, которое сосредоточилось на вопросе, следует ли сохранить «сухой закон». Выдающийся американский филолог и журналист Генри Луис Менкен (1880—1956), автор

многочисленных книг по истории художественной литературы и одновременно острый критик непорядков в стране, прозванный за свою непримиримость иконоборцем, оценил собрание республиканцев как «самое глупое и самое бесчестное, которое он когда-либо видел»{262}.

Съезд демократов открылся 27 июня. Он проходил на городском стадионе, вмещавшем почти 35 тысяч человек. 3210 официальным делегатам предстояло не просто выдвинуть кандидата, но и одобрить, хотя бы в самых общих чертах, его президентскую программу, ибо победа их выдвиженца была почти гарантирована. Во избежание каких-либо случайностей важно было продемонстрировать избирателям, что, в отличие от Гувера, Демократическая партия располагает рецептами излечения страны от кризиса.

За съездом непосредственно наблюдали около 30 тысяч зрителей, разместившихся на трибунах. Это был типично американский грандиозный спектакль — свидетельство демократии общества и вместе с тем зрелище, полное драматических коллизий, открытых столкновений, грубых оскорблений, тайных переговоров, взаимных уступок, торга по поводу будущих министерских портфелей, восторженных криков одобрения и яростного топанья ногами и свиста в знак протеста, оглушительной музыки оркестров и хорового пения модных песен. В общем, было на что посмотреть. Здесь было всё — и драма, и трагедия, и фарс, и цирк[18].

Сам Рузвельт в съезде не участвовал, оставаясь в своей губернаторской резиденции в Олбани. Во-первых, это было связано с тем, что организаторы кампании решили не демонстрировать лишний раз состояние здоровья кандидата в президенты. Одно дело — появиться перед сторонниками на краткое время, другое — находиться в лучах прожекторов под бдительным оком делегатов и журналистов неизвестно сколько утомительных дней. Во-вторых, и это было не менее важно, губернатор демонстрировал, что напряженно занимается решением текущих дел, выводом своего штата из кризиса, и это оценили участники съезда. Из Олбани в Чикаго была проложена специальная телефонная линия, о чем позаботился Хоув, и Рузвельт имел возможность ежедневно общаться со своими советниками. Кандидат осчастливил всех делегатов съезда подарками — своими портретами с автографом и граммофонной пластинкой с обращением «специально к вам».

Тридцатого июня на съезде началось выдвижение кандидатов. Всего было названо 11 имен, в их числе наиболее популярными являлись Рузвельт, Смит и Гарнер. Остальные были

маловлиятельными политиками, но конъюнктура могла вдруг вывести кого-то из них на первый план.

С самого начала большинство делегатов съезда выступали за кандидатуру Франклина Рузвельта, но необходимых двух третей голосов он не набирал. Возникла угроза, что после длительных и утомительных дебатов появится компромиссный кандидат, за которого в конце концов проголосует необходимое квалифицированное большинство. Это было тем более вероятно, что в первые дни прений сторонники Эла Смита и Джона Гарнера договорились постоянно консультироваться, чтобы не допустить выдвижения Рузвельта, и в совокупности даже несколько увеличили свое число. Во всяком случае Рузвельту не хватало для выдвижения не менее ста голосов. Внезапно усилились шансы Ньютона Бейкера, о котором «Нью-Йорк таймс» в эти дни писала, что он может оказаться наиболее вероятной «темной лошадкой»{263}.

Первый тур голосования был предсказуем: Рузвельт получил 666 голосов, Смит — 201, Гарнер — 90, незначительное число голосов досталось еще нескольким претендентам. Бейкер в номинации не фигурировал, но это не утешало, так как никто не знал, что может произойти завтра.

И вот тогда во всю силу заработал рузвельтовский избирательный штаб, прежде всего опытный, вдумчивый и красноречивый Фарли. Он начал скрупулезную работу с отдельными делегатами, убеждая их не затягивать съезд, не раскалывать ряды демократов, не компрометировать себя перед избирателями, выступить за меры, которые способствовали бы возможно более быстрому преодолению депрессии, и т. д. Для каждого собеседника Фарли и его помощники подбирали свои слова, и постепенно стали появляться благоприятные результаты. Во втором туре у Рузвельта прибавились 16 сторонников, в третьем — еще пятеро.

После этого тура Рузвельт по телефону побеседовал с группой влиятельных делегатов, ранее выступавших против него. Кое-кого из них он смог привлечь на свою сторону, используя как логические аргументы, так и умение очаровывать собеседников, которым он уже хорошо овладел. Одновременно Фарли, Флинн и особенно Джозеф Кеннеди, который поддерживал неформальную связь с Уильямом Рэндольфом Хёрстом, смогли убедить газетного магната, что Рузвельт для него менее опасный противник, чем возможный новый компромиссный кандидат Н. Бейкер, известный как отъявленный «интернационалист», то есть сторонник активного вмешательства США в международные дела.

Результат оказался сенсационным: Гарнер, стоявший на

третьем месте, передал через своего представителя Мак-Эду, что соглашается снять свою кандидатуру в обмен на пост вице-президента в администрации Рузвельта. Когда перед четвертым туром голосования Мак-Эду объявил, что Калифорния отдает все свои 44 голоса за Рузвельта, в зале поднялась такая буря восторга, что ее не могли утихомирить несколько минут[264]. Четвертый тур оказался последним — Рузвельт стал кандидатом в президенты от Демократической партии.

Узнав об этом, он, не ожидая официальной торжественной информации (по традиции он должен был «подумать» примерно неделю), немедленно отправился в Чикаго на трехмоторном самолете компании Форда, который преодолел сравнительно небольшое расстояние (теперь продолжительность авиарейса составляет меньше часа) за девять часов с двумя остановками. Это был первый полет Рузвельта, который стремился как можно скорее «ковать железо» предвыборной гонки.

Сам по себе факт немедленного принятия новой роли должен был послужить сигналом и партии, и всей нации, что кандидат готов не только действовать быстро, но и не считаться с существовавшими традициями.

Рузвельт появился на трибуне съезда под оглушительный рев сторонников. В сравнительно краткой речи он заявил, что с благодарностью принимает номинацию и клянется «повести американский народ новым курсом». Так впервые был произнесен термин «Новый курс», который, по мнению некоторых авторов, например Т. Моргана, означал мирную революцию в американском обществе[265].

Речь была спокойной по тону, пафосной по обещаниям, но не очень определенной касательно конкретных намерений. Кандидат в президенты обещал лишь осуществить серьезную реорганизацию экономики Соединенных Штатов. И всё же он брался обеспечить населению работу и безопасность, организовать обширные общественные работы, отменить «сухой закон», понизить таможенные пошлины. Он говорил и о необходимости помочь тем, кто находился на вершине социума, путем снижения процентных ставок на ссудный капитал, уменьшения внешнеторговых тарифов и т. д.[266], так что не вызвал у представителей крупного капитала никаких опасений по поводу потрясения основ социальной системы. Более того, один из виднейших финансовых магнатов, знаменитый игрок на бирже Бернард Барух, ранее выступавший против кандидатуры Рузвельта, теперь перешел в число его сторонников. (Впоследствии он выполнял многочисленные поручения нового президента, в частности стал советником Дирекции по военной

мобилизации.)

Кандидат завершил свою речь словами: «Мы должны обеспечить более равномерное распределение национального богатства. Надежды не должны пропасть втуне. Я обещаю американскому народу новый курс. Речь идет о большем, чем избирательная кампания; это призыв к оружию. Помогите мне не победить на выборах, а возвратить Америку ее народу»{267}.

Новый взрыв аплодисментов был заглушён оркестром, исполнявшим мелодию песни *Happy Days Are Here Again* («Счастливые дни опять с нами»), которая была воспринята символично. Эта в общем-то непритязательная песенка, достойная скорее не крупных политических мероприятий, а кафешантана, появившаяся в 1929 году (музыку создал Милтон Аджер, текст написал Джек Йеллен), прозвучала в фильме «В погоне за радугой» (1930), посвященном перипетиям «сухого закона», и высмеивала бюрократические глупости, связанные с ним. Но теперь она прозвучала совершенно по-иному — оптимистически, особенно припев:

Вернулись счастливые дни,
И снова поют небеса,
И радость несут голоса —
Вернулись счастливые дни.

Команда Рузвельта мучительно выбирала мелодию, которая должна была сопровождать его кампанию. Сначала остановились на песне «Поднять якоря», созвучной интересам и прошлому Рузвельта. Но вдруг кто-то вспомнил, что ее мелодия сопровождает радиорекламу сигарет. Перебрав еще несколько вариантов, наконец вспомнили и о «Счастливых днях».

Эта песня стала музыкальным сопровождением всей избирательной кампании, своего рода фирменным знаком команды Рузвельта. Появились также краткие и весьма емкие лозунги, изобретенные в основном Хоувом. «Он готов, а ты?» — вопрошал один из них. «Нам нужны действия!» — восклицал другой. Эти лозунги печатались на миллионах плакатов и листовок, и везде под ними крупными буквами значилась фамилия Рузвельта. Рождались, таким образом, новые способы массовой агитации, которая воздействовала не столько на сознание, сколько на чувства и даже инстинкты толпы, достигая, зачастую неожиданно для самих изобретателей и организаторов, огромного результата. Разумеется, эти примитивные формы сочетались со значительно более серьезными пропагандистскими усилиями.

* * *

Тот факт, что съезд Демократической партии и, соответственно, выдвижение Рузвельта произошли в Чикаго, можно считать умелым шагом — или просто везением: Нью-Йорк и так поддерживал Рузвельта, а теперь многие чикагцы, польщенные оказанной им честью, тоже встали на его сторону. К тому же крупнейший город Среднего Запада был известен не только своей промышленностью, находившейся теперь в упадке, но и разгулом преступности, бандитизма, проституции, которые в кризисные годы расцвели пышным цветом.

Новый предвыборный марафон продолжался на протяжении четырех месяцев. Вместе с Хоувом Рузвельт разработал первый маршрут для своего поезда — подвижного штаба и агитационного центра. Недаром кандидат в президенты и его соратники окрестили этот железнодорожный состав «Рузвельтовским особым». Демократический кандидат колесил по стране, побывав в восемнадцати штатах и преодолев не менее 20 тысяч километров.

Разумеется, он и раньше представлял себе масштаб несчастий, которые обрушились на народ, но это были абстрактные цифры, газетные сообщения, во всяком случае — впечатления других людей. Теперь он увидел всё собственными глазами. Франклин, человек впечатлительный, хотя и предпочитавший не демонстрировать свои чувства, был поистине шокирован. «Я видел лица тысяч американцев. Они имеют испуганный вид потерявшихся детей», — повторял он неоднократно.

Рузвельт выступал с речами по несколько раз в день, собирая огромные толпы слушателей. Он произнес не менее пятидесяти речей, каждая из которых длилась по несколько часов. Что же касается кратких ремарок, метких остроумных замечаний, то их число было во много раз больше. Именно во время первой президентской кампании Рузвельт неожиданно для себя обнаружил в своем ораторском арсенале способность произносить простые, подчас тривиальные афористичные суждения, многие из которых вошли затем в американскую устную традицию. Некоторые из них приведены в качестве эпиграфов к главам этой книги.

Предвыборная кампания показала, что Рузвельт находит для каждой группы населения особые слова, привлекая на свою сторону все новых сторонников. Негативные стороны замечали, помимо левых и правых радикалов, открытых врагов Рузвельта, только наиболее умудренные наблюдатели. Один из крупнейших

американских публицистов левый либерал Уолтер Липман 14 сентября 1932 года делился своими опасениями с профессором-правоведом Гарвардского университета Феликсом Франкфуртером: «Две вещи в отношении Рузвельта беспокоят меня, а именно: то, что он любит политическую игру саму по себе и прекрасно чувствует себя в ней. Стремление продемонстрировать свое виртуозное искусство толкает его на путь ультраполитиканства. Еще одно мое опасение связано с тем, что он так дружелюбен и впечатлителен, так хочет всем угодить и, как я думаю, так нетверд в собственных убеждениях, что почти всё зависит от характера его советников»[{268}]. Он же писал: «Франклин Д. Рузвельт вовсе не крестоносец. Он не народный трибун. Он не враг богачей. Он просто приятный мужчина, который, не имея на это данных, очень хочет стать президентом»[{269}].

Естественно, для предвыборной кампании необходимы были более значительные суммы. Демократического кандидата поддержали многие крупные собственники, надеявшиеся, что именно он сможет вывести страну из Великой депрессии, преодолеть разруху и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в банковско-финансовой сфере. Среди спонсоров был, между прочим, Джозеф Кеннеди, миллионер и политик, чей сын Джон через три десятилетия сам станет американским президентом.

Герберт Гувер и его помощники поначалу вздохнули чуть свободнее, узнав, что демократы выдвинули в президенты Рузвельта — тяжелобольного, неспособного самостоятельно передвигаться. Они рассчитывали, вопреки объективным прогнозам, что кампания Рузвельта будет более или менее спокойной и республиканцы без особого труда смогут его переиграть.

Предвыборная агитация велась на основе хорошей информированности штаба Рузвельта не только о положении страны в целом, но и об особенностях ситуации и настроениях людей в отдельных штатах, городах, в разных социальных слоях. «Мозговой трест» особенно озаботился сбором сведений о том, что в наибольшей мере волнует основную массу избирателей — рабочих крупных промышленных центров и фермеров. С этой целью в разные концы страны вновь выехали своеобразные «разведчики», которые внедрялись в среду избирателей, проникались их чаяниями и исправно докладывали свои впечатления в рузвельтовский штаб.

Особо важная информация поступала от подруги Элеоноры Рузвельт, опытной и вдумчивой журналистки Лорены Хикок. По поручению Гарри Гопкинса и самой супруги кандидата Лорена

буквально исколесила страну, отовсюду посылая подробные доклады о материальном положении, настроениях, жалобах, надеждах населения. В письмах из рабочих районов она констатировала, что тысячи семей, оставшиеся без средств к существованию и не получавшие государственной помощи, были на грани вооруженных столкновений с властями, а количество оружия в шахтерских поселках приобрело угрожающие размеры{270}.

В результате оказалось, что демократический кандидат хорошо подкован и надежда Гувера на то, что с ним будет сравнительно легко справиться, построена на песке.

Главной мыслью, звучавшей фактически во всех выступлениях Рузвельта, было убеждение, что американцы с помощью новой администрации, но прежде всего опираясь на собственные силы, смогут вновь поставить на ноги страну. Что же касается роли государства, говорил Рузвельт, оно должно взять на себя организацию общественных работ, чтобы занять безработных, и оказывать помощь фермерам. При этом кандидат от Демократической партии стремился не конкретизировать, что именно он собирается сделать. Ему важно было привлечь на свою сторону как можно более широкий круг избирателей из различных слоев населения — от миллионеров до безработных. Перед разными аудиториями он подчеркивал те стороны восстановления, которые были наиболее близки именно тем людям, к которым он обращался в данный момент, стремясь в то же время никак не обидеть другие слои. Понятно, что это требовало немалой словесной эквилибристики и демагогии.

Любители острого словца сочинили немало анекдотов по поводу президентской кампании Рузвельта, его противоречивых обещаний. Один из них, например, рассказывал, что советники по ошибке дали Рузвельту для выступления два проекта речи — один в защиту свободной торговли, другой с требованием усилить протекционизм, и Рузвельт якобы ухитрился произнести их оба — то ли один за другим, то ли перемежая. Скорее всего это была злая выдумка. Но утверждение, что в одних выступлениях кандидат отстаивал «новый национализм», а в других «новую свободу» и обе концепции преподносились под флагом «Нового курса», соответствует действительности.

Вещая о необходимости разработки и осуществления широкого плана помощи фермерам, Рузвельт оговаривался, что эта программа ничего не должна стоить государству. В других речах он обещал сократить государственные расходы не менее чем на четверть; но тотчас же после этого звучали посулы ввести общественные работы, начать финансируемое государством

жилищное строительство, призванное покончить с трущобами и тем более «гувервиллями», предпринять, опять-таки за счет государства, строительство крупных промышленных объектов в долине реки Теннесси, где последствия кризиса оказались особенно катастрофическими. Ясно, что эти планы были несовместимы. Рузвельта, однако, слушали со всё большим вниманием, игнорируя противоречия, упрощения, несбыточные обещания, которые звучали в изобилии. Все они покрывались магическим выражением «Новый курс», хотя, казалось, ни у самого Рузвельта, ни у его «мозгового треста», ни у менеджеров избирательной кампании не было сколько-нибудь ясного представления о том, что же это такое.

Впечатление это было обманчивым, так как немедленно после вступления Рузвельта на высший государственный пост законодательные предложения, содержавшие конкретные меры «Нового курса» во всех жизненно важных областях, посыпались как из рога изобилия. «Мозговой трест» и весь аппарат кандидата потрудились на славу.

Во многих своих речах Рузвельт повторял понравившиеся ему выражения: что необходимо позаботиться о «забытом человеке, находящемся в основании социальной пирамиды» (оно неизменно вызывало бурную реакцию одобрения на левом фланге и ненависти на противоположном), что надо смело и настойчиво экспериментировать. «Здравый смысл подсказывает необходимость обратиться к какому-нибудь методу и испытать его. Если же он не оправдает себя, надо это честно признать и найти что-то другое», — вновь и вновь повторял он с незначительными вариациями{271}.

Постепенно в его выступлениях стали звучать мысли о необходимости перестроить Демократическую партию, придать ей подлинно либеральный характер. По его поручению Моли подготовил обширный меморандум с призывом к демократам превратиться в подлинную партию прогрессивных реформ путем привлечения в свои ряды рабочих, фермеров, представителей средних городских слоев. «В стране нет места для двух реакционных партий», — провозглашалось в меморандуме{272}.

Для каждой группы слушателей Рузвельт и его советники стремились выбрать тему, которая в наибольшей степени их волновала. В городе Топека (северная часть штата Канзас), само название которого в переводе с индейского наречия означает «копать хороший картофель», он советовал собравшимся окрестным фермерам, как контролировать сбор урожая. В Солт-Лейк-Сити (штат Юта), быстро обраставшем пригородами, демократический кандидат обещал в случае своего избрания

государственную помощь строительству сети пригородных железнодорожных линий, которые сократили бы жителям время, затрачиваемое на то, чтобы добираться на работу и домой. Во многих выступлениях подвергалась критике республиканская администрация за чрезмерные расходы. Как мы уже знаем, Рузвельт обещал по крайней мере на 25 процентов сократить средства, затрачиваемые на содержание федеральной бюрократии, умалчивая о том, что для дорогостоящих государственных проектов она была необходима.

Выступления перед собиравшимися толпами перемежались деловыми завтраками, обедами, приемами, жаркими рукопожатиями с местными боссами, имена которых надо было во что бы то ни стало запомнить. Одновременно Фарли встречался с лидерами местных организаций Демократической партии тех штатов, которые не были охвачены во время первой поездки, вел телефонные переговоры с национальными и местными авторитетами. Так установилась легендарная сеть, «паутина» личных, чуть ли не интимных связей, охватывавшая тысячи людей, которая сделала Фарли признанным главным аналитиком настроений и намерений избирателей на протяжении всех тридцатых годов и позволила вносить быстрые коррективы в предвыборную тактику на протяжении первой, а затем и следующих президентских кампаний Рузвельта.

Сторонники Гувера, разумеется, отбивались, но и форма, и содержание их нападок на Рузвельта свидетельствовали о растерянности, отсутствии или, по крайней мере, нехватке встречных аргументов. Как правило, дело ограничивалось оскорблениями или ругательствами. Рузвельта называли «заурядным лжецом», «фальшивым, раскрашенным богом» и просто сумасшедшим. Но пренебрегать даже такими выпадами было невозможно, и демократический кандидат, используя всё свое красноречие и остроумные изобретения своего штаба, отвечал на них спокойно, без ругани, что привлекало к нему новых сторонников, в том числе из числа тех избирателей, кто обычно поддерживал республиканцев.

Гувер, политик опытный и дальновидный, постепенно стал понимать, что обречен. Сам себя он называл старым бойцом, вступившим в неравную битву, чтобы в ней достойно отдать жизнь. Даже сторонники республиканского кандидата отмечали неизбежность его поражения. На одном из собраний появился плакат с рифмованной надписью: *In Hoover we trusted; now we busted* («Гуверу мы доверяли; теперь мы всё потеряли»).

Согласно опросам общественного мнения, ко второй половине октября за Рузвельта высказывались избиратели 44

штатов и только четыре штата предпочитали других кандидатов. Гувер стал настолько непопулярен, что в Детройте во время его выступления конная полиция вынуждена была рассеивать возбужденную толпу.

* * *

Согласно американской традиции президентские выборы проводятся во вторник после первого понедельника ноября очередного високосного года. На сей раз они происходили 8 ноября 1932 года.

Рузвельт, находившийся с женой в Гайд-Парке, утром отправился голосовать. Хорошо знакомый ему представитель избирательной комиссии задал два обязательных вопроса: «Какова ваша фамилия?» и «Каков главный характер ваших занятий?» Ответ на второй вопрос оказался совершенно неожиданным: «Выращивание деревьев», Именно так будет отвечать Рузвельт на этот вопрос и во время всех следующих основных (каждые четыре года) и промежуточных (каждые два года) выборов.

После голосования кандидат от Демократической партии выехал в Нью-Йорк, где в отеле «Билмор» разместился его избирательный штаб. Когда стало ясно, что за Рузвельтом полная победа, он появился в бальном зале отеля и обратился к собравшимся с краткой речью благодарности, особенно выделив заслуги Луиса Хоува и Джеймса Фарли. Другие члены штаба почувствовали себя несколько уязвленными, особенно Раймонд Моли, который с недавних пор считал себя правой рукой Франклина. Но такова уж была натура Рузвельта — он легко находил новых соратников, охладевал к прежним, хотя никогда не порывал с ними, оставляя их как бы в резерве для возможного использования в будущем.

Моли, правда, оказался исключением. Вскоре после вступления на президентский пост Рузвельт направил его в Государственный департамент в качестве заместителя госсекретаря. Однако Моли не смог найти общего языка со своим непосредственным начальником Корделлом Халлом, который счел его надсмотрщиком и даже шпионом Белого дома и поставил президенту ультиматум. Выбор оказался на стороне Халла, и вконец обиженный член «мозгового треста», сделавший очень много для того, чтобы Рузвельт был избран, навсегда ушел с общественной арены.

В результате голосования Франклин Делано Рузвельт

получил 57 процентов голосов избирателей и 472 голоса выборщиков из сорока двух штатов[19] (против него голосовали 59 выборщиков). Если иметь в виду, что всего в состав США тогда входили 48 штатов, значит, против его кандидатуры выступили лишь шесть штатов. Это была наиболее значительная победа Демократической партии со времен Гражданской войны 1861—1865 годов. При всей противоречивости выступлений Рузвельта во время избирательной кампании было ясно, что большинство американцев высказались за серьезные прогрессивные изменения в государственной политике во имя скорейшего преодоления кризиса, за отказ от невмешательства властей в хозяйственные дела, за активизацию роли своей страны на международной арене.

Рузвельт следил за ходом выборов, промежуточные результаты которых по штатам сообщались по радио. Когда передали, что в Пенсильвании голоса отданы за него, стало ясно, что он будет избран. Тотчас же сработала недремлющая спецслужба охраны американских президентов. В комнату, где он находился, тихо, стараясь не привлекать внимания, вошли два рослых человека в одинаковых темных костюмах. Лишь через несколько минут окружающие обратили внимание на новых лиц и Рузвельт — видимо, с немалым торжеством — ощутил, что у него появились телохранители. Одновременно были резко усилены контроль за всеми помещениями, где он находился или должен был появиться, и охрана всех членов его семьи в Нью-Йорке, Гайд-Парке и других местах. С этого момента до последнего вздоха Рузвельта охранники будут следить за каждым его шагом, готовые пожертвовать собой, чтобы сохранить драгоценную жизнь главы исполнительной власти США.

Глава четвертая. ПРЕЗИДЕНТ. «НОВЫЙ КУРС»

Единственное, чего мы должны бояться, — это самого страха.

Ф. Рузвельт

От выборов к инаугурации

Франклин Делано Рузвельт стал 32-м президентом США. К исполнению своих новых функций он был подготовлен предыдущей работой и в законодательной, и в исполнительной власти, как национальной, так и местной. Два года в сенате штата Нью-Йорк, семь лет в военно-морском министерстве, четыре года на посту губернатора — всё это дало ему богатый опыт государственной деятельности, который в сочетании с его способностями и трудолюбием создавал благоприятные предпосылки для выполнения президентских функций.

Выборы были выиграны в один из наиболее драматических моментов в истории Соединенных Штатов. К 1932—1933 годам экономический коллапс стал настолько глубоким, что многие серьезные наблюдатели выражали сомнение, что американский капитализм и конституционная демократия США вообще смогут выжить.

За четыре с половиной года депрессии промышленное производство страны сократилось в два раза. Свыше четверти рабочих не имели работы, а многие трудились неполный рабочий день или неполную неделю. При этом федеральной помощи по безработице не существовало, а на местном уровне она была введена не во всех штатах и оставалась незначительной. Банковско-финансовая сеть была совершенно расстроенной.

Но система пока существовала, хотя как бы по инерции, и Рузвельту, исполненному желания немедленно приступить к проведению «Нового курса», предстояло ожидать еще долгих четыре месяца до официальной инаугурации (введения в должность), которая происходила тогда в марте. Эти месяцы были использованы Рузвельтом и его «мозговым трестом» для того, чтобы хотя бы в какой-то мере превратить «новый курс» из хлесткого лозунга в более или менее определенную программу действий и, главное, подобрать ту команду разработчиков и исполнителей, которой предстояло выполнять волю высшего должностного лица.

Месяцы между выборами и инаугурацией Рузвельт вначале думал использовать для поездки в Европу, чтобы продемонстрировать свой «интернационализм», то есть намерение порвать с традиционным изоляционизмом американцев, которым искусно пользовались консервативные политики, главным образом из числа республиканцев. Но по зрелом размышлении он решил, что его «не поймут» прежде всего голосовавшие за него рядовые избиратели, чье материальное

положение всё ухудшалось из-за новой волны экономического кризиса. Избранный, но еще не вступивший в должность президент почти полностью сосредоточился на внутренних делах.

Вначале он пытался добиться, хотя бы в какой-то степени, преемственности хозяйственной политики с «хромой уткой». Состоялись две встречи с Гувером, на которых Рузвельт пытался убедить его в необходимости активного вмешательства государства в экономическую область. Чтобы произвести как можно более благоприятное впечатление на Гувера, Рузвельт даже приобрел официальные брюки в полоску и высокую шляпу.

Однако встречи вызвали раздражение у обоих политиков и не привели ни к каким результатам. Уходящий президент по-прежнему был против вторжения государства в экономику — за исключением внешней финансовой активности (он считал необходимым добиться выплаты Соединенным Штатам долгов других государств и восстановления золотого денежного стандарта). Рузвельт же главное внимание обращал на внутренние дела. «Вы ничего не добьетесь», — повторял Гувер, пророча преемнику полную политическую компрометацию{273}.

Впрочем, Рузвельт не вступал в открытый спор с предшественником, считая это попросту излишним. Рой Дженкинс с полным основанием пишет: «Улыбка избранного президента, внешне выражавшая согласие, означала только… что он принимает во внимание то, что было сказано. Гувер был не первым и тем более не последним, кто проявил подобное непонимание Рузвельта. ФДР избегал конфронтации столь долго, сколько он был в состоянии это делать»{274}.

Но встречи были не такими уж мирными. Во время второй аудиенции уходящий президент предложил избранному совместно выступить перед какой-нибудь аудиторией, чтобы продемонстрировать преемственность власти. Улыбавшийся Рузвельт просто не прореагировал на это предложение. Вслед за этим Гувер ему «отомстил». Когда Рузвельт прощался, он вежливо сказал, что Гувер, если пожелает, может нанести ему ответный визит, на что услышал: «Мистер Рузвельт, когда вы пробудете в Вашингтоне столь же долго, как я, вам станет известно, что президент Соединенных Штатов никого не навещает». Это был холостой выстрел отставного политика — Гуверу оставалось пребывать в Белом доме последние недели.

* * *

Становилось ясно, что «Новый курс» должен стать таковым в

полном смысле слова и что его должны проводить совершенно новые люди. «Мозговой трест» при прямом и руководящем участии будущего президента занялся прежде всего вопросом кадров.

Одно должностное лицо было определено изначально — вице-президент Джон Гарнер, избранный в «связке» с Рузвельтом. Это была довольно бесцветная фигура. Гарнер сознавал, что без компромисса с Рузвельтом он никак не смог бы попасть на весьма высокий, хотя и скорее демонстративный, нежели активно действующий, пост в федеральной исполнительной власти. Гарнер заверил Рузвельта, что не будет вмешиваться в решение важных политических вопросов, и на протяжении первого и второго четырехлетий рузвельтовского президентства выполнял это обязательство. Он, правда, серьезно расходился с Рузвельтом в оценках положения, стоял на значительно более консервативных позициях, но до поры до времени держал свое мнение при себе, не высказывая его официально. Это вполне устраивало Рузвельта и его «мозговой трест».

Остальных членов команды необходимо было определять на должности, хотя в отношении некоторых решение было известно заранее. В первую очередь это касалось личных помощников Рузвельта.

Главным из них стал, естественно, Луис Хоув. Ему предстояло получить резиденцию в Белом доме рядом с президентом. Он, как и ранее, был верным другом и советчиком, в полной искренности и откровенности которого президент был убежден. У Хоува, однако, имелся серьезный недостаток — по мнению Рузвельта, он был плохо знаком с экономическими проблемами, столь важными в это переломное время{275}.

Столь же верной помощницей являлась Элеонора. Она давно уже вела свою, отдельную от супруга, личную жизнь, но оставалась его близким другом. Пользовавшаяся влиянием и авторитетом в прогрессивных кругах, в частности в организациях женщин и афроамериканцев, Элеонора служила крепким связующим звеном с теми слоями, которые новый президент стремился привлечь на свою сторону, не вступая с ними в непосредственное общение. Позже, когда ее супруг приступит к исполнению президентских функций, она станет вести ежедневную газетную рубрику «Мой день», которая будет перепечатываться многими газетами и окажется авторитетной для массы американцев.

Еще одним заранее предсказуемым членом группы личных помощников стала секретарь Рузвельта еще с 1920-х годов Мисси Лихэнд. Исправно выполняя технические функции, Мисси —

пожалуй, к удивлению других помощников и тем более «мозгового треста» — играла и более серьезную роль. Теперь уже женщина средних лет, но сохранившая красоту и обаяние, хотя и рано поседевшая, жившая в доме Рузвельтов с 1928 года и пользовавшаяся полным доверием не только Франклина, но и Элеоноры, Мисси была и приятной собеседницей в непродолжительные минуты отдыха, и советчицей в политических вопросах. Рузвельт, по единодушной оценке работавших у него людей, прислушивался к ее мнению, считая, что она выражает позицию «обычного человека».

Наряду с этими людьми в состав личного кабинета президента вошли журналисты Стив Эрли и Марвин Макинтайр, которые при освещении в прессе избирательной кампании Рузвельта проявили себя как умелые и верные исполнители.

Затем начался подбор членов правительства. Особое внимание Рузвельт уделил посту государственного секретаря, учитывая, что кризис привел к обострению международной обстановки, а внутренние экономические дела невозможно было решить без учета внешних факторов. Новый президент рассматривал госсекретаря как своего реального первого помощника, пренебрегая тем, что формально таковым по Конституции США должен был являться вице-президент. Несколько кандидатур было отброшено, прежде чем Рузвельт согласился выдвинуть на этот пост Корделла Халла. Поначалу этот выбор казался странным, так как у Халла не было значительного внешнеполитического опыта.

Однако уже в ближайшие месяцы полностью подтвердилась правильность прогноза президента и его советников — Халл продемонстрировал умение видеть развитие мировых событий, по крайней мере в ближайшей перспективе, объединять сами события и реакцию на них США в единый комплекс, в котором увязывались наиболее целесообразные с точки зрения администрации подходы и решения и здоровое упрямство в отстаивании своей позиции, от которой Халл отказывался только тогда, когда его убеждали, что он допустил просчет. Примером такого рода просчета была долголетняя установка министра на сохранение курса свободной торговли, которая в предвоенных условиях приходила в противоречие и с государственными интересами США, и с личными намерениями президента. Скрепя сердце Халл был вынужден согласиться с принципом жесткого государственного контроля внешнеторговой деятельности, на котором настаивал Рузвельт.

Халл отлично понимал, что в критических условиях 1930-х годов, как и позже, во время Второй мировой войны, основные

внешнеполитические решения принимаются не в Госдепартаменте, а в Белом доме. Халл оказался самым большим «долгожителем» среди руководителей внешнеполитического ведомства США, прослужив на этой должности почти 12 лет.

Пост министра финансов был вначале предложен известному эксперту Демократической партии по валютно-денежным вопросам сенатору Картеру Глассу Занимая по монетарным делам ортодоксальную позицию, Гласе поставил вопрос, не намеревается ли новая администрация встать на путь инфляции. Рузвельт, несколько раздраженный тем, что ему ставят предварительное условие, дал инструкции Моли для разговора с Глассом: «Что касается инфляции, можете сказать, что мы не собираемся выбрасывать идеи в окно только потому, что их обозвали инфляцией. Если Вы чувствуете, что старикан не желает идти вместе с нами, не давите на него»[{276}].

Гласе действительно не поступился принципами и отказался войти в правительство. Пост министра финансов был предложен Уильяму Вудину — богатому нью-йоркскому бизнесмену, щедро финансировавшему избирательную кампанию Рузвельта. Помимо того, что он хорошо знал проблему изнутри, его назначение укрепило контакты президента с Уоллстрит и было благожелательно встречено почти всеми демократами, связанными с крупным капиталом.

Продолжая балансировать между консерваторами и прогрессистами, Рузвельт сделал министром сельского хозяйства Генри Уоллеса — республиканца из штата Коннектикут, который был известен радикальными взглядами и даже высказывался за те или иные формы коллективной обработки земли. Помимо того, что таким образом Рузвельт протягивал руку левым аграриям, он демонстрировал готовность решать вопросы внутренней политики на межпартийной основе. Впрочем, формально республиканцем считался и Вудин, по существу уже давно отошедший от этой партии.

По сходным причинам — для расширения политической базы правительства — министром труда была назначена Френсис Перкинс, старая знакомая Рузвельта еще со времени расследования пожара на швейной фабрике в Нью-Йорке в 1911 году. Так впервые в правительстве США появилась женщина. В широких кругах о ней сохранили добрую память. Ныне министерство труда США располагается в здании, носящем имя Ф. Перкинс.

В отличие от Перкинс, с которой Рузвельт был на короткой ноге, пост министра внутренних дел был предоставлен ранее никогда не встречавшемуся с новым президентом члену

Республиканской партии, чикагскому адвокату Гарольду Икесу (1874—1952) — по рекомендации чикагских сторонников, знавших его как прогрессиста и борца за права индейцев. В США, в отличие от многих других стран, министерство внутренних дел является не репрессивным органом, ведающим полицией и организацией внутренней безопасности, а ведомством, управляющим природными богатствами страны[20], то есть не относится к ведущим. Но Рузвельт, с молодых лет заботившийся о сохранении природы, озеленении и развитии сети национальных парков, считал Икеса одним из своих верных помощников. Став лично близким к Рузвельту, тот смог значительно усовершенствовать дело охраны природы, использование естественных ресурсов, лесное хозяйство, деятельность национальных парков, причем продолжал эту работу и в условиях Второй мировой войны, «выгрызая» из финансовых ведомств необходимые средства.

Только Икес и Перкинс являлись членами правительства на протяжении всех двенадцати лет пребывания Рузвельта на президентском посту (чуть раньше, за полгода до смерти Рузвельта, ушел в отставку по состоянию здоровья Корделл Халл).

* * *

Все подобранные Рузвельтом министры были людьми либо опытными, либо способными, либо обладали обоими этими качествами. Но среди них не было звезд первой величины, которые могли бы впоследствии претендовать на высший государственный пост. Именно так Рузвельт сознательно формировал состав своего правительства, в котором ему по всем вопросам должна была принадлежать партия первой скрипки и никто не мог сравниться с ним по качествам государственного деятеля.

Чуть забегая вперед отмечу мнение Р. Тагвелла, относящееся к поведению Рузвельта уже в качестве действующего президента, но вполне применимое и ко времени формирования его кабинета: «Ни один президент не имел более тонкого понимания сложной механики отношений между людьми. Он всматривался в то, как его подчиненные вели свои игры, останавливал их в случае необходимости, помогал, когда это было надо, наказывал невниманием и вознаграждал, делился с ними своими самыми потайными мыслями. Каждый член администрации был в курсе, что Гарольд Икес, Генри Уоллес или Джесс Джонс[21] приглашены к обеду с президентом, и думал, как это отразится на его

интересах»{277}.

Еще до вступления на президентский пост Рузвельт пережил сильный стресс. 4 февраля он отправился в десятидневное морское путешествие на яхте своего хорошего знакомого Уинсента Астора. 15 февраля, по прибытии в Майами, штат Флорида, избранный президент выступил в городском парке перед 20 тысячами жителей города и окрестностей. На эту встречу приехал и мэр Чикаго Антон Сермак, который на партийном съезде выступал против Рузвельта, а теперь пытался наладить с ним отношения.

Как раз в тот момент, когда Франклин завершил свою речь, в него пять раз выстрелили из пистолета. Стрелявший — анархист, итальянец по происхождению, рабочий-каменщик Джузеппе Зангара, к счастью, целиться не умел. Ни одна пуля не задела президента, но Сермак случайно был смертельно ранен и скончался через две недели[22]. Арестованный на месте преступления Зангара заявил, что с детских лет мечтал убить какого-нибудь короля или президента.

Следствие полагало, что убийца был членом какой-то организованной группы, но найти доказательств не смогло. Он был приговорен к восьмидесяти годам тюремного заключения. Сам же Рузвельт во время покушения проявил завидные мужество и выдержку: по крайней мере внешне не выказал никакого волнения и спокойно попрощался с присутствовавшими на собрании{278}. Раймонд Моли писал, что спокойствие Рузвельта во время покушения было самым ярким впечатлением за всю его жизнь{279}.

Вступление в должность и банковские выходные

Четвертого марта 1933 года состоялась инаугурация — торжественное введение Рузвельта в должность президента. Она происходила в Вашингтоне на террасе Капитолия — здания, в котором заседает конгресс. Под Капитолийским холмом находится огромное свободное пространство, именуемое столичным Моллом (одно из значений этого слова — обширное тенистое пространство для прогулок). В наши дни по обе стороны от Молла размещены прекрасные здания Национальной картинной галереи, Исторического музея, Музея естественной истории, Музея авиации и космонавтики, Музея американских индейцев и др.

Около одиннадцати часов утра Рузвельт появился перед Белым домом. Ему навстречу вышел Гувер, и они вместе отправились к Капитолию в автомобиле с конным эскортом. Гувер вошел в президентские апартаменты, где демонстративно подписал несколько законов, принятых за последнее время конгрессом. Рузвельт посетил инаугурацию вице-президента Гарнера, а затем ожидал своего часа в помещении сенатского комитета по военным делам.

Вслед за этим оба президента, старый и новый, вышли для заключительной церемонии на открытом воздухе. Положив правую руку на старую семейную библию, вступающий на президентский пост повторил за председателем Верховного суда Чарлзом Хьюзом: «Я, Франклин Делано Рузвельт, торжественно клянусь, что буду добросовестно исполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду в полную меру моих сил поддерживать, ограждать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, и да поможет мне Бог».

Принеся клятву верности народу Соединенных Штатов, новый президент, опираясь на руку сына Джеймса, подошел к трибуне и произнес небольшую речь, которая должна была внушить тысячам людей, присутствовавшим на церемонии, и миллионам радиослушателей надежду на лучшее. Вначале в речи чувствовалась напряженность, но постепенно появлялась свойственная Рузвельту свобода поведения. «Наша страна требует действий, действий немедленных… Наша великая нация выстоит в этом испытании так же, как она выносила прежние, оживет и добьется процветания… Единственное, чего мы должны бояться, — это самого страха, не имеющего имени, бессмысленного и

безотчетного, который парализует силы, необходимые для перехода в наступление». Рузвельт заявил, что немедленно попросит конгресс предоставить ему необходимые полномочия для борьбы с невзгодами, обрушившимися на Америку, причем полномочия такого уровня, как если бы на страну напал внешний враг{280}. Мысли, высказанные Рузвельтом, были не столь уж оригинальными, но последствия его речи оказались глубокими и разносторонними.

Если на большинство американского народа выступление президента произвело самое благоприятное впечатление, то среди иностранных наблюдателей нашлось немало людей, которым показалось, что он намерен установить личную диктатуру. Именно такое мнение сложилось у англичанина Гарольда Николсона, дипломата и журналиста, присутствовавшего на церемонии{281}. Подобные заявления нередко делались во время лихорадочных первых ста дней президентства, но, как показало дальнейшее развитие событий, не имели под собой оснований.

Может быть, такого рода мысли у Рузвельта иногда возникали, особенно когда он сталкивался с резким противодействием тем мерам, в целесообразности которых был уверен. Но и американская традиция, и баланс властей, и собственный жизненный опыт удерживали президента от этих губительных шагов. Он оставил страну своим преемникам такой же демократической, какой получил от предшественника.

Возлагая все надежды на нового президента, газета «Нью-Йорк таймс» писала в день инаугурации: «О нем будут думать как о чудотворце».

В тот же день в газетах появилось сообщение из Европы: «Завтра ожидается победа Гитлера». Речь шла о выборах в рейхстаг — германский парламент. Правда, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера, 30 января ставшего главой правительства и приступившего к созданию тоталитарной системы, на выборах всё же не набрала абсолютного большинства голосов, и казалось, что исход борьбы еще не решен. Но американцев в это время волновали дела не за океаном, а в своей стране.

После инаугурации состоялся торжественный воинский парад на Пенсильвания-авеню, главной улице столицы. Советники уговаривали Франклина отменить парад в связи с чрезвычайными условиями, но он отказался, говоря, что день его въезда в Белый дом должен стать началом новой эпохи в истории страны, и эту дату американцам следует хорошо запомнить. Конечно, это была бравада, но за ней скрывалась решимость добиваться своих целей

во что бы то ни стало. Парад проходил под музыку только что написанного «Марша Франклина Делано Рузвельта», автором которого был министр финансов Вудин, «по совместительству» неплохой композитор.

В первый день своего президентства Рузвельт в очередной раз решил, как полагалось крупному государственному деятелю, писать дневник для истории и в качестве основы для собственных будущих мемуаров. Но терпения у него хватило только на два дня. Занятый неотложными делами, он забросил дневник. Он еще раз попытался делать дневниковые записи в условиях Второй мировой войны, но также очень скоро прекратил. Преждевременная кончина не дала Рузвельту возможности написать мемуары. Зато документальный багаж президента стал пополняться с первого дня и составил огромную коллекцию, по которой можно проследить его деятельность изо дня вдень.

* * *

Тотчас после торжества Рузвельт провел первое заседание новой администрации. Обсуждался только один чрезвычайный вопрос: что делать с финансовой системой, которая находилась в состоянии коллапса. Как раз в это время разорилось несколько крупных банков и толпы вкладчиков ринулись в еще работавшие банковские конторы, чтобы поскорее забрать свои деньги, пока это еще можно было сделать. Левые деятели, в частности сенатор-прогрессист Роберт Лафоллет, настаивали, чтобы Рузвельт провел национализацию финансовой системы. Однако он при поддержке членов Кабинета решительно отказался сделать это, полагая, что такая мера лишь усилит недоверие к банкам и приведет к экономической катастрофе.

На следующее утро произошла неприятность, которую сам Рузвельт потом не раз вспоминал. Слуга привез его в Овальный кабинет — официальный кабинет президентов, — усадил за стол и оставил одного. Стол был пуст — покидая Белый дом, Гувер и его подчиненные полностью вычистили помещение, забрав даже письменные принадлежности. Рузвельт не знал, где находится кнопка вызова персонала. Он пытался позвать кого-нибудь — никто не откликнулся. Тогда президенту пришлось закричать, и в офис ввалились слуги, охранники, помощники. После этого все помещения президентской резиденции стали перестраиваться с учетом тяжкой болезни ее нового владельца.

Спустя четыре дня после вступления в должность Рузвельт провел первую пресс-конференцию. Она резко отличалась от

встреч с журналистами, которые устраивали его предшественники. Прежде всего, он принял газетчиков не в большом помещении, а в Овальном кабинете. Пресса была впервые допущена в святая святых американской политики, где президент подписывал официальные бумаги, принимал высоких посетителей и т. д. Свыше сотни журналистов толпились, плотно прижавшись друг к другу, перед рабочим столом, за которым сидел глава государства.

Франклин начал встречу словами: «Очень приятно видеть вас всех здесь в надежде, что эти конференции станут расширенным изданием тех прекрасных семейных встреч, которые я проводил в Олбани последние четыре года»[282].

Если другие президенты, в частности Гувер, требовали, чтобы им предварительно предоставляли вопросы, Рузвельт от этой практики отказался. Он говорил с ходу, правда, как правило, не давая прямого ответа, а ссылаясь на то, что через три дня всё подробно скажет перед законодателями. Журналистам, очарованным свободным поведением Рузвельта, его умением отвечать на вопросы и чувством юмора, пришлось в своих отчетах отражать главным образом эмоции, а не президентские намерения.

Убедившись, что первый блин отнюдь не вышел комом, Рузвельт ввел свободные пресс-конференции в обычай. Более того, некоторые из них проводились в Гайд-Парке, на лоне природы, и иногда сопровождались пикником. Журналисты, да и сам президент, вели себя еще более непринужденно, поглощая барбекю — мясо, жаренное на открытом огне. На встречи приглашались до двухсот представителей всех значительных периодических изданий США. Пресс-конференции способствовали самому широкому оповещению населения о деятельности и намерениях правительства. Впрочем, нередко, обращая внимание на менее важное, Рузвельт умело скрывал то, что считал преждевременным доносить до широкого круга читателей.

На одной из пресс-конференций побывали в 1935 году советские писатели Ильф и Петров. Вот их впечатления:

«Два раза в неделю, в десять тридцать утра, президент… принимает журналистов. Мы попали на такой прием. Он происходит в Белом доме. Мы вошли в приемную, где стоял громадный круглый стол, сделанный из дерева секвойи… Гардероба не было, и входящие журналисты клали свои пальто на этот стол, а когда на столе не осталось места, стали класть просто на пол. Постепенно собралось около ста человек. Они курили, громко разговаривали и нетерпеливо посматривали на небольшую белую дверь, за которой, как видно, и скрывался

президент Соединенных Штатов.

Нам посоветовали стать ближе к двери, чтобы, когда станут пускать к президенту, мы оказались впереди, — иначе может случиться, что за спинами журналистов мы его не увидим…

Час приема уже наступил, а журналистов всё не пускали. Тогда седоватые джентльмены — сперва тихо, а потом громче — стали стучать в дверь. Они стучались к президенту Соединенных Штатов, как стучится помощник режиссера к артисту, напоминая ему о выходе…

Наконец дверь открылась, и журналисты, толкая друг друга, устремились вперед. Мы побежали вместе со всеми. Кавалькада пронеслась по коридору, потом миновала большую пустую комнату. В этом месте мы легко обошли тяжело дышавших седовласых джентльменов и в следующую комнату вбежали первыми.

Перед нами, в глубине круглого кабинета, на стенах которого висели старинные литографии, изображающие миссисипские пароходы, а в маленьких нишах стояли модели фрегатов, — за письменным столом средней величины, с дымящейся сигарой в руке и в чеховском пенсне на большом красивом носу сидел Франклин Рузвельт…

Начались вопросы. Корреспонденты спрашивали, президент отвечал.

Весь этот обряд, конечно, несколько условен. Всем известно, что никаких особенных тайн президент журналистам не раскроет. На некоторые вопросы президент отвечал серьезно и довольно пространно, от некоторых отшучивался (это не так легко — отшучиваться дважды в неделю…), на некоторые отвечал, что поговорит об этом в следующий раз.

Красивое большое лицо Рузвельта выглядело утомленным…

Вопросы и ответы заняли полчаса. Когда наступила пауза, президент вопросительно посмотрел на собравшихся. Это было понято как сигнал к общему отступлению. Раздалось нестройное: “Гуд бай, мистер президент!” — и все ушли. А мистер президент остался один в своем круглом кабинете, среди фрегатов и звездных флагов»{283}.

Девятого марта 1933 года состоялось чрезвычайное заседание обеих палат конгресса. К счастью для Рузвельта, он имел большинство и в палате представителей, и в сенате. Председателем палаты представителей впервые за 50 лет был избран демократ из Иллинойса Генри Рейни, а сенат, согласно Конституции США, возглавлял вице-президент.

В соответствии с той установкой, которую Рузвельт дал в своей инаугурационной речи, конгресс действовал как бы на

осадном положении. Процедурные нормы не соблюдались. Было нарушено правило, что внесенные законопроекты поступают на рассмотрение соответствующих комитетов, а их тексты должны быть вручены всем депутатам. Комитеты просто еще не были образованы, а предлагаемые акты не были напечатаны.

Уже в эти чрезвычайные дни проявилась важная особенность Рузвельта — соблюдая конституционные нормы в целом, не выходя за пределы американских демократических традиций, он не гнушался действовать в обход конгресса, который подчас вынужденно следовал за ним. Ни для кого в государственных верхах не было тайной, что помощники президента из «мозгового треста» ведут точный учет, как голосует тот или иной конгрессмен. Поддерживавший президентские инициативы мог рассчитывать на получение в близком будущем почетного назначения или рекомендации, голосовавшему против грозило (правда, не всегда — в этом деле Рузвельт был осторожен) политическое небытие. Это не было коррупцией, но какие-то элементы непотизма, покровительства удобным людям, разумеется, имели место. Да и, честно говоря, как без них обойтись в политике?

Помимо этого, многие законы, принятые в ближайшее время, носили общий характер, что позволяло быстро провести их через конгресс и в то же время давало президенту право толковать и применять их по своему разумению.

В результате важнейшие мероприятия «Нового курса» в своего рода скелетообразной форме были протащены через конгресс уже в первые сто дней рузвельтовского правления.

По требованию президента все банки страны были на четыре дня закрыты — объявлены «выходные дни», запрещен экспорт золота и серебра. Тотчас же внесенный в конгресс закон о деятельности банков в чрезвычайных условиях (текст существовал в единственном экземпляре, который зачитал клерк, а парламентарии вынуждены были воспринимать его на слух) провозглашал, что после «каникул» будут открыты только самые крупные банки, а Федеральной резервной системе (то есть министерству финансов) поручалось выпустить достаточное количество денежных знаков, чтобы обеспечить дальнейшую хозяйственную деятельность и не допустить паники.

Наспех избранный лидер демократического большинства палаты представителей Джозеф Бирнс предложил, чтобы время обсуждения закона было ограничено сорока минутами. Проявляя невиданное единодушие с ним, лидер меньшинства Бертран Снелл, также обретший свою должность за считаные минуты перед этим, заявил: «Наш дом в огне, и президент Соединенных

Штатов говорит, что это путь, чтобы унять огонь»{284}. Законопроект стал законом даже менее чем за предусмотренные 40 минут. Вскоре Рузвельт написал Джозефу Кеннеди: «Мы держим пальцы крест-накрест (то есть верим в успех. — *Г. Ч.)* и надеемся сделать реальное дело, пока настроение страны и конгресса остается таким хорошим»{285}.

* * *

Через неделю после инаугурации, 12 марта, Рузвельт выступил с обращением к американскому народу не с официальной трибуны, а по радио. Его речь не походила на предыдущие радиообращения президентов с традиционными ораторскими приемами вроде повышения и понижения тона. Он сидел у камина и как бы вел задушевную беседу не с миллионами американцев, а с каждым из них в отдельности, говорил негромким голосом, не употреблял пышной риторики, как будто беседовал с друзьями или, по крайней мере, с хорошо знакомыми людьми.

Перед президентом стояли три микрофона, стакан с водой. Ф. Перкинс вспоминала: «По мере того как он говорил, он склонял голову, руки естественно двигались. Время от времени на лице появлялась улыбка, как будто он в самом деле сидел рядом со слушателями. Люди это чувствовали, и это привязывало людей к нему»{286}.

Первая беседа у камина, как стали называть такие президентские обращения, была посвящена краху банковской системы и чрезвычайным мерам, которые были приняты в связи с ним. «Друзья мои, я хочу на несколько минут занять внимание граждан Соединенных Штатов, чтобы поговорить о банках» — так он начал свое выступление{287}. Президент уверял американцев, что банки откроются в ближайшие дни. Первую «встречу» у камина он завершил словами: «В конце концов, в нынешней перестройке финансовой системы есть нечто такое, что важнее денег, важнее золота, — это доверие людей. Доверие и мужество — вот что необходимо для успешного осуществления нашего плана. Вы должны иметь веру, друзья мои, не ударяться в панику от слухов и догадок. Давайте объединимся, чтобы изгнать страх. Мы разработали механизм для восстановления финансовой системы. Теперь только вы можете поддержать его и заставить работать. Это ваше дело, друзья мои, — ваше в неменьшей степени, чем мое. Вместе мы обязательно добьемся успеха»{288}.

Создавалось впечатление, что Рузвельт не готовился к этим

беседам, что они были спонтанными. Это не так. Сам новый жанр обращения к населению был изобретением президента и его «мозгового треста». Текст готовился заранее, внимательно вычитывался и исправлялся, после чего иногда появлялся совершенно новый вариант Рузвельт репетировал выступление, сидя перед записывающим устройством, чтобы затем послушать, как оно звучало. На подготовку каждого выступления уходила примерно неделя. Между прочим, оказалось, что при спокойном темпе в речи президента слышался легкий, но не очень приятный свистящий звук. Пришлось проверить челюсти. Оказалось, что причиной была щель между передними зубами, которую стоматологи легко устранили.

Рузвельт был прав — люди ему поверили. Ильф и Петров писали о впечатлении, произведенном этими беседами на многих рядовых американцев: те сочли, что Рузвельт — очень хороший человек и заботится о бедных людях. Они слышали от жителей глубинки: «Рузвельт вежливо отберет миллиарды, а богачи с кроткими улыбками эти миллиарды отдадут». Миллионы американцев, продолжали авторы «Одноэтажной Америки», находятся во власти таких детских идей{289}.

На четыре дня экономическая жизнь страны замерла. Шли бурные дискуссии: что делать дальше, как поступить с банками, с финансами, с бумажными деньгами. Сенатор-прогрессист Роберт Лафоллет вновь призвал Рузвельта создать подлинно национальную, то есть фактически государственную финансово-банковскую систему Руководители корпораций резко выступали против этого, но позитивных решений не предлагали. Некоторые считали, что бумажные деньги следует вообще изъять из обращения, заменив их купонами, подобными тем, которые выдавали горнодобывающие компании своим работникам в местностях, где не было банков.

В конце концов команда Рузвельта пришла к решению открыть в каждом штате несколько банков, чьи операции должны были гарантироваться государством — фактически всем внутренним продуктом Америки и ее природными ресурсами.

Одновременно были обнародованы шокирующие данные о злоупотреблениях в банковской сфере, манипуляциях с ценными бумагами, уклонении от уплаты налогов, «займах» финансовым чиновникам, за которыми скрывалась коррупция, и т. п. Разумеется, все эти сведения были собраны заранее, но представлены общественности как раз в нужное время вкупе с обещаниями, что правительство отныне будет вести против подобных акций непримиримую борьбу. Широкие слои вновь поверили Рузвельту.

Когда на пятый день банки открылись, в них понесли деньги. В результате не только крупнейшие, а почти все банки страны возобновили работу. В честь этого Рузвельт объявил о возвращении американцам пива, официально запрещенного «сухим законом». И хотя никто этот запрет не соблюдал, отмена его (также пока еще незаконная) была воспринята как предвестник ликвидации ненавистного закона в целом. Президент, сам не отказывавшийся от кружки пенного напитка, да и от крепкого коктейля, торжествовал.

В то же время леворадикальные силы обрушились на него, упрекая в двуличности и даже в том, что он продался крупному капиталу «Президент изгнал менял из столицы 4 марта, а 9 марта они вернулись назад», — жаловались те, кто надеялся, что Рузвельт станет на социалистический путь{290}.

За первой «беседой у камина» последовали новые. Оказалось, что Рузвельта слушают, к его мнению прислушиваются американцы самых разных общественных слоев, что появилось новое и весьма эффективное средство разъяснения правительственной политики, убеждения граждан в ее правильности, а одновременно и повышения авторитета и влияния самого Рузвельта.

Обычно беседа продолжалась 35—40 минут, подчас чуть дольше. Определенного графика выступлений не было. Иногда между ними проходило два месяца, но чаще — полгода или даже больше, то есть вниманием своих слушателей президент не злоупотреблял, не допускал, чтобы они приедались, становились рутинными. Он использовал беседы у камина только тогда, когда ему приходилось принимать наиболее ответственные решения или страна оказывалась в критической ситуации, сущность которой обязательно надо было разъяснить в духе, необходимом Рузвельту.

И в «беседах у камина», и на пресс-конференциях Рузвельт почти никогда не упоминал о своей принадлежности к Демократической партии. Он стремился подчеркнуть общенациональный характер своей политики, необходимость единства американского народа, независимо от социальных, национальных, расовых и прочих различий, для решения тех сложнейших проблем, с которыми приходилось сталкиваться.

Достаточно привести тематику первых четырех бесед, состоявшихся в первый год «Нового курса» — 12 марта, 7 мая, 24 июля и 22 октября 1933 года: «Банковский кризис», «Первые программы и планы реформ», «Сто дней реформ», «Механизм экономической политики нового курса».

Во время второй «беседы у камина» Рузвельт отчитался перед

населением о том, что его администрация уже сделала по преодолению кризиса и что будет сделано в ближайшее время: «Сегодня у нас есть основания считать, что дела обстоят несколько лучше, чем два месяца назад. В промышленности произошло оживление, железные дороги перевозят больше грузов, цены на сельскохозяйственную продукцию изменились в лучшую сторону. Однако я не позволил бы себе выступать с излишне радужными заверениями. Шумиха не вернет нас на путь благосостояния, и я намерен всегда быть честным с народом нашей страны. Я не хочу, чтобы люди пошли по неразумному пути и допустили, чтобы это улучшение обернулось новой волной спекуляций. Я не хочу, чтобы необоснованный оптимизм породил у людей веру в то, что можно возобновить гибельную практику постоянного наращивания выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции в надежде, что доброе Провидение найдет покупателей по высокой цене. Такой курс может создать на короткое время иллюзию благополучия, но это будет благополучие, которое заведет нас в новый штопор»{291}.

В следующие годы выступления посвящались государственному регулированию экономики, отношениям между трудом и капиталом, программам общественных работ и социального обеспечения, оказанию помощи жертвам засухи, реформе Верховного суда, мерам по преодолению экономического спада 1937—1938 годов и т. д. Несколько реже выступал Рузвельт в годы Второй мировой войны, но иногда в связи с тем, что важнейшие события буквально следовали одно за другим, его беседы также происходили часто. Всего в 1933—1945 годах (в 1945-м состоялась только одна «беседа у камина» — 6 января — и посвящена она была послевоенному устройству мира) Рузвельт таким способом «встретился» со слушателями 31 раз.

«Беседы у камина» встречали живейший отклик. Президент получал многие тысячи дружественных писем. Вот лишь одно из них, написанное Генри Хёрстом из штата Алабама: «Дорогой мистер президент, я хотел бы обратиться к вам “мой друг”, так как все мы слушаем именно такое ваше приветствие, только через эфир и во множественном числе, но с такой искренностью, которая трогает сердца большинства американского народа»{292}. Высоко оценивали выступления президента не только простые люди, но и рафинированные интеллигенты, в том числе хорошо понимавшие, какое значение имеет политическая документация для изучения общества. Известный историк Чарлз Берд писал Рузвельту о необходимости издания его выступлений массовым тиражом для широкой аудитории{293}. Думается, что такого рода письма послужили стимулом к публикации многотомника

рузвельтовских документов.

Рузвельт смело вводил в работу президента новый стиль. Подчас при этом не обходилось без курьезов. Он, например, пожелал, чтобы члены кабинета называли его по имени. В первый раз позвонив в министерство труда и попросив к телефону министра — мисс Перкинс, он добавил, что говорит Франк. Секретарь министра бросила высокомерно: «Я не знаю никакого Франка. Кто это такой? Откуда он?» — на что последовал ответ: «Из Соединенных Штатов. Президент страны»{294}.

Членам кабинета и всей администрации льстила простота, с которой обращался с ними Рузвельт, нравились его шутки, порой, может быть, слишком вольные, но также воспринимавшиеся как свидетельство доверия и дружбы. Г. Икес, например, вспоминал, как однажды он явился к Рузвельту по срочному делу рано утром, когда тот брился в ванной комнате. Президент позвал его туда и, начиная разговор, предложил присесть на крышку унитаза, так как другого места просто не было. При этом он не удержался от предостережения: «Только не забудьте, что вы в штанах!»{295}

Постепенно у Франклина выработалась определенная манера общения с теми посетителями, которые одолевали его просьбами, крупными или мелкими. Он нередко стремился не допустить, чтобы гость успел высказать свое пожелание, стремился отделаться от просителя, но сделать это так, чтобы у него осталось наилучшее впечатление о приеме. С этой целью устанавливался соответствующий распорядок, за которым тщательно следил находившийся в комнате ожидания личный адъютант Рузвельта «папаша» Уотсон, которому был присвоен генеральский чин («папашей» его называли за манеру поведения, вроде бы покровительственное отношение не только к посетителям, но и к самому президенту). Посетителю давалось определенное время на беседу — обычно 10—15 минут. Но когда он заходил в президентский кабинет, хозяин не давал ему ничего сказать, а сам обрушивал на гостя длинные дружеские тирады, продолжавшиеся до того момента, когда должен был появиться следующий посетитель.

Вот как описывает такого рода приемы Д. Берне: «Внезапное приглашение в просторный кабинет, сияющая улыбка и протянутая для приветствия рука, фамильярное обращение к гостю по имени… легкий, плавный, эмоциональный, назидательный разговор, редко связанный с целью посещения… Сидя за письменным столом, перебирая сувениры и безделушки, президент своей экспансивностью, откровенностью и добродушием давал гостю возможность почувствовать себя непринужденно»{296}.

Вслед за открытием банков последовало снижение процентов по ипотеке, введение страхования банковских вкладов до 2,5 тысячи долларов (с 1935 года — до пяти тысяч), был установлен контроль над обращением золота. Все эти функции были возложены на Федеральную резервную систему Уоллстрит частично утратила роль единственного регулятора основных финансовых операций. Контроль за ними перемешался из Нью-Йорка в Вашингтон.

В проведении политики «Нового курса» Рузвельт использовал некоторые выводы выдающегося британского ученого-экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который немного позже, в 1934 году, находясь в США, встретился с американским президентом и одобрил его экономические мероприятия. Кейнс доказывал, в частности в своей книге «Общая теория занятости, процента и денег», что наилучшее средство преодоления экономической депрессии — щедрое расходование средств на общественные нужды. Правительство должно активно вмешиваться в экономику, не опасаясь нарушения денежного баланса. Такая деятельность, по мнению ученого, ведет не к социализму (в приверженности к которому его нередко обвиняли), а к восстановлению частнохозяйственной экономики.

Рузвельт не был сознательным последователем Кейнса, но в чрезвычайных обстоятельствах вынужден был идти на активное государственное вмешательство в экономику. По выражению американского историка, «Новый курс» представлял собой «выражение сложившихся условий, а не теорию»{297}.

Лихорадочные сто дней

После первых чрезвычайных мер последовала лавина реформ, которую часто именуют «лихорадкой первых ста дней». К июню 1933 года на рассмотрение конгресса были внесены проекты пятнадцати фундаментальных законов, посвященных сельскому хозяйству, промышленности, банковской системе, рабочему движению, защите земельной собственности, охране природы и т. д.

Создавалось впечатление, что вся эта масса предложений была импровизацией хотя бы в силу той срочности, с какой вносились законопроекты, один за другим. Конечно, во многих из них следы поспешности ощущались, и всё же большинство было результатом сбора разносторонней информации, детальных обсуждений «мозговым трестом», работы различных комиссий, созданных после вступления нового президента в должность. Так, сразу же после инаугурации Рузвельт образовал Особое совещание по рабочему вопросу под руководством министра Ф. Перкинс с задачей наметить чрезвычайные меры для преодоления катастрофического уровня безработицы и разработать долгосрочную программу улучшения условий труда{298}.

В сферу деятельности этого совещания входило обсуждение проектов трудового законодательства, создание при министерстве труда совещательного органа из специалистов и профсоюзных деятелей, причем уже на подготовительном этапе намечалось выслушать мнения представителей организованного рабочего движения и делового мира, которые рассматривались в качестве равноправных партнеров. Тем самым обеим сторонам посылался сигнал, что президент стоит выше эгоистических классовых интересов и готов всячески содействовать восстановлению социальной справедливости.

В. Л. Мальков, утверждая, что «Рузвельт уже в конце первого срока пребывания в Белом доме начинал сознавать тщетность расчетов достигнуть чего-либо с помощью пожарных полумер и штопанья общественных “дыр” средствами, приносившими лишь временное облегчение»{299}, прав лишь отчасти. Президент действительно прилагал много усилий, чтобы успокоить социальные страсти, губительные для страны, но это было отнюдь не «либеральное лицедейство», как пишет Мальков, а искреннее желание предотвратить социальный взрыв, от которого не гарантировано ни одно общество, даже такое традиционалистское, при всей своей динамичности, как американское. Только линия разумных компромиссов, поиск

консенсуса могли внести известное успокоение, и именно такой линии придерживался Рузвельт.

Противники продолжали утверждать, что Рузвельт вступает то ли на путь Сталина, то ли на путь Гитлера, что Соединенным Штатам грозит социализм в марксистской или национал-социалистической упаковке. Тем не менее конгресс, уверовав в способность президента вывести страну из катастрофического положения, следовал его воле и быстро утверждал, буквально штамповал вносимые им проекты. При этом Рузвельт и члены его «мозгового треста» решительно стояли на той позиции, что США должны оставаться капиталистической страной, в которой функционирует как крупный и средний капитал, так и мелкий бизнес. Именно такой подход должен был обеспечить и внутреннюю стабильность, и сохранение мощных позиций на международной арене. Мы не могли бы решить наши проблемы, писал Моли, «если бы Америка стала вдруг нацией мелких собственников, бакалейщиков, торгующих на углу, и кузнечных мастерских, расположенных под развесистыми каштанами»{300}.

Рузвельт не всегда был столь последователен и решителен, как при проведении чрезвычайных мер в банковской сфере. Когда в том же марте 1933 года он представил на рассмотрение конгресса проект бюджета, оказалось, что по сравнению с предыдущим годом предусматривалось не только сокращение фонда заработной платы государственных служащих на 100 миллионов долларов, но и уменьшение оборонных расходов на 221 миллион (почти на треть). Это вызвало вспышку гнева у начальника штаба армии генерала Дугласа Макартура. Как позже сам генерал описывал в своих мемуарах, безусловно субъективных, но, видимо, правдивых, он буквально ворвался в президентский кабинет с возгласом: «Безопасность страны висит на волоске!» Когда же Рузвельт с усмешкой спросил его, зачем Америке такая большая армия в мирное время, генерал вспылил еще больше и произнес неслыханные слова, оскорбив верховного главнокомандующего, каковым по должности являлся президент: «Когда мы проиграем следующую войну и американский парень будет лежать в грязи, проткнутый вражеским штыком, хозяин которого наступит ногой на его горло, он выплюнет свое последнее проклятие. Я хотел бы, чтобы оно было адресовано не Макартуру, а Рузвельту». — «Вы не имеете права говорить так со своим президентом», — прозвучал спокойный ответ. Опомнившийся генерал извинился за несдержанность и заявил о своей немедленной отставке. К своему огромному удивлению, Макартур услышал, что остается на своем посту, а бюджет армии не будет сокращен. Присутствовавший при разговоре, но

набравший в рот воды военный министр Джордж Дёрн при выходе сказал Макартуру: «Вы спасли армию»[{301}].

* * *

Из целой череды актов «Нового курса» в первую очередь 12 мая 1933 года были приняты аграрные законы: о рефинансировании задолженности фермеров и о регулировании сельского хозяйства (по первым буквам названия *Agricultural Adjustment Act* его обычно именуют *AAA),* Создавалась соответствующая администрация, которая выплачивала фермерам компенсации и даже премии за отказ от засева земли, убой скота и т. п. Ставилась задача при помощи этой в общем-то варварской меры ликвидировать существовавшие ножницы между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары, между фермерскими затратами и выручкой от реализации продукции, повысить цены на зерно, мясо и т. п., обеспечить платежеспособный спрос на продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Рузвельт тянет «Новый курс». Карикатура «Канзас-Сити стар». Март 1933 г.

По иронии судьбы, в 1933—1935 годах многие аграрные

районы США поразила засуха, часть урожая погибла и в результате «излишки» исчезли естественным путем, что работало на результат, которого призваны были достичь меры, предусмотренные законом о регулировании сельского хозяйства.

Еще до образования сельскохозяйственной администрации, в апреле 1933 года, президент издал распоряжение о создании Гражданского корпуса консервации природных ресурсов. Через эту систему была предоставлена работа почти 250 тысячам безработных, в основном молодых людей, которые теперь занимались лесопосадками, культивированием почвы и т. д.

В мае была образована Администрация долины реки Теннесси — мощная корпорация по организации общественных работ, охватывавшая штаты, по территории которых протекает эта река, — Вирджинию, Северную Каролину, Теннесси, Джорджию, Алабаму, Миссури и Кентукки. В 1920-х — первой половине 1930-х годов это был регион перманентного бедствия. Одно за другим следовали наводнения, которые разоряли и без того почти нищее население. Около миллиона семей жили здесь, питаясь в основном кукурузой и соленой свининой. До трети жителей болели малярией. 97 процентов местных ферм не имели электричества.

Согласно планам, одобренным Рузвельтом и проведенным через конгресс, созданная корпорация начала строительство плотин и небольших государственных электростанций. Укрощение реки, пресечение паводков позволили начать масштабные работы по орошению и удобрению прибрежных сельскохозяйственных угодий, восстановлению лесных массивов. Малярия, страшный бич этих мест, начала постепенно отступать. Мелиоративные и гидротехнические работы позволили укрепить положение фермеров. Проекту, связанному с рекой Теннесси, Франклин придавал особое значение. Перед поездкой в этот район в ноябре 1934 года он писал полковнику Хаусу: «Весь проект является социальным шагом величайшего значения»{302}.

Рузвельт отменил золотой стандарт[23], что привело к понижению курса доллара и в результате к удешевлению американских товаров на мировых рынках, а это, в свою очередь, способствовало увеличению экспорта.

Своеобразной мерой «Нового курса» явилась отмена «сухого закона» —18-й поправки к Конституции США, запрещавшей производство, продажу, экспорт, импорт и перевозку любых алкогольных напитков. Эта поправка, вступившая в действие в 1920 году, хотя и несколько сократила пьянство, но не покончила с ним, зато породила массовую организованную преступность, воплощением которой считали чикагского мафиози Аль Капоне.

Нелегальная продажа крепких напитков приносила бандам огромные прибыли (к началу тридцатых годов доходы мафии от «сухого закона» составили свыше двух миллиардов долларов в год), за счет которых они подкупали правительственных и местных чиновников, профсоюзных лидеров и т. д. В прессе, на собраниях, в частных разговорах шли острые дискуссии между «сухими» и «мокрыми», как стали называть сторонников и противников запрещения алкоголя, но «мокрые» явно преобладали. Улавливая общественные настроения, осознав, что административными мерами покончить со злоупотреблением спиртным невозможно, Рузвельт пошел на отмену пресловутого закона уже в первые месяцы своего президентства.

Вначале, в качестве временной меры, были легализованы производство и продажа пива, а затем через конгресс проведена 21-я поправка к Конституции США, объявлявшая недействительной 18-ю поправку. Это был единственный в истории США случай, когда поправка состояла только в ликвидации предыдущей. На удивление быстро штаты ратифицировали новую поправку, и 5 декабря 1933 года она вступила в силу Возобновлялись свободное производство и продажа спиртных напитков, на которые вводился высокий федеральный налог. Казна получала дополнительные средства, столь необходимые для проведения многочисленных программ «Нового курса». Любопытно, что заметного увеличения потребления крепких напитков не произошло.

Рузвельт, демонстрируя, что он находится на стороне низших и средних слоев населения, был фактическим вдохновителем сенатского расследования по делам крупных банков, которые допустили нарушения в уплате государственных налогов. Население пристально следило за происходившим на заседаниях комиссии под председательством сенатора Фердинанда Пекоры, на одно из которых был вызван банковский магнат Джон Пирпонт Морган. Банкир пытался вести себя высокомерно. Когда Моргана спросили, почему он не платил подоходный налог в течение трех лет, потряхивая массивной золотой цепью, висевшей на шее, тот ответил, что это вопрос не по адресу — на него должны отвечать его счетоводы.

В ходе расследования, которое проводил непримиримый Пекора, выяснились вещи, очень неприятные для президента. Оказалось, что в списке «привилегированных лиц» дома Моргана, которым акции его компании продавались по сниженной цене, находился Уильям Вудин (правда, было это до того, как Вудин, которому Рузвельт доверял, занял пост министра финансов). Но тем не менее в администрации президента и правительстве

рассматривался вопрос об отставке министра. За отставку высказался вице-президент Гарнер, заявивший, что у народа создается впечатление, будто страной правит Морган. Рузвельт, однако, занял примирительную позицию. Явно не желая излишне дразнить крупный капитал, он заявил, что те люди, которые что-то делали до кризиса, теперь этого не делают — их этический код радикально изменился. Вудин сохранил пост. Неизвестно, как долго скомпрометированный министр оставался бы в правительстве, но 31 декабря 1933 года он ушел в отставку по болезни, а 3 мая 1934-го скончался. Что же касается расследования дела Моргана, то и оно окончилось миром: банкир признал, что нарушил финансовое законодательство, и уплатил не только налоговый долг, но и штраф в казну.

Однако в связи с этим делом по предложению Рузвельта была образована Федеральная торговая комиссия, которая регистрировала все крупные сделки, а вслед за этим еще одним законом личные банковские вклады были отделены от коммерческих, причем первые попадали под опеку еще одного нового органа — Федеральной корпорации страхования депозитов. Мелкие и средние вкладчики теперь могли быть спокойны — в случае разорения банка, его отказа или неспособности платить по счетам они получали полную сумму вклада от государства, которое, в свою очередь, стремилось найти пути для взыскания с виновных всей суммы или хотя бы ее части.

Одним из важнейших мероприятий «Нового курса» стал закон о восстановлении национальной промышленности *(National Industrial Recovery Act — NIRA),* проведенный в июне 1933 года. Согласно ему создавалась Национальная администрация по восстановлению, во главе которой был поставлен бывший кавалерийский генерал Хью Джонсон, обладатель больших организаторских способностей и саркастического остроумия, который первоначально так отозвался о полученном задании: «Это как взбираться на гильотину в тщетной надежде, что топор не сработает»{303}. О Джонсоне ходили разные анекдоты, свидетельствовавшие, что этот бравый вояка за словом в карман не лез. Демонстрируя свою показную скромность, он, например, как-то заявил, что хотел бы жить подальше от городского шума, в горах, где «совы трахают кур»{304}.

Однако при всех своих странностях, солдафонском юморе и склонности к пьянству Джонсон действительно вначале проявил себя способным, ретивым, требовательным и трудолюбивым руководителем, который смог организовать разработку предусмотренных законом «кодексов честной конкуренции», регулировавших объемы производства по отраслям, цены,

условия найма и увольнения рабочей силы, заработную плату, продолжительность рабочего дня, права профсоюзов. Последнее было особенно важно, так как предусматривалась система «закрытого цеха» — организации рабочих и служащих получали право голоса касательно приема на работу и увольнения, уровня зарплаты и остальных условий труда. Подписывали кодексы представители бизнеса, наемных рабочих и служащих, а также потребителей.

Правительство предложило типовой кодекс, который с соответствующими отраслевыми уточнениями должен был лечь в основу всей процедуры. Он предусматривал 44-часовую рабочую неделю для служащих с минимальной недельной зарплатой от 12 до 15 долларов, 35-часовую рабочую неделю для промышленных рабочих с зарплатой от 30 до 40 центов в час.

Кодексы утверждались администрацией Джонсона, а в некоторых случаях и самим президентом. Джонсон ставил на них печать с придуманным им самим и одобренным Рузвельтом символом — голубым орлом. Несмотря на то, что в большинстве случаев кодексы соответствовали прежде всего интересам большого бизнеса, они несколько улучшили положение рабочих и служащих, способствовали оживлению промышленного производства{305}.

Иногда, однако, Рузвельту приходилось поддерживать предпринимателей. Особенно болезненным был вопрос о «закрытом цехе», который во многих случаях препятствовал нормальной организации производства, приводил к несоразмерным, эгоистическим требованиям со стороны профсоюзных организаций, добивавшихся таких уступок, которые вели к нерентабельности производства. В августе 1933 года Рузвельт лично утвердил кодекс для автомобильной промышленности с оговоркой, что работник, имеющий заслуги, может быть сохранен на работе независимо от того, состоит ли он членом профсоюза. Это оговорка затем была использована в других кодексах.

Формально присоединение предприятий к *NIRA* было добровольным, но присоединившиеся получали разного рода привилегии, а отказавшиеся подвергались методичному выдавливанию из отрасли. Из владельцев крупных предприятий осмелился не поддержать ее только Генри Форд, заявивший: «Я не допущу эту рузвельтовскую эксцентричность к моим автомобилям». Форд мог себе такое позволить: он платил своим рабочим сравнительно высокие ставки, а в 1934 году его доля на рынке автомобилей достигла 28 процентов{306}.

Вначале на *NIRA* возлагались очень большие надежды. Ее

даже называли тем рычагом, который в состоянии привести в порядок весь экономический механизм{307}. Однако постепенно — и по объективным причинам, и в силу непомерного административного усердия генерала Джонсона и его помощников, копировавших стиль работы шефа, — в ее деятельности появились серьезные проблемы.

Возникали довольно острые конфликты между сторонами, которые присоединялись к кодексам честной конкуренции. В отдельных случаях сам президент выступал в роли «честного брокера» и примирял спорящих. Например, во время переговоров между собственниками угольных шахт и профсоюзными лидерами и те и другие были приглашены в Белый дом, где Рузвельт, по существу, принудил их подписать соглашение.

Кодексы множились. Некоторые из них становились чуть ли не анекдотическими творениями бюрократии. За несколько месяцев накопилось уже около 750 кодексов, в том числе охватывавших производство кормов для собак, изготовителей мягких подплечниковдля пиджаков, собственников театральных бурлесков (в последнем регулировалось даже количество девушек, которые могли выступать полуголыми).

Постепенно всем сторонам, и прежде всего президенту, становилось ясно, что кодексы честной конкуренции, являвшиеся сердцевиной программы восстановления промышленности, превращаются из эффективного средства подталкивания производства в бюрократический инструмент с ленивыми, склонными к коррупции чиновниками.

Рузвельт был крайне недоволен и поведением генерала Джонсона, который счел, что Администрация по восстановлению — его вотчина. У генерала участились запои, делами стала управлять некая Френсис Робинсон, слабо разбиравшаяся в кодексах и прочих бумагах, но выносившая малокомпетентные, зато категоричные решения.

Не хотевший полностью порывать с Джонсоном Рузвельт попытался отправить его в Европу под предлогом изучения опыта хозяйственного восстановления, но упрямый генерал отказался от командировки. В результате президент был вынужден сначала призвать его к порядку, а затем отстранить от должности. Формально Администрация по восстановлению некоторое время еще существовала, но на сформулированные в кодексах правила представители труда и капитала почти перестали обращать внимание.

Оказалось, что государственное регулирование экономики в капиталистическом обществе имеет пределы, за которые нельзя выходить — иначе можно нарушить принцип ведения бизнеса на

основе рыночной экономики, материальной заинтересованности и прибыли и привести страну к новому, еще более глубокому кризису. Рузвельт оказался в сложном положении, никак не желая признать, что одно из его главных мероприятий оказалось нежизнеспособным. Когда Верховный суд США отменил несколько кодексов из-за нарушения ими Конституции, президент вслух выражал недовольство, но активных мер противодействия не предпринимал, хотя мог бы, формально не нарушая судебные решения, найти новые способы государственного регулирования промышленности.

* * *

Наконец, еще одной реформой первых ста дней явилось образование органов, в задачи которых входило обеспечение работой и одновременно проведение мероприятий по сохранению природных ресурсов и совершенствованию инфраструктуры.

В мае 1933 года Рузвельт образовал Федеральную администрацию чрезвычайной помощи *(Federal Emergency Relief Administration),* образцом для которой послужил аналогичный орган, созданный им в свое время в штате Нью-Йорк. Естественно, что ее возглавил особенно близкий к нему человек — изобретательный и энергичный Гарри Гопкинс, накопивший опыт работы в этой области. Затем Гопкинс стал во главе Администрации гражданских работ *(Civil Works Administration)*.

Чуть раньше при министерстве внутренних дел были созданы еще два органа — Администрация общественных работ и уже упоминавшийся Гражданский корпус консервации природных ресурсов. Разумеется, здесь было немалое бюрократическое дублирование, за которое Рузвельт подвергался резкой критике, но в то же время конкуренция администраций имела и позитивную сторону — чиновники работали с засученными рукавами, стремясь перещеголять друг друга.

В 1933—1938 годах под руководством всех этих администраций было создано свыше восьми миллионов рабочих мест, а с учетом членов семей улучшить свои жизненные условия смогли до 30 миллионов американцев. Было построено 2500 больниц, 125 тысяч общественных зданий, 124 тысячи мостов, около тысячи аэродромов, проложено и отремонтировано свыше миллиона километров дорог. Работы охватывали самые различные области — от сгребания листьев в парках и посадки деревьев до модернизации баз военно-морских сил. Началось строительство крупных и жизненно важных сооружений, в том

числе в Нью-Йорке — тоннеля имени Линкольна под Гудзоном, поныне являющегося главным въездом на Манхэттен с южной стороны, моста Трайборо (на самом деле целая система мостов, соединяющих районы Бронкса, Квинса и Манхэттена), аэропорта, которому позже было присвоено имя тогдашнего мэра Нью-Йорка Фиорелло Ла Гуардиа.

Гражданский корпус консервации природных ресурсов организовал лагеря для безработной молодежи от семнадцати до двадцати трех лет. С согласия их обитателей вводилась полувоенная дисциплина, самым строгим наказанием для нарушителей порядка было изгнание, в результате которого проштрафившийся оставался, по крайней мере на время, без финансовой помощи. Эти девушки и юноши, которых стали называть «Лесной армией», сажали деревья, занимались ирригационными работами, получая по 30 долларов в месяц плюс питание и форму 25 долларов отправлялись родным или близким, остальное шло на мелкие расходы и развлечения. Всего в этих лагерях побывало почти три миллиона человек{308}.

Людьми, получившими работу благодаря рузвельтовским администрациям, было построено около 400 тысяч объектов{309}, причем их заработки приблизительно соответствовали доходам людей, трудившихся на частных предприятиях. Понимая, что работа на государство постепенно начинала приходить в противоречие с системой частного предпринимательства, что надобность в ней по мере улучшения хозяйственной конъюнктуры и появления производственных вакансий в промышленности, обслуживании и других областях сокращалась, Рузвельт пошел на постепенное свертывание программ общественных работ, полностью положив им конец в 1938 году.

Подводя итоги первых ста дней реформ, Рузвельт, обращаясь ко всем участникам производственного процесса, особо выделял вводимые им мероприятия по ограничению продолжительности рабочей недели и введению единой минимальной ставки заработной платы. «Вот почему я рассказываю вам о простых целях и прочных основаниях, на которых построена наша программа восстановления, — говорил он в одной из «бесед у камина». — Вот почему я прошу работодателей страны подписать со мной это соглашение — подписать его во имя патриотизма и человечности. Вот почему я прошу рабочих поддержать нас в духе взаимопонимания и взаимопомощи»{310}.

Цены и налоги продолжают полет благодаря усилиям Гувера, Рузвельта и обеих палат конгресса. Карикатура «Вашингтон стар». Январь 1933 г.

Рузвельт и программы «Нового курса». Карикатура «Нью-Йорк таймс». Август 1933 г.

С учетом того, что программы «Нового курса» проводились в обстановке ожесточенной внутриполитической борьбы, что президента продолжали критиковать и справа, и слева, обвиняя не только в социализме, но и в фашизме или полагая, что он недостаточно идет на уступки рабочим и фермерам, служит в основном «большому бизнесу», он вынужден был некоторые «беседы у камина» посвящать ответам критикам — например выступление 28 июня 1934 года. Рузвельт избегал называть имена своих противников, полагая, что те могут использовать полемику для саморекламы. Раскрывая существо проводимых им мероприятий, он убедительно доказывал, что его реформы не имеют ничего общего с социализмом, что между социальным обеспечением, которое он смело вводил, и социализмом — дистанция огромного размера. Пренебрежительно отозвавшись о ярлыках, которые пытаются ему наклеить политические противники, он, несколько лукавя, заключал: «Я предпочитаю практические аргументы и практическую политику. Уверен: наше сегодняшнее государственное и экономическое строительство есть логическое продолжение того, что Америка делала всегда. Это — претворение в жизнь старых, выдержавших испытание временем американских идеалов»{311}.

Конечно, мероприятия «Нового курса» в основном представляли собой подлинные новации, но они соответствовали американским демократическим традициям, логике развития свободного предпринимательства, хотя и существенно ограничиваемого теперь государственным регулированием. Рузвельт был совершенно прав, когда говорил, что его «Новый курс» не имеет никакого отношения ни к фашизму, ни к социализму.

Вряд ли справедливы многочисленные утверждения, что «Новый курс» являлся набором отдельных малосвязанных между собой мероприятий и спонтанных идей, которые то появлялись, то исчезали. Конечно, многое решалось с ходу и требовало дальнейшего законодательного оформления и практического усовершенствования, на что администрация Рузвельта готова была идти. Однако между всеми актами «Нового курса» имелась внутренняя связь. В значительной степени они ставили целью не только улучшить экономическую ситуацию, вывести страну из тягчайшего кризиса, существенно повысить уровень жизни низших слоев населения, но и «выпустить пар из котла», понизить накал протестного движения, успокоить Америку Рузвельт,

безусловно, добился выполнения этой задачи.

С известным удивлением Л. Хикок, которая продолжала во время своих журналистских поездок исправно докладывать администрации о положении простых людей и их чаяниях, 8 апреля 1934 года писала Гарри Гопкинсу о своих впечатлениях от посещения шахтерских городков штата Алабама: «Весьма интересно, но все люди тут, видимо, считают, что лично знают президента Рузвельта! Это частично вызвано, я полагаю, тем, что они слушали его выступления по радио, когда он с ними говорил таким дружеским, внушающим доверие голосом. Только подумать — они считают, что он разговаривал с каждым из них отдельно… Популярность президента и мадам Рузвельт очень выросла. Многие из людей, привыкших видеть в землевладельце или предпринимателе своих благодетелей, теперь обращают свое внимание на президента и мадам Рузвельт. Они верят, что эти люди подарят им свою заботу и благоволение»{312}.

Подобные сведения поступали и из многих других мест. Рузвельту действительно удалось показать массе американцев, традиционно с подозрением относившихся к политике властей и просто возненавидевших администрацию Гувера за ее бездействие, что он искренне стремится к гармоничному взаимодействию различных социальных слоев и групп, к справедливому вознаграждению за труд, к созданию в перспективе «государства всеобщего благосостояния», «постиндустриального общества» (сами эти термины появились только через несколько десятилетий).

Президент Рузвельт подвел первые итоги проведения «Нового курса» и наметил ближайшие перспективы в книге «Глядя вперед», выпущенной в конце 1933 года{313}. В предисловии автор писал: «Я особенно ценю, что в эти дни страшной нужды порядок и дух надежды сохранились у миллионов наших людей, которые так сильно пострадали». Книга моментально стала национальным бестселлером, вскоре вышла вторым изданием, а вслед за этим появилась в Великобритании, Франции и даже Германии, где у власти уже был Гитлер, но тоталитарная система еще не была им полностью выкована. Вскоре в европейских странах были опубликованы и первые книги о Рузвельте{314}.

Успех начальных мероприятий, неуклонно возраставшая популярность Рузвельта в различных слоях общества вызывали, как это нередко бывает, стремление «породниться» с ним. Сотни людей в США и за их пределами пытались доказать свои родственные связи с Рузвельтами. Некий Артур Джонс из Вирджинии, заявляя, что он находится в каких-то отдаленных семейных связях с президентом, приглашал его на утиную охоту.

Обнаружилась проживавшая в США японская «кузина» — врач Джокичи Такамине, известная своими открытиями в области адреналина (один из препаратов даже носил название «такамине»). Дальние родственники, неизвестно, подлинные или мнимые, появились даже в Чили. На письма «родных», которые потоком текли в Белый дом, отвечали секретари, но в некоторых случаях и сам президент. Так, упомянутого Джонса он лично поблагодарил за приглашение, добавив, что, возможно, выберется к нему во время одного из следующих отпусков{315}.

Рузвельт внес серьезный вклад в реформирование общества при сохранении его базовых основ — частной собственности, рыночных отношений, крупного, среднего и мелкого бизнеса. Можно согласиться с историком Ричардом Хофштадтером, который пишет: «Хотя он использовал много новых, вероятно, рискованных средств для достижения своих целей, он не желал доставлять серьезного беспокойства представителям капитала… Да, он осуществил ряд мер по выплате пособий и по проведению других реформ, но в основном они были таковы, что их признавали разумные и человечные консерваторы. Верно, что он возбудил массы недовольных острыми замечаниями по адресу “менял” и мошенников, но был довольно осторожен, уточняя, что таковых в среде бизнесменов меньшинство»{316}.

Несмотря на эту осторожность, многие представители большого бизнеса не просто настороженно, а открыто враждебно приняли мероприятия Рузвельта. Их позиция отражалась в поведении и выступлениях лидеров Республиканской партии. Достаточно привести лишь заявление Национального комитета республиканцев о том, что Рузвельт прямым путем ведет к уничтожению капиталистической системы, а понимающий это Сталин «приказал своим приверженцам в Соединенных Штатах поддерживать Рузвельта»{317}.

Эволюция «Нового курса»

После проведения первых, наслаивавшихся одно на другое мероприятий «Нового курса» Рузвельт стал уделять особое внимание программам социального обеспечения. В особенности это было важно, когда в 1935 году произошли существенные изменения в организации общественных работ. После принятия в апреле 1935 года закона об ассигнованиях на чрезвычайную помощь предпочтение отдавалось проектам, которые позволяли вернуть в казну значительную часть затрат и вместо выплаты пособий по безработице предоставляли людям работу. На этой основе попутно с упомянутой Администрацией общественных работ под руководством ближайшего помощника и друга Рузвельта Гарри Гопкинса были созданы еще два государственных органа — Администрация электрификации сельских районов и Администрация переселения. Начались разработка и реализация широкомасштабных проектов строительства дорог, аэропортов, мостов, стадионов, прокладки телефонных линий. Бывшие безработные получали возможность овладеть новой квалификацией, на которую имелся спрос.

Одновременно оказывалось содействие деятелям культуры, искусства и науки. По инициативе президента в 1935 году был основан Федеральный художественный проект, который обеспечивал безработных деятелей искусства, прежде всего художников, минимальной государственной денежной помощью. Формировались новые музыкальные коллективы, художники и архитекторы привлекались к созданию как прикладных, так и совершенно самостоятельных произведений. Особое внимание уделялось абстрактной настенной живописи. Среди тех, кто получил поддержку в соответствии с этим проектом, были эмигранты из России, например известный поэт и художник, один из основоположников российского футуризма Давид Бурлюк{318}.

С 1935 по 1943 год в рамках Федерального художественного проекта работал тогда еще молодой, а позже ставший широко известным художник-абстракционист Пол Джексон Поллок, создавший в этот период многие свои произведения{319}.

Всего при спонсорстве этого проекта появилось свыше двухсот тысяч работ, в том числе выдающиеся произведения изобразительного искусства. Помимо Поллока, помощью проекта пользовались художники Томас Бентон, Гарри Готлиб, Марк Ротко, фотограф Беренис Эббот и др. Картины, скульптуры, композиции направлялись в правительственные учреждения, школы, больницы, библиотеки, где они и поныне доставляют

эстетическую радость гражданам США.

Помимо этого, научная секция проекта создала монументальное исследование и выставку «Индекс американской материальной культуры». В работе над «Индексом» были заняты свыше тысячи человек — художники и искусствоведы, которые собирали со всех концов страны артефакты, достойные быть представленными в качестве образцов народного искусства. Все они были выставлены в Вашингтоне в специально отведенных залах, а затем стали выходить исследовательские и иллюстративные тома по видам искусства и регионам[24]. Творцы «Индекса» не уставали повторять, в частности в предисловиях к каждому тому, что вся эта огромная работа была воплощена в жизнь прежде всего благодаря президенту Рузвельту.

В июле 1935 года, вновь по инициативе Рузвельта, был введен в действие Федеральный писательский проект, которым руководил журналист Генри Олсберг. В программу входило создание произведений об отдельных штатах, краеведческих, исторических и этнографических трудов и т. д. Наиболее известным результатом проекта было появление подробных путеводителей по всем сорока восьми штатам, а также по территориям, входившим в США, но не получившим статуса штатов (Аляске, Пуэрто-Рико, федеральному округу Колумбия). Книги включали историю каждого региона, описание всех его городов и других значительных населенных пунктов. В этом и других проектах были заняты свыше 6,5 тысячи писателей, художественных критиков, археологов, геологов, картографов и представителей других профессий, в основном молодого возраста. Работа нашлась и для безработных историков, которые в рамках специальной программы этого проекта подготовили многотомное документальное издание, в котором были собраны свыше 2300 рассказов бывших рабов{320}.

Пятнадцатого апреля 1935 года Рузвельт от имени своей страны подписал первый в истории международный договор об охране художественных и научных учреждений и исторических ценностей (Вашингтонский пакт), устанавливавший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью.

Первые две статьи договора, инициатором которого был музей русского художника Николая Рериха в Вашингтоне (именно Рериху принадлежала первоначальная идея такого договора, поэтому документ называют также пактом Рериха) и к которому присоединилось 21 государство Американского континента, гласили: «Исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения

считаются нейтральными и как таковые пользуются уважением и защитой воюющих сторон. Таким же уважением и защитой пользуются сотрудники вышеназванных учреждений. Такое же уважение и защита распространяются на исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения как во время войны, так и в мирное время… Нейтралитет, защита и уважение, которые должны быть предоставлены памятникам и учреждениям, упомянутым в предыдущей статье, признаются на всех территориях как объекты суверенитета каждого из подписавшихся и присоединившихся государств, независимо от государственной принадлежности указанных памятников и учреждений. Соответствующие правительства согласны принять внутреннее законодательство своих стран, предусматривающее необходимые меры для гарантии такой защиты и уважения»[{321}].

В моем распоряжении нет данных о том, каково было личное отношение Рузвельта к пакту Рериха, под которым улыбающийся президент торжественно поставил автограф в Белом доме. Однако имея в виду, что он был человеком трезвомыслящим, можно предположить его внутреннее неудовлетворение по крайней мере двумя обстоятельствами.

Во-первых, он понимал, что опасность широкомасштабной войны зреет именно в Европе, а не на Американском континенте, а европейские страны к пакту не присоединились, что крайне сужало сферу его действия. Во-вторых, он должен был понимать, что в условиях войны реальное выполнение основного положения пакта — преимущество художественных и прочих ценностей над военными потребностями — окажется в значительной мере пустым словом. Военная целесообразность почти всегда сопряжена с сокращением человеческих жертв как в пределах отдельных операций, так и в масштабе войн. В результате вставал вопрос о том, что более ценно — художественные произведения или человеческие жизни. Приходилось делать нелегкий выбор.

Когда началась Вторая мировая война, оказалось, что художественные, научные и прочие ценности просто отходят на второй план перед реальными военными задачами.

Что же касается собственно художественных вкусов Рузвельта, то они не были особо утонченными. Благодаря своей великолепной памяти он иногда мог щегольнуть цитатой из какого-либо произведения классической литературы, прочитанного им в юношестве. Теперь же после нелегкого трудового дня он предпочитал почитать в постели модный детектив или фантастическую историю. Он любил кино. Ему сразу же понравилась юная кинозвезда Дина Дурбин, игравшая в

основном наивных девочек-подростков. Ее не раз приглашали выступить на приемах в честь дня рождения президента, и она считала такие выступления честью для себя.

Позже, в 1940 году, очевидно, получив разведдонесение о симпатии Рузвельта к Дурбин, итальянский диктатор Муссолини послал ей письмо с просьбой уговорить президента не вступать в войну на стороне Англии. Письмо осталось без ответа, а сама актриса, как и многие ее коллеги, с 1942 года охотно участвовала во встречах с солдатами и офицерами, призванными в армию. Бурей оваций новобранцы встречали исполнение ею популярной песни «Помолимся за парней, которые там».

Но всё это, однако, было еще впереди. Пока же Рузвельт был в целом удовлетворен своими достижениями. В то же время он все чаще сталкивался с разнообразными злоупотреблениями, стремлением нажиться или же вести праздную жизнь, пользуясь государственными субсидиями. Его приводило в раздражение, когда по недосмотру секретарей на его рабочем столе оказывались ходатайства мелких муниципалитетов о создании в их городах новых банков (явно в этом были заинтересованы местные чиновники) или просьбы о включении в число получающих государственную помощь от тех, кто не имел специальности, но не желал заниматься неквалифицированным трудом. Однажды он получил письмо от целого духового оркестра, который был совершенно неизвестен, но тем не менее требовал средства на гастрольную поездку по всей Америке. Какой-то «народный лекарь», не имевший медицинского диплома, торжественно сообщал президенту, что открыл чудодейственное средство для лечения всех видов злокачественных опухолей, но ему не хватает 250 тысяч долларов, чтобы завершить свои эксперименты. На такие послания, если уж они попали в его кабинет, президент отвечал лично, в большинстве случаев (иногда поручив провести соответствующее расследование) разъясняя просителю, куда ему следует обращаться в соответствии с законом.

Многие американские историки (Скотт Джеймс, Руперт Чисхолм, Дэвид Кеннеди, Нил Фоли и др.) видят различия между «первым Новым курсом» и «вторым Новым курсом», начало которого они относят к 1935 году. Я не склонен проводить такое разграничение, поскольку мероприятия «первого» цикла реформ продолжались на протяжении всех 1930-х годов. Однако с 1935 года в законодательном реформировании общества действительно произошел известный сдвиг — в ответ на требования социальных низов и низшего слоя среднего класса, в противовес всевозможным утопическим схемам преобразования

общества, в частности пропагандируемым коммунистами, Рузвельт стал уделять значительно больше внимания долговременным планам социального реформирования и социальной справедливости.

Своего рода переходной формой от временных чрезвычайных мер к долговременным планам была созданная по предложению президента в апреле 1935 года Администрация трудового прогресса (*Works Progress Administration — WPA)*. Это была первая в истории страны попытка развернуть эффективную борьбу против безработицы и ее деморализующего влияния на массы населения. *WPA* предоставляла работу примерно трем миллионам человек в год, продолжая строительные проекты, развернутые в первые годы «Нового курса».

Не менее важным, чем акты первых ста дней, был и закон о социальном обеспечении, принятый в 1935 году Согласно ему, пенсию могли получать лица, достигшие шестидесяти пяти лет. Пенсионный фонд образовывался за счет обязательных однопроцентных взносов: со всех предпринимателей — от фонда зарплаты, с наемных рабочих и служащих — от размера зарплаты. Через три года намечалось повышение налога на 0,5 процента. Для осуществления закона создавалось Управление по социальному страхованию под контролем президента.

Вводились федеральная система компенсаций по безработице, пособий по болезни и инвалидности детям из малоимущих семей, матерям, находящимся на иждивении детей. Правда, закон распространялся не на всё население — он не охватывал фермеров и работников предприятий малого бизнеса.

Однако попытка Рузвельта ввести всеобщее медицинское страхование натолкнулась на решительное сопротивление большинства членов конгресса, и президент сам быстро отказался от этого плана, подрывавшего медицинский бизнес[25].

Весьма важен был и Национальный акт о трудовых отношениях, фактически подготовленный администрацией Рузвельта, но по тактическим соображением внесенный в конгресс не от имени правительства, а в качестве инициативы сенатора Роберта Вагнера.

Правда, Рузвельт колебался, прежде чем согласиться на представление законопроекта, вносившего принципиальные изменения во взаимоотношения между трудом и капиталом в пользу рабочих. С одной стороны, он опасался, что эти новации могут испортить его отношения с большим бизнесом. С другой стороны, в США существовала только одна крупная профсоюзная организация — АФТ, объединявшая лишь квалифицированных рабочих, не допускавшая в свои ряды чернокожих и женщин и

занимавшая довольно консервативные позиции по другим социальным вопросам, будучи целиком поглощена делами, связанными с рабочим временем, охраной труда и заработной платой.

К тому же АФТ строилась по цеховому принципу — она объединяла по профессиям, а не по месту работы. В результате на крупном предприятии могли существовать несколько союзов, которые вели между собой конкурентную борьбу. Попытки создания производственных союзов натыкались на решительное противодействие руководства АФТ.

Именно потому, что государственное регулирование трудовых отношений серьезно нарушало принцип свободной конкуренции, Рузвельт не включил такого рода акт в первые мероприятия «Нового курса». Однако влиятельные помощники — Г. Гопкинс, Ф. Перкинс, да и сам сенатор Р. Вагнер — склонили его в пользу этого закона. Рузвельт поверил, что рабочий класс, являющийся огромным резервуаром покупательского спроса и важной производительной силой, должен иметь мощные профессиональные объединения для возможности коллективного торга с предпринимателями по поводу условий труда. Общее повышение жизненного уровня рабочих, пришел к выводу Рузвельт, существенно повысит платежеспособность, усилит социальную стабильность, будет важным инструментом для недопущения или хотя бы максимального смягчения новых кризисов.

Если вначале законопроект Вагнера встретил у Рузвельта довольно холодный прием (Ф. Перкинс, великолепно знавшая эту сторону политики президента, писала, что он не рассматривал закон как составную часть своей программы{322}), то после доработки, смягчившей некоторые положения, он без колебаний 5 июля 1935 года его подписал. Правда, опять-таки ведя политическую игру, накануне голосования в конгрессе он заявил на пресс-конференции, что всё еще не определил своего отношения к законопроекту{323}.

Согласно закону Вагнера, миллионы неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих получили право создавать собственные профсоюзы, а АФТ вынуждена была принимать их в свой состав. Именно так возник ряд новых мощных союзов. Между 1935 и 1940 годами численность профсоюзов увеличилась с трех до пяти с лишним миллионов человек.

Закон вводил практику уже упоминавшегося «закрытого цеха»: предприниматели обязывались увольнять рабочих или брать новых только с согласия профсоюзов. Запрещалось уголовное преследование граждан за создание профсоюзов и

участие в легальных забастовках. Создавалось Национальное управление по трудовым отношениям, обязанное следить за соблюдением указанных положений. Его сотрудники назначались президентом по согласованию с сенатом. Лица, препятствовавшие работе управления, подлежали штрафу до пяти тысяч долларов или тюремному заключению до одного года.

Правда, действие закона не распространялось на сельскохозяйственных рабочих — это была одна из уступок, сделанных энергичным сенатором президентской администрации.

В связи с тем, что руководство АФТ и прежде всего ее председатель Уильям Грин выступили против закона Вагнера, который расширял права объединения, но нарушал его замкнутость, в профсоюзном движении назрел раскол. На 55-м съезде АФТ в Атлантик-Сити в октябре 1935 года был образован Комитет производственных профсоюзов, во главе которого стал энергичный организатор рабочих Джон Льюис, поддерживавший связи с окружением Рузвельта. В 1938 году этот комитет порвал с АФТ и был преобразован в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Один за другим при благосклонном отношении президента создавались производственные союзы на предприятиях сталелитейной, автомобильной, химической, текстильной промышленности и в других отраслях. Монополия АФТ была, таким образом, ликвидирована. В США теперь были два мощных профобъединения, добивавшиеся улучшения условий труда, во многих случаях прибегая к стачкам, в ходе которых выдвигались требования признания предпринимателями новых союзов. Почти полмиллиона рабочих участвовало в забастовках с сентября 1936 года по май 1937-го{324}.

Определенное улучшение наметилось и в положении негритянского населения, численность которого в начале 1930-х годов составляла 12 миллионов человек. Правда, его почти не коснулись аграрные мероприятия Рузвельта, так как лишь незначительная его часть относилась к фермерам, остальные же являлись арендаторами и батраками, на которых нововведения не распространялись. Однако чернокожие имели право получать пособия точно так же, как и остальные граждане, а в кодексы честной конкуренции включались положения, требовавшие равенства белых и черных рабочих в вопросах зарплаты и других условий труда. Хотя предприниматели находили всяческие лазейки, чтобы обойти эти положения, всё же дискриминация была несколько ограничена. Негритянское население в основном позитивно относилось к Рузвельту и его реформам. На выборах 1936 года за него голосовал 71 процент черных избирателей, а в 1940-м — 67 процентов{325}.

Перечислив и обосновав все эти поистине эпохальные изменения в социальной системе страны, остававшиеся, однако, в пределах норм капиталистической конкуренции и частной собственности, Рузвельт говорил 28 апреля 1935 года, сидя у камина: «Еще никогда со времени своего вступления в должность в марте 1933 года я не ощущал в Америке столь явственную атмосферу возрождения. Дело не только в восстановлении материальной основы жизни каждого человека в отдельности. Возрождается доверие к нашим демократическим порядкам, к республиканским государственным институтам. Мы выстояли в величайшем экономическом бедствии, принесшем нашей стране много лишений и опасностей. В самые мрачные периоды национальных испытаний мы сохранили веру в нашу способность распоряжаться собственной судьбой. Страхи рассеиваются. В обществе растет взаимное доверие, крепнет обновленная вера в неисчерпаемую способность человека улучшить свое материальное и духовное состояние с помощью демократических форм правления. Эта вера уже получает заслуженную награду. За это мы должны быть благодарны Богу, который хранит Америку»{326}.

В ходе «бесед у камина» и пресс-конференций, выступлений на различных форумах существенно менялась риторика президента. Как заметил В. Л. Мальков, обличение алчности имущих классов всё чаще сопровождалось «признанием приоритета интересов неимущих слоев в государственной политике “национальной реконструкции”»{327}. В послании конгрессу от 19 июня 1935 года он даже предложил ввести прогрессивный налог на крупные состояния — меру, невиданную для Америки тех лет{328}. Правда, в мирное время прогрессивный налог так и не был введен. Только в 1940—1942 годах были приняты акты, резко повышавшие налоги на сверхдоходы граждан и корпораций.

Первые результаты «Нового курса» были налицо. В 1934 году валовой национальный продукт был на четверть больше, чем в предыдущем. Впервые за пять лет стала уменьшаться безработица: до 21,7 процента в 1934 году, 20,1 процента в 1935-м, 16,9 процента в 1936-м и 14,3 процента в 1937-м. Население всё более убеждалось, что «Новый курс» работает, возрождалась надежда.

Разумеется, важную роль играли объективные экономические факторы, хозяйственная цикличность, при которой за спадом производства обычно следует подъем, но эти высокие материи мало волновали простых американцев. Они связывали явное, хотя и небольшое повышение их жизненного уровня именно с

политикой нового президента.

* * *

При проведении «Нового курса» Рузвельт и его администрация сталкивались с нараставшим сопротивлением консервативных сил (левые радикалы не располагали сколько-нибудь значительным влиянием). Против политики президента решительно ополчились разного рода демагоги, прикрывавшиеся левой фразой, но в то же время по существу весьма близкие к европейскому правому радикализму фашистского и национал-социалистического толка. А. И. Уткин безоговорочно относит «столпов» этого движения — радиопроповедника Чарлза Кофлина и сенатора от штата Луизиана Хью Лонга — к тем, кто стремился «сокрушить политическую силу Рузвельта слева»{329}. На самом же деле здесь, как и во многих других случаях, действовало весьма любопытное правило, сформулированное поэтом Александром Галичем: «…любое движенье направо / Начинается с левой ноги».

Кофлин именовал «Новый курс» «еврейским заговором», Рузвельта называл лжецом и однажды так увлекся, что призвал уничтожить его «при помощи пуль». Не выдвигая конкретной программы, он заклинал последовать примеру Германии и Италии и создать в США корпоративное государство, в котором каждая сфера деятельности была бы представлена корпорацией, объединяющей представителей государства, предпринимателей, рабочих и служащих.

Лонг, пользовавшийся высоким авторитетом в своем штате, да и в других частях страны, в свою очередь, называл Рузвельта «создателем фальшивых ценностей» и рисовал фантастические перспективы ограничения богатства, всеобщего благосостояния и умиротворения, когда устаревшая американская Конституция будет отброшена и сам он станет диктатором.

В сентябре 1935 года Лонг был убит — но не по политическим причинам, а из личной мести. Кофлин же продолжал свои проповеди, которые постепенно надоедали публике.

Президент, его администрация, стоявшие за ним прогрессистские силы Демократической партии прилагали максимум усилий, чтобы заблокировать влияние разрушительной агитации правых и левых радикалов. Однако значительно опаснее было сопротивление «Новому курсу» со стороны третьей ветви высшей государственной власти — Верховного суда, имевшего

право отменить любой закон, если признает его антиконституционным.

В первые два года президентства Рузвельта Верховный суд не проявлял значительной активности в отношении реформ «Нового курса», поскольку вмешательство в законодательство могло тогда обрушить всю государственную и тем более хозяйственную систему. Однако к 1935 году, когда положение несколько стабилизировалось, судебная власть, находившаяся в руках консерваторов, стала выступать против государственного регулирования социально-экономических отношений. С начала 1935-го по май 1936-го Верховный суд отменил 11 законодательных актов, проведенных Рузвельтом, в том числе такие важные, как законы о восстановлении национальной промышленности (он действительно страдал серьезными недостатками и уже сыграл свою роль, но тут дело было в принципе) и о развитии сельского хозяйства (его, полагал Рузвельт, следовало сохранить во что бы то ни стало).

Именно против мероприятий в области сельского хозяйства особенно ополчились консерваторы, осаждавшие Верховный суд, да и сами судьи. Один из них, Оуэн Роберте, в прошлом адвокат банкирского дома Моргана, сформулировал постановление, которое было утверждено судом: закон о сельском хозяйстве представляет собой план экспроприации денежных средств у одной группы населения с целью облагодетельствовать другую, является вторжением федеральных властей в юрисдикцию штатов. Если этот закон будет сохранен, гласило решение, Соединенные Штаты будут превращены в «централизованное государство, осуществляющее неконтролируемую власть над всеми штатами Союза, отменяющее любой местный контроль или регулирование по делам, которые относятся к ведению штатов»{330}.

Это решение было бессмысленным по существу и явно направленным на разрушение «Нового курса». Сторонники реформ задавали резонный вопрос: как отдельные штаты могут регулировать сельскохозяйственное производство, если в соседних штатах не проводятся аналогичные мероприятия? Аграрная политика, были убеждены президент и его «мозговой трест», может осуществляться только на общегосударственном уровне.

Верховный суд явно проявил себя как орудие консервативных сил, когда в июне 1936 года (после пяти лет выжидания) признал незаконным введение в штате Нью-Йорк еще Рузвельтом-губернатором минимального уровня заработной платы для женщин, на этот раз под тем предлогом, что в штате было

нарушено конституционное равноправие работодателей и наемных рабочих при определении условий труда. Подобные законы действовали в шестнадцати штатах, но Верховным судом был избран именно Нью-Йорк, ибо там инициатива принадлежала губернатору, ставшему затем президентом. Возмущенный Р. Тагвелл писал, что Верховный суд грубо извратил 14-ю поправку к Конституции США, направленную против расовой дискриминации и провозглашавшую, что все американские граждане имеют равную законную защиту их интересов. Какое отношение имеет это положение к данному казусу, судьи не объясняли{331}.

Имея в виду приближение очередных президентских выборов, Рузвельт пока воздерживался от открытой схватки с Верховным судом, правда, всё чаще выражал недовольство его решениями, тормозившими проведение «Нового курса». Ему важно было проверить степень своего авторитета, а наилучшим экзаменом должны были стать именно выборы.

В определенном смысле решения Верховного суда были на руку Рузвельту. В выборный год было полезно иметь четко обозначенного противника, — в этом качестве выступала верхушка бизнесменов, поддерживаемая консервативными членами Верховного суда при осторожном одобрении лидеров Республиканской партии. Кандидат демократов имел возможность позиционировать себя как выразителя интересов простых людей — рабочих, фермеров, ремесленников, владельцев малых предприятий, всех тех, кто был занят в социальных программах «Нового курса». У самих судей создавалось впечатление, будто Рузвельт хочет, чтобы все его акты объявили антиконституционными. Он, мол, стремится создать этим определенное отношение общества к Верховному суду{332}.

Пока же президент искал и находил окольные пути, чтобы, не нарушая решений Верховного суда, каким-то образом обойти их, вновь используя законодательную инициативу. Зная о том, что аграрный закон будет неизбежно аннулирован, Белый дом подготовил новый акт — о консервации земли. Статьи закона предусматривали значительное вознаграждение фермерам в случае их отказа от выращивания коммерческих зерновых культур и замены их соей, мотивируя тем, что первые истощают почву, а вторая обогащает ее. На этот раз Верховный суд промолчал.

* * *

Расстановка сил теперь была простой. Вокруг

Республиканской партии объединились почти все правые силы, щедро финансируемые той частью крупного капитала, которая была открыто враждебна рузвельтовским новациям. Это четко проявилось в столь важном для американских выборов финансовом обеспечении кампании — республиканцы смогли собрать около девяти миллионов долларов, демократы — вдвое меньше.

Эта сумма была бы еще меньше, если бы Рузвельта не поддержал столь мощный финансовый воротила, каковым был Джозеф Кеннеди. Он не только дал немало денег, но и выпустил книгу «Я — за Рузвельта!»{333}. Активное участие Кеннеди в кампании было сигналом поддержки президента значительной частью большого бизнеса. Накануне выборов Джозеф выступил по радио с большой речью «Новый курс и бизнес»{334}.

Десятого октября Рузвельт поблагодарил Кеннеди: «Я — за Кеннеди! Великолепная книга — дает правдивую картину того, что происходит в стране. Я в восторге от нее»{335}. Записка президента была вставлена в рамку и вывешена на видном месте в бостонском доме Джозефа{336}. Вскоре последовала и более весомая благодарность — Кеннеди был назначен послом в Лондон и оставался там, несмотря на то, что его позиция, явно сочувственная по отношению к германским нацистам, противоречила взглядам Рузвельта.

От республиканцев баллотировался в президенты губернатор штата Канзас Альфред Лэндон, кандидатом в вице-президенты стал полковник Франклин (Фрэнк) Нокс, издатель газеты «Чикаго дейли ньюс». Республиканцам прошлось занять оборонительные позиции. Их программа резко критиковала «Новый курс», но, по существу, повторяла многие его положения: необходимость реформ в области трудовых отношений, социального обеспечения, помощи фермерам.

Зная любовь американцев к подсолнечнику — и к цветку, и к вкусным семечкам, и к полезному для здоровья маслу — и учитывая, что эта культура широко распространена в Канзасе и даже изображена на флаге штата, сторонники Лэндона назвали его «канзасским подсолнечником», надеясь, что это привлечет голоса избирателей. Рузвельт откликнулся моментально. Он заявил, что Лэндон действительно похож на это растение: он такого же желтого цвета, у него черное сердце, годится он на корм попугаям да и обязательно засохнет до ноября. Миллионы людей смеялись, не обратив внимания на слова по поводу корма для попугаев (их можно было понять и так, что любители семечек названы попугаями), и авторитет соперника мигом упал.

Ему не помогли и публиковавшиеся правыми газетами

обвинения Рузвельта в том, что он социалист и даже его избирательная кампания финансируется из Кремля, а в случае избрания на второй срок он начнет террор в отношении своих противников и — о ужас — поставит в Вашингтоне гильотину.

Когда избирательная кампания только начиналась, политические наблюдатели были крайне осторожными в своих предсказаниях. Обе партии рассматривали выборы как своего рода национальный референдум по вопросу, поддерживает ли население Соединенных Штатов Рузвельта и его «Новый курс».

Президента критиковали не только деятели Республиканской партии. Эл Смит и его сторонники также объявили, что «Новый курс» носит социалистический характер, отвергает традиционные американские ценности. В конце концов после некоторых колебаний Смит поддержал Лэндона.

В ожесточенных нападках на Рузвельта были зерна истины. Его считали виновным в раздувании федерального государственного аппарата, в создании огромной политической машины, управляемой из Вашингтона. Действительно, почти каждый принятый по его инициативе закон требовал создания соответствующего органа — разумеется, не министерства, но администрации. Появлялись новые бюрократические подразделения, а бюрократия, как известно, обладает свойством самовоспроизводства. Далеко не всегда президент оказывался способным унять бюрократический разгул, тем более что каждое сокращение штатов и финансирования того или иного учреждения неизбежно порождало новых врагов, раздувавших негативное отношение к нему. В результате именно при Рузвельте выросла гигантская государственная машина, колеса которой подчас вращались вхолостую, а иногда и в противоположных направлениях.

Главным козырем демократического кандидата было значительное улучшение экономического положения страны. В памяти людей были свежи страдания четырехлетней давности. Рядовые американцы мало задумывались об экономической цикличности. Они считали получение работы восемью миллионами человек, увеличение заработной платы в промышленности почти в два раза, мощное строительство, развернувшееся по всей стране, заслугой Рузвельта.

Он вместе с Джоном Гарнером был выдвинут на партсъезде в Филадельфии в конце июня без каких-либо других кандидатов. На огромном поле городского стадиона собрались свыше ста тысяч человек. Утром шел дождь, но это не остановило жителей города, огромными толпами явившихся на стадион. К тому моменту, когда должен был выступать Рузвельт, дождь

прекратился, и это сочли добрым предзнаменованием.

Правда, произошла неприятность. Двигаясь к трибуне, чтобы публично согласиться с выдвижением, он неловко повернулся и упал. Ему тотчас помогли подняться. Ударился он не сильно, но листы заготовленной речи разлетелись, и пришлось произнести ее частично по памяти, частично импровизируя. Пожалуй, это происшествие было лишь на руку Рузвельту. Правда, съезд и так полностью был на его стороне. Но в глазах американцев, следивших за предвыборным спектаклем, авторитет демократического кандидата еще более вырос — он подтвердил свою репутацию человека мужественного, не теряющегося в сложных ситуациях.

Речь его была резкой и агрессивной — даже соратники сочли, что Рузвельт слишком остро критиковал крупный капитал, без которого американская экономическая жизнь не могла существовать. Пожалуй, это было самое демагогическое выступление Рузвельта за всю его политическую карьеру, хотя почти во всех его речах элементы демагогии в большей или меньшей степени присутствовали. Он атаковал денежный капитал, который стремился «искалечить реформы», и его защитников-юристов. «Они (банкиры. — *Г. Ч.)* создали новый деспотизм, одетый в мантии правовых санкций… Роялисты экономического строя соглашаются, что политические свободы — это дело государства, но они утверждают, что в экономическое рабство не должен вмешиваться никто… Эти экономические роялисты жалуются, что мы стремимся опрокинуть американские институты. На что они действительно жалуются — это наше желание отнять у них власть». Громом оваций было встречены заключительные слова речи: «Я принимаю ваше предложение выдвинуть свою кандидатуру, я записываюсь в армию до окончания нашей войны»[{337}].

Если не считать этой довольно нервной речи, Рузвельт, зная о своей популярности, вел кампанию предельно спокойно. Он запретил своим сторонникам критиковать Республиканскую партию, требуя сосредоточить огонь только на ее высших руководителях, за исключением их кандидата. Сравнения Лэндона с подсолнечником показалось Рузвельту вполне достаточно. Правда, сам он иногда, обнаружив в прессе неудачные или противоречивые заявления Лэндона, остро, а порой и злобно их высмеивал.

Найти же нелепости в выступлениях Лэндона было не так уж трудно. Достаточно привести только один пример — речь республиканского кандидата в Альбукерке, штат Нью-Мексико, где говорилось: «Франклин Д. Рузвельт предложил ликвидировать

ваше право избирать своих представителей, обсуждать политические вопросы на улице, участвовать в политических демонстрациях, посещать церковь вашей веры, быть подсудным присяжным и обладать собственностью»{338}. Противники Рузвельта говорили, что в случае победы он прикажет повесить на шею каждому американцу бирку с номером, значащимся в списках социального обеспечения, что превратит американцев в нумерованную скотину. Совершенно очевидно, что несправедливость этих злобных инсинуаций была понятна всем непредубежденным людям, даже самым малограмотным.

Впрочем, здесь надо сделать оговорку. Действительно, сразу после выборов по распоряжению Рузвельта Администрация социального страхования ввела номера социального обеспечения *(Social Security number),* которые присваивались не только гражданам страны, но и каждому человеку, имевшему право легального проживания на ее территории. Печатание соответствующих карточек началось 24 ноября, а 1 декабря первая тысяча американцев их получила. Карточка под номером 000000001 досталась жителю города Нью-Рошелл в штате Нью-Йорк Дэвиду Суини{339}. Введение номеров и карточек упорядочило социальное обеспечение. После Второй мировой войны многие страны воспользовались американским опытом.

По мере того как предвыборная кампания набирала обороты, Рузвельт всё более сдерживал себя. Он решительно отвергал сравнение с левыми радикалами, тем более социалистами, и подчеркивал, что именно его «Новый курс» спас систему частной собственности и свободного предпринимательства в тот период, когда она находилась на грани полного разрушения.

Он стремился показать, что отнюдь не намерен идти на принципиальный конфликт с крупным капиталом, а стремится установить с ним прочный и длительный мир. Хотя после речи на съезде он иногда повторял слова об «экономических роялистах», ограничение капитала не подкреплялось новыми мерами. Когда неугомонный Р. Вагнер внес законопроект о государственном жилищном строительстве с целью ликвидации в крупных городах трущоб, становившихся источником заразных болезней, преступности, наркомании, проституции, Рузвельт прореагировал холодным заявлением, что не относит такое строительство к числу обязательных мер{340}.

Любопытно, что через некоторое время после выборов, 1 сентября 1937 года, президент охотно подписал закон Вагнера—Стигалла, который предусматривал государственное содействие в строительстве жилья для неимущих. Средства, выделяемые на реализацию закона, были невелики, но он был принципиально

важен, ибо открывал еще одну страницу в материальной помощи государства наиболее бедным слоям населения.

Закон предоставлял субсидии для строительства жилых домов, в которых плата за квартиры была минимальной, с целью ликвидировать городские трущобы, тем более что теперь они, как правило, концентрировались вблизи от центров мегаполисов, поскольку люди с достатком по мере развития автомобильного сообщения переселялись в пригороды. Но темпы строительства были низкими, и полуразрушенные трущобы продолжали существовать еще не одно десятилетие.

Компромисс с большим бизнесом был важен и с точки зрения сбора средств на предвыборную кампанию. Именно перед выборами 1936 года в практику Демократической партии вошла организация платных обедов, на которых подавались блюда по цене, в десятки раз превышающей обычную, а разница шла в избирательный фонд.

Еще одной новинкой этих выборов стали более или менее правильно организованные опросы общественного мнения. Они проводились и ранее, но обычно не были репрезентативными, а потому их результаты не заслуживали доверия. Даже в 1936 году один из опросов (его проводил журнал «Литерари дайджест», разославший десять миллионов опросных открыток) предрекал убедительную победу Лэндона. Оказалось, что обследование проводилось среди владельцев легковых машин, то есть людей среднего и высокого достатка (в то время еще немногие рабочие и фермеры имели автомобили).

Между тем в 1935 году был основан и со следующего года приступил к регулярной работе основанный журналистом Джорджем Гэллапом в Принстоне, штат Нью-Джерси, Американский институт общественного мнения (Институт Гэллапа), который стал проводить регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики и со временем завоевал международный авторитет как один из наиболее надежных источников информации о состоянии общественного мнения в США и за их пределами. В это время его исследования показывали существенное преимущество демократического кандидата. При этом Гэллап рассылал сравнительно небольшое число опросных листов, но умело выбирал респондентов, так что они отражали максимально широкий спектр мнений. Методика Гэллапа оказалась удачной. В следующие годы Франклин Рузвельт внимательно следил за результатами исследований этого института и учитывал их в своей деятельности.

Результаты выборов 3 ноября 1936 года были весьма показательными. Это была самая крупная победа во всей

американской президентской истории. Из 48 штатов Рузвельту отдали голоса 46 (против проголосовали традиционно поддерживавшие республиканцев штаты Мэн и Вермонт), из 531 выборщика — 523. Сказалась правильность предвыборной тактики по отношению к противнику. Согласно независимым оценкам, произошло невиданное — за демократического кандидата проголосовали более пяти миллионов республиканцев. Демократы привлекли к выборам миллионы новых избирателей. В политический процесс включились и те, кто только достиг двадцати одного года, и те, кто раньше просто не считал нужным приходить на избирательные участки.

Четырьмя годами ранее зародилась, а на этих выборах закрепилась новая коалиция, которая будет доминировать в США на протяжении следующих десятилетий. Она включала как социальные, так и политические элементы: демократических политиков, связанных с крупными городами, и традиционно мысливших представителей с провинциального юга; крупнейшие профсоюзы, как из АФТ, так и из КПП; промышленных рабочих, как белых, так и черных, из Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Филадельфии и других крупнейших городов; мелких и средних предпринимателей, главным образом из крупных восточных штатов (Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс); фермеров, пострадавших от депрессии. При этом особенно показательным было то, что в число поддерживавших не столько Демократическую партию, сколько Рузвельта как личность, влилось как на севере, так и на западе страны огромное число афроамериканцев, которые ранее традиционно голосовали за республиканцев — партию Авраама Линкольна, ликвидировавшего рабство.

Второй срок. Схватка с Верховным судом

Незадолго до выборов Рузвельт законодательно изменил срок инаугурации. Незачем, считал он, избранному президенту три месяца ожидать вступления в должность. Для формирования кабинета и подготовки к въезду в Белый дом достаточно более краткого времени. С того момента и до сих пор днем вступления в должность нового президента является 20 января.

Этот день в 1936 году в Вашингтоне выдался ненастным. Дул холодный ветер, моросил дождь вперемежку со снегом. «Это была самая плохая погода за последние сто лет», — записал в своем дневнике сотрудник государственного департамента Брекенридж Лонг{341}. Тем не менее на Молле собрались тысячи зрителей. Поклявшись на обернутой пластиком библии, Рузвельт произнес свою вторую инаугурационную речь, не менее страстную, чем первая. Америка напряженно вслушивалась в его слова:

«Я вижу миллионы семей, которые стремятся жить на такие жалкие доходы, что перед ними каждый день стоит угроза семейной трагедии.

Я вижу миллионы людей, чья повседневная жизнь в городе или на ферме протекает так, как было недостойно уже полстолетия назад.

Я вижу миллионы людей, не имеющих возможности получить образование, лишенных отдыха и надежды на лучшую судьбу для детей.

Я вижу миллионы людей, которые не могут купить продукты ферм и фабрик, не могут воспользоваться тем, что произвели другие миллионы.

Я вижу, что треть нации живет в плохих жилищах, не имеет хорошей одежды и пищи.

Только понимая это, мы можем исправить зло»{342}.

После вторичного избрания на президентский пост Рузвельт почувствовал себя значительно более уверенным, сочтя, что выборы фактически явились голосованием в пользу «Нового курса». Опираясь на свой успех, он в феврале 1937 года направил послание конгрессу с предложением о реформировании Верховного суда путем его значительного расширения (предложение вошло в историю под названием «схема упаковки Верховного суда»). Так как предусматривалось, что новых членов Верховного суда будет назначать президент с последующим сенатским одобрением, в случае принятия предложения этот орган должен был стать послушным орудием в руках Рузвельта.

Раздраженный тем, что Верховный суд ставил препятствия на

пути проведения «Нового курса», и не имея возможности нарушить его решения (любая попытка это сделать привела бы к тому, что не только республиканцы, но и демократы в конгрессе поставили вопрос о его импичменте — принудительной отставке), президент не раз говорил о необходимости нейтрализовать поведение «девяти стариков». На самом деле, правда, имелись в виду только пятеро членов высшего судебного органа, которые, как правило, голосовали против проводимых реформ.

Обосновывая свой план, Рузвельт в «беседе у камина» 9 марта 1937 года сдержанно, но с внутренним негодованием сетовал на те препоны, которые создает судебная власть социально-экономическим преобразованиям. Конгресс и президент осуществляют меры экономической безопасности страны, напоминал он, «однако суды поставили под вопрос правомочность избранного народом конгресса, подвергли сомнению его право защитить нас от катастрофы, право на поиск смелых решений в новой социальной и экономической ситуации»{343}. Разъясняя, каким образом он собирается расширить состав суда (если судья по достижении семидесяти лет не уйдет на пенсию, президент назначит дополнительного члена суда, что означало, по сути, полную перестройку Верховного суда, большинство членов которого давно достигли пенсионного возраста, — вместо девяти судей в высшем судебном органе оказалось бы 15 человек), Рузвельт обещал: «Если меня обвиняют в том, что я собираюсь посадить в суд бесхребетных марионеток, которые, не считаясь с законом, будут решать конкретные дела так, как угодно мне, то я отвечаю: никакой президент, если он достоин своей должности, не назначил бы таких судей, и никакие сенаторы, если они достойны заседать в уважаемом сенате, никогда не утвердили бы их»{344}.

Президент действительно испытывал чувство раздражения против тех верховных судей, которые были воспитаны в минувшую эпоху, не понимали новых реалий, препятствовали ему в проведении мероприятий, жизненно необходимых для прогресса нации. На одном из заседаний правительства вскоре после выборов 1936 года он ехидно заметил, что скорее всего МакРейнольдс останется на судейской скамье даже тогда, когда ему исполнится 105 лет{345}. Речь шла о Джеймсе МакРейнольдсе, заместителе председателя Верховного суда, которому шел 75-й год, но который отнюдь не собирался уходить на пенсию (он был членом этого высшего органа свыше двадцати лет), потрясая американскую публику не только своими консервативными суждениями и воинственной враждебностью по отношению к «Новому курсу», но и разного рода скандальными заявлениями и

действиями. По словам исследователя, он «не терпел евреев, пьяниц, черных, женщин, курильщиков, женатых клерков»{346}, то есть всех, кроме себя самого. Откровенный антисемит, грубиян, он покидал заседание, когда выступала женщина-адвокат. По поводу плана Рузвельта пополнить состав суда он заявил, что новым судьей может стать только сын преступника или еврей, или же личность, сочетающая то и другое{347}.

Блестяще выиграв выборы, Рузвельт был полон решимости начать лечение Верховного суда. Он полагал, что конгресс окажет ему полную поддержку, — не только потому, что в нем решительно преобладали его однопартийцы, но и в связи с тем, что судебные решения аннулировали законы, принятые именно высшим законодательным органом, тем самым нанося оскорбление самим законодателям.

Однако в то время, когда президент начал свое наступление на Верховный суд, появились признаки того, что судьи, опасаясь проигрыша, могут сдаться без боя, и намекнул на эту возможность тот самый МакРейнольдс, который был наиболее ярым противником президентской политики. На одном из ужинов он, оказавшись рядом с женщиной-министром Френсис Перкинс, вдруг проявил себя как галантный кавалер и в ходе беседы заявил ей, что некоторые из его коллег по Верховному суду «были бы рады уйти в отставку, если бы были уверены, что будут получать свою заработную плату до конца своих дней»{348}. Загвоздка заключалась в том, что до 1933 года члены Верховного суда, уходя на пенсию, действительно сохраняли свою полною ставку в 20 тысяч долларов, но закон об экономии средств сократил эту сумму в два раза, чем судьи, разумеется, были крайне недовольны.

Пока, однако, Рузвельт не принял фактически предложенного ему соглашения — купить отставку престарелых судей путем удвоения их пенсии — точнее, возвращения ее размера, существовавшего до введения «Нового курса». Утром 5 февраля 1937 года председатель палаты представителей, лидеры парламентских фракций обеих палат и председатели парламентских комитетов были приглашены в Белый дом. Рузвельт заявил им, что ровно через два часа, в полдень, он выступит перед обеими палатами с проектом закона о реорганизации Верховного суда в том духе, о котором уже не раз говорил (то есть о назначении дополнительных судей в случае отказа уйти в отставку тех, кто достиг семидесяти лет). Рузвельт был уверен в поддержке со стороны конгрессменов.

Президент был удивлен и разочарован, когда часть приглашенных парламентариев отнеслась к его проекту

сдержанно, а кое-кто резко выступил против. Они считали возможным решить дело миром, проведя закон о повышении пенсии судьям. Но главное, однопартийцам президента в конгрессе не понравилось, что тот ставит их перед свершившимся фактом, диктует им, как следует себя вести, нарушая баланс ветвей власти. Новое, конкретизированное предложение Рузвельта не было принято к немедленному рассмотрению, а направлено в комитеты, то есть началась долгая процедура с совершенно непредсказуемым результатом.

Тем временем был внесен и рассмотрен в срочном порядке законопроект о пенсиях для судей, уходящих в отставку, предусматривавший возвращение членам Верховного суда прежней, вдвое большей пенсии. 1 марта он был принят.

Опасаясь чрезмерного сосредоточения власти в президентских руках, конгресс отверг план реформы высшего судебного органа. Однако сам Верховный суд, отчасти опасаясь, что акция Рузвельта может повториться, отчасти в результате изменения соотношения сил в нем самом, усиления либеральной тенденции, стал более сговорчивым: признал конституционным важнейший закон о трудовых отношениях, а вслед за этим — законы о социальном страховании, о регулировании сельского хозяйства и др. После ухода в отставку в 1938 году двух консервативных членов суда — Д. Свазерленда и У. ван Девентера, которые были заменены либералами Х. Блэком и С. Ридом, в Верховном суде сложилось либеральное большинство, хотя и весьма неустойчивое, и Рузвельт счел, что его реформирование потеряло актуальность{349}.

Но главное, увлекшись реформами, Рузвельт вначале не осознал, что вторгся в святая святых американской демократии и в нем стали видеть сокрушителя основ. Ему рассказали распространенный в то время анекдот: психиатр, вознесенный на небеса, немедленно стал лечить Господа Бога, который страдал манией величия — думал, что он Рузвельт.

Отбрасывая шутки в сторону, президент постепенно убеждался, что, пытаясь перестроить себе в угоду высший судебный орган, он замахнулся на систему сдержек и противовесов, обеспечивающую устойчивость и гибкость американской демократии, что можно было воспринять как государственный переворот. В полной уверенности, что ни в коем случае не следует допускать даже мысли об этом, Рузвельт отказался от коренного реформирования Верховного суда. В июне 1937 года был принят закон, вносивший в судебную систему небольшие изменения, в частности предусматривавший, что судья, прослуживший десять лет после достижения

семидесятилетнего возраста, сохраняет своей пост и оклад, но отходит от активной работы. О пополнении Верховного суда речи не было{350}. Правда, было непонятно, как станет функционировать Верховный суд, если постепенно все его члены «отойдут от активной работы», о чем законодатели как-то не подумали. Но на практике дело утряслось — престарелые судьи теперь уходили на заслуженный отдых.

Соответственно несколько изменялись настроения прессы. Читая утренние газеты 13 апреля, Рузвельт нашел весьма любопытную передовую статью «Нью-Йорк геральд трибюн». Она называлась «Великое решение» и была посвящена закону Вагнера, который этаже газета жестоко критиковала еще полгода назад, а теперь, после его одобрения Верховным судом, поддержала.

* * *

Позиции Рузвельта и его администрации оказались несколько ослабленными в результате экономического спада, происшедшего в 1937—1938 годах. Он не достиг уровня Великой депрессии, но был значительным. Достаточно сказать, что безработица возросла до 11 миллионов человек.

Оппозиция, главным образом из среды Республиканской партии, стремилась возложить всю ответственность за очередные хозяйственные трудности на Рузвельта, объявляя их причиной «Новый курс», массированное вторжение государства вдела частного бизнеса. Звучали и обвинения другого рода — Рузвельт, мол, преждевременно сократил программу борьбы с безработицей.

Осенью 1937 года президент совершил свою первую «инспекционную» поездку по стране (в следующие годы они будут повторяться). Поезд из десяти вагонов, отправившийся с центрального вашингтонского вокзала Юнион, был оборудован по последнему слову бытовой и коммуникационной техники, вплоть до только что появившихся кондиционеров. Маршрут пролегал на запад. Была пересечена вся страна вплоть до тихоокеанского побережья. Поезд останавливался во многих городах, а иногда и на крохотных станциях, где, как сообщали Рузвельту, собралось много народу. Надо сказать, что при этом нарушался график движения обычных составов, что вызывало немалое недовольство.

Выйдя на площадку своего вагона, президент обращался с краткими речами к толпе, подчас, к раздражению бюрократов, игнорируя местных должностных лиц. В этом было немало демагогии, но она была нужна президенту, начинавшему

чувствовать охлаждение к нему населения. Иногда его просто заносило. Однажды он даже уподобил себя герою древнегреческого мифа — великану Антею: президент заявил, что подобно Антею, черпавшему силы от земли, он восстанавливает их при встрече с народом, — и получил иронические комментарии прессы.

На обратном пути Рузвельт сделал остановку в Чикаго, чтобы открыть построенную Администрацией общественных работ городскую кольцевую шоссейную дорогу. 5 октября, выступая на торжестве, он вроде бы неожиданно затронул внешнеполитические вопросы. Однако то, как они были поставлены, свидетельствовало об их теснейшей увязке с делами внутренними, с преодолением экономического спада. Речь шла о необходимости противодействия агрессии, а значит, дальнейшего государственного стимулирования экономики. «Распространяется эпидемия всемирного беззакония, — говорил он. — Когда эпидемия инфекционных болезней расширяется, обычно создается та или другая форма карантина для больных, чтобы предотвратить заражение болезнью всех людей. То же должно быть сделано в отношении мира… Те, кто желает жить в мире, в условиях законности, кто следует моральным нормам… должны найти способ, чтобы их воля восторжествовала»{351}.

Рузвельт утверждал, что новая депрессия порождена «забастовкой крупного капитала», который отказывается от необходимых инвестиций, стремясь подорвать его престиж. Это было верно, но лишь до определенной степени. Некоторые крупные бизнесмены, прежде всего Форд, действительно стремились к тому, чтобы в Белом доме был более покладистый хозяин. Однако сам Форд продолжал расширять производство автомобилей. В основном спад второй половины 1930-х годов был связан с непомерными государственными расходами, которые, в свою очередь, порождали нагнетание налогового пресса. Сделать Америку страной всеобщего благосостояния могла только научно-техническая революция, до которой оставались еще десятилетия. Будучи реалистически мыслящим политиком, Рузвельт всё более убеждался в том, что должен действовать только в пределах возможного. К тому же на промежуточных выборах 1938 года республиканцы приобрели новые места (восемь в палате представителей и семь в сенате), что также затруднило реформистскую деятельность.

* * *

Некоторые серьезные меры президент всё же смог провести через конгресс. Рузвельт стремился неуклонно следовать тем курсом, который он провозгласил дождливым днем 20 января 1936 года.

В 1938 году был подписан и введен в действие новый важный закон — о справедливых трудовых стандартах. Он впервые предусматривал в масштабах страны введение минимальной почасовой оплаты труда — 40 центов для всех лиц, занятых на предприятиях, производящих продукцию более чем для одного штата (через семь лет минимум был поднят до 50 центов). Для этих же групп рабочих и служащих вводилась 44-часовая рабочая неделя (через три года впервые в мире была установлена сорокачасовая). Запрещалось использование на предприятиях труда детей младше шестнадцати лет. Закон не распространялся на мелкие предприятия, производившие продукцию только для своего штата, — это считалось делом местной администрации. Но примеру национального законодательства последовали власти примерно половины штатов.

Чтобы закрепить победу, в Белый дом был приглашен председатель Конгресса производственных профсоюзов Джон Льюис, которому официально сообщили об этом известии, радостном для всех занятых наемным трудом. Жест был воспринят должным образом — КПП всё более активно поддерживал президента, хотя по-прежнему стремился к созданию третьей — рабочей или рабоче-фермерской — партии.

К идее третьей партии Рузвельт относился крайне отрицательно не только потому, что являлся активным деятелем Демократической партии — одной из опор двухпартийной системы. Он считал, что возникновение новой партии, тем более на левом фланге политического спектра, может серьезно нарушить баланс сил, а при экономических и социальных трудностях привести к непредсказуемым потрясениям.

В отдельных штатах появлялись местные рабоче-фермерские объединения, однако в национальном масштабе третья партия так и не была создана. Президент не желал идти на меры активного противодействия таким организациям, а своим сторонникам рекомендовал «приручать» их, чтобы раньше или позже они влились в местные отделения Демократической партии. Однако сближение демократов с Рабочей партией штата Нью-Йорк, Рабоче-фермерской партией Миннесоты и некоторыми другими подобными организациями вело к известному полевению самих сторонников «Нового курса» и усилению тенденций к поиску «третьего пути», отличного от капитализма и социализма.

Это вызывало недовольство Рузвельта. После первых попыток

включить рабоче-фермерские партии в официальные структуры правившей политической силы эти действия были прекращены, а сами мелкие партии стали постепенно терять влияние, превращаясь, за некоторыми исключениями (например в штате Висконсин), в крохотные замкнутые секты.

В результате проведения в жизнь закона 1938 года условия труда американского рабочего класса стали значительно более цивилизованными. Немалая личная заслуга в этом принадлежала Рузвельту.

Законодательство, защищавшее интересы наемных рабочих и служащих, принятия которого столь упорно добивался Рузвельт, как оказалось, не вполне устраивало профсоюзных лидеров, также выбившихся наверх не без помощи президента. В наибольшей степени это касалось Джона Льюиса, председателя КПП, который в полной мере воспользовался статьями закона Вагнера и для разжигания новых классовых конфликтов, и для рекламирования себя в качестве бесстрашного защитника интересов трудящихся.

Одобряя мероприятия Рузвельта, в целом оказывая ему поддержку, именно Льюис в то же время подумывал о создании собственной влиятельной рабочей партии, которая могла бы нарушить двухпартийную систему. Еще в конце 1935 года в одном из интервью он весьма противоречиво заявил: «Насколько мне известно, рабочие в годы администрации Рузвельта получили больше, чем при любом другом президенте. Совершенно очевидно, что их долгом является предложить Рузвельту стопроцентную поддержку на следующих выборах (1936 года. — *Г. Ч.).* Но это вовсе не означает, что рабочие упустили время и не видят необходимости выставить свой собственный избирательный список. Не может быть двух мнений, что в нашей стране больше не существует равенства возможностей»{352}.

Так что отношение Льюиса к Рузвельту и к мероприятиям «Нового курса» было двойственным: признавая их прогрессивность, он одновременно прилагал усилия для организации массовых акций. Они объективно были вредны для американской экономики, нарушали с трудом достигнутую общественную стабильность, но соответствовали требованиям тех организованных рабочих, которые стремились выторговать у предпринимателей и властей еще больше уступок, и повышали авторитет самого Льюиса.

Именно он в преддверии и в разгар промышленного спада 1937 года был инициатором сидячих забастовок на ряде предприятий, главным требованием которых было признание предпринимателями «закрытого цеха», то есть найма и увольнения рабочей силы только по согласованию с

производственным профсоюзом. Отсюда вытекало и второе требование — признания самого факта существования независимого профсоюза.

Особо острый конфликт возник на предприятиях концерна «Дженерал моторе». Еще в декабре 1936 года в городе Флинт, штат Мичиган, а затем и в других местах по призыву Льюиса и его штаба рабочие прекратили работу, но отказались покидать цехи.

Члены кабинета (особенно активен был вице-президент Гарнер) просили Рузвельта вмешаться в опасный ход событий, убеждая его, что сидячая забастовка является грубым нарушением закона и против ее участников следует применить силу. Президент, однако, действовал в этом конфликте куда более осторожно, чем в борьбе против Верховного суда. Тщательно обдумывая ситуацию, он пришел к выводу, что использование силы, даже если удастся обойтись полицией, не прибегая к помощи армии, может привести к еще большему обострению напряженности во взаимоотношениях с организованными рабочими. Как вспоминала Ф. Перкинс, Рузвельт говорил: «Да, это незаконные действия, но какой закон они нарушают? Закон о вторжении на частную территорию — единственный закон, который может быть применен в этом случае. А что вы делаете, если человек вторгается на вашу территорию? Конечно, вы можете его выгнать. Вы можете попросить шерифа выставить его, если он пытается поставить палатку на вашей земле без разрешения… Но стрельба и убийство многих людей, потому что они нарушили закон о вторжении на частную территорию, мне отвратительны. У меня просто нет ответа. Наказание не будет соответствовать преступлению. Надо найти другой путь»{353}.

Другой путь по требованию президента был найден. В результате переговоров концерн «Дженерал моторе» согласился признать Объединенный союз автомобильных рабочих в качестве равной с администрацией стороны на переговорах об условиях труда. Вскоре и другие автопроизводители, за исключением Форда, последовали этому примеру.

С одной стороны, довольный, что дело решилось без насилия, с другой — чувствуя, что и предприниматели, и профсоюзы проявляют излишнее усердие, Рузвельт однажды публично в сердцах произнес шекспировские слова из «Ромео и Джульетты»: «Чума на оба ваших дома!» (вот когда пригодилась школьная награда — собрание сочинений великого поэта).

Однако ситуация в стране была такова, что Рузвельту пришлось тотчас оправдываться перед Льюисом, убеждая его, что имелись в виду только те предприниматели, которые не

соглашаются с подписанием коллективных договоров, и те рабочие лидеры, которые готовы предпринять насильственные действия{354}.

На пресс-конференции 15 апреля 1937 года президент убеждал редакторов и издателей ведущих газет в правильности своего решения об отказе осудить сидячие забастовки, продиктованного убеждением в том, что отношения между профсоюзами и предпринимателями должны пройти через некие испытания, прежде чем новые принципы будут усвоены обеими сторонами{355}.

Рузвельт в основном принимал вызовы, но должен был учитывать их в реальной политике. В послании конгрессу он заявил, что правительство примет все меры для скорейшего преодоления экономического спада, предотвращения перепроизводства и спекуляций, укрепит программы, направленные на расширение банковского кредита, безусловно сохранит, а возможно, и расширит общественные работы. Эти меры, в том числе субсидии предпринимателям, новое сокращение посевных площадей и выплата компенсаций фермерам, сокращение импорта, были реализованы.

Несомненно, благодаря гибкой политике президента и его кабинета, уступкам организованному рабочему движению, стремлению представить дело так, что государственная власть целиком на его стороне, были парализованы усилия левых профбюрократов и интеллектуалов по созданию третьей партии, на появление которой очень рассчитывали американские коммунисты, чья собственная партия несколько расширила свое влияние, но по-прежнему оставалась незначительной, несмотря на продолжавшиеся интенсивные денежные вливания Москвы{356}.

В «беседе у камина» 14 апреля 1938 года президент в очередной раз обратился к «своим друзьям», как он обычно называл слушателей. Сравнивая тогдашнее состояние экономики с Великой депрессией, он всячески подчеркивал принципиальную разницу: «Нынешний спад не отбросил нас к бедственному состоянию начала 1933 года». Главная цель его выступления состояла в том, чтобы отвести от правительства вину за экономические трудности. При этом Рузвельт, не стесняясь, применял против своих противников чуть ли не те же самые аргументы, которые они направляли в его адрес. Он уверял, что спад связан как раз с получением бизнесом возможности развиваться свободно и что новые решения о государственном вмешательстве являются вынужденными: «Мы терпеливо надеялись, что спад может быть преодолен силами самого

бизнеса, и только в последние два месяца стало очевидно, что правительству более небезопасно воздерживаться от решительных шагов»{357}. Далее шло перечисление этих шагов: помощь безработным, увеличение банковского кредита, проекты ликвидации трущоб и развитие автомобильных дорог, увеличение ассигнований на работы по предотвращению наводнений и «строительство объектов федеральной собственности в разных частях страны»{358}, то есть все меры, призванные расширить рынок труда и сферу приложения капитала.

Это выступление он завершил несколько необычно. Сохраняя спокойный стиль изложения, не прибегая к ораторским приемам, президент всё же счел целесообразным обратиться к метафорам, звучавшим в задушевном разговоре довольно высокопарно: «Я верю, что мы наметили правильный курс. Отказаться сейчас от наших планов построить более сильную и стабильную Америку, в которой было бы больше взаимной терпимости, означало бы, выражаясь морским языком, упустить прилив и в результате, возможно, вообще не доплыть до порта назначения. Я предлагаю развернуть паруса и плыть вперед. Уверен, что вы связываете со мной свои надежды и я могу рассчитывать на вашу помощь. Чтобы достигнуть порта, нам нужно плыть, а не стоять на якоре, плыть, а не дрейфовать»{359}.

В связи с экономическим спадом 1937—1938 годов злобные нападки на Рузвельта вновь резко усилились. Когда ему рассказывали, что на вечеринках офицеры отказываются выпить за здоровье своего главнокомандующего, или приносили газетную вырезку, где утверждалось, что в Белом доме живет «Сталин, только гораздо хуже», он делал вид, что ему это безразлично. А на одной пресс-конференции Рузвельт со смехом раздал журналистам газетный материал с новыми сенсационными, «добытыми самым тайным образом» «неопровержимыми» данными о том, что его паралич — проявление венерической болезни.

На самом деле, однако, Рузвельт был человеком чувствительным, впечатлительным. Он сохранил непосредственность восприятия и на высшем посту. Раймонд Моли вспоминал, например, что, слыша клеветнические выпады, Рузвельт, сохраняя внешнее спокойствие, напрягал мышцы лица, чтобы не выдать обуревавших его чувств{360}.

На мировых просторах. Германия и СССР

Как известно, Франклин Рузвельт никогда не одобрял американского изоляционизма, со времени своей работы в качестве помощника военно-морского министра энергично выступал за присутствие США на всех мировых рубежах, за сотрудничество с Лигой Наций.

В первое время президентства его внимание было занято в основном внутренними делами, преодолением кризиса, «Новым курсом», а внешняя политика и мировые просторы оставались на периферии. Однако жизнь заставляла всё больше считаться с ними.

Это было тем более важно, что в 1930-е годы на мир надвигалась новая мировая война. Как раз 30 января 1933 года, когда Рузвельт был избран президентом, имперским канцлером Германии стал лидер Национал-социалистической рабочей партии Адольф Гитлер, который в течение следующих полутора лет установил тоталитарную систему, начал перевооружение Германии и быстрыми темпами двигал ее к войне за господство, по крайней мере в Европе.

Нуждаясь в достоверной информации о том, что происходило в Германии, и в надежном человеке, через которого он мог бы хоть как-то влиять на ее политику, Рузвельт в июне 1933 года направил туда послом профессора истории из Чикагского университета Уильяма Додда, решительно стоявшего на интернационалистских позициях. Новый посол получил право писать непосредственно президенту, минуя Госдепартамент.

Сообщения посла были отнюдь не радостными. Додд писал о начале подготовки Германии к войне, о преследовании евреев. Он давал довольно точные характеристики главарям нацистского рейха: Гитлер — «малообразованный, более романтичный, с полукриминальным прошлым»; Геббельс — «ксенофоб-полукоммунист, ненавидящий официальный коммунизм»; Геринг — «более аристократический и прусский военный герой». Выводы Додда были пессимистическими: Европа вряд ли сможет избежать германского господства{361}.

Особенно беспокоило Рузвельта появление в США последователей нацизма, в том числе в высших органах власти. Тот же Додд во время одного из приездов в США рассказал ему, что был потрясен, услышав на официальном приеме заявление сенатора Бёртона Уилера из Монтаны: «Скоро мы будем стрелять людей подобно тому, как это делает Гитлер». Президент не мог ничего предпринять в ответ. Он не исключал, что на предстоящих

выборах появится «гитлероподобный» кандидат. Вот тогда можно будет дать ему энергичный политический бой![362]

Пока же Рузвельт весьма осторожно реагировал как на выходки американских адептов Гитлера и их попытки раздуть антисемитскую кампанию, так и на стремление еврейских кругов привлечь президента на свою сторону путем попытки приписать ему происхождение из голландских евреев. В 1935 году, отвечая на вопрос издателя еврейской газеты в Детройте, Рузвельт уклонился от определения своих национальных корней, хотя и был убежден в том, что они чисто голландские. Он писал адресату: «В отдаленном туманном прошлом они (предки. — *Г. Ч.)* могли быть евреями, или католиками, или протестантами (обратим внимание на то, что речь шла не о национальной, а о конфессиональной принадлежности. — *Г. Ч.)*, но для меня более интересно, были ли они хорошими гражданами, верящими в Бога. Я надеюсь, что они были именно таковыми»[363].

Однако поток писем антисемитского содержания, поступавших в Белый дом, был несравненно больше. Администрацию обвиняли в том, что она «заражена еврейским духом». В одном из писем (его автором был некий Т. Сэмрези из Коннектикута), например, говорилось: «Гитлер, может быть, частично ошибается, но евреи — азиаты; их ментальность отличается от мышления западных людей, их моральный кодекс — до- и антихристианский; они — в основном паразитическая группа, и их “преследовали” во все века, потому что они этого заслуживали». Интересно, что в ответе этому жаждущему крови недоумку секретарь Рузвельта Хоув (президент не счет целесообразным марать руки, отвечая на этот грязный листок) не дал адресату достойной отповеди, а всего лишь выразил надежду, что его опасения окажутся неосновательными и США не грозит подобная опасность[364]. Если уж секретарь и друг Рузвельта (безусловно, по согласованию с ним) отделался таким пустопорожним ответом — значит, антисемитские настроения, стимулируемые гитлеровскими эскападами, были немалыми. Такую обстановку Рузвельту придется учитывать позже, когда встанет вопрос о приеме беженцев из Европы, которым грозила гибель от рук гитлеровцев.

Переписка с Доддом и беседы с ним во время приездов посла на родину укрепляли Рузвельта в убеждении, что нацистский «новый порядок» не только возвращает к варварству саму Германию, но и является серьезной мировой угрозой. «Я иногда чувствую, что положение в мире становится всё хуже, вместо того чтобы улучшаться», — писал он Додду 13 ноября 1933 года. 25 августа 1934-го в ответ на очередное донесение Додда

Рузвельт поделился с ним предчувствием: «Письмо подтверждает мои опасения, что события в Германии, а возможно, и в других европейских странах развиваются безусловно в неблагоприятном направлении и что в следующие полгода или год может произойти нечто непредсказуемое»{365}. В то же время Рузвельт пока не считал возможным «протянуть руку помощи» жертвам нацизма. Условия для этого, полагал он, не созрели, по крайней мере до предстоявших промежуточных выборов. Но аналогичную позицию правительство США продолжало занимать и в ближайшие годы, испытывая мощное влияние изоляционистов из самых разных социальных слоев — от рабочих и фермеров до представителей крупного бизнеса. Рузвельт вполне откровенно, причем подчеркнуто отстранение писал Додду в апреле 1936 года: «Я чувствую себя совершенно неспособным оказать какие-либо услуги делу укрепления мира ни сейчас, ни в будущем»{366}.

В следующие месяцы вплоть до своего отзыва в самом конце 1937 года посол продолжал убеждать Рузвельта в нецелесообразности попыток уговорить Гитлера прекратить агрессивную политику. Такие усилия, считал Додд, лишь разжигают аппетиты агрессоров, принимающих их за признак слабости. В полной мере Рузвельт осознал это только в условиях начавшейся Второй мировой войны.

* * *

Очаг войны возник и на Дальнем Востоке, причем еще раньше, когда в 1931 году японские войска вторглись в северо-восточную часть Китая, оккупировали Маньчжурию и в следующем году образовали там марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Рузвельт внимательно следил за развитием событий, но не был в состоянии охватить необъятное. Необходимость решать внутренние проблемы в сочетании с сильным изоляционизмом, господствовавшим не только у значительной части истеблишмента, но и в широких массах населения, не давала ему возможности включиться в решение мировых дел.

Отношение Рузвельта к перспективам внешней политики США удачно определил В. Л. Мальков: «Внутренне для Рузвельта не было вопроса, какой подход предпочесть. Выбор был сделан им давно и бесповоротно, а годы кризиса только убедили его, что иного и быть не может. В его понимании изоляционизм, имеющий в определенных случаях свои тактичекие преимущества, как политико-дипломатический принцип в

условиях возникшей опасности глобального военного конфликта, помноженной на необратимые сдвиги во всей международной обстановке и способах ведения войны, являлся анахронизмом, отголоском невозвратно ушедших времен»{367}.

Временами под воздействием явного нарушения Германией всех международных обязательств (выход из Лиги Наций, отказ от Версальского мира, перевооружение, захват демилитаризованной Рейнской области) возникали импульсивные, малообоснованные намерения что-то сделать, и как можно скорее. Франклин писал полковнику Хаусу, что хорошо было бы подвергнуть Германию экономическому бойкоту, который мало отличался бы от блокады времен Первой мировой войны{368}.

Но президент отлично понимал, что внезапный, взрывной переход к глобальной мировой политике, к активному вмешательству в международные конфликты, вступление в Лигу Наций или, по крайней мере, поддержка ее инициатив, иначе говоря, отказ от изоляционизма и вхождение в блок государств, выступающих против агрессии, будет воспринят самыми широкими слоями населения крайне негативно. Американский народ, привыкший жить как бы на своей собственной планете, надо готовить к мировой политике, демонстрируя не только моральную важность, но и практические преимущества такого поведения — это было глубочайшее убеждение Франклина.

Вначале он стремился разделаться с теми международными делами, которые считал малыми, в частности с проблемой долгов европейских стран Соединенным Штатам. Он тайно встретился с послом Франции Полем Клоделем и предложил схему уплаты долгов без процентов, что должно было заинтересовать европейских должников. Но это предложение повисло в воздухе, а позже было снято с повестки дня. Не встретила поддержки в американском истеблишменте также инициатива Рузвельта по установлению более тесных отношений с Великобританией.

Европейские страны с прохладцей смотрели на предложения американского президента, полагая, что большой пользы от установления тесных связей с заокеанской республикой они не извлекут — она была крайне слаба в военном отношении. Рузвельт считал рост вооружений и создание сильной армии одними из приоритетов, но выходить за пределы изоляционизма, превращать США в подлинно мировую державу он мог только медленно и постепенно.

Одним из немногих достижений в этой области в первые годы рузвельтовского президентства была энергичная реакция на японскую агрессию на Дальнем Востоке. В июне 1933 года Рузвельт запросил у конгресса ассигнования на строительство

тридцати двух крупных военных кораблей общим водоизмещением 120 тысяч тонн, в том числе авианосцев, хотя военной авиации страна пока практически не имела. Сама эта инициатива означала, что к программе военно-морского строительства Рузвельт вскоре добавит создание мощного воздушного флота.

После вступления Рузвельта на высший пост Соединенные Штаты включились в работу международной конференции по разоружению, которая после нескольких лет подготовки проходила в Женеве в 1932—1935 годах. Правда, на этой конференции, как и ранее в подготовительной комиссии, шли бесконечные разговоры о наступательных и оборонительных видах оружия, о том, какие средства ведения войны следует запрещать или ограничивать, а какие не следует, сами переговоры о сокращении вооружений, по словам Рузвельта, были позитивными. Лучше говорить о мире, чем готовиться к войне, полагал он. В переписке с премьер-министром Франции Эдуаром Эррио и его британским коллегой Рамсеем Макдональдом Рузвельт призывал отказаться от наступательного оружия и даже участвовать в коллективных действиях против агрессоров, но и он уклонялся от объяснения, какие средства ведения войны являются наступательными, а какие оборонительными.

Однако в письмах доверенным людям президент называл конференцию по разоружению неплодотворной, если не сказать пустой тратой времени. 30 августа он писал своему старому знакомому, с которым поддерживал связь еще с начала 1920-х годов, американскому дипломату Норману Дэвису[26], представлявшему на конференции США: «Настало время нациям возвратиться к реальностям… На конференции ведутся разговоры с 1926 года (имелась в виду и работа подготовительной комиссии. — *Г.* У.), но существа проблем она не коснулась»{369}.

В своей неофициальной пессимистической оценке Рузвельт оказался прав. В сентябре 1933 года Германия отказалась от участия в конференции по разоружению, а в октябре покинула Лигу Наций. Приходилось расставаться с платоническими, утопическими мечтаниями и проводить политику реалий.

* * *

Проявлением существенной активизации внешней политики сразу же после прихода Рузвельта в Белый дом явилось установление дипломатических отношений с СССР.

Будучи искренним приверженцем свободного

предпринимательства, теперь, правда, под государственным контролем и осторожным регулированием, Рузвельт с интересом наблюдал за социальными экспериментами в России, однако отнюдь не разделял восторгов левой западной интеллигенции, в том числе и американцев, например писателей Эптона Синклера и Теодора Драйзера, по поводу социалистической перестройки общества.

Американскому президенту были чужды формы организации общества, которые практиковались в России со времени Октябрьского переворота 1917 года: господство государственной собственности, которое слегка ослабело в годы нэпа, но было полностью восстановлено во время индустриализации 1930-х годов; насильственная, кровавая коллективизация сельского хозяйства; всевластие одной партии и официальной идеологии, вторжение государства в частную жизнь людей, атмосфера страха и террора — всё то, что уже тогда стали именовать тоталитарной системой.

Неприятие большевистских реалий предопределило тот факт, что США не последовали примеру многих других стран, которые в 1924—1925 годах официально признали СССР и обменялись с ним дипломатическими представительствами. Вторым камнем преткновения являлись долги России Соединенным Штатам: хотя они и были небольшими, республиканские администрации считали их уплату предварительным условием вступления в переговоры о восстановлении официальных отношений.

Но Рузвельт был политиком-реалистом. Он подходил к проблеме взаимоотношений с СССР с геополитических позиций, видя в мощном восточном государстве возможного союзника в противодействии японской, а затем и германской агрессии. Немаловажными были и экономические соображения.

Во время своей первой предвыборной кампании по тактическим соображениям Рузвельт ничего не говорил о признании СССР, вообще не упоминал о нем. Но в октябре 1932 года, отвечая на вопрос редактора только что созданного формально беспартийного, но фактически финансируемого СССР и издаваемого коммунистами журнала «Soviet Russia today» («Советская Россия сегодня») Джессики Смит о перспективах признания СССР, кандидат на высший государственный пост обещал изучить эту проблему и подойти к ней объективно{370}.

В США с 1924 года в качестве неофициального советского представительства действовал так называемый Амторг — акционерное общество, являвшееся посредником в экспортно-импортных операциях СССР в США. По заказам заинтересованных организаций Амторг закупал оборудование, принимал товары,

организовывал их отправку Одновременно он был базой тайных агентов иностранного отдела ОГПУ, подчас успешно внедрявшихся в американские военные и иные структуры{371}.

Американский бизнес считал — и президент с ним согласился, — что установление дипломатических отношений значительно расширит советский рынок для промышленности США. Обсудив со своими советниками вопрос о курсе в отношении Советского Союза, президент уже в первые недели своего пребывания в Белом доме пришел к выводу, что США многое теряют, не имея официальных контактов с СССР.

Почти через 12 лет, 21 октября 1944 года в речи перед членами Ассоциации внешней политики, а затем на Ялтинской конференции глав трех держав Рузвельт напомнил о своей инициативе по признанию СССР, причем сделал это в свойственной ему непринужденной манере, подчеркнув исключительно личную инициативу и вроде бы спонтанный, эмоциональный характер самого признания. Он сообщил, что в 1933 году его жена посетила урок истории в какой-то американской школе. В классе висела карта, на которой большое пространство на востоке Европы и в значительной части Азии не имело никакого названия, представляя собой белое пятно. Учитель пояснил, что руководство школы запретило ему что-либо говорить о государстве, находящемся на месте пятна. Якобы именно этот эпизод подтолкнул президента к признанию СССР, к тому, чтобы на карте появилась страна, с которой США общались бы на равной основе. Рузвельт продолжал: «В течение шестнадцати лет до события, о котором сейчас идет речь, американский и русский народы не имели никаких каналов для практического общения между собой. Мы восстановили эти каналы»{372}.

Неизвестно, имел ли место такой случай на самом деле или был очередной фантазией Рузвельта. Причины признания, разумеется, были совершенно иными — лежали в политической плоскости, были связаны с заинтересованностью США в привлечении СССР к системе коллективной безопасности и развитии с ним экономических отношений.

Вначале вновь были предприняты очень осторожные действия. Рузвельт поручил министру финансов Г. Моргентау вступить в контакте Борисом Евсеевичем Сквирским — советским деятелем, являвшимся с 1923 года полуофициальным лицом, именовавшимся «дипломатическим агентом» Наркомата иностранных дел СССР Ссылаясь на свое «личное мнение», Моргентау поинтересовался, не следует ли США послать своего торгового представителя в СССР. Сквирский заявил, что

устойчивые связи между обеими странами могут быть созданы лишь на твердой юридической базе, которую может дать установление дипломатических отношений в полном объеме. 1 апреля 1933 года «дипломатический агент» послал телеграмму начальству: «Авторитетные представители агентства Юнайтед Пресс, не указывая источника своей информации, в частном разговоре заявили, что, по последним сведениям, президент будто бы решил признать СССР месяца через два, без всякой комиссии и обследования и без всякой “паблисити”. Не исключается, однако, возможность дальнейшей задержки»{373}.

Рузвельт продолжал осторожничать. Прежде чем предпринять какие-либо дальнейшие действия, он поручил в срочном порядке провести опрос общественных деятелей, проследить за реакцией средств массовой информации, осуществить выборочное обследование мнения рядовых граждан. Результаты были сходными — большинство американцев высказывались за установление отношений с СССР в той или иной форме. 17 октября Сквирский телеграфировал в Наркоминдел, что Рузвельт собирается скоро признать СССР. «Получаемые мною сведения говорят о серьезности намерений Рузвельта. Избранный им путь разговоров для получения заверений объясняется желанием “успокоить оппозицию”»{374}.

Рузвельт, нередко колебавшийся и проявлявший нерешительность, умел, когда было необходимо, быстро переходить к действиям. Последовало его письмо председателю Центрального исполнительного комитета СССР от Российской Федерации, «всероссийскому старосте» М. И. Калинину Сталин немедленно дал директиву председателю Совнаркома В. М. Молотову ответить согласием и заявить о намерении послать «своего человека для разговора с Рузвельтом». «Лучше будет послать Литвинова», — добавил Сталин. Политбюро сразу утвердило наркома иностранных дел Максима Максимовича Литвинова главой делегации на переговорах с американским президентом.

Правда, сам Литвинов считал, что ему нецелесообразно участвовать в них. Он отправил в Гагру, где «вождь» пребывал на отдыхе, телеграмму: «Переговоры будут вестись в обстановке бешеной кампании мобилизованных сил враждебных нам организаций, к давлению которых Рузвельт весьма чувствителен. Мое личное участие в переговорах может быть истолковано как наша чрезвычайная заинтересованность и готовность на большие уступки… Возможно, что переговоры придется прервать, и тогда я поехал бы в случае возобновления». Но решение Сталина не изменилось. «Настаиваем на посылке Литвинова», — написал он

Кагановичу 17 октября[375].

По официальным каналам соответствующее предложение было передано американскому президенту.

Тотчас из Вашингтона было послано приглашение Литвинову прибыть в США для переговоров. Они состоялись 8—16 ноября. 10 ноября Литвинов был дважды принят Рузвельтом. Они договорились называть друг друга по имени, беседуя с глазу на глаз (Литвинов свободно владел английским языком, так как до 1917 года много лет в качестве эмигранта жил в Лондоне и был женат на англичанке), чтобы, как высказался Рузвельт, «поругаться немного»[376]. Президент обсуждал с послом вопросы религиозной терпимости, российских долгов и др. Любопытно, что Рузвельт, всячески желая проявить добрую волю, начал первую беседу с признания законности советских контрпретензий, связанных с ущербом, причиненным участием США в интервенции на Дальнем Востоке во время Гражданской войны[377]. Главным, разумеется, было то, что удалось договориться о восстановлении дипломатических отношений, о чем пресса сообщила 17 ноября, уже после отъезда советского наркома.

Перед отъездом Литвинов 15 ноября был еще раз принят президентом. Во время встречи нарком заверил, что СССР не допустит пропагандистской деятельности своих органов против США на территории Америки, а в Советском Союзе американцам будет гарантирована свобода вероисповедания. Последнее было осуществить нетрудно. Относительно же подрывных действий дело обстояло иначе. Их проводили вроде бы не советские органы, а независимые организации — Коммунистический интернационал и его составная часть — Коммунистическая партия Соединенных Штатов. Всякого рода обвинения в том, что они выполняют указания Москвы, гневно отвергались, постоянно твердилось об «отдельности» Коминтерна от советских властей, хотя на самом деле международная организация фактически являлась внешнеполитическим ответвлением ЦК ВКП(б).

Рузвельт пытался учить Литвинова уму-разуму «Вы знаете, Макс, — твердил он, — ваши добрые старые отец и мать, верные религии евреи, всегда молились. Я знаю, что они должны были научить вас молитвам. Вы должны знать все прекрасные старые еврейские псалмы и молитвы». Сталинский нарком вежливо кивал головой, не отрицая, но и не подтверждая сказанного. Своим близким Рузвельт рассказывал: «Макс краснел и отдувался, но я прижал его»[378]. Но это было лишь красное словцо. Попытка «очеловечить» большевистского представителя, воззвав к его религиозным чувствам, успеха, естественно, не имела[379]. По

мнению Литвинова, подоплекой этого обращения было стремление облегчить положение религиозных культов в СССР: «Президент предлагает мне взять на себя обязательства, которые изменяют и дополняют наше законодательство о религии. Это превышает мою компетенцию и наши возможности»{380}. Но Рузвельт и не настаивал — ему было достаточно гарантий религиозной свободы для американских граждан, находившихся в СССР.

Впоследствии Рузвельт не раз вспоминал, как вел с советским наркомом беседу о спасении души и угрозе наказания адским огнем. Не лезший за словом в карман Черчилль как-то во время Второй мировой войны заметил по этому поводу, что порекомендует назначить Рузвельта архиепископом Кентерберийским, если он проиграет очередные выборы{381}.

Отойдя от поучительных интонаций, которые особенно неприятно было выслушивать убежденному коммунисту и сталинскому приближенному, Рузвельт подчеркнул в беседе с ним: «Америка и СССР, не нуждающиеся ни в каких территориальных притязаниях, должны стать во главе движения за мир»{382}.

По вопросу о признании СССР проявился почти полный консенсус в американском обществе — за него высказались представители большого бизнеса, общественных организаций, левых кругов, идеализировавших советскую действительность и не желавших видеть преступлений тоталитарной власти. Рузвельт в этом случае действовал наверняка, не обращая внимания на проклятия со стороны немногих общественных деятелей, обвинявших его в том, что он продался коммунистам.

* * *

Вскоре после визита Литвинова состоялся обмен посольствами (точнее, в Москве появилось американское посольство, а в Вашингтоне — советское полномочное представительство). Первым полпредом СССР уже 20 ноября был назначен Александр Антонович Трояновский, в прошлом меньшевик, а теперь послушный сталинский подчиненный, которым советский диктатор легко манипулировал, учитывая его биографию. Перед отъездом Трояновский трижды побывал у Сталина и получил лично от него инструкции{383}. Трояновский оставался полпредом до 1938 года и способствовал медленному, но неуклонному развитию связей двух стран, почти исключительно в экономической области.

Первым же американским послом в СССР стал Уильям Буллит, уже побывавший в Москве в 1919 году и встречавшийся с Лениным. Теперь ему предстояла нелегкая работа — наладить контакты с высшим советским руководством. Начало было многообещающим. В честь Буллита был дан обед, на котором Сталин поднял бокал за здоровье Рузвельта, назвав его «человеком, который прокладывает новые пути в американском обществе»{384}.

В обеих странах известие об установлении дипломатических отношений широко публиковалось в средствах массовой информации. Сын Трояновского писал в мемуарах: «Установление дипломатических отношений с Соединенными Штатами получило благоприятное освещение в советской прессе с фотографиями двух глав государств (Рузвельта и Калинина. — *Г. Ч.)* и двух послов на первых полосах центральных газет. По всему было видно, что советское руководство придавало этому событию первостепенное значение»{385}.

В центральной советской прессе 25 декабря 1933 года появилось интервью, которое Сталин дал московскому корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Уолтеру Дюранти, цинику и подхалиму, оправдывавшему все деяния большевистского «великого кормчего», отрицавшему кровавый характер раскулачивания и голод в СССР. Довольный как поведением Дюранти, так и установлением официальных отношений с США, весьма выгодных для СССР с экономической точки зрения, диктатор специально готовился к этому интервью, поскольку, отвечая на вопросы журналиста, употреблял даже обычно несвойственные его речи термины: «Рузвельт, по всем данным, решительный и мужественный политик. Есть такая философская система — солипсизм, заключающаяся в том, что человек не верит в существование мира и верит только в свое я. Долгое время казалось, что американское правительство придерживается такой системы и не верит в существование СССР. Но Рузвельт, очевидно, не сторонник этой странной теории. Он реалист и знает, что действительность является такой, какой он ее видит»{386}.

На что рассчитывал Сталин, столь лестно отзываясь об одном из «капитанов капиталистического мира»? Он отлично понимал, что, несмотря на социальные бури, революция Соединенным Штатам не грозит. В Рузвельте он действительно видел реалиста, прагматика, готового сотрудничать с его режимом при условии, что он не будет активно вмешиваться в дела других стран.

Восьмого января 1934 года Трояновский вручил Рузвельту верительные грамоты. Президент выразил надежду, что

взаимоотношения будут развиваться на благо всеобщего мира. В следующие месяцы Рузвельт несколько раз принимал советского полпреда, один раз даже будучи больным, лежа в постели{387}.

Однако постепенно внимание президента во внешнеполитической области отвлекалось от советского направления. Трезвомыслящий и прозорливый Буллит информировал свое правительство об укреплении в СССР автократического режима, особенно после произошедшего 1 декабря 1934 года убийства С. М. Кирова, пытался внушить мысль о том, что СССР — ненадежный партнер. Буллит рекомендовал воздержаться от интенсивного развития отношений с СССР, по существу, заморозить их, хотя и не доводить до полного прекращения. Многие донесения дипломата перехватывались советскими спецслужбами, и взаимоотношения Кремля с ним вскоре стали весьма напряженными. Оценки Буллита явно не соответствовали настроениям, господствовавшим в это время в Белом доме, ибо Рузвельт рассчитывал продолжать игру на советском поле. В 1936 году президент сместил посла.

Тем временем зашли в тупик американо-советские переговоры о кредитах. Представители Госдепартамента ссылались на решение конгресса о том, что США не предоставляют кредитов странам, не расплатившимся по прежним долгам. А за правительством СССР числились «унаследованные» долги царского и Временного правительств{388}. 30 апреля 1934 года Трояновский по этому поводу посетил Рузвельта, просил его вмешаться в переговоры, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Но президент полностью поддержал жесткую позицию Госдепа.

Временами, казалось, отношения вновь поворачивались в благоприятную сторону. Буквально взрыв восторга вызвал беспосадочный перелет с территории СССР в США протяженностью 8504 километра, осуществленный советскими пилотами В. П. Чкаловым, Г. Ф. Байдуковым и А. В. Беляковым. 20 июня 1937 года их самолет АНТ-25 благополучно приземлился в городе Ванкувере, штат Вашингтон. Летчики объехали всю страну, их встречали цветами и объятиями. В Белом доме их тепло принял Рузвельт, заявивший, что они приблизили СССР к США{389}. А ведь в это время в СССР шла кровавая всеобщая чистка, получившая название Большого террора, когда каждая семья ожидала, что в эту ночь может лишиться кого-то из своих родных и близких! Американского президента эти события могли волновать главным образом с той точки зрения, что они ослабляли тоталитарное общество.

Разумеется, Рузвельт нуждался в достоверной информации об

СССР. В то же время он подспудно желал, чтобы эта информация была по возможности позитивной, чтобы оправдать не только дипломатическое признание, но и усилия по привлечению СССР к системе коллективной безопасности в Европе и к совместным действиям против агрессии Японии.

В беседах с Трояновским президент расспрашивал о Ленине и особенно о Сталине. Понимая, что посол будет восхвалять большевистских вождей, он интересовался ими как ораторами, надеясь, очевидно, что у полпреда вырвется какое-либо живое слово, которое послужит более объективному представлению о них. Чтобы расшевелить Трояновского, Рузвельт рассказывал, что сам старается в выступлениях поменьше употреблять слова романского происхождения, оперировать главным образом англосаксонской речью. Обращал он внимание и на то, что в своих предвыборных выступлениях никогда не упоминал фамилию оппонента. «Зачем, — говорил президент, — создавать ему лишнюю рекламу?»{390} Можно полагать, что Трояновский не поддавался на рузвельтовские «провокации», ибо благополучно пережил Большой террор и окончил свои дни в собственной постели в 1955 году.

Рузвельту требовалась такая кандидатура на пост посла в СССР, которая была бы связана не столько с бюрократическими дипломатическими службами, сколько с ним самим. Находкой оказался Джозеф Дэвис, адвокат и бонвиван, собиратель художественных ценностей, супруг известной владелицы мощной корпорации по производству пищевых продуктов Марджори. Пост, которая и привила ему пылкую страсть к коллекционированию. Дэвис был связан с Демократической партией еще со времен Первой мировой войны и хорошо знаком с Рузвельтом, играл с ним в гольф и встречался на вечеринках.

Двадцать пятого августа 1936 года Дэвис был приглашен на завтрак к президенту, во время которого ему и было сделано предложение поехать в Советский Союз. «Он хотел бы, чтобы я в качестве посла в Москве глубоко проанализировал всё положение, особенно в отношении боеспособности СССР», — записал будущий посол в дневнике, подчеркивая свою преимущественную связь с президентом, а не с Госдепартаментом{391}.

Беспринципный и своекорыстный Дэвис сразу понял, как следует вести себя в советской столице. Прибыв в Москву в январе 1937 года, он сразу же стал посещать заседания второго «открытого» судебного фарса над бывшими оппозиционерами и другими лицами (такое привязывание случайных людей Л. Д. Троцкий именовал «амальгамой»). Одновременно он вместе с

супругой стал обследовать комиссионные магазины и скупать произведения искусства и антиквариат. Сигнал был правильно истолкован. Дэвис стал получать художественные «подарки» огромной музейной ценности от Молотова и его жены. А в качестве благодарности он стал направлять Рузвельту донесения, прежде всего о судебных процессах, полностью оправдывающие сталинский Большой террор. Он делал вывод, что обвинения соответствовали действительности — в СССР был разоблачен заговор с целью свержения правительства. Попутно Дэвис рассыпался в комплиментах Сталину, которого характеризовал как человека простого, трудолюбивого, обладающего большим умом.

Некоторые авторы, включая биографов Дэвиса, пытаются в какой-то мере оправдать его поведение наивностью, слабым знакомством с советской действительностью и уж во всяком случае не связывая его оценку происходивших в СССР событий со страстью к коллекционированию. Но эти суждения не выдерживают критики. Дэвис был опытным юристом, отлично понимал, что на московских процессах 1937—1938 годов отсутствовали какие-либо доказательства вины подсудимых, вполне сознательно замалчивал либо фальсифицировал происходившее на этих процессах. Точно так же он в целом приукрашивал внутреннюю ситуацию в СССР и его внешнюю политику, являясь скорее представителем интересов Сталина в США, а не наоборот. К сказанному можно лишь добавить, что в мае 1945 года благодарный «вождь народов» удостоил Дэвиса ордена Ленина и это был единственный в мире зарубежный дипломат, получивший высшую советскую награду.

С течением времени Рузвельт стал всё больше прислушиваться к голосам журналистов и других объективных наблюдателей, всё меньше доверять информации посла. Видимо, последней каплей, переполнившей чащу его терпения, был прием Дэвиса Сталиным 5 июня 1938 года, на котором тот преподнес послу собственный портрет с надписью. Вслед за этим Дэвис был переведен на малозаметный пост посла в Бельгии, а через два года отозван в США{392}.

К сожалению, в советской исторической литературе, посвященной США, можно встретить восхваления Дэвиса с его «глубокими оценками» советской действительности, призывами к активному сотрудничеству со сталинским режимом. В монографии В. Л. Малькова вообще не упоминается ни о «подарках», которые посол получал от советского правительства, ни об оценке им Большого террора, как будто этих сторон его незавидной деятельности не существовало. Мальков чуть ли не

восторженно описывает характерные для донесений Дэвиса «самостоятельный анализ европейской ситуации, сложившегося соотношения сил, позиции сторон», указания на «динамичность его (СССР — *Г. Ч.)* развития», которая «превосходит всё, известное ранее», ни словом не упоминая о сильном приукрашивании послом советских реалий{393}.

Однако и сам Рузвельт явно недооценивал тот феномен, который сложился в СССР в виде единоличной власти диктатора. Он полагал, что СССР ведет себя как традиционная великая держава, стремящаяся действовать в пределах существующих международных отношений. Такой подход позже получил название «ялтинской аксиомы»{394}. Он был близок к истине лишь в тех пределах, которые соответствовали целям и намерениям Сталина. Тому ничего не стоило нарушить договоренность, когда он считал это выгодным для интересов СССР, как он их понимал, причем пытался найти любой повод для обвинения в этом партнера. Но в основном это случалось уже после Второй мировой войны, за пределами жизни Франклина Рузвельта.

Неудачи нейтралитета и дела Западного континента

Пока же, в середине 1930-х годов, Рузвельт отлично понимал, что США не готовы к крупным международным акциям ни на европейском, ни на тихоокеанском направлениях. Это и предопределило политику нейтралитета, выразившуюся прежде всего в законодательстве об эмбарго на продажу оружия воюющим странам, хотя с тем, как практически осуществлялась эта политика, президент далеко не всегда был полностью согласен, а в некоторых случаях — решительно не соглашался.

Соревнуясь в экспансионистских устремлениях с Гитлером, итальянский фашистский диктатор Муссолини летом 1934 года объявил, что независимая африканская страна Эфиопия является простым продолжением итальянских колоний Эритреи и Сомали и что он исправит «ошибку», как только в октябре окончится сезон дождей. Иначе говоря, были открыто объявлены сроки нападения Италии на Эфиопию.

Восемнадцатого августа Рузвельт, полагая, что Соединенные Штаты не могут оставаться безразличными к наглым аннексионистским планам, послал Муссолини личное предельно сдержанное письмо, в котором предостерегал его от необдуманных действий.

Будучи уверенным, что не получит ответа (или он будет провокационным и грубым), уже на следующий день президент написал еще одно письмо — на этот раз председателю сенатского комитета по международным отношениям Кею Питтмэну, с вопросом, сможет ли он получить от конгресса разрешение на чрезвычайную меру — наложение запрета на поставку американского оружия агрессору. Кто имелся в виду, не говорилось, но это было ясно без слов.

В тот же день Питтмэн ответил: его комитет решительно против того, чтобы президент страны своей волей определял, какая страна является агрессором, а какая нет. Стремясь парализовать любую новую инициативу Рузвельта по пресечению итальянской агрессии, Питтмэн в срочном порядке провел через конгресс резолюцию о нейтралитете с шестимесячным сроком действия, предусматривавшую эмбарго на поставку оружия воюющим странам, при этом никакого различия между агрессором и жертвой агрессии не проводилось. Рузвельт был вынужден подписать этот документ. Общественные настроения были таковы, что вступать в открытый бой с изоляционистами он

не мог, поскольку явно проиграл бы его{395}.

Сторонник активной и энергичной внешней политики, Рузвельт, таким образом, был лишен возможности подкрепить конкретными действиями свое письмо Муссолини. Сенатор Том Коннелли, энергично выступавший против агрессоров, был прав, заявив: «Несомненно, так называемый акт о нейтралитете сделал Муссолини, как и других диктаторов, смелее в планировании агрессии против своих мирных и более слабых соседей. Так произошло потому, что, как только начались военные действия, у президента Рузвельта не было иной альтернативы, как наложить эмбарго и на Италию, и на Эфиопию»{396}.

Рузвельт подписал первый закон о нейтралитете 31 августа 1935 года, признав, что его «негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того чтобы удержать от нее»{397}. Вначале Рузвельт настаивал на предоставлении ему дискреционного права, то есть возможности при чрезвычайных обстоятельствах делать исключения — применять закон только против агрессивной стороны. Однако изоляционистские настроения в стране оставались чрезвычайно сильными, их поддерживало большинство конгрессменов, и был одобрен другой проект, который такого права президенту не давал.

Главной в законе была первая статья, предусматривавшая, что «с началом войны между двумя или более государствами или в ходе ее президент объявляет об этом факте, после чего запрещается экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения из любого пункта в Соединенных Штатах или их владениях в любой порт воюющих государств или в любой нейтральный порт для транспортировки в воюющее государство или для его использования». Было решено учредить особый орган для надзора за экспортом оружия. За нарушение эмбарго грозили штраф до десяти тысяч долларов, или тюремное заключение до пяти лет, или и то и другое одновременно. Закон также предусматривал ограничение плавания американцев на судах воюющих стран (они могли это делать только на свой страх и риск, не пользуясь защитой американских властей).

Хотя Рузвельт не был доволен этим законом, однако, учитывая расстановку сил в конгрессе, не считал возможным вступить в борьбу Правда, действие закона ограничивалось шестью месяцами, но позже оно было продлено до 1 мая 1937 года, а затем закон объявлен постоянным.

Сторонники акта о нейтралитете убеждали Рузвельта, что США сохраняют за собой свободу рук при любом международном урегулировании. Именно этим, по всей видимости, и объясняется то обстоятельство, что президент не вел активной борьбы за его

отмену вплоть до Второй мировой войны. Многие американские историки с полным на то основанием полагают, что закон о нейтралитете приблизил мировую войну, ибо агрессоры считали, что в случае развязывания ими войны в Европе и Азии США останутся в стороне.

В то же время президент стремился принять меры по обеспечению обороны США и всего Западного полушария от агрессии со стороны как Германии, так и Японии. Главным средством для этого он считал создание значительно более мощного военно-морского и военно-воздушного флотов, чем те, которыми располагала страна. 28 января 1938 года он попросил конгресс ассигновать свыше миллиарда долларов на создание «флота двух океанов», а вслед за этим заявил, что Америка нуждается по меньшей мере в восьми тысячах военных самолетов, тогда как в то время ее воздушный флот насчитывал примерно в четыре раза меньше. Предложения Рузвельта были вотированы и стали осуществляться.

* * *

Важной составной частью внешнеполитического курса Рузвельта являлась новая направленность в отношениях с центрально- и южноамериканскими государствами, которую он провозгласил уже при вступлении в должность: «В области мировой политики я буду вести нашу нацию по пути политики доброго соседа, соседа, который безусловно уважает себя и поэтому уважает права других, соседа, который с уважением относится к своим обязательствам и уважает святость своих соглашений с соседями в этом мире». В декабре того же года Рузвельт еще решительнее и конкретнее подтвердил новый континентальный курс, заявив: «Политика Соединенных Штатов с этого времени направлена против любой вооруженной интервенции».

В экономику и политику стран Центральной и Южной Америки стремилась внедриться агентура Германии и Японии. За 1929—1936 годы импорт из этих стран вырос с 17 до 28 процентов. Опираясь на этнических немцев, численность которых превышала миллион человек, гитлеровцы интенсивно распространяли здесь идеи национал-социализма, одновременно всячески понося мощного северного соседа, обвиняя его в проведении империалистической политики, агрессивного и эксплуататорского курса.

Отлично сознавая негативное отношение к США всех

являвшихся или считавшихся независимыми государств, расположенных к югу от их границы, а также на островах Карибского бассейна, президент стал во всеуслышание повторять, что здесь больше не будут проводиться политика «большой дубинки» и «дипломатия доллара». «Политика доброго соседа» строилась на невмешательстве во внутренние дела, заключении равноправных торговых договоров, предоставлении технической и иной помощи странам региона.

Новые подходы стали воплощаться в жизнь на Панамериканской конференции в Монтевидео (Уругвай) в декабре 1933 года. Делегацию США возглавлял госсекретарь Халл, а Рузвельт следил за ходом конференции, изучал и редактировал ее документы. Конференция приняла декларацию, провозглашавшую, что ни одна страна континента не имеет права на вмешательство во внутренние и международные дела других стран.

Вслед за этим последовали конкретные меры. В мае 1934 года по прямому указанию Рузвельта была отменена так называемая «поправка Платта», которая фактически превращала Кубу в протекторат США[27]. На территории острова на неопределенный срок оставалась, однако, американская военно-морская база Гуантанамо, которая там находится по сей день.

Вслед за урегулированием отношений с Кубой американская морская пехота покинула Гаити, куда вступила еще при участии Рузвельта, в то время заместителя военно-морского министра.

На Никарагуа «политика доброго соседа» распространилась скорее формально. На ее территории с 1912 по 1925 год для «наведения порядка» находились морские пехотинцы США. Новые внутренние конфликты привели к тому, что через два года США опять оккупировали Никарагуа. Американские представители разработали условия перемирия между Консервативной и Либеральной партиями, но часть либералов во главе с Аугусто Сандино отказалась сложить оружие и начала партизанскую борьбу

Став у власти, Рузвельт пришел к выводу о необходимости передачи полномочий по поддержанию порядка местным силам. По его поручению была создана никарагуанская национальная гвардия, во главе которой поставили бывшего жителя США торговца автомобилями Анастасио Сомосу. В 1933 году морская пехота США была выведена из Никарагуа, в следующем году Сандино был убит, а еще спустя два года Сомоса при покровительстве американцев захватил власть и стал распоряжаться страной, как своей собственностью.

Рузвельт ему не препятствовал, понимая, что устранение

Сомосы неизбежно приведет к новой гражданской войне. Некоторые авторы приписывают Рузвельту слова, якобы произнесенные в 1939 году: «Возможно, он — сукин сын, но это наш сукин сын». Однако ни в одном архиве, включая фонды Библиотеки Рузвельта, не найдены документы, подтверждающие их принадлежность. Впервые они были приведены в журнале «Тайм» в 1960 году, но якобы относились к другому диктатору — хозяину Доминиканской республики Р. Трухильо{398}, и лишь позже были «перенесены» на Сомосу{399}. А. Кроули полагает, что высказывание было придумано Сомосой для саморекламы{400}, хотя это противоречит факту, что первоначально оно относилось к другому лицу.

В любом случае, далеко не всегда желания американского президента установить в латиноамериканских странах демократические режимы совпадали с реальными возможностями, и Рузвельту приходилось с этим считаться.

В марте 1936 года был заключен договор с Панамой. Ему предшествовала декларация Рузвельта и президента Панамы Хармодио Ариаса от 27 октября 1933 года о «соглашении по принципиальным вопросам». Был отменен ряд статей договора 1903 года, дававших США право пользоваться любыми панамскими землями для «сооружения, эксплуатации и обороны канала», поддерживать «общественный порядок» в городах. Хотя США сохраняли за собой зону канала, граждане Панамы получили право вести здесь торговлю, а правительство — взимать торговые и пошлинные сборы. В конгрессе США возникли серьезные возражения против нового договора. Многие депутаты полагали, что Панамский канал оказывается в небезопасном положении. Лишь через три года Рузвельту удалось убедить конгрессменов, что страна только выиграет от нового договора, и в июле 1939 года он наконец был ратифицирован.

Рузвельту удалось договориться о партнерских отношениях и с диктатором Бразилии Жетулиу Варгасом, несмотря на то, что в его политике было немало заимствований из идеологии и практики итальянского фашизма. В 1936 году Варгас нанес визит в США и был дружески принят президентом.

Важное место в «политике доброго соседа» заняла панамериканская конференция по сохранению мира, состоявшаяся в Буэнос-Айресе в декабре 1936 года. Именно Рузвельту принадлежала инициатива ее созыва: 30 января он обратился с этим предложением к главам всех государств Латинской Америки в письмах, сходных по содержанию, но учитывавших специфику каждого{401}.

Президент США продемонстрировал особое внимание к

континентальным делам, прибыв на конференцию и выступив на ней. Его обращение, в котором он назвал себя «бродячим торговцем миром» и проповедником «общей безопасности»{402}, было принято участниками конференции весьма дружелюбно и способствовало улучшению отношений США с южными соседями{403}.

Конференция утвердила протокол, которым США отказывались от вмешательства в дела латиноамериканских стран «в прямой и косвенной форме и по каким бы то ни было соображениям». Вслед за этим была принята конвенция, гласившая: «В случае возникновения международной войны вне территории Америки, которая может угрожать мирному положению американских республик, будут проводиться консультации, чтобы определить сроки и формы сотрудничества стран, подписавших [конвенцию], если они этого захотят, для сохранения мира на Американском континенте»{404}.

Так стало складываться направленное прежде всего против экспансии нацистской Германии и ее союзников сотрудничество государств континента, во главе которого стояли США и президент Рузвельт. Помимо Аргентины он посетил Бразилию и Уругвай, где его тепло встречали. На пути домой Рузвельт написал полковнику Хаусу с борта теплохода «Индианаполис», что поездка была успешной и подписанные документы будут быстро ратифицированы{405}.

Вояжу Рузвельта в Латинскую Америку была посвящена специальная книга, в которую, в частности, вошли его выступления{406}.

* * *

Параллельно со всеми этими международными инициативами вносились изменения в руководство вооруженными силами. Важнейшим из новых назначений было выдвижение Джорджа Маршалла (1880—1959). 58-летний бригадный генерал слыл невероятным упрямцем и грубияном. В рамках «Нового курса» он занимался организацией Гражданского корпуса охраны окружающей среды — делом важным, но отнюдь не боевым. В 1938 году на одном из совещаний, проводимых Рузвельтом, когда тот выдвинул некую идею, которую присутствовавшие единодушно поддержали, лишь Маршалл угрюмо заявил, что абсолютно не согласен с инициативой президента. Рузвельт нахмурился.

Но вскоре он вспомнил об упрямом генерале и счел, что

именно такие люди должны вдохнуть в армию новые силы. Маршалл был назначен помощником начальника военного планирования штаба армии, через год стал исполняющим обязанности начальника штаба, а вдень начала Второй мировой войны был утвержден в этой должности. Он довольно круто изменил свой характер и привычки — стал сдержанно-любезным, спокойным, строгим. Пожалуй, единственная черта, которую он сохранил от прошлого, — это решимость отстаивать свое мнение перед всеми, включая президента. Он обычно даже не реагировал на шутки Рузвельта, оставаясь хмурым.

Дж. Маршалл сыграл выдающуюся роль и в войне в качестве одного из самых талантливых американских военных руководителей, и в послевоенные годы в должности государственного секретаря, особенно при создании и реализации выдвинутого им плана восстановления послевоенной Европы, получившего название «план Маршалла».

Влияние государств с тоталитарными системами — Германии и Италии — постепенно усиливалось. Западные демократические страны стремились не дать ни малейшего повода к войне. Так зарождалась и развивалась политика умиротворения агрессоров, которая фактически поощряла их действия. Рузвельт, сознавая опасность, исходившую от Гитлера и его приспешников, но считаясь с этими реалиями, точно так же как с антивоенными убеждениями подавляющего большинства американцев, вынужден был вести себя крайне осторожно.

В марте 1937 года мэр Нью-Йорка Фиорелло Ла Гуардиа выступил с резким заявлением — предложил на предстоящей Всемирной выставке организовать комнату ужасов, в которой были бы представлены фанатики в коричневой форме, стремящиеся вовлечь мир в войну. На мэра обрушилась германская пресса, обзывая его «еврейско-коммунистическим поджигателем войны». Госсекретарь Халл послал германскому посольству формальное извинение. На состоявшемся вслед за этим заседании правительства Рузвельт спросил Халла: «А что бы вы сказали, если бы я заявил о полном согласии с Ла Гуардиа?» Госсекретарь, уйдя о прямого ответа, заметил, что лучше всего вообще игнорировать заявления германской прессы{407}.

Последовало дальнейшее развертывание агрессивного курса нацистской Германии: вслед за введением всеобщей воинской повинности, созданием военной авиации (1935) и вторжением германских войск в демилитаризованную Рейнскую область (1936) пришел черед прямого захвата соседних европейских стран. В марте 1938 года Германия объявила «аншлюс» (присоединение) Австрии. Это была первая европейская страна,

прекратившая существование в результате гитлеровской агрессии.

Осенью того же года произошел захват Судетской области Чехословакии. На этот раз территориальная экспансия была осуществлена с согласия лидеров западных держав — премьер-министров Франции и Великобритании Эдуарда Даладье и Невилла Чемберлена. Убаюканные уверениями Гитлера в том, что у него больше нет территориальных притязаний, они 29 —30 сентября 1938 года подписали с Италией и Германией соглашение, по которому Чехословакия передавала последней стратегически важную область на том основании, что значительную часть ее населения составляют немцы. Это стало началом расчленения страны. Через полгода, в марте 1939 года, она перестала существовать.

Во время Судетского кризиса Рузвельт безоговорочно поддерживал Чехословакию. Он направил письмо Гитлеру, в котором высказал свое резко отрицательное отношение к разделу страны. Гарольд Икес писал, что это, по мнению президента, «совершенно бесчестное дело» и что сам Рузвельт «стремится никак не связывать себя и свою страну с действиями руководителей Франции и Великобритании, пошедшими на все требования нацистского фюрера»{408}.

В течение почти трех лет шла гражданская война в Испании, начавшаяся летом 1936 года в результате мятежа военно-консервативных сил во главе с генералом Франсиско Франко. В то время как западноевропейские державы проводили политику невмешательства в испанские дела, а советские власти пытались насадить в стране свою агентуру, чтобы позднее превратить ее в сателлита СССР, перед президентом США остро стоял вопрос, следует ли помогать мадридскому правительству.

Рузвельт понимал, что победа Франко означала бы расширение сферы влияния Гитлера и Муссолини, а следовательно, в некоторой степени усиление опасности развязывания новой мировой войны. Но изоляционистские идеи в стране преобладали, и в год президентских выборов с ними нельзя было не считаться. О настроениях Рузвельта свидетельствовало его письмо послу в Германии Додду: «Кажется, всё опять разрушается в вашей части земли. Все эксперты здесь, там и где угодно утверждают: “Войны не будет”. То же самое они говорили в июле 1914 года, когда я работал в военно-морском министерстве. В те дни я верил экспертам. Сегодня я должен держать язык за зубами. Это не значит, что я стал циником, но как президент я должен быть готовым ко всему, подобно пожарной команде»{409}.

Выступая перед публикой, Рузвельт допускал высказывания, противоречившие одно другому В августе в городке Чотоква (штат Нью-Йорк) он произнес: «Мы должны остерегаться политических связей, которые могут втянуть нас в войны за рубежом». Но буквально через несколько минут в речи прозвучал совершенно иной мотив: «Мы, однако, должны помнить, что, поскольку войны на земле продолжаются, существует опасность, что даже нация, которая страстно желает мира, может быть вовлечена в войну»{410}.

Рузвельт попытался, обойдя закон о нейтралитете, помочь законному правительству Испании оружием под предлогом, что в данном случае шла гражданская война, а не война между государствами. Однако, проконсультировавшись со своими помощниками, побеседовав с сенатором Коннелли, энергично выступавшим за республиканскую Испанию, он пришел к выводу, что поддержки в конгрессе не получит. Кроме того, ему докладывали, что в испанском правительстве тон задают опасные левые элементы, что стране грозит коммунизация, и это также в конце концов повлияло на окончательное решение. 11 августа 1936 года президент провозгласил странную политику «морального эмбарго»: экспортеры оружия в Испанию не должны были подвергаться преследованию, но их действия не одобрялись.

В ответ на письмо председателя Социалистической партии США Нормана Томаса, который предлагал полностью отказаться от применения закона о нейтралитете по отношению к республиканской Испании[28], Рузвельт отделался в общем-то верными аргументами, которые, однако, оставляли в стороне сам факт легитимности испанского правительства и мощную поддержку мятежников со стороны явно агрессивных держав. Он писал: «Гражданская война в Испании втянула в себя так много неиспанских элементов и получила такой широкий международный отклик, что попытка относиться различно к противостоящим друг другу силам была бы очень опасной… Мы не только оказались бы замешанными в европейские распри, от которых наш народ стремится быть подальше, но и сыграли бы на руку тем государствам, которые рады были бы под этим предлогом продолжать помощь той или другой стороне»{411}.

Совершенно понятно, что здесь говорилось, с одной стороны, о Германии и Италии, а с другой — об СССР. Но ведь в лоялистской Испании были не только советские агенты — за правительство Народного фронта выступали самые широкие силы, не только не связанные с коммунизмом, но и враждебные ему. А с этим осторожный Рузвельт в данном случае не посчитался. Более того, в том же письме, несмотря на явный факт

итало-германской интервенции, говорилось: «В соответствии с прочно утвердившейся политикой невмешательства во внутренние дела других стран, как в мирное время, так и в случае гражданских волнений, правительство будет, разумеется, полностью воздерживаться от какого-либо вмешательства». Вероятно, прав американский историк Джон Гэддис, считающий, что главная установка Рузвельта в предвоенный период состояла в стремлении обеспечить безопасность США путем маневрирования между противниками, поддерживая в то же время общее равновесие сил в мире{412}.

Как раз в связи с политикой нейтралитета Рузвельт принял решение усилить контроль за подрывными элементами в Соединенных Штатах, связанными с коммунизмом, фашизмом и нацизмом. 24 августа 1936 года он поручил директору Федерального бюро расследований Эдгару Гуверу установить тщательный контроль над такого рода группами. Услышав от Гувера, что это не входит в обязанности его департамента, но президент имеет право отдать ему соответствующий приказ, Рузвельт написал текст в этом духе и запер его в собственном сейфе, заявив директору ФБР, что эта бумага будет служить тому оправданием в случае каких-либо претензий{413}.

В условиях экономических трудностей и международной неопределенности, понимая, что в мире назревают зловещие события, хотя и далеко не в полной мере оценивая их масштаб — этого, пожалуй, не в состоянии был сделать ни один смертный, — президент выдвинул идею «карантина» агрессоров, не предполагая ее реализовывать в ближайшее время, а намереваясь прощупать почву, понять, кто и как отнесется к этой своего рода президентской провокации.

Отклик на нее был и за рубежом, и в самих США. Министр иностранных дел Великобритании Энтони Идеи запросил ее «точную трактовку». Бывший советник президента Вильсона полковник Хаус задал подобный же вопрос. Рузвельт написал ему, что пока не имеет никакой интерпретации, что администрация даже оказалась в неловком положении, что в США нет благоприятного климата для активной внешней политики{414}.

В то же время президент понял, что в случае активизации внешнеполитической деятельности он найдет поддержку у некоторых республиканцев, например у видного деятеля этой партии Генри Стимсона — тот написал президенту, что США заинтересованы в китайских делах и должны противодействовать японской агрессии{415}.

Со времени знакомства со Стимсоном в декабре 1932 года Рузвельт советовался с ним и по другим, в основном

внешнеполитическим, вопросам, вел с этим умудренным и опытным политиком (он занимал пост государственного секретаря в правительстве Гувера) активную переписку. Несмотря на разную партийную принадлежность, между ними возникла явная политическая близость. В одном из писем президента говорилось: «Всегда хорошо воспользоваться благом вашей точки зрения»{416}.

Рузвельт исподволь готовил переход своей страны от изоляционизма к интервенционизму — активному участию в мировых делах на стороне сил, становившихся жертвами агрессии. Давалось это, однако, огромным трудом. В то время как за океаном назревали новые военные конфликты, подавляющее большинство американских законодателей прилагало все силы к тому, чтобы Соединенные Штаты не просто оставались вне блоков, но и не проводили различия между агрессорами и их жертвами.

* * *

И все же некоторые меры, направленные на подготовку к отпору агрессии, принимались. В мае 1937 года Рузвельт подписал очередной закон о нейтралитете, на этот раз существенно отличавшийся от предыдущих: он не запрещал продажу оружия воюющим странам, а предусматривал принцип «кэш энд кэрри» — «плати и вези». Иначе говоря, оружие и другие товары военной необходимости могли продаваться другим государствам при соблюдении двух основных условий: немедленная оплата и вывоз из Америки на кораблях покупающей стороны. При этом, однако, вводилась масса иных ограничений, которые сводили возможность покупки оружия воюющими странами к минимуму. На деле оказалось, что для практической реализации закона требуется такое его расширение, пойти на которое в условиях хозяйственного спада в стране Рузвельт не решился. Так что отказ от изоляционизма и на этот раз потерпел неудачу

Экономические трудности вызвали многочисленные запросы в конгрессе, на которые президент стремился дать обоснованные ответы, подчеркивал усилия, свои и кабинета, по преодолению хозяйственных неурядиц. Не раз звучали и прямые нападки на Рузвельта. Конгрессмен Бёртон Уилер заявил, намекая на его детей: «У меня нет ни сына, занятого в страховом бизнесе, ни сына, женатого на наследнице Дюпона»{417}. В ответ, правда, были опубликованы данные о том, что сам Уилер

покровительствовал не только своим сыновьям, но и племянникам. Это не спасало, однако, от новых выпадов со стороны как республиканцев, так и некоторых однопартийцев.

Средством таких атак становились и тщательно подготовленные противниками президента слушания в комитетах и комиссиях конгресса. В 1938 году по инициативе члена палаты представителей от штата Техас Мартина Дайеса был образован Комитет по расследованию антиамериканской деятельности. Первоначально утверждалось, что его слушания будут направлены на обнаружение в США нацистской «пятой колонны», но вскоре оказалось, что объектом атак становились левые прогрессисты, сторонники Рузвельта, которых называли коммунистами или прокоммунистами. Необоснованные обвинения, отсутствие доказательств, отказ в предоставлении обвиняемому возможности ответить, публичные заявления о крайней опасности того или иного подследственного приводили к тому, что в США зрела мания коммунистической опасности, которой на самом деле не существовало. В ряде случаев обвиняли рузвельтовские программы. Например, федеральный проект помощи театрам и писателям был в комитете Дайеса обозван «колыбелью коммунизма»[{418}].

Президенту приходилось оправдываться не только перед конгрессом, но и перед массой американцев. В печати нагнетались обвинения в том, что он служит чуждым им интересам. В начале лета 1936 года не только газеты, связанные с республиканцами, но и значительная часть независимой прессы опубликовали сенсационные сообщения о том, что якобы найдены документы, подтверждающие энергичную поддержку, оказываемую Рузвельту Москвой. Поводом оказалась речь, с которой выступил в Чикаго генеральный секретарь компартии Эрл Браудер. Его выступление, дававшее некоторым рузвельтовским мероприятиям положительную оценку (с многочисленными оговорками о господстве в США монополистического капитала, об империалистической внешней политике правящих кругов и т. п.), перепечатали в журнале «Коммунистический интернационал». Этого было достаточно, чтобы счесть президента Соединенных Штатов «агентом Москвы».

Такого рода настроения получали всё большее распространение в условиях, когда консервативные силы Америки, подобно комитету Дайеса, раздували страх перед большевистской угрозой, которая, по их мнению, была куда опаснее нацистской. Между тем некоторые американские дипломаты, особенно Джозеф Кеннеди, посол США в Великобритании, всячески преуменьшали нацистскую опасность,

поддерживали умиротворителей. В своих донесениях Рузвельту Кеннеди одобрительно отзывался об утешительных заявлениях премьер-министра Невилла Чемберлена — например, что Гитлер должен переварить всё то, что он проглотил, прежде чем набрасываться на новую жертву{419}. С течением времени президент стал всё сильнее выражать недовольство позицией посла, а в связи с поддержкой им Мюнхенского сговора заявил: «Этому молодцу надо дать крепко по рукам»{420}.

* * *

Начало агрессии нацистской Германии в Европе, преследования и убийства еврейского населения (предстоявший геноцид никому еще не мог привидеться и в страшном сне), создание концлагерей и заключение в них либералов, социалистов, коммунистов, всех противников режима Гитлера вызвали массовые миграционные процессы. Потоки эмигрантов потекли во Францию, Швейцарию и Испанию, многие стремились попасть в Соединенные Штаты.

Рузвельту приходилось принимать очень нелегкие решения. Продолжая в душе осуждать нацистскую агрессию, он пока не решился на открытое противостояние ей — не только в связи с неготовностью США в военном отношении и развитием событий в противоположной части земного шара, но и из-за нежелания основной массы американцев впутываться в европейские дела, их стихийного изоляционизма, сохранявшегося и даже возросшего в условиях усиления военной опасности.

Президенту пришлось столкнуться с тем, что подавляющая часть его сограждан, которые сами были потомками иммигрантов, эгоистически восставала против принятия на американской территории новых беженцев из стран Европы. Опрос 1938 года показал, что количество сторонников ужесточения иммиграционной политики за год увеличилось с 75 до 83 процентов. В связи с проблемой иммиграции в США росли антисемитские настроения, в том числе у некоторых ответственных государственных деятелей, например посла США во Франции У. Буллита. В письме одному из своих коллег в Госдепе он называл, например, Константина Уманского, пресс-атташе советского Наркоминдела и будущего посла в США, «злобным маленьким каиком (презрительная кличка евреев. — *Г. Ч.)*» и продолжал: «Видимо, естественно, что нам труднее иметь дело с представителями этой расы, чем с подлинными русскими»{421}. Изоляционизм питал антисемитизм — и

наоборот. Потомки иммигрантов не желали, чтобы их страна пополнялась массами новых иммигрантов.

Рузвельт отлично понимал, что открытие широкого доступа в США еврейским иммигрантам из Германии будет использовано изоляционистами против него в максимальной степени. Приняв раввина Стива Вайса, ходатайствовавшего за европейских евреев, он советовал, чтобы беженцы направлялись в другие места, например в Венесуэлу или Мексику. США, конечно, могут им помочь — скажем, выдать каждой семье по тысяче долларов. Но Вайс тщетно рассчитывал на то, что эта подачка будет выплачена из государственного кармана. Рузвельт тут же разочаровал собеседника, добавив, что необходимую сумму могут собрать американские евреи{422}.

Рузвельт уполномочил Исайю Баумана, президента университета Джонса Гопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, провести изучение возможных мест расселения евреев, бежавших от нацистских преследований. Он писал Бауману: «Я хотел бы найти доступные необитаемые или малообитаемые, хорошие в агрономическом отношении земли, куда могли бы быть направлены еврейские колонии… Думаете ли вы, что такая возможность имеется в Западной Венесуэле или на восточных склонах Анд?.. Всё это только для моей собственной информации, потому что пока никаких конкретных планов не существует». Бауман отписал президенту, что вообще-то в мире много малообитаемых мест — в Африке, Южной Америке, Азии, Австралии — иначе говоря, везде, кроме Северной Америки{423}.

То ли этот ответ, то ли собственные размышления и консультации с советниками заставили Рузвельта несколько изменить свою позицию. На заседании кабинета 18 марта 1938 года он неожиданно напомнил, что Америка со времени революции 1848 года была убежищем для многих хороших немцев; почему же она вновь не может им предоставить гостеприимство? Он предложил сложить германскую и австрийскую годовые квоты приема иммигрантов, чтобы принять в 1939 году примерно 27 тысяч немцев и немецких евреев, спасающихся от нацистских преследований{424}.

И всё же после волны еврейских погромов, спровоцированной убийством в Париже молодым евреем мелкого чиновника германского посольства и прокатившейся по всей Германии «хрустальной ночью» с 9 на 10 ноября 1938 года, когда людей убивали или отправляли в концлагеря, жгли синагоги, грабили лавки, настроение американцев стало меняться.

Учитывая это, 15 ноября на пресс-конференции Рузвельт заявил: «Я едва могу поверить, что такие вещи могут происходить

в условиях цивилизации XX века. Чтобы получить из первых рук картину современного положения в Германии, я попросил государственного секретаря немедленно вызвать нашего посла в Берлине для доклада и консультаций». На дипломатическом языке такой шаг означал балансирование на грани разрыва дипломатических отношений. Этого не произошло, но напряженность между США и Германией нарастала.

Один из журналистов на той же пресс-конференции спросил у президента, рекомендовал бы он ослабить иммиграционные ограничения, и получил ответ: «Нет, это не предусматривается»{425}.

В мае 1939 года к берегам Кубы подошел корабль «Сент-Луис», на борту которого находились 937 беженцев, спасавшихся от гитлеровского холокоста (им даже удалось получить кубинские визы). Им не дали высадиться на берег, безусловно, по рекомендации американских представителей, по-прежнему, несмотря на «политику доброго соседа», оказывавших влияние на правительство Кубы. Когда же после этого судно приблизилось к территории США, его пассажирам было указано, что они не имеют американских виз и поэтому должны следовать в какую-либо другую страну. Корабль вынужден был возвратиться в Европу, и находившиеся на нем несчастные семьи в основном разделили судьбу своих собратьев, сожженных в печах Освенцима и других лагерей смерти{426}.

Президент не мог не знать о том, что Гитлер уже приступил к реализации сатанинского плана уничтожения европейского еврейства. Об этом предупреждала влиятельная американская пресса. Газета «Нью-Йорк таймс» писала 30 октября 1939 года, через два месяца после нападения Германии на Польшу: «Полное устранение евреев из жизни Европы теперь оказывается закрепленным в политике Германии». В статье рассказывалось об эшелонах, направлявшихся из Германии на восток: «Вагоны-то товарные, но они полны людьми».

Тем не менее Рузвельт, препятствуя приему новых иммигрантов, оказался в плену предубеждений и опасений, которые раздували не только откровенные изоляционисты, но и просто опасавшиеся трудовой и интеллектуальной конкуренции. В ответ на многочисленные просьбы о принятии в страну того или иного человека или группы людей он обычно отделывался общими фразами со ссылками на законодательство. Такой характер, к примеру, носило его письмо от 26 октября 1938 года социалистическому лидеру Н. Томасу, ходатайствовавшему за некоего «мистера Стречи»{427}. Сухость тона была, видимо, вызвана и тем, что Томас явно «достал» президента

многократными просьбами по самым различным поводам[29]. Тем не менее в другом письме тому же Томасу президент информировал, что Государственный департамент и другие ведомства тщательно изучают проблему принятия беженцев, но ее решение связано со многими факторами.

Важное место в формировании новой внешней политики Америки занимала встреча президента с членами сенатского комитета по военным делам 31 января 1939 года. Рузвельт приложил все силы, чтобы убедить сенаторов в необходимости предпринять усилия для защиты Соединенных Штатов, поскольку события в Европе непосредственно угрожают безопасности страны. Он заверял, что не собирается посылать американскую армию в Европу, но действия той личности, которая мнит себя то ли Юлием Цезарем, то ли Иисусом Христом, в совокупности с действиями Японии в Китае и на Тихом океане создают опасность постепенного окружения США враждебными силами, ликвидации первой линии обороны Америки{428}. Иначе говоря, необходимо было готовиться к войне, и заверения по поводу того, что американские парни не будут воевать в Европе, превращались в малозначащую ритуальную фразу.

Но поддерживать миролюбивые государства можно было только в том случае, если они сами были готовы защищаться. Между тем правительства Великобритании и Франции такого намерения не проявляли, и это крайне беспокоило Рузвельта. Он решительно не одобрял того, что британская политика по отношению к нацистскому фюреру уподоблялась рабам-гладиаторам, выходившим на арену со словами, обращенными к императору: «Идущие на смерть приветствуют тебя». Президент открыто выразил свое недовольство, принимая в Белом доме нового посла Великобритании лорда Лотиана. Нарушив дипломатический этикет самым грубым образом, он заявил послу: если британцы не откажутся от упадочнических настроений, они не будут достойны того, чтобы им была оказана помощь{429}.

В Белом доме и вне его

Разумеется, непрерывная напряженная государственная деятельность, необходимость принимать решения, ответственность за которые лежала непосредственно на нем, не способствовали укреплению здоровья тяжелобольного человека. Однако Рузвельт на шестом десятке лет чувствовал себя вполне прилично для той ситуации, в которой он находился. Правда, он часто простужался в Вашингтоне, сыром и дождливом зимой, удушливо влажном летом, но заболевания быстро проходили, как только он отправлялся хотя бы на несколько дней в Уорм-Спрингс. Точно так же исчезали следы усталости, серый цвет лица.

В середине второго президентского срока Рузвельт стал задумываться о том, чтобы запечатлеть и донести до современников и потомков свидетельства о его пребывании у власти и проведенных под его руководством преобразованиях. Вначале речь шла о подготовке воспоминаний, даже о многотомном издании. Слухи об этом стали циркулировать не без утечки из Белого дома. Засуетились издатели. В мае 1937 года издательская компания «Липпинкот» из Филадельфии обратилась к Рузвельту с предложением опубликовать его мемуары за высокий гонорар и аванс в 50 тысяч долларов. Перспективному автору был даже предложен план, предусматривавший подготовку до десяти томов. По этому поводу завязалась переписка, но контракт так и не был подписан. В конце концов секретарь Рузвельта Стив Эрли известил, что в ближайшее время президент не намерен писать автобиографию{430}.

Вместо этого решено было начать публикацию статей, речей и официальных бумаг президента, а также выдержек из его выступлений на пресс-конференциях. За подготовку такого многотомного издания взялся С. Розенман. В первый том были включены материалы нью-йоркского губернаторства, остальные четыре тома первой серии были посвящены периоду с 1933 по 1937 год. В дальнейшем намечалось выпускать по одному тому каждый год в том же формате и стиле, что и было осуществлено. Розенман тщательно работал над пятитомником, готовил подробные комментарии, пользуясь консультациями самого президента и его секретариата. В связи с намечаемым изданием Белый дом опубликовал официальное сообщение, что ни Рузвельт, ни Розенман не получат ни цента гонорара{431}. Пятитомник вышел в свет весной 1938 года в издательстве «Рэндом Хаус» и стал быстро распродаваться, несмотря на то, что

политические противники всячески препятствовали его реализации и даже посылали в издательство оскорбительные письма{432}.

В самом же Белом доме внешне почти ничего не менялось. Единственным новшеством во второй половине 1930-х годов стало чередование Овального кабинета на первом этаже, который ранее был единственным местом работы президента, с Овальной комнатой на втором этаже. В Овальном кабинете Рузвельт теперь принимал посетителей, проводил совещания с узким кругом министров и других доверенных лиц, а Овальная комната стала местом раздумий и принятия решений. Здесь была совершенно неофициальная атмосфера — столы завалены сувенирами (причем Рузвельт отлично помнил, с каким эпизодом связан каждый из них), газетными вырезками и телетайпными лентами, письмами, собственными заметками и т. п. Слугам категорически запрещалось переставлять все эти вещи, ибо президент мог буквально ощупью найти то, что ему нужно, а «приведение в порядок» разрушило бы эту понятную только ему неразбериху. Максимум, что можно было сделать в Овальной комнате другим людям, — осторожно смести пыль таким образом, чтобы абсолютно всё оставалось на прежних местах.

Конечно, и в Овальной комнате президент не был наедине с собой в полном смысле — в соседних помещениях находились личные секретари Мисси Лихэнд и Грейс Тулли, а также военный помощник Эдвин Уотсон и секретари по связям с конгрессом, прессой и общественностью Стив Эрли и Марвин Макинтайр. Вначале Эрли был главным секретарем, а Макинтайр его помощником, но позже их статус стал одинаковым.

Как мы знаем, с Макинтайром Рузвельт был знаком еще со времен Первой мировой войны, когда тот занимал второстепенный пост в военно-морском министерстве, где будущий президент был заместителем министра. В дальнейшем Марвин стал военным журналистом, помогал Рузвельту во время его губернаторства, а с въездом его в Белый дом, помимо выполнения текущих заданий, занимался организацией всех встреч шефа и планированием его поездок до 1938 года, когда он был вынужден уйти в отставку в связи с болезнью.

Стив Эрли в 1920 году участвовал в борьбе Рузвельта за пост вице-президента, затем работал в агентстве «Ассошиэйтед Пресс», а с момента, когда Рузвельт стал президентом, являлся его ведущим пресс-секретарем, ответственным за сообщение информагентствам, газетам и журналам позиции Белого дома по всем важным вопросам. Именно Эрли воплощал тот новый стиль работы в постоянной связи с прессой, который характеризует

президентов США со времени Рузвельта. Не случайно подзаголовок его биографии гласит: «Первый современный пресс-секретарь»{433}. Эрли служил в Белом доме в течение всех лет президентства Рузвельта.

Хозяин Белого дома широко открыл его двери и территорию окружающих садов для посетителей и гостей. В этом смысле знаковой стала встреча однокурсников Рузвельта по Гарвардскому университету, организованная в апреле 1934 года, на которой присутствовали не только бывшие студенты, но также их жены и дети — всего более восьмисот человек. Это был единственный случай в истории, когда президент принимал в Белом доме «весь свой курс», о чем восторженно писали побывавшие на встрече теперь уже немолодые юристы, бизнесмены, журналисты и т. д.{434}

Со своей альма-матер Франклин поддерживал связь и в других формах. Он ежегодно посылал взнос в Фонд Гарвардского университета. В письме от 22 марта 1938 года говорилось с оттенком некоторой кокетливости: «Я хотел бы послать больше, но, к сожалению, хотя заработная плата президента кажется большой, необходимые расходы в таковом положении оказываются еще больше — в противоположность тому, что можно прочитать в газетах»{435}.

* * *

В резиденции главы исполнительной власти появлялись всё новые люди — многие в качестве визитеров, а некоторые оставались надолго. По поводу открытости Белого дома острили, что его посещает так много людей, что неплохо было бы установить вращающиеся двери. «Белый дом напоминает школьное общежитие», — писал Рузвельт Джозефу Кеннеди в 1935 году{436}.

По единодушным отзывам тех, кто регулярно бывал в президентской резиденции и тем более жил там, она действительно напоминала общежитие с не очень хорошо налаженными бытом и хозяйством. Экономкой и одновременно старшим поваром являлась некая Генриетта Несбитт, которая, по ряду свидетельств, была совершенно безразлична к вкусам и потребностям хозяина, но постоянно стремилась продемонстрировать свою власть.

Эта дама была в прошлом жительницей Гайд-Парка, где торговала пирогами собственного производства. Когда Рузвельт стал губернатором, Элеонора забрала ее в Олбани для ведения

кухонных дел. Вместе с Рузвельтами Генриетта в 1933 году перекочевала в Белый дом. То ли всерьез, то ли с оттенком иронии окружающие стали ее вскоре называть «главной домоправительницей страны». И в самом деле, Несбитт несла ответственность за содержание всех шестидесяти комнат, следила за тем, чтобы все 100 окон были чистыми, а полы — ослепительно надраены. Но вот к главной задаче — составлению меню для президента, его семьи и гостей — она относилась с явным пренебрежением[30].

На официальных обедах подавали мясо с гарниром из вареной моркови, зато гарсоны укладывали пищу на золотые блюда из старинного семейного сервиза, привезенного в Белый дом из Гайд-Парка. Сам Рузвельт был почти безразличен к вкусу еды, но отлично понимал, что его гостям она не нравилась. Однажды он даже спросил Икеса, ел ли тот когда-нибудь раньше такие невкусные блюда{437}.

Столь же безразличной к хозяйственным и вообще домашним делам была супруга президента. К приемам она относилась как к ответственным мероприятиям, на которых можно оказать влияние на тех или иных людей. В результате пренебрежения ритуалом подчас возникали комические и даже неприятные ситуации. Однажды Элеонора усадила рядом жену гостившего в Вашингтоне бразильского диктатора Ж. Варгаса, которая говорила только на французском и португальском языках, и жену конгрессмена С. Брауна, не знавшую иностранных языков. После нескольких попыток завязать разговор американка громко спросила, не хочет ли кто-нибудь поменяться с ней местами{438}.

При обилии посетителей, американских официальных лиц и зарубежных представителей, друзей и других знакомых, которые для повышения собственного престижа просили разрешения нанести визит в Белый дом, Франклин чувствовал себя всё более одиноким. Его жена вела собственную общественную жизнь, дети выросли, обзаводились семьями, по мере сил помогали отцу, но в то же время нередко использовали его имя в собственных интересах, подчас во вред авторитету Рузвельта-старшего.

Элеонора, сохраняя теплые чувства по отношению к супругу, стремясь помочь ему советом, в то же время в своих помыслах, интеллектуальных стремлениях и практических планах была от него весьма далека и продолжала отдаляться. Министр Генри Уоллес считал Элеонору Рузвельт, скорее всего преувеличенно, подверженной психическому заболеванию, в результате которого она стремилась компенсировать трудности своего детства повышенной, порой бурной социальной активностью, получая удовлетворение от опеки над другими людьми, надеясь на их

благодарность, тогда как ее покровительство часто вызывало лишь лучше или хуже скрываемое раздражение{439}.

В то время как сам Рузвельт, в целом благожелательно относившийся к проектам ликвидации сегрегации и дискриминации черного населения, был в этом вопросе очень осторожен, стремясь не потерять влияния среди консервативных демократов Юга, Элеонора демонстративно шла на сближение с негритянскими организациями, особенно с наиболее весомой среди них — Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения, открыто поддержав ее председателя Уолтера Уайта в 1935 году, когда при обсуждении в конгрессе проекта закона против линчевания негров депутаты-расисты устроили филибастер.

Непосредственным поводом для внесения законопроекта о жестком преследовании расистского ку-клукс-клана было линчевание в городе Майами, штат Флорида, бездомного фермера Рубина Стаей, просившего милостыню. Хотя в газетах появились фотографии расистов, никто из них не был привлечен к ответственности.

Элеонора настаивала, чтобы муж активно вмешался — поддержал законопроект, принял меры против филибастера; но Франклин, на словах соглашаясь с тем, что этот акт был бы полезен, ничего не сделал для его принятия. В то же время авторитет Рузвельта среди белого населения южных штатов несколько пошатнулся — взгляды его жены принимались за его собственную позицию.

Недовольство вызывало и заступничество Элеоноры за бездомных, которые, по ее мнению, должны были получить жилье в первую очередь, за негров, с которыми обращались несправедливо. Безусловно достойные с моральной точки зрения действия супруги президента воспринимались многими чиновниками как недопустимое вмешательство в государственные дела. Был подвергнут резкой критике ее утопический проект создания идеального поселения городского типа в поселке Ридсвилл, штат Западная Вирджиния. Оказалось, что стоимость каждого весьма скромного домика, предназначенного для неимущих, составляет десять тысяч долларов — казна не могла позволить себе такие траты. Г. Икес писал, что Элеонора не делает для президента ничего хорошего: «Она становится слишком активной в общественных делах, и я думаю, что она вредит больше, чем помогает»{440}.

Не способствовали авторитету первой леди и просачивавшиеся из Белого дома слухи о ее личных отношениях с особами женского пола, в частности с журналисткой агентства

«Ассошиэйтед Пресс» Лореной Хикок, которая даже одно время проживала в президентской резиденции в качестве гостьи Элеоноры. Их обвиняли в лесбиянстве, считавшемся страшным грехом. Хотя скорее всего дружба двух дам была вполне платонической, слухами земля полнилась. В конце концов Хикок вынуждена была переехать из Вашингтона в Нью-Йорк, где нашла работу в комитете по организации всемирной выставки.

Второй влиявшей на президента дамой была, естественно, его мать. Льстя Саре Рузвельт, пресса именовала ее «первой матерью страны». Заместитель редактора газеты «Нью-Йорк таймс» Джон Финли написал о ней напыщенно, но вдохновенно: «Она первая и останется первой, пока время не превратится в вечность»{441}. Не скрывая удовольствия, Сара принимала приветствия и предложения стать почетным членом разнообразных обществ, выступала по радио по любому удобному случаю, не раз обращалась к сыну с просьбами и ходатайствами за самых разных лиц.

Он отделывался общими фразами, а его секретари без указаний шефа пресекали просьбы, поступавшие от Сары по государственным инстанциям. Он, однако, ни разу не сказал матери, чтобы она не вмешивалась в государственные дела. Лишь в редких случаях он прямо отвечал ей отказом. Так, отказываясь принять в подарок дорогое пальто, которое с согласия матери возжелала преподнести ему какая-то фирма, он сообщил Саре, что делает это по принципиальным соображениям, покупать же не видит смысла, так как у него уже есть прекрасное меховое пальто, которое он надевает всего два-три раза за зиму{442}.

В 1935 году даже появилась объемистая (свыше трехсот страниц) апологетическая книга, посвященная матери президента{443}.

* * *

Между тем свои жизненные проблемы возникали у детей Рузвельта, которые подчас пытались использовать отцовский авторитет в своих целях, что вызывало недовольство не столько самого президента, сколько его аппарата. По свидетельству ряда наблюдателей, детям казалось, что отцу всё далось очень легко (о его болезни они старались забыть, хотя она напоминала о себе вновь и вновь), что политика — дело дилетантов, что отец слабо разбирается в проблемах, которые ему приходится решать. В наибольшей степени на стороне отца была Анна, часто вступавшая в пререкания с братьями по поводу его действий,

которые те нередко критиковали. Иначе говоря, проблема отцов и детей в полной мере существовала в семействе Рузвельт.

Семейная жизнь дочери оказалась непрочной. В 1934 году она рассталась с Кёртисом Дэллом, в частности потому, что он резко выступал против «Нового курса». Анна с двумя крошечными детьми поселилась в Белом доме. Внуки Элеонора (по-домашнему Систи) и Кёртис (члены семьи звали его Баззи) не раз появлялись ранним утром в спальне деда, будили его, ползали по нему, считая своей собственностью.

Через полгода после развода Анна вышла замуж за репортера чикагской газеты «Трибюн» Джона Беттигера, которому пришлось уволиться из газеты, носившей воинственный антирузвельтовский характер. Семья переехала на Западное побережье, в город Сиэтл, где Джон продолжал журналистскую работу. Этот брак был долгим. Джон участвовал в войне, начав ее капитаном, а завершив полковником.

Саму же Анну, единственную дочь, Рузвельт любил нежно, что видно из многочисленных адресованных ей писем. Зная это, множество людей просили ее о протекции самого разного рода: в получении работы, повышении зарплаты и т. п. Дело дошло даже до того, что к ней с частными просьбами обращался родной брат Эллиот{444}. Однако Анна — женщина строгих правил — почти никогда не использовала своего влияния для достижения корыстных целей.

Рузвельт особенно тепло относился к ее детям, проведшим часть своей ранней жизни в Белом доме. Он переписывался с ними, как со взрослыми, любил их общество. Внуки дарили ему подарки ко всем праздникам — предметы, далеко не всегда необходимые президенту, но отвечал он им весьма серьезно. Например, получив большой портфель, который был ему ни к чему, Рузвельт написал внукам: «Мои вещи находятся в таком беспорядке, что просто не могу вам выразить свой восторг при получении этого великолепного портфеля. Я возьму его в следующую поездку»{445}.

В последние годы жизни Рузвельта Анна значительную часть времени проводила в Белом доме, выполняя обязанности помощницы отца. Обозреватель Д. Пирсон даже писал в своей колонке газеты «Вашингтон пост» в начале 1945 года, что самым близким к президенту человеком является не Г. Гопкинс или Э. Рузвельт, а его «привлекательная и всегда активная дочь Анна Беттигер, являющаяся доверенным лицом и советчиком отца»{446}.

Второй брак Анны закончился уже после смерти Рузвельта по ее инициативе. Ее бывший супруг, утратив жизненные ориентиры, впал в депрессию и в 1950 году совершил самоубийство. После

этого Анна работала в различных газетах и журналах, но сколько-нибудь значительного журналистского таланта у нее не было, и она почти полностью сосредоточилась на семейных делах. Дочь Рузвельтов унаследовала стремление Элеоноры руководить другими и покровительствовать им, правда, распространив его только на многочисленных родственников и близких — братьев и их жен. Она не раз вмешивалась в их семейные отношения, давала непрошеные советы и чувствовала себя обиженной, когда им не следовали, что бывало почти всегда.

В 1952 году Анна в третий раз вышла замуж — за врача Джеймса Холстеда, работавшего в Администрации по делам ветеранов войны. С 1955 года она жила с семьей в городе Сиракузы недалеко от Нью-Йорка. Позже они часто перебирались в другие города, причем везде Анна сравнительно легко получала работу, по-видимому, в память о ее отце. В основном это были синекуры вроде поста руководителя общественными связями медицинских учреждений, в которых работал ее муж. В 1963 году она получила самое почетное назначение — по распоряжению президента Джона Кеннеди стала членом Совета по делам женщин. Скончалась она в 1975 году и была похоронена в Гайд-Парке.

Старший сын Элеоноры и Франклина, Джеймс, после окончания Гротонской школы и Гарвардского университета учился в Правовой школе Бостонского университета, но, подобно отцу, не окончил ее. В 1932 году он создал собственную страховую компанию (в партнерстве с Джоном Сарджентом) и за короткий срок составил немалый капитал (около полумиллиона долларов). Ходили слухи, что Джеймс для решения своих финансовых дел использует имя отца. По крайней мере отчасти они имели под собой основания — члены правительства несколько раз обращали внимание президента на то, что его сын пользуется покровительством лиц, стремившихся, в свою очередь, добиться привилегий от тех или иных чиновников. В 1937 году сенатор Билер, затеявший расследование незаконной деятельности некой компании по производству оборудования для железных дорог, выяснил, что обслуживавшая эту компанию фирма Джеймса пользовалась у некоторых администраторов преимуществом перед другими страховыми агентствами{447}.

И всё же к старшему сыну отец проявлял особое внимание. Джеймс часто выполнял политические поручения, участвовал в предвыборных кампаниях, а после смерти Л. Хоува фактически стал исполнять обязанности секретаря президента. В 1937 году он был официально принят на работу в Белый дом, сохранив свою долю в страховой фирме. Главной его заботой была координация

деятельности ряда центральных агентств, то есть по сути дела он имел «глаза и уши» во всех этих органах и должен был докладывать отцу о непорядках в них. Журнал «Тайм» даже считал Джеймса главным помощником Франклина, бесспорно, переоценивая его роль{448}.

Но и в Белом доме у Джеймса произошел скандал. В июле 1938 года в печати появились сведения, что он договаривается с наиболее удачливыми бизнесменами о страховании их активов в его фирме на весьма выгодных условиях. Рузвельт-младший вынужден был оправдываться, публиковать официальные данные о своих доходах, а в ноябре 1938 года оставил работу в президентской резиденции{449}.

Перебравшись в Голливуд, Джеймс стал помощником одного из собственников известной киностудии «Метро-Голдвин-Майер» Сэмюэла Голдвина, а затем основал просуществовавшую всего несколько лет собственную студию художественных фильмов, которая сняла только одну ленту «Горшок золота», не имевшую большого успеха.

С началом мировой войны Джеймс стал капитаном морской пехоты, исполнял военно-дипломатические и разведывательные функции в ряде стран, а затем служил в войсках, проявив немалое мужество и храбрость в боевых действиях на островах Тихого океана. Военные годы были самыми славными в его жизни. В отставку он вышел в конце 1945 года в чине полковника, награжденный несколькими орденами.

После войны пошли многочисленные и разнообразные дела в бизнесе, одни успешные, другие провальные, политические кампании, в которых он поддерживал демократических кандидатов, а в 1950 году сам баллотировался на пост губернатора Калифорнии, но проиграл выборы. В 1954 году Джеймс Рузвельт был избран в палату представителей Конгресса США и оставался ее членом до 1965-го. В конгрессе он был хорошо известен благодаря своим активным выступлениям против сенатора Джозефа Маккарти, устраивавшего скандальные расследования по делам уважаемых людей, ложно обвиняемых в сочувствии коммунизму. После ухода из конгресса он служил представителем США в ЮНЕСКО — международной организации по вопросам культуры. В 1970-х годах он написал несколько книг, в том числе ценные воспоминания.

Со своей первой женой Бетси Кашинг Джеймс развелся в 1940 году, а затем часто менял спутниц жизни. Он был женат четырежды и имел семерых детей. Скончался Джеймс в 1991 году в возрасте восьмидесяти трех лет.

Следующий по возрасту сын Рузвельта, Эллиот, в отличие от

братьев не получил высшего образования, часто менял места работы, пока, наконец, в середине 1930-х годов не получил место управляющего одним из отделений радиосети, принадлежавшей концерну Хёрста. В начале Второй мировой войны Эллиот раньше братьев добровольно пошел в армию. По его словам, отец сказал: «Я очень горжусь тобой», — а за семейным обедом предложил тост: «За здоровье Эллиота! Он первый в нашей семье настолько серьезно и трезво оценил угрозу, нависшую над Америкой, что вступил в вооруженные силы родины. Все мы гордимся им, и я больше всех!»{450}

Эллиот окончил летную школу, в 1940 году был зачислен пилотом, затем стал командиром летного разведывательного звена и в конце концов дослужился до командира крыла, что примерно соответствует командиру полка в военной авиации других стран. Он совершил свыше трехсот боевых вылетов в Северной Африке, Италии, а после открытия второго фронта — во Франции, был удостоен многих воинских наград.

В 1943 году Рузвельт временно отозвал сына с фронта, чтобы тот в качестве военного атташе и адъютанта сопровождал его на нескольких международных конференциях, включая встречу «большой тройки» в Тегеране, причем во время Тегеранской конференции Эллиот демонстрировал явные симпатии к советскому режиму.

В том же году враждебные президенту политиканы с целью скомпрометировать его организовали краткосрочный выезд Эллиота вместе с группой других офицеров в Голливуд, где он был вовлечен в групповой сексуальный скандал с актрисами, которые получали от местного предпринимателя Джона Мейера крупные суммы за «обслуживание героев войны». Оказалось, что делалось это для того, чтобы Эллиот Рузвельт сказал свое «веское слово» по поводу самолета типа Хьюз D-2, созданного фирмой «Хьюз Эйркрафт», с которой был связан Мейер. Поддавшись на уловку, Эллиот рекомендовал командованию немедленно заказать большую партию этих самолетов. Оказалось, однако, что самолеты фирмы «Локхид» XP-58 превосходят аппараты Хьюза во всех отношениях. Тем не менее военно-воздушные силы заказали 100 самолетов Хьюза за 43 миллиона долларов.

Мейер, недовольный скромными размерами заказа, в 1944 году опубликовал сенсационные разоблачительные сведения о том, что он потратил пять миллионов долларов на развлечения сына Рузвельта. Эллиот тем временем женился на Фэй Эмерсон — одной из тех голливудских див, с которыми развлекался ранее. Это был его третий брак, а всего он был женат пять раз и являлся отцом четверых детей.

Возвращение на действительную воинскую службу и новые боевые вылеты отодвинули на задний план сексуально-финансовый скандал, по поводу которого Рузвельт-старший негодовал, упрекая сына в легкомыслии и пренебрежении обязанностями. Но тень скандала витала вокруг Эллиота до конца его жизни{451}.

После войны он несколько лет жил в районе Гайд-Парка, а затем занимался самыми разными видами бизнеса, включая владение радиостанцией в Техасе и выращивание арабских лошадей в Португалии. В 1953—1967 годах Эллиот был мэром Майами-Бич — курортного пригорода Майами во Флориде. Скончался он в 1990 году.

Франклин-младший был, пожалуй, самым благополучным из братьев. Окончив Гротон и Гарвард, он прошел обучение в Правовой школе университета штата Вирджиния, завершив его в 1940 году, как раз в то время, когда в США по инициативе его отца происходил постепенный переход от политики нейтралитета к оказанию помощи жертвам германской агрессии.

Еще раньше имя Франклина-младшего довольно широко прозвучало в прессе в связи с медицинским экспериментом. В 1936 году он подхватил угрожавшую жизни стрептококковую инфекцию. Франклина с его согласия стали лечить пронтозилом — первым сульфаниламидным препаратом, созданным в США{452}. Благополучное излечение сына президента открыло эру антибактериальной химиотерапии.

Франклин был женат пять раз, причем первой его супругой стала Этель Дюпон, дочь одного из крупнейших магнатов химической промышленности и смежных отраслей, что вызвало крайне неблагоприятные отклики по отношению ко всей семье Рузвельт не только в республиканской прессе, но и среди однопартийцев, полагавших, что с обеих сторон это был брак по расчету. Тем не менее он был сравнительно долгим — супруги расстались уже после Второй мировой войны, когда подросли двое детей. Всего же у Франклина-младшего было пятеро детей.

Во время войны он служил в военно-морском флоте офицером и был награжден за храбрость во время боев в Северной Африке в конце 1942-го — начале 1943 года. После войны он занимался адвокатской практикой в Нью-Йорке, но в основном уделял внимание политической карьере: в 1949—1955 годах был депутатом палаты представителей Конгресса США, затем являлся заместителем министра торговли в кабинете Джона Кеннеди, занимал различные посты в общественных организациях, связанных с Демократической партией. Скончался он 17 августа 1988 года в день своего 74-летия.

Самый младший сын Рузвельтов, Джон, следуя по стопам отца и братьев, окончил Гротонскую школу и Гарвардский университет. Он проявлял интерес к политике, участвовал в проектах «Нового курса». Далеко не всегда сдержанный, к тому же склонный к выпивке, Джон, единственный из молодых Рузвельтов, не стремился использовать имя отца для достижения собственных выгод или преимуществ, но иногда не мог избежать соблазна, доставляя Рузвельту-старшему дополнительные заботы.

У Джона подчас проявлялся буйный темперамент, и он попадал в неприятные ситуации, причем каждый раз, естественно, бойкие журналисты быстро выясняли, кто он такой, и использовали возможность заработать на сенсационном материале. В 1937 году, например, он стал участником скандала во французских Каннах: во время праздника цветов мэр, узнав, что в толпе находится сын американского президента, подошел к нему, чтобы вручить букет, а подвыпивший Джон вместо благодарности направил на него струю из только что открытой бутылки шампанского, за что был задержан полицией и оштрафован. На следующий день неугомонный скандалист заявил, что хочет извиниться перед мэром, был им принят и вручил почтовую карточку с изображением совокупляющейся пары, написав на обороте одно слово: «Дерьмо».

Годом позже 22-летний Джон женился на дочери художника Анне Кларк и прожил с ней 27 лет — это был рекорд продолжительности семейной жизни среди младших Рузвельтов. Он стал продавцом в бостонском универмаге и писал отцу, что эта работа требует ума восьмилетнего ребенка. Второй его женой стала скромная женщина Ирен Макалпин.

Когда США вступили в мировую войну, Джон был призван на флот, служил до 1946 года. После войны он занялся бизнесом, став менеджером торговой фирмы в Лос-Анджелесе. Будучи вначале рьяным демократом, он сменил партийную принадлежность, активно поддерживал ставленников Республиканской партии, что не раз вызывало ссоры с матерью и братьями, особенно Эллиотом. Скончался Джон Рузвельт в 1981 году{453}.

Дети Франклина Рузвельта были обычными людьми, со своими характерами, склонностями и антипатиями. Никто из них не сделал большой карьеры в политике или бизнесе. Они стремились вести нормальную жизнь, женились и разводились, воспитывали детей, занимались делами, которые считали для себя наиболее подходящими. Все четверо его сыновей не только не уклонились от участия в мировой войне, а охотно пошли в армию, на флот или в авиацию и проявили мужество. Никто из

них не был ранен, и это можно объяснить только случайностью, а не покровительством со стороны начальников. Если бы оно имело место, об этом сразу же узнала бы вся Америка от проникавших повсюду военных корреспондентов, между тем они единодушно давали положительную оценку поведению младшего поколения Рузвельтов.

Все они, однако, попадали в неприятные ситуации, предсказуемые или неожиданные, которые становились достоянием общественности и могли быть использованы против президента, ибо каждый их поступок пресса разглядывала сквозь увеличительное стекло. С ними знакомились специально для того, чтобы использовать в целях наживы или карьеры. Джеймс Роу, один из секретарей Рузвельта, рассказывал Т. Моргану, что после одного из инцидентов президент как-то сказал ему в сердцах: «Одна из худших вещей в этом мире — быть сыном или дочерью президента! Какую ужасную жизнь они ведут!»{454} Если в этих словах и было преувеличение, то не слишком значительное.

* * *

Америка накануне Второй мировой войны жила так, как будто не только ей самой, но и остальному человечеству не грозила катастрофа, какой люди еще не переживали. Показателем этого стала организованная в Нью-Йорке Всемирная выставка, посвященная будущему земного шара.

Выставка открылась 30 апреля 1939 года и продолжала работу до 27 октября 1940-го, когда уже бушевала мировая война. Ее посетило около 44 миллионов человек. Она была разделена на тематические зоны: транспорт, коммуникации, продовольствие, управление и т. д. Главный павильон «Мир будущего» в качестве основного экспоната демонстрировал массивную диораму под названием «Демократия», которая представляла будущее весьма комфортабельным. Кроме того, свои павильоны имели отдельные страны. Особенно отличился СССР — его павильон представлял собой монументальное мраморное здание вогнутой формы с открытым амфитеатром внутри, посреди которого возвышалась огромная колонна со статуей рабочего на вершине, держащего в руке рубиновую звезду.

Рузвельт в течение длительного времени следил за созданием выставки, подчас подбрасывал идеи оформления павильона Соединенных Штатов. А в день открытия он прибыл на выставку и выступил с краткой речью, призвав к всемирному сотрудничеству

во имя лучшего будущего человечества.

Конечно, можно было бы воспринять это и другие подобные выступления как свидетельство недальновидности, непонимания мировой обстановки. Но это было далеко не так. Рузвельт всеми силами стремился показать американцам, что разделяет их стремление во что бы то ни стало остаться в стороне от европейской бойни, которая назревала, и восточно-азиатской схватки, которая уже началась. «Если ты находишься в Риме, веди себя как римлянин», — гласит американская поговорка. Избранник народа должен был вести себя так, как желало большинство его сограждан, лишь осторожно воздействуя на их настроения в смысле некоторой активизации участия в мировых делах на стороне противников агрессивного блока Германии, Италии и Японии. В условиях американской демократии такое поведение предопределялось реальной ситуацией, и Рузвельт это отлично понимал.

Впервые в истории выступление президента транслировалось по только начинавшему входить в коммуникационную сеть телевидению. Газеты с восторгом сообщали, что его смотрели более тысячи человек. Это было крупнейшее для своего времени достижение.

Пресса отмечала и тот факт, что в числе немногих павильонов, в которых побывал президент, был и павильон СССР, о котором он отозвался весьма похвально, отметив, правда, не индустриальные достижения Советского Союза, а художественный вкус, с которым павильон был оформлен. Тем не менее отзыв президента об СССР показателен — он свидетельствует о его явном стремлении использовать разногласия между Сталиным и Гитлером. Это было особенно важно с учетом того, что Германия отказалась от участия в выставке.

Президент Соединенных Штатов осторожно поворачивал руль внешней политики своей страны. В том же апреле 1939 года Рузвельт обратился с посланием к рейхсканцлеру Гитлеру, в котором попросил его дать гарантии независимости тридцати одной стране. Нацистские главари буквально глумились над этой «выходкой» заокеанского деятеля. В узком кругу Гитлер заявил, что у еврея Рузвельта жена совершенно негроидного вида.

Для населения Германии и всего мира был приготовлен более внушительный демарш. На заседании рейхстага фюрер в издевательски торжественной форме пообещал не нападать на США, оставив в стороне вопрос об остальных странах. По свидетельству американского журналиста Уильяма Ширера, зал буквально взорвался от хохота, услышав эти слова, звучавшие откровенной насмешкой над главой великой заокеанской

державы[455].

Однако слова Рузвельта, формально обращенные к нацистскому главарю, в действительности были адресованы согражданам, которых президент настойчиво предупреждал об опасности территориальных притязаний агрессора не только для его непосредственных жертв, но и для стран по другую сторону Атлантики, прежде всего самих США.

Но надо было не только менять настроения американцев, а и предпринимать шаги к вооружению США. Достаточно сказать, что в 1939 году американская армия составляла всего 227 тысяч человек, в основном снаряженных оружием образца 1914 года. 9 августа 1939 года президент издал исполнительное распоряжение (такого рода распоряжения не требовали утверждения конгрессом) об образовании Совета по военным ресурсам во главе с Эдвардом Стеттиниусом.

Промышленник Эдвард Рейли Стеттиниус-младший (1900—1949) долгие годы был помощником вице-президента, а затем вице-президентом мощной компании «Дженерал моторе». В 1931 году Стеттиниус перешел в другое крупнейшее промышленное объединение — «Юнайтед стейтс стил корпорейшн», а в 1938-м стал председателем его правления. Он сотрудничал с администрацией Рузвельта по восстановлению промышленности и в этом качестве несколько раз встречался с президентом, который счел его опытным и настойчивым представителем большого бизнеса, способным оказать эффективную помощь в реализации планов перевооружения страны.

* * *

В том же 1939 году Франклин Рузвельт впервые узнал о том, что в нацистской Германии ведутся работы по созданию какого-то совершенно непонятного зловещего оружия, что занимаются этим крупные немецкие физики, ведущие работы в области исследования атомного ядра, и что с этой целью изыскиваются запасы урановой руды.

Эмигрировавший из Венгрии видный ученый Лео Сцилард (к нему присоединился ранее перебравшийся в США его земляк Еуген Вигнер, являвшийся теперь профессором Принстонского университета) сообщил об этом великому ученому Альберту Эйнштейну, также уже проживавшему в Америке. Совместно со Сцилардом Эйнштейн подготовил проект письма в Госдепартамент, сообщавшего об этих работах и крайней опасности ядерного оружия. Решив, что письмо произведет

большее впечатление, если будет передано из рук в руки кому-то из наиболее ответственных государственных деятелей, авторы договорились с эмигрантом из России финансистом международного класса Александром Саксом, вхожим в Белый дом.

Сакс сразу же с энтузиазмом поддержал их. В здании коммерческого банка «Леман бразерс» на Уолл-стрит был составлен второй вариант письма, в более определенных тонах. Теперь предполагалось передать его не в Госдеп, а прямо в Белый дом. От президента ожидали более быстрых и энергичных действий. Особенно подчеркивалась необходимость американских переговоров с правительством Бельгии относительно запасов урана в бельгийской колонии Конго, вносилось предложение о правительственной финансовой поддержке атомных исследований. По тактическим соображениям было решено, что письмо подпишет только Эйнштейн как всемирно известный ученый, тем более работавший в США уже не первый год. В письме говорилось:

«Сэр!

Некоторые недавние работы Ферми и Сциларда, которые были сообщены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии. Некоторые аспекты возникшей ситуации, по-видимому, требуют бдительности и, при необходимости, быстрых действий со стороны правительства. Я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты и рекомендации».

Далее шли советы, как поступить Рузвельту.

Albert Einstein
Old Grove Rd.
Nassau Point
Peconic, Long Island

August 2nd, 1939

F.D. Roosevelt,
President of the United States,
White House
Washington, D.C.

Sir:

Some recent work by E.Fermi and L. Szilard, which has been communicated to me in manuscript, leads me to expect that the element uranium may be turned into a new and important source of energy in the immediate future. Certain aspects of the situation which has arisen seem to call for watchfulness and, if necessary, quick action on the part of the Administration. I believe therefore that it is my duty to bring to your attention the following facts and recommendations:

In the course of the last four months it has been made probable - through the work of Joliot in France as well as Fermi and Szilard in America - that it may become possible to set up a nuclear chain reaction in a large mass of uranium, by which vast amounts of power and large quantities of new radium-like elements would be generated. Now it appears almost certain that this could be achieved in the immediate future.

This new phenomenon would also lead to the construction of bombs, and it is conceivable - though much less certain - that extremely powerful bombs of a new type may thus be constructed. A single bomb of this type, carried by boat and exploded in a port, might very well destroy the whole port together with some of the surrounding territory. However, such bombs might very well prove to be too heavy for transportation by air.

a) to approach Government departments, keep them informed of the further development, and put forward recommendations for Government action, giving particular attention to the problem of securing a supply of uranium ore for the United States;

b) to speed up the experimental work, which is at present being carried on within the limits of the budgets of University laboratories, by providing funds, if such funds be required, through his contacts with private persons who are willing to make contributions for this cause, and perhaps also by obtaining the co-operation of industrial laboratories which have the necessary equipment.

I understand that Germany has actually stopped the sale of uranium from the Czechoslovakian mines which she has taken over. That she should have taken such early action might perhaps be understood on the ground that the son of the German Under-Secretary of State, von Weizsäcker, is attached to the Kaiser-Wilhelm-Institut in Berlin where some of the American work on uranium is now being repeated.

Yours very truly,

(Albert Einstein)

Письмо Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту. 2 августа 1939 г.

Письмо завершалось вроде бы малозначащим суждением, которому, однако, был придан зловещий и вместе с тем лестный для США смысл: «Мне известно, что Германия в настоящее время прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников. Такие шаги, быть может, станут понятными, если учесть, что сын заместителя германского министра иностранных дел (статс-секретаря. — *Г. Ч.)* фон Вайцзеккер прикомандирован к Институту кайзера Вильгельма в Берлине, где в настоящее время повторяются американские работы по урану»{456}.

Рузвельт вначале не понял, о чем идет речь, однако быстро осознал, что имеется в виду. «Не хочешь ли ты сказать, что нацисты нас могут взорвать? — задал он Саксу вопрос и продолжил: — Это дело требует действия».

Сакс вручил президенту подробный меморандум, подготовленный физиками (он датирован 11 октября), и сопутствующие материалы (включая особый, сугубо научный меморандум Сциларда), в которых доказывалось, что проводимые исследования имеют «выдающееся значение для национальной безопасности». Речь шла об открытии Сцилардом и Ферми возможности расщепления урана нейтронами с последующей цепной реакцией.

В документе определялись следующие перспективы: «1. Создание нового источника энергии, который может быть использован для производства электричества. 2. Освобождение в результате цепной реакции новых радиоактивных элементов, с тем чтобы тонны, а не граммы радия оказались доступными для медицинских целей. 3. Как возможное следствие, создание бомб недостижимых до настоящего времени мощности и возможностей».

Вместе с тем отмечались крайняя ограниченность источников получения урана в США и в то же время крупные запасы отличного урана в Бельгийском Конго, Канаде и бывшей Чехословакии. В связи с этим вновь обращалось внимание на то, что Германия не продает уран, добываемый на захваченной ею территории Чехословакии, что свидетельствует о проведении работ в данной области.

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

October 19, 1939

My dear Professor:

I want to thank you for your recent letter and the most interesting and important enclosure.

I found this data of such import that I have convened a Board consisting of the head of the Bureau of Standards and a chosen representative of the Army and Navy to thoroughly investigate the possibilities of your suggestion regarding the element of uranium.

I am glad to say that Dr. Sachs will cooperate and work with this Committee and I feel this is the most practical and effective method of dealing with the subject.

Please accept my sincere thanks.

Very sincerely yours,

Franklin D. Roosevelt

Dr. Albert Einstein,
Old Grove Road,
Nassau Point,
Peconic, Long Island,
New York.

Ответ Рузвельта на письмо Эйнштейна. 19 октября 1939 г.

Принимая во внимание опасность, которая может возникнуть

«для демократии и цивилизации в исторической борьбе против тоталитаризма», Сцилард вместе с Вигнером и профессором университета имени Д. Вашингтона Эдвардом Теллером предлагал наладить исследовательскую работу в США на основе сотрудничества ученых из различных стран, с привлечением Фредерика Жолио-Кюри из Франции, Червелла Линдемана из Оксфорда и Поля Дирака из Кембриджа, организовав работу в строгой секретности.

Совершенно не понимая, какой гигантский объем исследований им предстоит, чтобы перевести формулы в военно-технические решения, ученые запросили на исследования всего две тысячи долларов. Однако и эта незначительная сумма поначалу была встречена военными в штыки. Полковник К. Эдемсон, которому было поручено иметь дело со Сцилардом, высокомерно заявил, что, согласно его опыту, пока новое оружие будет создано, пройдет еще не одна война и уж во всяком случае исход войн решает не оружие, а моральный дух армии{457}.

Рузвельт же поручил выразить благодарность Эйнштейну и другим ученым, держать предприятие в глубокой тайне и начать финансируемые правительством исследовательские работы. Не удовлетворившись этим, он направил 19 октября личное послание Эйнштейну, в котором говорилось: «Я хочу поблагодарить Вас за Ваше недавнее письмо и за крайне интересные и важные сообщения. Я нахожу эти сведения настолько важными, что созвал совет в составе руководителя Бюро стандартов и отобранных [соответствующим образом] представителей армии и флота для всесторонней проверки Ваших соображений относительно элемента урана… Я полагаю, что это — наиболее практичный и эффективный метод решения вопроса»{458}.

Только благодаря тому, что за исследованиями следил сам президент, запрашиваемые скудные средства были выделены, а затем, когда и военных удалось убедить в потенциале атомного оружия, деньги полились потоком.

Вслед за этим по указанию президента был создан Комитет по урану, в свою очередь подчиненный Национальному комитету оборонных исследований. Однако сравнительно широко работы по созданию атомного оружия развернулись в США только с осени 1940 года, после того как 15 июня Рузвельт отдал специальное распоряжение.

Исследования проводились вначале в лабораториях Колумбийского университета в Нью-Йорке, причем на них была выделена сравнительно скромная, но вначале показавшаяся фантастически огромной сумма в 100 тысяч долларов.

Руководство экспериментами, связанными с ядерным проектом, по согласованию с Рузвельтом было поручено председателю Фонда Карнеги, финансировавшего научные исследования, Вэнивару Бушу, который назначался руководителем создаваемого Национального исследовательского комитета обороны. Правда, особая секретность вначале не предусматривалась. Удивительно, что в нацистской Германии, шпионы которой были внедрены в США, не стало известно о нью-йоркских исследованиях. Работы проводились без особой спешки, несмотря на неоднократные напоминания президента о возможности военного применения атомного оружия.

Значительно серьезнее, в обстановке строгой секретности ядерный проект стал разрабатываться после вступления США в войну. 20 марта 1942 года, получив доклад Буша о необходимости пересмотра всей работы руководимой им организации (теперь она носила название «Бюро научных исследований и развития»), Рузвельт выразил удовлетворение его предложениями и потребовал, чтобы «все дела доверялись самому малому числу людей»[{459}].

Можно с полной определенностью утверждать, что атомный век со всеми его научными достижениями и ужасом возможной всемирной катастрофы был зачат в результате объединенных усилий великих физиков, с одной стороны, и крупнейшего государственного деятеля Америки — с другой.

Глава пятая. ПРЕЗИДЕНТ. ВОЙНА

Те, кто отказывается от свободы ради временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Ф. Рузвельт

Гитлеровские победы и американский президент

В 1939 году стало ясно, что мировой пожар может разгореться в любой момент. В числе прочих признаков об этом свидетельствовало подписание 23 августа 1939 года советско-германского договора о ненападении. Разумеется, в Америке не имели понятия о том, что одновременно было подписано секретное соглашение о разделе сфер влияния в Восточной Европе (о том, что подобный документ существует, стали догадываться только после начала войны, когда советские войска вступили в восточные районы Польши). Рузвельт воспринял договор как доказательство того, что Москва дала зеленый свет войне Гитлера. «Самые плохие новости», — мрачно произнес он. Но президент даже не помышлял, что СССР примет участие в агрессии.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года было сразу же воспринято Рузвельтом как начало Второй мировой войны. О вторжении германских войск на польскую территорию он узнал от посла во Франции У. Буллита — тот позвонил ему в три часа ночи 2 сентября и срывающимся голосом говорил: «Тони Биддл (посол США в Польше. — *Г. Ч.)* только что дозвонился из Варшавы, господин президент. Германские дивизии глубоко продвигаются по территории Польши. Идут тяжелые бои. Тони сообщает, что немецкие самолеты — над Варшавой. Затем связь прервалась». — «Да поможет нам Бог», — ответил президент.

Он пригласил Гарри Гопкинса, который после кончины в 1936 году Луиса Хоува постепенно становился главным его советником, чтобы в связи с новым поворотом событий определить ближайшие планы и отдаленные перспективы.

В тот же день президент провел пресс-конференцию, а затем обратился к народу США в форме традиционной «беседы у камина». Рузвельт говорил очень осторожно: делал главный акцент на сохранении политики нейтралитета, но в то же время со свойственным ему умением балансировать на краю пропасти заявлял, что не может «просить американцев остаться нейтральными в своих мыслях»[{460}].

На чьей стороне находился он сам, можно было понять из контекста выступления, на этот раз очень краткого, из отдельных его выражений: «Если мир нарушается в одной стране, возникает угроза мирному существованию всех других стран»[{461}]. Но говорить о какой-либо помощи жертвам агрессии Рузвельт считал

преждевременным.

Всем американцам было ясно, кто на кого напал; даже явные сторонники Гитлера не осмеливались утверждать, что Польша совершила агрессию против Германии, несмотря на гитлеровскую провокацию — инсценировку вторжения польских военных в пограничный городок Гляйвиц (на самом деле это были эсэсовцы, которые после нападения оставили несколько трупов заключенных концлагеря в польской военной форме).

В следующие месяцы Рузвельт регулярно получал от Буллита не попадавшую в прессу информацию о развертывании германской агрессии в Европе, о скоординированных с немцами действиях СССР, о молниеносном разгроме вооруженных сил стран, противостоявших нападению. Уже 15 сентября 1939 года посол сообщил, что за первую половину дня после нападения Германии на Польшу на аэродромах было уничтожено 90 процентов польских самолетов{462}. 14 мая 1940 года он информировал президента: «Немцы развернули крупнейшую в нынешнее время атаку на французскую армию с того пункта, где заканчивается линия Мажино (французская укрепленная оборонительная линия. — *Г. Ч.)*… Они ввели в действие четыре механизированные дивизии и многочисленные другие войска, а также преобладающее количество танков и самолетов. Как вы знаете, это — кратчайший путь на Париж». В следующих письмах Буллит предрекал быстрое крушение французской армии. Откровенные и глубокие доклады Буллита продолжали поступать и после капитуляции Франции. В Вашингтоне считали целесообразным — и для получения информации о порабощенной Европе, и в попытках уберечь от вторжения немцев и итальянцев французские колонии в Африке — сохранение межгосударственных отношений с марионеточным правительством Петена, располагавшимся в курортном городке Виши{463}.

В этих условиях необходимо было принимать непростые решения о стратегическом курсе США.

В годы Второй мировой войны президент продолжал свои «беседы у камина» в том же стиле, что и в довоенные годы, но, разумеется, с совершенно иным содержанием. Всего с сентября 1939 года по январь 1945-го по радио прозвучали 18 таких выступлений, в том числе пять — до вступления США в войну

Пятого сентября Рузвельт объявил о нейтралитете США в начавшейся войне, но 8 сентября ввел ограниченное чрезвычайное положение.

Он полагал, что воюющие стороны имеют примерно равные шансы на победу, поэтому надо было, по его мнению, следовать

известной истине: «Подождем и посмотрим». Рузвельт понимал, что в конечном итоге его стране придется вмешаться в военные события, но когда и в какой форме — оставалось неясным.

Для того чтобы нация достойно встретила грядущие испытания, он стремился наладить сотрудничество с как можно большим числом самых различных политических кругов, с теми деятелями, которых считал популярными и уважаемыми.

Подчас его инициативы были странными, если не сказать нелепыми. И у выдающихся людей бывают скандальные провалы. Рузвельт также не был застрахован от ошибок. Например, он предложил должность министра военно-воздушных сил Чарлзу Линдбергу — знаменитому пилоту, совершившему в 1927 году беспосадочный перелет из Америки в Европу и прославившемуся целым рядом других воздушных рекордов.

В 1938 году Линдберг принял приглашение одного из нацистских лидеров и так же, как он, профессионального летчика Германа Геринга посетить Германию и ознакомиться с достижениями вверенных тому воздушных сил. Мировая авиазнаменитость была принята со всеми почестями. Геринг вручил Линдбергу орден Германского орла — немецкий орден для иностранцев. Германские военно-воздушные силы произвели на Линдберга неотразимое впечатление, и он стал проповедовать непобедимость германской авиации и вообще Германии, восторгаться руководителем люфтваффе и фюрером, предостерегал Европу от войны с Германией, рекомендовал идти у нее на поводу. Одновременно Линдберг стал выступать с антисемитскими заявлениями в духе пропаганды нацистского рейха, утверждая, что евреи во всех своих бедах должны винить себя.

Предложение, сделанное Линдбергу Рузвельтом, возмутило прогрессивную общественность США, тем более что сам пилот высокомерно отверг его и продолжал свою пронацистскую агитацию. Рузвельт с досадой признал, что совершил непростительный промах.

Другой явной ошибкой, которую президент, к сожалению, не осознал или, по крайней мере, сделал это с большим опозданием, был визит заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса в Европу в начале 1940 года. Несмотря на свой официальный пост, Уэллес был послан как личный представитель Рузвельта и, следовательно, должен был выражать его взгляды, не прибавляя ничего от себя. Ему было предписано объяснить лидерам воюющих стран, что правительство США резко осуждает германскую агрессию и находится на стороне стран, подвергшихся нападению, хотя и не намерено на данном этапе

вступать в войну. Посланцу поручалось выяснить мнение правительств четырех держав о «возможностях заключения справедливого и прочного мира». В то же время поездка носила только информационно-ознакомительный характер{464}.

Формально выполняя это поручение, Уэллес, который принадлежал в то время к рьяным изоляционистам, допускал в Германии и Италии высказывания, свидетельствовавшие о том, что он ставит на один уровень все воюющие страны. Более того, Гитлер и Муссолини показались ему явно симпатичнее, нежели британские и французские руководители, что он и отразил в своем докладе президенту по возвращении из Европы. Например, о немецком фюрере американский уполномоченный писал: «Он вел себя достойно как в беседе, так и во всём поведении, и не было ни малейшего впечатления того комического эффекта, который возникает, когда видишь его усы и волосы на карикатурах». Правда, министр иностранных дел Германии Риббентроп посланнику Рузвельта не понравился — показался ему глупым, узко мыслящим и слишком многословным. В то же время Уэллес явно негативно оценил Уинстона Черчилля — первого лорда Адмиралтейства Великобритании, вскоре (10 мая) ставшего премьером, — который критиковал политику умиротворения и требовал активных действий против Германии. Черчилль в описании Уэллеса выглядел пьяницей и пустозвоном, который, мол, не дал американскому представителю произнести ни единого слова, а заставлял его слушать свои воинственные монологи{465}.

Впрочем, на британских политических деятелей Уэллес также произвел отрицательное впечатление. Они выражали злорадное удовлетворение, когда впоследствии стали известны пьяные дебоши этого высокопоставленного политика и его гомосексуальные связи преимущественное черными слугами, что в те благословенные времена считалось вершиной нарушения моральных норм.

Тем не менее Рузвельт на протяжении долгого времени оказывал Уэллесу покровительство, и многие авторы, включая его почти однофамильца, вице-президента Г. Уоллеса, выражали по этому поводу недоумение{466}. Фактически принижая госсекретаря Халла, Рузвельт повторял, что Уэллес — единственный человек в Госдепартаменте, который знает, что действительно происходит в различных частях земного шара. Видимо, своей показной преданностью и умением проявить демонстративную независимость суждений Самнер Уэллес и заслужил эту критиковавшуюся многими благосклонность президента.

Заместителю госсекретаря поручались самые ответственные задания. Например, он написал черновой вариант Атлантической хартии 1941 года, провозгласившей послевоенные цели США и Великобритании, к которой затем присоединились другие государства, включая СССР. Уэллес вынужден был уйти в отставку только в августе 1943 года.

* * *

Рузвельт хотя и не сожалел о миссии Уэллеса, поскольку благодаря ей стал отчетливо представлять себе спектр настроений в собственном внешнеполитическом ведомстве, однако не принял во внимание оценки Уэллеса. Еще незадолго до поездки заместителя госсекретаря президент выступил с важной инициативой — начал секретную переписку с членом британского правительства У. Черчиллем, в котором видел достойного партнера, хотя тот и был ниже его рангом. В мае 1940 года Черчилль стал премьер-министром Великобритании и оставался главным союзником Рузвельта на всем протяжении войны.

Первое письмо было написано 11 сентября 1939 года. Автор видел в адресате единомышленника по многим вопросам, связанным с войной, умного и умудренного опытом политика, от которого он может получать достоверную информацию по военным и прочим важным государственным вопросам. Он установил с Черчиллем связь, справедливо полагая, что в недалеком будущем тот выйдет на самые высокие политические позиции. В послании американский президент напоминал, что оба они имеют опыт в военно-морских делах и интерес к истории, а вслед за этим просил держать его в курсе последних событий. Черчилль ответил почти сразу, но это письмо не сохранилось. Во втором письме от 6 октября он выражал беспокойство по поводу того, что немцы могут устроить морскую провокацию — потопить корабль с американскими гражданами на борту и обвинить в этом британские военно-морские силы. Письмо было подписано псевдонимом «военный моряк»[{467}]. (Став премьер-министром, сэр Уинстон начал подписывать свои послания Рузвельту «бывший военный моряк».)

Письма передавались шифром по радио и поступали адресату сразу после расшифровки. Всего за годы войны американский президент и британский премьер обменялись 1949 письмами и телеграммами[{468}].

Важной победой рузвельтовского «интернационалистского»

курса было принятие очередного закона о нейтралитете, который, собственно говоря, назвать таковым было уже нельзя. 21 сентября президент направил конгрессу послание, в котором предлагал отменить ограничения на продажу оружия воюющим странам, которые фигурировали в последнем варианте закона о нейтралитете. Речь шла о свободных поставках вооружения дружественным странам, ведущим войну, при условии, что «все закупки должны оплачиваться наличными деньгами, а весь груз перевозиться на кораблях покупателя»{469}. Таким образом, подчеркивалось, что речь идет о чисто торговых сделках, не ставящих под угрозу нейтралитет США, за чем внимательно следили конгрессмены, опиравшиеся на мнение подавляющего большинства своих избирателей. Принцип «кэш энд кэрри» теперь должен был вступить в силу без каких-либо ограничений.

После сравнительно недолгих прений 4 ноября соответствующий закон был утвержден конгрессом, подписан президентом и вступил в силу. Закон отвергал эмбарго на поставку вооружения воюющим странам и предоставлял им право покупать вооружение без специального разрешения администрации, требовавшегося по предыдущему закону. Правда, американским кораблям запрещалось заходить в моря, являвшиеся зоной военных действий, но это было явно формальное предостережение, ибо по сути дела оно уже формулировалось в принципе «кэш энд кэрри».

Великобритания и Франция немедленно направили своих представителей за океан. Один за другим стали заключаться многомиллионные контракты, которые очень скоро истощили британскую казну. За 16 месяцев с начала войны англичане заплатили за уже полученное или только заказанное в США вооружение и другие военные материалы почти 4,5 миллиарда долларов, тогда как в британской казне оставалось не более двух миллиардов{470}. Принеся поначалу немалую пользу, закон «кэш энд кэрри» начинал терять смысл.

Расширение нацистской агрессии весной 1940 года — оккупация Дании и Норвегии, захват Бельгии и Голландии, вторжение во Францию — свидетельствовало о том, что у США, несмотря на удаленность от театра военных действий в Западной Европе, нет гарантий, что они не будут вовлечены в войну Хотя непосредственное нападение на территорию страны пока не фигурировало в качестве прямой угрозы, агрессивные действия со стороны Германии и ее союзницы Японии не исключались. Американцы, которые не желали вовлечения Соединенных Штатов в кровопролитную мировую войну, в то же время выражали большую обеспокоенность степенью готовности страны

к отражению нападения. Немалую роль играл и национальный престиж — представители различных общественных слоев высказывались за более активные действия своей страны, правда, не выходящие за пределы нейтралитета.

Президент отвергал предложения (особенно настойчив в этом смысле был ярый «умиротворитель», посол в Великобритании Джозеф Кеннеди) взять на себя посредническую роль в мирных переговорах между Германией и Британией. В нем крепла уверенность, что реальный мир можно установить, только нанеся решительные удары по агрессивным державам. В то же время, отказываясь от роли миротворца, он продолжал призывать к восстановлению мира. Это жонглирование общими фразами прикрывало подготовку к войне.

На переход нацистской Германии от «странной войны» на Западном фронте к наступательным действиям Рузвельт откликнулся «беседой у камина» 26 мая 1940 года. Он достаточно подробно (это была одна из самых продолжительных его бесед) рассказал о состоянии вооруженных сил страны, убеждая слушателей, что США обладают всем необходимым для обороны, хотя и сделал оговорку, что вооружение стареет, нужны ассигнования на его обновление и строительство новых оборонных предприятий. При этом он подчеркнул, что правительство примет меры к тому, чтобы на войне не обогащались представители крупного бизнеса: «Американскому народу претит мысль о том, что хоть один американский гражданин наживется на крови, убийствах и людских страданиях».

Вместе с тем был поставлен и весьма скользкий вопрос — о возможности появления «пятой колонны» — пособников агрессора внутри страны, которые могли бы своим предательством ее погубить, «если мы не проявим достаточно бдительности»{471}. Конечно, разоблачение шпионов и саботажников во все времена, а тем более в условиях крайней политической напряженности, связанной с опасностью войны, — дело вполне естественное и необходимое; но такую необходимость всегда используют и во внутриполитических целях — для борьбы с соперниками и конкурентами. Рузвельт не предупреждал о такой опасности, причем это никак не могло быть результатом просчета или забывчивости президента и его советников. Разоблачение внутренних врагов становилось целью самодовлеющей, которая порой болезненно затрагивала американских граждан.

Содержавшиеся в беседе призывы Рузвельта к миру в условиях разраставшейся мировой войны, которая, как уже

становилось ясно, могла завершиться только сокрушительным разгромом одной из воюющих сторон, звучали всё менее убедительно. Вероятно, чувствуя это, сам оратор пытался подкрепить их многократными обращениями к Богу. В то время как гитлеровские танки почти беспрепятственно двигались вглубь Франции, слабым утешением для американцев звучали заключительные слова этой беседы: «Ваши молитвы сливаются с моей в любви ко всему человечеству, в надежде, что Бог залечит физические и душевные раны людей»{472}.

Сведения с западноевропейского театра военных действий были безрадостными. Немцы стремительно наступали на Париж. 10 июня войну Франции, фактически уже потерпевшей поражение, объявила фашистская Италия. Рузвельт, находившийся в это время в городе Шарлотвилл, куда он был приглашен для выступления в университете штата Вирджиния как раз по вопросам внешней политики, сразу же откликнулся на эту новость: «В этот десятый день июня рука, держащая нож, воткнула его в спину своего соседа». Впервые он прямо сказал о том, что Соединенные Штаты обещают расширить материальную помощь противникам и жертвам агрессоров. Президент заявил, что существование на «одиноком острове» было бы «кошмаром, подобным существованию в тюрьме, кормлению через решетку безжалостными хозяевами других континентов», и подчеркнул, что лишь победа союзников «над богами силы и ненависти» может предотвратить резкое ухудшение позиций Америки. Он заявил, что Америка будет помогать Франции и Англии и одновременно наращивать собственную оборонную мощь, чтобы «быть готовой к любым случайностям и защитным действиям»{473}.

Медленно, но неуклонно шел Рузвельт вперед, опираясь на те реалии, которые американский народ уже не мог игнорировать, осознавая: вряд ли стоит рассчитывать на то, что удастся отсидеться за разделяющим его с агрессорами океаном. Необходимо было принимать меры по обороне этого заокеанского пространства. По инициативе президента США в конце сентября — начале октября 1940 года в Панаме состоялась конференция министров иностранных дел стран Северной, Центральной и Южной Америки. Госсекретарь Халл повез на конференцию предложение президента о нейтральной зоне шириной от трехсот до тысячи миль по обе стороны континента, которое было единогласно принято. В нейтральной зоне любым неамериканским государствам запрещалось вести военные действия, что контролировалось совместным патрулированием.

* * *

Несколько нарушая хронологию, возвратимся чуть назад.

Наряду с глобальными проблемами мировой войны в 1940 году перед Рузвельтом встал и вопрос о том, будет ли он лично в дальнейшем участвовать в мировых событиях и в каком качестве. Речь шла об очередных президентских выборах. В истории Соединенных Штатов еще не было случая, чтобы президент избирался на третий срок, хотя конституция этого не запрещала (22-я поправка, ограничивающая пребывание на президентском посту двумя сроками, вступила в силу в 1951 году).

По поводу того, когда Франклин решил баллотироваться в третий раз, существуют разные мнения. Его сын Джеймс полагал, что решение было принято уже к началу 1940 года{474}. Но в то же время есть свидетельства, что президент всерьез подумывал об уходе на покой. Он даже заключил контракт на написание воспоминаний, за которые должен был получить гонорар в 75 тысяч долларов. Сумма была меньше той, которую издатели обещали ему ранее, но тоже весьма немалой, если вспомнить, например, что на атомный проект было выделено из бюджета 100 тысяч.

Всю страну также облетело известие, что президент подписал трехгодичный контракт с журналом «Кольерс», согласно которому он должен был, числясь заместителем главного редактора, написать 26 статей, опять-таки за крупные гонорары{475}. Это был еще один сигнал о том, что на ноябрьских выборах от демократов скорее всего будет баллотироваться кто-то другой.

Можно полагать, что решение вновь идти на выборы полностью созрело у Рузвельта после того, как он узнал о новом повороте мировой войны: завершилась «странная (на Западе ее часто называют “фиктивной”) война», 10 мая 1940 года германские войска вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург, чтобы через них вступить на территорию Франции. В тот же день во главе правительства Великобритании стал Уинстон Черчилль, непримиримый к нацистам лидер Консервативной партии, к которому Рузвельт испытывал глубокую личную симпатию.

Еще не зная о назначении Черчилля, президент провел 10 мая пресс-конференцию, которая была самой продолжительной за всю историю его пребывания у власти и самой пустой по содержанию. Журналисты напрасно ожидали прямого ответа на вопрос, как будет реагировать американское правительство на резкое расширение масштабов войны в Европе, — Рузвельт от него уклонялся. Когда представители прессы стали слишком уж

настойчивыми, он откровенно заявил, что еще не знает, каков будет дальнейший ход событий и, следовательно, как Америке следует на них реагировать{476}.

В этот же день Рузвельт получил доклад военного министерства о состоянии вооруженных сил. Сведения были неутешительными. В случае мобилизации можно было экипировать пятисоттысячную армию, тогда как только на Западном фронте численность германских войск составляла свыше двух миллионов человек.

Получив в следующие дни новые сведения о том, что немецкое наступление развивается успешно, а французская армия дезорганизована, не оказывает сопротивления и отступает в беспорядке, Рузвельт обратился к конгрессу с предложением дополнительно выделить на военные цели 1 миллиард 180 миллионов долларов. Более того, выступая в Капитолии, он назвал совершенно фантастическую цифру — потребовал строить 50 тысяч самолетов в год. Стеттиниус остроумно прокомментировал эту нелепость: «Как и всякая невозможная цель, эта цифра зажгла воображение американцев»{477}. Действительно, конгрессмены, просто не представлявшие себе масштаб работ, стоя приветствовали слова президента. Рузвельт же, казалось, поддался очередному импульсу, утратив на время чувство реальности под влиянием европейской трагедии, которую он не был в состоянии пресечь или хотя бы сократить. Конгресс не только вотировал запрошенные огромные средства, но и увеличил их до круглой цифры — 1,5 миллиарда долларов.

Когда же поступили сведения о том, что немцы быстро наступают на Париж и во Франции в дополнение к военным поражениям возник политический хаос, в результате чего великая европейская держава оказалась на пороге прекращения существования, конгресс по новому предложению президента проголосовал за еще более значительную сумму — 1,7 миллиарда долларов на военные расходы. В следующем месяце был утвержден план финансирования военно-морского флота — конгресс проголосовал за выделение четырех миллиардов долларов. Американцам приходилось затягивать пояса — все эти средства должны были поступать из их карманов.

Началась быстрая милитаризация Соединенных Штатов. За несколько недель в армию было набрано дополнительно около ста тысяч человек, и призыв продолжался. На действительную воинскую службу переходила национальная гвардия — своеобразный резерв вооруженных сил, используемый в качестве вспомогательных войск, а также для выполнения внутренних функций вроде борьбы со стихийными бедствиями, поддержания

порядка в случае массовых волнений и т. п.

Но главное, была принята программа создания огромного военного флота — семи линкоров, 18 авианосцев, 27 крейсеров, 115 эсминцев, 43 подводных лодок. Президент был полон решимости превратить страну в подлинную владычицу морей, которая бы не просто оттеснила от этой роли Великобританию, а имела бы господство на просторах двух океанов. Разумеется, это была задача на перспективу, но теперь она должна была решаться уже не в отдаленном, а в ближайшем будущем.

Одновременно шло дальнейшее укрепление правительства, которое должно было соответствовать задачам военного времени. Особо важен был пост военного министра. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Еще в августе 1936 года скончался занимавший этот пост с 1933-го Джордж Дёрн, который в основном курировал строительные и консервационные проекты, дренажные работы по руслу Миссисипи и Миссури, а собственно военными делами не занимался. После его смерти эту должность занимали второстепенные лица. В 1940 году Рузвельт пошел на смелый шаг — назначил военным министром одного из виднейших деятелей Республиканской партии Генри Стимсона, уже являвшегося военным министром при Тафте и госсекретарем при Гувере. В проницательности, добросовестности и честности этого человека Франклин был уверен — он поддерживал связь с ним еще с 1932 года. Этим назначением президент решал сразу несколько задач: получал талантливого администратора, твердость и исполнительность которого признавались почти повсеместно; приобретал в лице Стимсона активного сторонника энергичных действий США на мировых просторах; демонстрировал лояльность в отношении Республиканской партии, поскольку ее деятели поддерживали идею национального единства в условиях угрожавшей стране войны.

Еще одним важным шагом такого же рода было утверждение военно-морским министром бывшего кандидата в вице-президенты от республиканцев Фрэнка Нокса.

Избрание на третий срок

Таким образом, в канун выборов 1940 года Рузвельт демонстрировал стремление к единству нации и прилагал усилия к тому, чтобы ослабить критические выпады со стороны соперничавшей партии. Естественно, пребывание республиканцев на министерских постах весьма осложняло предвыборную борьбу их партии. Возникала путаница: если критиковать, а тем более обличать, то «своих» в том числе. Отказаться же от персональной критики означало фактически отказаться от активной предвыборной борьбы, передоверить дело случаю. Кадровые решения в данном случае были великолепным ходом Рузвельта.

Но главным являлось выдвижение на первый план старого соратника президента Гарри Гопкинса. Со времени смерти Луиса Хоува он стал «первым среди равных» в числе советников, но постепенно оттеснял остальных на второй план. Занимавший с 1938 года пост министра торговли, Гопкинс в 1940 году оставил его в связи с тяжелым состоянием здоровья (у него был рак желудка, он перенес тяжелую операцию, и врачи предрекали ему быструю кончину).

Но каким-то чудом Гопкинс не только выжил и продолжал интенсивную работу, но даже пережил своего шефа (он скончался в 1946 году). Он стал главным советником президента, своего рода альтер эго, пожалуй, вторым по влиянию человеком в стране после самого президента. Официально статус Гопкинса был закреплен распоряжением Рузвельта от 27 марта 1941 года о назначении его помощником президента.

В отличие от Хоува, который предпочитал оставаться за кулисами (он имел официальную должность секретарь президента), Гопкинс был человеком публичным. Все знали, что он главный помощник Рузвельта, и его выступления воспринимались как выражение точки зрения президента. У Рузвельта же оставалась возможность в случае нужды по тактическим соображениям отмежеваться от высказываний Гопкинса, сославшись на «личное мнение» своего советника. Если раньше Гопкинс занимался в первую очередь социальными и экономическими вопросами, то теперь, когда США постепенно приближались к прямому вовлечению в войну, его функции распространились главным образом на внешнеполитическую область, хотя и внутренними делами он продолжал заниматься, оказывая немалое влияние на решения Рузвельта{478}.

В Белом доме Гопкинс жил в небольшой двухкомнатной квартире в юго-восточной части здания. Ему были отведены

апартаменты по соседству с Овальным кабинетом, в том числе овеянный традициями кабинет президента Линкольна, в котором тот в 1862 году подписал прокламацию об освобождении негров. Теперь Рузвельт и Гопкинс могли общаться с глазу на глаз в любое время суток.

В противоположном конце особняка находилась резиденция первой леди — гостиная и спальня. В северной части здания располагались помещения для гостей. Коридоры были заняты книжными полками, портретами коронованных особ и других знаменитых личностей. Посетители неизменно обращали внимание на рисунок известной карикатуристки Дороти Маккей, который должен был продемонстрировать широту взглядов и чувство юмора президента. На рисунке были изображены ребенок, написавший мелом на мостовой перед родительским домом слово «Рузвельт», и его старшая сестра, жалующаяся матери: «Уилфрид написал грязное слово».

Президент не принимал решения по поводу участия в выборах или, по крайней мере, не делился им с окружающими до лета 1940 года. Родных и близких, кажется, устроил бы его отказ от новых амбициозных планов.

В июне Рузвельт провел около двух недель в родном Гайд-Парке, главным образом в обществе матери, которая и в 85 лет сохранила грацию и благородные манеры. Она уже не диктовала сыну, как ему следует поступать. Но сам Франклин вроде бы в шутку, но на самом деле с оттенком грусти подчас говорил, что материнский совет ему бы теперь не помешал. Во всяком случае, Сара не раз говорила ему, что была бы довольна, если бы он наконец занялся делами родного имения.

Более определенно высказывалась супруга: Франклин не должен баллотироваться в третий раз, но ему следует найти себе достойного преемника и подготовить его к нелегкой президентской ноше. Рузвельт обдумывал этот вопрос, но не находил подходящего кандидата. Вероятно, он не очень усердно занимался поисками, а скорее оправдывался перед самим собой, перебирая людей из своего окружения и находя в каждом из них те или иные недостатки.

В течение какого-то времени говорили о Корделле Халле в качестве преемника Рузвельта. На одном из вечеров госпожа Халл, сидевшая рядом с президентом, стала жаловаться ему, что супруг не любит говорить речи. «Ну скажите ему, что надо привыкать к этому. Вскоре ему придется произносить их»[{479}]. Но от этой кандидатуры Рузвельт все-таки отказался.

Некоторое время были высоки шансы Г. Гопкинса. Тяжелое состояние его здоровья было хорошо известно, но Рузвельт

ссылался на собственное положение инвалида, игнорируя очевидную разницу: за исключением неподвижности он был крепок и вынослив, тогда как Гопкинс мог умереть в любой момент. Большее сомнение вызывала «левая» репутация Гопкинса, которая, правда, сошла на нет во время его работы министром торговли (поговаривали даже о «приручённых им миллионерах»), но всё же большой бизнес и консервативные деятели хорошо запомнили, как Гопкинс нападал на них с первых месяцев проведения «Нового курса». Хотя Нельсон Рокфеллер, Бернард Барух и другие финансовые воротилы считались друзьями Гопкинса, совершенно неизвестно было, как они поведут себя в случае выдвижения его в президенты. Так что и «альтер эго» Рузвельта оказался в конце концов не лучшим кандидатом.

Создается впечатление, что и сам Гопкинс не стремился к президентскому посту, придерживаясь мнения, что Рузвельт должен баллотироваться в третий раз. Еще в июне 1939 года он заявил: «Окончательно, безусловно и решительно я сделал выбор в пользу Франклина Рузвельта и верю, что подавляющее большинство народа со мной согласно»{480}.

Еще одним подтверждением того, что Гопкинс не будет баллотироваться, стал в середине мая 1940 года его переезд в Белый дом на постоянное место жительства.

* * *

Рузвельт приходил к выводу, что он сам остается единственным достойным кандидатом. Червь тщеславия, чувство незаменимости, жажда оставаться на вершине власти, распоряжаться судьбами миллионов людей, разумеется, в пределах своей компетенции, оказались, может быть, неожиданно для него самого, доминирующими. Острая на язык Ф. Перкинс писала, что Рузвельту «совершенно определенно нравилось быть президентом. Это дело занимало всё его время, энергию, способности. Нелегко было бы найти кого-нибудь, кто был бы так же счастлив, полностью отдаваясь своей работе. Его радовало даже то, что проблемы громоздились одна на другую, достигая горизонта»{481}.

Радовало и то, что состояние здоровья Рузвельта — разумеется с учетом инвалидности и возраста — оставалось в пределах нормы. Он пополнел, в шевелюре появились залысины, увеличилась седина. Но у него сохранилась примечательная особенность, которую его лечащий врач, вице-адмирал Росс Макинтайр, определил как «способность отложить в сторону

заботы, а не жить с ними»[482].

Подчас проявлялось это в шуточках, которые Рузвельт позволял себе, особенно если видел, что его именем пытаются воспользоваться деловые люди с целью обогащения. Так произошло с владельцем табачной компании Джоном Рейнолдсом, долго добивавшимся президентской аудиенции. Оказалось, что никаких существенных вопросов у бизнесмена не было, а важен был сам факт приема у президента. Несколько разозленный, что у него отняли дорогое время, Рузвельт позволил себе маленький розыгрыш. Он заявил, что курит только сигареты «Кэмел», которые производит компания Рейнолдса. Обрадованный предприниматель спросил, может ли он использовать эти слова для рекламы. «Почему же нет?» — ответил Рузвельт. «Мы заплатим вам 50 тысяч долларов, если вы скажете несколько одобрительных слов про этот сорт сигарет», — произнес ничего не подозревавший Рейнолдс. В ответ последовал текст: «Дорогой мистер Рейнолдс, я всегда курю сигареты “Кэмел”, потому что, как я думаю, только мы с мистером Рейнолдсом — два человека во всей Америке, которые могут их курить, не чувствуя, что у них начинает болеть горло». Почтительно распрощавшись, табачный магнат бормотал уходя: «Пошел он к черту!»[483]

А. И. Уткин справедливо констатировал: «Противники указывали на капризное экспериментаторство, на отсутствие достойной сдержанности, на его неблагодарность. На этот раз они сделали упор на упрямстве, тщеславии, периодически проявляемом желании отомстить, постоянной готовности ответить всем утвердительно, вовсе не имея в виду положительного отношения. Критики утверждали, что восемь лет пребывания на вершине власти закрепили эти недостатки характера, да и сама власть приучила президента скорее повелевать, чем слушать, считать всех, кто с ним не соглашался, глупыми, продажными, трусливыми»[484].

Действительно, по всей видимости, восьмилетний период пребывания у власти достаточен даже для самого талантливого администратора. Он испытывает нервное перенапряжение, невольно устает от власти, начинает повторяться, надоедает избирателям; растут его самомнение, эгоизм, нетерпимость.

Но в 1940 году была особая ситуация. Можно полагать, что при всех существовавших у Рузвельта и усиливавшихся теперь недостатках лучшего руководителя на это чрезвычайное время в США не было. Во всяком случае, ни в рядах республиканцев, ни среди демократов таковой не обнаруживался.

В начале лета Рузвельт выступил с сенсационным

заявлением, моментально облетевшим всю прессу: если народ этого захочет, он не сможет уклониться от выполнения своего долга. Господь, по его словам, сделает своей выбор, и воля Его проявится на партийном съезде. Это было весьма циничное и откровенное притязание на переизбрание, которое практически лишало однопартийцев Рузвельта каких-либо шансов на выдвижение своих кандидатур.

Съезд Демократической партии, которому предстояло выдвинуть кандидата в президенты и номинантов на другие государственные должности, работал в Чикаго 15—18 июля. Уже перед началом съезда наиболее значительные партийные фигуры склонились к решению вновь выдвинуть Рузвельта, имея в виду международную ситуацию и опасаясь, что любой другой кандидат потерпит поражение в битве с харизматическим кандидатом от республиканцев Уэнделлом Уилки. Рузвельт же передал, что согласится на номинацию только в том случае, если ее одобрит подавляющее большинство делегатов, одновременно направив съезду явно лицемерное, противоречившее первому заявлению послание о том, что не желает выдвигаться в третий раз.

Ситуация определилась сразу же после торжественного открытия съезда чикагским мэром на огромном городском стадионе, когда сенатор от Кентукки Албен Баркли стал читать послание Рузвельта о его нежелании оставаться на посту. Едва он начал чтение, как начальник чикагской городской канализационной сети Томас Герри, спрятавшийся в полуподвальном этаже стадиона, подключил микрофон к громкоговорителям и закричал: «Мы хотим Рузвельта! Весь мир хочет Рузвельта!» Этот возглас, который потом злые языки стали называть голосом из канализации, был подхвачен массой делегатов и гостей, исступленно оравшей: «Мы хотим только Рузвельта!», «Все хотят Рузвельта!»

Баркли, правда, удалось не только дочитать текст до конца, но и произнести свои слова: «Президент никогда ранее не имел и не имеет сейчас намерения или желания продолжать оставаться на своем посту, быть кандидатом на него или быть этим съездом выдвинутым на этот пост. Он желал бы совершенно серьезно и ответственно заявить, что делегаты настоящего съезда свободны голосовать за любого кандидата».

Это были очень неосторожные слова, ведь они означали, что Рузвельт как бы отнимает у делегатов их законное право на выдвижение кандидатур, для того чтобы тут же вручить им это право как милость. Но в пылу страсти, которая господствовала на съезде и выражалась в криках «Мы хотим Рузвельта!», этой оплошности никто не заметил. Более того, слова президента по

существу означали, что он не станет возражать в случае его выдвижения, а будет, мол, нести свою ношу до конца.

Были выдвинуты и другие кандидаты. Но уже в первом туре за Рузвельта голосовали 946 человек (86,2 процента), за всех остальных — 147. Кандидатом в вице-президенты по рекомендации Рузвельта был выдвинут левый либерал Генри Уоллес, причем потребовалось преодолеть сопротивление, подчас настолько сильное, что Рузвельту пришлось выдвинуть ультиматум: «С Уоллесом или без меня». «Я откажусь участвовать в выборах, если моим партнером станет реакционер», — говорил он в эти дни С. Розенману{485}.

Речь Рузвельта по радио с согласием баллотироваться, произнесенная уже после закрытия съезда, 19 июля, прозвучала несколько лукаво. Он сделал вид, будто принимает выдвижение, только учитывая сложившуюся обстановку и жертвуя своими личными интересами: «Как и многие другие люди моего возраста, я имел планы на будущее с января 1941 года. Но эти планы, как и многие другие вещи, относились к тому миру, который представляется сейчас таким же далеким, как другая планета. Из-за висящей над нами угрозы все частные планы, все частные жизни прекращаются. Народ должен избрать своего президента. И если выбор падет на меня, я с Божьей помощью буду служить в меру моих сил и способностей»{486}.

* * *

Демократы проводили предвыборную агитацию под лозунгом «Два срока заслуживают третий!», причем многократно повторялась поговорка *Don't change horses in the middle of the stream,* русским аналогом которой является «Коней на переправе не меняют». Подчеркивалось, что эту поговорку использовал Авраам Линкольн в избирательной кампании 1864 года во время Гражданской войны между Севером и Югом. В чрезвычайной обстановке ни в коем случае нельзя заменять президента — именно так разъяснялось это присловье.

Кандидат республиканцев Уилки являлся опасным соперником. Он был полон энергии, непритязателен, прост в общении, а главное — его позиции были близки тем многим американцам, которые всё еще считали, что военные бури настолько далеки от Америки, что не могут ее непосредственно затронуть. Уилки, правда, не был изоляционистом в полном смысле слова. Он соглашался с необходимостью оказывать на определенных условиях помощь странам, ведущим борьбу против

агрессии. Что же касается рузвельтовской внутренней политики, здесь он был непримирим. В начале избирательной кампании он называл «Новый курс» катастрофой, нарушившей свободное предпринимательство, вызвавшей отчуждение наиболее эффективных деловых кругов. Республиканский кандидат умело пользовался тем, что избиратели уже подзабыли то тягчайшее положение, в котором находилась страна в начале 1930-х годов, и мощные позитивные сдвиги в экономике и социальных отношениях вследствие проведения «Нового курса».

Осознав, однако, что значительная часть сторонников Рузвельта поддерживает его именно как изобретателя и проводника «Нового курса», Уилки несколько изменил свою аргументацию: он, мол, выступает за «новый республиканизм», сочетающий позитивную сторону «Нового курса» с требованиями «дешевого правительства» и открытого рынка. Это привлекло на его сторону некоторых влиятельных деятелей, в том числе профсоюзного лидера Джона Льюиса, что было для Рузвельта опасно, так как за ним шли массы рабочих.

Соперника Рузвельта делал уязвимым для критики тот факт, что в недавнем прошлом он поддерживал Демократическую партию, от которой теперь открещивался. Всю страну облетели слова сенатора Джеймса Уотсона по поводу позиции Уилки: «Если проститутка раскаялась и решила возвратиться в лоно церкви, я лично буду приветствовать ее и приведу ее к Святому престолу, но, пожалуйста, не просите меня сразу же назначить ее главой церковного хора»{487}.

Но самым слабым местом республиканского кандидата являлось, разумеется, то, что на решающем этапе президентской гонки он критиковал не цели, а методы Рузвельта, признавал целесообразность основных установок проводимой им не только внешней, но и внутренней политики. Особое внимание Уилки сосредоточил на том, что Рузвельт, выдвигаясь на третий срок, нарушает американскую традицию и это может в конце концов привести к установлению единоличной диктатуры.

Рузвельт так организовал избирательную кампанию, чтобы она как можно меньше препятствовала ему в выполнении государственных обязанностей. Несколько совершённых им поездок по стране были спланированы таким образом, чтобы президентский поезд оставался в сравнительной близости от Вашингтона, а главное — на первый план нарочито выдвигались не агитационные, а деловые, инспекционные цели вояжей. Президент избирал для посещения прежде всего объекты военного строительства, учения воинских частей и т. п.

Волей-неволей он должен был делать уступки всё еще

господствовавшим изоляционистским настроениям. Однажды он произнес: «Ваши парни не будут посланы на зарубежные войны».

Трактовались эти слова по-разному. Изоляционисты уверяли, что президент дал торжественное обещание не участвовать в мировой войне. Сторонники Рузвельта позже проводили противопоставление между «зарубежной войной», ведущейся между другими странами, и той, которая была бы начата в результате непосредственного столкновения Соединенных Штатов с какой-либо агрессивной державой, поясняя, что такая война уже не могла рассматриваться как зарубежная. Во всём этом было немало демагогии, но как можно было без нее обойтись в стремлении выиграть выборы?

В ходе предвыборной кампании тщательно сдерживаемые политические страсти выплескивались наружу. Сторонники обоих кандидатов обливали противников грязью. Временами возникало настолько напряженное положение, что в штабе Рузвельта даже не исключали возможности покушения на его жизнь и считали необходимым принять дополнительные меры охраны.

Предвыборную кампанию в полном смысле слова Рузвельт начал всего лишь за две недели до голосования, подчеркивая таким образом свою занятость ответственнейшими государственными делами. При этом президент не вступал в прямую полемику с соперником, игнорировал его высказывания, сосредоточившись на собственных достижениях в предыдущие годы, главным образом в области социальных отношений.

Особенно его беспокоила позиция Джона Льюиса. Будучи приглашенным на переговоры в Белый дом, председатель КПП начал разговор с жалоб, что ФБР следит за ним, подслушивает его телефонные разговоры, и вообще шел на конфронтацию. Отлично понимая, что договориться не удастся, Рузвельт изобразил удивление и высокомерно прервал разговор с рабочим лидером.

С этого времени опорой президента в рабочем движении становилась консервативная АФТ, а не более демократичный КПП, явившийся порождением «Нового курса», хотя некоторые профсоюзы, примыкавшие к КПП, вопреки позиции Льюиса перед выборами призывали к поддержке Рузвельта. Таковы были тогдашние парадоксы: сам ход событий, изменения в настроениях и действиях отдельных лиц оказывались сильнее, чем объективные процессы, которые очень трудно было оценить и тем более взвесить на аптекарских весах.

Выборы состоялись 5 ноября. Франклин ожидал их результата в Гайд-Парке. Здесь же он сам проголосовал вместе с матерью, женой и другими близкими. Вечером он перебирал свою коллекцию марок, одновременно слушая по радио сообщения о

предварительных итогах голосования. Он уже давно прекратил планомерное пополнение коллекции — на это просто не было времени. Но марки, вместе со старыми географическими картами, оставались его первой любовью и в часы ожидания являлись средством успокоения, отвлечения от напряженных государственных забот. Впрочем, здесь тоже была государственная забота — почтовое ведомство посылало Рузвельту макеты всех подготавливаемых американских марок, он их тщательно изучал, давал рекомендации и, разумеется, оставлял и макеты, и готовые марки в своей коллекции.

Вначале сообщения о ходе выборов были тревожными. Во многих штатах преимущество было на стороне Уилки. Лишь к полуночи стало ясно, что за его третье президентство проголосовало большинство. Это была победа с небольшим перевесом: за Рузвельта было подано 54,7 процента голосов избирателей, за Уилки — 44,8. Однако в связи с тем, что в подавляющем большинстве штатов незначительное большинство всё же было у Рузвельта, в коллегии выборщиков голоса распределились совершенно иначе — 449 из 531 выборщика проголосовали за него (напомним, что выборщики голосуют за того кандидата, который в их штате получил хотя бы минимальное большинство).

Так Франклин Рузвельт впервые в истории Соединенных Штатов стал президентом в третий раз.

Теперь можно было приступать к определению основных направлений стратегического курса в условиях мировой войны.

Однако свою речь при вступлении в должность 20 января 1941 года Рузвельт в основном посвятил другому вопросу, хотя и непосредственно связанному с войной. Он провозгласил курс «четырех свобод», причем не только в самих Соединенных Штатах, но и в мировом масштабе:

«В будущем, которое мы стремимся обеспечить, мы намерены создать такой мир, который был бы основан на четырех основных человеческих свободах.

Первая — это свобода слова и выражения собственного мнения — во всём мире.

Вторая — это свобода каждой личности молиться Богу по-своему — везде в мире.

Третья — это свобода от нужды, которая, если говорить во всемирном масштабе, означает экономическое понимание [необходимости] обеспечить каждой нации здоровую мирную жизнь для всех ее жителей — везде в мире.

Четвертая — это свобода от страха, которая, если говорить во всемирном масштабе, означает всемирное сокращение

вооружений до такого уровня и таким образом, чтобы ни одна нация не была способна совершить акт прямой агрессии против любого соседа — везде в мире»{488}.

Это была весьма претенциозная, по существу, утопическая программа, невозможность реализации которой в полном объеме Рузвельт отлично понимал. Но тем не менее он счел необходимым попытаться заглянуть за линию горизонта, отдаляющуюся по мере движения к ней. Это была декларация благих демократических намерений, за постепенное и частичное осуществление которых Рузвельт намеревался вести войну и в прямом, и в переносном смысле.

Между прочим, именно в это время у Рузвельта появилось не просто новое развлечение, а дорогое ему существо, с которым он охотно общался, когда выдавалась свободная минута. Это был шотландский терьер, подаренный ему двоюродной сестрой после выборов, 10 ноября 1940 года. Поначалу его назвали Биг Бой (Большой Мальчик), но президент вскоре переименовал пса в Мюррея, Разбойника из Фалахилла (порода собаки напомнила Рузвельту шотландскую легенду), а немного позже сократил кличку до Фалы. Вскоре после появления в Белом доме у пса начались проблемы с желудком. Ветеринарное обследование показало, что чуть ли не все, от помощников президента до поваров, давали Фале разные угощения. Рузвельт приказал, чтобы отныне кормление собаки происходило только из его рук.

Он отдыхал, играя с собакой и даже переписываясь от ее имени (как будто собственной переписки ему не хватало!). Знакомые, у которых были домашние питомцы, подыгрывали Франклину. Однажды вместе с подарком для Фалы поступило «письмо от дога Ноддла», принадлежавшего знаменитому историку и писателю, автору массы книг, главным образом для детей старшего возраста, Хендрику ван Луну. «Ответ от Фалы» последовал тотчас же:

«Печенье великолепно. Рад, что тебе нравлюсь. Рад, что ты никогда не ездил в поезде. Потому что нашей собачьей породе претят дальние поездки в вагонах, что раскачиваются на вращающихся колесах, — например, поездки на расстояние пять тысяч миль, чтобы увидеть много островов…

P. S. Предпочитаю прогуливаться во дворе, где растут деревья и найдется место, чтобы почесаться»{489}.

Но на самом деле маленький Фала сопровождал Рузвельта почти повсюду, в том числе побывал на нескольких международных конференциях. Пес был с хозяином и во время морского путешествия в начале декабря 1940 года.

Ленд-лиз, внешние и внутренние перипетии первого этапа войны

В декабре 1940 года, в промежутке между выборами и инаугурацией, Рузвельт позволил себе двухнедельный отпуск. Его яхта отправилась из Вашингтона по столичной реке Потомак в сторону океана. Затем президент с помощниками перешел на крейсер «Тускалуза» и совершил круиз по Карибскому морю и Мексиканскому заливу. Франклин расслаблялся, плавая в бассейне и принимая воздушные и солнечные ванны. Одновременно проводилась инспекция новых военных баз на Карибах, которые США получили в обмен на 50 эсминцев, переданных Великобритании.

Рузвельт, разумеется, поддерживал тесную связь с членами своего кабинета и аппаратом Белого дома, с центральными государственными учреждениями в федеральном округе Колумбия, как официально именуется центральная часть Вашингтона — собственно столица Соединенных Штатов, где расположены все общегосударственные законодательные, исполнительные и судебные учреждения. И главное — он мучительно размышлял над тем, как перевести свои многократные заявления о поддержке стран, подвергшихся агрессии, в реальную плоскость, прежде всего путем оказания помощи британцам.

Президента сопровождали в поездке Гопкинс, личный врач Макинтайр и адъютант, «папаша» Эдвин Уотсон — генерал-майор, секретарь по составлению распорядка дня. Внешне эта поездка выглядела как заслуженный отдых после предвыборных баталий. Но на самом деле Рузвельт и Гопкинс в это время обдумывали важнейшие внешнеполитические и военные меры, которые следовало предпринять в условиях ухудшения мировой ситуации, связанного с войной в Европе, в Азии, на Атлантическом и Тихом океанах.

Президент постоянно напоминал себе о том, что перед поездкой, почти сразу после переизбрания, он заявил: Великобритания получит половину всего производимого в США военного имущества. Вставал, однако, вопрос, как она будет расплачиваться за эти огромные материальные ценности. Действовавший принцип «кэш энд кэрри» оказывался теперь невыполним. К этому времени британские военные заказали технику, боеприпасы, оборудование на пять миллиардов долларов, предстояли новые заказы, а казна была почти пуста,

что в США было хорошо известно.

Как выйти из этого положения? Рузвельт мучительно обдумывал и обсуждал с Гопкинсом складывавшуюся ситуацию, запрашивал новые данные из Вашингтона, не видя возможности обойти существующее законодательство, но понимая, что его надо серьезным образом изменить.

В результате этих размышлений постепенно созрели принципиально новые идеи, которыми он делился только с наиболее близкими людьми, хотя отлично понимал, что пока длятся колебания, война продолжает набирать обороты.

Определенную направленность раздумьям Рузвельта придало полученное на корабле послание Черчилля от 8 декабря, в котором тот сообщал о финансовом положении своей страны, стоявшей на краю банкротства и неспособной покупать у Америки средства ведения войны на основе принципа «плати и вези». Британский премьер писал: «Мы смогли выдержать разрушение наших домов и гибель нашего гражданского населения из-за непрекращавшихся воздушных атак (речь шла о массированных налетах германской авиации на Лондон и другие города Великобритании в 1940 году — *Г.Ч.*); мы надеемся дать им соответствующий отпор по мере развития наших исследований и отплатить путем нанесения ударов на военные объекты в Германии, как только наши воздушные силы хотя бы приблизятся к силам врага». Решить эту задачу, однако, было невозможно из-за состояния военно-торговых отношений с США. Сэр Уинстон продолжал: «Приближается момент, когда мы окажемся не в состоянии платить за доставку и всё снабжение… Я полагаю, что Вы согласитесь с тем, что было бы неверно в принципе и привело бы к общему неблагоприятному положению, если бы на пике борьбы Великобритания была бы лишена стабильного снабжения, чтобы… мы были раздеты до костей. Такой курс не соответствовал бы морали и экономическим интересам обеих наших стран»{490}.

О том, какое решение было принято на корабле, стало известно на знаменитой пресс-конференции Рузвельта, проведенной 17 декабря, на следующий день после возвращения. Президент использовал простое, но весьма емкое сравнение, особенно близкое жителям «одноэтажной Америки», дорожившим своими домами и садовыми участками и готовым в случае необходимости оказать помощь соседу — разумеется, не в ущерб самим себе.

«Что я делаю в этом критическом положении? — вопрошал Рузвельт. — Я не говорю оказавшемуся в беде соседу перед тем, как дать ему садовый шланг для борьбы против огня: “Сосед, мой

шланг стоит 15 долларов, ты должен заплатить мне за него 15 долларов. Мне не нужны эти 15 долларов, но я хочу, чтобы ты всего лишь возвратил мне садовый шланг после того, как потушишь пожар”»[491].

Позже, когда США уже непосредственно вступили в войну, Э. Стеттиниус развил это сравнение: «Теперь притча о шланге приобрела уже всеобщий характер. Пожар постепенно распространился с дома на дом, пока не запылал уже весь город. В этой беде жители города объединили и усилия, и часть своего имущества ради победы над пожаром, понимая, что только в таком единстве их спасение. А у того человека, который некогда одолжил соседу шланг, теперь загорелся его собственный дом, и все соседи пришли ему на помощь»[492].

Но еще раньше, на пресс-конференции 15 апреля 1941 года, Рузвельт позволил себе пошутить, использовав всё тот же образ — видно, самому ему понравившийся. Он прежде всего упомянул о «приятном совпадении» — в первый список товаров по ленд-лизу были включены садовые шланги. Журналисты недоуменно переглянулись. Как ни в чем не бывало Рузвельт сказал, что он оговорился, — речь идет о настоящих, мощных пожарных шлангах. Представители прессы дружно расхохотались[493].

Первая «беседа у камина» после избрания Рузвельта на третий срок, состоявшаяся 29 декабря 1940 года, еще до инаугурации, носила нетривиальный характер и имела особое значение, которое подчеркивалось тем, что, в отличие от всех предыдущих, при ней присутствовали другие люди: мать президента, государственный секретарь Халл, а также популярный актер Кларк Гейбл с женой. Тем самым в круг участников беседы вводились ближайшие члены семьи, художественная элита, а главное — та часть администрации, которая непосредственно занималась международными делами. И посвящена была эта беседа тому, что США оказались перед лицом прямой военной угрозы и должны оказать помощь странам — жертвам агрессии.

Рузвельт предупреждал, что океаны, которыми, казалось бы, его страна отделена от остального мира, теперь не являются таким серьезным препятствием, как во времена парусного флота. США должны готовиться к войне и безусловно оказывать помощь тем народам, которые противостоят странам-агрессорам. Нельзя, заявлял президент, молчаливо согласиться с их поражением, нельзя ждать, «когда наступит наша очередь стать объектом нападения»[494].

Этим выступлением Рузвельт фактически подготавливал почву для отмены закона о нейтралитете и введения

законодательства, предоставлявшего США возможность оказывать военную помощь своим союзникам. В этот день впервые прозвучали слова: «Соединенные Штаты должны стать военным арсеналом для всей мировой демократии. Для нас это неотложная и важная задача. Мы должны взяться за дело так же решительно и споро, с таким же патриотизмом и самопожертвованием, как если бы сами были в состоянии войны»{495}.

Формула «арсенал демократии», которая затем стала звучать как «арсенал демократий», то есть снабжение оружием не каких-то абстрактных демократических сил, а демократических стран, означала, что Соединенные Штаты будут оказывать помощь тем государствам, которые ведут войну против сил крайней реакции — агрессивного союза Берлин—Рим-Токио, причем эта помощь будет не только непосредственно военной, но включит в себя также все другие средства, от которых зависит победа в войне: продовольствие, снаряжение и т. д. В то же время она констатировала, что американские солдаты и матросы по крайней мере в ближайшем будущем, не будут непосредственно участвовать в войне, отдавая свои жизни на полях сражений.

Формула «арсенала демократии» в полной мере устраивала основную часть населения страны, которая сочувствовала жертвам агрессии и стремилась оказать им поддержку, не прибегая, однако, к крайнему средству — прямому вмешательству в войну. Этот курс также отвечал интересам деловых кругов, видевших в нем возможности для расширения производства и всей хозяйственной активности на базе гарантированных государственных заказов.

О том, кто именно является главным союзником США, Рузвельт высказался со всей определенностью: «Мы предоставим британцам большую материальную помощь и в будущем сделаем в этом направлении еще намного больше. Никакие преграды не заставят нас от этого отказаться. Пусть диктаторы угрожают истолковать нашу позицию каким-то неблагоприятным для нас образом — ничто не ослабит нашей решимости помогать Великобритании»{496}.

* * *

Однако ограничиваться только помощью Великобритании, а также другим странам, ставшим жертвами агрессии, Рузвельт не собирался. Несмотря на заверения в том, что американские парни не будут воевать на чужих территориях, он отлично понимал, что

в конце концов это произойдет, и в не слишком отдаленном будущем.

Он не очень верил в возможность прямого нападения на США, хотя не исключал воздушных и морских атак с промежуточных рубежей. Преимущественное внимание уделялось Атлантике, где было вполне вероятным столкновение с германским флотом. Но нельзя было исключать того, что США будут втянуты в войну и на Тихом океане против Японии, которая прибирала к своим рукам континентальные территории и острова, являвшиеся колониями европейских держав, под фальшивым лозунгом создания «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания».

Постепенно из-за действий японских властей преимущественное внимание стало уделяться именно Тихоокеанскому региону, хотя президентская администрация по-прежнему считала, что судьба войны будет решаться на Европейском континенте. Дело в том, что американцам удалось расшифровать секретные коды японцев и на стол Рузвельта ложились документы японских политических кругов и высшего военного командования.

В этих кругах шла борьба между сторонниками северного (против СССР) и южного направления, причем постепенно преимущество оказывалось у приверженцев второго варианта — продолжения агрессии против Китая и распространения ее на азиатские колонии Великобритании, Франции, Голландии, тихоокеанские владения этих стран и, что было особенно важно, территории, принадлежавшие США.

Главными среди них были Филиппины — бывшая колония США, которой в 1934 году была предоставлена автономия, и Гавайский архипелаг, в 1898 году аннексированный США, а в 1900-м получивший статус американской самоуправляемой территории (промежуточный между колонией и равноправным штатом). Еще с конца XIX века гавань Пёрл-Харбор («Жемчужная бухта») на Гавайях являлась основной базой американского флота на Тихом океане. Соединенным Штатам принадлежали также стратегически важные остров Гуам (в группе Марианских островов) и атолл Мидуэй (в западной группе Гавайского архипелага). Остров Гуадалканал (Соломоновы острова) являлся колонией Великобритании, но рассматривался американцами в качестве важнейшей стратегической позиции на Тихом океане.

Несколько активизируя деятельность в Юго-Восточной Азии, Рузвельт объявил, что США отказываются признать завоевания Японии в Китае, и провел через конгресс кредит китайскому правительству Чан Кайши в сумме 200 миллионов долларов. К китайским портам, остававшимся в руках правительства Чан

Кайши, направились суда с вооружением и стратегическими материалами. Вслед за этим по распоряжению Рузвельта была быстрыми темпами сооружена «бирманская дорога», по которой военные грузы в Китай везли на американских грузовиках, доставленных морем на территорию Бирмы, являвшейся британской колонией (в 1948 году получила независимость, с 1989-го называется Мьянма).

В связи с гитлеровской оккупацией Нидерландов Голландская Ост-Индия (нынешняя Индонезия) оказалась «бесхозной» и Япония стала принимать меры, чтобы заполучить это «наследие». В ответ по распоряжению Рузвельта большая группа только что построенных американских кораблей была направлена на Гавайи, что в высших кругах Страны восходящего солнца было воспринято как намерение противостоять ее дальнейшей экспансии.

И тем не менее Рузвельт всё еще не отказывался от надежд на урегулирование отношений с Японией, чтобы сосредоточить основные американские силы на рубежах, максимально приближенных к Европе. Выдвигались и отвергались планы создания американских баз на Африканском континенте, в частности на мысе, наиболее выдвинутом к западу, где располагался французский флот, пока еще находившийся в руках марионеточного, но сохранявшего внешние атрибуты самостоятельности правительства Виши во главе с престарелым маршалом Анри Филиппом Петеном. В Дакаре (современный Сенегал) было открыто американское консульство. Но ни на какое дальнейшее сближение с США гитлеровские слуги из Южной Франции идти не желали, послушно выполняя распоряжения фюрера.

* * *

Что же касается планов «арсенала демократий», то здесь вперед выходили заботы о сохранении Великобритании. Рузвельт и его окружение до поздней весны 1941 года не могли представить себе, что Гитлер решится вести войну одновременно на Западе и Востоке. Высказывалось предположение, что прекращение массированных бомбардировок Лондона и других британских городов — это лишь преддверие вторжения германских армий на Британские острова. Падение их могло означать, что война переместится в пределы, которые Рузвельт считал зоной непосредственной обороны своей страны.

С его точки зрения было необходимо оказать стране, которая

фактически являлась союзником США, такую помощь, которая позволила бы ей продолжать войну. Но одно дело — личные намерения, совершенно другое — реальные действия, которые можно было предпринять только с санкции конгресса, тем более в год президентских выборов.

Большое влияние на Рузвельта оказывали страстные призывы Черчилля, который через пять дней после назначения премьер-министром написал ему: «Голос и силы Соединенных Штатов могут потерять всякий вес, если они будут воздерживаться слишком долго». Сэр Уинстон считал необходимым, чтобы США объявили, что они будут оказывать Британии всяческую помощь, за исключением прямого участия в военных действиях.

Дело было не только в необходимости отражения воздушных атак неприятеля. В мае 1940 года британская армия понесла на территории Франции тяжелый урон. При эвакуации из Дюнкерка было потеряно всё вооружение, затонули десять эсминцев, несколько десятков английских кораблей потоплены немецкими подводными лодками в океане.

Черчилль, описывая высокому американскому корреспонденту сложившееся положение, не жалел черной краски, и у того сложилось представление, что Великобритания стояла на краю пропасти. По словам премьера, для ее спасения немедленно требовались 50 эсминцев, которые могли бы восполнить образовавшуюся во флоте брешь{497}.

Для того чтобы преодолеть сопротивление законодателей, в августе было решено, что за передаваемые корабли США получат восемь британских военно-морских баз в Атлантике (на Ньюфаундленде, Бермудских островах, Багамах и т. д.). Это была лишь формальная уступка, совершенная к тому же в обход конгресса, но последний счел ее достаточной, и 50 эсминцев направились на помощь фактическому союзнику. По общему признанию, устаревшие корабли существенной роли в военных операциях сыграть не могли. Важно другое — это была первая открытая материальная помощь Великобритании, за которой, как все уже понимали, должна была последовать значительно более мощная поддержка. Тенденция важнее фактов, гласит американская поговорка.

Новые действия президента по дальнейшему вовлечению в войну были предприняты весной 1941 года в связи с захватом Германией и Италией Югославии и Греции. 10 мая Рузвельт запросил у конгресса дополнительные ассигнования на создание полумиллионной армии.

Выступая 31 мая в Белом доме, президент объявил, что только что подписал воззвание о введении неограниченного

чрезвычайного положения, предусматривавшего «укрепление нашей обороноспособности до такой степени, какую позволяют наша мощь и власть»{498}.

* * *

Ранее — 10 февраля палатой представителей, а 11 марта сенатом — был принят Закон об обеспечении защиты Соединенных Штатов, который называли также законом о передаче вооружения, боеприпасов, продовольствия и любых других материалов в аренду или взаймы тем странам, оборона которых представляет жизненную важность для США. Законопроект получил, как считали, счастливый входящий номер 1776, совпадающий с годом провозглашения Декларации независимости Североамериканских Соединенных Штатов.

Слова о «жизненной важности» были ключевыми. «Принять законопроект с такой формулировкой означало признать единение нашей страны с другими свободолюбивыми странами перед лицом агрессивных государств оси (линии, соединявшей Берлин, Рим и Токио. — *Г. Ч.)*, признать, что наша самая большая надежда состоит в том, чтобы удалось соединить нашу силу с силой наших друзей», — писал Э. Стеттиниус{499}.

Правда, в конгрессе в текст документа были внесены некоторые изменения, оговаривавшие сферу его применения (главным из них было ограничение срока двумя годами — до 30 июня 1943-го, но позже действие закона продлевалось), однако исключительно важным был сам факт его принятия.

Рузвельт не скрывал раздражения, слыша обвинения в «диктатуре», «подрыве американской обороны» и т. п. Заявление одного из оппонентов, что закон «загубит четверть всех американских парней», он назвал «самым гнусным публичным высказыванием при жизни моего поколения»{500}.

Начальная сумма помощи была определена в семь миллиардов долларов. Всего же за годы войны расходы по этому закону составили огромную сумму — свыше 50 миллиардов, из которых 31 миллиард приходился на Великобританию, а 11 — на СССР; остальная сумма была израсходована на помощь Китаю, а также Франции на заключительном этапе войны и некоторым другим странам.

Так появился знаменитый закон о ленд-лизе[31], явившийся предпосылкой практического воплощения в жизнь лозунга «арсенал демократий». Вначале он проводился существовавшими ведомствами под общим наблюдением Г. Гопкинса и самого

президента. Несколько позже оказалось, что осуществление ленд-лиза требует специального органа. В октябре 1941 года Рузвельт подписал распоряжение о создании управления по осуществлению закона. Начальником его, с ежегодным окладом в десять тысяч долларов, стал Эдвард Стеттиниус и занимал этот пост до 1943-го, когда стал заместителем госсекретаря.

Рузвельт был удовлетворен тем, насколько быстро был подготовлен текст законопроекта, собраны необходимые резолюции, проведено обсуждение в комитетах палаты представителей и сената и утверждение закона обеими палатами. Умудренный многолетним опытом, он понимал, что в иных условиях принятие такого основополагающего акта потребовало бы во много раз больше времени.

Стеттиниус тогда думал иначе, но позже изменил свою позицию. Он писал в мемуарах: «Теперь я, кажется, понял, в чем было дело. В демократических странах недостаточно просто поддержки большинства для быстрых и решительных действий по защите страны от опасности. В такое время необходимо сплочение народа и нельзя допускать резкий раскол в обществе»{501}. В отличие от него Рузвельт хорошо сознавал необходимость сплочения нации и прилагал все силы для его обеспечения, даже в чрезвычайных условиях.

Пятнадцатого марта на встрече в Белом доме с членами Корреспондентской ассоциации Рузвельт подвел итоги: «Пусть диктаторы Европы и Азии сомневаются в нашей сплоченности. В нашем демократическом обществе решения, может быть, принимаются медленно, но когда они приняты, то это решения не одного человека, а ста тридцати миллионов»{502}. Теперь, когда акт о ленд-лизе был проведен через органы власти с рекордной скоростью, Рузвельт мог позволить себе рассуждения о «медленном принятии» законов.

Экспансивная Ф. Перкинс считала, что идея о ленд-лизе пришла в голову Рузвельту внезапно, чуть ли не по божественному наитию. По ее словам, у президента произошла «вспышка ясновидящего знания и восприятия»{503}. Если Рузвельт именно так рассказывал близким о возникновении этой идеи, то это был розыгрыш. На самом деле обдумывались и взвешивались самые разные варианты, ни один из которых не был пригодным в полной мере, и постепенно из их элементов сложилось решение.

Что же представлял собой ленд-лиз?

Закон гласил, что поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырье, продовольствие и т. д.), уничтоженные, утраченные и выработавшие ресурс во время войны, оплате не подлежат, а имущество, после окончания войны

пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов). Одна из статей предусматривала, в случае заинтересованности американской стороны, возвращение неразрушенных техники и оборудования.

В советской историографии обычно утверждалось, что размер помощи СССР по ленд-лизу был довольно мал — всего около четырех процентов средств, затраченных страной на войну, а техника поставлялась в основном устаревших моделей. При этом с подачи члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского на США лились потоки грязи. Председатель Госплана Вознесенский утверждал: «Ожиревший на народной крови в период Второй мировой войны монополистический капитализм Соединенных Штатов Америки… теперь стоит во главе империалистического и антидемократического лагеря и стал застрельщиком империалистической экспансии во всех частях света»{504}. В то же время, как в 1963 году доносили спецслужбы, маршал Г. К. Жуков в частных разговорах признавал: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну… У нас не было взрывчатки, пороха. Не было, чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас всё это было свое в изобилии»{505}.

На Западе, наоборот, обычно указывалось, что победа над Германией была определена западным оружием и Советский Союз без ленд-лиза не устоял бы{506}.

В наше время в странах, образовавшихся на месте бывшего СССР, отношение к помощи союзников изменилось — признается важное значение не только поставок вооружения, военных материалов, продовольствия по ряду наименований, но и получения информации о новых образцах оружия и промышленного оборудования. Исследовавший этот вопрос Б. В. Соколов сделал вывод, что «без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже… противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами»{507}.

Соколов и другие авторы отмечают, что эту зависимость хорошо понимало советское руководство уже в начале войны. Направленный в СССР специальный посланник Рузвельта Г. Гопкинс сообщал 31 июля 1941 года, что Сталин полагал невозможным без американской помощи устоять против Германии, располагавшей ресурсами оккупированной Европы. Рузвельт же еще в октябре 1940-го, объявляя о своем решении разрешить военному ведомству предоставлять излишнее вооружение и снаряжение, а также стратегические материалы и промышленное оборудование тем странам, которые могут защищать американские национальные интересы, допускал включение в число этих стран Советского Союза.

Вначале в осуществлении программы ленд-лиза было немало путаницы, бюрократической суеты и произвола. Зарубежные и внутренние «толкачи», так или иначе лично заинтересованные в тех или иных видах поставок, а подчас просто коррумпированные, дискредитировали ее. Поэтому в конце 1941 года по распоряжению Рузвельта была введена четкая система распределения.

Правительство страны, включенной в список получателей американской продукции, обращалось к правительству США с конкретной заявкой — с перечнем товаров и указанием их количества. Вслед за этим проводилась «проверка на соответствие ленд-лизу»: в самом ли деле запрашиваемые материалы необходимы для военных нужд, в достаточном ли количестве они имеются в США и действительно ли полезнее для общего дела отправить их союзнику, нежели оставить для внутреннего использования. Если получатель обладал достаточным долларовым фондом, он оплачивал поставки наличными, если же нет — материалы передавались как можно быстрее, а возмещение откладывалось на послевоенный период{508}.

Закон о ленд-лизе был новым важным шагом на пути непосредственного вовлечения США в мировую войну. О том, что этот момент приближался, свидетельствовало и образование президентом не предусмотренного конституцией органа — военного кабинета в составе пяти человек — военного министра Стимсона, военно-морского министра Нокса, министра финансов Моргентау, государственного секретаря Халла и неизменного Гопкинса как руководителя программы ленд-лиза.

Третьего апреля 1941 года после жарких споров Рузвельт отдал распоряжение перевести три линкора, авианосец и четыре крейсера из Тихого океана в Атлантический для эскортирования караванов судов, начавших перевозку военной техники и других материалов в Великобританию. Вскоре американские войска были

отправлены в Исландию. Рузвельт отдал приказ топить германские подводные лодки везде, где они будут обнаружены, даже если они не будут проявлять враждебные намерения.

Фактически США начали необъявленную войну. Рузвельт дал понять, что основное внимание его правительства вновь обращено на Атлантику и Европейский континент, а тихоокеанские проблемы, оставаясь важными, отходят на второй план. Эта оценка вроде бы подкреплялась согласием правительства Японии на переговоры с США. Правда, совершенно об ином свидетельствовал подписанный 13 апреля 1941 года в Москве договор о нейтралитете между Японией и СССР. Однако американский президент счел, что договор является лишь отвлекающим маневром и японцы всё же предпочтут агрессию в северном направлении, где их вооруженные силы надолго увязнут в военном столкновении с Советским Союзом, если не получат весомой помощи от Германии — своего главного союзника по Тройственному пакту, подписанному 27 сентября 1940 года.

Вскоре Соединенным Штатам пришлось сполна расплачиваться за этот просчет. Конечно, какая-то часть информации, поступавшей в Белый дом, трактовалась в духе, соответствующем предположениям и даже пожеланиям президента, и упреки в его адрес были отчасти заслуженными. Но в оправдание Рузвельта можно сказать, что в то время было еще крайне трудно определить действительные намерения Японии, а европейский и атлантический театры военных действий являлись главными в определении судеб мира.

С обоснованием новых мер президент выступил 27 мая 1941 года в очередной «беседе у камина». Было важно, чтобы его инициативы поддержали граждане США. Поэтому президент акцентировал внимание не на абстрактных принципах гуманности и демократии, а на «разумном эгоизме» — прямой заинтересованности американцев:

«Вся наша программа помощи демократическим странам основана на трезвом расчете — на заботе о нашей собственной безопасности и желании защитить тот цивилизованный мир, в котором мы хотели бы жить. Каждый доллар, который мы тратим, посылая военное снаряжение другим, помогает не допустить диктаторов в наше полушарие и тем самым выиграть время, чтобы произвести больше пушек, танков, самолетов и кораблей.

Мы совершенно не пытаемся скрыть, что, предоставляя помощь, преследуем свои интересы. Великобритании это известно, понимает это и нацистская Германия»[509].

Рузвельт объявил, что поставки в Британию грузов, в которых она нуждается, — дело первостепенной важности для самих

Соединенных Штатов.

Одновременно выступление содержало обращение к соседям: «Всем странам Американского континента — двадцати республикам и Канаде — я заявляю: Соединенные Штаты не просто декларируют цели общей обороны, но уже сегодня активно заняты их осуществлением»[{510}]. Далеко не всем в Латинской Америке нравились такого рода высказывания — в этих странах весьма активно действовала нацистская агентура, опиравшаяся главным образом на «фольксдойче» — этнических немцев, часть которых превратилась в подлинную «пятую колонну» нацистского рейха. Но не считаться с волеизъявлением могучего северного соседа власти этих стран не могли.

В конце беседы прозвучало главное:

«Мы подтверждаем свою неизменную веру в жизнеспособность нашей конституционной республики как оплота свободы, терпимости и приверженности слову Божьему!

Во исполнение этого, глубоко осознавая ответственность, которую я несу перед моими соотечественниками за будущее нашей страны, я сегодня объявил о введении на всей территории страны чрезвычайного положения и потребовал всемерного укрепления обороны с использованием всех возможностей»[{511}].

Введение чрезвычайного положения означало, что президент считает войну неминуемой. По данным опросов, это выступление слушали по радио около шестидесяти пяти миллионов американцев. В следующие дни в Белый дом шел поток телеграмм с одобрением действий Рузвельта. Он начинал выигрывать внутреннюю битву — против изоляционизма.

* * *

Рузвельт внимательно следил за политикой СССР, за курсом Сталина. Он понимал, что между двумя тоталитарными режимами существует некое тайное соглашение, положения которого реализовывались в процессе раздела территории Польши, присоединения к СССР Литвы, Латвии и Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, советско-финской войны.

Предполагая, что союз Гитлера и Сталина может оказаться недолговечным, Рузвельт был осторожен в публичных оценках действий СССР, одновременно давая указания членам своей администрации демонстрировать, что США решительно не одобряют экспансионистскую политику. Но в меморандуме, адресованном Халлу, он предложил Госдепартаменту реагировать на каждый советский демарш против американских дипломатов и

других лиц подобным же или еще более резким образом.

Случай представился почти сразу. В СССР был задержан американский врач, скрывший от таможенного досмотра часть своего багажа. Через несколько дней американские власти задержали в Панамском канале советское торговое судно под предлогом, что не все члены его команды имели должным образом оформленные свидетельства о состоянии здоровья. Вслед за этим в Москве якобы по техническим причинам перестал работать канал телефонной связи американского посольства с США, и дипломатам, чтобы позвонить, приходилось отправляться на Центральный телефаф. На этот раз по распоряжению Рузвельта аналогичные меры предприняты не были, но посольство СССР было предупреждено, что они последуют, если советские власти не изменят своего поведения. Соответствующие распоряжения, видимо, по указанию Сталина, были сделаны, и взаимоотношения несколько нормализовались.

В то же время в кругу американских дипломатов в Москве возникло подозрение, что кто-то в посольстве является советским шпионом, так как поступали сведения об утечке секретной информации. Спецслужбы обратились к Рузвельту с просьбой включить в состав посольства тайных агентов — разумеется, под видом дипломатов, — чтобы провести расследование. Президент не только дал согласие, но и потребовал, чтобы его держали в курсе дела.

Вскоре выяснилось, что несколько сотрудников посольства состояли в связи с русскими дамами легкого поведения, которые на самом деле являлись агентами Разведывательного управления Генштаба Красной армии, отлично владевшими английским языком, хотя и притворявшимися, что не понимают ни слова. Во время интимных вечеров дипломаты позволяли себе комментировать поступавшие в посольство инструкции и другие документы, а девицы всё тщательно запоминали. Виновные были отозваны на родину, а остальные строго предупреждены о необходимости повышенной бдительности. Рузвельт, поставленный в известность об этой некрасивой истории, распорядился, чтобы проштрафившихся наказали только в дисциплинарном порядке{512}.

Этот инцидент показывает, что Рузвельт пошел на меры, которые ранее никогда не практиковались США — в посольство для слежки за его работниками были внедрены сотрудники Федерального бюро расследований (ФБР), ведавшего охраной внутренней безопасности страны. Для Рузвельта, демократа не только по партийной принадлежности, но и по убеждениям, это был крайний шаг, свидетельствовавший об оценке им

международной ситуации как крайне опасной. Столь же чрезвычайные меры, по его мнению, необходимо было принимать и на родине. ФБР под руководством весьма энергичного и волевого директора Гувера стремилось прибрать к рукам как можно больше власти.

Эдгар Гувер (1895—1972) занимал пост директора ФБР на протяжении почти полувека, с 1924 года до самой смерти. Возглавив Бюро расследований (в 1935 году переименованное в ФБР) в 29 лет, он пережил на этом посту Великую депрессию, реформы Рузвельта, Вторую мировую войну, первые этапы холодной войны, войну в Корее, оставаясь одной из самых влиятельных фигур в США. Отмечая заслуги Гувера перед страной, многие политики обвиняли его в злоупотреблениях полномочиями. Неоднозначное отношение к Гуверу и необычайная продолжительность его пребывания в должности стали причиной того, что после него максимальный срок работы директоров ФБР был ограничен десятью годами.

Во время выхода из Великой депрессии, при проведении «Нового курса» Рузвельт не допускал расширения полномочий ФБР, директор которого неоднократно направлял ему доклады, требуя введения новых мер преследования внутренних врагов.

Однако с началом Второй мировой войны и приближением прямого вступления в нее Соединенных Штатов действительно необходимо было принять меры против «пятой колонны», которая не была столь мощной, как об этом сообщал Гувер, но реально существовала. Правда, гитлеровцам не удалось создать на территории США значительной подрывной сети — за военные годы удалось арестовать всего восемь германских агентов, готовивших акты саботажа.

Гувер получил указание посылать в Белый дом ежедневные рапорты о подрывных действиях, прежде всего со стороны нацистов и коммунистов. Исполнительный и жесткий чиновник воспринял его своеобразно — в рапортах президенту сосредоточил основное внимание именно на деятельности левых, за которыми теперь устанавливалось тщательное наблюдение. Он докладывал Рузвельту, что КПП буквально наводнен коммунистами. В их числе был назван даже Уолтер Рейтер — молодой профсоюзный активист, не только не являвшийся коммунистом, но и негативно относившийся и к Компартии, и к марксистской доктрине{513}. Такого рода сведения оказывали определенное влияние на решения президента, хотя, зная убеждения Гувера и его характер, он доверял им не полностью.

Сходную информацию Рузвельт получил и о гениальном физике Альберте Эйнштейне. Гувер сообщал: «Благодаря своим

радикальным взглядам профессор Эйнштейн не может считаться пригодным для использования в секретных работах, ибо кажется маловероятным, чтобы такого склада человек за столь короткое время стал вполне благонадежным американским гражданином»{514}. В данном случае Рузвельт доверился ФБР, и Эйнштейн, инициатор начала американских работ по созданию атомного оружия, к практической деятельности в этой области так и не был допущен.

Именно в такой обстановке двойной угрозы со стороны коммунистов и нацистов, значительно преувеличенной в докладах Гувера, 28 июня 1940 года Рузвельт подписал закон о регистрации иностранцев (его автором являлся конгрессмен от штата Вирджиния Говард Смит). Согласно этому акту 4,7 миллиона иностранцев старше четырнадцати лет, постоянно проживавших в США, подлежали регистрации со снятием отпечатков пальцев. На них не распространялось американское законодательство о свободе слова: каждому из них грозили штраф или тюремное заключение за устные или печатные заявления, которые могли бы нанести вред вооруженным силам США, при этом судам давалась возможность самой широкой трактовки таких заявлений.

Некоторые деятели, например упоминавшийся Норман Томас, призывали президента наложить вето на этот закон, а также воспрепятствовать другим шагам администрации, в частности призыву на военную службу в мирное время, утверждая, что эти меры ведут к превращению США в тоталитарное государство{515}. Однако таким советам Рузвельт не последовал, а возражения против военной подготовки в ответном письме Томасу просто высмеял.

Разумеется, закон Смита не вел к установлению в США тоталитаризма, как утверждал не только Томас, но и некоторые другие деятели. Но он действительно ограничивал американские свободы, что сам Рузвельт признал в письме Томасу от 9 ноября 1940 года. К счастью, традиции свободы слова в США были настолько прочны, что до окончания Второй мировой войны состоялись только два судебных процесса, на которых были предъявлены обвинения по этому закону (в 1941 году перед судом предстали сторонники Троцкого, получившие в результате незначительные сроки заключения, а в 1944-м процесс по делу предполагаемых нацистов был прерван за отсутствием у суда доказательств их вины).

Правда, в июле 1942 года состоялся военный суд над несколькими германскими диверсантами, которые были высажены с подводной лодки во Флориде, затем отправились в

Нью-Йорк и Чикаго, где и были схвачены следившими за ними агентами ФБР. Рузвельт внимательно наблюдал за ходом процесса, в результате которого обвиняемые были приговорены к длительным срокам заключения{516}.

Сам Рузвельт рассматривал закон Смита как не столько карательный, сколько предупредительный механизм, что и реализовывалось в судебной практике.

* * *

В определенной степени с законом Смита и в целом с подозрительным отношением в США к иностранцам было связано нежелание Рузвельта жертвовать своими политическими интересами, популистскими амбициями в то время, когда резко обострилась проблема приема в США европейских евреев, которым угрожала гибель от рук нацистов.

Приемом иммигрантов из Европы занимались два органа — образованный в 1938 году при президенте совещательный комитет по делам политических беженцев и соответствующий отдел Государственного департамента. Если администрация президента занимала уклончивую позицию по отношению к «незаконному» допуску тех, кто, оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, стремился попасть в США, то Госдеп был в этом вопросе совершенно непреклонен.

Столкновение чиновников произошло во второй половине сентября 1940 года, когда в порт Норфолк (штат Вирджиния), являвшийся основной военно-морской базой США, вошел американский пассажирский пароход «Квэнза», на борту которого находились около двухсот евреев, бежавших из Германии в Португалию и теперь пытавшихся переправиться в Америку. Большинство из них смогло получить визы в Лиссабоне, но свыше восьмидесяти человек (в основном женщины с малолетними детьми) на свой страх и риск погрузились на корабль без виз.

Член совещательного комитета Патрик Малин отправился в Норфолк, чтобы оформить их прием — в данном случае президент явно проявил чувство сострадания. Однако руководитель отдела по делам беженцев Госдепа Брекенридж Лонг, известный своими консервативными убеждениями, потребовал полного соблюдения законности. За этим требованием явно скрывались антисемитские чувства. Лонг писал в своем дневнике: «Общий тип (пассажиров судна. — *Г. Ч.)* был точно таким, как те еврейские преступники, которые переполняют камеры в судах Нью-Йорка и которые никогда не станут хотя бы

умеренно достойными американскими гражданами»[517].

В результате усилий Малина, а также местных адвокатов Якоба и Салли Моркевиц в конце концов все остававшиеся на борту пассажиры «Квэнзы» получили разрешение остаться в Америке. Это, однако, был единичный случай.

Выше уже шла речь о двойственном отношении президента к этой сложной проблеме, в частности о размерах квоты на прием еврейских беженцев. Но тогда вопрос казался Рузвельту абстрактным, теперь же он оборачивался практической стороной, касающейся жизни и смерти даже не тысяч, а миллионов конкретных людей.

Президент, стремившийся продемонстрировать, что он чутко прислушивается к «гласу народа», по существу, пошел на поводу у деятелей, подобных Б. Лонгу, которые не только требовали от американских дипломатических служб за рубежом точного соблюдения формальностей, в частности в отношении квоты, но и сознательно затягивали решение вопроса о выдаче виз, действуя по принципу, известному еще древним римлянам: «Спеши медленно».

Британские и американские секретные службы доносили главам своих правительств, что в оккупированных странах Европы началось массовое уничтожение еврейского населения. Черчилль в августе 1941 года заявил, что германские войска в буквальном смысле слова уничтожают сотни тысяч людей: «Мы присутствуем при таком преступлении, которому нет даже названия». Однако задачи спасения конкретных людей отступали перед глобальными военно-политическими проблемами.

Летом 1942 года бывший польский дипломат Ян Карский, нелегально побывавший в Варшаве, собственными глазами видел, как постепенно, но неуклонно уничтожаются узники гетто. Оказавшись в США, он в июле 1943 года рассказал об этом Рузвельту, но услышал в ответ: «Дайте нам выиграть войну, и мы накажем всех виновных»[518].

Рузвельт не предпринял никаких действий, чтобы путем расширения квоты дать убежище в США основной массе жертв нацизма. Правда, по его распоряжению был составлен список наиболее известных интеллектуалов и политических деятелей, включавший 567 фамилий. Но Госдепартамент, фактически саботируя указание президента, сократил список до сорока человек, которым и были предоставлены визы. А перевод Рузвельтом по просьбе кого-то из близких 240 долларов, чтобы покрыть расходы на перевоз в США детей одной-единственной семьи Клейн[519], в то время как миллионы женщин и детей были обречены на гибель в оккупированной Европе, и вовсе выглядел

издевательством над несчастными.

Остались без последствий сделанные по поручению Рузвельта отзывы экспертов о возможности размещения беженцев на принадлежавших США Виргинских островах, а также в Британской Гвиане. В конце концов президент пришел к выводу, что «не может сделать ничего, что причинило бы вред будущему нынешних американских граждан», имея в виду, что значительно более образованные беженцы будут претендовать на рабочие места{520}.

Несколько лет назад, уже после выхода в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Л. Д. Троцкого, автором которой я являюсь, мне удалось обнаружить документы, свидетельствующие о том, что после убийства Троцкого в Мехико в августе 1940 года его вдова просила американские власти о предоставлении убежища ей и пятнадцатилетнему внуку Троцкого Севе Волкову. С личным письмом по этому поводу к Рузвельту обратился находившийся в США немецкий писатель Эмиль Людвиг, который незадолго перед этим выпустил комплиментарную книгу об американском президенте{521}. Людвиг сообщал, что вдова Троцкого находится под постоянной угрозой покушения на нее со стороны как правых экстремистов, так и сталинских агентов, что она не принадлежит ни к какой партии и собирается в США заниматься архивом мужа, незадолго до его гибели проданным Гарвардскому университету.

Одиннадцатого февраля 1941 года Рузвельт отделался ничего не значившим вежливым письмом, по существу отказом: «Я не сомневаюсь, что миссис Троцкая полностью стоит вне политики (как раз это было неверно — Н. И. Седова была активной участницей так называемого IV Интернационала, основанного на идеях Троцкого. — *Г. Ч.*), но публика в течение ближайших года или двух на этот факт внимания не обратит. Более того, если ГПУ[32] будет преследовать внука, оно, вероятно, найдет его здесь, как и в любом другом месте. Я склонен думать, что она и мальчик были бы в большей безопасности в каком-нибудь сравнительно маленьком городе или деревне в Мексике, чем в другом месте»{522}. В результате во въезде в США Седовой было отказано.

В самый канун нападения Германии на СССР, 21 июня 1941 года, в Белом доме произошло печальное событие — у Маргарет Лихэнд, работавшей с Рузвельтом с 1921 года, произошло кровоизлияние в мозг.

Впечатлительная женщина, которая посвятила всю жизнь своему кумиру, обожала его и гордилась близостью к тому, кто ведет за собой нацию (она часто с гордостью рассказывала,

например, что во время автомобильных поездок занимает место рядом с шефом), почему-то почувствовала уколы ревности. У нее возникло это мучительное чувство, когда иммигрировавшая в США норвежская принцесса Марта была приглашена жить в Белом доме и стала выполнять некоторые поручения Рузвельта. Мисси подумала, что Марта может оказаться на ее месте и в качестве секретаря, и как друг и собеседник, и даже как любовница. Многие из тех, кто был вхож в Белый дом, полагали, что ее опасения были напрасными, но скорее всего именно связанный с ними стресс привел к внезапному инсульту.

Мисси была помещена в военно-морской госпиталь, затем ее лечили в Уорм-Спрингс. Франклин несколько раз посещал бывшую соратницу, пытался развлечь и успокоить, однако, будучи занят государственными делами, вскоре почти позабыл о судьбе Мисси, хотя исправно оплачивал все ее медицинские счета{523}. Такова уж была натура Рузвельта — он был человеком дела, жил напряженной жизнью нынешнего и завтрашнего дня всей страны, ему было не до сантиментов, не до чувств одинокой несчастной женщины.

Помощники президента отмечали его отстраненность от близких людей, усиливавшуюся с годами пребывания на высшем государственном посту. Г. Икес с горечью писал: «Несмотря на то, что он, как всегда, был приятен и дружественно настроен, он был внутренне холоден, как лед… Мисси, находившаяся в отчаянной ситуации уже несколько недель, для него потеряна»{524}.

Последние годы жизни Мисси, ставшая глубоким инвалидом, провела в доме своей сестры и скончалась в июле 1944 года. Ее память почтила на похоронах Элеонора Рузвельт, но президент, занятый государственными делами, не выкроил время, чтобы сказать ей последнее слово. Когда вскрыли завещание Мисси, оказалось, что она оставила мебель в своей комнате в Белом доме второму личному секретарю президента Грейс Тулли{525}. Другого имущества у нее не было…

Можно ли осуждать Рузвельта за его поведение в этом и некоторых других подобных случаях? Вероятно. Но при этом следует помнить об огромной нагрузке, которая выкачивала не только умственные, но и душевные силы, лишала государственного деятеля простых человеческих эмоций. За пост главы великой державы приходилось платить высокую, хотя и малозаметную для посторонних глаз цену.

Вступление в союз с СССР. Атлантическая хартия

Была глубокая ночь на воскресенье 22 июня (разница во времени между Москвой и Вашингтоном составляет восемь часов), когда в США из речи В. М. Молотова по радио узнали о нападении Германии на СССР. Президент, получив утром это сообщение, попросил оставить его одного и несколько часов размышлял о том, как следует себя повести.

В предыдущие два года ни одной «беседой у камина», ни одним заявлением на пресс-конференции или другим выступлением Рузвельт не откликнулся на действия СССР на начальном этапе Второй мировой войны. Он был очень осторожен в оценке подписанного 23 августа 1939 года советско-германского договора о ненападении и тех действий СССР, которые, по существу, означали его участие в разделе Восточной Европы.

Хотя американский президент, как и все в мире, за исключением самих участников, не знал о дополнительном секретном протоколе к этому договору, посвященном разделу сфер господства, он понимал, что нечто подобное обязательно должно существовать. Но об этом в обращениях к американцам не говорилось ни слова, как и об изгнании СССР из Лиги Наций в связи с советской агрессией против Финляндии, начавшейся 30 ноября 1939 года, — благо США членом этой организации не являлись. С одной стороны, президент не исключал такого поворота событий, который привел бы к новой расстановке мировых сил, союзу или, по крайней мере, совместным действиям с СССР. С другой стороны, он был крайне осторожен в транслировании на всю страну своих мыслей по этому вопросу ввиду весьма негативного отношения к сталинской диктатуре у подавляющего большинства населения.

Собственно говоря, нападение Германии на СССР не явилось для американского президента полной неожиданностью. Посол в Москве Лоуренс Стейнгард докладывал, что Германия намерена вторгнуться на советскую территорию и быстро захватить наиболее плодородные районы{526}. Аналогичная информация поступала по каналу «Мэджик» — это было зашифрованное название японского секретного кода, который удалось раскрыть американским спецслужбам. В числе сведений, извлеченных дешифровочными машинами, было изложение беседы второго лица в нацистской Германии Германа Геринга с японским послом Осимой, в которой говорилось даже о числе дивизий,

концентрируемых для атаки, и типах самолетов{527}.

Рузвельт не сообщал об этом Сталину, полагая, что вполне достаточную информацию по этому вопросу тому предоставил Черчилль в письме от 3 апреля 1941 года, где говорилось: «Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»{528}. Тогда Сталин счел письмо британского премьера провокацией. Когда же через полтора года Черчилль напомнил ему об этом предупреждении, советский лидер, стремившийся сохранить лицо, ответил: «Мы никогда в этом не сомневались» — и добавил, что хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к нападению{529}.15 июня Рузвельт получил очередное письмо от Черчилля с сообщением, что «в ближайшее время немцы, видимо, совершат мощное нападение на Россию», а Великобритания намерена «предоставить русским всяческую поддержку и помощь». Президент ответил немедленно, заверив адресата, что публично поддержит «любое заявление, которое сделает премьер-министр, объявляя Россию своим союзником»{530}.

Теперь же, когда США и Великобритания, казалось, действительно приобретали нового мощного союзника, Рузвельт мучительно размышлял, как ему следует оценить начало германосоветской войны в выступлении перед американцами. Ему, разумеется, немедленно доложили, что в тот же вечер премьер-министр Великобритании в палате общин высказался совершенно определенно. Речь Черчилля, тотчас переданная по радио, являлась одним из образцов его пламенного красноречия, и Рузвельт с восхищением читал ее текст:

«…Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи.

Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий… Я должен заявить о решении Правительства Его Величества и уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но

можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика?

У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги…

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы».

Черчилль использовал образное сравнение: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по крайней мере, благожелательно отозвался бы в палате общин о Сатане»{531}.

По существу, это было обращение и к Франклину Рузвельту. Но президент США выступил только 24 июня, причем не с радиообращением к нации, а перед приглашенными в Белый дом представителями прессы. Он двое суток, опасаясь вспышки изоляционизма, обдумывал свое заявление, оценивал первые, весьма тревожные сообщения с Восточного фронта, где германская авиация за несколько часов уничтожила на аэродромах значительную часть советских самолетов, а немецкие армии начали быстрое продвижение вглубь страны, лишь местами встречая серьезное сопротивление. Казалось, что действительно происходит блицкриг — молниеносная война и может повториться французский сценарий 1940 года.

Когда журналисты были приглашены в кабинет президента, у него был готов всеми ожидаемый ответ на вопрос об отношении США к событиям на советско-германском фронте. Даже учитывая наиболее пессимистический вариант — разгром СССР в течение нескольких месяцев, как это и намечалось планом «Барбаросса», президент пришел к выводу, что в любом случае на Восточном фронте Германия потеряет значительную часть людских и материальных ресурсов, а это даст Соединенным Штатам время для ускоренной подготовки к военному вмешательству в европейские дела. Корреспондентам телеграфных агентств и газет Рузвельт сказал твердо, как будто это было единственно

возможное и естественное решение: «Разумеется, мы окажем России всю возможную помощь».

Когда корреспондент «Либерти» передал ему текст редакционной статьи своей газеты под заголовком «К черту коммунизм», Рузвельт прореагировал словами: «Если бы я сидел за вашим письменным столом, то написал бы передовую статью, осуждающую в одинаковой мере как русскую, так и германскую форму диктатуры. Но в то же время я ясно дал бы понять, что в настоящее время непосредственная угроза безопасности США исходит от гитлеровских армий»{532}. Последовали вопросы о формах помощи СССР и, в частности, о том, распространится ли на него ленд-лиз. От ответов на них Рузвельт уклонился — они пока не были ясны для него самого.

Первым шагом на пути оказания помощи было решение разморозить советские фонды в сумме около 50 миллионов долларов в банках США (на них был наложен арест в конце 1939 года после нападения СССР на Финляндию).

Своего рода демонстрацией того, что начало советско-германской войны непосредственно не касается Соединенных Штатов, было участие Рузвельта 30 июня 1941 года в торжественном открытии Президентской библиотеки (одновременно являвшейся музеем и прежде всего архивом) в его родном Гайд-Парке. Выступая после хранителя библиотеки Ф. Уокера и главного архивариуса США Р. Коннора, президент попытался связать воедино разные эпохи в истории своей страны: «Нация должна верить в три вещи. Она должна верить в прошлое. Она должна верить в будущее. Но она должна прежде всего верить в способность людей учиться у прошлого, чтобы быть более точными в суждениях о том, как строить свое будущее»{533}. С созданием библиотеки были связаны некоторые личные планы Рузвельта. Он никак не рассчитывал, что останется президентом и после завершения третьего срока. Огромный массив документации, концентрируемый в Гайд-Парке, должен был стать той базой, на которой он предполагал создавать свои будущие многотомные мемуары. Франклин особенно заботливо относился к сохранению документов и даже сконструировал для этого ящики особой формы.

* * *

Однако открытие библиотеки, несмотря на его показной характер, не могло отвлечь Рузвельта от главного — от хода войны и прежде всего от событий на советско-германском фронте.

Готовясь к очередному выступлению в конгрессе, президент в начале июля написал краткий меморандум, в котором содержалась главная идея его предстоявшей речи: «Я искренне надеялся, что мы не будем вовлечены в эту войну. Я серьезнейшим образом пытался избежать использования силы… Мои надежды были тщетны. Мои усилия избежать использования силы оказываются неэффективными. [Однако] наша национальная оборона еще далека от совершенства. Становится ясно, что в случае, если мы не прибавим максимум наших усилий… к усилиям тех наций, которые борются за свободу в мире, мы окажемся в ситуации, когда будем воевать в одиночестве и подвергнемся невиданно большей опасности, чем встречаем сегодня»{534}. Так сводились воедино задачи помощи союзникам, включая СССР, и соображения национального выживания, которые в наибольшей степени могли убедить не только законодателей, но и всё американское общество в необходимости фактического вступления в войну против агрессивного блока.

В июле—августе в Великобритании и США побывала советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. Тот до недавнего времени являлся начальником Разведывательного управления Генштаба Красной армии и в этом качестве докладывал Сталину о фактах подготовки Германии к нападению на СССР. Несмотря на это (или благодаря этому) советский лидер сохранил доверие к Голикову и назначил руководителем миссии именно его, никогда ранее не бывавшего за границей и не говорившего на иностранных языках. Перед Голиковым была поставлена задача решить вопрос о начале поставок вооружения и стратегических материалов в СССР.

Английская часть миссии оказалась неудачной. По всей видимости, опытные британские чиновники быстро поняли, что имеют дело со второстепенной, к тому же малокомпетентной в военно-дипломатических вопросах фигурой. Американский же этап миссии имел двойственный результат. С одной стороны, обсуждение вопросов военно-экономической помощи СССР было вынесено на самый высокий уровень — Голиков был принят Рузвельтом. С другой — обнаружились те же тенденции, что и в Англии, включая, по мнению Голикова, нежелание американских чиновников действовать быстро. Генерал совершенно не понял, с кем имеет дело. Г. Гопкинса, горячо ратовавшего за оказание помощи СССР, он обозвал в своих записях «распоясавшимся фарисеем, предельно зазнавшимся прихвостнем большого человека (Рузвельта. — *Г. Ч.*), возомнившим себя не глупее и не меньше своего патрона»{535}.

В конце августа генерал попросил отозвать его в Москву за ненадобностью пребывания на территории Соединенных Штатов, что и было сделано в начале сентября. К тому времени всё же удалось договориться об отправке в СССР некоторых видов вооружения, о проведении в Москве совещания по вопросу о поставках с участием представителей США и Великобритании. И главное — приезд советской военной миссии послужил для Рузвельта новым стимулом к включению СССР в число стран, получавших помощь по ленд-лизу. На заседании военного кабинета министров он напомнил, что на территории Советского Союза война идет уже шесть недель, но пока туда не отправлены никакие товары. Президент попросил управление по чрезвычайным ситуациям ускорить работу: «Действуйте, как колючка, которая заставляет двигаться»{536}.

И всё же прежде чем перейти к решению вопросов о конкретных формах и размерах помощи и об ответных обязательствах СССР, Рузвельту было необходимо, чтобы кто-то посмотрел на ситуацию на месте, причем посмотрел так, как это сделал бы он сам. По его мнению, на это был способен только Гарри Гопкинс. 11 июля Рузвельт несколько часов провел в беседе со своим первым помощником, а на следующий день стало известно, что тот летит в Лондон (о Москве пока не сообщалось). Уже находясь в Лондоне, Гопкинс получил сообщение, что правительство СССР готово его принять.

Тяжелобольной человек, которому врачи вновь и вновь предрекали всего несколько месяцев жизни, Гопкинс отправился в новое нелегкое путешествие. Он вез личное письмо Рузвельта Сталину: «Мистер Гопкинс находится в Москве по моей просьбе для бесед с Вами лично и с теми из официальных лиц, которых Вы назначите для решения жизненно важного вопроса о том, как мы можем наиболее целесообразным и эффективным образом предоставить Вашей стране помощь Соединенных Штатов»{537}. Совершив двадцатичасовой полет в Архангельск на борту английского разведывательного самолета, отнюдь не отличавшегося комфортом, а затем пробыв еще четыре часа в воздухе на пути в Москву, личный представитель президента США приступил к анализу ситуации в СССР.

Сталин, со свойственной ему способностью производить самое благоприятное впечатление на собеседника, встретившись с американским посланцем 30 и 31 июля, буквально очаровал его. Вдумчивый американец проявил наивность, отбросив в сторону как лишний умственный и нравственный груз всё то, с чем была связана оценка Сталина в западном мире в недавние годы — кровавую коллективизацию, террор 1936—1938 годов, участие в

разделе Восточной Европы. Советский лидер показался Гопкинсу человеком умным, вежливым и склонным к откровенному разговору: «Он ни разу не повторился. Он говорит так, как стреляют его войска, — прямо и тяжело»{538}. На основании впечатлений от бесед с советским руководством, разговоров с военными, а также краткой поездки на фронт у представителя президента сложилось убеждение, что ни Москва, ни Ленинград не будут сданы немцам, хотя он и сознавал, что это будет стоить СССР огромных людских и материальных потерь{539}. Естественно, все соображения Гопкинса были переданы Рузвельту, который ему полностью доверял, и сыграли немалую роль в изменении его отношения к Сталину.

Миссия Гопкинса играла значительную роль в принятии Рузвельтом решения об оказании поддержки СССР, распространении на него помощи по ленд-лизу. Но вначале, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение, попытаться вовлечь в кампанию помощи население США, президент предпринял показной маневр — выступил с инициативой сбора металлолома и прежде всего алюминия для изготовления партии самолетов, которую он намерен отправить на Восточный фронт.

Можно, конечно, считать выкладывание на лужайках Гайд-Парка алюминиевых сковородок, кофейников и прочей хозяйственной дребедени, из которой семья Рузвельт собиралась строить самолеты, примитивной рекламной кампанией.

Да и в целом проведенный по всей стране сбор алюминия мог, наверное, удовлетворить микроскопическую часть потребности в нем. Никто не подсчитывал, хватило бы этих кастрюль и чайников для постройки хотя бы одного самолета. Важно было другое — американские обыватели начинали видеть в СССР союзника по борьбе.

Двадцатого июля Рузвельт принял в Белом доме Константина Александровича Уманского, работавшего в советском полпредстве в США с 1936 года, в 1939-м ставшего его руководителем, а в мае 1941-го, в связи с реорганизацией всех дипломатических служб СССР по западному образцу, чрезвычайным и полномочным послом. Президент высказал надежду, что советский фронт устоит: «Если русские смогут сдержать немцев до 1 октября 1941 года, это будет большой вклад в разгром Германии, ибо после этого никакие эффективные военные действия немцы в России проводить не смогут, и в дальнейшем этот фронт сможет сковать множество германских войск и техники, а это обеспечит конечную победу над Гитлером»{540}. При всей сдержанности и неопределенности этого

высказывания оно свидетельствовало о готовности оказать помощь. В октябре 1941 года закон о ленд-лизе был распространен на СССР.

* * *

Но наиболее важным президент и его окружение считали укрепление союзнических отношений с Великобританией.

В августе 1941 года Рузвельт предпринял путешествие к берегам острова Ньюфаундленд. Оно было окружено такой тайной, что даже доверенная секретарша Рузвельта Грейс Тулли, посвященная во все правительственные секреты, не имела представления о том, куда и зачем он направляется. Лишь в последний момент о вояже уведомили военачальников. Рузвельт пожелал, чтобы его сопровождали сыновья Эллиот и Франклин-младший, которых отозвали из их частей якобы по вызову адмирала Кинга и других высших чинов, и они недоумевали, какая выволочка или, в лучшем случае, поручение их ожидает.

Эллиот вспоминал: «Я мог только предположить, что какое-то высокое начальство желает посовещаться относительно баз, съемкой которых я занимался… По радио мы получили указание, к какому причалу пришвартоваться и сколько времени ждать, пока за нами пришлют катер. Тем временем мы строили догадки насчет того, по какому случаю эта флотилия крейсеров и эсминцев стоит здесь на якоре»[{541}].

Несколькими днями ранее, 3 августа, яхта «Потомак» под президентским флагом покинула порт Нью-Лондон в штате Коннектикут. Создавалось впечатление, что речь идет о кратком отдыхе. Действительно, президент и его спутники (в их числе были норвежская принцесса Марта и шведский принц Карл) развлекались, ловили рыбу. Одна из телеграмм, переданных на берег, информировала, что президент недоволен уловом: рыба несъедобна, в ней много червей. Журналисты интересовались, какие места посетит президентская яхта, но получали неопределенные ответы, что, поскольку речь идет об отдыхе, планы меняются ежедневно[{542}].

Рузвельт вроде бы сам стоял у руля, когда через два дня яхта проплывала по каналу на мысе Код на северо-востоке США, где, как считало его окружение, его могли наблюдать отдыхавшие в окрестностях богатые американцы.

Но на самом деле они видели не президента, а его восковую фигуру. Сам Рузвельт накануне вечером был тайно перемещен на тяжелый крейсер «Огаста», который направился на север, к берегу

Ньюфаундленда. Здесь в бухте Ардженшия 9 августа попеременно на «Огасте» и британском линкоре «Принц Уэльский» происходила его первая встреча с Черчиллем в качестве высших государственных деятелей двух стран, одна из которых уже вела войну против нацистского агрессора, а вторая готовилась к вступлению в нее. Рузвельт хорошо помнил свое давнее посещение сэра Уинстона в бытность того первым лордом Адмиралтейства — военно-морским министром. Тогда американский заместитель министра не был для него значительной фигурой; теперь же, на встрече, получившей кодовое наименование «Ривьера», они общались не просто на равных, а с явным преимуществом американца.

Британский премьер предполагал широко оповестить мир об этом мероприятии еще до его проведения, о чем госсекретарь Халл сообщил Рузвельту. Президент счел это нецелесообразным, выразив опасение по поводу германских атак по пути и на месте, с которым британская сторона в конце концов согласилась{543}.

Почти сразу главы США и Великобритании стали в неофициальной обстановке называть друг друга по именам. Позже Рузвельт и во время публичных встреч обращался к «Уинстону», но Черчилль щепетильно соблюдал формальности, называя Рузвельта только «мистер президент». На американского президента произвели глубокое впечатление не только государственные качества британского лидера, о которых он хорошо знал и ранее, но и его внешний вид: толстая сигара во рту, экстравагантная шляпа, галстук-бабочка в горошек.

Задача Рузвельта состояла в том, чтобы при самом уважительном и дружелюбном общении с британским премьером всё же заставить его понять фактическую зависимость судьбы Великобритании от поведения США. Эллиоту Рузвельту запомнились слова Черчилля: «Господин президент, мне кажется, что вы пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время. Но несмотря на это, вы знаете, что мы это знаем. Вы знаете, что без Америки нашей империи не устоять»{544}.

В главном их цели оказались общими. Правда, попытка Рузвельта поставить вопрос о послевоенном устройстве, уничтожении торговых барьеров, равных возможностях в мировой экономике была отвергнута его собеседником путем перехода к обсуждению других проблем. Черчилль отнюдь не желал присутствовать, как он не раз высказывался, на похоронах империи. А именно это — торговое вторжение в доминионы и колонии Великобритании, пока еще прикрытые «имперскими преференциями», — и означали американские предложения. По

совету помощников Рузвельт прекратил словесные эскапады в этом направлении, и встреча в Ардженшии в целом завершилась успешно. Правда, президент так и не внял призывам своего британского коллеги к немедленному вступлению США в войну.

Утром 11 августа на «Огасте» в адмиральской каюте, которая служила Рузвельту одновременно кабинетом и столовой, состоялись заключительные дебаты о целях войны. Возник спор по вопросу о создании международной организации по поддержанию мира и сотрудничества. Черчилль выдвинул и горячо отстаивал необходимость основать такую организацию; Рузвельт же отнесся к этой идее скептически, памятуя о крайне негативной реакции, которую вызвало в США образование Лиги Наций, а также о том, что она оказалась неспособной остановить агрессию и сохранить мир. Нужно быть реалистами в политике, заявил он, и прежде чем создавать такую организацию, необходимо англо-американскими силами обеспечить международную безопасность, выиграв войну. Стороны договорились в заключительном документе не заострять внимание на этом вопросе.

Было согласовано сообщение для прессы: «Президент Соединенных Штатов и премьер-министр м[исте]р Черчилль, представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, встретились в море… Были подвергнуты дальнейшему обсуждению все проблемы снабжения средствами ведения войны, предусмотренными актом о ленд-лизе, в отношении вооруженных сил как Соединенных Штатов, так и тех стран, которые активно сопротивляются агрессии… На конференции также были рассмотрены проблемы снабжения Советского Союза»{545}. Вопрос о поставках в СССР выходил на первый план, в частности в связи с тем, что как раз в это время стали поступать сообщения агентов разведывательных служб из Берлина: Гитлер вынужден изменить свой план, предусматривавший завершение оккупации европейской части СССР к 30 сентября, из-за «неожиданно упорного советского сопротивления»{546}. О главном документе конференции в коммюнике не упоминалось, так как его текст был окончательно согласован в самый последний момент — Рузвельту пришлось преодолеть сопротивление Черчилля тем положениям, которые он считал направленными на разрушение Британской империи.

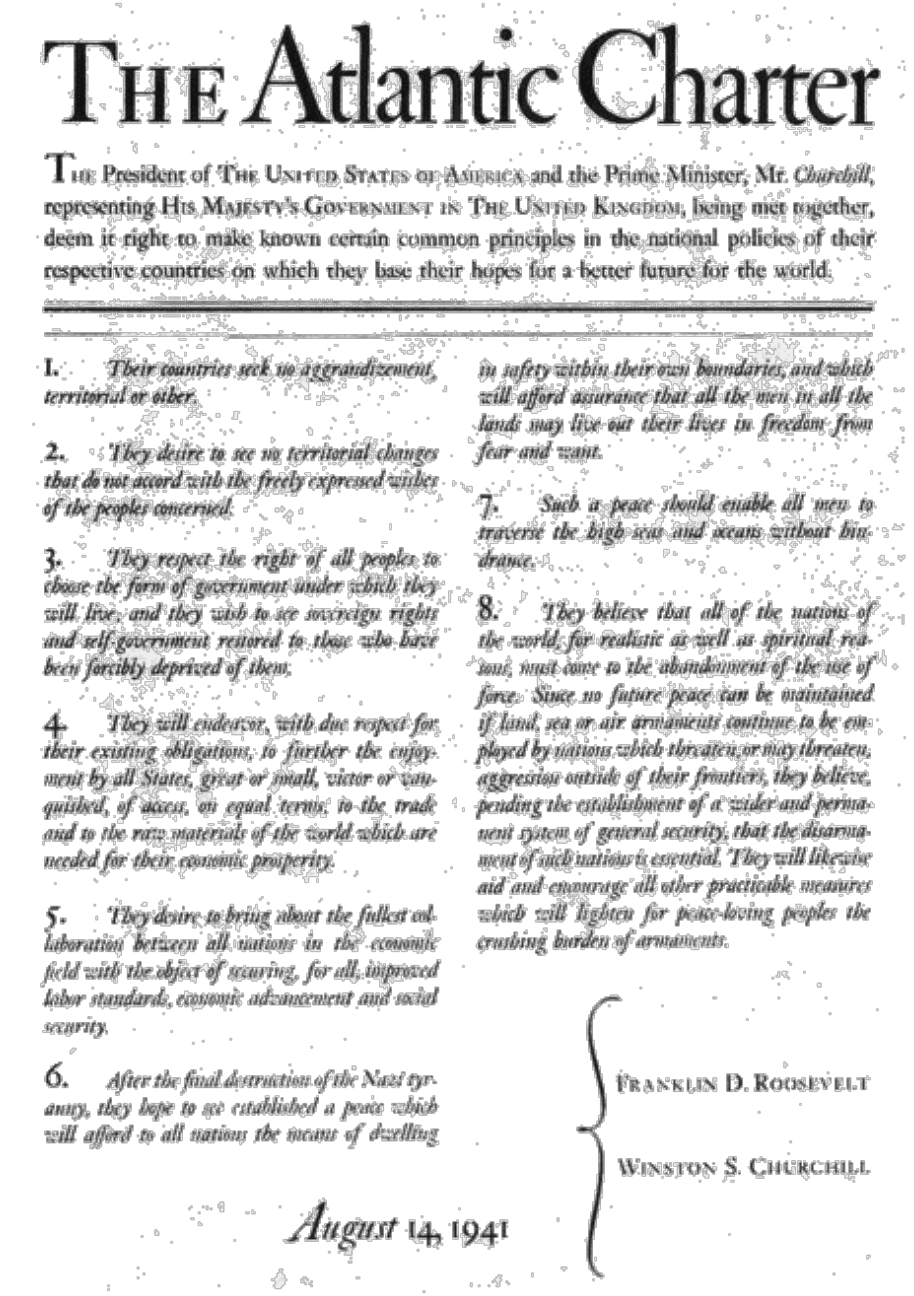
Когда 12 августа «Огаста» покинула акваторию Ньюфаундленда, на «Принца Уэльского» была направлена прощальная радиограмма: «Удачи всем вам от президента». Рузвельт чувствовал себя вполне удовлетворенным. При всем различии их с Черчиллем характеров они были политическими и

военными соратниками. Каждый ознакомился с проблемами и трудностями другой страны. Черчилль, в частности, теперь лучше представлял себе силу американского изоляционизма, с которым вынужден был считаться Рузвельт, а тот — силу имперских традиций Великобритании.

Драматург Роберт Шервуд, в годы войны возглавлявший зарубежную службу Управления военной информации и допущенный в Белый дом, констатировал: «Стало своего рода священной традицией, что при встречах американского и английского государственных деятелей первый должен быть простым, откровенным, практичным и даже абсолютно бесхитростным, а второй — являться хитрым, ловким, уклончивым и в конце концов восторжествовать. В отношении Рузвельта и Черчилля эта формула несколько перепуталась… Премьер-министр быстро понял, что в лице президента он имеет дело с чрезвычайно тонким и скрытным человеком, умевшим искусно уклоняться, человеком, которого нельзя поймать на определенных формулировках и нельзя уговорить или подтолкнуть на определенные обещания, противоречащие его суждению, воле или инстинкту»{547}.

На обратном пути Рузвельт сделал остановку в штате Мэн, навестив своего старого школьного учителя Эндикотта Пибо-ди. Вспомнили Гротон, Франклин слегка расслабился. Он пересел с крейсера на яхту «Потомак», в строжайшем секрете поданную к борту могучего корабля, еще день побыл в океане, а затем из Портленда поездом выехал в Вашингтон.

Четырнадцатого августа, еще до прибытия Рузвельта в столицу, на весь мир прозвучала Атлантическая хартия — торжественная декларация, согласованная и подписанная президентом и премьер-министром. Несмотря на то, что каждый из них повторял, что не собирается заниматься вопросами послевоенного мира, в ней провозглашались устои послевоенного устройства мира, свободного от тоталитаризма.



THE Atlantic Charter

THE President of THE UNITED STATES OF AMERICA and the Prime Minister, Mr. *Churchill*, representing HIS MAJESTY'S GOVERNMENT IN THE UNITED KINGDOM, being met together, deem it right to make known certain common principles in the national policies of their respective countries on which they base their hopes for a better future for the world.

1. *Their countries seek no aggrandizement, territorial or other.*

2. *They desire to see no territorial changes that do not accord with the freely expressed wishes of the peoples concerned.*

3. *They respect the right of all peoples to choose the form of government under which they will live; and they wish to see sovereign rights and self government restored to those who have been forcibly deprived of them.*

4. *They will endeavor, with due respect for their existing obligations, to further the enjoyment by all States, great or small, victor or vanquished, of access, on equal terms, to the trade and to the raw materials of the world which are needed for their economic prosperity.*

5. *They desire to bring about the fullest collaboration between all nations in the economic field with the object of securing, for all, improved labor standards, economic advancement and social security.*

6. *After the final destruction of the Nazi tyranny, they hope to see established a peace which will afford to all nations the means of dwelling in safety within their own boundaries, and which will afford assurance that all the men in all the lands may live out their lives in freedom from fear and want.*

7. *Such a peace should enable all men to traverse the high seas and oceans without hindrance.*

8. *They believe that all of the nations of the world, for realistic as well as spiritual reasons, must come to the abandonment of the use of force. Since no future peace can be maintained if land, sea or air armaments continue to be employed by nations which threaten or may threaten, aggression outside of their frontiers, they believe, pending the establishment of a wider and permanent system of general security, that the disarmament of such nations is essential. They will likewise aid and encourage all other practicable measures which will lighten for peace-loving peoples the crushing burden of armaments.*

FRANKLIN D. ROOSEVELT

WINSTON S. CHURCHILL

August 14, 1941

«Атлантическая хартия». 14 августа 1941 г.

Основными положениями хартии были: отсутствие

территориальных претензий США и Великобритании к каким-либо странам; разрешение территориальных споров между государствами только мирным путем; право народов на самоопределение; ослабление таможенных и иных барьеров в мировой торговле; всеобщее экономическое сотрудничество с целью повышения благосостояния народов; свобода от нужды и страха; свобода морского судоходства; разоружение государств-агрессоров и всеобщее разоружение после войны.

Главной задачей двух стран, согласно документу, являлся военный разгром стран-агрессоров. Еще одно положение, которого Соединенные Штаты жаждали на протяжении многих лет, было сформулировано так: «Они (США и Великобритания. — *Г. Ч.),* соблюдая должным образом свои существующие обязательства, будут стремиться обеспечить такую ситуацию, при которой все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран»{548}. Таким образом, Рузвельт получил те гарантии, которых так упорно, но бесплодно добивался президент Вильсон еще после Первой мировой войны.

На «Потомаке» состоялась первая после встречи с Черчиллем пресс-конференция, на которой Рузвельт всячески пытался снизить накал страстей вокруг торжественного документа. На вопрос, как конкретно он собирается осуществлять цели, провозглашенные в Атлантической хартии, президент ответил: «Это обмен мнениями, вот и всё. Ничего больше». — «Стали ли мы ближе к войне?» — «Я сказал бы нет». Въедливый журналист продолжал настаивать: «Так прямо и надо вас цитировать?» Ответ прозвучал издевательской отповедью: «Нет, лучше процитируйте косвенно»{549}.

Послам США и Великобритании в Москве было поручено передать сообщение о встрече Рузвельта и Черчилля и текст Атлантической хартии Сталину вместе с предложением об организации тройственной встречи. 15 августа посол Стейнгард писал Рузвельту: «После того как Сталин прочитал сообщение в переводе, он немедленно попросил Криппса (британского посла. — *Г. Ч.)* и меня передать от имени народов Советского Союза и советского правительства его глубокую благодарность за готовность президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля оказать помощь Советскому Союзу в его войне против гитлеризма и указал, что он готов облегчить встречу американских, британских и советских представителей, как было указано в сообщении»{550}.

Двадцать четвертого сентября СССР объявил о

присоединении к Атлантической хартии. В этот же день с аналогичными заявлениями выступили эмигрантские правительства Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии, а также организация «Свободная Франция», созданная в Лондоне французским генералом Шарлем де Голлем.

* * *

Вступление Второй мировой войны в новую фазу существенно приближало неизбежное прямое вовлечение в нее Соединенных Штатов. В предвидении этого Рузвельт становился всё более решительным в тех внутренних вопросах, которые на протяжении десятилетий, если не столетий, вносили раскол в американское общество. Главным среди них был вопрос о расовой дискриминации и правах чернокожего населения.

Большинство американских негров желали продемонстрировать свой патриотизм, несмотря на все несправедливости и беды, которые причинили им белые. Это стремление дополнялось материальными интересами.

Первое крупное столкновение незадолго до вступления США в мировую войну произошло по вопросу о дискриминации негров при приеме на работу на предприятия военной промышленности, которая росла гигантскими темпами, требовала массы новых рабочих рук и давала вполне приличные заработки.

Негритянские организации потребовали от Рузвельта решительных мер против расовой дискриминации в федеральных учреждениях и на предприятиях, выполняющих правительственные заказы. Президент отвечал неопределенными обещаниями. Весной 1941 года энергичный председатель Братства проводников спальных вагонов Филип Рэндолф и другие негритянские деятели призвали к проведению 1 июля марша на Вашингтон с целью вынудить президента предпринять конкретные шаги.

Рузвельт тревожно следил за приготовлениями к маршу, который угрожал разрушить представление о национальном единстве. Он встречался как с лидерами негритянского движения, так и с боссами военной промышленности: первым он рисовал страшные картины хаоса, который произойдет, если вслед за чернокожими в поход на столицу отправятся ирландцы и евреи; вторых призывал отказаться от «неконструктивного подхода», то есть дискриминационных мер.

После долгих уговоров Ф. Рэндолф согласился отменить

марш при условии, что президент издаст исполнительное распоряжение в духе требований участников шествия{551}. Такое распоряжение, запрещавшее дискриминацию в оборонной промышленности и государственных органах по расовым, религиозным или национальным причинам, появилось в самый последний момент — 25 июня. При Управлении промышленного производства создавался комитет по справедливому найму на работу. На время расовый конфликт был отодвинут в сторону. Поход на Вашингтон с непредсказуемыми последствиями был отменен.

Это был первый после Реконструкции 1870-х годов официальный документ, направленный на уравнивание статуса белого и черного населения. Он знаменовал собой очень медленное, но неуклонное расширение прав негров, которое лишь почти через полвека завершилось окончательной ликвидацией в США дискриминации чернокожих, а теперь порой приводит даже к проявлению признаков «обратной дискриминации» — предоставлению при прочих равных условиях преимуществ черному населению.

Из-за государственных забот, особенно в связи с войной, всё больше отступали на задний план личные дела, хотя Рузвельт постоянно заботился о поддержании себя в необходимой рабочей форме. Но и ежедневные продолжительные сеансы массажа, которые проводил доктор Росс Макинтайр, рассматривались как своеобразное выполнение служебной функции, то есть забота об общем благе.

Рузвельт позволил себе стать обыкновенным человеком, лишь когда у него в семье произошла первая большая беда. Его мать, которая до этого времени, несмотря на преклонный возраст, держалась очень бодро, стала быстро сдавать. У Франклина было двойственное отношение к Саре: он почитал ее, относился к ней заботливо и нежно, но в то же время с годами его всё больше раздражали продолжавшаяся и даже порой усиливавшаяся материнская опека, непрошеные советы. Всё это, однако, было забыто, когда ему сообщили, что состояние Сары близко к критическому. 6 сентября Франклин приехал в Гайд-Парк. Мать находилась в постели, но при виде сына приободрилась и посетовала, что не встретила его на пороге дома, побоявшись, что не сможет потом подняться на четыре ступени крыльца. Франклин сидел у ее кровати. Шла задушевная беседа о прошлом, о родных, о жизненных перипетиях. Казалось, что опасения врачей напрасны. Но вечером ей стало хуже, а на следующий день Сара Делано Рузвельт скончалась, не дожив двух недель до своего 87-летия. Она была похоронена здесь же, в Спрингвуде. Впервые

за много лет родные увидели на щеках Франклина следы слез.

Траурная церемония состоялась также в небольшом сквере манхэттенского Ист-Сайда, еще в 1934 году названном именем Сары Рузвельт.

Три дня пробыл Рузвельт в Гайд-Парке, в основном в одиночестве, но, возвратившись в Вашингтон, стал прежним улыбчивым и одновременно жестким и требовательным президентом. Личные горести и заботы вновь отошли на задний план.

Новая «беседа у камина» прозвучала в эфире 11 сентября 1941 года в связи с нападением германской подводной лодки на американский эскадренный миноносец «Гриер», произошедшим неделей раньше. Нацисты не должны овладеть морями, ибо это был бы путь к установлению господства над всем Западным полушарием — такова была ее основная идея. Речь звучала решительно: «Давайте не будем мелочными. Не будем задаваться вопросом, когда странам Америки нужно начинать оборонять себя — после первого нападения или после пятого, десятого или двадцатого. Время для активной обороны пришло»{552}.

Рузвельт понимал, что важным залогом успешного ведения войны является укрепление внутренней безопасности, недопущение вражеских вылазок. Это был весьма скользкий вопрос, ибо органы, которые занимаются обеспечением безопасности, всегда считают ее недостаточной, стремятся расширить свои функции, не гнушаясь средствами, граничащими с преступлениями или даже откровенно преступными.

Тем не менее Рузвельт полагал, что подрывные акции в военное время могут представлять опасность для страны. В сентябре 1941 года он своим исполнительным (то есть, напомним, не подлежащим утверждению конгрессом и потому конфиденциальным) распоряжением поручил ФБР установить наблюдение за его политическими противниками, включая перлюстрацию писем и прослушивание телефонных разговоров. Более того, в обязанности Гувера был включен даже сбор информации о тех конгрессменах, которые выражали недовольство внешней политикой президента.

Это были меры целесообразные, дававшие Рузвельту более широкую информацию по внутриполитическим вопросам, но явно выходившие за пределы конституционных свобод и допустимые только в чрезвычайных условиях. Трудно сказать, как поступил бы он с ними после войны. Однако его преемники, начиная с Гарри Трумэна, сохранили «особые полномочия» ФБР и в мирное время, мотивируя это условиями холодной войны.

Приблизительно в это же время в США начала создаваться и

внешняя разведка, ранее не существовавшая в качестве самостоятельной государственной организации — вот до чего доводил господствовавший в стране изоляционизм! Правда, разведкой занималось дипломатическое ведомство. Посольству в Германии, например, удалось раздобыть через месяц после произнесения знаменитую речь Гитлера на совещании 5 ноября 1937 года, в которой была изложена программа территориальных захватов. Текст оказался на столе Рузвельта. Разведкой на территории Германии руководил С. Вуд, занимавший должность торгового атташе{553}.

Теперь же во главе формировавшейся разведывательной службы президент поставил Уильяма Донована, который с конца 1930-х годов в качестве посла для особых поручений выполнял миссии, по существу носившие разведывательный характер. «Он разъезжал как частное лицо, но президент Рузвельт заранее знал о его выездах», — говорится в его биографии{554}.

Уильям Донован (1883—1959), нью-йоркский адвокат, то есть человек вполне мирной профессии, прославился в годы Первой мировой войны тем, что, возглавив батальон 69-го пехотного полка «Сражающиеся ирландцы», проявил личную храбрость в военных действиях во Франции и не покинул театр военных действий, несмотря на три ранения. За отвагу он получил ряд боевых наград. В 1919 году Донован служил офицером связи в штабе Верховного правителя России адмирала Колчака в Омске, а в 1920—1930-х годах, возвратившись к мирной жизни, работал прокурором и адвокатом, участвовал в политике.

Внимание Рузвельта Донован привлек своей неуемной любознательностью, желанием побывать в самых отдаленных уголках планеты и аналитическим умом. В июле 1940 года президент отправил его с особо деликатной миссией в Великобританию, причем ему было поручено прежде всего проверить правдивость сведений американского посла Джозефа Кеннеди о том, что боеспособность англичан низка и их страна, видимо, скоро сдастся на милость победителя. Возвратившись, Донован доложил о том, что англичане при помощи американцев способны сдержать натиск германских сил, а также о своем знакомстве с руководителями британской разведки, которые предложили американцам сотрудничество. Можно полагать, что информация Донована положила конец колебаниям в отношении посла в Великобритании, позиция которого всё более приходила в противоречие с курсом Рузвельта. В конце года Джозефа Кеннеди вынудили уйти в отставку, хотя Рузвельт выразил по этому поводу явно лицемерное сожаление{555}.

В конце 1940 года, опять-таки по поручению Рузвельта,

Донован совершил еще одну, частью открытую, частью секретную поездку по местам противостояния воюющих держав: побывал во всех странах Балканского полуострова, Турции, Испании, Португалии, Египте. Он смог произвести благоприятное впечатление на столь придирчивого политика, как Черчилль, который писал Рузвельту, что его посланец «всюду, где бы ни появлялся, вносил живую свежую струю»{556}.

Десятого июня 1941 года по совету военно-морского министра Нокса Донован представил Рузвельту докладную записку, в которой выдвинул идею создания новой разведывательной службы. По его словам, во главе ее должен стоять «координатор стратегической информации», назначенный президентом, «подотчетный ему и никому больше». Финансирование предусматривалось из особого фонда, которым «будет вправе распоряжаться исключительно президент».

После определенных колебаний, связанных с тем, что против создания отдельной разведывательной службы выступили и Гувер, и руководители сухопутной армии, Рузвельт в конце концов принял решение — 11 июля 1941 года назначил Донована начальником образуемой службы внешней разведки, координатором по информации. В июне 1942 года ведомство Донована стало именоваться Управлением стратегических служб — УСС[33]. К концу войны ведомство Донована стало мощной организацией со штатом около 12 тысяч человек и примерно 22 тысячами агентов и шпионов. В штат входили разнообразные специалисты: ученые — технари и гуманитарии, инженеры, экономисты, психологи и т. д.{557} Рузвельту направлялись регулярные отчеты УСС, а также меморандумы по отдельным вопросам ведения войны{558}.

В 1944 году ведомство Донована смогло купить у финнов захваченную ими на фронте книгу советских кодов. Хотя она частично обгорела, в ней содержались необходимые данные для расшифровки тайных сообщений, которые могли привести к раскрытию советской тайной агентуры в США. Однако Рузвельт счел, что читать тайную переписку союзника «не по-джентльменски», и Донована было дано распоряжение передать книгу посольству СССР Руководитель разведывательной службы протестовал, но безуспешно. Начальника управления внешней разведки Наркомата госбезопасности генерала П. М. Фитина известили, что советской стороне будут переданы приблизительно 1500 листов трофейных материалов. 15 февраля 1945 года их вручили советскому послу в Вашингтоне А. А. Громыко. В результате несколько важных советских агентов остались нераскрытыми{559}. Правда, уже после смерти Рузвельта,

в мае 1945 года в Германии была захвачена еще одна — опять финская — книга советских кодов, которая на этот раз стала важным инструментом в руках американской контрразведки{560}.

* * *

Американского президента продолжали волновать проблемы Восточного фронта, который, как он постепенно убеждался, в ближайшее время не рухнет. Правда, высшие руководители вооруженных сил США в первые дни и даже недели после германского нападения на СССР были настроены значительно более пессимистично. Военный министр Стимсон рекомендовал Рузвельту исходить из предположения, что немцы будут основательно заняты войной против Советского Союза «минимум один и максимум три месяца». Таких же взглядов придерживался морской министр Нокс, считавший, что «Германии потребуется для разгрома России от шести недель до двух месяцев»{561}.

Но постепенно Рузвельт приходил к выводу, что, несмотря на огромные потери, которые несла Красная армия, гитлеровский план молниеносной войны начал срываться уже летом 1941 года. Хотя немцы продвигались вперед сравнительно быстрыми темпами, они встречали сопротивление, а на смену разгромленным советским дивизиям приходили пополнения, которые шли фактически на убой, но всё же сдерживали продвижение гитлеровских войск.

Рузвельт понимал, что от слов следует переходить к делу — к крупномасштабной помощи СССР Он говорил Стимсону, что она имеет «первостепенное значение для безопасности Америки», а вслед за этим довольно цинично признавал наличие у СССР «достаточных человеческих ресурсов, расположенных в благоприятной близости к центру немецкой военной машины», то есть считал распространение на Советский Союз обширной программы ленд-лиза своего рода предварительной оплатой тех потерь, которые он нес в борьбе против врага.

Восемнадцатого сентября президент писал военному министру: «Важно, чтобы мы уже в понедельник знали количество самолетов всех типов, которые могут быть экспортированы из Соединенных Штатов (в СССР. — *Г. Ч.)* каждый месяц, начиная с 1 октября по 1 июля 1942 года. Я хочу иметь эти цифры, невзирая на источники и фонды». Рузвельт требовал, чтобы в СССР направлялась половина всех производимых в США четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков{562}.

Проконсультировавшись с Черчиллем, Рузвельт счел

необходимым провести, наконец, трехстороннюю конференцию. В Москву были посланы, прежде всего для получения достоверной информации о способности СССР продолжать вооруженную борьбу, доверенные лица президента и премьер-министра А. Гарриман (в 1943 году он станет послом в СССР) и лорд М. Бивербрук (министр военного снабжения Великобритании). Вначале ехать опять собирался Гопкинс, но состояние его здоровья было таково, что новая тяжелейшая поездка могла привести к роковому результату, и по его рекомендации в Москву отправился Аверелл Гарриман — крупный промышленник и до недавнего времени председатель совещательного комитета предпринимателей при министерстве торговли.

Вдень приезда Гарриман передал Сталину письмо Рузвельта: «Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный. Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь»{563}.

Англичане и американцы побывали на московских заводах, в военном госпитале, в Центральном аэрогидродинамическом институте. На трехсторонней конференции, состоявшейся 29 сентября — 1 октября, обсуждались проблемы практического сотрудничества трех государств. По всем вопросам была достигнута договоренность, и 1 октября подписано соглашение, которое предусматривало ежемесячные поставки с этой даты по 30 июня 1942 года четырехсот самолетов, пятисот танков, а также ряда других видов военной техники и материалов. Первый руководитель американской миссии в Москве по поставкам полковник Феймонвилл отмечал, что «получил от президента указания о том, что наша помощь России не должна быть поставлена в зависимость от каких бы то ни было условий и не должна использоваться как средство для получения информации о русских и от русских»{564}.

Тридцатого октября Рузвельт написал Сталину, что конгресс утвердил расходы по ленд-лизу, в которых доля СССР составит миллиард долларов, а оплата поставок может начаться через пять лет после окончания войны. Президент сообщал, что одобрил все списки военного снаряжения и вооружения, согласованные в Москве, и отдал распоряжение начать поставки немедленно и производить их в возможно большем объеме, а также информировал, что Соединенные Штаты готовы не взыскивать

проценты по задолженности, которая может возникнуть у СССР, а взимать платежи по этой задолженности в течение десяти лет после истечения пятилетнего периода отсрочки. «Президент надеется, — говорилось в послании, — что Советское Правительство приложит особые усилия, чтобы продать Соединенным Штатам те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет зачисляться на счет Правительства Советского Союза»{565}.

Седьмого ноября Рузвельту через советское посольство было вручено ответное письмо Сталина от 4 ноября. Тот благодарил президента за «исключительно серьезную поддержку» и сообщал о готовности установить непосредственный контакт для обсуждения вопросов, представлявших взаимный интерес: «Я с удовольствием присоединяюсь к этому Вашему пожеланию и готов со своей стороны сделать всё возможное для осуществления этого»{566}.

Установившиеся личные контакты безусловно содействовали практической реализации поставок. В день получения послания Сталина президент официально объявил оборону СССР жизненно важной для безопасности США, то есть распространил на него все положения закона о ленд-лизе.

Правда, доставка грузов в СССР осуществлялась далеко не в том объеме, который был оговорен первоначально. До конца 1941 года СССР получил примерно четверть от предполагаемого. Это было связано и с неточными предварительными расчетами, и с неполным выполнением планов производства стратегических товаров американскими фирмами, и с нерасторопностью бюрократии. Однако нельзя видеть здесь сознательное стремление американской администрации и тем более Рузвельта саботировать помощь Советскому Союзу, чтобы добиться максимального его истощения. Такого рода суждения, широко пропагандировавшиеся советской историографией в годы холодной войны с целью разжигания антиамериканских настроений, бездоказательны и несправедливы. Наоборот, высшая государственная элита США во главе с президентом настоятельно стремилась максимально облегчить СССР бремя войны.

Своей важнейшей задачей Рузвельт продолжал считать оборону подступов к США на Атлантическом океане.

Желанный повод к этому дал инцидент, происшедший в начале сентября 1941 года. Американский эсминец «Гриер» шел через Северо-Западную Атлантику в Исландию, когда британский патрульный самолет предупредил, что примерно в десяти милях по его курсу находится немецкая подводная лодка. Корабль стал

преследовать субмарину, двигавшуюся в погруженном положении, и сообщать самолету координаты. Сброшенные с самолета глубинные бомбы не достигли цели, а лодка произвела торпедную атаку на эсминец. «Гриер» уклонился от торпед и в свою очередь атаковал лодку глубинными бомбами, а затем двинулся своим курсом, передав ее координаты британским эсминцам и самолетам.

Несмотря на то, что во время этого инцидента никто не пострадал, 11 сентября Рузвельт выступил по радио с упомянутым выше заявлением о том, что США меняют свою политику в тех водах, которые «рассматриваются как исключительно важные для нашей обороны». Американские военные корабли и самолеты получили приказ верховного главнокомандующего атаковать в этих зонах германские и итальянские силы, вводилось конвоирование судов дружественных стран{567}. Таким образом, США начали в Атлантике необъявленную войну.

Америка в 1941 году жила внешне так же, как в мирное время. Более того, начинавшийся промышленный бум, сопровождавшийся увеличением спроса на рабочую силу, создавал радостное возбуждение. Белый дом всячески поощрял такие настроения, поддерживая впечатление, что американским парням не угрожает отправка на кровопролитную войну. Глава государства лично открыл бейсбольный турнир 1941 года и увлеченно наблюдал, как «Янки» побеждают «Сенаторов». По случаю ежегодного праздника — верчения пасхальных яиц — он выступил с веселой речью на лужайке Белого дома. Рузвельт участвовал в церемонии избрания президента лающих собак и был в восторге, когда этой чести удостоился (это был явный подхалимаж со стороны собаководов) его любимец Фала. Об этом событии трубила вся пресса.

Пёрл-Харбор. Верховный главнокомандующий воюющей страны

Между тем постепенно становилось ясно, что близится война и на Тихом океане.

Благодаря применению специальных шифровальных машин «Энигма» японцы, как и немцы, полагали, что тайные сообщения, в том числе отправляемые их представителям в США, надежно защищены. Однако в США удалось создать дешифровочную машину «Бомба», с помощью которой, а также с учетом ошибок операторов «Энигмы», процедурных изъянов, заведомо известных текстов (например, при передаче метеосводок), захватов шифровальных книг можно было разгадывать шифры и читать сообщения, хотя это и была весьма трудоемкая и длительная работа.

Особые заслуги в этой сфере принадлежали криптологу и криптоаналитику полковнику Уильяму Фридману, организатору и первому директору американской Службы сигнальной разведки. Группа Фридмана уже в 1940 году осуществила расшифровку японского «пурпурного кода», что дало американской разведке доступ к секретной японской дипломатической корреспонденции.

Рузвельту регулярно докладывали результаты расшифровок. Перехваченные сообщения свидетельствовали, что правящие круги Японии тщательно готовят наступление в южных морях, а переговоры с США, которые затеял японский МИД, носят отвлекающий характер. Обсуждая с военным командованием ситуацию на Тихом океане, президент пришел к выводу о возможной неожиданной атаке японцев, но где именно она произойдет, никто предсказать не мог.

Рузвельт и его окружение стремились если не предотвратить, то по крайней мере максимально оттянуть нападение. США то прекращали, то возобновляли поставки нефти Японии. Посла Китисабуро Номуру несколько раз принимали в Белом доме. Послу внушали, что в случае отказа Японии от планов завоевания Индокитая Соединенные Штаты добьются его нейтрализации по образцу Швейцарии. Японец вежливо улыбался, не давая какого-либо ответа, а лишь обещая немедленно довести полученное сообщение до сведения правительства микадо.

Более того, чтобы продемонстрировать свою добрую волю, США продолжали поставлять в Японию железный лом, что вызывало непонимание не только в широких общественных кругах, но и у членов семьи президента. Эллиот Рузвельт

рассказывал, что как-то выразил отцу свое недоумение и получил его пространный ответ: «Если бы мы вдруг перестали продавать Японии железный лом, она вправе была бы считать, что мы совершили недружественный акт, используя орудие торговли, чтобы душить ее, морить ее голодом. И это еще не всё. Она вправе была бы рассматривать такой шаг с нашей стороны как основание для разрыва дипломатических отношений.

Я пойду еще дальше. Если бы она считала нас недостаточно подготовленными к войне, недостаточно вооруженными, она могла бы воспользоваться этим даже как предлогом для объявления войны»{568}.

Однако все эти усилия оказались тщетными.

Двадцать восьмого ноября Рузвельт выехал в Уорм-Спрингс, где собирался отдохнуть примерно полторы недели. Он повидался с Мисси Лихэнд. Встреча была тягостной — недавно цветущая женщина превратилась в развалину, могла объясняться только жестами, не была в состоянии передвигаться. Скорее всего визит был лишь данью вежливости, продлился он не более четверти часа, после чего Рузвельт отправился в свои апартаменты.

В тот же день поступило крайне тревожное сообщение от Халла: премьер Японии Тодзио выступил с наглой речью, призывая ликвидировать британское и американское господство на Дальнем Востоке, а на переговорах в Вашингтоне японская делегация нарочито обостряет ситуацию. Халл предполагал, что нападение может начаться в любой момент, однако разведка ничего не могла сказать о предполагаемых местах первой атаки.

Учитывая ситуацию, 1 декабря Рузвельт возвратился в Вашингтон. Утром в воскресенье 7 декабря ему принесли очередную расшифровку японских документов. Президент сделал вывод: «Похоже, что японцы собираются разорвать отношения». Но дело обстояло иначе.

* * *

Именно в этот день Соединенные Штаты непосредственно вступили в мировую войну. Японские бомбардировщики, поднявшиеся с авианосцев, которые за две недели до того тайно покинули свои порты, двумя волнами (в первой 183, а во второй 170 самолетов) нанесли тяжелейший удар по американскому флоту, находившемуся в Пёрл-Харборе — бухте на Гавайях, главной американской военно-морской базе на Тихом океане, расположенной рядом с Гонолулу — главным городом

архипелага.

Нападение было внезапным. Никто в военном ведомстве США не предполагал, что японцы окажутся способными подготовить и осуществить его в столь отдаленном районе Тихого океана.

В послевоенный период некоторые авторы выдвинули версию, будто бы правительство США и сам президент знали о предстоявшем нападении на Гавайи, но не предприняли никаких действий, чтобы подготовиться к нему, дабы в максимальной степени оправдать вступление США в войну. Сторонники такого взгляда ссылаются на то, что в Вашингтон поступали сведения о предстоявшей атаке на Пёрл-Харбор, как правило, приводя донесение американского посла в Токио Джозефа Грю. Но последний писал лишь о слухах, которые ему пересказал посол Перу{569}. Поэтому можно утверждать, что эта версия базируется лишь на смутных и противоречивых предположениях и не подтверждена достоверными фактами{570}.

Несмотря на то, что американцы владели японскими шифрами и перехватывали военную и политическую переписку, в частности с послом Номурой и призванным помочь ему в переговорах с Госдепом спецпосланником Курусу, обработка донесений шла очень медленно и часто расшифрованные сообщения мало о чем говорили, поскольку японцы были крайне осторожны даже в секретной переписке.

Американское командование в качестве объектов первой японской атаки называло самые различные места — Таиланд, Филиппины и т. д., но никак не Гавайи. Более того, когда уже началась бомбардировка, команды американских кораблей и сухопутные силы обороны всё еще медлили, полагая, что речь идет о маневрах, о которых они по каким-то причинам не были предупреждены.

Из девяноста кораблей были затоплены или выведены из строя пять линкоров (остальные три повреждены), три эсминца, потеряно 349 самолетов. США фактически лишились почти всего своего Тихоокеанского флота. Одновременно японцы атаковали другие американские и британские базы — на островах Гуам, Мидуэй, Уэйк, Филиппинах, в Британской Малайе.

Победа японцев могла быть еще более значительной, если бы они вывели из строя авианосцы противника. Но те отсутствовали в Пёрл-Харборе: три вышли в море, четвертый ремонтировался в Калифорнии. Японцы не предприняли попытки уничтожить огромные нефтехранилища на Гавайях, содержимое которых почти равнялось всем японским запасам. Если американцы считали события в районе Пёрл-Харбора тяжким поражением, то командующий японским флотом крупнейший военно-морской

специалист адмирал Исороку Ямамото придерживался прямо противоположной точки зрения и в конечном счете оказался прав.

Но пока японская атака произвела на Рузвельта ошеломляющее впечатление. Проинформировал его военно-морской министр Нокс. Президент не поверил. Вместе с находившимся у него Г. Гопкинсом он повторял: «Это, видимо, ошибка». Высшие государственные деятели США и помыслить не могли, что японцы смогут беспрепятственно добраться до такого отдаленного уголка океана. Вскоре позвонил Черчилль. «Господин президент, что-то действительно произошло с Японией?» — спросил он. «Да, произошло. Они атаковали нас в Пёрл-Харборе. Теперь мы в одной лодке»{571}.

В первые часы после получения страшной информации президент был растерян, невероятно утомлен и почти раздавлен. Он чувствовал себя опозоренным, униженным не только как руководитель страны, оказавшийся неспособным распознать намерения врага, но и как бывший военный моряк, один из руководителей флота во время Первой мировой войны. Удар, поразивший флот, был воспринят Рузвельтом особенно болезненно. Эти чувства были тем более сильными, что он был первым главой государства после Джеймса Медисона (1751—1836), при котором страна терпела военное поражение (в прошлый раз это было во время англо-американской войны 1812—1814 годов, когда англичане даже заняли и сожгли Вашингтон).

Но президент быстро овладел собой. Элеонора вспоминала, что на лице его она могла прочитать только «смертельное спокойствие»: «Вокруг бегали возбужденные чиновники, а он, хотя имел утомленный вид, сидел за столом, безразличный к царившим вокруг эмоциям. Каждое следующее донесение выглядело еще более ужасным, чем предыдущие, но он сохранял полное спокойствие. Это стало для него обычным. Когда происходило что-то очень плохое, он становился чуть ли не айсбергом без какой-либо видимой эмоции»{572}.

Франклин Делано Рузвельт становился теперь не только номинально, но и фактически верховным главнокомандующим в условиях войны, которая угрожала мощи и престижу его страны, а возможно, и самому ее существованию. Теперь ему приходилось принимать стратегические решения, согласовывая их с главнокомандующими союзных стран — Черчиллем, Сталиным, Чан Кайши; отдавать приказы, на основании которых американские войска должны были вести боевые действия, неся неизбежные потери. Предстояло управлять страной не на основании обычных конституционных процедур, а в основном путем издания исполнительных распоряжений, за которые он нес

личную ответственность. Отныне главная тяжесть вины за поражения ложилась лично на него, а триумф победы, в которой он не сомневался, но понимал, насколько она далека, предстояло разделить со всем народом и государствами-союзниками.

В полдень 8 декабря Рузвельт выступил на срочно созванном совместном заседании обеих палат конгресса, признав, что происшедшее «будет навсегда датой позора». Звучали короткие, рубленые фразы, повторявшие одна другую, только с разными географическими названиями, каждое из которых отзывалось болью и стыдом в душах американцев: «Вчера японское правительство также предприняло нападение на Малайю. Вчера ночью японские войска атаковали Гонконг. Вчера ночью японские войска напали на Гуам. Вчера ночью японские войска атаковали Филиппинские острова. Вчера ночью японские войска произвели нападение на остров Уэйк. А этим утром японские войска атаковали остров Мидуэй».

Рузвельт сообщил, что в качестве верховного главнокомандующего он распорядился принять все возможные меры обороны. «Какое бы время нам ни потребовалось, чтобы отразить нападение мощного противника, американцы, уверенные в своей правоте, будут сражаться до полной победы», — заявил президент.

Он предложил проголосовать за декларацию об объявлении войны Японии, которая была принята единогласно{573}. Небезынтересно, что Черчилль опередил своего американского союзника: Великобритания официально вступила в войну против Японии на несколько часов раньше.

Одиннадцатого декабря войну Соединенным Штатам объявила Германия. Выступая в этот день в рейхстаге, Гитлер не мог отказать себе в удовольствии посвятить большую часть речи издевательствам над Рузвельтом — объявил, что «этот человек, поддерживаемый миллионерами и евреями», повинен во Второй мировой войне: «Сначала он побуждает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем фальшиво надевает на себя мантию христианского лицемерия и медленно, но уверенно ведет человечество к войне, не отказываясь призывать Бога в свидетели справедливости своей атаки — в обычной манере старого масона» и т. д. и т. п.{574} В этот же день германский министр иностранных дел И. Риббентроп вручил временному поверенному США в Германии ноту об объявлении войны. Фюрер невольно облегчил задачу Рузвельту, который понимал неизбежность вступления США в войну против Германии, но, учитывая изоляционистские настроения в стране, не желал брать на себя инициативу.

Вслед за этим войну США номинально объявили германские сателлиты: 12 декабря — Румыния, а 13-го — Венгрия и Болгария. К их действиям Рузвельт отнесся с высокомерным юмором — не объявил войну в ответ, а просто поручил Халлу передать их декларации для информации в комитет по иностранным делам конгресса.

Так был положен конец американскому нейтралитету. Теперь США во главе с антинацистски и антимилитаристски настроенным президентом стали воюющей страной, активным членом антигитлеровской коалиции.

В посвященной этому эпохальному событию «беседе у камина» Рузвельт говорил: «Теперь мы тоже участвуем в этой войне. Мы стали воюющей страной в полном смысле этого слова. Все наши граждане — мужчины, женщины, дети — являются участниками самой крупной кампании в американской истории. Нам с вами предстоит делить плохие и хорошие новости, поражения и победы, все превратности военного времени»{575}. А закончил он выступление выражением уверенности в победе не только в войне, но и в мире, который за ней последует. Трудно сказать, что имел в виду Рузвельт, говоря о победе в мире. Одно несомненно: американцы восприняли это заявление как выражение надежды на то, что их страна после окончания всемирной бойни станет более процветающей, благополучной и влиятельной, чем в предвоенное время.

Через несколько дней после нападения на Пёрл-Харбор Рузвельту доложили о подвиге летчика Колина Келли из бомбардировочной группы самолетов В-17, расположенной на Филиппинах. Во время боевого вылета Келли серьезно повредил бомбой один из японских кораблей (полагали, что это был крейсер «Натори» или линкор «Харуна», однако в тот день был поврежден только эсминец «Асигари»). На обратном пути бомбардировщик подвергся атаке японской эскадрильи и потерял управление. Пилоту удалось еще какие-то мгновения сохранять высоту, чтобы члены экипажа могли выброситься с парашютами, после чего самолет взорвался и храбрец погиб.

Президент посмертно наградил Келли высшей наградой за воинский подвиг — крестом «За выдающиеся заслуги», а вслед за этим написал письмо будущему президенту США 1956 года с просьбой принять сына Келли в Военную академию в Вест-Пойнте, ту самую, которою окончил его отец{576}. Так Рузвельт показал, что страна не только должна знать и чтить своих военных героев, но и заботиться об их семьях, создавать благоприятные условия для продвижения их детей. (Выполняя этот завет, президент Дуайт Эйзенхауэр в качестве верховного

главнокомандующего специальным распоряжением определил Колина Келли-младшего слушателем академии, которую тот успешно окончил в 1963 году и стал служить в вооруженных силах США{577}.)

* * *

Рузвельт, как и другие государственные деятели, опасался, что последуют новые японские нападения на Гавайи, а также на Панамский канал и западное побережье США. Тревога возросла в связи с тем, что вскоре после начала войны японская подводная лодка всплыла у тихоокеанского побережья в районе города Санта- Барбара и произвела несколько орудийных выстрелов. Правда, они не причинили вреда, но теперь и власти, и население ожидали самого худшего. Позже выяснилось, что это было случайное нападение — японские стратеги сочли нецелесообразными подобного рода атаки. Пока же ходили слухи о высадке японских десантов, о секретных радиопередачах с территории США со стратегически важными сведениями, о непонятных огнях на горизонте и т. п.

По указанию президента были приостановлены все поставки по ленд-лизу. Загруженные корабли стояли у причалов, прекратили движение товарные поезда, перевозившие материалы к портам, не отправлялись товары с заводов. Однако уже через несколько дней Рузвельт распорядился возобновить поставки в запланированном объеме, и с января 1942 года они вновь стали расти{578}.

Выступая 12 декабря в конгрессе с докладом о реализации ленд-лиза, президент заявил: «На мировую стратегию держав оси должны ответить такой же всемирной стратегией те страны и народы, которые объединяются, чтобы противостоять агрессии. Поэтому оружие из арсенала демократии следует использовать там, где оно наиболее эффективно. А это значит, что мы должны дать возможность Великобритании, России, Китаю и другим странам, в том числе и в этом полушарии, пользоваться оружием из нашего арсенала с наибольшей пользой для общего дела. Слишком многое поставлено на карту в этой величайшей из войн, чтобы позволить себе пренебречь интересами народов, на которые напал или может напасть общий враг»{579}.

Президент давал понять, что, несмотря на начало войны на Тихом океане, он считает главным врагом Германию, победу в Европе — основным фактором глобальной стратегии объединившихся наций, а действия в Атлантике —

приоритетными по сравнению с войной на Тихом океане.

Однако негодование американцев в связи с агрессией Японии почти повсеместно превратилось в антияпонскую шовинистическую истерию. Она охватила не только традиционно настроенные против черной и желтой рас крайне консервативные силы, но и либеральную интеллигенцию. 12 февраля 1942 года знаменитый публицист-либерал Уолтер Липман опубликовал во влиятельной популярной газете «Нью-Йорк уорлд», одним из редакторов которой он являлся, статью под заголовком «Пятая колонна на побережье», в которой призывал очистить территории тихоокеанского побережья США, которые могут очень скоро превратиться в зону боевых действий, от японского населения, ибо оно не имеет права заниматься «своими делами» на поле боя. Однако в основе своей эта истерия была расовой, ибо никто не требовал, например, изоляции американцев немецкого (их численность составляла около шестисот тысяч человек) или итальянского происхождения (последних с оттенком презрения называли народом уличных певцов, а не вояк).

Совершенно фантастические, если не сказать анекдотические, формы принимал этот всеобщий синдром толпы в заявлениях ответственных военных деятелей, буквально потерявших рассудок под влиянием катастрофы в Пёрл-Харборе. Так, командующий войсками на западном побережье генерал Джон Девитт 14 февраля послал Рузвельту рекомендацию об эвакуации всех японцев из штатов Калифорния, Орегон и Вашингтон на том основании, что они «готовы к действиям»: «Тот факт, что никаких актов саботажа не было до сего дня, является особенно беспокоящим и подтверждающим указания, что такая акция будет предпринята»{580}. Иначе говоря, именно потому, что пока ничего не произошло, в скором времени что-то обязательно должно произойти! Подобные требования слышались и в конгрессе. Член палаты представителей Джон Рэнкин потребовал изолировать японцев в концлагерях на два поколения, причем разместить отдельно мужчин и женщин, чтобы избежать их естественного воспроизводства{581}.

Распространялись панические слухи о высадке в Мексике японских десантов, намеренных оттуда совершать нападения на авиабазы в Техасе, о подготовке японского сухопутного вторжения то ли в Техас, то ли в Калифорнию, то ли в оба штата одновременно. О подобных настроениях Рузвельту сообщали из разных городов. По телефону об этом рассказывал ему сын Эллиот{582}.

Вместо того чтобы противостоять этому всеобщему пагубному чувству, Рузвельт поддался ему Результатом стали карательные

меры против граждан США японского происхождения — в подавляющем большинстве лояльных, ни в чем не повинных перед американским народом.

Правда, директор ФБР Гувер, обычно преувеличивавший опасности, которые угрожали внутреннему спокойствию страны, на этот раз был весьма сдержан. Он доложил президенту об отсутствии данных, свидетельствующих о возможности подрывных действий со стороны проживающих в США японцев{583}.

Тем не менее 19 февраля 1942 года Рузвельт подписал чрезвычайное исполнительное распоряжение, разрешавшее военным властям определять зоны выселения опасных лиц и перемещать их туда. Было понятно, что речь шла об американцах японского происхождения, проживавших в основном на западе страны, где, согласно предположениям, существовала вероятность высадки десантов противника. Под действие распоряжения подпадало свыше 120 тысяч человек, из них примерно десяти тысячам удалось переехать в другие районы США, а остальные были заключены в концентрационные лагеря, устроенные в глубине страны, главным образом на территориях индейских резерваций. Эти люди теряли свою собственность, оказывались в антисанитарных условиях, страдали от холода, голодали. Среди заключенных была высокая смертность. В ноябре 1943 года на востоке Калифорнии в местечке Туле Лей к произошел бунт интернированных японцев, которые, вооружившись ножами и палками, убили начальника лагеря и его помощников. Мятеж был жестоко подавлен армейскими частями.

Некоторые члены правительства, особенно Г. Икес, считали принятые меры несправедливыми. Но Рузвельт, явно обуреваемый чувством ненависти на национальной почве, и слышать не хотел об отмене репрессий, хотя должен был убедиться в их полной бессмысленности.

В 1944 году Верховный суд США дважды подтвердил конституционность интернирования, аргументировав свое решение тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость». Только 17 декабря чрезвычайное исполнительное распоряжение было отменено, а с января 1945-го японцы стали постепенно возвращаться к местам постоянного проживания, где обнаруживали, что их имущество расхищено или уничтожено. Приходилось строить жизнь заново{584}. (В 1948 году интернированным была выплачена частичная компенсация за потерю собственности, однако большинство из них так и не смогли полностью возместить убытки. Спустя еще 40 лет

президент Рональд Рейган подписал документ, в котором приносились извинения за интернирование, вызванное «расовыми предрассудками, военной истерией и ошибками политического руководства», а каждый из примерно шестидесяти тысяч доживших до этого времени пострадавших получил 20 тысяч долларов компенсации.)

Правда, через некоторое время Рузвельт стал говорить своим сотрудникам, что, возможно, не следовало идти на столь жесткие меры и что он даже жалеет о своем решении, однако это явно был тактический ход. На отмену репрессивных мер он так и не пошел до того времени, когда стала приближаться военная победа над странами агрессивного блока. Это была поистине позорная страница в его президентской деятельности.

Если о репрессиях против американцев японского происхождения Рузвельт скорее всего лицемерно, но всё же сожалел, то другой, в полном смысле слова демонстративной акции — «казни» адмирала Ямамото 18 апреля 1943 года — он не стыдился никогда, а наоборот, несколько раз вспоминал о ней с явным удовольствием.

Исороку Ямамото был главнокомандующим Объединенным флотом Японии. В свое время он окончил в США Военно-морской колледж и Гарвардский университет. Этот американский выученик был главным разработчиком операции в районе Пёрл-Харбора, руководил ею и последующими успешными операциями против США и Великобритании. Чтобы поднять боевой дух, адмирал решил лично провести инспекцию войск на Соломоновых островах. 14 апреля 1943 года американская разведка перехватила и расшифровала секретную радиограмму, содержавшую детали маршрута Ямамото, включая расписание прибытия на все объекты, а также номера и типы самолетов, на которых он будет передвигаться.

Когда Рузвельту доложили об этом, он попросил министра военно-морских сил Нокса «достать Ямамото». Разумеется, это была чисто военная операция, на которую не требовалось никаких особых санкций. Но Рузвельт решил обставить ее пропагандистской шумихой. Ей было присвоено наименование «Месть», у генерального прокурора военно-морских сил затребовано обоснование законности действий, а у церковных кругов — разъяснение их соответствия нормам морали. Вслед за этим Нокс передал пожелания президента адмиралу Честеру Нимицу, который и отдал приказ об уничтожении Ямамото. В операции участвовали 18 истребителей против шести японских истребителей и двух бомбардировщиков, в одном из которых слева от пилота сидел адмирал. Он был ранен пулеметным огнем,

а его самолет задымился и рухнул в джунгли. Его труп был обнаружен в результате прочесывания джунглей японским спасательным отрядом. Смерть Ямамото нанесла огромный удар по боевому духу японских войск. Рузвельт, который был весьма уязвлен катастрофой в Пёрл-Харборе и последующими поражениями США на Тихом океане, счел себя удовлетворенным.

* * *

После нападения на Пёрл-Харбор в США как воюющем государстве повсеместно осуществлялись меры безопасности. Хотя прямое нападение врага было крайне маловероятным, террористические акты отнюдь не исключались. Была усилена охрана Белого дома: на всех входах установлены укрепленные посты, на окружающую территорию перестали допускать туристов. Посетители, за исключением имевших постоянные пропуска членов правительства и других высших должностных лиц, подвергались тщательному досмотру. Поэтому поводу Рузвельт даже специально поинтересовался, есть ли в штате охранных постов женщины, чтобы избежать инцидентов с дамами — журналистками, гостьями и т. п.

В соседнем здании министерства финансов было оборудовано обширное бомбоубежище, связанное с Белым домом подземным ходом. Президент шутил, что он спустится туда только в том случае, если министр финансов Моргентау согласится сыграть с ним в покер на весь золотой запас США. В другой раз, продолжая острить, Рузвельт нарисовал жуткую картину: немецкая бомба падает на Белый дом, он сам вместе с вице-президентом, спикером палаты представителей и всеми членами правительства погибает, за исключением министра труда мисс Перкинс, которая таким образом становится первой в истории Соединенных Штатов женщиной-президентом. Это будет совсем в духе Френсис, говорил Рузвельт.

Наружное освещение здания было выключено, а окна занавешены тяжелыми шторами, не пропускавшими свет. Правда, Рузвельт категорически отказался от сооружения на крыше пулеметных гнезд. Зато на соседних зданиях были установлены не только пулеметы, но и зенитные орудия. Сверхбдительные военачальники предлагали также поставить у Белого дома легкие танки, но президент решительно воспротивился этому, как и выставлению по всему наружному периметру резиденции плотной охраны. Только по одному солдату через каждые 100 метров, причем по внутренней стороне ограды, — таково было

распоряжение главнокомандующего.

В самом же Белом доме царил обычный распорядок. Появилось только одно изменение: на первом этаже, рядом с залом дипломатических приемов, было оборудовано обширное помещение — комната карт. Здесь были расположены многочисленные географические карты самого различного масштаба, которые показывали состояние линии фронта на различных театрах военных действий (изменения вносились ежедневно), расположение стратегических объектов в самих США и других странах, движение американских судов в Атлантическом и Тихом океанах и т. д. Здесь Рузвельт обычно проводил совещания с участием высших военных — начальника штаба, командующих армией, флотом и авиацией.

Восемнадцатого декабря 1941 года президент подписал распоряжение о создании Управления гражданской цензуры.

В отличие от других стран в США введением ограничений на передачу информации занимались не военные, а гражданские лица. Правда, ссылаясь на зарубежный опыт, американские военные настаивали, чтобы цензура находилась в их руках. Рузвельт, однако, пресек эту инициативу, и цензура осталась сравнительно мягкой.

Директором цензурного управления был назначен Байрон Прайс, исполнительный директор агентства «Ассошиэйтед Пресс», пользовавшийся уважением в журналистских кругах. Пресса считалась с его требованиями, которые исполнялись, как правило, неукоснительно даже тогда, когда казались излишними — например, ограничение передач сводок погоды (сведения о направлении ветра, особенно над побережьем, могли быть использованы японцами — известно, что они запустили с подводных лодок несколько воздушных шаров с бомбами)[{585}].

Компетенция управления, однако, не распространялась на вооруженные силы, где в рамках отдельных частей действовали свои цензурные службы, также не слишком придирчивые к содержанию писем военнослужащих, которым не разрешалось лишь информировать о своем конкретном местонахождении (город, район) и, разумеется, о вооружении.

Рузвельт и союзники в новых условиях

Американский президент придавал особую важность укреплению союзнических отношений с Великобританией и личного взаимопонимания с общепризнанным лидером этой страны Уинстоном Черчиллем. Правда, постепенно Британия стала превращаться в младшего партнера США, а американские интересы начинали вступать в противоречия с английскими, но оба руководителя тщательно это скрывали. Можно полагать, что их взаимные симпатии были искренними, но за ними, на заднем плане, скрывались конкурентные интересы.

Для закрепления союзнических отношений, разработки совместной стратегии Рузвельт пригласил Черчилля посетить США. Встреча состоялась в декабре 1941-го — начале января 1942 года.

Британский премьер был поселен в Белом доме, там же разместились и его помощники. Бесцеремонные манеры знаменитого англичанина порой коробили Рузвельта, точно так же как Черчилль всё еще считал своего партнера по переговорам новичком в политике и идеалистом. Но это не исключало взаимного уважения, симпатии, открытости, которые причудливо переплетались со стремлением и на личном, и на государственном уровнях переиграть друг друга.

Такой настрой ощущали приближенные обоих деятелей. Видимо, в их среде возник анекдот, просочившийся из Белого дома и распространившийся по всей стране. Рузвельту будто бы понадобилось рано утром посоветоваться с Черчиллем. Он позвонил своему гостю и получил согласие на немедленную встречу. Когда его подвезли к апартаментам, в которых расположился Черчилль, и слуга, постучав, открыл дверь, американский президент увидел своего британского партнера стоящим посреди комнаты совершенно голым. Смущенный Рузвельт сделал жест слуге, чтобы тот увез его, но сэр Уинстон воскликнул: «Въезжайте, мистер президент! Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов!»

Это, конечно, была выдумка, но весьма показательная — демонстрировавшая и открытость, и непринужденность, и в то же время некоторый оттенок высокомерия со стороны слабеющего английского льва. Впрочем, когда Р. Шервуд при случае спросил Черчилля, насколько эта история соответствует истине, тот ответил, что в ней нет ни слова правды, добавив: «Я не мог сделать такого заявления, президент понял бы, что это неправда».

Сын Рузвельта Эллиот отмечал, что поглощавший спиртные напитки в огромном количестве Черчилль постоянно предлагал его отцу поднять бокал, стремясь продемонстрировать свое превосходство по крайней мере в выносливости и здоровье{586}.

На вашингтонских переговорах, получивших кодовое название «Аркадия», обсуждались совместные стратегические планы, организация общего командования, распределение ресурсов.

Рузвельт в самом начале переговоров полагал, что США должны вмешаться в ход военных действий там, где их участие могло бы определить дальнейший ход войны, то есть в Европе. По всей вероятности, с подачи Стимсона и начальника штаба армии Д. Маршалла президент настаивал на сосредоточении основных сил против Германии. Черчилль же настаивал на высадке американских войск в Северной Африке, желательно в Марокко, чтобы англичане, наступая со стороны Египта, встретились с ними, тем самым завершив освобождение африканского побережья, которое могло использоваться для дальнейших действий на юге Европейского континента. Согласие первоначально достигнуто не было. Стороны решили продолжить обсуждение на штабном уровне. Но для этого был необходим совместный орган. В вопросе о его создании Рузвельт добился внушительной политической — точнее, геополитической — победы: было решено разместить Объединенный комитет начальников штабов в Вашингтоне. Это означало, что он будет находиться под постоянным наблюдением и влиянием американского президента. К тому же председателем комитета стал американский генерал Маршалл. Как образно выразился А. И. Уткин, «суровая реальность предстала перед англичанами во всей своей жестокой наготе: западная коалиция будет управляться из Вашингтона»{587}.

Рузвельт совершил почти невозможное — дипломатической ловкостью, манерами и изъявлениями дружбы в адрес Черчилля и вообще британцев он перевел стрелки часов на вашингтонское время, сохранив при этом не просто союзнические отношения с Англией, но и согласие с ее весьма своенравным лидером.

В близком будущем возникнут ситуации, когда на первый взгляд победу одерживали стратегические планы Черчилля, а Рузвельт вынужден был с ними соглашаться. Но на самом деле американский президент присоединялся к проектам британского союзника (в частности, в отношении выбора Африки и Италии местами первых крупных ударов по врагу) лишь в тех случаях, когда убеждался, что они не вредят глобальным интересам США.

По всей видимости, Рузвельт согласился с африканским

планом Черчилля (правда, в значительно измененном после работы начальников штабов виде), исходя из того, что оттуда можно будет обеспечить выход к южной части Европы ценой относительно небольших потерь в живой силе и материальных ресурсах, при этом предотвратив захват Северной Африки Германией и получив дополнительного союзника в лице французских вооруженных сил, размещенных в североафриканских колониях Франции.

Рузвельт играл выдающуюся личную роль не только в оформлении антигитлеровской коалиции, но и в формировании пока еще неопределенной, но постепенно насыщавшейся конкретным содержанием организации, которая получила название «Объединенные Нации». Сам термин, взятый из поэмы Джорджа Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда», был предложен Рузвельтом и подхвачен Черчиллем. По инициативе президента была обсуждена идея создания многостороннего документа, который подписали бы представители стран, находившихся в состоянии войны с членами агрессивного блока.

В следующие дни велись телефонные переговоры с правительствами двадцати пяти государств (а не двадцати шести, как пишет А. И. Уткин{588}, ибо двадцать шестым были сами Соединенные Штаты), подготавливался текст документа, в него вносились коррективы. Важное уточнение было сделано по настоянию советского Наркоминдела: вместо общих усилий стран, находящихся в состоянии войны с агрессорами, решено было записать: против тех стран, с которыми каждая подписавшая сторона находится в настоящее время в состоянии войны. Причина была понятна: СССР на тот момент с Японией не воевал, и официальный документ не должен был содержать его обязательств включиться в эту войну.

Именно в это время в США прибыл новый советский посол М. М. Литвинов, около десяти лет возглавлявший советское внешнеполитическое ведомство и снятый Сталиным с этого поста перед подписанием пакта с Гитлером. Дело, разумеется, было не в том, что Литвинов, верный сталинский чиновник, выступал против пакта; просто его, еврея по национальности, было неудобно использовать для подписания договора с гитлеровской Германией.

Теперь Литвинов, вроде бы вновь оказавшийся в милости у диктатора, должен был служить живым воплощением верности Сталина союзническим обязательствам с Соединенными Штатами. Рузвельт принял посла тотчас после его прибытия и обсуждал с ним идею и текст исключительно важного многостороннего документа.

В первый день 1942 года в Вашингтоне была подписана Декларация Объединенных Наций. В ней говорилось:

«Правительства, подписавшие сие, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей Декларации Президента США и Премьера Великобритании от 14 августа 1941 года, известной под названием Атлантической Хартии, будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир, заявляют:

1) Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне.

2) Каждое Правительство обязуется сотрудничать с другими Правительствами, подписавшими сие, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами.

К вышеизложенной Декларации могут присоединиться другие нации, которые оказывают или могут оказывать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом»{589}.

Под декларацией поставили свои подписи Рузвельт, Черчилль, Литвинов, министр иностранных дел Китая Сун Цзы-вэнь, ведший в это время переговоры в США о предоставлении займа его правительству Их страны рассматривались как «большая четверка». Вслед за ними документ подписали представители британских доминионов Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского союза и колонии Индии (Рузвельту пришлось потратить немало усилий, чтобы уговорить Черчилля согласиться на участие Индии — ведь это юридически уравнивало ее с доминионами), девять стран Центральной Америки и Карибского бассейна, восемь находившихся в изгнании правительств оккупированных европейских государств. В 1942—1945 годах к Декларации Объединенных Наций присоединилась еще 21 страна.

Новым выражением решимости стать в полном смысле слова «арсеналом демократий» стало послание президента «О положении страны», с которым он выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса 6 января 1942 года.

Это было его первое послание в условиях, когда США воевали. Военному противостоянию оратор придал не просто идеологический, а морально-эпический характер: «Этот конфликт не в состоянии окончиться компромиссом. Между добром и злом

вообще не может быть удовлетворительного компромисса. Только полная победа будет достаточна тем, кто выступает за терпимость, достоинство, свободу и веру».

Однако эти этические принципы, реализация которых была бы не чем иным, как завершением войны на основе полной капитуляции агрессоров, дополнялись весьма впечатляющими наметками грандиозного развития американской военной экономики, которую Рузвельт назвал «программой победы». Давно ли его слова о производстве 50 тысяч самолетов в год воспринимались как откровенная утопия? Теперь же речь шла о выпуске в 1942 году 60 тысяч самолетов и сборке 45 тысяч танков, а в 1943-м — соответственно 125 тысяч и 75 тысяч. Водоизмещение спускаемых на воду военных кораблей определялось на эти же годы в шесть и десять миллионов тонн. Это были грандиозные планы, для реализации которых необходимы были огромные капиталы, столь же гигантские производственные мощности, рабочая сила миллионов людей. «Я очень надеюсь, — говорил Рузвельт спокойным, размеренным тоном, — что все цифры, которые я привел, будут усвоены населением Германии и Японии»{590}.

Американский президент обращался здесь именно к населению, а не к правителям агрессивных держав, предупреждая, что наказание понесут не только главари преступных шаек, но и народы, которые допустили к власти политических бандитов, если у них не найдется смелости и сил низвергнуть тех в пропасть.

Рузвельт тогда, разумеется, не знал, в какие конкретные формы воплотится его предостережение: в ковровые бомбардировки Берлина, Гамбурга, Дрездена и Токио, в атомные бомбы, низвергнутые на Хиросиму и Нагасаки.

* * *

По инициативе Рузвельта в том же январе был образован Совет военного производства, являвшийся, по существу дела, центральным государственным хозяйственным органом, обладавшим правами принимать решения, обязательные для исполнения не только всеми государственными, но и частными организациями. В него наряду с уполномоченными администрации вошли представители крупнейших корпораций Форда, Моргана, Рокфеллеров. Частное промышленное производство, включая деятельность крупнейших корпораций, частный капитал, вся предпринимательская активность страны

оказались под строжайшим государственным контролем.

Американцы мирились с таким положением, сознавая, что трудятся на войну, во имя выживания нации и в то же время во имя усиления позиций своей страны в мире. Немалую роль в воспитании такого сознания играл авторитет президента Рузвельта.

Хотя «программа победы» была выполнена далеко не полностью, перевод экономики США на военные рельсы завершился к концу 1942 года. Уровень производства по сравнению с аналогичным средним показателем за 1935—1939 годы составил в мае 1942-го 191 процент, а в четвертом квартале — 219. Основные расходы взяло на себя государство, покрывая их за счет увеличения налогов, выпуска государственных займов, сокращения госаппарата, экономии на зарплате. В то же время нельзя не отметить, что высокая доходность военного производства обеспечила добровольный перевод предприятий на выпуск вооружения и боевой техники. Число рабочих увеличилось за счет безработных, женщин и подростков. Весной 1942 года в военной промышленности было занято 7—9 миллионов человек, летом — более 12, а осенью — 15 миллионов.

При всем своеобразии положения Соединенных Штатов, находившихся вдалеке от театров военных действий, они участвовали в войне, и с этим приходилось считаться всем гражданам страны. В военное производство вкладывались не только средства частных фирм, но и государственные ресурсы. В 1941—1942 годах было построено около 1600 новых военных заводов. Естественно, это требовало больших расходов, которые оказывали немалое воздействие на уровень жизни населения. Разумеется, американцам не приходилось голодать, работающие получали более или менее адекватную компенсацию за свой труд. Однако приходилось и более напряженно трудиться, и потуже затягивать пояса.

Последнее было, впрочем, весьма относительным. В апреле 1942 года президент подписал исполнительное постановление о введении нормированного распределения основных продуктов потребления и контроле над ценами. Не привыкшие к ограничениям американцы несколько нервозно восприняли эту новацию, хотя серьезно ей не сопротивлялись. Столь же не знакомая с нормированием потребления бюрократия вносила немалую путаницу, пока всё постепенно не наладилось.

В результате со второй половины 1942 года американцы получали товарные книжки с отрывными талонами, на которые в любой комбинации можно было купить основные продукты питания, а также некоторые виды одежды и обуви по

установленным ценам. Нормы были вполне достаточными для удовлетворения первоочередного спроса, а роскошествовать простым людям не удавалось и ранее. Лишь на некоторые продовольственные и промышленные товары были установлены более жесткие ограничения, например на сахар, поставки которого из Латинской Америки резко сократились. В 1942 году в среднем на одного американца (нормы были различными для разных категорий граждан) приходилось полфунта сахара в неделю, то есть около килограмма в месяц{591}, что не так уж и мало.

Богачи же от этих ограничений не очень страдали, поскольку продолжали функционировать магазины и рестораны, в которых осуществлялись свободная продажа и обслуживание по ценам в три-четыре раза выше нормированных. О том, насколько условными были ограничения, введенные по распоряжению Рузвельта, свидетельствует взрыв негодования, вызванный его дополнительным указанием об ограничении потребления кофе.

Большинство населения мирилось с этими сравнительно небольшими ограничениями, связанными с трудностями военного времени. Находились, однако, и демагоги, которые призывали воспользоваться экономическим бумом для того, чтобы путем забастовок и других недопустимых во время войны акций выторговать сохранение или даже повышение жизненного уровня.

Обращаясь к американцам 28 апреля 1942 года, Рузвельт познакомил слушателей с представленной им накануне конгрессу программой «семи пунктов», ставившей целью недопущение роста стоимости жизни: удержание прибыли на «разумно низком уровне», установление потолка цен, стабилизация заработной платы и цен на сельхозпродукты, выпуск новых облигаций военного займа, нормирование потребления дефицитных товаров, сокращение торговли в рассрочку и стимулирование погашения долгов и закладных. Президент был тверд:

«Мы не допустим, чтобы нам помешали те, кто ставит свои интересы выше интересов нации.

Мы недопустим, чтобы нам помешали те, кто честную критику подменяет фальсификацией фактов…

Но прежде всего мы не допустим, чтобы нашему делу угрожала горстка крикливых изменников — предателей Америки и самого христианства, которые, мня себя будущими диктаторами, в душе уже капитулировали перед гитлеризмом и хотели бы, чтобы вся наша республика последовала их примеру»{592}.

* * *

В центре внимания Рузвельта по-прежнему находились вопросы коалиционной стратегии. Особо важными в этом смысле были взаимоотношения с СССР, продолжавшим тяжелейшую борьбу с врагом. 1942 год оказался для Советского Союза особенно тяжелым. После разгрома немцев под Москвой и краткосрочного зимнего наступления Красной армии противник вновь овладел стратегической инициативой. Советские войска в Крыму и под Харьковом потерпели тяжелые поражения, началось немецкое летнее наступление на Сталинград и Северный Кавказ.

В преддверии этих событий нарком иностранных дел В. М. Молотов, с началом войны уступивший пост председателя правительства Сталину и считавшийся на Западе вторым после него человеком в советском руководстве, в мае—июне побывал в Лондоне и Вашингтоне. Ему были поставлены главные задачи: добиться открытия второго фронта в Западной Европе в 1942 году, а также подписать с Великобританией и США договоры, в частности, признававшие границы СССР 1940 года, включавшие Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину.

В Вашингтон нарком прибыл 29 мая. Ему была оказана большая честь — он был поселен в Белом доме, в том самом помещении, где останавливался Черчилль. Начало переговоров, однако, не сулило успеха. Рузвельт поставил вопрос о поиске посредников для достижения советско-германской договоренности о гуманном обращении с военнопленными. Молотов по понятным причинам сухо отвел эту тему: советских военнопленных Сталин и его приближенные считали предателями, отказывались от всех посреднических предложений Международного Красного Креста, в то время как в лагерях гибли миллионы граждан СССР

Американский президент не мог не знать обо всём этом. Создается впечатление, что сама постановка вопроса о военнопленных была проверкой Молотова. Советский нарком проявил к судьбе своих пленных соотечественников такое же равнодушие, как и его хозяин. Рузвельт, чтобы уязвить собеседника, но, разумеется, в рамках дипломатического этикета, посетовал на проблемы с американскими военнопленными в Японии: их кормят по нормам питания японских солдат, а это «форменный голод для любого белого человека»[593]. И на это замечание Молотов не прореагировал. Рузвельт был вынужден перевести переговоры в иную плоскость, а вслед за этим беседа вообще была прервана.

Однако на следующий день переговоры протекали в значительно более благоприятном для советской стороны духе. Вопрос, можно ли рассчитывать на открытие второго фронта в

Европе в текущем году, был переадресован Маршаллу. Тот без обиняков ответил на него утвердительно, а Рузвельт подтвердил слова генерала{594}.

Казалось бы, президент и начальник штаба армии действовали в унисон. Но была одна тонкость — Рузвельт оставлял для себя возможность отказаться от обещания, сославшись на недостаточно компетентную оценку ситуации военными экспертами.

В коммюнике о пребывании Молотова в Лондоне и Вашингтоне, опубликованном 12 июня, было сказано: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г».{595}. Молотов, видимо, не заметил тонкости — речь не шла об обязательстве США.

Важное место в переговорах занял вопрос о поставках по ленд-лизу. Молотов увязал поставки в один узел с открытием второго фронта в Европе. Раздосадованный Рузвельт вначале попытался отвязаться американской поговоркой, что нельзя одновременно есть пудинг и хранить его, но вскоре пошел навстречу, заверив московского визитера, что поставки будут продолжаться, а тем временем американские и английские военные приступят к решению практических вопросов подготовки к открытию второго фронта.

В присутствии Рузвельта и Молотова было подписано советско-американское соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Под соглашением с таким мудреным названием (оно было изобретено американской стороной, чтобы избежать формы союзного договора) поставили подписи Литвинов и Халл. Советская сторона, таким образом, столь же мелочно взяла реванш — документ завизировал не нарком иностранных дел, хотя он присутствовал при этом, а посол.

В соглашении указывалось на предстоявшую активизацию взаимопомощи. США обязались снабжать СССР «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять», а правительство СССР заверяло, что оно «будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей»{596}. Хотя в принципе ничего нового в документе не было, его подписание способствовало укреплению антигитлеровской коалиции.

Во время бесед с Рузвельтом Молотов, между прочим,

рассказывал о своем визите в Берлин в ноябре 1940 года, о встречах с Гитлером и Риббентропом. «Это два самых несговорчивых человека», — говорил он, видно, не припоминая, что его самого за упрямство и несговорчивость, а также за усидчивость и работоспособность даже в высшем большевистском кругу называли «каменной задницей».

Президент закончил последнюю встречу с Молотовым здравицей в честь Сталина, добавив, что ожидает встречи с ним.

Едва завершился визит высокого советского чиновника, как Рузвельт встретился с новым гостем, еще выше рангом — 18 июня в Вашингтон вновь прибыл Черчилль. На этот раз президент принимал сэра Уинстона в родном Гайд-Парке, куда тот прилетел на следующий день. Рузвельт, казалось, получил холодный душ — английский премьер решительно отверг план высадки в Западной Европе в 1942 году, заявив, что Великобритания не будет готова к ней в такой краткий срок.

На самом деле этот ответ был ожидаемым и, более того, желаемым, ибо в американских военных всё более серьезное место занимали североафриканские колонии Франции, постепенно выкристаллизовываясь в четкую стратегическую конструкцию.

Дальнейшее американское участие в войне Рузвельт обдумывал в своей новой летней резиденции, строительство которой началось в 1939 году и завершилось летом 1942-го, в соседнем с Вашингтоном округе Фредерик штата Мэриленд, в густом лесу у подножия горы Катоктин в Аппалачах, вдали от шумных городских улиц и неизбежных старых знакомых, которых по многолетней традиции приходилось принимать и посещать их в Гайд-Парке.

Собственно говоря, именно потому, что в родном городке больше не было родственников, что это место если и не стало чужим, то постепенно становилось менее приятным и удобным для отдыха, президент дал указание о строительстве новой летней резиденции. Важным ее удобством стала близость к столице (два часа езды на автомобиле). По сути, это было жилище на уровне среднего класса, состоявшее из нескольких небольших зданий, соединенных дорожками; президентский дом имел четыре спальни, гостиную со столовой и служебные помещения. Отличие от многих других обиталищ такого рода состояло в том, что охранялось оно как важнейший военный объект: было обнесено двойным забором с контрольно-следовой полосой и имело линию правительственной связи высшей степени секретности.

Рузвельт придумал наименование своей новой резиденции —

«Шангри-Ла» — по названию сказочной страны из когда-то понравившегося ему романа английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). В нем описывалась чудесная высокогорная долина в Тибете, где мирно сосуществуют люди, животные и растения. «Шангри-Ла» стало нарицательным обозначением страны вечного блаженства, мира и покоя. В мае 1943 года новая резиденция приняла первого иностранного гостя — премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Рузвельт установил новую политическую традицию и активно приглашал «на дачу» иностранных лидеров, дабы пообщаться с ними в неформальной обстановке[34].

Первая поездка в Шангри-Ла состоялась летом 1942 года. Вместе с несколькими близкими людьми, секретарем Грейс Тулли и сотрудниками службы безопасности Франклин и вся компания на нескольких автомобилях (с измененными номерами, чтобы не быть узнанными) отправились в недолгий путь, останавливаясь перед светофорами, разглядывая окрестные поселки и любуясь красотами горной природы. Прибыв на место, Рузвельт особое внимание уделил развешиванию картин — он сам, сидя в кресле, руководил этой работой, подчас привередливо требуя изменить их расположение.

Спустя неделю президент возвратился к исполнению официальных обязанностей в душном и влажном Вашингтоне.

В сентябре того же года Рузвельт вместе с женой совершил сравнительно длительную — двухнедельную — поездку по стране. Он побывал в городах, где концентрировалось производство танков, самолетов, кораблей, — в Детройте, Чикаго, Портленде, Сиэтле, Сан-Диего, Новом Орлеане и других, беседовал с рабочими и администраторами. Президент посетил также военные лагеря, где наблюдал подготовку солдат к грядущим военным операциям.

Все перемещения президентского поезда происходили в обстановке величайшей секретности, главным образом ночью. Властям штатов поступала информация о предстоявшем приезде главы государства лишь за несколько часов до прибытия. В городе Уиллоу-Ран в штате Мичиган Рузвельт вместе со своим старым недоброжелателем Генри Фордом, владельцем огромных предприятий, ранее производивших автомобили, а теперь вдобавок танки и самолеты, с удовлетворением наблюдал за работой не только мужчин, но и женщин на одном из фордовских заводов, где его шумно приветствовали рабочие.

Президент вынужден был отдать должное Форду и его администрации. Размеры цеха, в котором шло конвейерное производство самолетов, были таковы, что Рузвельт, двигаясь в

автомобиле, мог наблюдать весь процесс от разгрузки алюминиевых листов до схода готового самолета с другого конца конвейера. Форд добился невиданного результата — его заводы выпускали в день 100 самолетов. Посетивший то же предприятие Черчилль был настолько потрясен, что заявил: «Если бы Гитлер увидел Уиллоу-Ран, он тут же перерезал бы себе горло»{597}.

Президента тепло встречали и в других местах — не только из патриотических чувств. Ему были благодарны за программу военного производства, давшую работу миллионам людей. (Послевоенные опросы показали, что не менее чем у 65 процентов американцев за годы войны повысился жизненный уровень.)

Своими впечатлениями президент поделился с радиослушателями в беседе 12 октября. Отметив возрастание доли женского труда на предприятиях оборонной промышленности, совершенствование распределения материальных ресурсов, он говорил о необходимости дальнейшей напряженной работы на «внутреннем фронте» и в то же время об увеличении вооруженных сил, в частности путем снижения призывного возраста с двадцати до восемнадцати лет. Рузвельт ненавязчиво напоминал американцам, что его дети выполняют свой патриотический долг: «Я очень хорошо понимаю чувства родителей, чьи сыновья поступили на военную службу. Мы с моей женой чувствуем то же самое»{598}. Действительно, к этому времени Эллиот служил в авиации, Джеймс — в морской пехоте, Франклин и Джон — в военно-морском флоте.

Рузвельт завершил это выступление постановкой задачи не просто разгромить Германию, Японию и Италию, но и создать такие условия, чтобы «и долгое время спустя они не могли угрожать нам или какой-нибудь другой стране из числа Объединенных Наций»{599}. Таким образом, задумывалась международная организация безопасности, основной целью которой должно было стать недопущение повторения агрессии.

Между тем приближалось осуществление операции «Торч» («Факел») — высадки в Северной Африке американских и английских войск под командованием генерала Эйзенхауэра, целями которой было освобождение французских колоний на африканском побережье, установление контроля над Средиземным морем и подготовка к высадке в Европе в 1943 году. В составе семидесятитысячной американской армии находился Франклин-младший — комендор на одном из эсминцев.

Получив вечером 7 ноября от военного министерства информацию о том, что операция началась успешно, Рузвельт тотчас же произнес по радио две речи. В одной он сообщил соотечественникам новость, которая была воспринята как

открытие второго фронта, хотя президент и не употреблял этого термина. Во втором выступлении, обращенном к французскому народу, американский президент заверял французов, что как только немцы и итальянцы будут изгнаны, американские и английские войска немедленно покинут территории, принадлежавшие Франции.

Между тем во французских североафриканских владениях, где разворачивалось наступление, наматывался весьма запутанный клубок противоречий, конфликтов и сотрудничества противоположных политических сил. На сторону англо-американцев перешел вишистский адмирал Дарлан — один из ближайших сообщников «главы государства» Анри Филиппа Петена и Пьера Лаваля, ставшего в апреле 1942 года премьером. На руководство администрацией претендовал руководитель движения «Сражающаяся Франция» генерал Шарль де Голль. Президент США балансировал, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому. В отношении к де Голлю сказался явный субъективизм Рузвельта — ему крайне не нравились самостоятельность и твердость французского эмигранта, который вел себя так, будто управляет великой державой. Рузвельт называл его «капризной невестой» и с раздражением предлагал Черчиллю направить строптивого генерала губернатором на Мадагаскар. Британский премьер разделял неприязнь Рузвельта к «высокомерному французу», отзываясь о нем как о «вздорной личности, возомнившей себя спасителем Франции».

Недавно были открыты секретные британские архивы и выяснилось, что Черчилль даже направил из Вашингтона в Лондон шифровку: «Я прошу моих коллег немедленно ответить по поводу того, сможем ли мы, не откладывая этот вопрос, устранить де Голля как политическую силу… Лично я готов отстаивать эту позицию в парламенте и могу доказать всем, что французское движение Сопротивления, вокруг которого создана легенда о де Голле, и он сам — человек тщеславный и зловредный — не имеют ничего общего… Поэтому, исходя из наших жизненных интересов, которые заключаются в сохранении добрых отношений с Соединенными Штатами, мне представляется недопустимым позволять впредь этому склочному и враждебному нам человеку продолжать творить зло». Далее сэр Уинстон обосновывал свое отношение к де Голлю (следует заметить, что именно Рузвельт снабжал его компроматом, поставляемым американскими спецслужбами) его диктаторскими замашками, стремлением за спиной союзников сговориться с Москвой и сепаратным образом «уладить дела с Германией». Француз якобы благоволил к СССР, а Сталин предлагал ему

перенести резиденцию из Лондона в Москву.

Однако игра Рузвельта встретила сопротивление британского кабинета, ответившего своему премьеру: «Вполне вероятно, что де Голль как человек на самом деле весьма далек от той идеализированной мифической фигуры, которую видят перед собой французы. Однако надо отдавать себе отчет в том, что любые пропагандистские усилия с нашей стороны против де Голля не убедят французов, что их идол — на глиняных ногах. Более того, мы рискуем допустить совершенно неоправданное с любой точки зрения вмешательство в сугубо внутренние дела французов, и нас просто-напросто обвинят в стремлении превратить Францию в англо-американский протекторат»{600}.

Дальнейшее развитие событий заставило Черчилля резко изменить отношение к де Голлю в лучшую сторону, что в некоторой степени повлияло и на позицию Рузвельта, согласившегося, наконец, встретиться с лидером «Сражающейся Франции», хотя, по словам К. Халла, президент всё еще считал, что «Франция определенно не станет снова перворазрядной державой (по крайней мере в течение следующих двадцати пяти лет)»{601}.

В конце концов накануне открытия второго фронта де Голль был приглашен в США на встречу с президентом. Внешне она выглядела торжественно. Рузвельт обратился к генералу по-французски. Последовали всевозможные церемонии, увенчавшиеся сообщением, что президент США признаёт Французский комитет национального освобождения фактической законной администрацией Франции. И хотя Рузвельт сохранял известную сдержанность и демонстрировал генералу снисходительность, взаимоотношения стали постепенно входить в нормальное русло.

* * *

Тем временем, по мнению Рузвельта, «арсенал демократий» развивался эффективно. Американская промышленность выпустила в 1942 году 48 тысяч военных самолетов (как видим, всё же не достигнув намеченной Рузвельтом цифры — 60 тысяч), водоизмещение флота составило восемь миллиардов тонн. На следующий год Рузвельт предложил рекордный госбюджет — 100 миллиардов долларов, что на четверть превышало предыдущий.

По инициативе или с одобрения президента развертывались широкомасштабные научные исследования в области создания новейших видов вооружений. Весной 1942 года он подписал

распоряжение о создании Объединенного комитета по новым видам оружия и оборудования, который обеспечивал всё необходимое для ведения изысканий: богато оснащенные лаборатории, полигоны и т. п. В сотрудничестве с мощной нефтяной корпорацией «Стандард ойл оф Нью-Джерси» ученые Гарвардского университета на базе бензина и одного из видов стирального порошка создали горючее вещество страшной силы — напалм, который на заключительном этапе войны был использован при бомбардировках городов Японии.

В ходе работ над ракетным оружием, которые в США проводились еще с 1930 года, на Абердинском испытательном полигоне в штате Мэриленд (недалеко от загородной резиденции Рузвельта Шангри-Ла) был создан, в 1942 году испытан, запущен в производство и затем поставлен на вооружение ручной противотанковый безоткатный гранатомет, получивший название «базука».

Огромное значение для ведения войны представляли, наряду с вооружениями, новые стратегические материалы, которые в мирных условиях применялись почти исключительно в быту. Таковым был, например, нейлон — искусственная ткань, созданная в 1930-х годах химиками концерна Дюпона. Еще до войны появились нейлоновые чулки, зубные щетки и т. п. В военное время нейлон был объявлен материалом стратегического значения и пущен на пошив парашютов, тентов, военного обмундирования и походных рюкзаков.

Впрочем, даже нейлоновые чулки использовались для укрепления обороноспособности. Голливудские звезды, чтобы собрать средства для военных нужд, стали выставлять их на благотворительных аукционах. На одном из них цена чулок актрисы Бетти Грейбл подскочила до 40 тысяч долларов. То, что американки по талонам могли купить только шесть пар нейлоновых чулок в год, ситуацию с «чулочной эйфорией» не меняло: в теплую погоду дамы чулок не носили, а покрывали ноги светло-коричневой краской, которую немедленно запустили в производство косметические фирмы.

Программы ленд-лиза не только оказали огромное влияние на увеличение производства продовольственных товаров, но и привели к технологической революции в обработке пищевых продуктов. Необходимо было, чтобы отправляемое за границу продовольствие занимало на кораблях как можно меньше места. Так стала развиваться технология сублимирования (обезвоживания) продуктов при сохранении их питательной ценности. Появились высушенные овощи, яичный и молочный порошки; производство последнего в 1940—1943 годах выросло в

20 раз[602].

Постепенно приобретал более четкие очертания проект работы в области атомной энергии, получивший название Манхэттенского. В августе 1942 года его еще сильнее засекретили и сконцентрировали. Рузвельт знал, что аналогичные работы интенсивно ведутся в Германии, и опасался, что немецким физикам удастся опередить американцев.

Распоряжением президента на Манхэттенский проект были брошены огромные силы и средства. Было построено около сорока испытательных установок в одиннадцати штатах, а также в Канаде, с которой США секретно сотрудничали в этой области. Ответственным за проект в сентябре 1942 года был назначен бригадный генерал (затем генерал-лейтенант) Лесли Гровс, а его научным руководителем — физик-теоретик, профессор Калифорнийского университета в Беркли, член Национальной академии наук США с 1941 года Роберт Оппенгеймер. Рузвельт лично поддерживал связь с Оппенгеймером. 29 июня 1943 года президент напомнил ему о необходимости не дать Германии возможности обогнать США в деле создания атомного оружия[603]. Впрочем, для такого внушения необходимости не было — Оппенгеймер и другие ученые прилагали все силы для скорейшего выполнения проекта.

Президент рано осознал, что атомное оружие явится не только мощным средством решения чисто военных проблем грандиозного противостояния, но и средством, которое можно будет эффективно использовать в решении вопросов послевоенного мира. Он полагал, что угроза применения атомной бомбы может оказаться более эффективной, чем возможности международного сотрудничества.

Имея это в виду, он стремился не допустить распространения информации об американских работах, причем его особенно волновало, чтобы о них не стало известно в СССР, поскольку опасался, что в руках Сталина атомное ядро может стать средством захвата соседних с СССР стран с перестройкой большой части Европы и Азии по советскому образцу. Исполнительный генерал Гровс быстро понял намерения своего главнокомандующего. Он писал: «Через две недели после того, как на меня было возложено руководство проектом, я полностью лишился иллюзий в отношении того, является ли Россия нашим другом, в частности в отношении информации о проекте»[604].

С санкции Стимсона, который во всех случаях консультировался с президентом, были избраны наиболее засекреченные места проведения исследований: Оук-Ридж в штате Теннесси, Лос-Аламос в штате Нью-Мексико, Хэнфорд в штате

Вашингтон.

Гровс одновременно руководил разведкой работ над атомным оружием в Германии, прилагал все усилия для недопущения проникновения германских шпионов в лаборатории. Он установил многократную перекрестную проверку всех занятых в проекте. По указанию Рузвельта атомный проект финансировался зашифрованными статьями различных разделов бюджета, чтобы ни наиболее хитроумные конгрессмены, ни искушенные аналитики, ни тем более вражеские шпионы не могли догадаться, на что в действительности расходуются огромные средства.

Тем не менее Гровсу не удалось предотвратить проникновение советской разведывательной сети в святая святых Манхэттенского проекта.

В наиболее крупный атомный центр в Лос-Аламосе, расположенный в отдаленной лесной местности к северо-западу от столицы штата Санта-Фе, удалось внедриться, в частности, коммунисту Джулиусу Розенбергу, сотрудничавшему с советской разведкой с 1938 года. Он привлек свою жену Этель, шурина Дэвида Грингласса и невестку Рут. Грингласс, сержант американской армии, работал механиком в Лос-Аламосе. Розенберг уверил его, что речь идет не о примитивном шпионаже, а об обмене научными сведениями с союзной страной. В результате Розенберги получили чертежи атомной бомбы, которые через связника, химика Гарри Голда, передали советской стороне. Обо всём этом американским властям стало известно только через пять лет после кончины Рузвельта, который понятия не имел, что столь тщательно оберегаемые им и его сотрудниками секреты атомного оружия доставались СССР[35].

Можно полагать, что советская добыча была бы значительно большей, если бы по распоряжению Рузвельта администрация не ограничила до предела круг лиц, которым была доступна информация. Президент получал доклады только от Стимсона и Гровса. Даже начальник штаба армии Маршалл и вице-президент Уоллес знали об атомном проекте лишь в самых общих чертах.

В то же время с Черчиллем Рузвельт детально обсуждал военные и политические аспекты атомной проблемы. Их переговоры вступили в конкретную стадию на встрече в Вашингтоне в мае 1943 года. К этому времени Рузвельт пришел к выводу, что, несмотря на стремление сохранить монополию на атомное оружие, когда оно будет, наконец, создано, политически целесообразным будет поделиться этим секретом с англичанами, которые (и прежде всего Черчилль) должны были по достоинству оценить щедрость партнера, не говоря уже о том, что в самой Англии был немалый научный потенциал, который можно было

включить в реализацию Манхэттенского проекта. В Вашингтоне Рузвельт договорился с Черчиллем об обмене информацией по этому вопросу

А через три месяца, вновь встретившись, на этот раз в Квебеке, президент и премьер-министр подписали секретное соглашение. Оно предусматривало, что стороны никогда не будут использовать атомное оружие друг против друга и против третьей стороны без согласия партнера, а также сообщать атомные секреты другим странам без взаимного согласия. Стороны договорились, что общую политику обеих стран в этой области будет определять американский президент, наметив создать в Вашингтоне Объединенный комитет по вопросам атомной политики.

Американскому приоритету помогло то обстоятельство, что Рузвельт оказался значительно более прозорливым, чем Гитлер. Фюрер был недоволен, когда министр вооружений Шпеер доложил ему, что для создания атомного оружия понадобится три-четыре года — такой срок он счел чрезвычайно долгим (или понимал, что Германия, находившаяся на пределе своих возможностей, не располагает таким временем). В результате в июне 1942 года Гитлер распорядился резко сократить исследования в области атомного оружия, а высвободившиеся средства направить на создание двигателей нового типа для танков и подводных лодок. Благодаря тому, что Рузвельт разглядел в атомной бомбе не только оружие непосредственного действия, а могущественное средство устрашения, именно США оказались пионерами в этой области. Хотя, конечно, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов заслуги ученых, организаторов производства, всех тех, кто имел отношение к Манхэттенскому проекту, решающее слово оставалось за президентом, и он неизменно произносил его в подтверждение своей решимости сделать всё возможное для того, чтобы секретами атома овладела именно его страна.

В конце 1944 года, когда работы над атомным оружием вступили в заключительную фазу, Рузвельт лично занялся вопросом о его практическом применении. Он, движимый не только военно-политическими интересами, но и эмоциями, решил, что объектом атаки станут Японские острова — враг должен был понести наказание за Пёрл-Харбор и последующие агрессивные действия. 30 декабря состоялась встреча со Стимсоном, на которой было решено начать подготовку летчиков 509-й группы бомбардировщиков B-29 для боевого применения нового оружия. Президент понимал, что подготовка должна быть не только чисто военной, но и психологической, ибо скорее всего

речь будет идти о десятках тысяч жертв среди мирного населения. Определены были и города Японии, которые станут объектами бомбардировок. Рузвельту был представлен список, включавший Хиросиму, Ниигату, Нагасаки, Кокуру и Киото. По рекомендации советников древняя японская столица, всемирный культурно-религиозный центр Киото был исключен из списка.

Мир всё ближе подходил к началу атомной эры.

* * *

В период войны сохранялись, а порой и осложнялись внутренние проблемы страны. Социальные противоречия порой приобретали не просто конфликтный, а антагонистический характер, часто сопровождаясь стремлением нажиться на войне. Такая тенденция существовала со стороны не только большого бизнеса, но и противоположного лагеря — организованного рабочего движения.

Особенно агрессивным был Объединенный профсоюз шахтеров, насчитывавший в 1943 году около четырехсот тысяч членов. В начале года произошел ряд местных стачек горняков, выдвигавших требования повышения заработной платы, улучшения техники безопасности и главное — введения шестичасового рабочего дня. В апреле председатель объединения горняков Джон Льюис призвал к общенациональной забастовке с теми же лозунгами — и это в условиях военного времени, когда американские войска сражались на Тихом океане и в Северной Африке, США готовились к участию в битвах на Европейском континенте, а внутри страны все средства и человеческие силы сосредоточивались на снабжении армии и помощи союзникам.

Рузвельт был возмущен поведением лидеров горняков, фактически подзуживавших рабочих на саботаж. Вспоминая, на какие уступки организованному рабочему движению он пошел в предвоенные годы, президент с полным основанием полагал, что тяготы войны должны нести все слои населения. Но он вынужден был сдерживать свои эмоции.

Второго мая 1943 года Рузвельт посвятил свою «беседу у камина» именно этому вопросу. Внешне спокойно, но с огромным внутренним напряжением он говорил о своей только что завершившейся инспекционной поездке по двенадцати штатам, о встречах с рабочими, фермерами, солдатами. Президент признавал: «Рабочие — мужчины и женщины — безропотно выносят долгие смены на трудной работе, терпят тяжелые условия жизни»{605} — и при этом напоминал, что после

нападения японцев на Пёрл-Харбор оба ведущих профобъединения — АФТ и КПП — провозгласили, что отказываются от забастовок до полной победы. Среди тех, кто дал это обещание, был и председатель Объединенного профсоюза шахтеров. Теперь же обещание нарушено и ответственность за кризисное положение лежит именно на руководителях профсоюзного объединения, а не на рядовых горняках.

Рузвельт сообщил о чрезвычайных мерах, которые вынужден был принять: накануне он отдал распоряжение о взятии шахт под правительственное управление. Президент призвал шахтеров вернуться к работе, приводя в пример солдат и матросов, подлинных героев. «Они знают, как важно для сотен тысяч, а в конечном итоге — для миллионов других молодых американцев, чтобы самое лучшее вооружение как можно скорее попало в руки наших военных частей». «Уголь будет добываться, — твердо заявлял Рузвельт, — независимо от того, кто и что об этом думает… Невозможно себе представить, чтобы хоть один шахтер, если он патриот своей страны, не вернулся к работе, к добыче угля, а вместо этого занял какую-то особую позицию»{606}.

Это обращение, сделанное, как обычно, спокойным голосом, но весьма конфликтное по внутренней тональности, Рузвельт завершил на оптимистической и вместе с тем угрожающей ноте, изложив свою демагогическую патриотическую аргументацию высоким штилем: «Завтра над каждой шахтой будет поднят звездно-полосатый флаг, и я верю, что под этим флагом ни один шахтер не откажется работать»{607}. Под таким мощным давлением всеобщая стачка шахтеров была отменена.

На переломном этапе войны. Тегеран

В 1943 году воочию проявился перелом в ходе Второй мировой войны, начавшийся в году предыдущем. На Восточном фронте советские войска летом одержали внушительные победы в жестоких сражениях под Сталинградом и на Курской дуге. В это же время американские и британские части завершали наступательную операцию в Северной Африке, военно-морские силы США перешли к более активным боевым действиям на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, где Япония вынуждена была отказаться от наступательных операций и перейти к глухой обороне.

В «беседе у камина» 28 июля 1943 года Рузвельт ознакомил слушателей с важнейшими задачами, которые по согласованию с главными союзниками США — СССР и Великобританией — предстояло решать: безоговорочная капитуляция противника, искоренение фашизма, наказание тех, кто совершил военные преступления и преступления против человечества. Речь шла о таких основополагающих принципах послевоенного мира, как свобода слова и вероисповедания, отсутствие нищеты и страха.

Рузвельт понимал, что среди его сограждан было немало тех, кто полагал, что после войны страна должна возвратиться к своим континентальным делам и поменьше вмешиваться в дела других регионов, не навязывая свою форму правления. Он, однако, был полон решимости сохранить под «идеалистическими» лозунгами руководящее американское участие в общемировых делах, используя с этой целью неимоверно выросшую военно-политическую мощь страны. Президент с лукавством произнес: «Прошу прощения, если мои слова задевают тех американцев, которые, ораторствуя в кругу приятелей, называют такую внешнюю политику “безумным альтруизмом” или “прекраснодушным мечтательством”»{608}. На самом деле он отлично понимал, что речь идет не о «круге приятелей», а о значительном политическом течении, склонном к возвращению, по крайней мере частичному, к континентальному изоляционизму

Именно в связи с этим президент уделил значительное внимание военным усилиям союзников Соединенных Штатов, особенно Великобритании и Советского Союза. Не вдаваясь в то, какими мерами тоталитарная система обеспечила перелом в ходе войны на Восточном фронте, он особенно подробно остановился на выдающемся вкладе «русского народа» (разумеется, имелись в виду все народы СССР). Естественно, он не мог не назвать и того,

кто стоял во главе великого восточного государства-союзника:

«Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир»{609}.

Рузвельт отлично понимал необходимость координации усилий трех держав, тщательного совместного планирования военных операций в условиях перехода от оборонительной стратегии к наступательной.

Во взаимоотношениях с двумя главными союзниками американский президент вел себя хитро и ловко. С Уинстоном Черчиллем он продолжал встречаться и в Вашингтоне, и в Шангри-Ла, дважды в канадском Квебеке и даже в марокканской Касабланке. Между прочим, расшифровав место встречи, германские тайные службы пришли к выводу, что речь идет просто о Белом доме, ибо «Касабланка» в переводе и означает «белый дом»! Черчилль, как всегда, демонстрировал непринужденность манер, которая удивительным образом воспринималась не как наглая бесцеремонность, а, наоборот, как признак джентльменства. Сэр Уинстон мог, например, вести беседу в халате и босиком, тогда как Рузвельт появлялся одетым. Правда, и он обычно не надевал фрак, галстук-бабочку и белую сорочку, а представал перед гостем в скромной, часто фланелевой, рубашке с закатанными рукавами.

Но манеры английского аристократа, привычный образ жизни, который он стремился сохранить и в гостях, доставляли окружающим немало затруднений. Секретарь Рузвельта У. Хэссет вспоминал: «Он был нелегким гостем — пил, как рыба, и дымил, как печка, не обращал внимания на распорядок дня, работал ночами, спал днем и перевернул часы в противоположную сторону»{610}.

Премьер соревновался с президентом в остроумии, знании не только военных и политических реалий, но также истории, поэзии. Каждый пытался перещеголять собеседника, вспоминая забавные эпизоды из своей жизни. Встречи с Черчиллем были для Рузвельта своего рода турниром, на котором он стремился показать не только изменение соотношения сил двух великих держав, но и собственное интеллектуальное превосходство.

Если с первой задачей справиться удавалось в силу объективных факторов, то со второй было намного труднее. Когда речь шла об истории, географии, художественной литературе, искусстве, они сражались примерно на равных. Так, во время посещения Шангри-Ла Рузвельт повез гостя по окрестным местам, в том числе в городок Фредерик. Неожиданно Черчилль попросил показать ему дом Барбары Фричи, вероятно, полагая, что Рузвельт

не знает, кто она такая. Но тот оказался на высоте — не только подвез гостя к дому и рассказал историю о том, как 95-летняя женщина во время Гражданской войны вышла на центральную улицу города с союзным флагом и преградила путь наступавшей армии южан под командованием генерала Томаса Джексона по прозвищу «Каменная стена»[36], но и прочел посвященное этой храброй женщине стихотворение Джона Гринлифа Уиттьера. Черчилль не остался в долгу. Он подхватил слова и дочитал стихотворение до конца, вдобавок подробно рассказав о битве под Геттисбергом — одном из важных сражений Гражданской войны.

Но такие интеллектуальные игры, разумеется, не были основным содержанием встреч двух политиков. Главная задача состояла в определении районов скоординированных военных действий. В этой области Черчилль подчас проявлял больший реализм, нежели его американский партнер.

* * *

В январе 1943 года Рузвельт впервые после избрания президентом покинул Соединенные Штаты на сравнительно долгое время, отправившись за океан. Более того, это был первый в истории выезд президента за пределы страны в военное время. Конечным пунктом путешествия, начавшегося 9 января, был марокканский город Касабланка на берегу Атлантического океана, недалеко от Рабата — столицы этой французской колонии. Здесь состоялась встреча с Черчиллем, которая положила начало серии международных конференций, происходивших после вступления США в войну и решавших вопросы военной стратегии и послевоенного устройства мира.

Путешествие было очень утомительным. В Майами (штат Флорида) президент тайно приехал на своем поезде. Оттуда была совершена серия перелетов — на остров Тринидад, на побережье Бразилии, а затем в британский протекторат Гамбию на западном побережье Африки. Общая длина маршрута составила около 5,5 тысячи километров, а продолжительность пребывания в воздухе почти 40 часов. Рузвельту приходилось привыкать к полетам — ведь до этого он поднимался в воздух только один раз, когда торопился на съезд демократов в 1932 году, чтобы принять приглашение баллотироваться на высший пост.

Переговоры проходили в Анфе — курортном пригороде Касабланки. Советнику Черчилля Гарольду Макмиллану, который через много лет сам стал британским премьер-министром, эта конференция показалась похожей на встречу двух древних владык

— Восточной и Западной Римских империй. Первый проводил дневное время в постели, поглощал огромное количество еды, крепких напитков и сигар, но в немногие остававшиеся часы умело решал мировые проблемы. Второй, окруженный массой советников (в их числе были сыновья Эллиот и Франклин-младший, получившие на этот случай отпуск из своих воинских частей, причем их командиры вообще не знали, куда и зачем отправляются офицеры, а сами они узнали о цели своего путешествия только после прибытия), выглядел более занятым — он давал инструкции, выслушивал советы экспертов и, естественно, вел дружеские беседы с партнером, порой переходившие в острые споры{611}.

На конференцию был приглашен также Сталин, но он отказался в ней участвовать, мотивировав тем, что чрезвычайно занят военными делами во время победоносного завершения битвы под Сталинградом. Это была отговорка, поскольку в действительности руководство операцией осуществляли высшие военные, но таким образом он продемонстрировал главам союзных держав, что ему принадлежит исключительная роль в советских победах. Сталин не приехал в Северную Африку и по соображениям престижа, ибо конференция проходила в городе, лишь недавно освобожденном англо-американскими войсками.

У Черчилля был четкий план, который он изложил уже 14 января, в день начала переговоров: предусматривались завершение захвата североафриканского побережья, создание там крупных военных баз, чтобы атаковать противника на юге Европы — в ее «мягком подбрюшье», как выразился Черчилль.

Рузвельт с подачи своих генералов придерживался мнения, что основной предстоящей операцией союзников должна быть высадка на побережье Северной Франции, что позволило бы максимально приблизить окончание войны в Европе. Члены объединенного комитета начальников штабов пришли, однако, к выводу, что подготовительная фаза этой операции под кодовым названием «Раундап» («Окружение») завершится не ранее осени 1943 года.

В результате переговоров стороны договорились о первоочередном окончании войны в Африке путем занятия территории Туниса, с тем чтобы затем осуществить высадку на итальянском острове Сицилия. Наступательная операция союзников на севере Европейского континента была перенесена на 1944 год, но не исключалось ее досрочное начало во Франции при крупных военных успехах СССР.

Конференция завершилась 24 января встречей с прессой, представители которой были приглашены в Касабланку в самый

последний момент. Рузвельт и Черчилль впервые объявили главную цель войны (точнее говоря, озвучил ее именно Рузвельт, согласовав предварительно с британским премьером): «Ликвидация германской, японской и итальянской военной силы означает безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии. Это означает разумное обеспечение будущего мира во всем мире. Это не означает уничтожения населения Германии, Италии или Японии, но это означает ликвидацию такой философии в этих странах, которая основана на завоевании и подчинении других народов»{612}. Четыре раза повторив слово «означает», Рузвельт придал еще более жесткий оттенок формуле безоговорочной капитуляции, к которой охотно присоединился Сталин в ряде последующих заявлений.

Американские военные позже не раз говорили, что эта формула была ошибкой, поскольку затянула войну, по крайней мере, на несколько месяцев, ибо вызвала отчаянное сопротивление немцев. Но Рузвельт до последних дней своей жизни был убежден в своей правоте, в том, что именно безоговорочная капитуляция должна была стать первым условием искоренения духа агрессии и в Европе, и в Азии.

Долгое и утомительное путешествие в Африку отразилось на состоянии здоровья Рузвельта. Он чувствовал себя изнуренным, тем более что на обратном пути заразился какой-то непонятной болезнью. Врачи считали, что это был результат укуса насекомого. Несколько дней по возвращении в Вашингтон президент был вынужден провести в постели, мучимый бессонницей и высокой температурой. Только благодаря применению сульфамидных препаратов, которые начинали входить в обиход американской медицины, его удалось вывести из этого состояния. Вскоре Рузвельт писал британскому премьеру: «Я поехал в Гайд-Парк на пять дней, полностью выздоровел при этой великолепной погоде, возвратился назад на прошлой неделе и чувствую себя как боевой петух»{613}.

* * *

Третья встреча глав двух держав состоялась через четыре месяца — Черчилль вновь прибыл в Вашингтон. На этот раз он, незадолго до того перенесший воспаление легких, путешествовал на трансатлантическом лайнере «Квин Мэри» (на его борту, между прочим, находилось несколько тысяч германских военнопленных, которых везли в США, чтобы снять с Великобритании груз их содержания).

Любивший звучные наименования, Черчилль придумал для конференции, проходившей с 12 по 27 мая, название «Трайдент» («Трезубец»). Название было двусмысленным, так как партнеры не только договаривались о том, где воткнут «трезубец» в противника, но и порой вступали в схватку друг с другом. Чтобы продемонстрировать свою самостоятельность, Черчилль на этот раз остановился не в Белом доме, а в британском посольстве.

В ходе переговоров Черчилль вначале настаивал на необходимости развертывания военных действий на Балканском полуострове, доказывая, что именно здесь могут быть достигнуты успехи. Однако главный план сэра Уинстона состоял в том, чтобы англо-американские войска, высадившись на Балканах, создали «дружественную» стену перед наступающей Красной армией, не допустив ее выхода за пределы территории СССР. В противоположность Рузвельту он был убежден, что Сталин при благоприятных условиях вознамерится не просто продвинуть свои войска как можно глубже в центр Европы, но и начать перестройку соседних стран по советскому образцу.

Рузвельт же считал, что нужно проводить по отношению к СССР такую политику, которая давала бы возможность продолжать использовать Восточный фронт как основной театр военных действий, перемалывавший германские (и советские) вооруженные силы, и открыть второй фронт в Европе тогда, когда США и Великобритания будут полностью к этому подготовлены.

В результате майских переговоров 1943 года было подписано компромиссное коммюнике, в котором всё же зафиксирована убежденность в необходимости «решающего вторжения в цитадель стран оси». Вот только где это вторжение будет осуществляться, пока было не совсем ясно.

Будучи убежденным в том, что этим регионом должен стать север континента, Рузвельт пришел к выводу, что высадка англо-американских войск может быть произведена не ранее весны 1944 года. Теперь об этом необходимо было проинформировать Сталина. Рузвельт отлично понимал, какое впечатление произведет на советского руководителя новое откладывание начала операции, и несколько раз принимался за текст послания, но написанное казалось ему неудовлетворительным — то слишком обходительным, с извинительными нотками, то излишне резким и нелояльным.

В конце концов он поручил составить это злосчастное письмо генералу Маршаллу, и тот нашел наилучший вариант: в нем не было никаких объяснений и оправданий, а просто сообщалось, что на Британских островах будут сконцентрированы американские и английские войска для широкомасштабной

высадки на территории Франции весной 1944 года. Рузвельт охотно принял такую версию и распорядился немедленно отправить этот текст за своей подписью советскому лидеру. Это был, видимо, единственный случай, когда личное послание американского президента было написано без его участия.

В Москве рузвельтовское «секретное и личное послание» было получено 4 июня{614}. Как и предполагалось, ответ Сталина от 11 июня выражал не просто неудовлетворенность, а почти нескрываемое негодование. Это решение, по его мнению, «создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом…». «Нужно ли, — писал он, — говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий. Что касается Советского Правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»{615}.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить союзнические отношения с СССР и личные доверительные связи со Сталиным, Рузвельт несколько раз предлагал ему встречу один на один. Советский лидер под разными предлогами от этой встречи уклонялся, отлично понимая, что Рузвельт приложит все усилия к тому, чтобы представить намеченную, а затем и осуществленную операцию в Италии в качестве открытия второго фронта. Сталин откладывал и трехстороннюю встречу в условиях, когда исход летней кампании 1943 года еще не был ясен, то есть до разгрома немецких войск на Курской дуге.

В ожидании встречи с советским лидером Рузвельт явно идеализировал его. Быть может, он полагал, что война «перевоспитала» диктатора и после ее окончания в СССР будут проведены серьезные подвижки в образе жизни и политической системе.

Его планы не были построены исключительно на песке. В Советском Союзе происходили некоторые изменения, которые, казалось, предвещали будущие кардинальные сдвиги: был распущен руководимый Москвой Коминтерн, а песня «Интернационал» перестала быть советским гимном; Сталин

принял иерархов Русской православной церкви, после чего прекратились нападки на церковь и религию. Поговаривали, что после войны будут распущены колхозы, восстановлена мелкая частная собственность в городах (она действительно существовала непродолжительное время на территориях, освобожденных от оккупации), создана вторая партия и т. п.

Правда, наиболее умудренные американские государственные деятели, знакомые с советскими реалиями, полагали, что после войны внутриполитической курс будет резко ужесточен и Сталин предпримет максимум усилий для дальнейшего расширения своей империи.

Еще в начале 1943 года Рузвельт получил меморандум Уильяма Буллита, в свое время бывшего послом США в Москве, который писал, что СССР «осуществит коммунизацию» Восточной Европы, если США и Великобритания не воспрепятствуют этому

Рузвельт пригласил Буллита к себе. В беседе дипломат высказал мнение, что, пока США будут заниматься тихоокеанскими и японскими делами, Сталин приложит усилия, чтобы закрепить за СССР позиции в Европе после поражения Германии. Буллит рекомендовал президенту пригласить советского лидера в Вашингтон или на Аляску и жестко потребовать от него обязательства отказаться от аннексии европейских стран в любой форме. В противном случае следовало сократить помощь СССР и отказать в послевоенном займе на восстановление. Дипломат также поделился соображениями о целесообразности вторжения американских войск на Балканы, которую, как мы помним, поддержал не Рузвельт, а Черчилль.

Сходные мнения циркулировали на страницах американской прессы. Из Москвы поступали сведения о том, что советская пропаганда принижает вклад западных союзников в борьбу против общего врага. В центральной печати СССР было опубликовано провокационное стихотворение Алексея Суркова о консервных банках с надписью «USA», валяющихся на прифронтовой дороге возле убитого повара. А далее поэт буквально причитал:

Но тот, чьей фирмы буквы трафарета,
Молчит в своем заморском далеке.
Валяющихся в поле мясом рваным
Ему из дальней дали не видать.
Ему в его стране за океаном
И тишь, и гладь, и божья благодать…
А в час, когда добудешь ты победу,
Придет, роняя сладкие слова,

Он за добычей, как шакал по следу
Израненного в смертной схватке льва.

Подобные выражения неблагодарности, тиражируемые миллионами экземпляров и провоцировавшие враждебные чувства к союзнику, разумеется, весьма скрупулезно регистрировались посольством США, прежде всего теми его сотрудниками, которые воспринимали союз с СССР в качестве «странного альянса» (так называлась вышедшая после войны книга американского военного атташе в Москве Джона Дина{616}).

Справедливости ради надо сказать, что подобные настроения — правда, в значительно более спокойных тонах — были отражены и в публикациях британских газет, утверждавших, что США заинтересованы в том, чтобы Англия была обескровлена, а Америка в последнюю секунду выступила в качестве спасителя{617}.

Мнение Буллита и донесения из Москвы какое-то влияние на Рузвельта оказывали, но он продолжал возлагать чрезмерно большие надежды на добрую волю советского лидера. Жесткие суждения Буллита Рузвельту явно не понравились, и в последующие годы он игнорировал старого дипломата. Халл попытался привлечь того к работе, назначив, например, чрезвычайным послом по делам Африки и Среднего Востока, но на его меморандуме Рузвельт написал издевательскую резолюцию: «Почему не послом в Саудовскую Аравию?»{618} Такой пост фактически означал бы полное отстранение Буллита от реальных политических дел.

В американо-советских отношениях этого времени немалое место занимал польский вопрос. Речь шла о территориях, захваченных СССР в 1939 году и затем включенных в состав Украинской и Белорусской республик, о взаимоотношениях с польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне, об обнаружении немецкими оккупантами летом 1942 года в Катынском лесу под Смоленском массовых захоронений польских военных, расстрелянных советскими спецслужбами в мае 1940-го.

Самым взрывоопасным был вопрос о трагической судьбе поляков, убитых, как доказывали немцы, по приказу Сталина. Нацистские главари использовали полученные данные, чтобы противопоставить их распространявшейся по всему миру информации о зверствах гитлеровцев. Страшная находка была для них подарком судьбы. Волей кошмарного случая коммунистическая злодейская акция была доказана злодеями,

воевавшими по другую сторону фронта. Разоблачение, о котором гитлеровцы растрезвонили по всему миру, имело цель внести раскол в антигитлеровскую коалицию.

Черчилль и Рузвельт оказались в крайне щекотливой ситуации. Премьер польского эмигрантского правительства Владислав Сикорский потребовал от них объяснений и действий. Западные руководители отлично понимали, что в данном случае нацистская пропаганда не лжет, как ей это было обычно свойственно, и существуют убедительные доказательства преступления, совершённого советской стороной. Но признание их достоверными сокрушительно подорвало бы престиж СССР в общественном мнении США и Великобритании, крайне затруднило бы дальнейшее сотрудничество со Сталиным.

Черчилль, посоветовавшись с Рузвельтом, попытался внушить польским деятелям необходимость «рационального подхода». Не опровергая сделанных немцами заявлений, он убеждал: гитлеровская пропаганда пытается посеять рознь между союзниками (что соответствовало действительности) и не в их интересах давать польским деятелям заходить слишком далеко в своих претензиях к Сталину, несмотря на то, что речь шла о расстреле в Катынском лесу, а также в других районах СССР почти двадцати двух тысяч их соотечественников{619}.

Польский вопрос во взаимоотношениях с СССР особенно осложнялся в связи с тем, что в США проживало около шести миллионов поляков, большинство которых традиционно поддерживали Демократическую партию. Президент должен был считаться с их мнением, не отталкивать эту часть избирателей от себя, что требовало немалой эквилибристики.

Трудно согласиться с А. И. Уткиным в том, что союзнические отношения с СССР в 1943 году дали трещину{620}, но можно считать достоверным тот факт, что Рузвельт несколько охладел к советскому лидеру (правда, на очень краткий срок). Президент задумывался над тем, не следует ли присоединиться к «балканскому варианту», не является ли ошибкой выдвигавшийся им самим план «четырех полицейских» (США, Великобритания, СССР и Китай), которые после войны будут следить за мировым порядком, чтобы не допустить новых вооруженных конфликтов. В том случае, если всё же будет осуществляться план высадки в Северной Франции, говорил Рузвельт, войска Объединенных Наций должны быть готовы войти в Берлин не позднее советских.

О некотором охлаждении во взаимоотношениях свидетельствовали отзыв из США М. М. Литвинова и замена его в 1943 году молодым, рвущимся наверх дипломатом А. А. Громыко, который попал в Наркоминдел только в 1939 году из

академического института в ходе так называемого молотовского призыва, после того как многие сотрудники внешнеполитического ведомства были истреблены в годы Большого террора. Перед назначением поверенным в делах Громыко, работая советником посольства, посылал доклады Молотову через голову своего руководителя.

О подходе Громыко к советско-американским отношениям свидетельствует его пространное письмо Молотову от 14 августа 1942 года. Он докладывал наркому: «…несмотря на требования миллионов американцев открыть второй фронт в Европе в 1942 году, нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к этому… среди командного состава армии США сильны антисоветские настроения. Подавляющее большинство генералов питало надежду, и еще сейчас ее не оставило, на истощение и гитлеровской армии, и Советского Союза… Еще хуже (куда уж хуже!) настроения среди командного состава флота США». Письмо советника посольства, явно извращенно толковавшее и политику США, и общественные настроения, было резко раскритиковано американским отделом Наркоминдела, давшим на него отзыв: «…тов. Громыко, делая очень ответственные заявления, не подкрепляет эти заявления фактами»{621}.

Рузвельт несколько раз принимал Громыко, но найти с ним общий язык не смог. Не зря этот деятель позже получил прозвища «Господин Нет», «Угрюмый гром» и т. п. Он действовал крайне осторожно, точно следовал букве сталинских указаний, не допуская ни одного самостоятельного слова. Его назначение отнюдь не способствовало укреплению дружеских чувств Рузвельта к СССР

И всё же во второй половине 1943 года позиция Рузвельта относительно восточного союзника опять несколько смягчилась. Этому способствовал, в частности, доклад начальника Управления стратегических служб У. Донована, в котором намерениям СССР давалась в целом позитивная оценка: он будет верен союзническим обязательствам и, главное, не намерен идти на сепаратные переговоры.

На наступательном этапе войны американский президент был столь же заинтересован в советском союзнике, как и в первые годы противостояния СССР и гитлеровской Германии, когда Красная армия отвлекала на себя основные силы вермахта.

* * *

В этих условиях вопрос о встрече «большой тройки» начал переходить в практическую плоскость.

С 17 по 24 августа 1943 года в канадском Квебеке состоялась очередная встреча Рузвельта и Черчилля, в которой участвовали также начальники штабов вооруженных сил обеих стран. Перед этим Черчилль побывал в Гайд-Парке, где убеждал Рузвельта в необходимости развивать успех на юге Европейского континента, который, по его мнению, должен был подготовить благоприятные условия для высадки в Северной Франции.

Соглашаясь с тем, что после занятия Сицилии (в разгар конференции поступило сообщение, что американский генерал Джордж Паттон занял Мессину, главный город острова) необходимо будет осуществить высадку в Италии, Рузвельт прислушивался к мнению американских военных, прежде всего Маршалла, убежденных, что наилучшим средством приблизить сроки окончания войны в Европе является хорошо спланированная и подготовленная операция в Северной Франции.

Заключительный доклад Объединенного комитета начальников штабов, одобренный конференцией, предусматривал проведение воздушных налетов на Германию; операцию «Оверлорд» — как сказано в докладе, «главное американо-английское наступление на суше и в воздухе против европейских держав оси» (ее начало было назначено на 1 мая 1944 года); военные действия в Италии; высадку на континент при чрезвычайных обстоятельствах (операция «Ранкин»); ограниченные действия на Балканах, главным образом в поддержку партизанских акций.

Некоторые разногласия возникли при обсуждении планов военных действий против Японии. Черчилль выразил желание, чтобы Великобритания приняла более активное участие в операциях, в частности в высадке десантов в Голландской Ост-Индии. Рузвельт дружески, но твердо отклонил это предложение, надеясь расширить американский контроль этого региона.

Девятнадцатого августа было подписано секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы, причем США сохраняли за собой ведущие позиции в научных исследованиях и производстве нового оружия{622}.

В Квебеке Рузвельт выступил с предложением о создании послевоенной международной организации и даже представил соответствующий проект, в котором говорилось об ответственности четырех великих держав за сохранение мира. Между прочим, президент пользовался аргументацией своего бывшего соперника по предвыборной борьбе У. Уилки, недавно выпустившего небольшую книгу «Единый мир»{623}, в которой

республиканец выдвигал свой план международного сотрудничества.

По окончании встречи в Квебеке Черчилль провел еще две недели в Вашингтоне в качестве гостя президента. Во время бесед явственно ощущалось, что британский премьер вынужден был считаться, хотя и очень неохотно, с той реальностью, что по всем военным, экономическим, политическим показателям Америка Рузвельта оказывалась доминирующей силой.

Именно после Квебекской конференции началась подготовка первой встречи «большой тройки». Сразу после возвращения Рузвельта в Вашингтон на пресс-конференции 21 августа ему был задан прямой вопрос о возможности трехсторонней встречи, причем задан в такой форме, что президент должен был либо отвергнуть таковую возможность, либо отмести спекуляции в прессе по этому поводу.

Он избрал второй путь — гневно обрушился на обозревателя Дрю Пирсона, известного своими скандальными обвинениями представителей рузвельтовской администрации, особенно госсекретаря Халла, в том, что они не желают открывать второй фронт, поскольку стремятся обескровить Россию. Рузвельт сказал, что журналист «лжет от начала до конца» и этим ставит под угрозу единство объединившихся наций, вредит собственной нации и вообще он «хронический лжец»{624}. Таким нетерпимым по отношению к одному из видных представителей пишущей братии Рузвельта видели очень редко. Объяснялось это просто — за публикациями Пирсона следило посольство СССР, и они могли создать впечатление о негативном отношении администрации к восточному союзнику, что в данный момент было особенно невыгодно.

В сентябре—октябре 1943 года непродолжительное время длился торг по поводу места встречи. Сталин настаивал на Тегеране, где размещался советский воинский контингент и где он чувствовал бы себя в большей безопасности, тем более что столица Ирана находилась сравнительно близко к советской границе. Рузвельт, скорее всего по соображениям престижа, настаивал на своей зоне влияния — Каире или Багдаде, но в конце концов пошел на уступку. Весьма любопытно, что, действуя от имени «мистера Черчилля», он при этом ставил британского премьера перед свершившимися фактами. 8 ноября Рузвельт проинформировал Сталина о готовности встретиться с ним в Тегеране{625}. Со стороны американского президента, готового преодолеть расстояние, равное почти половине окружности Земли, это был жест, свидетельствовавший о высокой оценке им тех огромных военных усилий, которые вносил советский народ в

достижение победы над агрессорами.

В отместку Рузвельту, отодвинувшему его на второй план, Черчилль написал Сталину: «Я был очень рад узнать о том, что Президент готов вылететь в Тегеран. В течение длительного времени я настойчиво просил его это сделать. Что касается меня, то я в течение нескольких прошедших месяцев заявлял о своей готовности отправиться в любое место, в любое время, когда мы трое сможем встретиться вместе»{626}.

Правда, появилось одно препятствие. Советники говорили Рузвельту, что он явно подвергнется нападкам недоброжелателей в конгрессе и вне его под тем предлогом, что, согласно Конституции США, должен подписывать законы или же налагать на них вето в течение десяти дней, тогда как поездка за рубеж предполагалась на значительно более длительный срок. Любопытно, что по поводу конференции в Касабланке, когда Рузвельт находился вне пределов страны более двух недель, такого рода опасения не высказывались.

Президент, однако, быстро нашел остроумный выход из положения, использовав юридическую уловку. Ведь нигде не говорилось, что он должен подписать закон в течение десяти дней после его принятия. «Будем считать, что я должен его подписать не позже чем через десять дней после получения», — заявил Франклин. Получить же принятые за время его отсутствия законодательные акты он мог официально только по возвращении в США.

Для встречи с Черчиллем и Сталиным Рузвельт проделал длинный путь. 19 дней заняло плавание линкора «Айова» до алжирского порта Оран. На борту корабля Франклин вновь начал вести дневник, о котором после окончания конференции опять позабыл. В первый же день путешествия он записал: «Это будет новая Одиссея — значительно более дальняя по суше и по воде, чем [мыслили] храбрые троянцы, имя которых я использовал в Гротоне, когда участвовал в соревновании за школьную награду. И она будет полна неожиданностей»{627}. Вместе с президентом «храбрыми троянцами» были начальники штабов трех родов войск и личный советник Гарри Гопкинс.

В дороге произошел инцидент, который мог привести к катастрофе. Сопровождавший «Айову» эсминец «Портер» выпустил торпеду, которая чуть было не подорвала линкор. Оказалось, что оплошность допустил дежурный офицер, проводивший чистку торпедного аппарата. В результате короткого замыкания торпеда ринулась в направлении «Айовы». Лишь по чистой случайности взрыв произошел в океане, неподалеку от флагмана. Вместе с верховным

главнокомандующим опасность угрожала всем начальникам штабов. Вина офицера была бесспорной — он должен был проверить, чтобы торпедный аппарат был нацелен на пустое пространство. Президент, однако, приказал простить моряка и тем более не отстранять от должности командира эсминца, что предлагал сделать командовавший эскадрой адмирал Кинг. Достаточно того, что бедняга узнал, что он чуть было не торпедировал линкор с главнокомандующим и пятью адмиралами на борту, заявил Рузвельт.

Он писал в дневнике: «Пока всё идет хорошо. Поездка проходит с полным комфортом. Достаточно тепло, чтобы сидеть в одном свитере поверх рыбацкой рубашки и брюк… Завтра вечером мы увидим Африку, а в субботу утром сойдем на берег… Какое облегчение обходиться без газет»{628}.

Из Орана самолетом президент проследовал в Тунис, а затем в Каир. Рузвельт не мог отказать себе в удовольствии посетить в Тунисе руины Карфагена, а в Египте (вначале из иллюминатора самолета, а затем и из окна автомобиля) вместе с Черчиллем осмотреть пирамиды. Он сделал запись в дневнике: «Мы проехали обходными путями, чтобы избежать [встречи с] германскими самолетами со стороны пустыни. Посмотрели на Нил на расстоянии примерно 100 миль от Каира — потрясающая сцена — и продолжили путь вдоль узкого пояса плодородных полей со многими деревнями, достигнув в конце концов больших пирамид и моего старого друга Сфинкса. Все мы пообедали (кроме Сфинкса) на [отведенной] мне вилле»{629}.

В Каире состоялись переговоры с Черчиллем и его советниками. Здесь они согласовали свои позиции перед встречей с советским лидером, понимая, что игра с ним будет нелегкой.

Рузвельт встретился со специально прибывшим в Египет главой китайского правительства Чан Кайши и его женой. Можно было бы, впрочем, поменять супругов Чан Кайши местами. Хотя премьер присвоил себе звание генералиссимуса, делами, по мнению многих наблюдателей, вершила его предприимчивая и властная половина. Рузвельта несколько раздражала мадам Чан Кайши, особенно ее манера хлопать в ладоши, чтобы подозвать слугу. Он был недоволен и тем, что энергичная дама отослала прочь переводчика и взяла на себя его роль. Хотя она хорошо знала английский язык, президент всё же больше доверял профессионалам и опасался, что мелкая ошибка может исказить смысл сказанного.

Присутствовавший при встрече Эллиот Рузвельт рассказывал: «Разговор вела главным образом г-жа Чан Кайши. Она убедительно излагала свои планы повышения уровня грамотности

в Китае после войны на основе своего рода “бейсик чайниз” (упрощенного китайского языка), в котором число иероглифов было бы сокращено до тысячи двухсот или полутора тысяч, то есть почти до числа слов в “бейсик инглиш”. Она рассказывала и о других намеченных реформах, и отец… слушал ее очень внимательно. Я помнил слова отца о том, что в настоящее время в Китае нет другого лидера, который мог бы продолжить войну; у меня создалось впечатление, что, по мнению отца, с реформами придется подождать, пока на смену супругам Чан Кайши не придут новые руководители»{630}. Рузвельт, таким образом, вел себя весьма дипломатично.

Тем не менее на каирской встрече обошлось без прямых недоговоренностей. Рузвельт высказал мнение, что Китай займет выдающееся место в послевоенном мире и союзнические отношения обоих государств будут развиваться. В следующий раз он заявил Чан Кайши главное: Китай, несмотря на то, что не будет принимать участия в конференции в Тегеране, войдет в число четырех держав, которым предстоит вершить дела в послевоенном мире.

Правда, Рузвельт первоначально не исключал, что Чан Кайши полетит с ним в Тегеран. Но слухи об этом дошли до Сталина, и тот прореагировал жестко. 12 ноября он написал Черчиллю: «Само собой разумеется, что в Тегеране должна состояться встреча глав только трех правительств, как это было условлено. Участие же представителей каких-либо других держав должно быть безусловно исключено. Желаю успеха Вашему совещанию с китайцами по дальневосточным делам»{631}.

Из Каира Рузвельт на своем самолете отправился в Тегеран, где 28 ноября — 1 декабря 1943 года состоялась первая встреча глав трех основных участников антигитлеровской коалиции.

* * *

Начало Тегеранской конференции сопровождалось драматическим сообщением Сталина Рузвельту о том, что в городе готовится заговор против членов «большой тройки», сведения о котором якобы поступили к агентам советской разведки. Поскольку британское и советское посольства находились по соседству, Сталин предложил Рузвельту переехать из посольства США в советскую резиденцию, чтобы избежать опасных путешествий по городу.

Действительно, в Тегеране готовилась операция спецслужб нацистского рейха. Встречаются утверждения, что ее разработал

сотрудник Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени, который с 1943 года был агентом Гитлера по особым поручениям. Однако в своих воспоминаниях Скорцени не подтверждает, что имел какое-либо отношение к этому замыслу. Так или иначе, в Иран были переброшены две террористические группы. Однако советским разведчикам в Германии удалось установить факт подготовки операции под кодовым названием «Длинный прыжок», хотя детали ее остались неизвестны. За несколько дней до начала конференции в Тегеране по наводке советской разведывательной группы Геворка Вартаняна были проведены аресты более четырехсот немецких агентов и других подозрительных лиц, а кое-кого перевербовали. Опасность теракта отпала{632}.

Тем не менее Сталин решил переманить Рузвельта на «советскую территорию», стремясь продемонстрировать свою бдительность, гостеприимство и в то же время в какой-то мере противопоставить его Черчиллю. Последний, предлагавший американскому президенту апартаменты в британском посольстве, был явно недоволен его переездом в советское посольство на второй день конференции. Рузвельт записал в дневнике: «Русские открыли заговор, состоящий в том, чтобы захватить его (Сталина. — *Г. Ч.*), УСЧ (Уинстона Спенсера Черчилля. — *Г. Ч.)* и меня во время поездок из одного посольства в другое. Поэтому я по предложению Сталина переместился в русский комплекс, где есть достаточно дополнительных зданий и опасность поездок по улицам ликвидируется, так как УСЧ живет по соседству и есть толпа охранников»{633}. Рузвельту были предоставлены помещения на первом этаже главного здания посольства СССР. (Побывавший там вскоре после закрытия конференции глава югославской партизанской военной миссии Милован Джилас запомнил, что после отъезда Рузвельта в этом помещении вещи не переставлялись — всё сохранялось так, как было при нем{634}.)

Первая встреча со Сталиным состоялась, естественно, сразу после того, как оба лидера оказались в Тегеране. Рузвельт рассказывал начальнику своей охраны Майку Рейли, что знакомство со Сталиным почему-то произвело на него шокирующее впечатление, хотя ничего необыкновенного не произошло. Рузвельт находился в своей спальне, когда ему сообщили о прибытии в посольство Сталина. Президента вывезли в гостиную, а с другой стороны в комнату медленно вошел человек низкого роста, но плотного телосложения, из-за чего он «казался крупным»{635}.

Несмотря на то, что Рузвельт многое знал о Сталине-

диктаторе, беспощадно расправлявшемся не только с любой оппозицией, но и с малейшим неподчинением его воле, он стремился отыскать в советском лидере позитивные черты, уговаривая себя, что их можно обнаружить. Без этого ему трудно было бы вести откровенные переговоры. Сталин же умел весьма ловко одурачивать своих партнеров. При этом во время Великой Отечественной войны личные интересы Сталина и жизненные интересы страны объективно совпали: безусловной главной целью был разгром германского агрессора и его союзников.

Сталин как личность произвел глубокое впечатление на Рузвельта. Тот поделился с сыном впечатлением: «Он казался очень уверенным в себе»{636}. Еще большее впечатление советский лидер оказал на самого Эллиота, молодого человека, не очень разбиравшегося в его игре: «Он весьма приветливо поздоровался со мной и так весело взглянул на меня, что и мне захотелось улыбнуться… Слушая спокойную речь Сталина, наблюдая его быструю, ослепительную улыбку, я ощущал решимость, которая заключена в самом его имени: Сталь»{637}.

Можно полагать, что в определенной степени настроения сына передались отцу — Сталин-актер отыграл свою роль успешно.

В первой же продолжительной беседе Рузвельт попытался найти такую главную тему, которая зафиксировала бы определенную общность интересов обеих стран, даже вопреки позиции третьего участника переговоров. Он заговорил о том, что европейские нации после войны потеряют мандат владычества над колониальной периферией мира, обратив, в частности, внимание на необходимость вывести Индокитай из-под господства Франции и провести глубокие реформы в Индии. По поводу последних он даже высказался — разумеется, лицемерно — за введение чего-то «вроде советской системы».

Сталин, видимо распознав неискренность собеседника, резонно возразил, что это означало бы революцию. Согласно оценке госсекретаря Халла, которого Рузвельт не взял с собой на Тегеранскую конференцию, «президент надеялся, что благодаря личной встрече со Сталиным он сможет решить все проблемы, которые существовали между Россией, с одной стороны, и, по сути дела, всеми остальными объединенными нациями, с другой»{638}.

Официальные заседания проходили в обширном зале советского посольства под председательством Рузвельта, а параллельно с ними участники конференции встречались попарно.

Через много лет, когда уже был раскритикован культ

личности Сталина, а психологи-политологи из ЦК КПСС и КГБ стали готовить общественное мнение к реабилитации «вождя и учителя», скорее всего из недр этих малопочтенных организаций был выплеснут в народ анекдот, который, наряду с другими, должен был убедить население СССР в мудрости, остроумии, да и величии Сталина. Якобы перед первым заседанием в Тегеране Черчилль по договоренности с Рузвельтом в присутствии Сталина произнес: «Мне сегодня приснился удивительный сон, что я стал властелином мира». Рузвельт тотчас прореагировал: «Мне тоже приснился поразительный сон, что я стал властелином вселенной». После паузы Сталин сказал: «И мне, господа, приснился сон: я не утвердил ни вас, мистер президент, ни вас, мистер премьер-министр».

Поэт Ю. Кузнецов в 1978 году даже посвятил этому «эпизоду» стихотворение, завершавшееся словами:

> Раздумьем Сталин не смутился,
> Неспешно трубку раскурил: —
> Мне тоже сон сегодня снился —
> Я никого не утвердил!

Этот анекдот, выдаваемый сталинистами, в числе других фикций, за достоверный факт, гуляет и в наши дни. Престарелый В. М. Молотов, которому писатель Ф. Чуев рассказал эту байку[37], был очень доволен: «Подобные разговоры с подковырками имели место на конференциях “Большой тройки”, и Сталин действительно всегда находил выход из, казалось, безвыходного положения»{639}.

Если же возвратиться к тому, что происходило в действительности, то необходимо подчеркнуть, что конференция протекала в атмосфере сотрудничества и в то же время острых дипломатических схваток, причем медиатором, как правило, выступал Рузвельт. На первом заседании он дал обзор военных действий на фронтах, а затем проинформировал советского союзника о решении США и Великобритании осуществить высадку своих частей в Северной Франции не позже мая 1944 года и даже о присвоении операции кодового наименования «Оверлорд».

Сталин поинтересовался, кто будет командовать высадкой во Франции, и, узнав, что командующий еще не назначен, сделал скептическую ремарку по поводу успеха операции, которую Рузвельт и Черчилль предпочли пропустить мимо ушей. Советский лидер, в свою очередь, заявил, что его страна присоединится к войне против Японии по окончании военных

действий в Европе.

Хотя Черчилль в Тегеране несколько раз возвращался к возможности «балканского варианта», Сталину удалось усыпить опасения союзников заявлениями, что он не собирается овладевать Европой, поскольку у русских много дел у себя дома. Так «балканский вариант» по существу дела был отброшен навсегда, хотя Черчилль еще не раз напоминал о его плодотворности. Это дало возможность именно советским вооруженным силам овладеть Румынией, Болгарией, Венгрией, Чехословакией, Югославией и обеспечить в них, а также в Албании создание сателлитных режимов. В том, что в Восточной Европе почти на полстолетия у власти были поставлены коммунистические правительства, немалая доля ответственности американского президента.

Практичный Рузвельт, в отличие от Черчилля, не мыслил перспективно, на много лет вперед. Ему было важно как можно скорее и при относительно небольшом расходовании живой силы и материальных средств получить результат — полный разгром агрессоров и их безоговорочную капитуляцию. Можно ли его за это упрекать? Думается, что в данном случае цена победы была большой, но оправданной. Хотя, надо сказать, по сей день многие политические наблюдатели и некоторые профессиональные историки полагают, что Рузвельт в угоду Сталину предал интересы народов Восточной Европы. Я считаю, что они судят президента США неоправданно строго.

Именно Рузвельт поднял в Тегеране вопрос о создании международной организации безопасности и развития. По его мнению, в нее могли бы войти до сорока государств (разумеется, исключая страны агрессивного блока) во главе с неким руководящим органом, в котором ведущую роль играли бы США, Великобритания, СССР и Китай. Президент, таким образом, проводил свою идею «четырех полицейских». Несмотря на демагогические сомнения Сталина по поводу того, что появление четырех гегемонов может не понравиться остальному миру, и более трезвое его суждение относительно слабости и децентрализации Китая, в принципе идея международной организации была одобрена.

Немалое место на Тегеранской конференции занял вопрос о послевоенной Германии. Рузвельт стоял на наиболее жесткой позиции. Еще до конференции он высказал Объединенному комитету начальников штабов свое мнение о необходимости расчленения Германии на три государства — южное, северо-западное и северо-восточное. Теперь же он поставил вопрос о целесообразности создания на месте Германии пяти новых

государств и в дополнение к ним своего рода «вольных зон» под международным контролем. Черчилль был не так радикален — он предлагал отделить от Германии юго-западные земли, объединив их с дунайскими государствами в конфедерацию. Скорее всего уже задумывавшийся над планами подчинения дунайских стран своей воле, Сталин тотчас выступил против проекта Черчилля, а Рузвельт его поддержал, заявив, что Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций. Откуда президент взял эту цифру, неясно, но в условиях, когда союзники начинали громить силы агрессивного блока, она звучала весьма убедительно. Однако было сочтено целесообразным не предрешать судьбу Германии, а передать обсуждение вопроса в недавно созданный орган — Европейскую совещательную комиссию.

В большей мере интересовал Рузвельта, нежели Черчилля, но особенно остро стоял для Сталина польский вопрос. О расправе с поляками в Катынском лесу западные лидеры благоразумно молчали. Речь шла о том, что в наибольшей степени волновало поляков — и находившихся в эмиграции, и натурализовавшихся в США: о границах Польши.

Для обсуждения этой проблемы Рузвельт пригласил Сталина на двустороннюю встречу 1 декабря. Президент был очень осторожен — открыто не осуждал присоединение к СССР восточной части Польши, однако дал понять, что поляки должны получить территориальную компенсацию. Именно в этой связи возник вопрос о передвижении польской границы на запад, вплоть до реки Одер. Для Сталина это было наилучшим решением, тем более что по его замыслу созданный на территории СССР Польский комитет национального освобождения (ПКНО), руководимый коммунистами, рассматривался им как основа будущего польского правительства. С лондонским эмигрантским правительством дипломатические отношения были разорваны после раскрытия катынского преступления, и советскому диктатору теперь было выгодно его попросту игнорировать.

К польскому вопросу участники конференции возвратились уже втроем в ее последний день, причем была достигнута договоренность о перенесении границы между СССР и Польшей на запад (примерно к так называемой линии Керзона[38], что в основном соответствовало этническому принципу) и о перемещении западной польской границы на реки Одер и Нейсе. Сталин и Рузвельт были настолько уверены в своих силах, в мощи своих держав, что даже не задумывались о том, что по поводу польских границ следовало бы поговорить с самими поляками.

Страна перекраивалась волей лидеров великих держав, и в этом вопросе Рузвельт явно шел на поводу у Сталина.

Черчилль понимал, что важные вопросы решаются в Тегеране за его спиной. Он говорил сопровождавшему его заместителю министра иностранных дел Великобритании Александру Кадогану: «Я сидел между большим русским медведем с вытянутой вперед лапой, с одной стороны, и огромным американским буйволом, с другой. Между ними двумя сидел несчастный маленький английский ослик, который был единственным, кто знал правильный путь»{640}. Сэр Уинстон, с одной стороны, разумеется, искусственно принижал себя — он отнюдь не считал свою личность столь уж незначительной. С другой стороны, он был твердо убежден в своей правоте и полагал, что ближайший союзник — американский президент — ступил на неверный путь сделки с советским диктатором.

Тем не менее своего рода пиком выражения благожелательного сотрудничества стало празднование 69-летия Черчилля 30 ноября. Виновник торжества не скупился на красноречивые признания — всячески хвалил Рузвельта и несколько умереннее Сталина, что, видимо, последнему не понравилось. Ощутив это, Рузвельт произнес: «В то время как мы здесь празднуем день рождения британского премьер-министра, Красная армия продолжает теснить нацистские полчища. За успехи советского оружия!» В свою очередь, с тостом поднялся Сталин: «Я хочу сказать вам, что, с русской точки зрения, президент и народ Соединенных Штатов сделали для победы в этой войне. Самое главное в этой войне — машины. Соединенные Штаты показали, что они в состоянии создавать от восьми до десяти тысяч самолетов в месяц. Россия же может производить не более трех тысяч самолетов в месяц. Англия производит от трех до трех с половиной тысяч… Именно поэтому Соединенные Штаты можно назвать страной машин. Не имея этих машин через систему ленд-лиза, мы проиграли бы войну».

От этого признания советская пропаганда стала всячески открещиваться через несколько лет, когда началась холодная война. Пока же в тосте Сталина звучала не только благодарность за поставки по ленд-лизу, но также понимание, что «арсенал демократий» в данном случае работал на ту страну, где «абстрактная демократия» не признавалась, а восхвалялась «социалистическая демократия».

А. И. Уткин с полным основанием констатирует, что, когда Рузвельт вылетел из Тегерана, он был доволен. «Его план продвижения к искомому послевоенному миру реализуется. Он установил рабочие отношения с СССР, нащупал возможности

компромисса по польскому вопросу, нашел в СССР понимание относительно будущей роли Китая, Западной Европы, проектов построения отличного от предвоенного мира. Обещание СССР выступить против Японии облегчало выполнение азиатских планов Америки. Дела шли желаемым образом»{641}.

Главным результатом Тегеранской конференции было решение об открытии второго фронта в Европе в мае 1944 года путем высадки англо-американских войск на севере Франции с вспомогательной операцией на юге этой страны. Сталин дал обязательство о вступлении СССР в войну против Японии не позднее чем через три месяца после окончания военных действий в Европе. В заключительной декларации руководителей трех держав торжественно заявлялось: «Наше наступление будет беспощадным и нарастающим. Закончив наше дружественное совещание, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании и в соответствии со всеми различными стремлениями и своей совестью. Мы прибыли сюда с надеждами и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительно друзьями по духу и цели»{642}.

* * *

На обратном пути, в Каире, памятуя, вероятно, недовольство Сталина по поводу отсутствия руководства операцией «Оверлорд», Рузвельт принял одностороннее, без консультации с Черчиллем, решение о назначении верховным главнокомандующим экспедиционными силами генерала Дуайта Эйзенхауэра (1890—1969). Это был профессионал, в свое время окончивший престижную военную академию в Вест-Пойнте, участвовавший в Первой мировой войне, а затем занимавший различные армейские должности. В начале Второй мировой войны он служил в отделе военного и оперативного планирования штаба армии, с ноября 1942 года по октябрь 1943-го командовал силами союзников, высадившимися в Северной Африке, а затем в Италии. Эйзенхауэр станет прославленным руководителем операции союзников в Европе в 1944—1945 годах, а после войны — крупным политиком, 34-м президентом Соединенных Штатов (1953—1961).

Рузвельт вначале колебался в вопросе о командующем. Встретившись с Эйзенхауэром еще по дороге в Тегеран, он намекнул, что, возможно, им станет начальник штаба армии Маршалл, который вполне заслуживает чести находиться во главе армии вторжения, но тут же добавил, что его страшит отъезд

Маршалла из Вашингтона{643}. Теперь же, информируя генерала об ответственном назначении, Рузвельт не преминул упомянуть, что Сталин «выразил особое удовлетворение в отношении его кандидатуры»{644}. Неизвестно, действительно ли президент говорил Сталину об Эйзенхауэре, но генералу должна была быть лестна высокая оценка его верховным главнокомандующим той армией, которая несла на себе основную тяжесть военных действий.

Рузвельт отлично понимал лицемерие своего партнера, советского диктатора, когда тот ничтоже сумняшеся подписывал в Тегеране документ о недопустимости тирании. Он никак не мог считать Сталина «другом по духу», но готов был подписать соглашение хоть с чертом, лишь бы он содействовал, а тем более вносил, жертвуя миллионами жизней своих сограждан, решающий вклад в разгром агрессоров. При этом американский президент, безусловно, чувствовал силу сталинской воли и отдавал должное его умению решительно направлять все людские и материальные ресурсы своей страны на решение определенных задач. В данном же случае эта задача была ясна — разгром нацистской Германии и ее союзников, являвшихся врагами как страны в целом, так и лично Сталина; это был один из немногих случаев, когда его намерения совпадали с устремлениями его подданных.

По всей видимости, Рузвельт с некоторой симпатией относился к Сталину еще и потому, что у них были общие черты — неуклонное стремление к высшей власти, хотя и в совершенно разных условиях.

Переводчик Сталина В. М. Бережков отмечал по собственным наблюдениям: «Сталин, конечно, не сомневался, что отношение президента к системе, которая его усилиями возобладала в Советском Союзе, крайне отрицательное. Для Рузвельта не могли быть тайной кровавые преступления, произвол, репрессии и аресты в сталинской империи — уничтожение крестьянских хозяйств, насильственная коллективизация, приведшая к страшному голоду и гибели миллионов, гонения на высококвалифицированных специалистов, ученых, писателей, объявленных “вредителями”, истребление талантливых военачальников. Страшные последствия сталинской политики породили на Западе крайне отрицательный образ Советского Союза. Как сложатся отношения с Рузвельтом? Не возникнет ли между ними непреодолимая стена? Смогут ли они преодолеть отчуждение? Эти вопросы не мог не задавать себе Сталин. Думаю, что и президент понимал, сколь важно в создавшейся тогда ситуации найти общий язык с кремлевским диктатором. И он

сумел так подойти к Сталину, что этот подозрительный восточный деспот, кажется, поверил в готовность демократического сообщества принять его в свою среду. На первой же встрече с советским лидером Рузвельт попытался создать атмосферу доверительности. Не было никакой натянутости, настороженности, никаких неловких, длительных пауз. Сталин также решил пустить в ход свое обаяние — тут он был большой мастер. До войны наш вождь редко принимал зарубежных политиков и потому не мог иметь соответствующего опыта. Но он быстро наверстал упущенное, проявив свои способности уже при встрече с Риббентропом в августе 1939 года. После гитлеровского вторжения Сталин непосредственно участвовал в переговорах. Беседы с Гопкинсом, Гарриманом, Халлом, интенсивная переписка с Рузвельтом дали ему возможность пополнить представления об американцах и отработать особую манеру ведения дел с ними. Но всё же можно было заметить, что перед первой встречей с президентом Соединенных Штатов осенью 1943 года Сталин чувствовал себя не вполне уверенно»{645}.

После Тегерана Сталин отзывался о своих партнерах по переговорам отнюдь не столь уважительно. В 1944 году во время встречи с одним из тогдашних коммунистических руководителей Югославии Милованом Джиласом он дал волю эмоциям: «Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее»{646}. Этими восклицаниями диктатор пытался компенсировать свое чувство ущербности, вызванное недавней необходимостью вести любезные переговоры с «акулами империализма».

На обратном пути Рузвельт и Черчилль вновь встретились в Каире с Чан Кайши. Была подписана декларация, в которой западные союзники обещали довести войну против Японии до полного ее разгрома, восстановить целостность Китая, предоставить независимость Корее и другим странам Юго-Восточной Азии.

Из Каира Рузвельт отправил письмо Сталину. Текст его свидетельствует о том, что американский президент искренне надеялся на плодотворное сотрудничество, которое на данном этапе действительно было в интересах не только народов, но и лидеров обеих стран. В послании говорилось: «Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела

грядущего мира в полнейшем согласии. Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине. Я надеюсь видеть Вас снова когда-нибудь, а до этого времени желаю самого большого успеха Вам и Вашим армиям»{647}.

Это была очень умело сконструированная депеша, словами о встречах наедине несколько отделяющая Рузвельта от Черчилля и приближающая его к Сталину, хотя он отнюдь не чувствовал близости к советскому диктатору Рузвельт понимал, что с ним придется иметь дело по крайней мере до конца войны — после завершения военных действий в Европе максимально использовать возможности СССР в войне против Японии.

Тотчас по возвращении в Вашингтон Рузвельт принял советского временного поверенного в делах Б. Базыкина, которому заявил: «Поездкой я очень доволен, маршал Сталин был замечателен. Мы чудесно провели время. Находясь в американской миссии, я получил от маршала Сталина сообщение, что раскрыт заговор об убийстве нас всех троих. Маршал Сталин пригласил меня переехать в советскую миссию. Это приглашение я сразу же принял. Они меня устроили великолепно, предоставив мне на территории советской миссии отдельный особняк (это не соответствует действительности. — *Г. Ч.)*. Всё было обставлено превосходно. Мы имели с маршалом Сталиным, кажется, свыше трехсот тостов. Хорошо также отпраздновали мы день рождения Черчилля»{648}.

Рузвельт отправился в Гайд-Парк, где отметил Рождество. Именно оттуда он, не желая откладывать, 24 декабря в очередной «беседе у камина» отчитался перед соотечественниками о своей поездке: подробно рассказал о достигнутых договоренностях, назвал Черчилля «великим гражданином», а Чан Кай-ши — «непобедимым военным руководителем»{649}.

Что же касается Сталина, то американский президент явно подпал под его демоническое обаяние. Советский лидер умел, когда это ему было необходимо, так играть свою роль, что самые умудренные зрители верили в его искренность и добросердечность. Обращаясь к радиослушателям, Рузвельт повторил то, что неделей раньше высказал советскому дипломату: «Я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить и с ним, и со всем русским народом»{650}.

Президент, разумеется, ничего конкретного не говорил о планах высадки союзных войск на французской территории, но

вполне ясно дал понять, что боевые действия будут происходить не только на существующих фронтах: «…круг замкнется крупнейшим наступлением американских и британских сил с других направлений»{651}.

Рузвельт был весьма решителен в оценке послевоенных перспектив участия США в решении дел земного шара. Он высмеял «жизнерадостных идиотов», надеявшихся, что никакие войны им не будут угрожать, как только американцы вернутся домой и запрут за собой двери. Президент сформулировал идею создания такого мирового порядка, в условиях которого можно будет применять силу ради поддержания мира. Это была еще одна заявка на руководящую роль США в решении послевоенных проблем.

Путь к военному торжеству. Выборы 1944 года

Несколько позже срока, определенного на Тегеранской конференции, 6 июня 1944 года вооруженные силы союзников начали высадку в Нормандии, открыв таким образом новый фронт в Западной Европе. В первый же день операции «Оверлорд» на французском берегу закрепились 150 тысяч американцев, англичан и канадцев, обеспечив дальнейшее расширение плацдарма, а затем наступление вглубь страны.

На следующее утро как раз пришлась очередная президентская пресс-конференция. Рузвельт начал ее словами: «Думаю, сегодня у нас приятная встреча. Судя по выражению ваших лиц, вы все, пришедшие сюда, настроены точно так, как те безвестные молчаливые люди, которые стоят по эту сторону стола (имелись в виду помощники и советники президента, упросившие его дать им возможность присутствовать на знаменательной встрече с прессой. — *Г. Ч.)*. Они пришли ненамного раньше. На всех лицах улыбки!»{652} Правда, по существу президент мог сообщить очень немногое — лишь то, что десантирование началось в точном соответствии с планом.

Через неделю, 12 июня, Рузвельт, убедившись в том, что операция проходит успешно, посвятил ей свое очередное радиообращение к нации. При этом он подчеркнул, что военные действия идут и на других фронтах, Германия приперта к стене — «точнее к трем сразу!». Дела идут хорошо, говорил он, но война не окончена — необходимо идти на Берлин. Президент воспользовался случаем, чтобы призвать американцев покупать облигации очередного военного займа. «Внести средства, необходимые для окончательной победы, — это для каждого из нас надежный способ проявить верность тем, кто отдал или в эту минуту отдает за нас свои жизни»{653}.

Уже осенью 1943 года, когда наметился решающий перелом в ходе войны, Рузвельт стал задумываться над дальнейшей судьбой американских военнослужащих, которые возвратятся на родину. Президент был убежден, что страна, обязанная им победой, должна позаботиться об их будущем. В октябре им был внесен в конгресс закон о правах солдата.

Ему предшествовал другой законопроект — об участии военнослужащих в выборах. Механизм подачи голосов фактически лишал реальной возможности участвовать в голосовании примерно 11 миллионов солдат и офицеров,

находившихся далеко от родины. В январе 1943 года в послании конгрессу Рузвельт просил рассмотреть вопрос об упрощении процедуры, чтобы служащие в армии и на флоте имели реальную возможность демократическим путем участвовать в решении вопросов, волнующих страну. Неожиданно против этого ополчились некоторые сенаторы — они подозревали, что своими предложениями президент стремится обойти правило об уплате налога на голосование, резко расширить участие в выборах негров и, главное, обеспечить себе поддержку военных на президентских выборах 1944 года: солдат, мол, поведут ротами на избирательные участки, и голосование будет явно в пользу верховного главнокомандующего. Последнее соображение, надо сказать, было не лишено смысла. В результате сенат отложил рассмотрение вопроса, по существу, похоронив закон о голосовании военных.

В этих условиях Рузвельт и его кабинет тщательно готовили новый законопроект.

На этот раз обсуждение проходило довольно долго и порой становилось острым. Некоторые конгрессмены считали льготы, которые президент предложил предоставить возвращавшимся с фронта солдатам, так называемым джи-ай, чрезмерными. Но Рузвельт упорно стоял на своем, разъясняя, что сам термин джи-ай этого настоятельно требует. Ведь джи-ай (GI — *Government Issue)* означает «проблема правительства», а раз так, то забота о солдате должна лежать на государстве.

В конце концов «билль о правах джи-ай» (официально он назывался Актом о реадаптации военнослужащих), даже более благоприятный для возвращавшихся с фронта, нежели первоначальный проект, был утвержден и подписан президентом 22 июня 1944 года. Он предусматривал выделение средств на образование и профессиональную подготовку демобилизованных солдат и сержантов, предоставление им беспроцентных займов на строительство или покупку домов при низком вступительном взносе. Бывшие военнослужащие должны были получать еженедельно 20 долларов в течение пятидесяти двух недель (выплата прекращалась досрочно, как только ее получатели находили работу). Бывшим военнослужащим гарантировалась бесплатная учеба на всех уровнях, от общеобразовательной школы до университета и соискания ученой степени, в течение года плюс срок службы в вооруженных силах, то есть для подавляющего большинства в течение четырех-пяти лет. Специальные пункты закона предусматривали льготные условия лечения.

Закон позволил примерно восьми миллионам американцев

получить образование или производственную подготовку, а двум с половиной миллионам обзавестись собственными домами. Его осуществление внесло вклад в изменение лица Америки — резкое повышение образовательного уровня населения, переселение американцев из грязных и закопченных городских центров в удобные просторные и зеленые пригороды. «Это — яркое напоминание мужчинам и женщинам, состоящим на военной службе, что американский народ не собирается бросить их на произвол судьбы», — провозгласил президент, подписывая закон.

Закон о джи-ай был отнюдь не единственным мероприятием по существенному повышению уровня жизни американцев. Уже со второй половины 1943 года благодаря невиданному развертыванию производства стала складываться возможность увеличения выпуска товаров не только военной необходимости, но и гражданского спроса. Фактически система карточного распределения продуктов, не будучи официально отменена, умерла сама собой.

В связи с ростом доходов рабочих, мелких и средних служащих, обслуживающего персонала, мелких предпринимателей цены на сельскохозяйственные продукты за военные годы выросли на 131 процент, а доходы фермеров увеличились с 5,3 миллиарда долларов до 13,6 миллиарда, то есть более чем в 2,5 раза. При этом фермерская задолженность, почти постоянная на протяжении многих десятилетий, резко понизилась{654}.

Бурное развитие производства военной техники и других средств ведения войны, приведшее к ликвидации безработицы, всех радовало. В авиапромышленности занятость с 63 тысяч рабочих повысилась за военные годы до фантастической цифры — 1 миллион 345 тысяч человек, то есть более чем в 20 раз{655}. У трудящихся появилась уверенность в сохранении рабочих мест, стабильном заработке, завтрашнем дне. О том, что будет, когда война закончится и военно-промышленное производство начнет быстро сворачиваться, предпочитали не задумываться.

Происходило фактическое сращивание правительственных органов и промышленных гигантов, особенно в авиационной промышленности, где на первый план вышли корпорации «Локхид», «Боинг», «Норе Америкэн», работавшие исключительно по правительственным заказам. Аналогичной была ситуация в радиоэлектронной и химической промышленности, в несколько меньшей степени это коснулось производства танков, самоходных орудий, грузовиков и других боевых машин.

Составной частью военно-промышленного комплекса становилась исследовательская работа. Начиная с исследований

ядерной энергии и завершая новациями в области медицины и фармакологии, научные центры и университеты эффективно обслуживали войну. В. Л. Мальков справедливо констатирует: «Университеты преобразовывались на глазах, заключая договора с военной промышленностью на проведение специальных разработок и привыкая к щедрости в финансовом отношении вооруженных сил. Военная ориентация, вкус к расходованию крупных средств на экспериментальные работы, возможность быстрого выдвижения и достижения вершин материального благополучия делали большие группы ученых (особенно молодую поросль) расположенными к самому тесному сотрудничеству с военными»{656}.

Президент испытывал законную гордость и за свою страну, и за себя. Он отлично понимал свою роль в хозяйственном возрождении США. Он мог позволить себе емкие сравнения недавнего прошлого с настоящим. 27 декабря он провел пресс-конференцию, главным образом посвященную экономическому подъему страны: «Два года назад, после того как больной пришел в себя, оказалось, что он к тому же попал в тяжелую аварию… 7 декабря он оказался в катастрофе — поломал бедра, разбил ноги, вывихнул руку, вывернул кисть. Некоторые думали, что ему пришел конец. Старый доктор по имени “Новый курс” не знал, как лечить сломанные ноги и руки. Он много знал о внутренних болезнях, но о новой болезни не знал ничего. Поэтому он призвал другого доктора — ортопеда по имени “Выиграть войну”, чтобы он позаботился о пациенте. В результате больной опять встал на ноги. Он отложил свои костыли и двинулся вперед, в наступление»{657}.

Через две недели президент выступил в конгрессе с последним посланием «О положении страны». Он говорил о пересмотре размеров военных заказов крупным бизнесменам с целью ограничения огромных доходов, о программах социального обеспечения, призванных превратить США в страну всеобщего благосостояния{658}.

Рузвельт опять говорил гордые слова об успехах, которых его страна добилась в годы войны. Он вновь и вновь вспоминал, как его призыв о производстве 50 тысяч самолетов в год воспринимался смехотворной утопией. В 1944 году США произвели более 100 тысяч самолетов, а всего за последние пять лет — свыше 300 тысяч самолетов, около 100 тысяч танков, 2,5 миллиона грузовых автомашин и массу другого военного имущества. За 1940—1945 годы промышленное производство страны выросло почти вдвое, исчезла безработица.

Накануне Второй мировой войны в США производилась треть

мировой промышленной продукции, а к концу войны — половина. В огромной степени это было связано с военной хозяйственной конъюнктурой и отсутствием на территории США боевых действий. Но в этих достижениях была и немалая заслуга президента страны.

* * *

Администрация Рузвельта управляла страной, руководила военными действиями, решала экономические и социальные вопросы почти без ограничений со стороны конгресса. Чрезвычайные обстоятельства требовали и чрезвычайных полномочий. Рузвельт получил эти полномочия и мог решать основные внутренние и внешние проблемы своими исполнительными распоряжениями. Казалось, перед США замаячил призрак авторитаризма. Многие недруги президента обвиняли его именно в стремлении к диктатуре.

Однако Рузвельт, отлично понимавший, что почти за два века демократические традиции вошли в плоть и кровь основной массы американцев, не стремился к закреплению своей личной власти. Она была нужна для достижения военной победы и обеспечения американским гражданам наилучших условий жизни после войны.

Массовое расширение военного производства привело к тому, что на смену безработице пришла нехватка рабочей силы на предприятиях военной промышленности и в других отраслях, обслуживавших военные нужды. 5 декабря 1942 года Рузвельт подписал исполнительное распоряжение, которым создавалась Комиссия по военной рабочей силе во главе с бывшим губернатором штата Индиана Полом Макнаттом. По существу, объявлялась мобилизация всех способных к труду. Комиссия получала право не только привлекать к обязательной работе на военных предприятиях столько людей, сколько ее органы на местах сочтут необходимым (за исключением фермеров, а также лиц, имевших малолетних детей), но и переводить рабочих с одного предприятия на другое, туда, где была нехватка рабочей силы.

Руководимые Рузвельтом военизированные ведомства вводили строгие государственные ограничения, касающиеся как предпринимателей, так и рабочих организаций. Администрация цен и заработной платы штрафовала хозяев предприятий, нарушавших установленные властями минимальные нормы оплаты труда. Когда крупнейшая почтовая фирма «Монтгомери

Уорд» отказалась ввести в своих отделениях практику коллективных договоров с профсоюзом, управление по трудовым отношениям временно прекратило пользоваться ее услугами, что заставило бизнесменов подчиниться правительству.

В то же время профсоюзы, входившие в АФТ и КПП, которые после Пёрл-Харбора взяли обязательство не проводить стачки в военное время, нередко сами его нарушали или снисходительно смотрели на «дикие» забастовки. Когда речь шла о сравнительно небольших предприятиях, удавалось более или менее быстро достигнуть соглашения. Но в тех случаях, когда стачки становились массовыми, возникало почти безвыходное положение.

Когда в 1943 году назревала забастовка около четырехсот тысяч шахтеров, правительство оказалось в сложной ситуации. «У нас не хватит тюрем, чтобы разместить всех этих людей», — сказал Рузвельт, а министр внутренних дел Икес добавил: «Если бы они (тюрьмы. — *Г. Ч.)* были… всё равно заключенный шахтер добудет не больше угля, чем бастующий шахтер»[659]. Как уже говорилось, президент на свой страх и риск объявил, что правительство берет шахты под свое управление. Но практически осуществить это было немногим легче, чем посадить в тюрьму 400 тысяч человек. Пришлось идти на уступки — прибавить шахтерам заработную плату примерно на два доллара в день[660].

Однако проблему надо было решать в общенациональном масштабе. Ответом на забастовку шахтеров стал закон о военно-трудовых спорах (закон Смита—Коннелли), утвержденный конгрессом в июне 1943 года. Отлично зная расстановку сил среди законодателей и будучи уверен, что за закон проголосуют две трети конгрессменов, Рузвельт, действуя на этот раз как циничный политикан, наложил на него вето, чтобы отвести от себя обвинения в антирабочей политике. К его полному удовлетворению конгресс преодолел вето, и 25 июня закон вступил в силу после его подписания президентом[661]. Этот акт предоставлял федеральным властям право занимать предприятия в случаях, когда забастовки угрожали снижением военного производства, и обеспечивать их бесперебойную работу путем принятия принудительных мер. Попутно закон запрещал профсоюзам финансировать общенациональные выборы[662].

Закон Смита—Коннелли был применен Рузвельтом единственный раз — в августе 1944 года, когда правительственные органы распорядились, чтобы транспортная компания в Филадельфии принимала негров на должности машинистов. Местный профсоюз объявил забастовку, правда, замаскированную под одновременное «заболевание» десяти тысяч

человек. Рузвельт направил восемь тысяч подготовленных военнослужащих, которые заняли места «заболевших», и объявил, что те, кто не приступит к работе в течение сорока восьми часов, будут немедленно призваны в армию. Через шесть дней после начала забастовка прекратилась{663}.

* * *

Еще одной весьма острой проблемой, в которой в узел сплелись дела внутренние и международные, государственная целесообразность и гуманность, являлись действия США по спасению хотя бы части еврейского населения Европы, которое было обречено на гибель.

Впервые Рузвельту доложили о нацистских планах «окончательного решения» еврейского вопроса в сентябре 1942 года. Несмотря на то, что в докладе, составленном на основании разведданных, приводились документальные доказательства создания гетто, издевательств, массовых расстрелов еврейского населения в Польше, на оккупированной территории СССР и в других странах, эти сведения вызвали у президента сомнения. Он отделывался предположениями, что скорее всего речь идет просто о переселении евреев, которых немцы намереваются использовать для строительства укреплений. Рузвельт писал председателю Американского еврейского конгресса раввину Стивену Вайсу самые общие фразы: «Граждане, невзирая на их религиозные убеждения, разделяют чувства своих еврейских сограждан в связи с дикарским поведением нацистов по отношению к их беспомощным жертвам. Нацистам не удастся истребить свои жертвы, так же как поработить человечество. Американский народ не только симпатизирует всем жертвам нацистских преступлений, но привлечет организаторов этих преступлений к суровой ответственности»{664}. Вайсу, хорошо знакомому с Рузвельтом (он называл президента «мой босс»), оставалось только ответить выражением благодарности.

Из всех членов правительства только министр финансов Г. Моргентау был твердо убежден в том, что злодейские планы полного уничтожения европейского еврейства действительно реальны и уже осуществляются. Однако его попытки повлиять на Рузвельта, чтобы тот, действуя в обход конгресса, путем издания исполнительных распоряжений (он, как мы видели, нередко пользовался этим правом), принял меры к значительному увеличению квоты приема иностранцев и распространению ее в основном на тех, кому грозит гибель, давали минимальный

результат. Точно так же президент отказывался убеждать Черчилля в том, что Великобритания должна предоставить европейским евреям возможность свободно выезжать в Палестину, которая являлась британской подмандатной территорией.

Такая позиция полностью противоречила предыдущим декларациям самого Рузвельта, который еще со времени своего губернаторства не раз заявлял, что поддерживает декларацию Бальфура[39] о создании автономного еврейского национального очага в Палестине, который был бы признан всем миром{665}.

В июне 1943 года Рузвельт принял видного ученого Хаима Вейцмана, председателя Всемирной сионистской организации, будущего первого президента государства Израиль. Вейцман убеждал американского президента, что евреи имеют историческое право на переселение в Палестину и создание там своего самоуправляемого территориального образования. Рузвельт отделывался общими фразами, хотя признавал, что во время войны многие арабы ведут себя неподобающим образом, сотрудничая с агрессором. Вероятно, говорил он, евреи могли бы помочь в освоении этой пустынной территории, однако никаких конкретных обещаний не давал, стремясь оставаться в добрых отношениях и с арабскими руководителями, и тем более с англичанами{666}.

Примерно такой же позиции Рузвельт продолжал придерживаться и позже. В декабре 1944 года он просил близкого к нему сенатора от Нью-Йорка Роберта Вагнера выступить против проекта резолюции по Палестине, который собиралась внести группа просионистски настроенных деятелей: «Там находится почти полмиллиона евреев. Еще миллион желает туда отправиться. Есть там всякие — хорошие, плохие, никакие. С другой стороны картины, там приблизительно 70 миллионов мусульман, которые хотят перерезать им горло в тот день, когда они сойдут на берег Единственная вещь, которой я хотел бы избежать, — это резня или ситуация, которую невозможно разрешить путем обсуждения. Всё, что здесь будет сказано или сделано сейчас, добавит масла в огонь»{667}.

И всё же некоторые, крайне ограниченные меры были приняты. В январе 1944 года был образован Совет по вопросам военных беженцев, который через Государственный департамент добился, чтобы американские посольства сразу же предоставляли визы тем, кто спасался от гитлеровского уничтожения. По линии совета в марте из Болгарии, сателлита Германии, была вывезена в Стамбул и затем переправлена в США группа еврейских детей.

По требованию Рузвельта Госдепартамент 27 марта 1944 года

направил американскому представительству в Берне телеграмму, которая поручала через швейцарские власти передать всем странам, входившим в агрессивный блок, устные предупреждения, тексты которых прилагались. Так, в устном послании правительству Болгарии после изложения фактов преследования евреев в этой стране говорилось: «При этих обстоятельствах правительство С(оединенных) Ш[татов] обращает внимание болгарского] правительства] и торжественно настаивает во имя всеобщего понимания порядочности, [чтобы оно] пересмотрело взятый им курс и проявило сочувствие к страданиям, которые претерпели бы многие тысячи невинных людей, если бы таковой курс был проведен, и позволило бы этим евреям мирно отправиться в такие страны, которые позволили бы им получить постоянное или временное право жительства»{668}. Швейцарцы, однако, никаких шагов не предприняли.

Точно так же Рузвельт никак не реагировал на требования еврейских организаций нанести авиаудары по железнодорожным путям, ведущим к концлагерям, в частности к Освенциму, где шло массовое уничтожение евреев.

Только весной 1944 года Рузвельт, наконец, официально признал, что гитлеровцы осуществляют тотальное истребление еврейского населения Европы. Существенным изменением его политики явилась декларация от 24 марта об ответственности нацистов за их преступления. Ни руководители, ни рядовые исполнители не уйдут от наказания — таков был лейтмотив этого послания: «Я прошу наблюдать и регистрировать свидетельства, которые будут использованы для привлечения виновных к ответственности». Рузвельт призывал всех жителей стран, находившихся под нацистским господством, в том числе и немцев, давать жертвам приют, помогать им перейти границу, любым другим способом спасать от палачей, а правительства нейтральных государств — временно открыть границы для беженцев{669}.

Однако спасать европейских евреев было уже поздно. К середине 1944 года подавляющая их часть была уничтожена в лагерях смерти, в гетто, на окраинах городов оккупированных стран.

* * *

У Франклина Рузвельта, как у каждого человека, были свои недостатки и предубеждения. Порой он мелочился и даже проявлял стремление унизить администратора или чиновника,

чем-то не угодившего ему. Эти случаи были очень редки, но без упоминания о них портрет Рузвельта оказался бы не вполне достоверным.

Особенно его раздражали вмешательства в его личные и семейные дела и политических оппонентов, желавших скомпрометировать президента, и ретивых исполнителей его же собственных распоряжений, в соответствии с поговоркой «заставь дурака Богу молиться…» проявлявших экстраординарную бдительность.

В ряде случаев поводом для разного рода инцидентов являлись доверчивость и недостаточная осторожность Элеоноры, которая не всегда была предусмотрительной при выборе знакомых и даже близких друзей, заступалась за ущемленных, по ее мнению, людей, обращалась по этому поводу и к супругу, и к членам его военного кабинета. В стремлении «восстановить справедливость» она подчас просто забывала о своем положении первой леди, супруги президента и верховного главнокомандующего вооруженными силами воюющей страны.

Иногда возникали скандалы, в которые были вовлечены различные административные органы, а однажды даже военная контрразведка. Традиции демократии, равенства перед законом всех граждан, независимо от их общественного положения, были уже настолько глубоки, что контрразведка «осмелилась» включить в свои донесения имя первой леди. В 1942 году выросло целое дело Джозефа Лэша, который до войны одно время состоял в Коммунистическом молодежном союзе, но порвал с ним после подписания советско-германского договора 1939 года. Случайно познакомившись с Лэшем, Элеонора стала ему покровительствовать, а после его призыва в армию ездила к нему на свидания. За Лэшем же как за «подрывным элементом» еще до войны была установлена слежка. В сводки наблюдения попало и имя первой леди. Бдительным стражам воинской нравственности удалось установить, что она остановилась в отеле неподалеку от части, где проходил службу Лэш, который получил краткосрочный отпуск и зарегистрировался в том же отеле. Какой-то туповатый контрразведчик даже обвинил Элеонору в сексуальной связи с молодым человеком.

В конце концов дело дошло до президента. Разъяренный (что с ним бывало редко) Рузвельт распорядился ликвидировать то подразделение контрразведки, которое на основании данных, полученных путем установки подслушивающих устройств, вскрытия писем и, главное, собственных домыслов обвинило его жену в действиях, которые она никак не могла совершить{670}. Франклин был выше каких-либо подозрений в адрес супруги и

действовал во имя сохранения ее достоинства, а значит, и своей собственной чести.

Но когда Элеонора, выезжая за пределы Вашингтона, беспокоила мужа по мелочам, это вызывало его раздражение. Однажды он получил от жены гневное письмо по поводу того, что в каком-то почтовом отделении города Атланты существуют отдельные туалеты для белых и черных. Рузвельт, немало сделавший для уменьшения сегрегации, понимал, что одним ударом ликвидировать ее невозможно. На это письмо он ответил, что лучше бы супруга обращала больше внимания на хозяйственные дела, например на то, какую еду подают в Белом доме: шесть раз в неделю его кормили куриным мясом, а после выражения им недовольства стали давать на обед баранину — также шесть дней в неделю. Правда, смягчая раздражение, Франклин тут же переходил на шутливый тон, который, однако, не мог скрыть его истинных чувств: «Я дошел до такого состояния, что мой желудок явно бунтует, и это никак не помогает моим отношениям с другими странами. Я сегодня укусил двух [их представителей]»{671}. Недовольство Рузвельта кухней Белого дома не было показным. При всей своей непритязательности он даже кофе варил себе сам, убеждая Эллиота, что прислуга не умеет готовить его как следует{672}.

Примерно таким же был результат, когда Элеонора вступилась за троих младших офицеров. Лишенные нашивок по решению квалификационной комиссии, установившей их служебное несоответствие, они нашли какие-то обходные пути, чтобы привлечь к себе внимание миссис Рузвельт. Та, в свою очередь, написала военному министру Стимсону, призывая его лично разобраться в этом деле. Чтобы не портить отношений с супругой президента, министр так и поступил. Убедившись в справедливости решения о дисквалификации, он затем заявил «пострадавшим»: «Если кто-либо узнает, что три молодых человека смогли решить свои дела через задние двери Белого дома, с демократией в Соединенных Штатах будет покончено»{673}.

Любопытный портрет супруги президента содержался в стихотворении неизвестного автора «Леди Элеонора», сохраненном в рузвельтовском архиве:

And despite her global milling,
Of the voice there is not stilling,
With its platitudes galore,
As a gushes on, advising,
Criticizing and chastising,

Moralizing, patronizing,
Paralyzing — ever more Advertizing Eleanor{674}.
...
Как величава и глобальна,
Плюс голос, нудный максимально,
Твердящий всё, что тривиально:
То критикуя, проклинает,
Парализуя, нападает,
То помогая, поощряет.
С рекламой дружит с давних пор.
И это всё — Элеонор[40].

Оценки, данные первой леди в этом нелицеприятном стихотворении, были не столь уж далеки от истины. Представляется, что Рузвельт, при всём своем теплом отношении к супруге, с годами стал всё больше уставать от ее невероятной активности.

* * *

Американцы в последний раз услышали голос президента по радио 6 января 1945 года. До его кончины оставалось 96 дней. Это было в известном смысле завещание Рузвельта, который говорил в основном о своих надеждах, связанных с послевоенным устройством мира, о сложностях перехода к мирной жизни, о решимости преодолеть их. Последними словами этого обращения были:

«Сегодня мы, американцы, вместе с нашими союзниками делаем историю. И я надеюсь, что это будет более светлая история, чем вся история прошлого.

Мы молимся о том, чтобы быть достойными тех безграничных возможностей, которые нам даровал Бог»{675}.

Напряженнейший труд тяжелобольного человека, не дававшего себе послаблений в течение нескольких десятилетий, не мог в конце концов не отразиться на его общем самочувствии. Хотя Рузвельт на протяжении всего этого времени отдыхал по несколько раз в году, по сути дела он лишь менял местопребывание — перебирался из Вашингтона в Уорм-Спрингс или Гайд-Парк, позже в Шангри-Ла. Он наслаждался свежим воздухом, больше времени был на природе, но не оставлял государственные дела — принимал посетителей, в том числе самого высокого ранга, изучал доклады, обдумывал очередные

правительственные комбинации и свои выступления, указания командующим родами войск, намечал законодательные предложения и исполнительные распоряжения и т. д.

Пока страна находилась в опасной ситуации, Рузвельт не давал себе расслабиться. Но в 1944 году общее переутомление и изношенность организма стали давать о себе знать. Кардиолог Говард Бруэн, ставший вторым лечащим врачом президента во время войны, выражал несогласие со слишком, по его мнению, оптимистическими оценками состояния его здоровья давним семейным доктором Россом Макинтайром. Но капитан Бруэн никак не мог выступить против авторитета вице-адмирала Макинтайра, который в некоторых случаях прислушивался к рекомендациям более молодого коллеги, а иногда с ходу их отметал. Макинтайр поучал: «Этому пациенту вы не можете приказать всё оставить и лечь в постель. Ему ведь нельзя просто сказать — ты должен делать то или это. Ведь это президент Соединенных Штатов». В то же время Бруэн, которому Рузвельт постепенно стал больше доверять, в какой-то мере влиял на поведение пациента, излучавшего обаяние. Врач вспоминал: «Во время ланча и обеда он оживленно беседовал, рассказывал удивительные истории. Вспоминал минувшее. Говорил о текущих делах, привлекая к разговору всех. Он был блестящим рассказчиком»[{676}].

С весны 1944 года самочувствие президента сильно ухудшилось. Он стал плохо спать, быстро утомлялся, возникли головные боли и раздражительность, появилась одышка, случались периоды апатии, когда ему просто ничего не хотелось делать. К тому же он часто страдал мучительными бронхитами непонятного происхождения. Всё это вело к усилению физической слабости. Рузвельт теперь не только не мог ходить, опираясь на палку с одной стороны и руку помощника с другой, но и всё реже передвигался на костылях. Ноги его не слушались. Приходилось почти всё время пользоваться креслом на колесах. Даже пересесть с него в обычное кресло стало нелегко.

В марте Рузвельт с высокой температурой был помещен в военно-морской госпиталь в Бетесде, пригороде Вашингтона, с диагнозом «острый бронхит, сердечная недостаточность». К гипертонии прибавились резкие колебания артериального давления — от 180 на 90 (при некотором улучшении состояния) до 240 на 130. После недельного пребывания на больничной койке он был выписан с рекомендациями: уменьшение деловой активности, обязательный послеобеденный сон, прием успокоительных препаратов для глубокого сна ночью и т. д. Они соблюдались лишь частично, так как государственные дела

требовали полной самоотдачи.

Во время июльской инспекционной поездки по стране Рузвельт перенес тяжелый сердечный приступ. Он почти потерял сознание, начались судороги, лицо выражало страдание. Рядом с ним был только сын Джеймс. Вызванные врачи оказали первую помощь, и он продолжил путешествие{677}.

Медицинское обследование выявило расширение сердца, подтвердило гипертонию и сердечную недостаточность. По рекомендации врачей Рузвельт стал больше следить за своим здоровьем. Он теперь реже пил коктейли, которые предпочитал готовить сам, снизил число выкуриваемых сигарет с двадцати-тридцати до пяти-шести в день, позволял себе непродолжительный дневной отдых в постели, стал соблюдать диету. Врачи запретили пользоваться бассейном, и это стало для него главным бытовым лишением.

По требованию врачей Рузвельт стал принимать дигиталис — препарат наперстянки, о котором говорили, что это скальпель в руках терапевта — мощное лекарственное средство в умелых руках и крайне опасное в неопытных. Действительно, в 1930—1940-х годах он был незаменимым средством лечения хронической сердечной недостаточности, являясь в то же время и опасным ядом. Лечебная доза дигиталиса устанавливалась каждому пациенту индивидуально. Для Рузвельта быстро определили оптимальную дозировку, и прием лекарства несколько укрепил сердце.

Президент был серьезно болен, однако его подлинное самочувствие держалось в тайне. Главный личный врач Макинтайр регулярно сообщал прессе, что здоровье главы государства во всех отношениях остается превосходным. Видимо, Макинтайр и сам отчасти поверил собственным бюллетеням, ибо слишком быстро снял строгие медицинские назначения. Бруэн вынужден был подчиняться, следуя врачебной и воинской субординации.

Все принятые меры несколько улучшили состояние здоровья Рузвельта и повысили его работоспособность. И всё же и врачи, и члены семьи, привыкшие к тому, что Франклин преодолевал недуги и просто плохое самочувствие мощной силой воли, не проявили достаточного внимания к его болезни. Особенно это касалось Элеоноры, которая была очень здоровой женщиной и никогда не воспринимала всерьез ни свои, ни чужие недомогания.

С лета 1941 года в Белом доме стала иногда бывать старая любовь Франклина Люси Мёрсер, в браке Рутерфёрд (она приезжала на свидания под конспиративным именем «миссис

Джонсон»). Беседы с ней, воспоминания о прежних годах, о тайных встречах, казалось, вливали в Рузвельта эликсир молодости. Раньше Франклин обычно виделся с Люси за городом. Их свидания, как говорится, были секретом Полишинеля, но оба стремились соблюдать внешние приличия.

Между встречами Франклин и Люси переписывались. Рузвельт писал об Уорм-Спрингс, о своих надеждах на выздоровление после полиомиелита, о стремлении помочь в организации лечения больных детей. Он рассказывал любимой женщине о своих поездках и впечатлениях. Нередко его письма с сообщением маршрутов передвижения являлись тайными приглашениями на свидания{678}.

Лояльное отношение Элеоноры к этим встречам позволило отказаться от ханжества. Однажды Франклин спросил дочь Анну, не будет ли она возражать против присутствия на обеде его «старой приятельницы». Чуть поколебавшись, та ответила согласием{679}. Это окончательно «узаконило» регулярные свидания с Люси в Белом доме и за его пределами.

Посредницей стала секретарша Рузвельта Грейс Тулли, с которой Люси договаривалась о посещении Белого дома. В архиве Грейс сохранились несколько писем Люси, невинных по форме, но совершенно недвусмысленно показывающих, что за ними должны были последовать свидания{680}.

Франклин считал, что Люси так же обворожительна, как и 25 лет назад, когда завязался их бурный роман. Сохранению нежных отношений, вероятно, способствовало и то, что она ни на что, кроме встреч, не претендовала и не вмешивалась в дела высокопоставленного возлюбленного, который говорил с ней исключительно об общих знакомых, о прошлом, о циркулировавших сплетнях и слухах и других подобных мелочах.

Как-то в Белом доме побывала и единственная дочь Люси — Барбара. Она пообедала с Франклином, долго с ним разговаривала. После этой встречи растроганный Рузвельт написал Люси, какой замечательный у нее ребенок — «именно такой, какого ожидал встретить»{681}. Эти слова звучат несколько загадочно — не думал ли он, что Барбара — его дочь?

* * *

В июле 1944 года Рузвельт посетил Гавайи. Эта поездка была продолжением инспекции, которая перед этим проводилась на территории США; но президент использовал ее и для поднятия боевого духа американских солдат, и для повышения собственной

популярности перед выборами, для чего необходимо было продемонстрировать избирателям как минимум удовлетворительное состояние здоровья. На этот раз путешествие совершалось морем на крейсере «Балтимор». Само включение архипелага в маршрут инспекционной поездки свидетельствовало о том, что Рузвельт рассматривал его как составную часть территории США.

Здесь шли консультации о дальнейших действиях против Японии. Верх одержал командующий американскими вооруженными силами в регионе генерал Дуглас Макартур, настоявший на проведении операции в районе Филиппин, которые Рузвельт первоначально предполагал обогнуть и сначала нанести удар по китайскому острову Формоза (Тайвань).

Встреча с Макартуром была нелегкой. Талантливый и весьма амбициозный генерал с авантюристической жилкой и политическими претензиями, почему его называли «американским Наполеоном», еще президентом Гувером был назначен начальником штаба сухопутной армии США, и Рузвельт сохранил за ним этот пост. Однако семейный скандал, облетевший всю американскую прессу, судебный иск, поданный Макартуром против журналиста Дрю Пирсона (тот опубликовал интервью с бывшей женой генерала, назвавшей его импотентом в таких циничных и непристойных выражениях, что их просто стыдно повторять), внезапное прекращение этого дела, опять-таки по скандальной причине (на этот раз таковой была его амурная авантюра с некой восточной ресторанной певицей), вызвали гнев президента. К этому прибавились некомпетентные и грубые высказывания Макартура по поводу «Нового курса». В результате, уволенный в 1935 году, он принял предложение правительства Филиппин и стал вначале советником, а позже главнокомандующим (фельдмаршалом) филиппинской армией.

В июле 1941 года в условиях роста международной напряженности он возвратился на службу в армию США и был назначен командующим войсками на Дальнем Востоке, в течение полугода увеличил американский военный контингент на Филиппинах с 22 тысяч до 180 тысяч человек (часто путем подчинения американским командирам плохо обученных формирований из местных уроженцев). Макартур не верил в возможность нападения японцев на Филиппины и даже после атаки на Пёрл-Харбор не привел подчиненные ему подразделения в боевую готовность.

Но японцы осуществили высадку на остров Лусон, самый крупный остров архипелага, и после тяжелых боев весной 1942 года американские части были эвакуированы. При этом Макартур

хвастливо заявил: «Я сделал, что мог, но я еще вернусь». Он был назначен главнокомандующим войсками союзников в юго-западной части Тихого океана (со штабом в Брисбене, Австралия), упрямо настаивал на приоритете тихоокеанского театра военных действий, требуя свернуть все мероприятия по подготовке к открытию второго фронта в Европе. Впоследствии им была разработана тактика «прыжка лягушки» (операции по захвату одной за другой островных баз противника).

Советники Рузвельта полагали, что ему следует дать Макартуру отпор. Главнокомандующий, однако, считался с тем, что при всех своих выходках это был талантливый военный, и не пошел на новое сведение счетов. Решение Рузвельта оказалось правильным.

В конце июля 1944 года генерал создал плацдарм для операции по захвату Филиппин, а 20 октября, высадившись с основными силами десанта на остров Лейте, заявил: «Я вернулся». В январе 1945-го большие американские силы начали захват Лусона и после месяца упорных боев установили контроль над Филиппинами. Потери США составили восемь тысяч человек, а Японии — 192 тысячи.

Рузвельт был удовлетворен своей встречей с Макартуром и принятыми на ней решениями, несмотря на то, что генерал, верный своим привычкам, опоздал на свидание с главнокомандующим и прибыл на встречу небрежно одетым, демонстрируя непочтительное отношение к нему.

Рузвельт не остался в долгу. Когда участники встречи расселись для фотографирования, он заметил, что у Макартура расстегнуты брюки. «Скорее снимайте!» — шепнул он фотографу. Генерал, однако, услышал и скрестил ноги{682}.

Но во время этой поездки были встречи и другого рода. Вначале о посещениях президентом госпиталей стали рассказывать в армии, а затем, по соображениям секретности только после его возвращения в Вашингтон, появились отчеты в газетах. По рассказу С. Розенмана, в одном из госпиталей Рузвельт попросил телохранителя провезти его коляску через палаты, где находились раненые с ампутированными конечностями. Он останавливался возле каждой кровати. «Он хотел представить себя и свои нефункционирующие ноги тем юношам, которым придется продолжать жизнь в таком же грустном положении»{683}. Розенман впервые видел слезы на глазах своего шефа.

Рузвельт совершил морской круиз по островам, в открытом автомобиле, приветствуемый жителями, проехал по улицам Гонолулу — главного города территории, хотя доставил этим

немало хлопот службе охраны. Он говорил о том глубоком впечатлении, которое произвело на него преображение центрального острова архипелага Оаху за десять лет, прошедшие с его прошлого посещения.

На обратном пути были сделаны остановки на Аляске и в городе Бремертоне, штат Вашингтон, где Рузвельт посетил верфи и выступил перед судостроителями с 35минутной речью. Впервые за многие месяцы он решился надеть металлические прутья на ноги, чтобы говорить стоя. Доктор Бруэн, который сопровождал его в поездке, был против такого эксперимента, но президент не подчинился, хотя выступление крайне его утомило.

* * *

Несмотря на ухудшение здоровья, Рузвельт счел необходимым вновь организовать встречу «большой тройки». Еще в июле 1944 года он обратился к Сталину с двумя письмами, в которых говорил о том, что ситуация требует принятия новых стратегических решений, о необходимости возродить «дух Тегерана» и даже намекал на то, что новая встреча поможет ему в предвыборной борьбе.

Первое послание было получено в Москве 19 июля. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, — писал американский президент, — я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-министром и мною. Г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью. Для меня было бы лучше всего, чтобы встреча состоялась между 10 и 15 сентября. Я сейчас совершаю поездку по Дальнему Западу и должен пробыть в Вашингтоне несколько недель после своего возвращения. Север Шотландии был бы пунктом, расположенным наиболее близко к половине расстояния между мною и Вами. Вы могли бы прибыть либо на корабле, либо на самолете, а я мог бы отправиться на корабле. Я надеюсь, что Вы сообщите мне Ваши соображения. Безопасность и секретность могут быть соблюдены как на берегу, так и на борту корабля»[{684}].

Сталин ответил 22 июля принципиальным согласием, но в свойственной ему манере вступил в торг: «Я разделяю Вашу мысль о желательности встречи между Вами, г. Черчиллем и мною. Однако я должен сказать, что теперь, когда советские армии втянулись в бои по столь широкому фронту, мне невозможно было бы покинуть страну и отойти на какое-то время от руководства делами фронта. Все мои коллеги считают это

совершенно невозможным»{685}.

Рузвельт настаивал. 28 июля советский лидер получил его новое «личное и секретное послание»: «Ввиду происходящего сейчас быстрого развития военных событий я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с Премьер-министром и со мной, но я надеюсь, что Вы будете помнить о таком совещании и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах»{686}.

Двадцать третьего августа Рузвельт принял советского посла Громыко и заявил ему, что готов «куда угодно лететь» для встречи со Сталиным{687}.

Тем временем президент продолжал усилия по обеспечению США надежных позиций в послевоенном мире, в частности в финансово-экономической системе и вопросах международной безопасности. В июле 1944 года в городке Бреттон-Вудс (штат Нью-Гэмпшир) состоялась международная конференция по вопросу урегулирования после войны валютно-финансовых проблем, на которой присутствовали представители сорока четырех государств, в том числе СССР, а председательствовал министр финансов США Г. Моргентау, получивший инструкции президента.

В приветствии участникам конференции Рузвельт писал: «Торговля есть жизненно важный способ кровообращения свободного общества. Нам необходимо следить, чтобы артерии, по которым идет эта кровь, снова не были закупорены»{688}.

Рузвельт был рад, что советская делегация конструктивно участвовала в работе конференции, и совершенно не ожидал, что СССР откажется принять участие в тех валютно-финансовых учреждениях, которые были на ней образованы. Это еще более укрепило его решимость добиться новой личной встречи со Сталиным, чтобы восстановить «дух Тегерана».

Между тем в Бреттон-Вудсе были подписаны соглашения об образовании Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Целью МВФ объявлялось поддержание стабильности курса валют стран-участниц путем предоставления средств для выравнивания их платежных балансов. Уставный капитал МВФ был определен в размере 8 миллиардов 800 миллионов долларов. Наибольшая квота определялась для США (31,25 процента) и Великобритании (14,8 процента). Целью МБРР являлось оказание помощи государствам-членам в реконструкции и развитии их экономики.

Придавая исключительно важную роль созданию этих

валютно-финансовых учреждений, Рузвельт полагал, что его страна, являвшаяся самым мощным донором международной помощи, должна иметь наибольшее число голосов в руководящих органах МВФ и МБРР, что именно американцы должны возглавить эти учреждения, с их расположением в Вашингтоне.

То, что валютные операции станут осуществляться в долларах, подразумевалось с самого начала. Был установлен золотой стандарт: 35 долларов за тройскую унцию (31,1034768 грамма). В результате США получили валютную гегемонию, оттеснив ослабевшего конкурента — Великобританию.

Рузвельт был вполне удовлетворен результатами конференции в Бреттон-Вудсе, за исключением отказа СССР принять участие в работе созданных на ней финансовых органов (своих мотивов Сталин и его помощники не объяснили, но ясно было, что их не устраивало резкое усиление экономического влияния США в послевоенном мире). Неменьшее внимание президент уделял созданию международной политической организации, при этом исходил из того, что возврата к изоляционизму быть не может.

Для подготовки документов новой всемирной организации была созвана еще одна конференция — в старинном поместье Думбартон-Окс на окраине Вашингтона. Относительно той структуры, которая получила затем название Организация Объединенных Наций, шли острые споры. Рузвельт с помощниками стремился обеспечить главное место в ней США. Об этом К. Халл откровенно заявил группе сенаторов в мае 1944 года: «В случае отказа от создания международной организации безопасности или от участия в ней США лишатся своего руководящего положения»{689}. Рузвельт не был столь прямолинеен, но по существу придерживался той же позиции.

Конференция в Думбартон-Оксе проходила в два этапа: на первом этапе (21 августа — 28 сентября 1944 года) в переговорах участвовали представители трех держав, на втором (29 сентября — 7 октября) к ним присоединилась делегация Китая. Были подготовлены предложения о создании международной организации безопасности, которые после внесения серьезных корректив легли в основу Устава ООН.

Ко времени конференции ее участники уже договорились о том, что фактически главным органом ООН явится Совет Безопасности. Однако неясно было, какие государства помимо трех великих держав войдут в его состав в качестве постоянных членов. Американцы настаивали по указанию Рузвельта на включении Китая, советская сторона по директиве Сталина требовала включения Франции, поскольку намеревалась

использовать в своих интересах неурегулированность отношений между временным правительством этой страны во главе с генералом де Голлем и США.

Споры вызывал также вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности: СССР настаивал на принципе единогласия постоянных членов, включая голосование по вопросам о тех конфликтах, в которые были бы вовлечены они сами; западные державы вначале предлагали ввести принцип равенства всех стран при голосовании, а затем, согласившись на право вето, требовали, чтобы страна, замешанная в обсуждаемом конфликте, не принимала участия в голосовании. Этот вопрос в Думартон-Оксе так и не был решен{690}.

Проблема единогласия великих держав в Совете Безопасности особенно беспокоила Рузвельта. Он решительно выступал против советского предложения о распространении этого принципа на голосование непосредственно заинтересованной державы. В личном архиве президента сохранился его меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Единогласие постоянных членов Совета Безопасности должно иметь место в отношении решений, имеющих политический и исполнительный характер. Оно также должно преобладать в остальных категориях решений, касающихся мирного решения споров, кроме тех, в которых участвует один из постоянных членов». Рузвельт считал, что советское предложение вызовет серьезную оппозицию в американском конгрессе и в целом в стране, особенно среди изоляционистов, которые используют данный казус против участия США в организации. Более того, подчеркивал Рузвельт, «принятие нами правила полного единогласия было бы интерпретировано как сдача [позиций] по отношению к России, чья жесткая защита этого правила широко известна». Поэтому решение пока было отложено.

По указанию Сталина советский делегат А. А. Громыко потребовал, чтобы в ООН были включены все 16 советских республик — они, мол, являются независимыми государствами, лишь объединившимися в федерацию. Когда Рузвельту доложили об этой позиции, он вначале разгневался, но затем расхохотался и предложил — правда, в шутку: пусть американцы потребуют включить в новую организацию все штаты. Было понятно, что по этому вопросу еще предстоит крутой торг, и это укрепило решимость Рузвельта добиться созыва новой конференции «большой тройки».

Во время конференции в Думбартон-Оксе Рузвельт дважды приглашал к себе Громыко и пытался убедить его, а точнее — передать через него свое устное послание Сталину по поводу

принципа единогласия, который стали всё чаще называть правом вето великих держав. Американское общественное мнение, говорил Рузвельт, не поддержит всевластие великих держав, воплощающееся в праве вето, если оно распространится на те конфликты, в которых участвуют сами эти державы, малые страны станут опасаться великих, в ООН будут нарушены принципы суверенитета. Всё это приведет к тому, что у президента возникнут трудности с ратификацией Устава ООН в сенате США{691}.

Вскоре Рузвельту стало ясно, что через Громыко добиться чего-либо путного невозможно. 1 сентября, еще до встречи с послом, руководившим советской делегацией в Думбартон-Оксе, президент пытался в как можно более деликатной форме убедить Сталина отказаться от требования включить в ООН все советские республики: «…весь проект, поскольку это, конечно, касается Соединенных Штатов, да и, несомненно, также других крупных стран, определенно оказался бы в опасности, если бы этот вопрос был поднят на какой-либо стадии до окончательного учреждения Международной организации и до того, как она приступит к выполнению своих функций. Я надеюсь, что Вы сочтете возможным успокоить меня в этом отношении»{692}.

Сталин его отнюдь не успокоил. Сославшись на формальное расширение прав союзных республик в начале 1944 года путем преобразования наркоматов иностранных дел из союзных в союзно-республиканские (то есть союзные республики получили право создавать свои внешнеполитические органы, что было сделано как раз в предвидении подобной ситуации), Сталин 7 сентября разъяснил американскому президенту: «Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации. Поэтому я надеюсь еще иметь случай объяснить Вам политическую важность вопроса, поставленного советской делегацией в Думбартон-Оксе»{693}. Из этого письма всё же было видно, что Сталин может пойти на уступку — согласиться с принятием в ООН не всех республик, а только Украины и Белоруссии.

Вслед за этим Рузвельт поставил перед Сталиным вопрос о характере голосования в Совете Безопасности: «Мы и британцы твердо держимся того взгляда, что при принятии решений Советом спорящие стороны не должны голосовать даже в том случае, если одна из сторон является постоянным членом Совета, в то время как Ваше Правительство, как я понял Вашего Посла,

придерживается противоположного взгляда… Я уверен, что общественное мнение в Соединенных Штатах никогда не поняло бы и не поддержало бы плана создания Международной организации, в котором нарушался бы этот принцип. Кроме того, мне известно, что многие страны мира придерживаются того же самого взгляда, и я твердо убежден, что малым народам было бы трудно согласиться на Международную организацию, в которой великие державы настаивали бы на праве голосования в Совете при разрешении споров, в которых они сами замешаны»{694}.

По этому вопросу Сталин повторил 14 сентября свою прежнюю позицию. Сославшись на согласие, достигнутое в Тегеране, Сталин демагогически продолжал: «Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав»{695}.

* * *

Казалось, Рузвельт имел всенародную поддержку. Однако реальную степень его влияния должны были показать очередные президентские выборы. Приближался ноябрь високосного 1944 года.

Эта избирательная кампания существенно отличалась от предыдущих: во-первых, Рузвельт впервые проводил ее в военное время и речь шла о выборах не просто президента, а верховного главнокомандующего; во-вторых, от избирателей тщательно скрывали состояние его здоровья, которое за последнее время резко ухудшилось.

Три президентских срока Рузвельта были единственным случаем в американской истории. Теперь же поднимался вопрос о совершенно беспрецедентном шаге — выдвижении его кандидатуры в четвертый раз.

Фактически на этот раз Рузвельт начал свою избирательную кампанию ежегодным посланием конгрессу «О положении страны», с которым он выступил 11 января 1944 года.

Выдвигая план новых реформ, он придал ему сенсационную пышность, назвав вторым Биллем о правах. Иначе говоря, президент сравнивал намечаемые им мероприятия с теми знаменитыми первыми десятью поправками к Конституции США,

которые были введены в декабре 1791 года и закрепили на общенациональном уровне статус американского гражданина, обеспечив ему демократические права и свободы и гарантии их реализации.

Теперь же устами главы государства провозглашались «новые основы обеспечения и процветания» всех граждан США «без различия положения, расовой или религиозной принадлежности»: право на полезный труд; право на заработок, обеспечивающий нормальное пропитание, одежду и отдых; право фермеров иметь доходы, обеспечивающие не только содержание семьи и хозяйства, но расширение и совершенствование производства; право на коммерческую деятельность, однако в условиях, которые исключают монополистический диктат; право на жилище, образование, медицинскую помощь, социальное обеспечение в старости, в случае болезни или потери работы. Это была в полном смысле слова программа государства всеобщего благосостояния, или постиндустриального общества.

В современной социологии постиндустриальным обществом называют такое социальное общежитие, в экономике которого в результате научно-технических достижений и существенного роста доходов населения приоритет переходит от выпуска товаров к оказанию услуг, производственным ресурсом становится информация, научные разработки оказываются главной движущей силой экономики, наиболее ценными качествами являются уровень образования, обучаемость и способность работника к творчеству. В таком обществе при естественной дифференциации в доходах и уровне жизни населения каждому человеку, ведущему достойный образ жизни, предоставляется необходимый минимум благ, обеспечивающий комфортные условия жилья, пропитания, образования, воспитания детей, отдыха и развлечений.

По существу, выдвигая программу создания такого общества, Рузвельт замахивался на будущее, не столь уж близкое, но представляемое им довольно отчетливо. В послании президент обрушился на правые силы, выказав себя горячим приверженцем подлинно демократических установок, которые он с тактическими перерывами и отступлениями культивировал с первых месяцев своего президентства. «Если реакция победит, — говорил он, — если повторится история и мы возвратимся к так называемому обычному положению двадцатых годов, можно будет решительно сказать: хотя мы и победили врагов на полях битв за рубежами нашей страны, здесь, у себя дома, мы дали возможность победить духу фашизма»{696}.

В этом выступлении было немало риторики и демагогии,

начиная с совершенно неоправданного сравнения своих политических противников с фашистами. Но это вполне можно понять, принимая во внимание предстоявшую избирательную кампанию. Однако, кажется, Рузвельт искренне верил в возможность построения такого справедливого общества.

В июле президент, занимавший свой пост уже двенадцатый год, написал председателю Национального комитета Демократической партии, что в случае, если партийный съезд выдвинет его кандидатуру на четвертый срок, он поступит как солдат — выполнит порученное дело. В том, что демократы его поддержат, сомнений не было. Однако не было уверенности в одобрении подавляющим большинством населения, не имевшим жесткой партийной ориентации, того факта, что человек будет управлять страной еще четыре года. Не превратится ли это в пожизненное президентство? Не будет ли началом авторитарной власти? Такого рода вопросы приходили в голову даже тем непартийным, кто вполне благожелательно относился к Рузвельту, кто в условиях войны стал жить лучше, чем до нее. Подобные настроения всячески раздувались агитаторами Республиканской партии.

Соперники выдвинули в президенты губернатора штата Нью-Йорк Томаса Дьюи. На этот раз республиканцы были удивительно единодушны: Дьюи не просто был номинирован при первом же голосовании, но получил 1056 голосов из 1057 (единственный голос был подан за генерала Макартура). Рузвельт считал делом чести обыграть того, кто собирался прийти в Белый дом таким же путем, что и он сам. Дьюи его раздражал. Он даже не думал о возможности сотрудничества с ним, подобного союзу с Уэнделлом Уилки после поражения того на предыдущих выборах или включению в свой кабинет с назначением на высшие военные посты республиканцев Стимсона и Нокса.

Дьюи казался ему человеком, не понимающим смысла президентской должности, не разбирающимся ни во внутренних, ни тем более во внешних делах. Более того, Рузвельт считал Дьюи консервативным республиканцем, тогда как на самом деле тот занимал центристские позиции. Чтобы не допустить победы соперника, Рузвельт даже пытался расколоть его партию, предложив Уилки преодолеть барьеры и создать некую объединенную партию либералов, которая состояла бы из прогрессивно мысливших членов обеих главных американских партий. Стоит ли говорить, что это были явно утопические планы?

Правда, Уилки принял условия игры, сказав Рузвельту, что эта идея кажется ему плодотворной, но не очень своевременной,

ей следует дозреть. Намечавшееся сотрудничество было прервано болезнью республиканского деятеля. Во время операции 8 октября 1944 года 52-летний политик скончался. Рузвельт написал о нем как о человеке исключительно смелом, неоднократно бросавшем вызов окружающим, включая собственных однопартийцев{697}.

Возможно, Рузвельт и не помышлял о достижении серьезного результата, а лишь прощупывал позиции Уилки. Своему советнику Сэму Розенману он говорил другое: «Мы должны иметь две подлинные партии: одну либеральную и другую консервативную. А в настоящее время каждая из обеих партий разделена на фракции»{698}.

К сопернику-республиканцу Рузвельт был явно несправедлив, и это тем более очевидно, что свои оценки он высказывал не только в пылу избирательной борьбы, но и в доверительных беседах с близкими соратниками. В пренебрежительных суждениях о Дьюи играли роль как личные, так и политические эмоции.

В действительности же Томас Дьюи (1902—1971) считался честным и эффективным администратором, не лишенным либеральных настроений. Он уменьшил налоги, удвоил отчисления на образование, снизил сумму задолженности штата более чем на 100 миллионов долларов. Губернатор штата Нью-Йорк, что было особенно важно, первым в стране провел закон штата, запретивший расовую дискриминацию при найме на работу. Он сыграл важную роль в создании скоростной магистрали по территории штата, впоследствии получившей его имя. Противники Дьюи резко упрекали его за поддержку смертной казни (за годы его губернаторства в штате были казнены более девяноста человек), которая, однако, отнюдь не свидетельствует о его политической ориентации. В начале Второй мировой войны Дьюи был изоляционистом, но со временем изменил свою внешнеполитическую позицию и к 1944 году считался сторонником создания международной организации безопасности с участием США. Таким образом, в своей партии он являлся лидером умеренных либералов.

В ходе предвыборной кампании Дьюи обрушился с обвинениями в коррупционности и неэффективности управления при проведении рузвельтовского «Нового курса», упрекал администрацию в том, что она якобы находилась под коммунистическим влиянием. Президент, по словам его конкурента, обременял страну дополнительными налогами и фактически уничтожал свободное предпринимательство.

В то же время Дьюи избегал острых дискуссий по

внешнеполитическим вопросам, понимая, что здесь ему никак не удастся переиграть Рузвельта, под руководством которого США вместе с союзниками шли к победе в мировой войне. Правда, один раз он попытался вторгнуться и в эту область, причем в весьма резком тоне, заявив, что Рузвельт заранее знал о времени нападения японцев на Пёрл-Харбор. Республиканский кандидат добавил, что «вместо переизбрания ему следует объявить импичмент». Военные деятели испугались самой постановки вопроса, так как, дойди он до японцев, те могли бы заподозрить, что американцам известны их шифры. Генерал Маршалл убедил Дьюи не касаться этой темы, и с того времени больше в военную и внешнеполитическую области он предпочитал активно не вторгаться{699}. Однако нагнетавшиеся обвинения в усилении налогового пресса, а значит, в государственной милитаризации страны, по существу, являлись атакой и на военную политику Рузвельта.

К тому же под конец кампании Дьюи чуть ли не сочувственно стал говорить, что Рузвельт сильно постарел, тяжело болен и вряд ли способен эффективно выполнять конституционные обязанности верховного главнокомандующего в условиях мировой войны. 29 июля 1944 года в газете «Вашингтон стар» появилась статья с рассуждениями о том, кто заменит Рузвельта на президентском посту, если он умрет сразу после выборов. Это была провокация, ибо даже американским школьникам отлично известно, что в этом случае на пост вступает вице-президент.

Рузвельт и на этот раз не участвовал в съезде Демократической партии, который состоялся в Чикаго и снова выдвинул его на президентский пост. Как раз в это время он вместе с Элеонорой, сыном Джеймсом, секретарем Грейс Тулли и помощниками отправился в очередную инспекционную поездку по стране. 21 июля, находясь в Сан-Диего, он получил известие о выдвижении. С открытой площадки своего вагона Рузвельт выступил перед собравшимися (речь транслировалась по радио), заявив о принятии предложения и определив основные направления, по которым он намеревался продолжать свою государственную работу: «Во-первых, победить в войне — победить быстро и убедительно. Во-вторых, создать международные организации для всего мира и так организовать вооруженные силы мира, чтобы они сделали войну невозможной в обозримом будущем. И в-третьих, создать для ветеранов, возвращающихся с войны, и для остальных американцев благоприятные экономические условия, обеспечивающие занятость и достойную жизнь»{700}.

Если имя кандидата на высший пост было очевидно, то по

поводу кандидата в вице-президенты шел яростный торг Этот вопрос на выборах 1944 года был особенно острым, ибо несмотря на все попытки скрыть, что Рузвельт тяжело болен, об этом знали не только в его окружении — слухи распространялись по всей стране. Так что многие циничные политики прямо говорили, что, намечая вице-президента, они, по существу, подбирают будущего главу государства.

Попытка Рузвельта — надо сказать, не очень настоятельная — высказаться за действующего вице-президента Уоллеса встретила дружное противодействие партийных лидеров и значительной части его собственного окружения. Уоллеса даже в кругах демократов считали слишком левым, непрактичным, догматиком, не пользующимся уважением среди избирателей. Если самого Рузвельта называли левым, то его следовало — и с этим согласился он сам — уравновесить более консервативным вице-президентом.

В конце концов остановились на сенаторе от штата Миссури Гарри Трумэне. Сам он был крайне удивлен, когда узнал о том, что его предпочли другим, более влиятельным политикам, но согласился включиться в борьбу, хотя отнюдь не предполагал (по крайней мере, он так не раз говорил), что его ожидает судьба политического преемника Рузвельта.

Трумэн был сенатором с 1934 года, сторонником «Нового курса», в 1940-м возглавил чрезвычайный комитет по исследованию программы вооружения федерального правительства. Особенностью Трумэна была способность резать правду-матку даже тогда, когда это было нецелесообразно. В свое время прошло незамеченным, а после разворачивания холодной войны, когда он уже был президентом, было разнесено на весь мир его заявление, сделанное, когда он узнал о нападении Германии на СССР: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера победителем»[{701}].

Трумэн явно был компромиссной фигурой, и никто из серьезных политиков не думал, что он будет активно вмешиваться в государственные дела. Так, собственно, и было до смерти Рузвельта. Будущий госсекретарь Генри Киссинджер констатировал: «Несмотря на ухудшение состояния здоровья Рузвельта, Трумэна за все три месяца пребывания на посту вице-президента ни разу не привлекали к участию в выработке ключевых внешнеполитических решений. Не был он введен и в курс дела относительно проекта создания атомной бомбы»[{702}].

Рузвельт во всеуслышание объявил, что не будет вести активную предвыборную кампанию, поскольку его взгляды и роль в американской внутренней и внешней политике хорошо известны, а также по той причине, что ему просто некогда заниматься избирательными делами в условиях продолжающегося всемирного конфликта. В такой позиции был резон: президент проверял степень своего влияния.

С женой же он обсуждал, что будет делать, если проиграет выборы. Говорили о кругосветном путешествии, о покупке участка земли в Сахаре и проведении там показательных ирригационных работ. «Я проживу там два-три года, и посмотрим, что получится»{703}. Представляется, что это была своеобразная игра — супруги почти не сомневались, что и на этот раз Франклин одержит победу.

Этому же стремился всячески способствовать лечащий врач Р. Макинтайр, который опубликовал явно лживый отчет о состоянии здоровья президента, чтобы отбить атаки республиканцев: «Никаких физических недостатков. Здоровье в норме. Он каждый день проводит огромную работу, переносит нагрузки превосходно. Слухи о слабости его здоровья понятны в год выборов, но они совершенно не основательны»{704}. Можно полагать, что этот доклад, в котором истиной было лишь то, что президент продолжал много работать, был немаловажным аргументом, склонившим на сторону Рузвельта колебавшихся избирателей.

Чтобы подтвердить фальшивый доклад о его хорошей физической форме, Рузвельт подверг себя тяжелому испытанию. 21 октября он совершил четырехчасовую поездку по Нью-Йорку в открытом автомобиле под проливным холодным дождем. Как будто не замечая непогоды, президент широко улыбался и приветливо здоровался, размахивая шляпой, со столпившимися на улицах людьми в плащах и под зонтиками. Его волосы слиплись, с пенсне стекала вода, он ничего не видел, но продолжал приветствовать ньюйоркцев.

После непродолжительного отдыха и рюмки виски Рузвельт выступил в зале отеля «Уорлдорф Астория» перед членами Ассоциации внешней политики и журналистами с большой речью, посвященной послевоенному мироустройству. Объединенные Нации, подчеркнул президент, должны обладать правом применять силу. «Полицейский не добьется эффективности, если, заметив грабителя, отправится в муниципалитет, чтобы получить документ на его арест. Мой простой ум ясно понимает, что, если всемирная организация хочет быть реальной, американские представители в ней должны быть наделены соответствующими

полномочиями от конгресса»[{705}].

Поразительно, что этот эксперимент не повлиял на здоровье Рузвельта. Он даже не подхватил часто возникавший у него бронхит. Правда, сразу после выступления он направился на вокзал. Персональный поезд доставил президента в Гайд-Парк, где он несколько дней отдыхал.

Но вслед за этим он повторил прием — проехал перед выступлением, на этот раз в Филадельфии, под дождем по центру города в открытой машине.

Если в начале кампании он почти не сомневался в победе, то по мере приближения дня голосования уверенность несколько ослабла. Рузвельт пытался преодолеть усиливавшуюся физическую слабость, тем более что необходимо было произнести предвыборную программную речь, в качестве непосредственных слушателей которой он избрал делегатов профсоюза грузоперевозчиков, собравшихся в Филадельфии 27 октября.

Готовясь к выступлению, он попытался прорепетировать его фрагменты стоя, надев на ноги конструкцию из металлических прутьев и опираясь на костыли. Но от этого плана пришлось отказаться — ноги не слушались — и впервые выступать перед большой аудиторией, сидя в кресле.

Помощники и родственники опасались, что это сильно снизит доверие к Рузвельту и его шансы на переизбрание. Но получилось наоборот — президентом и его советниками были найдены такие ораторские ходы, которые даже физическую немощь в какой-то мере превратили в преимущество. Рузвельт начал как бы с жалобы на свой возраст, хотя и не на состояние здоровья, но тут же перевел этот вопрос в разряд общих рассуждений по поводу того, что время неумолимо движется вперед, все становятся старше, и этим как бы уравнял себя со слушателями.

Перейдя к политическим вопросам, Рузвельт стал жестче — обвинил руководителей Республиканской партии в том, что перед каждыми президентскими выборами они представляются друзьями рабочего класса (как мы помним, это было выступление именно перед представителями профсоюза), тогда как всё остальное время являются его врагами. После этого выпада, набрав очки у профсоюзных боссов и рабочих активистов, он вроде бы перешел на личные дела, но продолжал выставлять свого политического оппонента и его сторонников в жалком виде.

В свое время Дьюи обвинил Рузвельта в том, что он якобы отправил эскадренный миноносец за забытым на Алеутских островах псом. Это была заведомая неправда, и теперь Рузвельт воспользовался ситуацией, чтобы высмеять подставившегося противника. «Лидеры республиканцев, — заявил он, — видимо,

уже не вполне удовлетворены нападками на меня, мою жену, моих сыновей. Не удовлетворившись этим, они набросились на моего маленького пса Фалу. Конечно, я не против нападок, да и моя семья не очень по этому поводу волнуется. Но волнуется Фала»[706]. Последовавшую реакцию присутствовавшим корреспондентам было трудно описать: смех, слезы, бурные крики одобрения президента и негодования по адресу его противников.

Хотя речь считалась программной, о собственно президентской программе было сказано очень мало. Обозреватели сочли наиболее важным пунктом обязательство сразу после победы вернуть на родину всех американских солдат, воевавших за океанами. Скорее всего, Рузвельт не был искренен в этом обещании, поскольку вынашивал глобальные планы решающего участия США в мировых делах. Однако возвращение американских парней особенно волновало слушателей президента, и он умело использовал козырную карту. Но всё же самым запомнившимся эпизодом было упоминание о собаке, и это выступление Рузвельта стали называть речью о псе по кличке Фала. Подавляющее большинство репортеров и политических наблюдателей сочли эту речь очень удачной, повысившей шансы Рузвельта на предстоящих выборах.

Это впечатление подкрепилось раздраженным, но весьма остроумным высказыванием Рузвельта в Уилмингтоне, штат Делавэр, где была сделана краткая остановка по дороге в Филадельфию. По поводу своих соперников-республиканцев он заявил журналистам, использовав игру слов: «Любым способом мы должны доказать, что гнедая лошадь *(chestnut horse. — Г. Ч.)* отличается от конского навоза *(horse chestnut. — Г. Ч.)*»[707].

Немалую помощь оказала позиция ученых и художников, создавших организацию «Искусство и наука за Рузвельта». Выдающиеся граждане, в числе которых были философ Джон Дьюи, физик Альберт Эйнштейн, писатели Синклер Льюис и Томас Манн, скрипач Иегуди Менухин, певец Поль Робсон, кинорежиссер и актер Орсон Уэллс и многие другие, выступили со специальным обращением в поддержку его кандидатуры. Каждому из членов этой организации Рузвельт ответил благодарственным письмом[708].

Знаменитый Орсон Уэллс — тот самый, который в свое время до ужаса напугал американцев радиопостановкой о высадке марсиан, по личной просьбе президента рекламировал по радио «заем победы». Уэллс писал Рузвельту после выборов: «Я рассматриваю свое скромное участие в этой последней кампании как величайшую привилегию во всей своей жизни, а мой визит на

поезд (встреча с Рузвельтом. — *Г, Ч.)* как богатейший опыт»{709}. Рузвельта горячо поддержали Эрнест Хемингуэй и Джон Стейнбек. Президент не остался в долгу. Стейнбек, у которого родился ребенок, получил телеграмму президента: «Я узнал великолепную новость о появлении Тома»{710}.

В последние недели перед выборами Рузвельт побывал в нескольких штатах, выступил с длинными речами в Чикаго и других городах. За три дня до голосования в речи в Бостоне он уделил основное внимание опровержению доводов Дьюи, что в случае его избрания в четвертый раз к власти в США придут коммунисты либо будет установлена монархия: «Не думаю, что то или другое возможно в нашей стране, даже если бы мы и хотели этого. А мы, естественно, такого не желаем. Мы не хотим ни коммунизма, ни монархии. Мы хотим жить по нашему основному закону, который хорошо служит нам на протяжении 155 лет. Если бы [мы] были в банкетном зале, а не на этом бульваре, я поднял бы тост за то, чтобы мы продолжали жить в условиях конституционных гарантий в течение следующих 155 лет»{711}.

Успеху избирательной кампании Рузвельта помогали и сводки с тихоокеанского театра военных действий. Главным было сообщение о высадке войск генерала Макартура на Филиппинах, которая воспринималась как предвестие полного разгрома Японии.

Фактически на руку Рузвельту сыграла и нацистская пропаганда, в частности радиовещание из Берлина на английском языке. Бывший американский журналист Дуглас Чендлер, который с 1941 года вел передачи под псевдонимом Пауль Реверс (в США его называли «лорд Гав-Гав»), по поводу выборов 1944 года твердил, что Америку ожидают террор, инфляция и прочие беды, если Рузвельт останется во главе страны, и призывал: «Гоните этого субъекта из дома, который когда-то считался белым!»{712} Такого рода эскапады могли вызвать только раздражение тех, кто слушал передачи из Берлина[41].

Седьмого ноября, в день выборов, Рузвельт по традиции был в Гайд-Парке. Он напряженно следил за постоянно менявшимися данными о ходе голосования. Только поздним вечером стало ясно, что он побеждает в четвертый раз, правда, с минимальным отрывом. На этот раз победа ему досталась в тридцати шести из сорока восьми штатов, но за него проголосовали 53,4 процента избирателей, тогда как за Дьюи — 45,9 процента. В коллегии выборщиков, однако, соотношение было намного более благоприятным: 432 голоса у Рузвельта против 99 у его соперника. Дьюи приходилось довольствоваться тем, что он победил в родных городах Рузвельта и Трумэна — Гайд-Парке и

Индепенденсе[42].

Рузвельт не просто был глубоко расстроен своим проигрышем в Гайд-Парке, а счел себя оскорбленным двуличием соседей, которые горячо приветствовали его на улицах, а при тайном голосовании высказались против него. Десятилетия политической борьбы не избавили Франклина от известной доли идеализма, сентиментальности, непонимания того, что окружающие очень часто, особенно в политике, поступают прямо противоположно тому, что говорят вслух, исходя из самых разных соображений.

После выборов Рузвельт не произвел существенных перемен в составе правительства. Но одно важное изменение всё же произошло. Государственный секретарь К. Халл, сочтя, что президент всё более оттесняет его от решения международных задач, ушел в отставку, правда, мотивируя ее состоянием здоровья. Для обиды Халл имел все основания — международной деятельностью, как правило, занимался сам Рузвельт, часто минуя Государственный департамент и направляя своих представителей в различные страны и регионы, даже не уведомив госсекретаря.

Отставка Халла была выгодна Рузвельту. На освободившийся пост был назначен Э. Стеттиниус, великолепный менеджер-исполнитель, зарекомендовавший себя в этом качестве при осуществлении программы ленд-лиза, но никогда не стремившийся к самостоятельному ведению большой политики.

* * *

Готовясь ко второй встрече «большой тройки», Рузвельт продолжал уделять особое внимание проблеме создания атомного оружия. Речь шла именно об оружии, а не о мирном применении ядерной энергии — эта задача откладывалась на неопределенный срок.

Правда, виднейшие физики А. Эйнштейн, Л. Сцилард, Н. Бор[43] настаивали на сосредоточении усилий в области мирного атома, считая вполне реальным использование нового огромного источника энергии в интересах человечества. Ученые в своих посланиях убеждали Рузвельта поделиться с СССР хотя бы самой общей информацией, создать совместные организации и провести коллективную техническую инспекцию, чтобы не допустить гонки атомных вооружений, которая, уверяли они, в противном случае будет неизбежной, ибо раньше или позже у СССР также появится такое оружие.

Двадцать шестого августа 1944 года Рузвельт принял Нильса

Бора, который перед этим обратился к нему с меморандумом, содержавшим указание на временный характер монополии на атомное оружие. Президент сказал, что, возможно, о работах в области атома следует поговорить со Сталиным. Не зная о том, что Рузвельт часто произносит не то, что думает, ученый решил, что убедил собеседника и тот теперь предпримет действия, предотвращающие опасное развитие событий.

На самом же деле в середине сентября на встрече в Квебеке (второй в этом канадском городе) американский президент и британский премьер пришли к единодушному выводу, что обладание атомным оружием (оно еще не существовало, но перспективы его создания в течение ближайшего года считались вполне вероятными) станет важным преимуществом западных держав во взаимоотношениях с СССР Рузвельт и Черчилль согласовали, а во время заключительной встречи в Гайд-Парке 17—18 сентября подписали секретную памятную записку:

«1. Предложение информировать другие страны о проекте “Тьюб Аллойз” (британское кодовое наименование атомного проекта — в переводе «Труба из сплава»{713}. — *Г. Ч.)* с последующим международным соглашением о контроле и использовании неприемлемо. Проблему необходимо решать в обстановке чрезвычайной секретности; когда бомба будет, наконец, создана, возможно, после оценки всех последствий, использовать ее против японцев; их следует предупредить, что они подвергнутся повторной бомбардировке, если не капитулируют.

2. После разгрома Японии между США и правительством Великобритании продолжится полномасштабное сотрудничество в развитии проекта “Тьюб Аллойз” в военных и коммерческих целях до тех пор, пока оно не будет прекращено совместным соглашением.

3. Необходимо провести расследование деятельности профессора Бора и принять меры к тому, чтобы гарантировать его ответственность за предотвращение утечки информации, особенно к русским».

Некоторое время подлинность этого документа ставилась под сомнение, пока, наконец, не был обнаружен его американский подлинник{714}.

Великий ученый, но весьма неискушенный в политике Нильс Бор оказался под колпаком ФБР с легкой руки американского президента, который еще недавно принимал его с показным радушием… Как видим, лицемерию Рузвельта подчас не было предела.

В соглашении же, подписанном на Квебекской конференции,

в отношении атомного проекта было сказано лишь то, что США и Великобритания никогда не будут использовать его друг против друга, а против третьих стран — не иначе как по обоюдному согласию, и информировать третьи страны о нем также исключительно по согласию обеих сторон.

Тридцатого декабря 1944 года Рузвельт получил доклад генерала Гровса, в котором говорилось: «Сейчас становится совершенно ясным, что наши оперативные планы должны основываться на создании снаряда, мощность которого, по нашим оценкам, будет равна десяти тысячам тонн тринитротолуола. Первая бомба… будет готова примерно к 1 августа 1945 года. Вторая должна быть создана к концу года»{715}.

Накануне победы. Ялта

При всех успехах союзников война, казалось, была далека от завершения. 16декабря 1944 года немецкие войска на Западном фронте начали наступление в районе Арденн с целью разгрома англо-американских сил в Бельгии и Голландии и высвобождения своих соединений для Восточного фронта. Они продвинулись на 90 километров, но выдохлись, не достигнув реки Маас, когда американские части атаковали с флангов. Вермахт, потерпевший поражение в Арденнах, окончательно потерял стратегическую инициативу на Западном фронте. Локальное контрнаступление небольшими силами, предпринятое немцами в Эльзасе 1 января, уже не могло изменить обстановки на Западном фронте. Но то, что положение вермахта, особенно в Арденнах, стало безнадежным, стало ясно несколько позже, а на рубеже 1944—1945 годов ситуация всё еще казалась весьма опасной.

В своем последнем послании «О положении страны», произнесенном перед конгрессом 11 января, и в выступлении по радио в тот же день Рузвельт был не слишком оптимистичен: «У нас нет сомнений в конечной победе. У нас нет сомнений в цене победы. Наши потери будут тяжелыми». Он подчеркивал, что немцы ожесточенно сопротивляются, и не исключал, что они предпримут новые наступательные усилия. Вновь и вновь президент предупреждал о необходимости бдительности, мобилизации всех ресурсов страны для достижения полной победы. В отношении послевоенных дел он заявил: «Международный мир и благосостояние, подобно национальному миру и благосостоянию, требуют постоянной бдительности, продолжительного сотрудничества и организованных усилий. Они требуют институтов, способных жить и расти».

Рузвельт не скрывал, что между союзниками существуют разногласия, хотя всячески смягчал их принципиальный характер: «Чем ближе мы приближаемся к сокрушению наших врагов, тем больше осознаём имеющиеся различия между победителями. Мы не должны позволить этим различиям нас разъединить и сделать незрячими в отношении более важных общих и длительных интересов, которыми мы руководствуемся, стремясь победить в войне и создать прочный мир».

Завершалось послание словами: «Мы, современные американцы, вместе с нашими союзниками творим историю. И я надеюсь, что это будет лучшая история, чем всё то, что было ранее. Мы молимся, чтобы стать достойными неограниченных возможностей, которые нам дал Господь»[{716}].

В начале 1945 года был, наконец, согласован вопрос о проведении конференции с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина в Ялте. Сталин категорично потребовал, чтобы встреча происходила на советской территории, мотивируя это тем, что врачи не разрешают ему летать на дальние расстояния. Тяжелобольной Рузвельт вынужден был принять это по существу унизительное требование, что было свидетельством его крайней заинтересованности во вступлении СССР в войну против Японии.

Кодовое название для конференции — «Аргонавт» — придумал изобретательный и всезнающий Черчилль в честь древнегреческой легенды об участниках плавания на корабле «Арго» в Колхиду (на побережье Черного моря) за золотым руном. Американский президент с удовольствием согласился на это название, заявив Черчиллю: «Вы и я — наследники аргонавтов». (Позднее появилось новое название — «Магнето».)

Перед встречей Рузвельт стремился трезво оценить возможности Соединенных Штатов в проведении своей внешней политики с учетом того, что коалиционная стратегия трех держав, сформированная после Тегеранской конференции, начинала давать сбои, причем по вине всех союзников, стремившихся в первую очередь добиваться осуществления собственных интересов.

Рузвельта особенно встревожило отношение Сталина к Варшавскому восстанию 1 августа — 2 октября 1944 года, организованному представителями польского эмигрантского правительства в Лондоне. Несмотря на героическое сопротивление варшавян, оно было подавлено, а Варшава почти полностью разрушена гитлеровцами. Рузвельт и Черчилль обращались к Сталину с просьбой хотя бы разрешить американским и английским транспортным самолетам посадку на советской территории после того, как они сбросят повстанцам оружие, боеприпасы и продовольствие, но получили отказ: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы»{717}. В это время Сталин готовил находившийся в Люблине просоветский Польский комитет национального освобождения (ПКНО) к превращению в варшавское правительство. Как показали современные исследования, за поражение восстания несут ответственность и советская сторона, не оказавшая ему никакой

помощи, и англо-американские политики, пытавшиеся использовать плохо подготовленное выступление для предотвращения создания в Польше коммунистической власти.

Посол США в Москве А. Гарриман информировал президента о потрясающих переменах в отношении к американцам, находящимся в советской столице. Всё становится проблемой, докладывал Гарриман, начиная с выездных виз для русских женщин, вышедших замуж за граждан Соединенных Штатов, и завершая отказом помочь в розыске американских военнопленных в занятой советскими войсками Румынии{718}.

С реалиями приходилось считаться. 11 января 1945 года на встрече с лидерами фракций обеих партий в сенате Рузвельт искренне делился с парламентариями своими опасениями. Русские, говорил он, обладают всей властью в Восточной Европе. Идти на разрыв с ними нельзя, необходимо использовать все возможные политические каналы, все пути влияния, чтобы улучшить ситуацию{719}. Совершенно очевидно, что президент размышлял о способах оказать давление на Сталина во время второй встречи «большой тройки».

* * *

Двадцатого января состоялась инаугурация. В связи с состоянием здоровья президента она впервые проводилась не на Капитолийском холме, перед зданием конгресса, а на лужайке Белого дома. Также впервые не было военного парада — решили, что в условиях войны устраивать его слишком дорого. Речь Рузвельта продолжалась всего пять минут. Ключевыми в ней были слова, сказанные когда-то американским поэтом и философом XIX века Ральфом Эмерсоном. Рузвельт обратился к нации: «Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества. Мы научились простой истине, которую сформулировал Эмерсон: единственный путь иметь друзей — это быть другом»{720}.

Через два дня после инаугурации президент тайно покинул Белый дом и из военной гавани Ньюпорт-Ньюс на крейсере «Куинси» вновь отправился за океан в сопровождении большой группы государственных деятелей, в том числе сотрудников Госдепартамента во главе с Стеттиниусом[44].

Вместе с Рузвельтом находилась и дочь Анна — теперь, учитывая состояние его здоровья, крайне необходимо было постоянное присутствие не только врачей, но и кого-либо из членов семьи. Да и Анну отец выделял из всех детей, считал ее

по-особому близкой, — может быть, потому, что она была его первым ребенком и единственной дочерью. Теперь, когда рядом с Рузвельтом не было таких помощников, советчиков и собеседников, как Луис Хоув и Мисси Лихэнд, их место в значительной мере заняла дочь, понимавшая его с полуслова.

Тридцатого января на корабле отметили 63-й день рождения Рузвельта. Изобретательная Анна придумала своеобразный подарок: вечером к ужину были поданы три небольших торта, символизировавших три президентских срока, затем, после паузы, еще один, больший по размеру, и, наконец, после еще одной паузы, самый маленький, на котором кремом был нарисован вопросительный знак — намек на пятое президентство. Разумеется, это была лишь попытка приободрить отца. Анна, женщина разумная, безусловно чувствовала, что он вряд ли доживет до завершения четвертого срока.

Второго февраля крейсер прибыл в столицу Мальты Валлетту. Здесь к команде Рузвельта присоединился Черчилль со всем своим штабом. Несмотря на накопившиеся разногласия между двумя лидерами, ибо Черчилль не желал расставаться с британскими имперскими амбициями, а Рузвельт стремился к фактическому разрушению империи и резкому усилению мирового влияния США, состоялся почти семейный ужин, на котором присутствовала не только Анна, но и дочери британского премьера Сара и Кэтлин.

Черчилль, пытавшийся сохранить остатки былого британского величия и вынужденный отказаться от балканского варианта, был намерен проводить теперь «реальную политику», в частности путем сепаратной договоренности со Сталиным о разделах сфер влияния в Восточной Европе. Именно эту цель имел его неожиданный визит в Москву в начале октября 1944 года, во время которого Сталину был передан злополучный листок с процентным соотношением влияния Великобритании и СССР: в Румынии, Болгарии — преимущество СССР, в Югославии — паритет, в Греции — преимущество Великобритании. По словам британского лидера, Сталин, взглянув на листок, поставил на нем «птичку» и возвратил, не говоря ни слова. Растерянный Черчилль выразил готовность сжечь документ. «Нет, сохраните его», — ответил Сталин. Это означало, по мнению Черчилля, готовность разделить Балканы на сферы влияния{721}. Намерения Сталина, однако, были значительно более широкими — распространить свое господство на все балканские и другие страны Восточной Европы.

Ни непосредственно после московской встречи, ни теперь, во время подготовки к трехсторонней конференции, Черчилль не

информировал Рузвельта о деталях своих переговоров со Сталиным. Хотя по взаимной договоренности в этих переговорах участвовал и американский посол, предложения по поводу Балкан делались наедине, только при переводчиках. Гарриману оставалось только делиться с шефом догадками о том, что происходило при закрытых дверях.

До Рузвельта доходили лишь слухи. Сохранился меморандум, определявший его позицию по отношению к предполагаемой советско-британской сделке. В нем говорилось, что такое разграничение с военной точки зрения полезно, если срок его действия не превысит трех месяцев. Однако, заявлял президент, «мы не можем одобрить такие планы, если они будут простираться за пределы военной области и препятствовать процессам широкого международного сотрудничества». Он предостерегал также против возможного «соревнования сил» между СССР и США{722}.

Президент США и премьер Великобритании встретились, отягощенные разногласиями по поводу «глобальной стратегии» Вашингтона и «реальной политики» Лондона. После консультаций обе группы покинули корабль и отправились на военный аэродром. Отсюда делегации и обслуживающий персонал — всего свыше семисот человек — на двадцати транспортных самолетах отбыли в Крым.

Рузвельт летел на этот раз на своем новом самолете, который он, как и предыдущие, назвал «Священная корова». Это был мощный по тем временам летательный аппарат, само строительство и использование которого свидетельствовало о том, что президент собирается еще не один год подниматься на «борт номер один». Рузвельт, ставший первым президентом, пользовавшимся самолетами, летал до этого на Боингах-314. Новый президентский борт был переделан из военно-транспортного самолета С-87А, имел спальню, радиотелефон и лифт для инвалидного кресла Рузвельта. Использовал его Рузвельт только один раз.

* * *

Вторая встреча «большой тройки» состоялась под Ялтой, в Ливадийском дворце 4—11 февраля 1945 года.

По оценке тех, кто не видел Рузвельта сравнительно долго, он к этому времени сильно сдал. Он похудел, под глазами обозначились резкие темные круги. В числе многих других на это обратил внимание переводчик Сталина В. М. Бережков,

отмечавший в то же время сохранившуюся харизму президента: «Мне он запомнился как обаятельный человек, обладающий быстрой реакцией, чувством юмора. Даже в Ялте, когда было особенно заметно ухудшение его здоровья, все присутствовавшие отмечали, что ум президента оставался ярким и острым»{723}. Прогнозы, даваемые другими свидетелями встречи «большой тройки», были пессимистичными. Так, врач Черчилля Чарлз Уилсон записал в своем дневнике, что Рузвельту, скорее всего, остается жить несколько месяцев{724}.

В распоряжение Рузвельта был предоставлен Ливадийский дворец[45]. Силами заключенных и военнопленных была быстро построена отличная автомобильная дорога от военного аэропорта Саки в северной части Крыма до Ялты, по которой один за другим проследовали кортежи Рузвельта и Черчилля, а на следующий день и хозяина встречи. Чтобы произвести благоприятное впечатление на своих гостей — главных союзников, которые в определенной степени превращались теперь в соперников, Сталин не скупился на средства, несмотря на тяготы, испытываемые страной во время войны.

Поскольку с Черчиллем Рузвельт общался и перед путешествием в СССР, и по дороге, то, естественно, первая его встреча в Крыму была со Сталиным. Почти с ходу он задал вопрос: кто, по мнению Сталина, добьется своей цели первым — американцы, войдя в столицу Филиппин Манилу, или русские, заняв Берлин? Отлично поняв, что тем самым президент давал знать, что американцы не будут стремиться первыми вступить в Берлин, советский лидер ответил учтиво, что первой падет Манила, так как немцы продолжают отчаянно сражаться на Одере.

Четвертого февраля в пять часов дня в Большом зале Ливадийского дворца открылось первое официальное заседание конференции. И на этот раз, как и в Тегеране, по предложению Сталина председательствовал Рузвельт. Во вступительной речи он сформулировал главные вопросы, которые предстояло решить союзникам: польская проблема, участие СССР в войне на Тихом океане, создание международной организации сотрудничества и безопасности. Впрочем, Рузвельт тут же определил и четвертый вопрос, в котором польская проблема была лишь составной частью: перекройка европейских границ по окончании войны. Нам предстоит пересмотреть едва ли не всю карту Европы, заявил он, сознательно преувеличивая, но тем не менее вопрос о границах был весьма болезненным, ибо решение его неизбежно причиняло страдания огромному числу ни в чем не повинных людей. За ним маячила и колоссальной важности проблема о сферах влияния

великих держав, хотя вслух эти сакраментальные слова не произносились.

И всё же главным Рузвельт считал создание эффективно действующей международной организации, принципиально отличавшейся от Лиги Наций, проявившей в предвоенные годы полную беспомощность. Во главе ее должен был стать особый орган, который уже на конференции в Думбартон-Оксе получил название Совета Безопасности; там же была достигнута договоренность о его составе. Несогласованным, однако, оставался вопрос о принципе голосования в Совбезе.

Рузвельт вместе с Черчиллем вначале придерживался мнения, что внутри четверки достаточно будет большинства голосов (о возможном паритете позабыли). Это, однако, совершенно не устраивало Сталина, который понимал, что по решающим вопросам, тем более связанным с его послевоенными территориальными планами, СССР останется в одиночестве. Еще в Думбартон-Оксе западные лидеры пошли на серьезную уступку, согласившись на принцип единогласия великих держав (право вето), но только по вопросам, непосредственно не касавшимся их собственных действий. В Ялте предстояло договориться окончательно.

И при обсуждении права вето, и в переговорах по другим вопросам Сталин держал себя с партнерами по-разному: подчеркнуто дружески обращался к Рузвельту и несравненно жестче — к Черчиллю. Бывали, однако, случаи, когда вдруг оказывалось, что позиции советского и британского лидеров сближались в противовес американскому. Так что утверждать, будто в Ялте возник какой-то советско-американский блок против Великобритании, было бы сильным преувеличением.

Надо сказать, что Рузвельт явно переоценил возможности послевоенного сотрудничества с СССР и недооценил имперские амбиции Сталина, непосредственно вытекавшие из его единоличной власти в тоталитарной системе, и выражавшиеся претензии на господство в Восточной Европе. Во время одного из ужинов президент попытался обратиться к Сталину так, как обычно называл его за глаза, в беседах с Черчиллем: «Дядя Джо». Однако не терпевший панибратства диктатор прореагировал холодным, пронизывающим взглядом, а затем произнес: «Когда я могу оставить этот стол?» — и Рузвельт понял, что допустил ошибку{725}. Как не вспомнить тут довоенный эпизод, когда обласканный советской властью «красный граф» писатель Алексей Толстой, изрядно выпив, на одном из приемов обратился к Сталину по имени и на «ты» и услышал в ответ: «Шутить изволите, ваше сиятельство?»

Американский президент, теперь быстро устававший, временами поддававшийся влиянию Сталина, счел, что принцип единогласия в полном объеме (то есть и при обсуждении вопросов, касавшихся самих великих держав) будет являться свидетельством доброй воли союзников по отношению к СССР; к тому же США были весьма заинтересованы в предстоявшем его участии в войне против Японии. Черчиллю пришлось согласиться, хотя он понимал, что сделанная уступка может подорвать работоспособность Совета Безопасности и действенность его решений.

Торг по поводу участия советских республик в будущей организации завершился компромиссом. Как заправский купец, запрашивающий цену намного выше той, на которую согласится, Сталин, как мы уже знаем, вначале потребовал включения в состав ООН всех союзных республик, а в Ялте пошел на уступку, согласившись, вроде бы с большим трудом, на участие только двух республик, в наибольшей степени пострадавших от войны, — Украины и Белоруссии. Теперь с ним согласился Черчилль, добивавшийся принятия в ООН британских доминионов, а Рузвельт предложил, чтобы США в таком случае также получили в ООН два дополнительных голоса. Однако американское предложение не имело никакого обоснования, и президент его снял, опасаясь остаться в одиночестве.

Без каких-либо споров договорились о том, что учредительная конференция ООН откроется 25 апреля в Сан-Франциско.

При обсуждении территориальных вопросов вновь сыграла козырная карта Сталина — участие СССР в войне на Дальнем Востоке: западные державы пошли на существенные уступки. Речь прежде всего шла о границах Польши. Теперь формулировалось, что граница между СССР и Польшей пройдет в основном по «линии Керзона» 1920 года с отступлениями от нее на пять—восемь километров в пользу Польши. Ей был возвращен город Белосток с окружающей территорией, что вроде бы продемонстрировало добрую волю Сталина.

Рузвельт, правда, поставил вопрос о возвращении Польше Львова, а также нефтеносных районов Восточной Галиции, но, видя крайне отрицательную реакцию советского партнера, тут же добавил, что только вносит предложение, но не настаивает на нем. Взамен территорий, оказавшихся в составе СССР, Польша должна была получить западные земли вплоть до Одера, а также часть Восточной Пруссии (другую ее часть с главным городом Кенигсбергом решено было передать Советскому Союзу).

Хотя в Лондоне продолжало функционировать польское

эмигрантское правительство, Рузвельт и Черчилль согласились признать власть сформированного в СССР ПКНО. Вначале Рузвельт высказал мнение, что это правительство представляет интересы не более чем трети поляков и поэтому должно составлять соответствующую часть будущего объединенного польского Совета министров, но вскоре от такой позиции отказался. Правда, Сталин в свою очередь примирился с включением в правительство «демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Это позволило без особого труда сформировать в Варшаве устраивавший СССР политический режим, а вначале включенный в правительство бывший эмигрантский премьер Станислав Миколайчик, возвратившийся на родину, в обстановке начавшегося преследования демократических сил в 1947 году был вынужден тайно бежать на Запад.

Вопрос об оккупации Германии в Ялте не обсуждался, так как уже имелось соглашение от 12 сентября 1944 года, предусматривавшее распределение зон оккупации и выделение секторов в Берлине. Это соглашение было просто подтверждено, и оно предопределило раскол Германии, длившийся четыре с половиной десятилетия.

Ко времени Крымской конференции Рузвельт примирился с властью генерала де Голля во Франции, которого ранее просто не терпел. Президент США согласился даже с выделением для Франции оккупационной зоны в Германии, хотя конкретное ее местонахождение США и Великобритания определили позже. Соответственно единственным новшеством по собственно германскому вопросу было совместное предложение Рузвельта и Черчилля о включении Франции в число держав, имевших свои зоны оккупации в Европе, причем французскую зону предполагалось образовать за счет небольших частей американской и британской, не ущемляя интересов СССР. Сталин охотно согласился с этим предложением, полагая, что натянутые отношения между Рузвельтом и главой временного правительства Франции всё еще сохранялись, и при возможности намеревался их использовать.

В обстановке полного единодушия были приняты решения о принципах послевоенного устройства Германии, исходившие из того, что милитаризм и нацизм должны быть искоренены, чтобы Германия никогда больше не была в состоянии нарушить мир. С этой целью намечалось «разоружить и распустить все германские вооруженные силы и навсегда уничтожить германский генеральный штаб», «изъять или уничтожить всё германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль

всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристическое влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа»{726}.

Значительно сложнее обстояло дело с вопросом о германских репарациях. Сталин предложил, чтобы их сумма составила 20 миллиардов долларов, выплачивалась в течение десяти лет и практически была получена путем конфискации промышленного оборудования и продукции, причем СССР полагалась бы ее половина. Рузвельт и Черчилль согласились, что СССР должен получить львиную долю германских репараций как страна, в наибольшей степени пострадавшая от войны, но напомнили Сталину о проблемах, возникших в связи с германскими платежами странам Антанты после Первой мировой войны: о хаосе, ожесточении, национализме и в конечном итоге приходе к власти Гитлера. Скорее всего, президент говорил не экспромтом, а, предвидя постановку вопроса о репарациях, получил квалифицированные исторические справки, поскольку был достаточно подкован.

Тем не менее, несмотря на заявление Черчилля, что советские требования кажутся ему фантастическими, что после Первой мировой войны намечавшиеся репарации с Германии не превышали двух миллионов (премьер жонглировал цифрами, не обращая внимания на резкое падение курса доллара между войнами), Рузвельт в конце концов поддержал сталинское требование, заявив, что не желает, чтобы немцы жили лучше, чем граждане СССР, но в то же время высказав опасение, как бы в результате уплаты репараций немцы не стали бременем для всего мира. В конце концов к обсуждению этого вопроса решили возвратиться позже.

В соответствии с существовавшей устной договоренностью Сталина и Черчилля о разделе сфер влияния в Восточной Европе стороны согласились, что преобладающими правами в Греции будут пользоваться англичане, а в Югославии сохранится режим И. Броз Тито с включением в правительство «других демократических деятелей». Практически это означало бесспорное включение Югославии в советскую сферу влияния.

В Ялте была принята Декларация об освобожденной Европе, составленная американской делегацией и предложенная Рузвельтом{727}. Она провозглашала суверенное право европейских народов на управление своими территориями и долг

союзников помогать им в осуществлении этого права: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Правда, перед подписанием декларации произошел любопытный инцидент. Черчилль заявил, что он подпишет документ при условии, что сделанные в нем ссылки на Атлантическую хартию не относятся к Британской империи, во владениях которой уже осуществлены соответствующие принципы. По этому вопросу, вспомнил Черчилль, он выступал в палате общин, и неосторожно добавил, что передал текст этого выступления У. Уилки, в свое время сопернику Рузвельта на президентских выборах, который умер в 1944 году. «Не это ли убило его?» — произнес Рузвельт в пику союзнику, давая понять, что возвышенные слова о правах народов Европы могут быть отнесены и к народам Содружества наций, как еще с 1926 года официально именовалась Британская империя.

В Ливадии Рузвельт вел переговоры со Сталиным об условиях вступления СССР в войну против Японии. Одни встречи проходили только с переводчиками, на других присутствовали Стеттиниус и Молотов. Важнейшей была встреча 8 февраля. За спиной Чан Кайши Рузвельт согласился на щедрую плату, которую потребовал Сталин: включение в состав СССР южной части Сахалина, а также тридцати одного острова Курильской гряды (в том числе нескольких островов, непосредственно примыкающих к основной японской территории — второму по величине острову Хоккайдо), совместное с Китаем владение железными дорогами в Маньчжурии, получение незамерзающего порта на китайской территории (предполагалось, что им будет Дайрен, о чем позже договорились определенно), создание советской военно-морской базы в Порт-Артуре. Соединенные Штаты признали самостоятельность Внешней Монголии, то есть Монгольской Народной Республики, находившейся под влиянием СССР{728}.

Рузвельт пытался вести осторожный торг. Сталин, однако, использовал тот же прием, к которому не раз прибегали с полным основанием западные лидеры, ссылаясь на то, что их позиция может быть оспорена парламентами или народным волеизъявлением. Коммунистический лидер, естественно, ни в каком «народном одобрении» не нуждавшийся, тем не менее заявил президенту, что ему очень трудно будет объяснить Верховному Совету СССР причины вступления Советского Союза в

войну с Японией, если он не представит доказательства бесспорных приобретений. В глубине души проклиная партнера по переговорам за демагогию, Рузвельт пошел на все условия, в том числе касавшиеся интересов Китая.

Столь высокая плата была оправданной. Военные советники Рузвельта высказывали мнение, что даже при участии СССР война на Дальнем Востоке может продлиться еще не менее полутора лет, а без него затянется на неопределенно длительное время. Хотя боевая мощь Японии и была сломлена (у нее оставался всего один крейсер, линкоры и авианосцы были или уничтожены, или серьезно повреждены, а нефтезапасов катастрофически не хватало, то есть не было возможности переместить Квантунскую армию для защиты островов), она оказывала ожесточенное сопротивление. Для США и Великобритании это означало огромные дополнительные людские и материальные потери. Предполагалось, что СССР, предприняв быстрое наступление на территории Китая, отвлечет на себя крупные японские силы, не даст возможности перебросить их на Японские острова.

Правда, президенту продолжали докладывать, что примерно к августу будет создана первая атомная бомба, но никто не мог предположить, каковы будут ее реальная эффективность и последствия боевого применения.

Разумеется, весьма важен был не только сам факт объявления войны, но сроки и масштабы действий советских войск. Между Рузвельтом и Сталиным была окончательно достигнута договоренность, что СССР вступит в войну против Японии через два-три месяца после окончания военных действий в Европе, причем сразу же крупными сухопутными, воздушными и морскими силами.

Рузвельт был вполне доволен итогами Ялтинской конференции. Будучи прагматиком, он считал, что добился максимума возможного в интересах Соединенных Штатов и мирового демократического развития. На заключительной встрече уже не за столом переговоров, а в неофициальной обстановке президент даже сказал, что эта встреча напоминает семейный обед.

Действительно, на первый взгляд конференция завершилась принятием согласованных решений и продемонстрировала возможность сотрудничества западных демократий с советским режимом. Но, по существу, в Ялте было положено начало созданию послевоенного биполярного мира, который сохранился на сравнительно долгий исторический период — вплоть до конца 1980-х годов.

За послевоенное время вышло огромное количество

литературы (главным образом публицистической), в которой Рузвельт обвиняется в непростительных уступках Сталину в Ялте, в предательстве интересов западной демократии. С этими утверждениями трудно согласиться. Американский президент и его британский партнер действовали в пределах возможного, учитывая, что война еще не была окончена и необходимо было сохранять союз с СССР для ее завершения. Конечно, Рузвельт был уже не тем упорным полемистом, каким представал на международных встречах в предыдущие годы. Болезнь и усталость давали о себе знать. Сказалось и явно преувеличенное доверие к Сталину. По некоторым вопросам президент сознательно шел на компромиссы, которые при объективном анализе следует признать не вполне оправданными (особенно это касалось польского вопроса).

Но Рузвельт соглашался на уступки в надежде на продолжение сотрудничества великих держав в мирное время. Он никак не мог предположить, что всего лишь через год после окончания самой кровопролитной в истории войны в Европе опустится «железный занавес» и начнется новая, теперь уже холодная война, которая с приливами и отливами будет продолжаться четыре с лишним десятилетия.

Сам президент, члены американской делегации и правительственные органы сочли решения Крымской конференции вполне удовлетворительными, соответствующими интересам США. Главным было согласие СССР вступить в войну против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе.

Американский публицист и историк Т. Морган оценивает конференцию в Крыму образно: «Было что-то сюрреалистическое в этих трех пожилых мужчинах, сидящих вокруг стола на черноморском курорте, поедающих кушанья из десяти блюд, перемежающих их многочисленными тостами, поочередно поддразнивающих и восхваляющих друг друга и радующихся теплоте своего товарищества, которое проистекало в основном из их высокого положения. Они знали, что место в истории им обеспечено, и в то время, как они поглощали пищу, выпивали и ожидали, пока переводчики закончат очередное высказывание, они решали судьбы сотен миллионов людей»{729}.

Но на самом деле это был мир реальный, без какого бы то ни было «сюра», мир великой войны, когда судьбы человечества решались не столько волей лидеров, сколько мощью и реальным весом великих держав в мировой политике.

* * *

Возвращение с Ялтинской конференции было несколько экстравагантным. На борту своего корабля Рузвельт принял трех монархов — короля Египта Фарука, короля Саудовской Аравии Абдель Азиза ибн Сауда и императора Абиссинии (Эфиопии) Хайле Селассие. Всем троим были сделаны дорогие подарки (самолеты, автомобили). Рузвельту же были преподнесены восточные мечи, богато украшенные драгоценностями одежды.

Но цель президента состояла не в обмене подарками. Принимая во внимание и усиливавшуюся шаткость колониальной системы, и претензии своей страны на руководящую роль в современном мире, и прямые экономические интересы (в частности, аравийскую нефть), Рузвельт стремился продемонстрировать восточным самодержцам свое благорасположение.

Особенно впечатляющей была встреча с Саудом, в стране которого сохранялись древние традиции. Король появился перед американским президентом в сопровождении нескольких (из сорока двух) сыновей, братьев, дегустатора, астролога, носителя королевского кошелька, мастеров кофейного дела и массы других слуг. Его сильно заинтересовала инвалидная коляска Рузвельта. Вернувшись домой, президент распорядится послать королю две такие коляски, чтобы он мог передвигаться по своему дворцу. Франклин не преминул сострить, что его дочери не следует попадаться на глаза восточному правителю, потому что всех женщин, которые оказываются на его пути, он немедленно конфискует{730}.

С Саудом Рузвельт заговорил об участии американских фирм в добыче нефти на территории его страны и о заинтересованности США в закупке этого ценнейшего сырья в сыром или первично переработанном виде, на что получил вполне благоприятный ответ. Когда же речь зашла о возможном переселении в Палестину евреев, которым удалось выжить в гитлеровской Европе, король оказался неумолим. Президент пытался убедить собеседника в справедливости создания в Палестине еврейского национального очага. Саудовский монарх пришел в возбуждение и стал сыпать обвинениями в адрес уже проживавших в Палестине евреев: они, мол, процветают только благодаря миллионам долларов, поступающим из Америки, их вооруженные формирования нападают на арабов и стремятся всех их уничтожить. Он заявил, что арабы и евреи никогда не смогут сотрудничать, что его подданные предпочтут умереть, нежели отдать свою землю евреям. Переговоры по этому вопросу окончились безрезультатно{731}.

Присутствовавший на приеме советник президента Бернард

Барух позже рассказывал Эллиоту Рузвельту: «Из всех разговоров, которые он (президент. — *Г. Ч.)* имел в своей жизни, наименьшее удовлетворение он получил от беседы с этим арабским монархом»[732]. В завершение переговоров Рузвельт дал обещание не санкционировать никаких мероприятий США, враждебных арабскому народу.

Когда «Куинси» встал на рейде в египетской Александрии, на борт вновь поднялся Черчилль. Это была последняя из многочисленных встреч двух лидеров в военные годы. «Мы расстались очень трогательно. Я чувствовал, что его связь с жизнью стала тоньше», — написал сэр Уинстон в мемуарах[733].

Временами самочувствие Рузвельта улучшалось. Приближение конца войны в Европе, договоренность с СССР по поводу войны против Японии, промышленное процветание Америки — всё это будто прибавляло сил. Порой даже плоские шутки доставляли ему удовольствие. Джонатан Дэниелс, сын бывшего военно-морского министра, ставший теперь административным помощником президента, рассказывал, что был свидетелем неудержимого хохота шефа над незамысловатым анекдотом, в котором пьяница уверял, что он совершенно трезв: «Если бы я был пьян, я сказал бы, что у кошки, которая входит в эту дверь, четыре глаза, но я вижу, что у нее только два». — «Вы правы, сэр, — ответил бармен, — но эта кошка не входит, а выходит с высоко поднятым хвостом»[734].

«Куинси» причалил к американскому берегу 27 февраля, Рузвельт тотчас же поездом отправился в Вашингтон, а уже 1 марта выступил на совместном заседании обеих палат конгресса с докладом о Ялтинской конференции. Это было его последнее публичное выступление. В соответствии с регламентом за председательским столом находились вице-президент Трумэн в качестве председателя сената и председатель палаты представителей Сэм Рейбёрн. Торжественно войдя в зал заседаний и остановившись в дверях, привратник зычным голосом провозгласил: «Президент Соединенных Штатов Америки», а вслед за этим в проходе появилась коляска Рузвельта. Все присутствующие поднялись со своих мест. Раздались аплодисменты.

Хотя на многих конгрессменов выступление Рузвельта произвело тягостное впечатление — его голос стал невыразительным, потерял былое богатство оттенков, лицо осунулось, руки, бравшие стакан с водой, дрожали, — содержание выступления, по единодушной оценке, было всё тем же, рузвельтовским — аналитическим, остроумным и вместе с тем предельно простым. Правда, когда оратор отвлекался от

подготовленного текста, ему было трудно говорить, голос слабел, иногда понижался почти до шепота, но сами импровизации свидетельствовали о том, что его интеллект оставался всё так же высок.

Президент выступал не стоя, а сидя в кресле, причем счел необходимым принести извинения по этому поводу, напомнив, что у него «десять фунтов стали на ногах» и он только что возвратился из путешествия в 14 тысяч миль. Но тут же он перешел к делу, выразив уверенность в том, что конференция не просто была плодотворной, но стала поворотным пунктом и американской, и мировой истории. «Крымская конференция призвана положить конец односторонним действиям, особым союзам, сферам влияния, балансу мощи и разным прочим средствам, которые испытывались на протяжении столетий и всегда приводили к провалу. Мы предлагаем вместо этого всеобщую организацию, в которую в конечном итоге смогут войти все миролюбивые народы. Мир, который мы строим, — говорил президент, — не может быть американским, британским, русским, французским или китайским. Он не может быть миром больших или малых стран. Он должен стать миром, основанным на общих усилиях всех стран».

Это, безусловно, было сильным преувеличением значения Ялтинской конференции, но такие суперлативы были необходимы Рузвельту и для того, чтобы конгресс одобрил ее решения, и для самоубеждения в правильности сделанного в Крыму. Сложность состояла в том, что по соображениям секретности президент не мог ни слова сказать конгрессменам о достигнутом соглашении по поводу вступления СССР в войну против Японии.

(Рузвельт не разгласил и еще один «ялтинский секрет», полагая, что и депутаты, и население будут недовольны его согласием на то, что СССР будет обладать в ООН тремя голосами, тогда как США — только одним. Только 23 марта, принимая американскую делегацию, готовившуюся к участию в учредительной конференции ООН, он признался в этом и попросил учитывать и разъяснять другим, что Украина и Белоруссия понесли особенно тяжелые потери во время войны.)

Немало внимания было уделено германскому вопросу. Президент подчеркнул, что безоговорочная капитуляция не означает ни разорения, ни порабощения немецкого народа; ликвидации подлежали лишь нацистская партия, германский Генеральный штаб и другие воинские формирования, которые «слишком часто сотрясали мир на Земле».

Обратившись к сравнительно недавней истории, Рузвельт вспомнил итоги Первой мировой войны: «Двадцать пять лет назад

сражавшиеся на фронте американцы ожидали от государственных деятелей завершения работы по строительству мира, за который они воевали и страдали. Тогда мы не оправдали их надежд… Мы не имеем права вновь обмануть их надежды и ждать, что мир образуется сам собой… Мы предлагаем заменить всё это (недееспособную Лигу Наций межвоенного периода. — *Г. Ч.)* универсальной организацией, в которой будут иметь возможность объединиться все миролюбивые страны»[735].

Судя не только по высказываниям самого Рузвельта, но и по мнению его родных и близких, помощников и государственных деятелей, он вполне искренне считал соглашения, достигнутые в Крыму, серьезной базой для скорейшего победоносного завершения войны и основой послевоенного мироустройства. Конечно, у президента были сомнения в прочности этого порядка, но он не раз в связи с соглашениями в Ялте повторял латинскую поговорку: *Feci quod potui, faciant meiiora potentes* («Я сделал всё, что мог; пусть другие сделают лучше»).

* * *

Между тем война в Европе шла к завершению, несмотря на продолжавшееся ожесточенное сопротивление германских войск.

В январе 1945 года с санкции президента США и премьер-министра Великобритании начались массированные круглосуточные ковровые бомбардировки Берлина. Погибло до пятидесяти тысяч человек, были разрушены многочисленные памятники культуры. Город превратился в руины. 13—15 февраля американские и английские самолеты осуществили ряд налетов на Дрезден, стремясь причинить городу наибольшие разрушения. Около четверти промышленных предприятий и почти половина остальных зданий, в том числе жилые дома были уничтожены или серьезно повреждены, парализовано движение городского транспорта, погибли, по разным оценкам, от 25 до 200—250 тысяч человек.

Вопрос о том, были ли бомбардировки Берлина, Дрездена и других немецких городов вызваны военной необходимостью, до сих пор вызывает споры. В любом случае они имели политическую цель — продемонстрировать военную мощь для устрашения Германии и принуждения ее к скорейшей капитуляции.

Аналогичные действия союзники предпринимали и против Японии. В начале января союзная авиация, опять-таки по согласованию с президентом и премьер-министром, начала

массированные налеты на города Японии. Бомбежка Токио 9 марта стоила жизни восьмидесяти тысячам человек. В течение последних семи месяцев кампании упор был сделан на использование зажигательных бомб, что привело к значительным разрушениям шестидесяти семи японских городов, гибели около полумиллиона человек и сделало около пяти миллионов бездомными.

Всего за последние девять месяцев войны погибли около девятисот тысяч японцев, подавляющее большинство которых составляли женщины, дети, старики. Такова была тяжелейшая цена, которую Япония еще до применения американцами атомных бомб заплатила за развязанную ею агрессию. Рузвельт убеждал, что таким образом достигалась деморализация населения и правивших кругов, ускорялись сроки капитуляции Японии, а следовательно, сокращалось общее число жертв, причем не только со стороны США и Великобритании, но и самой Японии. Так ли было на самом деле? Не пытаясь ответить на этот вопрос, влекущий за собой серьезные этические дискуссии, я предпочитаю оставить его для дальнейшего обсуждения специалистами, хотя считаю, что моральные категории столь же относительны, как и все оценочные суждения, существующие в этом мире.

Тяжелые потери американских и британских военно-морских и десантных сил по мере приближения военных действий к Японским островам крайне тревожили Рузвельта. Он вновь и вновь встречался с военным министром Стимсоном, который заверял, что учеными и инженерами прилагается максимум усилий для скорейшего создания атомного оружия. По расчетам специалистов и организаторов работ, повторял министр, первый экземпляр, пригодный для испытаний, будет готов к середине лета.

Их последняя встреча состоялась 15 марта. В принципе не возражая против применения атомного оружия, Стимсон в то же время предупредил президента, что боевое использование этого нового и, по всей видимости, страшного средства разрушения и уничтожения людей окажет непредсказуемое влияние на послевоенный мир, нарушит баланс сил. Есть, полагал Стимсон, два пути подхода к атомному оружию в послевоенное время: сохранение секретности при условии американо-британской монополии и передача нового оружия под международный контроль. Стимсон не говорил, какой точки зрения придерживается он сам, но из контекста разговора и из его дневниковой записи («В целом разговор был успешным»{736}) следует, что он предпочитал второй вариант.

Министр, однако, преувеличивал решимость Рузвельта отказаться от соблазна послевоенного использования атомного оружия в качестве средства давления на другие правительства. Президент всё еще колебался. Возможно, он воспринял позицию Стимсона как стремление частично возвратиться к изоляционизму (тем более что министр принадлежал к традиционно изоляционистской Республиканской партии), тогда как он сам оставался решительным сторонником американского участия во всех мировых делах.

В любом случае, Рузвельт откладывал решение по столь кардинальному вопросу до того времени, как планы станут реальностью — атомное оружие не только пройдет испытание, но и будет использовано против неприятеля.

Видя это, Стимсон попытался усилить натиск. В начале апреля он, на этот раз письменно, предложил поделиться атомными секретами с СССР — разумеется, не безвозмездно, а ценой политических уступок, в которых он не сомневался. И вновь президент вроде бы проявил понимание, но свое решение продолжал откладывать{737}.

Трудно сказать, знал ли Стимсон о новой инициативе А. Эйнштейна и Л. Сциларда, но она явно лежала в том же русле, что и его предложения. Правда, в исторической литературе новое письмо Эйнштейна президенту часто излагается крайне неточно. Великий физик якобы обратился к Рузвельту с настойчивым предупреждением об опасности атомного оружия и необходимости обеспечить международные гарантии его неприменения, а Рузвельт ему не ответил{738}.

На самом деле письмо было значительно более осторожным да и события происходили несколько иначе. Во второй половине марта Сциларда рассказал Эйнштейну, что еще в декабре 1944 года финансист Сакс по просьбе группы физиков беседовал с Рузвельтом об атомной бомбе. Среди предложений, встретивших благожелательное отношение президента, был план, выдвинутый физиками: после окончательных испытаний ученые осуществят публичную демонстрацию нового оружия в присутствии представителей союзных и нейтральных держав, затем от своего имени или от имени правительства опубликуют краткое коммюнике с изложением сущности открытия, правительство США обратится к правительствам Германии (если война с ней не будет закончена) и Японии с требованием капитуляции. В случае отказа должно было последовать оповещение о предстоящей бомбардировке с указанием ее места и сроков, с предоставлением противнику времени, необходимого для эвакуации из угрожаемых районов всех людей и животных.

Рузвельт, однако, ничего не предпринял. Теперь Сцилард подготовил текст нового письма президенту, который Эйнштейн и подписал. В этом письме, датированном 25 марта, содержалось напоминание о первом послании Рузвельту, после которого были начаты работы над урановым проектом. Не касаясь существа дела в связи с сугубой секретностью, ученый только просил президента принять Сциларда, весьма обеспокоенного политическими вопросами, связанными с проектом{739}.

Судя по всему, письмо пришло слишком поздно. Ознакомиться с ним Рузвельт не успел.

* * *

Между тем по мере приближения окончания военных действий в Европе взаимоотношения США и СССР и соответственно Рузвельта и Сталина становились всё более напряженными. Вначале конфликт возник по частному, но исключительно важному, с точки зрения американцев, вопросу — о судьбе американских пленных, освобожденных советскими войсками. Сотрудники НКВД и военные начальники, безусловно, по команде с самой вершины, препятствовали доступу уполномоченных США к этим людям, считая пленных своего рода заложниками в предстоявшей игре, рассчитывая на новые уступки с американской стороны.

Получив об этом сообщение от Гарримана, Рузвельт 17 марта впервые обратился к Сталину с резким письмом:

«…Что касается отправки из Польши бывших американских военнопленных, то мне сообщают, что согласие на поездку генерала Дина с целью знакомства с положением американских военнопленных в Польше взято обратно. В Вашем последнем послании Вы сообщили мне, что нет нужды удовлетворять мою просьбу о разрешении американским самолетам доставлять грузы в Польшу и вывозить оттуда больных. Я располагаю сведениями, которые я считаю достоверными и надежными, что в госпиталях в Польше по-прежнему находится значительное число больных и раненых американцев, а также о том, что там находилось, наверняка несколько дней тому назад, и, возможно, всё еще находится большое количество других освобожденных американских военнопленных, или сконцентрированных в советских сборных пунктах и ожидающих отправки в Одессу, или не установивших контакта с советскими властями и бродящих небольшими группами в поисках американских офицеров связи. Говоря со всей откровенностью, я не могу понять Вашего

нежелания разрешить американским офицерам связи, имеющим необходимые средства, помочь их соотечественникам в этом деле. Американское Правительство делало всё, чтобы удовлетворить любую Вашу просьбу. Сейчас я прошу Вас удовлетворить мою просьбу в этом особом деле. Пожалуйста, пригласите к себе Посла Гарримана, чтобы он смог подробно объяснить Вам все мои пожелания»{740}.

В доступе американских миссий к военнопленным Сталин отказал, но всё же в следующие месяцы большинство лиц, о которых шла речь в переписке, были постепенно переданы администрациям западных держав.

Рузвельт был крайне встревожен сообщением о произошедшем в том же марте фактическом государственном перевороте в Румынии, когда представители СССР заставили короля Михая назначить прокоммунистическое правительство во главе с Петру Грозой, однако протестовать в данном случае не счел возможным, так как был скован уже упоминавшимся устным соглашением Черчилля и Сталина в октябре 1944 года.

Но недружелюбный тон переписки возобновился, когда советским разведчикам стало известно о том, что в Цюрихе проходят беседы между представителем американского Управления стратегических служб Алленом Даллесом и генералом СС Карлом Вольфом по поводу возможной капитуляции немецких войск в северной части Италии. В этих контактах не было ничего криминального, так как Даллес от имени правительства США потребовал безоговорочной капитуляции, а Вольф обещал немедленно передать это требование главнокомандующему германскими войсками в Италии генерал-фельдмаршалу Альберту Кессельрингу. Но здесь был один весьма скользкий момент: американцы не сообщили о переговорах советской стороне, а весьма подозрительный Сталин, получив информацию о них от разведчиков, тотчас же предположил неладное — возможность подписания сепаратного мира.

Вначале посол Гарриман вынужден был оправдываться перед Молотовым, а вслед за этим 22 марта почти то же самое сделал и Рузвельт, обращаясь к Сталину:

«Мое Правительство, как Вы, конечно, поймете, должно оказывать всяческое содействие всем офицерам действующей армии, командующим вооруженными силами союзников, которые полагают, что имеется возможность заставить капитулировать войска противника в их районе. Я поступил бы совершенно неразумно, если бы занял какую-либо другую позицию или допустил какое-либо промедление, в результате чего

американские вооруженные силы понесли бы излишние потери, которых можно было бы избежать. Как военный человек, Вы поймете, что необходимо быстро действовать, чтобы не упустить возможности. Так же обстояло бы дело в случае, если бы к Вашему генералу под Кенигсбергом или Данцигом противник обратился с белым флагом.

Такая капитуляция вооруженных сил противника не нарушает нашего согласованного принципа безоговорочной капитуляции и не содержит в себе никаких политических моментов.

Я буду очень рад при любом обсуждении деталей капитуляции командующим нашими американскими войсками на поле боя воспользоваться опытом и советом любых из Ваших офицеров, которые могут присутствовать, но я не могу согласиться с тем, чтобы прекратить изучение возможности капитуляции ввиду возражений, высказанных гном Молотовым по совершенно непонятным для меня причинам»[{741}].

Последовала гневная отповедь Сталина, который ссылался на своих информаторов и возмущался, что происходившие события проводились втайне от русских[{742}]. 5 апреля Рузвельт снова писал ему, что в Берне не было никаких политических переговоров, а имели место лишь прощупывающие почву беседы, что сведения о переговорах советский лидер получил, видимо, из германских источников, стремящихся вбить клин между союзниками, и резюмировал: «В интересах наших совместных военных усилий против Германии, которые сейчас открывают блестящую перспективу быстрых успехов в деле распада германских войск, я должен по-прежнему предполагать, что Вы питаете столь же высокое доверие к моей честности и надежности, какое я всегда питал к Вашей честности и надежности». Любопытно, что в этом послании Рузвельт употребил настоящее время, когда речь шла о доверии Сталина, и прошедшее, когда говорил о своем доверии к нему. Таковы были первые порывы того зловещего ветра, который всего лишь через год приведет к началу холодной войны между СССР и западными державами.

В конце концов Рузвельт сделал примирительный жест — предложил предать происшедший инцидент забвению и выразил надежду на то, что в будущем удастся избежать подобных недоразумений. Это письмо было подписано президентом 12 апреля, всего лишь за час или два перед тем, как он потерял сознание…[{743}]

Пока же по поручению Рузвельта в начале 1945 года журналист Джон Картер приступил к составлению подробной картотеки видных нацистов, которая, как полагал президент,

будет использована для розыска и наказания военных преступников{744}.

Кончина и память

Франклин Рузвельт планировал принять участие в намеченной на 25 апреля учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско и выступить с приветственной речью. В преддверии этой поездки он решил примерно неделю провести в Уорм-Спрингс, чтобы отдохнуть и набраться сил, которые продолжали убывать.

За несколько дней он окреп, улучшились сон и аппетит, изменилось настроение — к Рузвельту стал возвращаться его обычный оптимизм. Но он не спешил уезжать из столь дорогого ему места, находил всякие предлоги, чтобы остаться там еще на какое-то время.

Поступавшие из Европы и Азии новости были оптимистичными. Американцы находились примерно в 90 километрах от Берлина, а с востока, с рубежа реки Одер готовились нанести сокрушительный удар по германской столице мощные соединения советских войск. Флот и морская пехота США продвигались к Японским островам, приближая военные действия к территории неприятеля.

Франклину было радостно, что с ним находилась его давняя подруга Люси Мёрсер-Рутерфёрд. Любовные отношения с ней в течение многих лет были тайными — Франклин не хотел выставлять их напоказ и по политическим соображениям, и потому, что дал слово Элеоноре не встречаться с ее бывшей подругой и секретаршей. Но позже, когда интимных отношений между супругами уже не было и они остались только ближайшими друзьями, Элеонора стала сквозь пальцы смотреть на нарушение этого обещания. Люси, возобновившая посещения Белого дома, теперь впервые отправилась с Франклином на отдых.

В Уорм-Спрингс продолжилась работа, хотя и не столь напряженная, как в Вашингтоне. Рузвельт готовился к нескольким ответственным выступлениям, которые ему предстояли в скором времени. 13 апреля, в день рождения третьего президента США Томаса Джефферсона, он должен был выступить по радио. Эта речь стала последним документом, продиктованным Рузвельтом и исправленным его рукой. «Было бы недостаточно нанести поражение нашим врагам, — говорилось в тексте. — Мы должны идти дальше и сделать всё возможное, чтобы победить сомнения и страхи, невежество и жадность, которые привели ко всему этому ужасу». Завершалась речь словами: «Единственным препятствием для приближения завтрашнего дня будут только наши сомнения

относительно дня нынешнего. Пойдемте же вперед во всеоружии силы и активной веры»[745].

Рузвельт собирался покинуть Уорм-Спрингс 18 апреля, один день побыть в Вашингтоне, а затем отправиться в Сан-Франциско на учредительную конференцию ООН. Но этим планам уже не суждено было сбыться.

Одиннадцатого апреля президент чувствовал себя бодро. Он продиктовал новые фрагменты речи, посвященной памяти Джефферсона, вместе с Люси совершил прогулку в горы, а вечером принял министра финансов Г. Моргентау Наутро он пожаловался доктору Бруэну на слабую головную боль, но в общем чувствовал себя неплохо.

* * *

На сей раз Люси пригласила в Уорм-Спрингс свою подругу, художницу-портретистку. Дочь генерала Елизавета Николаевна Шуматова (1888—1980), в девичестве Авинова, после революции вместе с мужем эмигрировала в США, где и занялась живописью. Она добилась успеха и хорошо зарабатывала, создавая заказные портреты американских и зарубежных политических деятелей и богатых людей. Шуматова давно уже готовилась написать портрет президента и даже сделала несколько набросков. Они были приобретены Рузвельтом, а одна работа подарена им военному министру Стимсону, которому она очень понравилась[746].

Наконец, художница получила согласие президента на создание большого портрета. Шуматова использовала технику акварели, которую за легкость и воздушность называют «живописью радости». Видимо, Люси подсознательно стремилась через ее работу придать любимому человеку жизненные силы. Шуматова приехала в Уорм-Спрингс 9 апреля и была представлена президенту. Позже она говорила Люси: «Он был такой худой и хрупкий… у него было такое лицо, как будто он опять стал юношей». Скорее всего, в этих словах, переданных Люси Рутерфёрд, смешались впечатления художницы от первой встречи с Рузвельтом и то, каким она увидела президента в день его кончины[747]. Шуматова, оказавшаяся одним из немногих свидетелей последних минут жизни Рузвельта, прежде чем он потерял сознание, была единственной, кто почти сразу рассказал об этом представителям прессы.

В тот день Елизавета вошла в рабочий кабинет президента, одновременно служивший ему столовой, и стала делать набросок портрета Рузвельта, просматривавшего деловые бумаги, сидя за

столом. На нем были синий костюм, красный галстук-бабочка. Выглядел он здоровым, хотя и несколько утомленным. Как раз в это время появился приехавший из Вашингтона секретарь президента Хэссет с массой документов о назначениях, наградах и текстами нескольких принятых конгрессом законов, которые президент должен был подписать, чтобы они вступили в силу

Видя, что Рузвельт занят, Елизавета, чтобы не мешать ему, встала в углу Но президент приветливо попросил подойти ближе и сесть. В комнате в это время находились две его кузины и секретарь, подававший документы на подпись. Бумагами был завален весь письменный стол. Подписав закон о продолжении деятельности корпорации по кредитованию товаров, Рузвельт обратился к присутствующим со словами: «Вот, посмотрите, как я создаю законы».

Работая над портретом, Шуматова изредка с разрешения президента заговаривала с ним на обыденные темы, чтобы лицо на портрете получилось живее. В час дня лакей начал накрывать на стол. Президент сказал художнице: «Нам осталось работать пятнадцать минут». Это были последние слова, которые она услышала от Рузвельта. Шуматова, видимо, не разобрала еще несколько слов, которые он произнес перед потерей сознания: «У меня сильно болит голова», — а вслед за этим: «У меня ужасно болит затылок». Он уткнулся лицом в стол. Ничего не понявший слуга, подскочив, спросил: «Вы потеряли сигарету?»

Через несколько дней в нью-йоркской газете «Новое русское слово» появилось интервью с Шуматовой, в котором потрясенная женщина рассказала о том, что произошло: «В течение 15 минут президент продолжал внимательно читать бумаги. В какой-то момент я обратила внимание, что он как-то неожиданно помолодел — он удивительно напоминал Рузвельта, изображенного несколько лет назад художником Солсбери. Вдруг он поднял голову и посмотрел куда-то в пространство. Сжал виски, потом провел рукой по лбу… Почти вслед за этим он откинулся назад (на самом деле, как сказано выше, наклонился вперед. — *Г.* V.), как человек, потерявший сознание… Кто-то попросил меня предупредить охрану, что президент чувствует себя худо, и немедленно позвать врача. Я выбежала из комнаты выполнять поручение. Больше я Рузвельта не видела»{748}.

О том, что президент фактически умер на ее глазах, Шуматова узнала чуть позже. По словам художницы, она вызвала своего ассистента — фотографа Роббинса, и тот увез ее на машине. Естественно, она не упомянула, что одновременно уехала Люси Рутерфёрд, не желавшая, чтобы ее застали в доме Рузвельта вездесущие репортеры. Когда же Елизавета позвонила

секретарю Рузвельта, чтобы узнать, как чувствует себя президент, телефонистка ответила, что он скончался.

Доктор Бруэн, находившийся с Рузвельтом в Уорм-Спрингс, пытался принять срочные меры: делал искусственное дыхание, впрыскивал адреналин в сердечную мышцу. Дыхание то останавливалось, то возобновлялось, но было неритмичным и хриплым. Срочно были вызваны и другие врачи. Но всё было напрасно. Бруэн констатировал смерть президента Соединенных Штатов Франклина Делано Рузвельта 12 апреля 1945 года через два часа после потери сознания, в 3 часа 35 минут пополудни. Кончина наступила от обширного кровоизлияния в мозг.

* * *

В этот же день вице-президент Гарри Трумэн был без объяснения причин вызван в Белый дом. Его встретила Элеонора. Без слез, безжизненным голосом она произнесла, обняв Трумэна: «Гарри, президент мертв». Тотчас после этого был вызван председатель Верховного суда Харлан Стоун, перед которым Трумэн принес присягу в качестве 33-го президента Соединенных Штатов. «Что я могу сделать для вас?» — спросил Трумэн вдову. Твердая, как всегда, Элеонора покачала головой и ответила вопросом: «Что я могу сделать для вас, мистер президент? Ведь на вас теперь лежат все заботы».

Действительно, Трумэну досталось наследие государственного деятеля, который возглавлял страну в течение более чем двенадцати лет.

Элеонора, едва придя в себя, написала воевавшим сыновьям: «Сегодня пополудни отец ушел от нас. Он до конца выполнил свой долг и хотел, чтобы вы сделали то же самое». В следующие годы сильно изменившаяся после кончины мужа Элеонора Рузвельт продолжала служить своей стране как дипломат, публицист и правозащитник. Она утратила мелочно-покровительственный тон, поучительные нотки в голосе, перестала вторгаться вдела, которые были вне ее компетенции.

Вдова Рузвельта участвовала в создании ООН и председательствовала в комитете, разрабатывавшем Всеобщую декларацию прав человека, являлась постоянным представителем США в этой международной организации. Она посещала многие страны с гуманитарными миссиями, написала несколько книг, в том числе весьма содержательные мемуары. Президент Трумэн называл ее «первой леди всего мира». Скончалась Элеонора Рузвельт в 1962 году от лейкемии в возрасте семидесяти восьми

лет и была похоронена в Гайд-Парке рядом с могилой мужа. Незадолго до последнего дня она сказала: «Смерти я не боюсь. Я смогу снова быть с ним, и это единственное, чего я хочу».

Но всё это произошло много лет спустя. Пока же Америка погрузилась в глубокий траур. Немедленно после присяги Трумэна Элеонора выехала в Уорм-Спрингс и тотчас отправилась назад в вагоне президентского поезда рядом с гробом мужа. На станциях всю ночь стояли тысячи людей, ожидая прохода поезда с телом президента. В Вашингтоне Рузвельт в последний раз проследовал по одной из главных улиц города — Пенсильвания-авеню, ведущей от Капитолия к Белому дому — по тому маршруту, которым следуют все президенты после инаугурации. Открытый гроб был установлен на пушечном лафете, запряженном шестью лошадьми. Вслед за лафетом следовала седьмая лошадь, с левого ее бока свешивались клинок и пара сапог — символы гибели воина в бою. На лужайке перед Белым домом состоялось официальное прощание, а затем гроб вновь погрузили в поезд, который отправился в Гайд-Парк.

К родовому имению траурная процессия также двигалась на лошадях. Настоятель местной епископальной церкви Святого Джеймса прочитал молитву, которую завершил словами: «Теперь долг труженика исполнен, сражения ушли в прошлое, теперь мореплаватель достиг, наконец, дальнего берега».

Согласно завещанию, вскрытому после кончины, похороны состоялись в саду родного дома, на площадке с видом на Гудзон. На памятнике, который был вскоре сооружен, согласно воле покойного были высечены только три слова «Франклин Делано Рузвельт».

Люси Мёрсер-Рутерфёрд на похороны допущена не была. Она пережила возлюбленного на три года, до последних дней носила траур и скончалась в Нью-Йорке в возрасте пятидесяти семи лет.

Главы союзных государств на печальное известие ответили сочувствием. «Однажды мир поймет, чем он обязан президенту», — заявил Черчилль. По воспоминаниям американского посла в Москве А. Гарримана, Сталин, не произнося ни слова, почти минуту держал обеими руками его руку, а затем, выслушав подробный рассказ об обстоятельствах кончины президента, заявил, что следует произвести вскрытие, чтобы проверить, не был ли он отравлен. Вскрытие не проводилось, но секретная служба проверила остатки завтрака президента, не обнаружив ничего постороннего.

Американское посольство сообщало из Москвы, что в советской столице были приспущены государственные флаги, сообщения о смерти Рузвельта с его портретами помещены,

вопреки обыкновению, на первых полосах центральных газет, а на улицах многие люди в ответ на обращения корреспондентов заокеанских изданий не скрывали слез. Это была искренняя реакция рядовых граждан, которые надеялись, что после победоносной войны в стране настанут демократические изменения, и видели в США союзника и друга.

В некрологе, к тексту которого Сталин, безусловно, приложил руку, говорилось: «Президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт являлся одним из крупнейших и популярнейших политических американских деятелей на протяжении всей истории страны… Внезапная смерть Рузвельта вызовет скорбь во всех свободолюбивых странах»{749}. В таком же духе было составлено официальное соболезнование, направленное в США{750}.

Лондон откликнулся на известие о кончине главы союзной державы не только проникновенной речью премьера Черчилля, но и сообщением из королевской резиденции — Букингемского дворца, что было беспрецедентным для британской монархии шагом по отношению к человеку, не имевшему родственных связей с династией.

В Берлине же торжествовали. Геббельс в истерическом воодушевлении послал за шампанским и кричал по телефону Гитлеру, находившемуся в глубоком бункере под рейхсканцелярией: «Мой фюрер! Поздравляю вас! Рузвельт мертв! Звезды говорят, что вторая половина апреля будет для нас поворотным пунктом». Он твердил, что Провидение и на этот раз спасет Германию, как это уже произошло во времена Фридриха Второго, когда внезапно умерла русская царица Елизавета{751}. До самоубийства Гитлера оставалось 18 дней, до самоубийства самого Геббельса — 19, а до безоговорочной капитуляции Германии — 26…

Рузвельт оставил своей стране и миру разностороннее, богатое политическое наследие. А его потомки (по моим подсчетам, число его внуков, правнуков и праправнуков достигло 141 человека), как ни удивительно, никогда не занимались большой политикой, но проявили свои силы и способности в самых различных областях. Внук Эллиот стал нефтепромышленником, еще один, Франк — профессором-экономистом, излагающим студентам марксистские взгляды на хозяйственную жизнь. Внук Джеймс одно время был послушником в католическом монастыре в Калифорнии, но разочаровался в служении религии и стал процветающим юристом в Бостоне. Правнук Дэвид — профессор математики, правнучка Амелия — концертирующая скрипачка, а правнук Джошуа — раввин.

Потомки Рузвельта занимаются самыми разными делами, живут в разных штатах своей страны. Объединяет их одно — глубокое уважение к памяти предка.

Впрочем, относится это не только к его родным и близким. Имя Франклина Делано Рузвельта хорошо известно большинству американцев нашего времени, несмотря на то, что интерес к истории, ее знание в этой стране оставляют желать лучшего. Ежедневно десятки автобусов привозят туристов в Гайд-Парк, где каждые полчаса сотрудники информационного центра проводят экскурсии по дому-музею Рузвельта, домику Элеоноры, музейному сектору Библиотеки Рузвельта и другим памятным местам. Посетители подолгу стоят возле могилы супругов Рузвельт в Розовом саду имения.

Библиотека Рузвельта и связанный с ней научно-исследовательский институт (расположенный также в Гайд-Парке и имеющий отделения в Нью-Йорке и Вашингтоне) проводят значительную исследовательскую и просветительную работу в области истории и культуры США XX века, выпускают монографические и популярные издания. Институт Рузвельта поддерживает связь с семьюдесятью университетами, в его программах участвует более 7,5 тысячи студентов.

В США — стране с весьма разветвленным спектром политических взглядов и предпочтений — Франклин Рузвельт относится к тем очень немногим деятелям, в адрес которых лишь изредка высказываются открыто негативные суждения. Подавляющее же большинство американцев видят в нем одного из крупнейших и уважаемых представителей своей нации, чьим именем можно гордиться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Франклин Делано Рузвельт, с жизненным и политическим путем которого читатель завершает знакомство, был, как мы убедились, человеком не просто неординарным, а имевшим постепенно выработанные на пути к высшей власти две взаимосвязанные и в то же время глубоко противоречивые стороны личности, характера и поведения.

С одной стороны, он предстает перед нами обладателем определенных идеалов, придерживавшимся протестантской веры, имевшим твердую убежденность в справедливости идей демократии, политического и гражданского равенства всех американцев (с той оговоркой, что чернокожих необходимо к такому равенству готовить, а для этого понадобится немалое время), незыблемости частной инициативы, честного перед законом, людьми и Богом предпринимательства, личной порядочности и верности долгу.

С другой стороны, будучи человеком трезвым и расчетливым, убежденным в том, что ничего человеческое людям не должно быть чуждо, Рузвельт в полной мере распространял эту максиму на самого себя. Это касалось и его личной жизни, взаимоотношений с женой и другими женщинами, но прежде всего большой государственной политики. В этой ипостаси Рузвельт оказывался деятелем осторожным, способным выдвигать на первый план практические цели, кратковременные планы, готовым защищать свою власть далекоидущими средствами. Он отлично понимал, что крупные, подчас грандиозные задачи невозможно решить, не снимая белых перчаток, используя только прошедшие моральную апробацию средства.

Протестантский идеализм, сентиментальная вера в добро и справедливость уживались в этом человеке с личным и национальным эгоизмом, холодной расчетливостью и готовностью идти на немалые жертвы во имя того, чтобы не допустить большего зла.

Д. Бернс писал: «Он мог быть смелым и осторожным, простым в обращении и сановитым, изысканно вежливым и почти грубым, импульсивным и выжидающим, макиавеллистски циничным и морализирующим»{752}.

В американском общественно-политическом мировоззрении источниками взглядов и практических действий Рузвельта являлись идеи реформаторства, унаследованные им от Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона. Их важнейшими элементами были:

свободное предпринимательство с осторожным контролем и

регулированием государства, не исключая крутых административных мер при кризисных ситуациях и войнах;

модернизация государственных учреждений, чтобы они из «ночного сторожа» превратились в мощный комплекс, обеспечивающий стабильность социальных отношений и предотвращение взрывоопасных ситуаций;

поддержание классового мира путем достижения взаимоприемлемого компромисса между конфликтующими сторонами: между рабочими организациями и предпринимателями, между фермерами и частными закупочными фирмами и т. д.;

уверенность в том, что каждый американец заслуживает уровня жизни не ниже прожиточного минимума, и готовность использовать для ее реализации государственные рычаги;

активная внешняя, общемировая политика, укрепление позиций США на международной арене путем материальной помощи и политического содействия прогрессивным режимам, но не идя на открытую конфронтацию с теми политическими системами, которые считаются отсталыми, агрессивными и даже человеконенавистническими;

практицизм и готовность к крутым внутренним и международным поворотам в случаях неудачи прежних действий или резкого изменения обстановки;

соблюдение баланса, системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти — и в то же время осторожное, а в критических случаях и жесткое воздействие на законодательную и особенно судебную власть, политическое манипулирование для достижения поставленных целей.

Рузвельт стремился создать свой собственный политический портрет. Еще до избрания на президентский пост и в особенности став главой государства, он был озабочен тем, как его будут воспринимать и современники, и потомки, особенно рядовые граждане Соединенных Штатов. Как правило, он тщательно продумывал свои многочисленные заявления — послания конгрессу, выступления на пресс-конференциях и по радио, — стараясь произвести самое благоприятное впечатление на зрителей и слушателей, чтобы его краткие, простые и ясные высказывания хорошо запоминались и передавались из уст в уста, становясь афоризмами.

Проницательный немецкий писатель Томас Манн, эмигрировавший в США и принятый Рузвельтом в январе 1941 года, тонко подметил его черты: «Трудно охарактеризовать эту смесь хитрости, солнечности, избалованности, кокетства и

честной веры… На нем какая-то печать благодати, и я привязался к нему как к прирожденному, на мой взгляд, противнику того, что должно пасть (то есть нацизма. — *Г. Ч.)*»{753}.

Оценивая воздействие Рузвельта, его политики на современный мир, Р. Дженкинс заключает: «С позиций длительной перспективы полностью ясно, что члены “большой тройки” периода Второй мировой войны заняли совершенно различные места в истории. Мир, в котором мы живем, — это не мир Черчилля, британская империя которого исчезла, это не мир Сталина с его Советским Союзом, оставшимся только в памяти людей… Мир, в котором мы живем, — это мир Франклина Рузвельта, более фрагментированный, более перенаселенный, обладающий революционными средствами вооружения и коммуникаций, опасный по-иному, но в основном узнаваемый в своих хороших и дурных чертах»{754}. При некотором упрощенчестве и противоречивости этого мнения можно согласиться с ним в главном — Франклин Рузвельт своими решениями и действиями оказал настолько долговременное воздействие на развитие не только Соединенных Штатов, но и мира в целом, что это влияние, ощутимое и в наши дни, в значительной степени определило тенденции развития человечества на протяжении всех лет, прошедших после его смерти.

Проводя свой «Новый курс», а затем возглавляя страну в условиях тяжелейшей в истории человечества войны, предохранив США от ее ужасов, сполна испытанных другими народами, и использовав военные годы для бурного развития, Рузвельт применял чрезвычайные меры. Он значительно усилил влияние исполнительной власти в ущерб законодательной, не гнушался демагогических приемов, сочетал мужество льва с хитростью лисицы (так называется одна из работ о нем{755}), однако твердо придерживался основных принципов конституционного устройства США, не поддался соблазну превратить собственную сильную власть в авторитарную. При безусловной размытости границы между тем и другим он всегда находил ту незримую черту, переход за которую мог оказаться пагубным для американской демократии.

Нередко у Рузвельта не было всесторонне продуманной, целенаправленной программы действий, многое приходилось решать впопыхах, на свой страх и риск. Но здравый смысл, политическая интуиция почти никогда ему не изменяли, и в конечном итоге он обычно выходил победителем, по крайней мере в ближайшей перспективе. А какой государственный деятель способен выдержать проверку временем абсолютно всех своих

начинаний?

Рузвельт оставил непреходящее наследие, завещав своей стране путь демократического развития и глобального участия в зарубежных делах, которым его преемникам, желали они этого или нет, приходилось следовать, разумеется, с различной долей успеха. В памяти подавляющего большинства потомков он остался одним из самых порядочных и благородных вершителей американской истории.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТА

1882, 30 января — в городке Гайд-Парк, штат Нью-Йорк, в семье Джеймса Рузвельта и Сары Делано Рузвельт родился сын Франклин.

1896, сентябрь — поступил в частный колледж Эндикотта Пибоди в городе Гротон, штат Массачусетс.

1900, май — окончил Гротонский колледж.

Сентябрь — поступил в школу права Гарвардского университета.

1901, 5 сентября — Теодор Рузвельт, родственник Франклина, стал президентом США.

1903, сентябрь — назначен главным редактором газеты Гарвардского университета «Гарвард Кримсон».

1905, 17марта — женился на дальней родственнице Элеоноре Рузвельт.

1906, 3 мая — родилась дочь Анна.

19 июня — сдал экзамен на право заниматься адвокатской деятельностью.

1907, 23 декабря — родился сын Джеймс.

1910, 23 сентября — родился сын Эллиот.

Ноябрь — избран в сенат штата Нью-Йорк.

1911, 4 января — приступил к исполнению обязанностей сенатора.

Январь—май — возглавил группу сенаторов штата, требовавших перехода от косвенных выборов в сенат США к прямым.

Март—июль — участвовал в расследовании причин пожара на нью-йоркской фабрике М. С. Бланка и И. Харриса.

1912, апрель — посетил строительство Панамского канала.

Июнь — участвовал в съезде Демократической партии в Балтиморе и поддержал кандидатуру Вудро Вильсона на пост президента США.

5 ноября — Вильсон избран президентом США, Рузвельт переизбран в сенат штата Нью-Йорк.

1913, январь — избран председателем комитета по сельскому хозяйству

сената штата Нью-Йорк.

17 марта — назначен заместителем военно-морского

министра.

Декабрь — создана Федеральная резервная система (государственный банк) США.

1914, 17 августа — родился сын Франклин-младший.

1915, июль—август — совершил поездку на остров Гаити в связи с оккупацией его американской морской пехотой с целью «умиротворения».

Сентябрь—октябрь — участвовал в слушаниях в конгрессе по вопросу о готовности США к военным действиям.

1916, 13 марта — родился сын Джон.

Лето — началась любовная связь Рузвельта с Люси Мёрсер.

1917, январь—февраль — совершил вторую инспекционную поездку на Гаити, руководил разработкой конституции острова.

Июнь — выдвинул планы строительства небольших кораблей, способных вести борьбу с германскими субмаринами, и создания минного пояса в Северном море.

1918, июль—август — по поручению правительства США находился в Великобритании и Франции, вел переговоры с государственными деятелями стран Европы, несколько раз посещал линию фронта.

Август — на обратном пути из Европы заболел «испанкой» и воспалением легких.

Осень — произошел семейный скандал из-за внебрачной связи Рузвельта, завершившийся договоренностью о сохранении брака, но ведении каждым из супругов самостоятельной жизни.

1919, январь—февраль — находился во Франции в качестве члена делегации США на Парижской мирной конференции.

29 мая — на заседании Национального комитета Демократической партии впервые выступил с программной речью общенационального масштаба.

1920, 1 февраля — на собрании в Бруклинской музыкальной академии подверг острой критике своего шефа, министра Дэниелса.

28 июня — 6 июля — участвовал в съезде Демократической партии в Сан-Франциско.

6 августа — выдвинут кандидатом на пост вице-президента (в президенты баллотировался губернатор штата Огайо Джеймс Кокс), ушел в отставку с поста заместителя военно-морского министра.

2 ноября — вместе с Коксом потерпел поражение на выборах, президентом избран республиканец Уоррен Гардинг

1921, 1 января — начал работать представителем страховой фирмы «Фиделити энд Депозит» (штат Мэриленд) в штатах Нью-Йорк, Нью- Джерси и штатах Новой Англии.

21 июля — опубликован доклад сенатского подкомитета по расследованию жалобы курсантов и священника военно-морской базы Ньюпорт, в котором Рузвельт обвинен в злоупотреблении властью и нарушении моральных норм в бытность заместителем военно-морского министра.

11 августа — тяжело заболел.

25 августа — поставлен диагноз «полиомиелит».

1922, 20 июня — избран председателем Американского строительного совета.

9 октября — возобновил работу в фирме «Фиделити энд Депозит».

1923, декабрь — купил совместно с Джоном Лоуренсом корабль, названный «Ларуко».

1924, 24 июня — 9 июля — участвовал в съезде Демократической партии в Нью-Йорке.

26 июня — выступил с обоснованием выдвижения кандидатуры Александра (Эла) Смита на пост президента США.

Осень — возглавил комиссию штата Нью-Йорк по управлению государственным парком «Таконик».

1926, март — купил поместье Уорм-Спрингс в штате Джорджия.

Декабрь — начал сотрудничать с правовой фирмой Б. О'Коннора в Нью-Йорке.

1927, начало — основал лечебный центр для больных полиомиелитом в Уорм-Спрингс.

1928, начало — основал Консолидированную корпорацию автоматической торговли и открыл в Нью-Йорке магазин этой компании по автоматизированной продаже товаров.

26—28 июня — участвовал в съезде Демократической партии в городе Хаустон, штат Техас, выдвинул кандидатуру А. Смита на пост президента США.

6 ноября — избран губернатором штата Нью-Йорк.

1929, 1 января — приступил к исполнению обязанностей губернатора.

Январь — Гарри Гопкинс стал советником Рузвельта.

Июнь — получил почетную научную степень Гарвардского университета.

Август — выдвинул идею строительства электростанций на реке Святого Лаврентия совместными усилиями США и Канады.

Октябрь — начался экономический кризис, получивший название Великой депрессии.

1930, апрель — наложил вето на дополнения к бюджету штата, грозившие тяжелым финансовым дефицитом.

Июнь — Верховный суд США поддержал вето, наложенное

Рузвельтом.

4 ноября — переизбран губернатором штата Нью-Йорк.

1931, март — создал политическую штаб-квартиру в Нью-Йорке.

Июнь — выступил с программной речью на ежегодной конференции губернаторов в городе Френч-Лик, штат Индиана.

28 августа — образовал Временную чрезвычайную администрацию помощи.

1932, 22 января — объявил о вступлении в борьбу за пост президента США

24—25 февраля — на ежегодной конференции губернаторов в Вашингтоне выступил за активное вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь.

Середина марта — начал формировать «мозговой трест».

7 апреля — произнес речь о «забытом человеке».

Июнь — член «мозгового треста» Джеймс Фарли совершил разведывательную поездку по штатам.

27 июня — 2 июля — состоялся съезд Демократической партии в Чикаго, выдвинувший Рузвельта кандидатом на пост президента США.

2 июля — выступил на съезде с заявлением о принятии номинации.

28 июля — разгон ветеранов в Вашингтоне («битва при Анакостии»).

1 сентября — добился отставки мэра Нью-Йорка Джеймса Уокера.

8 ноября — избран президентом США.

1933, 15 февраля — совершено покушение в городе Майами, Рузвельт остался невредим, а находившийся рядом с ним мэр Чикаго А. Сермак смертельно ранен.

4 марта — вступил в должность президента.

8 марта — провел первую пресс-конференцию в качестве президента.

9 марта — конгресс принял закон о деятельности банков в чрезвычайных условиях.

12 марта — выступил с первой «беседой у камина».

31 марта — принят закон о чрезвычайных работах по охране природных ресурсов.

5 апреля — издал исполнительное распоряжение об образовании Корпуса гражданской консервации для охраны природных ресурсов.

12 мая — принят закон о регулировании сельского хозяйства.

18 мая — создана Администрация долины реки Теннесси.

22 мая — образована Федеральная чрезвычайная

администрация помощи.

16 июня — подписал закон о восстановлении национальной промышленности.

28 июня — подписал национальный жилищный закон.

27 октября — подписал с президентом Панамы Хармодио Ариасом совместную декларацию о взаимоотношениях США и Панамы.

5 декабря — вступила в силу 21-я поправка к Конституции США, отменившая «сухой закон».

1934, 31 января — подписал закон о рефинансировании фермерской задолженности.

Май — по инициативе Рузвельта отменена поправка Платта к Конституции Кубы.

Июль — посетил Гаити и встретился с президентом страны Стенио Винсентом.

1935, 8 апреля — создана Администрация трудового прогресса.

15 апреля — подписал международный договор об охране художественных и научных учреждений и исторических ценностей (пакт Рериха).

5 июля — подписал закон Вагнера (закон о национальных трудовых отношениях).

14 августа — подписал закон о социальном обеспечении. *31 августа* — подписал первый закон о нейтралитете.

1936, март — подписал договор США и Панамы.

23—27 июня — участвовал в съезде Демократической партии в Филадельфии, вновь выдвинувшем его кандидатом на пост президента.

27 июня — выступил на съезде с речью о готовности баллотироваться.

3 ноября — вторично избран президентом.

Ноябрь — ввел номера и карточки социального обеспечения.

Декабрь — участвовал в межамериканской конференции в Буэнос-Айресе по вопросам сохранения мира.

1937, 20 января — состоялась вторая инаугурация.

5 февраля — направил предложение конгрессу о реформе Верховного суда.

22 июня — подписал закон о частичном реформировании судебной системы.

1 сентября — подписал закон Вагнера—Стигалла, предусматривавший государственное содействие в строительстве жилья для неимущих.

5 октября — произнес речь о необходимости карантина против агрессоров.

1938, 16 февраля — подписал закон о регулировании сельского хозяйства.

25 июня — подписал закон о справедливых трудовых стандартах.

1939, 30 апреля — выступил на Всемирной выставке в Нью-Йорке.

9 августа — издал исполнительное распоряжение об образовании Управления военных ресурсов.

1 сентября — нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война.

5 сентября — объявил о нейтралитете США во Второй мировой войне.

7 сентября — ввел ограниченное чрезвычайное положение.

Середина октября — получил письмо А. Эйнштейна от 2 августа о возможности создания атомного оружия.

4 ноября — подписал закон о предоставлении права дружественным государствам, находящимся в состоянии войны, покупать средства ведения войны при оплате наличными и перевозке на кораблях покупателя («кэш энд кэрри»).

1940, 15 июня — отдал распоряжение о начале работы над атомным оружием.

28 июня — подписал закон о регистрации иностранцев (закон Смита).

15—18 июля — съезд Демократической партии в Чикаго, выдвинувший Рузвельта кандидатом в президенты на третий срок.

19 июля — в радиовыступлении дал согласие баллотироваться.

2 сентября — подписал соглашение с Великобританией о предоставлении ей пятидесяти эсминцев за аренду военных баз в британских владениях Западного полушария.

5 ноября — в третий раз избран президентом.

1941, 30 января — третья инаугурация.

11 марта — подписал закон о ленд-лизе.

27 марта — издал распоряжение о назначении Г. Гопкинса помощником президента.

27 мая — ввел неограниченное чрезвычайное положение.

24 июня — заявил о поддержке СССР в связи с нападением на него Германии.

25 июня — издал исполнительное распоряжение о запрещении дискриминации в оборонной промышленности и государственных органах.

30 июня — участвовал в открытии Библиотеки Франклина Делано Рузвельта в Гайд-Парке.

11 июля — назначил У. Донована начальником службы внешней разведки, координатором информации.

9—12 августа — встреча Рузвельта с У. Черчиллем в бухте Ардженшия на острове Ньюфаундленд, где согласована и подписана Атлантическая хартия.

14 августа — опубликована Атлантическая хартия.

11 сентября — заявил о приказе атаковать германские и итальянские военные корабли в водах, важных для обороны США, и конвоировать суда дружественных стран.

7 ноября — распространил на СССР закон о ленд-лизе.

7 декабря — нападение Японии на Пёрл-Харбор, начало войны на Тихом океане.

11 декабря — Германия объявила войну США.

18 декабря — образовал Управление гражданской цензуры.

Декабрь — 1942, январь — состоялись переговоры с Черчиллем в Вашингтоне.

1942, 1 января — в Вашингтоне подписана Декларация Объединенных Наций.

Январь — образовал Совет военного производства.

19 февраля — подписал чрезвычайное исполнительное распоряжение о разрешении военным властям выселять опасных лиц, что положило начало депортации американцев японского происхождения.

27 апреля — представил конгрессу программу из семи пунктов, ставившую целью предотвращение роста стоимости жизни.

12 июня — опубликована декларация о переговорах наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Вашингтоне и Лондоне о полной договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году

Август — отдал распоряжение о сосредоточении работ над атомным оружием в Манхэттенском проекте.

5 декабря — подписал исполнительное распоряжение о создании Комиссии по военной рабочей силе.

1943, 14—24 января — конференция Рузвельта и Черчилля в Касабланке.

25 июня — подписал закон о трудовых конфликтах (закон Смита— Коннелли).

28 ноября — 1 декабря — Тегеранская конференция Рузвельта, Черчилля и Сталина.

1944, 11 января — послание конгрессу «О положении страны», получив шее название «второго Билля о правах».

Январь — образовал Совет по вопросам военных беженцев.

22 июня — подписал закон о правах военнослужащих.

21 июля — выдвинут съездом Демократической партии, состоявшимся в Чикаго, кандидатом в президенты на четвертый срок и в тот же день принял номинацию.

Июль — совершил инспекционную поездку на Гавайи; приветствовал участников международной конференции в Бреттон-Вудсе по урегулированию валютно-финансовых вопросов в послевоенном мире.

18 сентября — подписал вместе с Черчиллем секретную памятную записку об атомном оружии.

Сентябрь — подписал меморандум по вопросу о голосовании в Совете Безопасности ООН.

21 октября — совершил поездку по Нью-Йорку и произнес речь в зале отеля «Уорлдорф Астория».

27 октября — выступил в Филадельфии с программной предвыборной речью.

7 ноября — в четвертый раз избран президентом.

1945, 6 января — последняя «беседа у камина».

11 января — последнее послание «О положении страны».

20 января — последняя инаугурация.

4—11 февраля — участвовал в Ялтинской конференции «большой тройки».

1 марта — сделал доклад конгрессу об итогах Ялтинской конференции.

12 апреля — скончался в Уорм-Спрингс.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бернс Д. М. Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 2004.

Галкин И. В. На пути в Белый дом: Из истории Демократической партии США (1920-е — 1933 гг.). М., 1991.

Галкова Г. *В.* Эволюция социально-экономической программы правительства Ф. Рузвельта на завершающем этапе «нового курса» (1937 — начало 1938 г.) // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новейшее время. М., 1985. С. 51—67.

Егорова Н.*И.* Изоляционизм и европейская политика США в 1930-е годы: Кризис традиционализма // Американский ежегодник. 1992. М., 1993. С. 152-174.

Иванов С.В. Война с бедностью Ф. Д. Рузвельта: Социальные программы «Нового курса» в США. Саратов, 1989.

История США. 1918-1945. М., 1985. Т. 3.

К вопросу о финансировании компартии США Коминтерном (по архивным материалам) / Публ. Н. В. Куркова//Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 170-178.

Кимболп У. *Ф.* «Семейный круг»: Послевоенный мир глазами Рузвельта// Вопросы истории. 1990. № 12. С. 3—17.

Кимболп У. Ф. Франклин Рузвельт — главнокомандующий. 1941— 1945 гг. // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 114—130.

Комптон Д. Свастика и орел: Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. М., 2007.

Королькова Е. И. «Новый курс» Рузвельта: Эффективная политика восстановления экономики. М., 1992.

Кредер А.А. Американская буржуазия и «Новый курс» 1933—1940-х гг. Саратов, 1988.

Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.

Орлов А. С., *Кожанов В. Т.* Ленд-лиз — взгляд через полвека // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 176—194.

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2 т. М., 1957-1958.

Печатное В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. М., 2006.

Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. М., 2003.

Рузвельт Э, Его глазами. М., 2003.

Севостьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США. 1938

—1939. М., 1992.

Севостьянов Г. Н. Миссия М. М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 148—175.

Сивачев Н. В. «Новый курс» Ф. Рузвельта// Вопросы истории. 1981. № 9. С. 45-63.

Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966.

Сивачев Н. В. Франклин Рузвельт — президент действия и политический реалист (К 100-летию со дня рождения) // США. Экономика, политика, идеология. 1982. № 1. С. 20—33.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов: В 6 т. М., 1977-1984.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984.

Согрин В. В. Три ключевые проблемы в исследовании истории нового курса Ф. Д. Рузвельта // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 3—24.

Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000.

Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.

Уткин А. И. Рузвельт. М., 2000.

Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2003.

Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2005.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М., 1958.

Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт. Человек и политик: Новое прочтение. М., 1981.

Axelrod A. Nothing to Fear: Lessons in Leadership from FDR. New York, 2003.

Bishop J. FDR's Last Year: April 1944 — April 1945. New York, 1975.

Black C. Franklin Delano Roosevelt: Champion of Freedom. New York, 2003.

Burns J. Roosevelt: The Lion and the Fox. New York, 1956.

Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. New York, 1970.

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. by W. F. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 1-3.

Complete Presidential Press Conferences of Franklin D, Roosevelt / Introd, by J Daniels. New York, 1972. Vol. 1-25.

Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932—1945. New York, 1995.

Feis H. The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1952.

Davis K. FDR: The Beckoning of Destiny. 1882-1929. New York, 1971.

Davis K. The New York Years. 1928-1933. New York, 1985.

Davis K. The New Deal Years. 1933-1937. New York, 1986.

FDR: His Personal Letters. 1905-1945. Vol. 1-4. New York, 1947-1950.

Feis H. The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1952.

Franklin D. Roosevelt and Conservation. 1911 — 1945 / Ed. by E. B. Nixon. Hyde Park, NY, 1957.

Freidel F. Franklin D. Roosevelt: In 4 vol. Boston, 1952, 1954, 1956, 1957.

Fusfeld D. The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origin of the New Deal. New York, 1956.

Gaddis J. The United States and the Origin of the Cold War. 1941—1947. New York, 1972.

Goodwin D. No Ordinary Time: Franklin and Eleanor Roosevelt. The Home Front in World War II. New York, 1995.

Greer T. H. What Roosevelt Thought. East Lansing, 1958.

Hassett W. Off the Records with F. D. R. 1942—1945. New Brunswick, NJ, 1958.

Historical Materials in the Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park, NY, 1985.

Hofstadter R. American Political Tradition and the Men Who Made It. New York, 1973.

Jackson R. That Man: An Insider Portrait of Franklin D. Roosevelt. New York, 2003.

Jenkins R. Franklin Delano Roosevelt: The American Presidents. New York, 2003.

Leuchtenburg W. The FDR Years: On Roosevelt and His Legacy New York, 1995.

McJimsey G. The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence, 2000.

McKenna M. Franklin Roosevelt and the Great Constitutional War: the Court-Packing Crisis of 1937. New York, 2002.

Morgan T. FDR: A Biography. New York, 1985.

O'Connor R. Diplomacy for Victory: FDR and Unconditional Surrender. New York, 1971.

Perlmutier A. FDR & Stalin: A Not So Great Alliance. Columbia, 1993.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: In 13 vol. New York, 1938-1950.

Renshaw P. Franklin D. Roosevelt. Harlow, 2004.

Robinson G. By Order of the President: The Internment of Japanese Americans. Cambridge, 2001.

Roosevelt E. This I Remember. New York, 1949.

Roosevelt E., Brough J. An Untold Story: The Roosevelts of Hyde Park. New York, 1973.

Roosevelt's Peacetime Administration. 1933—1941: A Documented History of the New Deal Years. Manchester, NY, 2004.

Rosen R. Saving the Jews: FDR and the Holocaust. New York, 2006.

Schlesinger A. The Age of Roosevelt. Vol. 1—3. Boston, 1957, 1958, 1960.

Schriftgiesser K. The Amazing Roosevelt Family 1613—1942. New York, 1942.

Smith J. FDR. New York, 2007.

Stiles L. The Man behind Roosevelt: The Story of Louis McHenry Howe. Cleveland, 1954.

Tugwell R. The Democratic Roosevelt: A Biography of Franklin D. Roosevelt. Garden City, NY, 1957.

Willis R. FDR and Lucy: Lovers and Friends. New York, 2004.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

«Объявляется о прибытии Франклина Делано Рузвельта 30 января 1882 года в дом мистера и миссис Джеймс Рузвельт»

Франк в два года. 1884 г.

Джеймс Рузвельт с пятилетним сыном. 1887 г.

Сара Рузвельт с десятилетним Франком. 1892 г.

Дом Рузвельтов в Гайд-Парке

Ректор Гротонского колледжа Эндикотт Пиботи

Франк Рузвельт во время учебы в Гротоне. 1900 г.

Бейсбольная команда Гротонского колледжа

Среди других выпускников Гротонского колледжа. 1900 г.

Франклин Рузвельт (сидит в центре) — редактор университетской газеты «Гарвард Кримсон». 1904 г.

«Дядюшка Тедди» — 26-й президент США Теодор Рузвельт. 1903 г.

Элеонора и Франклин Рузвелът в Гайд-Парке вскоре после женитьбы. Май 1905 г.

Таммани-холл — штаб-квартира Демократической партии в Нью-Йорке

В 1911 году Рузвельт, избранный сенатором штата Нью-Йорк, стал заседать в Капитолии — здании парламента в Олбани

Вудро Вильсон — 28-й президент США

Франклин Рузвелът — член сената штата Нью-Йорк

Съезд Демократической партии в Балтиморе. 1912 г.

Военно-морской министр Джозефус Дэниелс подписывает бумаги в присутствии чиновников министерства. Третий слева — его заместитель Франклин Рузвельт.

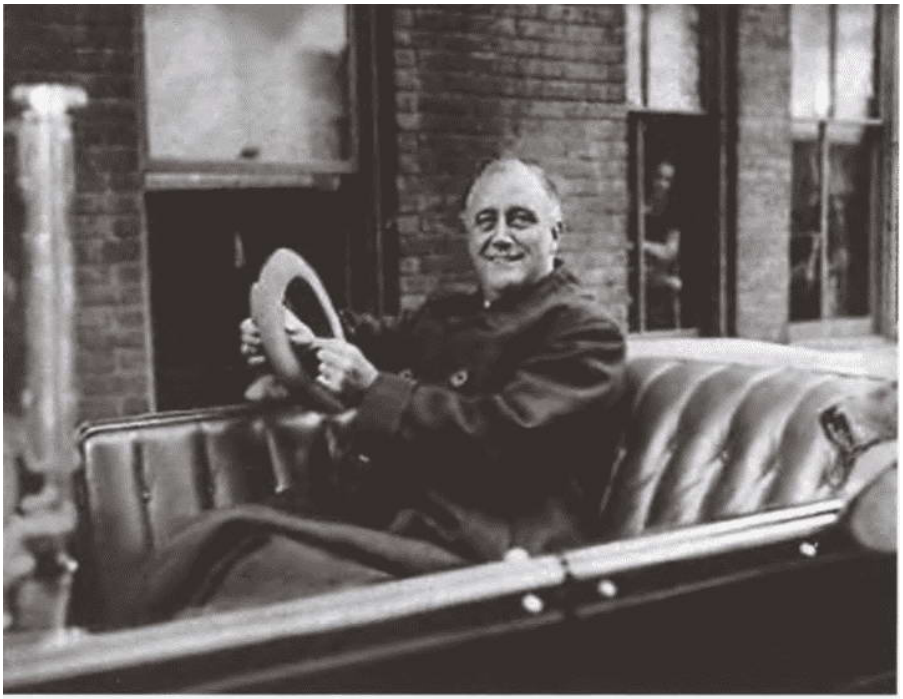
1918 г.

Рузвельт в командировке в воюющей Франции. Август 1918 г.

Семья Рузвельт в полном составе. Слева направо: Анна, Франклин-младший, Франклин, Эллиот, Элеонора, Джеймс, Джон, Сара. 1919 г.

Нью-йоркский дом Рузвельтов на Манхэттене

Миллионер и политик Джозеф Кеннеди подтолкнул Рузвельта к занятию бизнесом, а впоследствии спонсировал его избирательную кампанию



Губернатор штата Нью-Йорк Франклин Рузвельт совершает инспекционную

поездку. 1929 г.

«Черный вторник» на нью-йоркской бирже положил начало Великой депрессии. 29 октября 1929 г.

«Гувервилль» — поселение бездомных и неимущих

Поход на Вашингтон ветеранов Первой мировой войны. Май 1923 г.

Проигравший выборы 31-й президент США Герберт Гувер и избранный президент Франклин Рузвельт едут на инаугурацию. 4 марта 1933 г.

Первая инаугурация Рузвельта на восточной террасе Капитолия в Вашингтоне. 4 марта 1933 г.

32-й президент США Франклин Делано Рузвельт с матерью на родине вскоре после избрания. 1933 г.

Несмотря на тяжелую болезнь, Рузвельт оставался ценителем радостей жизни

Президент и первая леди. 20 января 1941 г.

Овальный кабинет в Белом доме. Апрель 1940 г.

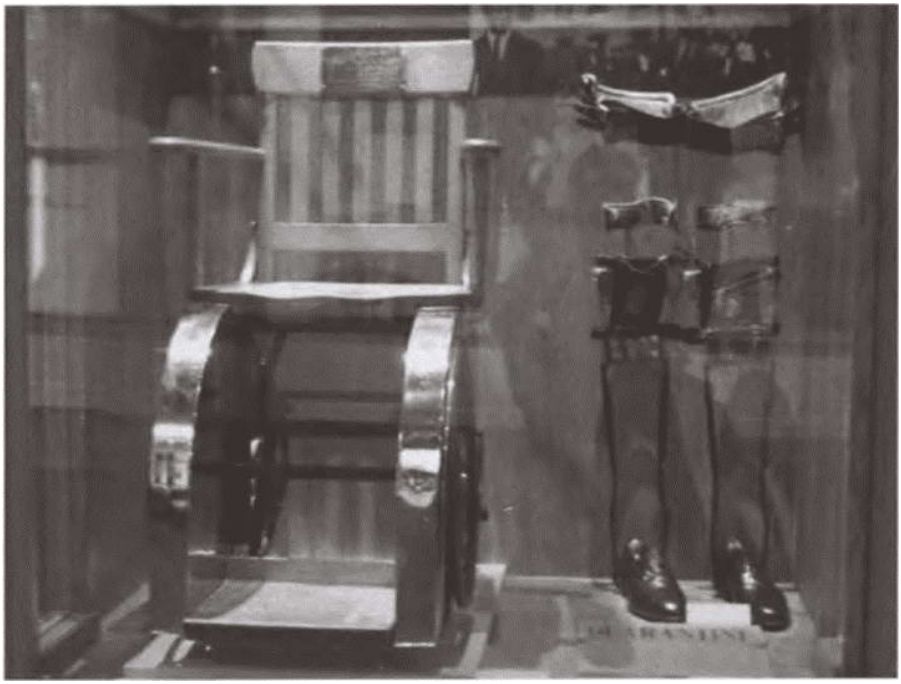
Рузвельт в лагере строителей, получивших работу по программам «Нового курса»

Трудовая программа «Нового курса» в действии. 1934 г.

Усадьба в Уорм-Спрингс

Президент в Уорм-Спрингс

Лечебное купание в минеральных водах Уорм-Спрингс вместе с пациентами реабилитационного центра. 1930 г.

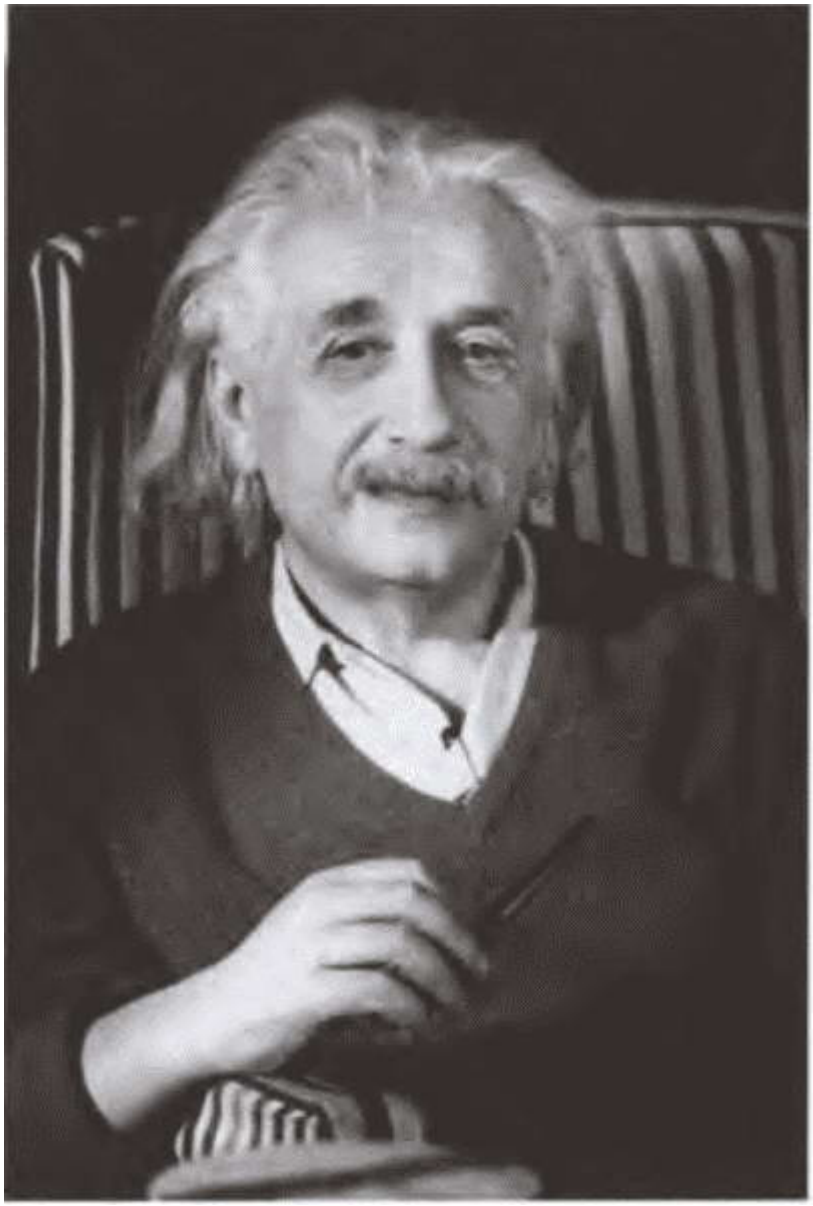


Кресло-коляска и конструкция из стальных шин, позволявшая Рузвельту передвигаться и стоять

Запись первой «беседы у камина». 12 марта 1933 г.

Рузвельт с секретарями Мисси Лихэнд, Марвином Макинтайром и Грейс Тулли

Генерал Лесли Гровс, руководитель Манхэттенского проекта



Альберт Эйнштейн, участник Манхэттенского проекта

Атомная лаборатория в Лос-Аламосе

Роман Рузвельта с Люси Мёрсер-Рутерфёрд начался в 1916 году и продолжался до последнего дня его жизни

Любимец президента скотч-терьер Фала

Через всю жизнь Рузвельт пронес любовь к морским путешествиям. 1933 г.

Накануне 59-летия президент получил подарок американских кондитеров — праздничный торт. 28 января 1941 г.

Представитель президента США Аверелл Гарриман подписывает в Москве

соглашение об американских поставках по ленд-лизу. 1 октября 1941 г.

Сборка самолетов для СССР

Налет японской авиации на Пёрл-Харбор — главную американскую военно-морскую базу на Тихом океане. 7 декабря 1941 г.

Президент подписывает декларацию об объявлении войны Японии. 8 декабря 1941 г.

Концлагерь для интернированных японцев

«Большая тройка» — Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль — на Тегеранской конференции. Между 28 ноября и 1 декабря 1941 г.

Во исполнение решения Тегеранской конференции был открыт второй фронт в Европе. 6 июня 1944 г.

Слева направо: Рузвельт с кандидатом на пост вице-президента Гарри Трумэном и вице-президентом Генри Уоллесом. Ноябрь 1944 г.

За круглым столом Ялтинской конференции. Между 4 и 11 февраля 1945 г.

С женой и тринадцатью внуками. Январь 1941 г.

Вице-адмирал Росс Макинтайр, лечащий врач Рузвельта

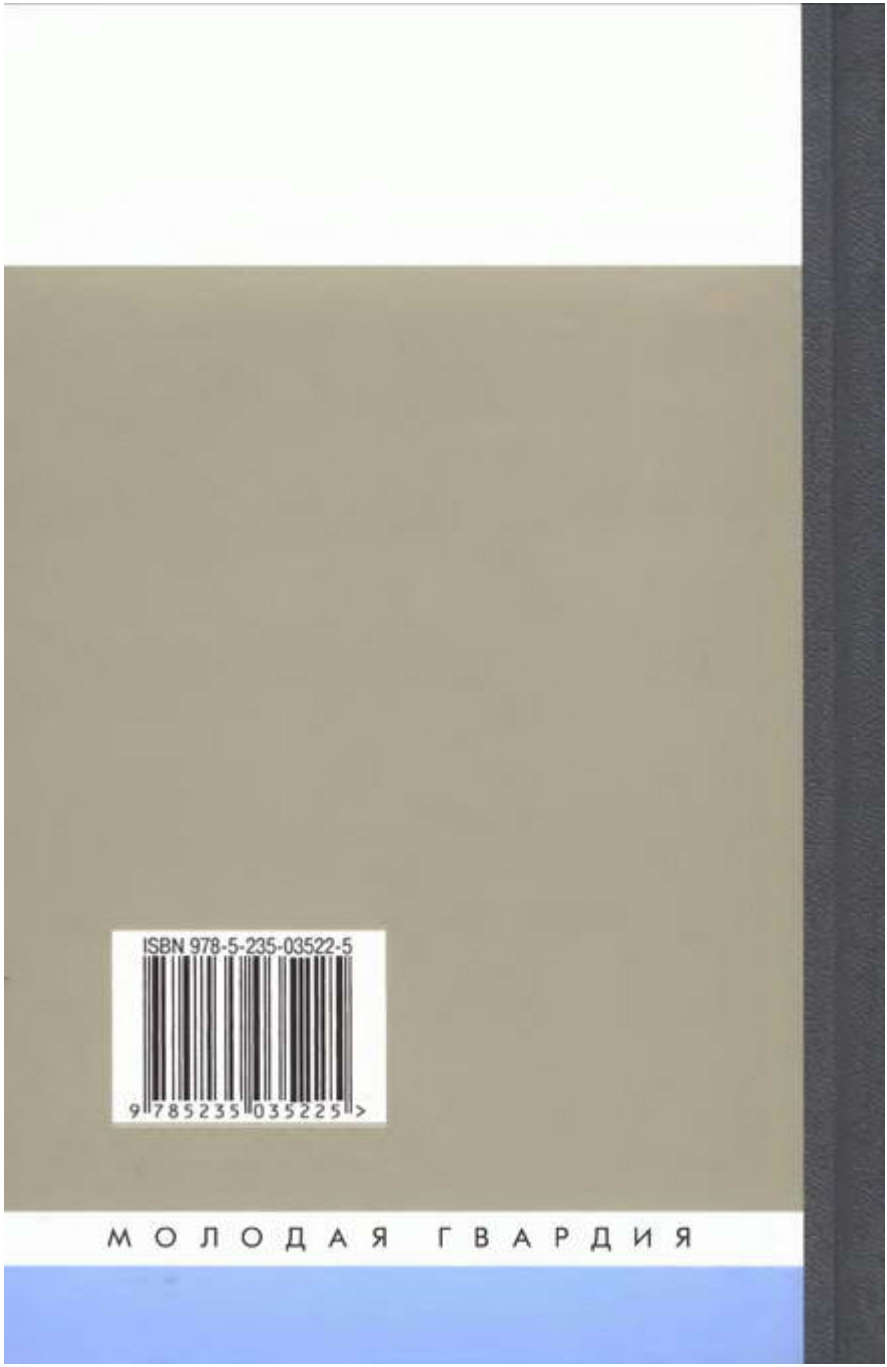
Над акварельным портретом Елизавета Шуматова работала в день смерти Рузвельта

Похоронная процессия в Вашингтоне. 14 апреля 1945 г.

Автор книги на могиле Франклина и Элеоноры Рузвельт в Гайд-Парке. 2011 г.

Посетителей Библиотеки Рузвельта в Гайд-Парке встречают улыбками бронзовые хозяева

Президент с верным Фалой в мемориале Рузвельта в Вашингтоне



notes

Примечания

1

В каталоге Библиотеки Конгресса США названы свыше 1500 книг, специально посвященных Ф. Рузвельту, причем это только часть литературы, связанной с его деятельностью, — те издания, в заголовках которых упомянуто его имя.

2

Хлороформ применялся для общего обезболивания с середины XIX века, причем с ним было связано немало смертельных случаев. Позже установили, что наиболее вероятной причиной «наркозных» смертей являлась эмоциональность пациентов, говоря медицинским языком, стресс-реакция.

3

Об этом Рузвельт через много лет, став президентом, с гордостью рассказывал своему лечащему врачу Россу Макинтайру (см.: *Mclntire R.* White House Physician. New York, 1946. P. 78—79).

4

Акр — земельная мера, применяемая в странах, использующих английскую систему мер, в том числе в США. Первоначально так называлась земельная площадь, которую мог обработать за один день один крестьянин с одним быком. Современный акр составляет приблизительно 0,4 гектара.

5

Перевод Б. Пастернака.

6

Не следует смешивать графство Колумбия в штате Нью-Йорк с федеральным округом Колумбия — центральной частью столицы США Вашингтона, являющейся самостоятельной административной единицей, в которой расположены федеральные государственные органы.

7

Легислатура (от лат *lex* — закон, *lotus* — внесенный, установленный) — здесь: законодательный орган штата.

8

Инсургенты (лат. *insurgentes* — повстанцы) — вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям. В данном случае Рузвельта и его сторонников называли так с иронией.

9

Это здание существует поныне и используется для разного рода выставок, ярмарок и т. п. Но нигде на нем нет надписи, что именно здесь Ф. Рузвельт впервые участвовал в съезде Демократической партии.

10

Филибастер (от слова «флибустьер») — в американской политической практике искусственное затягивание прений перед голосованием, при этом выступления не регламентируются. Правда, может быть использована процедура «клочер» («закрытие»), которая лимитирует выступления одним часом, но она применяется крайне редко, так как считается, что это ограничивает права сенаторов.

11

Улицы Джорджтауна, идущие с запада на восток, обозначаются буквами латинского алфавита; перпендикулярные им улицы имеют в основном нумерацию, но некоторые — свои «имена».

12

Флаг-офицер — адъютант флагмана — командира эскадры.

13

В январе 1917 года германский министр иностранных дел А. Циммерман телеграммой известил германского посла в Вашингтоне И. фон Бернсторфа, что Германия планирует начать тотальную подводную войну против судов Антанты, но постарается, чтобы от нападений не пострадали американские корабли и таким образом у США не возник повод нарушить нейтралитет В случае, если Вашингтон решит вступить в войну, послу Германии в Мексике Г. фон Экхарду давалось указание связаться с мексиканским президентом, чтобы побудить его начать военные действия против США на стороне Четверного союза. После победы Германия обещала передать Мексике штаты Техас, Нью-Мексико и Аризона. Секретная телеграмма была перехвачена и расшифрована британским криптографическим центром, передана представителям США и опубликована в американских печатных изданиях в начале 1917 года, вызвав массовое возмущение и военную истерию в самых широких кругах американского общества — от рабочих и фермеров до капиталистических магнатов.

14

Не путать с одноименной партией, созданной в 1912 году Теодором Рузвельтом и распавшейся на национальном уровне в 1916-м.

15

Аристид Бриан (1862—1932) был в то время министром иностранных дел Франции, а Фрэнк Келлог (1856—1937) — госсекретарем США.

16

Перевод Леонида Шустера.

17

Использовавший многое из арсенала Рузвельта Джон Кеннеди в начале своей предвыборной кампании 1960 года создал свой «политический мозговой трест», в который вошли профессора А. Шлезингер, Д. Гэлбрейт, Х. Кокс. М. Банди и У. Ростоу а также периодически привлекаемые ими специалисты из многих университетов (благо развитие авиации давало возможность собирать необходимых людей в течение нескольких часов, да и денег у миллиардеров Кеннеди было достаточно).

Примерно так же, только, может быть, чуть скромнее проходят партийные съезды по выдвижению кандидатов в президенты США и в наши дни.

19

В США существует косвенное избирательное право — избиратели выбирают не непосредственно президента, а выборщиков, которые располагают директивным мандатом — обязаны голосовать за кандидата, в пользу которого высказались большинство избирателей штата.

Не зная этого, некоторые российские авторы в публицистике называют Икеса «американским Берией».

21

Джесс Джонс, техасский предприниматель и политик, являлся руководителем Реконструктивной финансовой корпорации, а затем министром торговли в правительстве Рузвельта.

22

Путешествовавшие по США в 1935 году Илья Ильф и Евгений Петров, не упоминая обстоятельств гибели Сермака, писали со злорадством: «Чикагский рэкет — самый знаменитый рэкет в Америке. В Чикаго был мэр, по фамилии Сермак. Он вышел из рабочих, побывал в профсоюзных вождях и пользовался большой популярностью. Он даже дружил с нынешним президентом Рузвельтом. Они даже называли друг друга первым именем, так сказать, на “ты”: он Рузвельта — Фрэнк, а Рузвельт его — Тон ни. Рабочие говорили о нем: “Тонни — наш рабочий человек. Уж этот не подведет”. Газеты писали о трогательной дружбе президента с простым рабочим (видите, дети, чего может достичь в Америке человек своими мозолистыми руками!). Года два или три тому назад Сермака убили. После него осталось три миллиона долларов и пятьдесят тайных публичных домов, которые, оказывается, содержал расторопный Тон ни. Итак — мэром Чикаго некоторое время был рэкетир» *(Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка: Письма из Америки. М.: Текст, 2003. С. 152). Откуда советские писатели взяли версию, что Сермак был другом Рузвельта, а также рэкетиром или мафиози, мне неведомо; она ни в малейшей мере не соответствует действительности.

23

Золотой стандарт — монетарная система, в которой основной единицей расчетов является некоторое стандартизированное количество золота. В экономике, построенной на основе золотого стандарта, гарантируется, что каждая выпушенная денежная единица может по первому требованию обмениваться на соответствующее количество золота.

24

Выпуск серии из пятнадцати объемистых томов «Index of American design», явившихся результатом этой работы, начался в 1936 году и был завершен в 1984-м.

25

Споры вокруг платного и бесплатного здравоохранения продолжаются в США по сей день, и каждый раз попытка проведения кардинальных мер в этой области завершается провалом. Последняя инициатива, предпринятая президентом Бараком Обамой в 2010 году, всё еще находится в «подвешенном состоянии», однако, судя по содержанию закона, признанного Верховными судами ряда штатов неконституционным, и реакции общества на него, в полной мере реформа не будет реализована и на этот раз.

26

В 1930 году Дэвис по поручению губернатора Рузвельта представлял штат Нью-Йорк на сессии Американской академии политических и социальных наук (см.: LC. MD. Norman H. Davis Papers. Box 51).

27

Американские войска, находившиеся на острове со времени испано-американской войны 1898 года, должны были покинуть его только тогда, когда в текст кубинской конституции будут внесены статьи, гарантирующие американские интересы. В марте 1901 года Конгресс США принял инициированную сенатором Орвиллом Платтом поправку к закону об ассигнованиях на американскую армию. Она легла в основу договора США и Кубы 1903 года, согласно которому США получили право на бессрочную аренду военно-морской базы в заливе Гуантанамо на юго-востоке острова, а правительство Кубы обязалось консультироваться с американским правительством. «Поправка Платта» стала приложением к кубинской конституции.

28

Президент ответил на него через год: Томас писал 29 декабря 1936 года, а ответ датирован 25 декабря 1937-го. Вряд ли это было свидетельством пренебрежения к адресату — обычно Рузвельт отвечал на его письма почти сразу после получения их. Дело, безусловно, в том, что само отношение к испанской войне складывалось у президента под влиянием самых разных факторов, медленно и с большим трудом.

29

В архивном фонде Томаса находятся 19 ответов Рузвельта на его письма с требованиями как общеполитического характера, так и касавшимися назначения на государственные посты, судьбы зарубежных деятелей и т. п. (см.: NYPL. MAD.TP).

30

Довольно забавно, с учетом сказанного, что кафе в информационном центре Библиотеки и поместья Рузвельта носит имя Г. Несбитт

31

От англ. *lend* — давать взаймы и *lease* — сдавать в аренду.

32

В это время Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР уже не существовало, войдя в 1934 году в состав Наркомата внутренних дел как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ).

33

В сентябре 1945 года УСС было распущено новым президентом Гарри Трумэном, а его функции разделены между министерством обороны и Госдепартаментом, в 1946-м создана Центральная группа разведки, а в следующем году, после принятия закона о национальной безопасности, образовано Центральное разведывательное управление.

Эта резиденция функционирует и в настоящее время, правда, под названием Кемп-Дэвид — «лагерь Дэвида» (президент Эйзенхауэр переименовал ее в честь своего внука).

35

В 1950 году в результате секретнейшей операции «Венона» в Великобритании был арестован физик-теоретик Клаус Фукс — наиболее значительный из агентов СССР, занимавшийся вопросом атомного оружия. Он выдал Голда, тот, в свою очередь, Гринглacca, а Гринглacc Розенбергов. Однако последние отказались признать свою вину и заявили, что их арест является антикоммунистической и антисемитской провокацией. Однако утверждение об антисемитской подоплеке процесса Розенбергов не возымело действия на мировое общественное мнение, так как и главный судья, и государственный обвинитель были евреи. По приговору суда Джулиус и Этель Розенберг в 1953 году были казнены на электрическом стуле. Были установлены имена примерно 150 советских разведчиков, но свыше двухсот кличек расшифровать так и не удалось (см.: *Hayes J. E., Klehr H.* Venona: Decoding Soviet Espionage in America. New Haven, 1999. P. 12, 14, 295—303). Расшифровки «Веноны» свидетельствуют, что в Лос-Аламосе и других атомных исследовательских центрах работало большое число советских разведчиков, основная масса которых смогла избежать наказания (см.: Ibid. P. 304—307, 313—322). К сожалению, в русскоязычных публикациях встречаются всякие небылицы, например, о том, что в качестве советского агента был якобы разоблачен Гарри Гопкннс (см., например: *Вольский В.* Проект «Венона» //www.berkovich-zametki.com). В расшифровках «Веноны» Гопкинс действительно упоминается в донесениях разведчиков под кодовым именем «Заместитель», но лишь как объект наблюдения, наряду с «Капитаном» (Рузвельтом), «Кабаном» (Черчиллем) и другими государственными деятелями (см.: *Hayes J. E., Klehr H,* Op. cit. P. 54, 206). Тем не менее направленность советской разведывательной деятельности в годы Второй мировой войны против США и ее масштабы (в нее были втянуты помощник президента по административным делам Л. Кёрри, сотрудники разведки, Госдепартамента, министерства финансов, администрации помощи по ленд-лизу, ученые) свидетельствуют о том, что Сталин рассматривал США лишь как временного союзника, а в перспективе как враждебное государство (Ibid. P. 47, 332—337). Между прочим, в числе советских разведчиков был французский инженер российского происхождения Владимир Александрович Познер (отец хорошо известного ныне телевизионного обозревателя), согласно сведениям «Веноны», приехавший в США в 1941 году, работавший в Голливуде и имевший обширные связи (Ibid. P. 233).

36

А.И. Уткин ошибочно назвал Фричи «героиней армии южан» *(Уткин А.И.* Рузвельт. С. 366).

37

Престарелый «полудержавный властелин» в беседах с писателем крайне негативно отзывался о Рузвельте, называл его проходимцем, пролезшим на три срока в президенты (о четвертом он забыл!), несмотря на инвалидность.

38

В июле 1920 года, во время советско-польской войны, министр иностранных дел Великобритании лорд Джордж Керзон направил советскому правительству ноту, в которой требовал остановить наступление Красной армии на линии, рекомендованной в декабре 1919-го Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

39

В декларации министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура от 2 ноября 1917 года говорилось: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

40

Перевод Леонида Шустера.

41

Бывший нацистский пропагандист Чендлер был арестован американцами в Германии в 1946 году, привезен в США и приговорен к пожизненному заключению, однако освобожден президентом Кеннеди в 1963-м с условием, что навсегда покинет США, и последние годы жизни провел в Германии.

42

Гарри Трумэн родился в городе Ламар, штат Миссури. В соседний Индепенденс семья переехала, когда ему было шесть лет.

43

Осенью 1943 года великий датский ученый был переправлен силами Сопротивления на лодке в Швецию, а оттуда на бомбардировщике в Великобританию. Вскоре он переехал в США, где включился в работу над атомным оружием.

В их числе был и Олджер Хисс, с 1939 года являвшийся помощником советника по политическим вопросам в управлении Дальнего Востока Госдепартамента. Вскоре Хисс станет временным генеральным секретарем организационной конференции ООН в Сан-Франциско, а в начале 1947 года — президентом фонда Карнеги. Еще в 1939 году Рузвельту докладывали о подозрительных связях этого видного чиновника- Сомнения в его верности интересам США высказывали бывший посол У. Буллит, профсоюзный деятель Д. Дубински и др. Однако Рузвельт с ходу отметал любые подозрения. Только в 1950 году при помощи проекта «Венона» удалось уличить Хисса в передаче секретной информации СССР, но к этому времени истек срок давности по делам о шпионаже. Его обвинили только в лжесвидетельстве и приговорили к трем годам заключения (см.: *Andrew* C., *Gordievsky O.* Op. cit. P. 280; *Haynes J. E., Klehr H.* Op. cit. P. 155-156, 167-173).

45

Британская делегация во главе с Черчиллем была размещена в Воронцовском дворце в Алупке.

comments

Ссылки

1

Сарнов Б. Сталин и писатели. М., 2008. Т. 2. С. 231.

См.: *Flynn J.* The Roosevelt Myth. Garden City, NY, 1949.

3

Ibid. P. 419.

См.: *Johnson G.* Roosevelt: Dictator or Democrat. New York, 1941.

5

См.: *Black* C. Franklin Delano Roosevelt: Champion of Freedom. New York, 2003.

См.: *Jenkins R.* Franklin Delano Roosevelt: The American Presidents. New York, 2003.

См.: *Renshaw P.* Franklin D. Roosevelt. Harlow, 2004.

8

См.: *Freidel F.* Franklin D. Roosevelt: In 4 vol. Boston, 1952, 1954, 1956, 1971; *Schlesinger A.* The Age of Roosevelt: In 3 vol. Boston, 1957, 1958, 1960.

Davis K. FDR: The Beckoning of Destiny. 1882-1929. New York, 1972; *idem.* FDR: The New York Years. 1928-1933. New York, 1985; *idem.* FDR: The New Deal Years. 1933—1937. New York, 1986; *idem.* FDR: Into the Storm. 1937-1940. New York, 1993; *idem.* FDR: The War President. 1940-1943. New York, 2000.

См.: *Morgan T.* FDR: A Biography. New York, 1985.

11

См.: *Burns J.* Roosevelt: the Soldier of Freedom. New York, 1970; русский перевод см.: *Бернс Д.М.* Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 2004.

12

См.: *McJimsey G.* The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence, 2000.

См.: Roosevelt's Peacetime Administration. 1933—1941: A Documented History of the New Deal Years. Manchester, NY, 2004.

См.: *McKenna M.* Franklin Roosevelt and the Great Constitutional War: the Court-Packing Crisis of 1937. New York, 2002.

15

См.: *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932-1945. New York, 1995; *Feis H.* The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1952 и др.

16

См.: *Rosen R.* Saving the Jews: FDR and the Holocaust. New York, 2006.

17

См.: *Jackson R.* That Man: An Insider Portrait of Franklin D. Roosevelt. New York, 2003.

18

См.: *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003.

19

См.: *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.

20

См.: *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 1969; *Он же.* Франклин Рузвельт: Человек и политик. Новое прочтение. М., 1981 («новое прочтение» заключалось лишь в добавлении в сносках названий нескольких американских книг, выпущенных после выхода первого издания); *Он же.* Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 2003.

21

См.: *Уткин А.И.* Рузвельт. М., 2000.

22

Там же. С. 514.

23

Там же. С. 7.

24

См.: *Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990; *Иванов С.В.* «Война с бедностью» Ф.Д. Рузвельта: Социальные программы «нового курса» в США, Саратов, 1989; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.

25

См.: *Чаковский А.* Неоконченный портрет. М., 1985.

Perkins E The Roosevelt I Knew. New York, 1964. P. 368.

27

Franklin D. Roosevelt Library. Hyde-Park (далее — RL. HP). White House Map Room Files. Folder-Title List Introduction. 1941—1945.

Рузвельт Элеонора. Предисловие // *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 2003. С, 14.

Sorensen T. Decision-Making in the White House. New York, 1963. P. 75.

30

См.: RL. HP President's Personal File (далее — PPF) 73.

31

Самые разнообразные версии происхождения и развития клана Рузвельтов подробно рассмотрены в книге: *Schriftgiesser K.* The Amazing Roosevelt Family 1613—1942. New York, 1942.

32

См.: RL. HP. PPF234.

См.: Ibid. PPF 5327.

См.: Ibid. Sara Roosevelt Diary.

Ibid. Sara Roosevelt Diary. James Roosevelt Entry. 1882. Jan. 30.

Ibid. Papers Donated by Children (далее — PDCh) 9.

37

См.: Ibid. From the Roosevelt Family Papers (далее — RFP). Sara Delano Roosevelt Papers.

См.: Ibid.

39

Columbia University (New York City). Butler Library. Columbia Oral History Project (далее — COHP). Herbert Claiborne Pell.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 23—24.

41

См.: RL. HP. PPF la.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 42.

43

См.: FDR: His Personal Letters / Ed. by E. Roosevelt. New York, 1948. Vol. LP. 6.

Ibid. Vol. 2. P. 141-145.

Цит. по: *Smith* /. FDR. New York, 2007. P. 20.

Цит. по: Ibid.

Roosevelt F. D. The Roosevelt Family in New Amsterdam before the Revolution. December 1901. Manuscript // RL. HP.

См.: *Hassett W.* Off the Record with FDR. 1942-1945. New Brunswick, NJ, 1958. P. 124-125.

49

См.: RL. HP. PPF 223.

См.: *Moody F.* FDR and His Neighbors. Albany, 1981. P. 38.

51

RL. HP. PPF 398.

52

Письмо Д. ПоттераТ. Моргану см.: *Morgan T.* Op. cit. P. 55; *Renshaw P* Op. cit. P. 8.

53

FDR: His Personal Letters. Vol. 1. P. 323-324.

54

См.: RL. HP. Personal Letters (далее — PL). Letter to Sara Roosevelt. 1898. Dec. II.

См.: Ibid. PL.

См.: Ibid.

Morgan T. Op. cit. P. 74.

58

См.: RL. HP. Group 12. Box 76.

59

См.: *Eccles M.* Beckoning Frontiers: Public and Personal Recollections. New York, 1951. P. 183.

См.: *Lash J.* Love, Eleanor: Eleanor Roosevelt and Her Friends. Garden City, NJ, 1982. P. 106; *Ward G.* Before the Trumpet: Young Franklin Roosevelt. 1882-1905. New York, 1985. P. 235-238.

61

См.: *Boffrey F.* FDR was a Fair Student, an Extracurricular Demon, and a Gentleman-Democrat//The Harvard Crimson. 1957. Dec. 13.

См.: RL. HP. PDCh7.

Ibid.

Ibid. Papers Pertaining to Family, Business, and Personal Affairs. FDR Diary Covering 1901—03.

См.: *Ward G.* Op. cit. P. 253-254.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 83.

О них см.: The Muckrakers: The Era in Journalism that Moved America to Reform. The Most Significant Magazine Articles of 1902—1912 / Ed. by A. and L. Weinberg. New York, 1961.

См.: *Жидков О.А.* Антитрестовское право в США (к столетию закона Шермана) // Зарубежный опыт правового развития: Вопросы теории и практики. М., 1993. Вып. 2. С. 50—74.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 330.

См.: *Lash J.* Op. cit. P. 18-36.

71

Цит. по: Ibid. P. 46-47.

См.: *Ward G.* Op. cit. P. 340.

См.: RL. HP. RFP; *Smith J.* Op. cit. P. 48.

См.: FDR: His Personal Letters. Vol. 2. P. 80.

См.: *Boettiger J.* A Love in Shadow. New York, 1978. P. 53.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 109.

77

RL. HP. PL.

Ibid. Remarks at Hyde Park 3. 1941.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 328.

См.: Harvard Alumni Bulletin. 1945. Apr. 27; *Freidel F.* Op.cit. Vol. 1. P. 86.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 113.

Poughkeepsie Daily Eagle News. 1910. Oct. 11.

83

См.: RL. HP. PPF990.

См.: *Roosevelt El.* Autobiography. New York, 1961. P. 63—64.

Perkins F. Op. cit. P. 9-14.

Цит. по: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 1. P. 97.

87

Цит. по: *Gunter J.* Roosevelt in Retrospect: A Profile in History. New York, 1950. P 204.

New York Times. 1911. Feb. 4.

89

См.: The New York Supplement. St. Paul, 1913. Vol. 139. P. 48-50.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P 333.

91

См.: Ibid. P. 338.

RL. HP. Newspaper Clippings.

См.: Ibid. State Senate Papers.

См.: *Rollns A.* Young Franklin D. Roosevelt as the Farmers' Friend // New York History. 1962. №43. P. 186-198.

Daniels J. The Wilson Era: Years of Peace. 1910-1917. Chapel Hill, 1944. P. 126.

Цит. по: *Rollins A.* Roosevelt and Howe. New York, 1962. P. 91.

RL. HR State Senate Papers.

См.: *Perkins R* Op. cit. P. 13—14.

См.: Saturday Evening Post. 1933. Febr. 25.

100

Цит. по: *Daniels J.* Op. cit. P. 127. Главу своих воспоминаний о знакомстве с Рузвельтом Дэниелс назвал «Любовь с первого взгляда» (ibid. P 124).

101

RL. HP PL.

Ibid. PDCh 9.

103

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 150.

104

RL. HP. PL.

105

См.: Ibid.

Цит. по: *Renshaw P.* Op. cit. P. 30.

107

Цит. по: *Brogan D. W.* Politics in America. Garden City, 1960. P. 425.

108

См.: RL. HP Group IX; *Stiles* J. The Man behind Roosevelt: The Story of Louis McHenry Howe. Cleveland, 1954. P. 39.

109

RL. HP. Assistant Secretary of Navy Papers (далее — ASNP). Group 10. Box

Цит. по: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 1. P. 193.

См.: *Renshaw P.* Op. cit. P. 31.

Цит. по: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 1. P. 130.

113

RL. HP. PL.

Ibid. ASNP. Group 10. Box 20.

115

См.: Ibid. Box 84.

См.: Ibid. PL.

Ibid. Personal Papers.

См.: *Ward G.* Op. cit. P. 201.

119

См.: Ibid. P. 330.

120

Цит. по: *Hofstadter R.* American Political Tradition and the Men Who Made it. New York, 1973. P. 322.

121

Цит. по: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 2. P. 82.

См.: *Black C.* Op. cit. P. 128-129.

123

См.: RL. HR ASNP. Group 10. Boxes 32, 83, 103.

См.: Ibid. Box 92.

125

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 352.

Уткин А.И. Рузвельт. С. 49.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 163-164.

Wall Street Journal. 1917. May 11.

129

См.: Roosevelt and Daniels: A Friendship in Politics / Ed. by C. Kilpatrick. Chapel Hill, 1952. P. 39, 41-43.

См.: Ibid. P. 4.

131

RL. HP. PL.

См.: FDR: His Personal Letters. Vol. 2. P. 391.

133

RL. HP. PDCh.

134

Цит. по: Hoover Institution for War, Revolution and Peace. William Castle Papers.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 197.

136

См.: RL. HP. PPF234.

137

Ibid. ASNP. Group 10. Box 92.

138

См.: Ibid. E. Roosevelt Papers. Box 4937.

139

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 202.

См.: *Daniels J.* Washington Quadrille: The Dance Beside the Documents. Garden City, NY, 1968. P. 116-117; *Black A.* For FDR: An Enduring Relationship//Washington Post. 1998. March 1.

141

Роману Франклина и Люси посвящена хорошо документированная книга: *Willis R.* FDR and Lucy: Lovers and Friends. New York, 2004.

142

RL. HP. ASNP. Group 10. Box 111.

См.: *Freidel F* Op. cit. Vol. 2. P. 46-47, 60-61.

См.: New York Times. 1920. Febr. 2.

См.: Roosevelt and Daniels. P. 77—78.

Цит. по: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 65.

147

См.: *Russel F.* The President Makers: From Mark Hanna to Joseph P. Kennedy. Boston, 1976. P. 409.

148

См.: *Ickes H.* The Secret Diary of Harold Ickes. Vol. 1. New York, 1953. P. 699.

149

Цит. по: *Ward G.* Op. cit. P. 536.

150

RL. HP. ASNP. Group 15. Box 21.

151

См.: U. S. Senate Committee on Naval Affairs. Report. Washington, DC, 1921.Vol. 1-15.

См.: Иммунология. М.,2011; Psychoneuroimmunology / Ed. R. Aden New York, 1981.

153

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 254.

См.: *Roosevelt J., Shalett S.* Affectionally, F. D. R.: A Son's Story of a Lonely Man. New York, 1959. P. 246.

См., например: *Renshaw P.* Op. cit. P. 41.

См.: *Roosevelt E., Brough J.* An Untold Story: The Roosevelts of Hyde Park. New York, 1973. P. 129.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 274.

158

Цит. по: *Potter J,* Men, Money and Magic: The Story of Dorothy Schiff. New York, 1976. P. 96.

См.: *Renshaw P.* Op. cit. P. 39.

160

RL. HP. Wehle Papers.

161

См.: Ibid. Group 16.

Ibid. E. Roosevelt Oral History Project.

163

COHP. Frances Perkins.

См.: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 2. P. 111.

165

См.: Ibid. P. 113.

166

RL. HP. Group 14. Box 44.

См.: http://historical.ha.com.

168

См.: RL. HP. Group 14. Ccorrespondence of FDR 1921-1928.

См.: *Freidel F* Op cit. Vol. 2. P. 138.

См.: COHP. Frances Perkins.

171

См.: *Beschloss M.* Kennedy and Roosevelt: The Uneasy Alliance. New York, 1980. P. 46.

Цит. по: *Renshaw P.* Op. cit. P. 45.

173

RL. HP. Roosevelt Family Business and Personal Papers. F. Andre to F. D. Roosevelt. 1923. July 20.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P. 437.

175

Library of Congress. Manuscript Division (далее — LC. MD). Norman H. Davis Papers. Box 51. F. D. Roosevelt to N. H. Davis. 1928. Oct. 8.

См.: New York Times. 1922. June 21.

См.: *Hofstadter R.* Op. cit. P. 325.

New York Times. 1922. June 21.

179

RL. HP Group 14. Correspondence of FDR 1921-1928.

Perkins F Op. cit. P. 28-29.

См.: *Roosevelt El.* Op. cit. P. 121.

Renshaw P. Op. cit. P 47.

183

См.: An Introduction to the Log of the Larooco: Being Chiefly the Correspondence of Franklin D. Roosevelt and John S. Lawrence / Ed. D. S. Carmichael. Glendale, CA, 1948.

Ibid. P. 18.

185

См.: *Coughlin E.* Through the Age // Village Reporter Newspaper (Topsfield, Massachusetts). 2008. Dec. 3.

186

См.: RL. HPPPF76.

187

См.: Ibid.

Ibid. PL.

См.: Ibid. PPF 76.

См.: Ibid. PPF 30.

См.: Ibid. PPF 76.

192

Цит. по: *Slayton R.* Empire Statesman: The Rise and Redemption of Al Smith. New York, 2001. P. 13.

193

Public Philosopher: Selected Letters of Walter Lippman / Ed. by J. M. Blum. New York, 1985. P. 163.

См.: RL. HP Group II. Box4.

См.: *Freidel F.* Op cit. Vol. 2. P. 214-218.

196

RL. HP. Group 11. Box 4.

197

См.: Ibid. Group 4. Box 62.

См.: Ibid. Halstad Papers.

См.: *Roosevelt J., Shalett S.* Op. cit. P. 290-306.

См.: *Roosevelt E., Brough J.* Op. cit. P. 188.

См.: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 14-28.

См.: *Roosevelt E., Brough J.* Op. cit. P. 241.

См.: Ibid. P. 243.

Chicago Tribune. 1928. July 28.

205

Цит. по: *Josephson M., Josephson H.* Al Smith, Hero of the Cities. Boston, 1969. P 360-361.

206

См.: LC. MD. Norman H. Devis Papers. Box 51. F. D. Roosevelt to N.H.Davis. 1928. Aug. 7.

207

См.: RL. HP. PPF5872.

См.: Ibid. PPF 226.

209

Ibid. PDCh.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 381.

211

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / Ed. by S. Rosenman. Vol. 1-13. New York, 1938—1950.

См.: New York Times. 1928. Dec. 30.

213

См.: LC. MD. Norman H. Davis Papers. Box 51.

См.: *Roosevelt F.* Our Foreign Policy: A Democratic View // Foreign Affaires. 1928. July. P. 573-586.

215

См.: Johns Hopkins University Archive. Record Group 08.010.

Roosevelt F. Our Foreign Policy. P 585.

Collier's. 1932. Jan. 16.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 298-299.

См.: *Renshaw P.* Op. cit. P 59.

220

См.: *Warner E.* The Happy Warrior. Garden City, NY, 1956. P 183-184, 240.

Tugwell R. The Democratic Roosevelt: A Biography of Franklin D. Roosevelt. Garden City, NY, 1957. P. 192.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 387.

223

Цит. по: Ibid. P. 386.

Renshaw R. Op. cit. P. 60.

225

См.: RL. HP Group 18. Box 59.

New York Times. 1929. Oct. 30.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 33.

228

Цит по: *Hughes E.* The Living Presidency: The Resources and Dilemmas of the American Presidential Office. New York, 1973. P. 121.

См.: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 392.

См.: *Black C.* Op. cit. P. 213.

См.: Ibid. P. 422.

Цит. по: Ibid. P. 393.

233

См.: RL. HP. Henry T Hackett Folder. Papers as Governor.

См.: *Carson E.* Franklin D. Roosevelt's Fight for the Presidential Nomination, 1928-1932. Ann Arbor, 1956. P. 52.

235

Цит. по: *Krock A.* Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. New York, 1968. P. 158.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 1. P. 278.

237

Цит. по: Ibid. P. 279.

См.: *Freidel F.* Op. cit. Vol. 3. P. 157-158.

239

См.: *Kaltenborn H.* It Seems Like Yesterday. New York, 1956. P. 88.

См.: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 102.

241

Цит. по: *Tugwell R.* Op. cit. P. 350.

См.: *Tugwell R.* In Search of Roosevelt. Cambridge, MA, 1972. P 181- 195.

Малъков В.Л. Указ. соч. С. 20-21.

См.: The Public Papers of Governor Franklin D. Roosevelt: Forty-eighth Governor of the State of New York. 1929-1932. Albany, 1930. Vol. 3. P. 740— 741.

Farley J. Behind the Ballots: The Personal History of a Politician. New York, 1938.P 49.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2/ P. 280.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 330.

См.: Black C. Op. cit. P. 215.

249

RL. HP Group 12.

Ibid. Group 12.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P. 280-281.

См.: *Moley H.* After Seven Years. New York, 1939. P. 9.

253

См.: *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. New York, 1932.

См.: *Tugwell R.* Mr. Hoover's Economic Policy New York, 1932.

См.: *Namorato M.* Rexford G. Tugwell: A Biography. New York, 1988. P. 35-54.

Renshaw R. Op.cit. P. 71.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 342.

См.: *Keller J.* Franklin on His Own Now — The Last Days of Louis McHenry Howe//Saturday Evening Post. 1940. Oct. 12. P. 42, 47, 131 — 140.

Цит по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P. 283.

Цит. по: Ibid. P 289.

261

Цит. по: Ibid. P. 289-290.

262

Цит. по: Rogers M. Mencken: The American Iconoclast. New York, 2005. P 380-381.

См.: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P 300.

См.: Ibid. P 310.

265

Именно так — «Мирная революция» — названа глава о вступлении на президентский пост в биографии Рузвельта, написанной Морга ном *(Morgan T.* Op. cit. P. 367).

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1. New York, 1938. P. 47-59.

Цит. по: Ibid. P 49.

LC. MD. F. Frankfurter Papers 78.

Lippmann W. Interpretation 1931-1932. New York, 1932. P. 259.

См.: RL. HP L. Hickok Papers 11.

271

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. \bl. 1. P. 646.

См.: *Rosen E.* Hoover, Roosevelt and the Brain Trust: From Depression to New Deal. New York, 1977. P. 141.

См.: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P. 445.

Jenkins R. Op. cit. P. 66.

См.: *Stiles L.* Op. cit. P. 39-40.

Цит. по: *Schlesinger A.* Op. cit. Vol. 2. P. 468—469.

Tugwell R. The Democratic Roosevelt. P. 378.

См.: New York Times. 1933. Febr. 16.

См.: *Moley R.* Op. cit. P. 139.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 2. New York, 1938. P. 11-16.

281

См.: *Nicolson H* Diaries and Letters. 1930-1939. New York, 1966. P. 102.

282

Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt / Introd. by J. Daniels (далее — CPPC). New York, 1972. Vol. 1. P. 1-2.

283

Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка: Письма из Америки. М., 2003. С. 399-401.

См.: *Herring E. P.* First Session of the Seventy-Third Congress // American Political Science Review 1934. № 28. P. 65—83.

285

RL .HP. PPF 207.

Perkins F. Op. cit. P. 150.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 24—25.

Там же. С. 310-311.

289

Ильф И., Петров Е. Указ. соч. С. 408, 410.

Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 31.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 37.

292

RL. HP. PPF76.

293

См.: Ibid. PPF 98.

Цит. по: *Perkins F.* Op, cit. Pill.

См.: *Ickes H.* Op. cit. Vol. 1. P. 421.

Бернс Д. Указ. соч. С. 38.

Schlesinger A. Op. cit. Vol. 3. P. 405.

См.: LC. MD. F. Frankfurter Papers. Box 150; *Малъков В.Л.* Указ. соч. С. 76.

Малъков В.Л. Указ. соч. С. 48.

Moley R. Op. cit. P. 24.

MacArthur D. Reminiscences. New York, 1964. P. 100—101.

302

RL. HP. PPF222.

Johnson H. The Blue Eagle: From Egg to Earth. Garden City, NY, 1935. P. 208.

См.: LC. MD. Raymond Clapper Diary. 1933. July 13.

См.: Johnson H. Op. cit.

См.: *Lewis* A The Public Image of Henry Ford: An American Folk Hero and His Company Detroit, 1956. P. 237-247.

См.: *Hallgren M.* The Gay Reformer: Profits before Plenty under Frank lin D. Roosevelt. New York, 1935. P. 171.

См.: *MaherN.* Nature's New Deal: The Civilian Conservation Corps and the Roots of the American Environmental Movement. New York, 2008.

309

См.: *Schlesinger A.* The Coming of the New Deal. Norwalk, CT, 1958. P. 262.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 52.

311

Там же. С. 70.

RL. HP. L. Hickok Papers 11.

См.: *Roosevelt F.* Looking Forward. New York, 1933.

314

См.: RL. HR. PPF98.

315

См.: Ibid. PPF73.

Hofstadter R. Op. cit. P. 335.

См.: *Schlesinger A.* The Politics of Upheaval. Boston, 1988. P. 625

318

См.: *Евдаев Н.* Давид Бурлкж в Америке: Материалы к биографии. М., 2002. С. 171.

Vamedoe K., Karmel K. Jackson Pollock: Essays, Chronology and Bibliography New York, 1998.

320

См.: Slave Narratives: A Folk History of Slavery in the United States from Interviews with Former Slaves: Typewritten Records Prepared by the Federal Writers' Project, 1936—1938; Assembled by the Library of Congress Project, Work Projects Administration for the District of Columbia, Sponsored by the Library of Congress. Washington, 1941. Vol. I —17.

321

Цит. по: *Боренбойм П., Захаров А.* Пакт Рериха в XXI в. М., 2010. С. 7-10.

См.: *Perkins F.* Op. cit. P. 239.

323

См.: *Huthmacher J.* Senator Robert F. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. New York, 1968. P 191.

См.: *Wechsler J.* Labor Baron: A Portrait of John Lewis. New York, 1944. P69.

См.: *Weiss M.* Farewell to the Party of Lincoln: Black Politics in the Age of FDR. Princeton, 1983.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 96.

Малъков В.Л. Указ. соч. С. 90-91.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 4. New York, 1938. P. 270-277.

329

См.: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 126.

Цит. по: *Mason A.* Harlan Fiske Stone: Pillar of the Law. New York, 1956. P. 405-418.

331

См.: *Tugwell R.* To the Lesser Heights of Morningside: A Memoir. Philadelphia, 1982. P. 240.

См.: *Mason A.* Op. cit. P. 413.

См.: *Kennedy J.* I'm for Roosevelt. New York, 1936.

См.:RL. HP. PPF207.

Ibid.

См.: *Lasky V.* Robert F. Kennedy: The Myth and the Man. New York, 1968. P. 49.

337

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 5. New York, 1938. P. 230-236.

Цит. по: *Weisbord M.* Campaigning for President: A New Look at the Road to the White House. New York, 1966. P. 140.

339

См.: First Applicant on Pension List // Ogden Standard Examiner. 1936. Dec. 2. P. 8.

См.: *Huthmacher J.* Op. cit. P. 214-216.

341

LC. MD. Breckenridge Long Papers. Box 5. Diary. 1937. Jan. 21.

342

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 6. New York, 1941. P. 1-6.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 111.

Там же. С. 117.

См.: COHP. Frances Perkins.

Abraham H. Justices, Presidents, and Senators: A History of the U. S. Supreme Court Appointments from Washington to Clinton. New York, 1999. P. 133-135.

См.: *Kaufman A.* Cardozo. New York, 1998. P. 488.

Цит. по: COHP. Frances Perkins.

349

Подробно о схватке Рузвельта с Верховным судом см.: *Baker L.* Back to Back: The Duel between FDR and the Supreme Court. New York, 1967.

См.: *Wbodworth B., Armstrong S.* The Brethren: Inside the Supreme Court. New York, 1979. P. 397-398.

351

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 6. P. 406-411.

Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 64.

353

COHP. FP.

См.: *Alinsky S.* John L. Lewis: An Unauthorized Biography. New York, 1949. P. 159,168,174.

355

См.: CPPC.VoI. 9. P. 316-318.

356

См.: К вопросу о финансировании компартии США Коминтерном (по архивным документам) / Публ. Н.В. Куркова // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 170-178.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 142.

Там же. С. 148.

359

Там же. С. 155.

См.: Moley R. Op.cit. P. 65.

361

См.: RL. HP. PPF32.

См.: *Dodd W.* Ambassador Dodd's Diary. New York, 1941. P. 342.

363

RL. HP. PPF73.

См.: Ibid. PPF 19.

365

LC. MD. W. E. Dodd Papers. Box44.

FDR: His Personal Letters. Vol. 2. P. 475.

Малъков В, Л. Указ. соч. С. 111.

См.: RL. HP. PPF 222.

369

LC. MD. Norman H. Davis Papers. Box 51.

См.: Fifth Report of the Senate Fact-Finding Committee On Un-American Activities. California Legislature, 1949. P. 545; *Maddux T.* The Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union. Tallahassee, 1980. P. 11.

См.: *Shannon E.* The Spy Next Door Boston, 2002. P. 81; *Ropes E.* C American-Soviet Trade Relations// Russian Review. 1943. Vol. 3. № I. P. 91.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. New York, 1950. P 344-345.

373

Документы внешней политики СССР Т. 16. М., 1970. С. 210.

Там же. С. 576.

См.: *Чернявский Г.* Феномен Литвинова // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2005. С. 119-120.

376

См.: Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 609—610.

См.: *Maddux T* Op. cit. P. 12.

Цит. по: *Dallek R.* Op. cit. P. 81.

379

См.: RL. HP. PPF115.

380

Документы внешней политики СССР Т. 16. С. 622.

См.: *Бернс Д,* Указ. соч. С. 122.

382

Цит. по: Документы внешней политики СССР Т. 16. С. 658.

Трояновский О. Через годы и расстояния: История одной семьи. М., 1997. С. 59.

См.: Там же. С 60.

Там же. С. 58.

Известия. 1933. 25 декабря.

См.: *Трояновский* О. Указ. соч. С. 61.

388

См.: *Севостьянов Т.Н.* Судьба соглашения Рузвельт—Литвинов о долгах и кредитах. 1934—1935 гг. // Новая и новейшая история. 1995. №2-3. С. 118-144.

См.: *Трояновский О.* Указ. соч. С. 75.

См.: Там же. С. 77-78.

391

LC. MD. Joseph E. Davies Papers. Box 3. 1936. Aug. 28.

Подробнее см.: *Чернявский Г.* Нечестивый собиратель // *Чернявский Г,* Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2003. С. 254-264.

393

См.: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 148—149.

См.: *Уткин А И.* Рузвельт. С. 161.

См.: *Ickes H.* Op. cit. Vol. 1. P. 473.

Connally T. My Name is Tom Connally. New York, 1954. P. 221-222.

Цит. по: Peace and War: United States Foreign Policy. 1931—1941. Washington, DC, 1943. P 272.

См.: Time. 1960. Nov. 15.

См.: *Schmitz D.* Thank God They're on Our Side: The United States & Right-Wing Dictatorships. Chapel Hill, 1999. P. 313.

См.: *Crawly A.* Somoza and Roosevelt: Good Neighbor Diplomacy in Nicaragua. 1933-1943. New York, 2007.

401

См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1936. The American Republics. Vol. 5. Washington, 1954. P. 3.

402

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 5. P. 604-610.

403

См.: FRUS. 1936. Vol. 5. P. 3-34.

404

Report of the Delegation of the United States of America to the Inter-American Conference for the Maintenance of Peace, Buenos-Aires, December 1936. Washington, 1937. P 116-190.

405

См.: iRL HP. PPF222.

См.: Ibid. PPF 98.

См.: *Ickes H.* Op. cit. Vol. 2. New York, 1954. P 89-90.

Ibid. P 378-379.

409

RL. HP PPF 1043.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 438.

411

New York Public Library. Manuscript Division. N. Tomas Papers (да лее — NYPL. MAD. TP). F. Roosevelt to N. Tomas. 1937. Dec. 25.

См.: *Gaddis J*. The United States and the Origin of the Cold War. 1941— 1947. New York, 2000. P. 2-3.

См.: FBI Archive. FBI memos. 1936. Aug. 25 and Sept. 19.

См.: RL. HP PPF 222.

См.: Ibid. PPF 20.

Ibid.

Ibid. PPF 188.

См.: *Goodman W.* The Committee: The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities. New York, 1968. P. 42—43.

419

См.: RL. HP President's Secretary's File (далее — PSF) 53.

420

Цит. по: Blum I. From the Morgenthau Diaries: Years of Crisis 1928— 1938. Boston, 1959. P 518.

421

RL. HP. Walton Moor Papers. Group 55. Box 3.

См.: Ibid. PPF 19.

См.: Ibid. PPF 5575.

См.: Ibid. Morgenthau Diaries. 1938. March 18.

См.: CPPC. Vol. 12. P. 227-229.

См.: *Мельцер Д.* Холокост и страны антигитлеровской коалиции // Вестник. 1998. №4. С. 36.

427

См.:NYPL MAD. TP

См.: RL. HP. PPF 188.

См.: Ibid. Berle Diary. 1939. Sept. 13.

См.: Ibid. PPF 98.

См.: Ibid.

См.: New York World Telegram. 1938. May 6.

См.: *Levin L.* The Making of FDR. The Story of Stephen Early: First Modern Press Secretary. Amherst, 2008.

См.: RL. HP. PPF203.

Ibid.

Ibid. PPF 207.

См.: *Ickes H.* Op. cit. Vol. 3. New York, 1953. P 82.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 448-449.

439

См.: COHP. Henry Wallace.

Ickes H. Op. cit. Vol. 3. P. 144.

441

RL. HP. PPF 8.

См.: Ibid.

См.: *Kleeman R.* Gracious Lady: The Life of Sara Delano Roosevelt. New York, 1935.

См.: RL. HP. PPF 7.

Ibid.

The Washington Post. 1945. Jan. 18.

См.: RL. HR Morgenthau Diaries. 1937. Sept. 21.

См.: Time. 1938. Febr. 28.

См.: RL. HP. James Roosevelt Papers.

Цит. по: Рузвельт Э. Указ. соч. С. 28.

См.: *Barleti D., Steele* J. Howard Hughes: His Life and Madness. New York, 2004. P. 108-109, 125-126.

См.: Time. 1936. Dec. 28.

453

См.: RL. HRPDCh 20.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 466.

См.: *Shirer W.* The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany. New York, 1960. P. 474-475.

RL. HP. Safe Folders 5.

См.: ibid. PPF 7177.

Ibid. Safe Folders 5.

См.: Ibid. Safe Files 2.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 191.

461

Там же. С. 189.

См.: RL. HP. Safe Files 2.

См.: Ibid.

См.: *Dallek R.* Op. cit. P. 216.

См.: RL. HP. PSF 9,43; Safe Folders 6.

См.: *Wallace H.* The Price of Vision: The Diary of Henry A. Wallace. 1942-1946/ Ed. by J. M. Blum. Boston, 1973. P 240.

467

Подлинник машинописной расшифровки письма см.: LC. MD. Cordell Hull Papers. 98.1.

См.: Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Princeton, 1984. Vol. 1-4.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 8. New York, 1941. P. 512-522.

См.: *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы // Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 65.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 201.

Там же. С. 203.

473

Цит. по: *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins, an Intimate History. New York, 1950. P. 208.

См.: *Roosevelt J., Shalett S* Op. cit. P. 323-325.

См.: RL. HP. Thomas Beck. Group 21 a.

См.: CPPC. Vol. 15. P. 326-327.

Стеттиниус Э. Указ. соч. С. 17.

См.: *McJimsey G.* Harry Hopkins: Ally of the Poor and Defender of Democracy Cambridge, MA, 1987.

Цит. по: *Hull* C. The Memoirs of Cordell Hull. New York, 1948. Vol. 1. P 856.

Цит. по: *Donahoe B.* Private Plans and Public Dangers. Notre Dame, IN, 1965. P. 101.

Perkins R. Op. cit. P. 163.

Mclntire R. Op. cit. P. 4-5.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 543.

Уткин А.И. Рузвельт С. 215.

485

Цит. по: *Rosenman S.* Working with Roosevelt. New York, 1952. P. 214.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 9. New York, 1941. P. 293—303.

Цит. по: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 217.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 10. New York, 1950. P. 3-7.

Цит. по: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 7.

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 102— 109.

CPPC. Vol. 16. P. 351-353.

Стеттиниус Э. Указ. соч. С. 71—72.

CPPC. Vol. 17. P. 251.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 211.

Там же. С. 215.

Там же. С. 215-216.

См.: Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 78-83.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 10. P. 250-252.

Стеттиниус Э. Указ. соч. С. 77—79.

Цит. по: Там же. С. 80-81.

501

Там же. С. 76.

Цит. по: Там же. С. 89.

Perkins F. Op. cit. P. 353.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 189—190.

505

Цит. по: Военные архивы России. ML, 1993. Вып. 1. С. 234.

506

См., например: *Jones B.H.* The Roads to Russia: United States Lend- Lease to the Soviet Union. Norman, 1969.

507

См.: *Соколов Б.В.* Роль ленд-лиза в советских военных усилиях 1941—1945//Загадки ленд-лиза. С. 305—312.

См.: *Стеттиниус Э.* Указ. соч. С. 78—79.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 219.

Там же. С. 227.

Там же. С. 231.

См.: RL. HP. Official File 1. OB. 1940. Dec. 13.

См.: *Stieber J.* Governing the UAW. New York, 1962.

Цит. по: *Лукьянов* Ф. Эйнштейн под «колпаком» у ФБР // http:// okisom/10/1128.

515

См.: NYPL. MAD. TP.

516

RL. HP. Safe Folders 5.

LC. MD. Breckenridge Long Diary. 1940. May 10.

Цит. по: *Мельцер Д.* Указ. соч. С. 37.

519

См.: RL. HP. Official File 3186.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 586.

521

См.: *Ludwig E.* Roosevelt: Studie tiber Glück und Macht. Amsterdam, 1938.

RL. HP. Official File 4295.

См.: *Smith J. E.* Op. cit. P. 495.

Ickes H. Op. cit. Vol. 3. P. 515.

См.: New York Times. 1945. March 17.

526

См.: RL.HR. PPF31.

527

См.: National Archives of the United States. SRH 066.

Churchill W. The Second World War. Vol. 3. Boston, 1953. P. 320.

529

См.: Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. I. Ед. хр. 282, Л, 57.

См.: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 3. P. 312-313.

531

The Churchill War Papers: 1941. New York, 1993. Vol. 1. P. 835-836.

CPPC. Vol. 17. P. 405-406.

RL. HP Grace Tully Collection 13. Addresses at the Dedication of Franklin D. Roosevelt Library. 1941. June 30.

Ibid. PPF 20.

535

Записная книжка маршала Ф.И. Голикова. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2004. №2. С. ПО.

Цит. по: *Стеттиниус Э.* Указ. соч. С. 78—79.

Цит. по: *Sherwood R.* Op. cit. P. 321.

См.: Ibid. P. 333-344.

539

См.: RL. HP. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection 306.

Цит. по: *Sherwood R.* Op. cit. P. 245.

Рузвельт Э. Указ. соч. С. 34—35.

542

См.: RL. HP. Safe Files 1.

См.: Ibid.

Цит. по: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 57—58.

545

RL.HR Safe Files 1.

См.: Ibid.

Sherwood R. Op. cit. P. 365.

Atlantic Charter / Ed. D. Brinkley, D. Facey-Crowther. New York, 1994.

См.: CPPC Vol. 18. P. 76-77.

550

RL. HP. President's Secretary File 1.

См.: *Anderson J.* Philip Randolph: A Biographical Portrait. Berkeley, 1986. P. 255-260.

Рузвельт Ф. Д. Указ. соч. С. 239.

553

См.: *Stevenson W.* A Man Called Intrepid: The Secret War. New York, 1976. P. 70-71.

Ford C. Donovan of OSS. Boston, 1970. P. 83.

555

См.: RL.HR PPF 207.

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 134—135.

См.: *Troy T.* Donovan and the CIA: A History of the Establishing of the Central Intelligence Agency. Frederick, MD, 1981.

См.: The Secret War Report of the OSS / Ed. by A. C. Brown. New York, 1976.

559

См.: *West N.* Venona: The Greatest Secret of the Cold War. London, 1999. P. 33; *Andrew C., Gordievsky O.* KGB: The Inside Story of the Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York, 1990. P. 284—285.

См.: *Hayes J.E., Klehr H.* Venona: Decoding Soviet Espionage in America. New Haven, 1999. P. 33-35.

561

См.: *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941-1945 гг. М., 1985. С. 24-25.

562

См.: RL. HP. Safe Files 5.

563

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 11.

Цит. по: *Deane J. R.* The Strange Alliance: The Story of Our Efforts at Wartime Co-Operation with Russia. New York, 1947. P. 91.

565

Переписка председателя Совета Министров СССР… Т. 2. С. 8—9.

Там же. С. 9-10.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 10. P. 384-392.

Рузвельт Э. Указ. соч. С. 30.

569

См.: Papers Show Joseph Grew Saw Possible Jap Attack // Frederick Post. 1953. Aug. 4.

См.: *Wright M*. What They Didn't Teach You About World War 11. Novato, CA, 1998. P 137—146; *Barnes H.* Pearl Harbor after a Quarter of a Century // Left and Right. 1968. № 4. P. 286—288.

Цит. по: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 109.

Roosevelt El. Op. cit. P. 226-227.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. VoL 10. P. 514-516.

Цит. по: *Shirer W.* Op. cit. P. 898-900.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 245.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 10. P. 557-558.

См.: *Frisbee J.* He was a Hero in Legend and in Fact // Airforce-Magazine. 1994. June.

См.: *Стеттиниус Э.* Указ. соч. С. 153.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 10. P 525-527.

RL. HP. Biddle Papers.

См.: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 143.

См.: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 65—66.

583

См.: RL. HP Biddle Papers.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 625-630.

См.: *Wright M.* Op. cit. P. 149-150.

См.: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 86.

Уткин А.И. Рузвельт. С. 286.

См.: Там же. С. 291.

589

Известия. 1942. 3 января.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 11. New York, 1950. P. 32-42.

См.: *Higgs R.* The Two Price System: Rationing During World War II // Freeman. Vol. 59. Issue 4. May 2009. P. 25.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. II. P. 275.

593

См.: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 155.

594

См.: *Бережков В. М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 259.

595

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Сборник документов: В 2 т. М., 1944. Т. 1. С. 247.

Там же. С 282.

Цит. по: *Lewis D.* Op. cit. P. 414.

Рузвельт Ф. Д. Указ. соч. С. 299.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 301.

Цит. по: wwwxoldwar.ru/gaulI/de_gaulle2.php.

Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1596.

См.: *Стеттиниус Э.* Указ. соч. С. 103-105.

603

См.: LC. MD. J. R. Oppenheimer Papers 62.

Groves L. Now It Can Be Told: The Story of the Manhattan Project. New York, 1962. P. 144-145.

Рузвельт Ф. Д. Указ. соч. С. 303.

Там же. С. 306, 308.

Там же. С. 310.

Там же. С. 313.

609

Там же. С. 317.

Hassett W. Op. cit. P. 169.

611

См.: *Macmillan H.* The Blast of War. 1939-1945. New York, 1968. P. 242.

Цит. по: *O'Connor R.* Diplomacy for Victory: FDR and Unconditional Surrender. New York, 1971. P. 50-53.

613

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 2. P. 117— 122.

614

См.: Переписка председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 66-69.

615

Там же. С. 69.

См.: *Deane J.* Op. cit.

См.: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 41.

См.: *Wallace H.* Op. cit. P. 383.

См.: Дубова Л., Чернявский Г. Долгий путь к правде: Как скрывались и были раскрыты сталинские военные преступления 1939—1940 гг. // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи. С. 170—198.

См.: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 373.

621

См.: *Печатнов В.О. А.А.* Громыко — посол в США (по новым документам) // А.А. Громыко — дипломат, политик, ученый. М, 2000. С. 188-194.

См.: FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. Washing ton, 1943. P. 389-1340.

См.: *Willkie W.* One World. New York, 1943.

См.: US at War: Chronic Liar//Time. 1943. Sept. 13.

625

См.: Переписка председателя Совета Министров СССР.. Т. 2. С. 108-109.

Там же. Т 1. С. 205.

627

RL. HP. Official File. 200 3-N.

Ibid.

629

Ibid.

Рузвельт Э. Указ. соч. С. 164.

631

Переписка председателя Совета Министров СССР… Т. 1. С. 206.

632

См.: *Долгополов И.* Неизвестные страницы из жизни легендарных советских разведчиков // Российская газета. 2004. 28 мая.

633

RL. HP Official File. 200 3-N.

См.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 22.

См.: RL. HP. H. Hopkins Papers.

Рузвельт Э. Указ. соч. С. 180.

Там же. С. 183.

Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1249.

639

Цит. по: *Чуев Ф.* Полудержавный властелин. М., 1999. С. 157.

Цит. по: *Cadogan A.* The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938—1945. New York, 1972. P. 582.

641

Уткин А.И. Рузвельт. С. 400.

642

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов: В 6 т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М, 1978. С. 175.

См.: *Childs M.* Eisenhower: Captive Hero. A Critical Study of the General and President. New York, 1958. P. 171-172.

Цит. по: *Kempton M.* The Underestimation of Dwight D. Eisenhower// Esquire Magazine. 1967. September. P. 108.

Бережков В. М. Указ. соч. С. 252—253.

Цит. по: *Джилас М.* Указ. соч. С. 58.

647

Переписка председателя Совета Министров СССР… Т 2. С. 116—117.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т 1. С. 471.

См.: *Рузвельт Ф.Д.* Указ. соч. С. 332.

Там же. С. 335-336.

651

Там же. С. 334.

CPPC. Vol. 23. P.216.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 363, 365.

См.: *Wilcox W.* The Farmer in the Second World War. Ames, 1947. P. 250-251.

См.: *Noble D.* Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New York, 1984. P. 5—6.

Малъков В. Л. Указ. соч. С. 275.

657

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 455-456.

См.: Ibid. P. 483-507.

659

Цит. по: *Bernstein I.* Turbulent Years: A History of the American Worker. 1933-1941. Boston, 1970. P. 217.

См.: *Atleson J.* Labor and the Wartime State: Labor Relations and Law During World War II. Urbana, IL, 1998. P. 195.

См.: *Malsberger J.* From Obstruction to Moderation: The Transformation of Senate Conservatism, 1938-1952. Selinsgrove, PA, 2000. P. 104.

См.: *La Raja R.* Small Change: Money, Political Parties, and Campaign Finance Reform. Ann Arbor, MI, 2008. P. 63.

См.: *Klinkner R., Smith R.* The Unsteady March: The Rise and Decline of Racial Equality in America. Chicago, 2002. P. 191.

RL. HP. PPF 19.

См.: Ibid.

См.: Ibid. Henry Morgenthau Diaries. July 1943.

Цит. по: *Morgan T.* Op. cit. P. 716.

668

Цит. по: *Дубова Л., Чернявский Г.* Опыт беды и выживания: Судьба евреев Болгарии в годы Второй мировой войны. София, 2007. С. 304.

669

См.: RL. HR. PPF 19.

См.: Ibid. PSF File 118; *Lash* J. Op. cit. P. 325-509.

Ibid. PSF 177.

См.: *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 67.

См.: Yale University Library. Stimson Diary. Apr. 1944; *Morgan T.* Op. cit. P. 662.

RL. HP. PPF 177.

Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 376.

Bruenn H. Clinical Notes on the Illness and Death of President Franklin D. Roosevelt // Annals of Internal Medicine. April 1970. № 72. P. 579-591.

См.: *Roosevelt J., Schalett S.* Op. cit. P. 351-352.

См.: *Persico J.* Franklin & Lucy: President Roosevelt, Mrs. Rutherfurd and the Other Remarkable Women in His Life. New York, 2008; *Feldman E.* The Newly Discovered FDR — Lucy Mercer correspondence // Huffpost Social News. 2008. May 9.

См.: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 132.

См.: RL. HP Grace Tully Archive. Grace Tully Papers.

См.: *Feldman E.* Op. cit.

См.: *Manchester W.* American Caesar: Douglas MacArthur, 1880—1964. Boston, 1978. P. 416-417, 563.

Rosenman S. Op. cit. P. 458—459.

684

Переписка председателя Совета Министров СССР… Т. 2. С. 158.

685

Там же.

Там же. С. 160.

См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 2. С. 184.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 133-134.

Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1661.

См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 2. С. 203.

691

См.: Там же. С. 204.

692

Переписка председателя Совета Министров СССР.. Т. 2. С. 182 — 184.

Там же. С. 177.

Там же. С. 182-184.

Там же. С. 168-169.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 42.

См.: RL. HP. Office File 4040.

Цит. по: *Rosenman S.* Op. cit. P. 463—470.

См.: *Boiler P.* Presidential Campaigns. New York, 1984. P. 265.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 201-206.

Цит по: New York Times. 1941. June 24.

Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994. P. 424-425.

См.: *Roosevelt EL* Op. cit. P. 272.

Цит по: Уткин А.И. Рузвельт. С. 437.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 342-354.

См.: Ibid. P. 356-366.

Ibid. P. 354.

См.: RL. HP. PPF 8921.

Ibid.

Ibid. PPF 8853.

711

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P 370-376.

См.: *Doherty M.* Organization of Nazi Wireless Propaganda: Lord Haw-Haw and British Public Opinion in the Second World War. Edinburgh, 2000. P. 13.

См.: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 5. Boston, 1951. P. 643.

См.: *Nichols K.* The Road to Trinity. New York, 1987. P. 177.

715

Цит. по: *Compton A.* Scientific Papers of Arthur Holly Compton. Chicago, 1973. P. 233.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 483-507.

717

Подробно об отношении к восстанию глав трех держав см.: *Дручиньский Э.* Варшавское восстание //Другая война. 1939—1945. М., 1996. С. 343-357.

Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941—1946. New York, 1975. P. 344-345.

719

См.: *Стеттиниус Э.* Указ. соч. С. 296.

The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 523-525.

721

См.: *Потрашков С.В.* Антигитлеровская коалиция и Болгария. 1941-1944 гг. Харьков, 2005. С. 246.

См.: RL. HP. Safe Folders 5.

Бережков В.М. Указ. соч. С. 251.

См.: *Morgan T.* Op. cit. P. 745.

См.: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 6. Boston, 1953. P. 393.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). М, 1984. С. 168-169, 231-232, 277-279.

См.: Там же. С. 276-277.

См.: Там же. С. 273-274.

Morgan T. Op. cit. P. 748.

См.: *Бернс Д.* Указ. соч. С. 381.

731

См.: RL. HP. PPF 68.

Цит. по: *Рузвельт* Э. Указ. соч. С. 241.

Churchill W. Op. cit. Vol. 3.P. 397.

Цит по: *Daniels J.* White House Witness. 1942-1945. Garden City, NY, 1975.P 262.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 13. P. 570-586.

Цит. по: *Уткин А.И.* Рузвельт. С. 500.

См.: Там же. С. 501.

См.: например: Там же. С. 501.

См.: *Lanouette W., Silard B.* Genius in the Shadows: A Biography of Leo Szilard. The Man behind the Bomb. Chicago, 1994. P. 261-262.

740

См.: Переписка председателя Совета Министров СССР.. Т. 2. С. 208.

741

Переписка председателя Совета Министров СССР,. Т. 2. С, 209.

См.: Там же.

См.: Там же. С. 221-224.

См.: The John Franklin Carter Files on German Nazi Party Members. Bethesda, MD, 1994.

См.: The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, Vol. 13. P. 613-616.

См.: RL. HP. PPF 20,

См.: *Shoumatoff A.* Personal History// New Yorker. 1982. May 3.

Новое русское слово. 1945. 17 апреля.

749

Правда. 1945. 13 апреля.

750

См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945. Т. 2. С. 229.

751

Цит. по: *Bullock A.* Hitler and Stalin: Political Lives. New York, 1993. P. 880.

Бернс Д. Указ. соч. С. 6.

Манн Г. Письма. М., 1975. С. 121.

Jenkins R. Op. cit. P. 170.

См.: *Bums J.* Roosevelt: The Lion and the Fox. New York, 1956.